ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

1907—1908.

(съ приложеніемъ четырехъ таблицъ и одного портрета).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1908.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *Б. Фармаковскій.*

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЕМНАДЦАТАГО ТОМА.

СТРАН.

Протоколы засѣданій Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества за 1907 годъ . . . . I—XXII

Изложены рефераты:

Н. Я. Марра: Житіе Григорія Хандзтійскаго, дѣятеля грузинской церкви VIII—IX вв. . . . . . . VI—IX

Бар. В. Р. Розена: Одно програмное стихотвореніе Абу-л-ʿАлā IX

Н. Я. Марра: Еруруйская базилика, армянскій храмъ V—VI вѣка (изъ поѣздки въ Ани 1907 г.) . . XII—XIV

А. А. Спицына: О предметахъ съ восточными, преимущественно арабскими надписями, хранящихся въ музеѣ Общества XVI

К. А. Иностранцева: Соображенія по двумъ вопросамъ мусульманской археологіи, относящимся къ Россіи . . . . XVI—XVIII

А. Н. Самойловича: Поѣздка въ Туркестанъ въ 1906—1907 гг. . . . . XVIII—XIX

И. Ю. Крачковскаго: Отрывки новозавѣтнаго апокрифа въ арабской рукописи 885 г. по Р. Хр. XXII

Памяти П. М. Меліоранскаго. — **А. Самойловича** 01

Мелкія Извѣстія и Замѣтки . . 025—095, 0115—0179

Копто-сахидское письмо изъ коллекціи В. С. Голенищева. — **Б. Тураева** 025

Ахимскій папирусъ изъ коллекціи Н. П. Лихачева. — **Б. Тураева** 028

Коптскія надгробныя надписи. — **Б. Тураева** 030

Такла-Хайманотъ у Коптовъ. — **Б. Тураева** 033

Арабская версія «псалій» Такла-Хайманоту. — **И. Крачковскаго** 041

Миддендорфъ и его якутскіе тексты. — **Эд. Пекарскаго** . 044

О неизданныхъ трудахъ о. Іакинѳа и рукописяхъ проф. Ковалевскаго, хранящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи. — **А. Любимова** 060

Къ изученію оссуаріевъ. — **К. Иностранцева** 064

Краткія замѣтки о буддійскомъ искусствѣ въ Турфанѣ. — **А. Грюнведеля** 068

Къ вопросу о русской транскрипціи китайскихъ іероглифовъ. — **К. Вебера, А. Иванова, Вл. Котвича** и **А. Руднева** 074

О нѣкоторыхъ восточныхъ рукописяхъ въ библіотекахъ Константинополя и Каира. — **В. Бартольда** 0115

Надписи на порталѣ мечети въ Мешед-и-Мисріâнъ. — **А. Семенова** 0154

По поводу изданія Н. П. Остроумова «Свѣточъ Ислама». — **А. Самойловича** 0158

Персидское сäргäрдāн — текинское сäргäздан. — **А. Самойловича** 0167

Происхожденіе изъ охотничьяго быта двухъ грузинскихъ терминовъ уголовнаго права: გერში gerш-i и სანაყ-შირო sanaqшiro. — **Н. Марра** 0168

Къ вопросу о «басмѣ». — **К. Иностранцева** 0172

Критика и Библіографія . . . . 097—0113, 0181—0200

Списокъ рецензированныхъ книгъ.

а) На русскомъ языкѣ.

Афанасьевъ, Л. Словарь сартовскихъ словъ съ главнѣйшими грамматическими правилами. (А. С.) 0193

Барановъ, ротмистръ. Словарь монгольскихъ терминовъ. (Андрей Рудневъ) 0101

Сартовскій переводчикъ. (А. С.) 0193

Справочная книжка Самаркандской области 1906 и 1907 гг. (В. Б.) . . 0181

Туркестанскій сборникъ, т. 417—450. (А. С.) 0191
Хвостовъ, М. Изслѣдованія по исторіи обмѣна въ эпоху эллинистическихъ монархій и Римской имперіи. I. (Б. Т.) 097

б) На иностранныхъ языкахъ.

Peters, Paul. Une version arabe de la Passion de Sainte Catherine d'Aléxandrie. (И. Крачковскій) 0106
Японскія изданія на монгольскомъ языкѣ. (Вл. Котвичъ) 0195

Новыя книги 0201
Дополненія и поправки [1]) 0208

Мнимый турецкій султанъ именуемый у европейскихъ писателей XVI в. *Calepinus Cyriscelebes.* — **В. Смирнова** . 1

Поэтическое творчество Абу-л-ʿАтāhіи. — **И. Крачковскаго** . . . 73

Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи Сасанидской Персіи. Примѣты и повѣрья. باب العرافة و الزجر و الفراسة على مذهب الفرس. — **К. Иностранцева** 113

Воспоминанія илійскаго сибинца о дунганско-таранчинскомъ возстаніи въ 1864—1871 годахъ въ Илійскомъ краѣ. Переводъ **А. Дьякова** 233

---

1) Статьи въ память бар. В. Р. Розена составятъ особое приложеніе къ настоящему тому.

ТАБЛИЦЫ И ПОРТРЕТЪ.

I. Къ статьѣ Б. Тураева «Ахимскій папирусъ изъ коллекціи Н. П. Лихачева» . . . . 028—030

II. Къ статьѣ Б. Тураева «Коптскія надгробныя надписи». 030—032

III. Къ статьѣ К. Иностранцева «Къ изученію оссуаріевъ». 064—067

IV. Къ статьѣ А. Семенова «Надписи на порталѣ мечети въ Мешед-и-Мисріâнъ» . . . . 0154—0157

Портретъ П. М. Меліоранскаго къ статьѣ А. Самойловича «Памяти П. М. Меліоранскаго» . . . . 01—024

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Засѣданіе 25 января 1907 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, Н. И. Веселовскій, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, Д. А. Клеменцъ, П. К. Коковцовъ, В. Л. Котвичъ, Н. Я. Марръ, А. М. Позднѣевъ, А. Д. Рудневъ, Я. И. Смирновъ, баронъ А. А. Сталь-Гольстейнъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, А. Э. Шмидтъ.

Гости: Н. И. Воробьевъ, С. В. Жуковскій, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, В. Р. Фохтъ, А. Ѳ. Хащабъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 21 декабря 1906 г.

II.

Доложено слѣдующее письмо проф. В. Ѳ. Миллера: «Прошу принять выраженіе моей искренней и глубокой благодарности за полученное мною отъ Восточнаго Отдѣленія привѣтствіе по случаю исполнившагося, сего 15 декабря, двадцатипятилѣтія моего предсѣдательства въ этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи».

III.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о полученіи письма отъ К. И. Суворова, служащаго на лѣсопильномъ заводѣ Бранта въ Большой Охтѣ, съ

приложеніемъ оттисковъ двухъ серебряныхъ восточныхъ монетъ, найденныхъ близъ Старой Ладоги. По опредѣленію В. В. Бартольда, одна изъ монетъ оказалась сасанидской, повидимому, Хосроя II, другая — аббасидской, халифа ал-Хади (785—86 гг. по Р. Хр.). Вслѣдствіе заявленія Н. И. Веселовскаго, что подобныхъ монетъ въ указанной мѣстности до сихъ поръ, насколько извѣстно, найдено не было, опредѣлено: просить г-на Суворова сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о времени и мѣстѣ находки и по возможности прислать самыя монеты.

IV.

Доложено о полученіи для библіотеки Общества, въ даръ или въ обмѣнъ, слѣдующихъ изданій:

1) М. А. Послѣднее политическое движеніе въ Персіи, вып. I. Спб. 1906 (отъ В. А. Жуковскаго).

2) Журналы картографической комиссіи, состоящей при И. Р. Географическомъ Обществѣ, №№ 1—5, Спб. 1905—6 (отъ А. Д. Руднева).

3) Протоколы подкомиссіи по транскрипціи географическихъ наименованій, состоящей при картографической комиссіи И. Р. Географическаго Общества, №№ 1—5. Спб. 1905—6 (отъ него же).

4) Ко дню семидесятилѣтія В. В. Радлова 5 января 1907 года. Спб. 1907 (отъ музея антропологіи и этнографіи при Имп. Академіи Наукъ).

5) Le Monde Oriental, vol. I, fasc. 2.

6) Journal of the Royal Asiatic Society, January 1907 г.

7) Обзоръ Сыръ-Дарьинской области за 1904 г., Ташкентъ 1906.

V.

Доложенъ и утвержденъ собраніемъ, согласно § 44 устава, отчетъ по отдѣленію за 1906 годъ.

VI.

Б. А. Тураевъ прочиталъ сообщеніе: «Коптское письмо изъ коллекціи В. С. Голенищева»[1]).

VII.

Н. И. Веселовскій прочиталъ сообщеніе: «Китайскіе предметы въ курганахъ Кубанской области»[2]).

---

1) См. стр. 025—028.

2) Будетъ напечатано въ «Запискахъ» Отдѣленія, и потому содержаніе его здѣсь не излагается.

VIII.

Въ преніяхъ по поводу прослушаннаго доклада приняли участіе А. И. Ивановъ, А. М. Поздпѣевъ и Я. И. Смирновъ. Вслѣдствіе высказаннаго Я. И. Смирновымъ сомнѣнія, дѣйствительно ли предъявленные предметы были найдены въ землѣ, докладчикъ обѣщалъ во время своей слѣдующей поѣздки въ Кубанскую область навести болѣе подробныя справки о времени и мѣстѣ раскопокъ, при которыхъ предметы были добыты.

Засѣданіе 22 февраля 1907 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. И. Веселовскій, М. Г. Деммени, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. И. Ивановъ, Д. А. Клеменцъ, Н. П. Кондаковъ, В. Л. Котвичъ, Н. Я. Марръ, Ф. А. Розенбергъ, А. Д. Рудневъ, Я. И. Смирновъ, баронъ А. А. Сталь-Гольстейнъ, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: С. Н. Кондаковъ, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, А. Н. Самойловичъ, А. Ѳ. Хащабъ.

I.

Вслѣдствіе отсутствія, по болѣзни, секретаря В. В. Бартольда исполненіе обязанности секретаря въ настоящемъ засѣданіи принялъ на себя, по предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ, Н. Я. Марръ.

II.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 25 января 1907 г.

III.

Предъявлены собранію двѣ серебряныхъ монеты, присланныя, согласно просьбѣ Отдѣленія, К. И. Суворовымъ, и прочитано письмо г-на Суворова, по которому монеты были куплены имъ лѣтъ десять тому назадъ въ Старой Ладогѣ у мѣстнаго жителя, нашедшаго ихъ лѣтъ двадцать тому назадъ въ мѣстныхъ «сопкахъ» (земляныхъ насыпяхъ) на берегу р. Волхова. При обзорѣ монетъ подтвердилось, что одна изъ нихъ, сасанидская, чеканена при Хосроѣ II, другая, аббасидская, при халифѣ ал-Хади

въ 170 г. х. (786 г. по Р. Хр.) въ городѣ Харуніи. Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ, со словъ В. В. Бартольда, что послѣдняя монета представлена въ университетскомъ минцъ-кабинетѣ менѣе удовлетворительнымъ экземпляромъ, чѣмъ экземпляръ г. Суворова. Опредѣлено: спросить г. Суворова, не согласится ли онъ продать принадлежащія ему монеты.

IV.

Доложено о полученіи для библіотеки Общества изданія Keleti Szemle, VII, 2, 1906 г.

V.

А. Н. Самойловичъ прочиталъ некрологъ П. М. Меліоранскаго[1]).

VI.

Управляющій Отдѣленіемъ благодарилъ докладчика за яркую, содержательную характеристику научно-педагогической дѣятельности покойнаго ученаго, еще разъ доказавшую невознаградимость потери, понесенной Отдѣленіемъ и Факультетомъ Восточныхъ языковъ. По предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ, собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ.

VII.

А. И. Ивановъ прочиталъ докладъ: «О символизмѣ въ китайскомъ орнаментѣ»[2]).

VIII.

Въ преніяхъ по поводу прослушаннаго доклада приняли участіе Д. А. Клеменцъ, упомянувшій о полученіи музеемъ Александра III ряда предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ темѣ доклада, и Н. П. Кондаковъ, указавшій на возможность болѣе древняго происхожденія самихъ орнаментовъ сравнительно съ позднѣйшимъ толкованіемъ ихъ въ духѣ китайскаго символизма и на необходимость примѣнять къ изученію исторіи орнамента реальный сравнительно-историческій методъ.

Засѣданіе 22 марта 1907 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: секре-

---

1) См. стр. 01—024.

2) Будетъ напечатанъ въ «Запискахъ» Отдѣленія, и потому содержаніе здѣсь не излагается.

тарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, П. И. Веселовскій, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, Д. А. Клеменцъ, П. К. Коковцовъ, Н. Я. Марръ, А. Д. Рудневъ.

Гости: И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, Э. К. Пекарскій, А. Н. Самойловичъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 22 февраля 1907 г.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ, что изъ двухъ серебряныхъ монетъ, предъявленныхъ въ предыдущемъ засѣданіи, одна, сасанидская, пріобрѣтена для восточнаго музея С.-Петербургскаго университета за 5 р., другая, аббасидская, возвращена владѣльцу г. Суворову по его требованію.

III.

Доложено предложеніе редакціи журнала «Athenaeum Средней Азіи», издающагося въ г. Асхабадѣ, объ обмѣнѣ изданіями. Опредѣлено: отвѣтить, что вопросъ объ обмѣнѣ изданіями можетъ быть разрѣшенъ только послѣ ознакомленія съ первыми номерами новаго журнала, до сихъ поръ, насколько извѣстно Отдѣленію, еще не выходившими въ свѣтъ.

IV.

Доложено о полученіи для библіотеки Общества слѣдующихъ изданій:

1) Л. Мсеріанцъ, Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для иранской филологіи, Москва 1906 (оттискъ изъ «Древностей Восточныхъ», т. III). (Отъ автора).

2) Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи, годъ XI, Ташкентъ 1906 г.

3) Труды оренбургской ученой архивной комиссіи, т. XVI, Оренбургъ 1906, и т. XVII, Оренбургъ 1907 г.

4) Bibliothèques géographiques, historiques et philologiques de feu messieurs Ch. Schefer et L. Vivien de St.-Martin (librairie H. Welter).

5) Probstains Oriental Catalogue № VIII. India. London 1905 г.

V.

Э. К. Пекарскій прочиталъ докладъ «Миддендорфъ и его якутскіе тексты; ихъ значеніе въ лингвистическомъ и бытовомъ отношеніяхъ»[1]).

---

1) См. стр. 044—060.

Засѣданіе 26 апрѣля 1907 г.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, П. К. Коковцовъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, Н. А. Мѣдниковъ, Ф. А. Розенбергъ, И. Г. Троицкій.

Гости: С. В. Жуковскій, И. Ю. Крачковскій, А. Н. Самойловичъ, І. Орбели.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 22 марта.

II.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества, въ даръ или въ обмѣнъ, слѣдующихъ изданій:

1) Византійскій Временникъ, т. XIII, вып. 1 и 2. Спб. 1906 г.

2) Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества, т. XVIII, вып. 1, 1907.

3) Сибирскія лѣтописи, изд. Имп. Археографической Коммиссіи. Спб. 1907 г.

4) Г. Е. Грумъ-Гржимайло, Описаніе путешествія въ Западный Китай, т. III. Спб. 1907 г.

5) Записки Семипалатинскаго подъ-отдѣла Западно-Сиб. отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., вып. III, Семипалатинскъ 1907 г.

6) Извѣстія Восточнаго Института, т. XI, Владивостокъ 1904 г.

7) » » » » XIV, С.-Петербургъ 1905 г.

8) » » » » XV, вып. 1 (П. Паскевичъ, Очерки быта японцевъ въ Приамурскомъ краѣ, Владивостокъ 1906 г.).

9) Извѣстія Восточнаго Института, т. XVI (Д. Поздиѣевъ, Японія, Владивостокъ 1906 г.).

III.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ: «Житіе Григорія Хандзтійскаго, дѣятеля грузинской церкви VIII—IX вв.».

Докладчикъ началъ свое сообщеніе описаніемъ мѣста подвижничества св. Григорія Хандзтійскаго. Эта горная мѣстность, называвшаяся въ древности Грузинскимъ Синаемъ, расположена въ углу, образуемомъ рѣкою

Имерхевомъ (Шовшетскою рѣкою) и ея правымъ притокомъ Карчхалкою, на правомъ берегу послѣдняго.

Дѣятельность св. Григорія и его сподвижниковъ, однако, далеко выходила за предѣлы этой мѣстности. Ближайшимъ полемъ этой дѣятельности была часть бассейна Чороха, гдѣ другъ друга смѣняли различные носители мѣстной культуры, начиная съ колховъ и тибареновъ. Внѣшнія политическія перемѣны только содѣйствовали мѣстному историческому процессу; параллельно со смѣною одной великой державы другою шла иная, внутренняя жизнь, культурная переработка уклада мѣстной жизни и измѣненіе этнографическаго состава населенія. Иверы (тибарены) превратились въ армянъ, армяне въ грузинъ (картвеловъ), грузины въ турокъ. Теперь уже выясняется, что процессъ грузинизаціи края прошелъ три момента, политическій, религіозный и лингвистическій. Главнымъ источникомъ для выясненія этого историческаго процесса, особенно для опредѣленія его хронологической отправной точки, служитъ памятникъ, бѣглая характеристика котораго была дана докладчикомъ еще въ «*Предварительномъ отчетѣ о работахъ на Синаѣ и въ Іерусалимѣ*» (отд. оттискъ изъ Сообщ. Правосл. Палест. Общ., т. XIV, ч. II, стр. 38—39, см. З. В. О. XVI, стр. IV—VI), Памятникъ носитъ заглавіе: «Труды и подвиги достойной жизни святого и блаженнаго отца нашего архимандрита Григорія, строителя Хандзты и Шатберда, а также многихъ блаженныхъ отцовъ. Чтеніе».

Слогъ автора, Георгія Мерчула, картинный, изложеніе обстоятельное, съ обильными реальными подробностями. Авторъ проникнутъ самобытнымъ интересомъ къ окружающему міру, непосредственнымъ любовнымъ отношеніемъ къ матеріальной жизни, которую онъ описываетъ со всѣми ея мелочами, внѣ традиціонныхъ нормъ и шаблоновъ агіографической литературы. Благодаря этому мы находимъ въ памятникѣ описанія природы, разсказы, характеризующіе различныя стороны внѣ-монастырской жизни всего грузинскаго общества, опыты литературной отдѣлки романическихъ сюжетовъ. Слогъ обнаруживаетъ тенденцію къ сближенію съ живыми нарѣчіями — черта, возникновеніе которой въ грузинской литературѣ прежде относили къ эпохѣ двумя столѣтіями позже.

Не прошло и десятка лѣтъ послѣ составленія памятника (въ 951 г.), какъ онъ былъ подвергнутъ обновленію: въ Житіе были внесены чудеса.

Лингвисту памятникъ даетъ новый матеріалъ для выясненія діалектическихъ элементовъ древне-грузинскаго языка, а также для установленія мѣстнаго характера нѣкоторыхъ орографическихъ явленій, характеризующихъ особую грамматическую школу, тао-кларджетскую. Житіе содер-

житъ прямое указаніе на предѣлы района, гдѣ въ церкви употреблялся грузинскій языкъ.

Историкъ литературы съ удовольствіемъ узнáетъ изъ памятника рядъ новыхъ именъ писателей, а также нѣкоторыя характерныя заглавія древнихъ памятниковъ, какъ-то: «іадгар» и «гандз». Житіе даетъ новый матеріалъ по вопросу объ армянско-грузинскихъ отношеніяхъ, о непрерывной церковно-культурной связи грузинъ съ армянами-халкедонитами и о появленіи грузинскихъ монастырскихъ колоній въ Тао-Кларджетіи впервые въ VIII вѣкѣ.

Историку грузинской церкви памятникъ, кромѣ того, даетъ новыя свѣдѣнія о католикосѣ Арсеніи, объ епископахъ Ефремѣ Аӌкурскомъ и Захаріи Анчскомъ, о цѣломъ рядѣ грузинскихъ подвижницъ и подвижниковъ, которыхъ мы до сихъ поръ, за исключеніемъ одного, не знали даже по имени, о грузинскихъ паломникахъ въ св. Землю, о строителяхъ грузинскихъ монастырей, иногда даже о ходѣ строительныхъ работъ и т. п.

Для рѣшенія вопроса о фактической автокефаліи грузинъ въ IX в. Житіе является лучшимъ источникомъ. Рядъ живо изложенныхъ эпизодовъ изображаетъ грузинскую церковь проникнутою духомъ полной независимости; господствующее положеніе принадлежитъ монашеству, отстаивающему свою независимость даже передъ свѣтскою властью родной страны. И эта церковь, всецѣло построенная на началахъ соборномъ и автономномъ, будто бы управлялась, какъ иные стараются доказать, антіохійскимъ или какимъ-либо инымъ патріархомъ! Утверждать это, по мнѣнію докладчика, могутъ только тѣ, кто вмѣстѣ съ проф. Глубоковскимъ полагаетъ, что нѣтъ необходимости считаться съ грузинскими источниками, яко-бы легендарными, и что «для основательнаго пониманія грузинской церкви не нужно знанія грузинскаго языка». Житіе заставляетъ полагать, что въ то время вопросъ объ автокефаліи былъ давно рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Общество и церковь волновались другими вопросами, какъ-то вопросомъ объ отношеніи церкви къ государству и о господствѣ внутри церкви монашества, возвысившагося благодаря тому, что оно умѣло соединять принципъ самоуправленія съ желѣзною дисциплиною, благодаря крѣпости своей организаціи, примѣры которой даетъ намъ то же Житіе.

Среди новыхъ свѣдѣній, рядомъ съ такими, которыя вносятъ новое освѣщеніе въ культурную исторію грузинъ, есть и другія, возбуждающія пока только недоумѣнія. Для разрѣшенія нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ докладчикомъ въ 1904 г. была предпринята поѣздка въ Шавшетію и Кларджетію; въ Тао, гдѣ также подвизались ученики Григорія Хандзтійскаго, онъ побывать не успѣлъ. Въ печатающемся дневникѣ поѣздки бу-

дутъ помѣщены собранные имъ археологическіе, филологическіе и иные матеріалы.

Въ заключеніе докладчикъ демонстрировалъ сдѣланные имъ фотографическіе снимки, причемъ выразилъ сожалѣніе, что, не располагая сотрудничествомъ архитектора или хотя бы хорошаго рисовальщика, не могъ дать болѣе нагляднаго изображенія интересныхъ остатковъ мѣстной архитектуры.

IV.

Бар. В. Р. Розенъ сдѣлалъ сообщеніе: «Одно програмное стихотвореніе Абу-л-ʻАлā».

Докладчикъ представилъ собранію переводъ того стихотворенія Абу-л-ʻАлā, первый стихъ котораго далъ поводъ къ интересной перепискѣ египетскаго сановника Ибн-Аби-Амрана съ поэтомъ, обнародованный проф. Margoliouth'омъ въ 1902 г. въ Journal of the R. As. Soc.

Подвергнувъ стихотвореніе подробному разбору, докладчикъ указалъ на значительную непослѣдовательность въ изложеніи *его основныхъ мыслей*, которая однако не должна быть приписана случайному обстоятельству и пр. промахамъ переписчика, а несомнѣнно должна быть поставлена въ счетъ самому поэту. Докладчикъ сдѣлалъ попытку расположенія стиховъ въ болѣе соотвѣтствующемъ нашему образу мыслей порядкѣ и въ заключеніе прочиталъ свой опытъ переложенія всего стихотворенія въ такомъ видѣ.

Засѣданіе 27 сентября 1907 г.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, Н. И. Веселовскій, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. И. Ивановъ, Д. А. Клеменцъ, П. К. Коковцовъ, О. Э. Леммъ, Н. Я. Марръ, Н. А. Мѣдниковъ, М. В. Никольскій, С. Ѳ. Ольденбургъ, А. Д. Рудневъ, А. Э. Шмидтъ.

Гости: С. В. Жуковскій, И. Ю. Крачковскій, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Мироновъ, А. Ѳ. Хащабъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 26 апрѣля.

II.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества, въ даръ или въ обмѣнъ, слѣдующихъ изданій:

1) XXV. Императорское Православное Палестинское Общество и его дѣятельность (1882—1907). Историческая записка, составленная, по порученію совѣта Общества, проф. А. А. Дмитріевскимъ. Спб. 1907 г.

2) XXV. 1882—1907. Русскія учрежденія въ Святой Землѣ и почившіе дѣятели Имп. Православнаго Палестинскаго Общества.

3) Имп. Православное Палестинское Общество. Члены Общества и должностныя лица къ 21 мая 1907 г. Спб. 1907 г.

4) Систематическій каталогъ библіотеки Имп. Православнаго Палестинскаго Общества. Т. I. Отд. А—М. Спб. 1907 г.

5) Православный Палестинскій Сборникъ. 57-й вып. Изд. Имп. Правосл. Палестинскаго Общества. Спб. 1907 г.

6) Персидскія вещи Щукинскаго собранія. Москва 1907 (изданіе музея П. И. Щукина — отдѣла Россійскаго Историческаго музея имени Имп. Александра III).

7) Имп. Русское Географическое Общество. Картографическая Комиссія. Подкомиссія по транскрипціи географическихъ наименованій. Протоколъ № 6. 1907 годъ (отъ А. Д. Руднева).

8) Отчетъ по Минусинскому городскому Мартьяновскому музею и общественной библіотекѣ за 1905 г. Минусинскъ 1907 г.

9) Keleti Szemle 1907 г. VIII, 1.

10) Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи. Кн. X. Н. Марръ, О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г. Спб. 1907 г. (отъ автора).

11) O. Lemm, Sahidische Bibelfragmente. III. St.-P. 1907 (Separatabdruck aus dem Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences, Bd. XXV, № 4, November 1906) (отъ автора).

12) O. Lemm, Koptische Miscellen. I—XV. St.-P. 1907 (Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences 1907) (отъ автора).

13) И. Крачковскій, Поэтическое творчество Абу-л-ʿАтāhіи (отд. оттискъ изъ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. XVIII) (отъ автора).

41) И. Крачковскій, Рецензія на книгу G. Graf, Der Sprachgebrauch der ältesten christlich-arabischen Literatur, Lpz. 1905 (отд. оттискъ изъ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. XVII) (отъ рецензента).

III.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о доставленіи Обществу перваго №. вновь основаннаго журнала по семитической филологіи: Haḳedem. Vierteljahrschrift für die Kunde des Alten Orients und Wissenschaft des Judentums, herausg. von I. B. Markow und A. Sarsowsky.

IV.

Доложено письмо г. Бера Ратнера въ Общество съ препровожденіемъ для библіотеки Общества новаго тома изслѣдованій г. Ратнера о палестинскомъ Талмудѣ и съ предложеніемъ напечатать въ изданіяхъ Общества статью г. Ратнера о фальсификаціи новооткрытой рукописи Іерусалимскаго Талмуда, изданной д-ромъ Фридляндеромъ. Опредѣлено: 1) благодарить г. Ратнера за присланную имъ для библіотеки Общества книгу; 2) отвѣтить, что въ «Запискахъ» Отдѣленія его статья, вслѣдствіе обилія матеріала, не могла бы быть напечатана въ скоромъ времени, и предложить ему доставить статью въ редакцію вновь основаннаго журнала «Haḳedem».

V.

И. Ю. Крачковскій прочиталъ докладъ: «Мутанабби, какъ предшественникъ Абу-л-Алā (къ исторіи рефлективнаго направленія въ арабской поэзіи)».

VI.

В. В. Бартольдъ сдѣлалъ сообщеніе: «Еще извѣстіе о Коркудѣ»[1]).

Засѣданіе 25 октября 1907 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, кн. И. А. Джаваховъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, О. Э. Леммъ, Х. М. Лопаревъ, Н. Я. Марръ, П. П. Покрышкинъ, Я. И. Смирновъ, А. А. Спицынъ, И. Г. Троицкій, К. В. Хилинскій.

1) Докладъ и сообщеніе будутъ напечатаны въ «Запискахъ» Отдѣленія, а потому содержаніе ихъ здѣсь не излагается.

Гости: С. В. Жуковскій, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марковъ, Н. Н. Мартиновичъ, г. Романовъ, А. Н. Самойловичъ, А. Θ. Хащабъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 27 сентября.

II.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества, въ даръ или въ обмѣнъ, слѣдующихъ изданій:

1) O. v. Lemm, Kleine Koptische Studien, XLVI—L, St.-P. 1907 (оттискъ изъ «Bulletin» академіи наукъ, т. XXV, № 5).

2) O. v. Lemm, Koptische Miscellen, XVI—XXV, St.-P. 1907 (изъ «Bulletin») (отъ автора).

3) Ц. Жамцарановъ, Матеріалы къ изученію устной литературы монгольскихъ племенъ. Спб. 1907 г. (оттискъ изъ Зап. Вост. отд. И. Р. Арх. Общ. т. XVII).

4) Протоколы засѣданій Восточнаго Института за 1905—1906 акад. годъ. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Восточнаго Института за 1905 годъ. Владивостокъ 1907 г. (Извѣстія Восточнаго Института т. XV, приложеніе).

5) А. Петровъ, Очерки соціальнаго быта современной Японіи. Публичныя лекціи о Японіи. Лекція 1-ая: Воспитаніе націи. Владивостокъ 1907 г. (Извѣстія Восточнаго Института, т. XV, вып. 6).

6) Indian Antiquary, 1907, May, June, July.

III.

Доложено приглашеніе комитета XV международнаго съѣзда оріенталистовъ принять участіе въ съѣздѣ. Опредѣлено: 1) просить Общество записаться въ члены съѣзда; 2) просить А. Д. Руднева быть представителемъ Отдѣленія на съѣздѣ.

IV.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ: «Ереруйская базилика, армянскій храмъ V—VI в. (Изъ лѣтней поѣздки 1907 г. въ Ани)».

Матеріалъ для доклада добытъ въ одну археологическую экскурсію изъ Ани. Для обслѣдованія былъ намѣченъ Кизил-Кулэ, на лѣвомъ берегу Ахуряна (Арпачая), лѣваго притока Аракса, въ семи верстахъ на юго-западъ отъ Ани. О кизил-кулинскихъ древностяхъ въ литературѣ имѣются

свѣдѣнія, но крайне скудныя. На мѣстѣ, гдѣ докладчикъ работалъ въ сотрудничествѣ архитектора Тороса Тораманяна, художника С. Н. Полторацкаго, студентовъ Орбели и Тихонова, неожиданно для всѣхъ оказались развалины великолѣпной базилики. Базилика трехнефная съ боковыми портиками; портики съ востока замыкаются каждый своею алтарною абсидою. На западѣ они упираются въ глухія стѣны башнеобразныхъ угловыхъ застроекъ. Западный фасадъ былъ богато отдѣланъ. Здѣсь фасадъ самого трехнефнаго храма уходитъ внутрь за выступами угловыхъ башенъ. Въ этихъ предѣлахъ западный фасадъ раздѣленъ на три яруса. Каждый изъ нихъ былъ обработанъ своеобразно: нижній ярусъ былъ перекрытъ сводчатымъ верхомъ и представлялъ также, можно догадываться, портикъ въ двѣ колонны; средній ярусъ представлялъ балконъ, также своего рода портикъ, но крытый плоско; третій ярусъ былъ открытый съ трифоріемъ въ западной стѣнѣ храма. Зданіе возведено на террасѣ съ семью ступенями вокругъ всего храма. Самъ храмъ дѣлился на три нефа. Колоннады, отдѣляющія боковые нефы отъ центральнаго, каждая въ три колонны. Изъ другихъ подробностей заслуживаютъ вниманія: расположеніе оконъ и дверей съ запада и сѣвера (окна имѣются и съ востока), подковообразныя формы арокъ въ боковыхъ абсидахъ, а также надъ дверьми, мотивы рѣзной орнаментаціи на капителяхъ и базахъ колоннъ и пилястровъ, равно на карнизѣ центральной абсиды, и характеръ самой работы. Храмъ былъ безъ купола, съ деревяннымъ перекрытіемъ. Надписей нѣсколько; наиболѣе древняя 1038 г. по Р. Х., но и она позднѣйшая. Судя по пестротѣ матеріала и нѣкоторымъ подробностямъ храмъ перестраивался. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и одна армянская надпись. Изъ нея узнаемъ древнее названіе мѣстности — «Ерeруй-к̔» и имя святого Карапета (Предтечи), въ честь котораго былъ сооруженъ храмъ, названный въ той же надписи мартиріемъ.

Послѣ описанія разсмотрѣны были различныя данныя самой Ерeруйской базилики, преимущественно архитектурныя, а также характерныя черты Дигорскаго (Тикорскаго) храма, представляющаго тотъ же архаичный базиличный типъ, осложненный купольными надстройками VII-го вѣка. На основаніи этой сличительной работы и въ согласіи съ намѣчающейся въ послѣднее время исторіей христіанскаго зодчества въ Арменіи, докладчикъ, во-первыхъ, отнесъ ново-открытый храмъ ко времени V—VI-го вѣка и, во-вторыхъ, связавъ эти памятники съ сирійскимъ теченіемъ въ армянской церковной жизни, закончившимся къ VI-му вѣку, указалъ на родственныя постройки главнымъ образомъ въ сѣверной полосѣ центральной Сиріи въ предѣлахъ между Антіохіею, Алеппо и Апамеею. Во время доклада были

показаны развалины и различныя подробности Ереруйскаго храма, въ рисункахъ С. Н. Полторацкаго и фотографическихъ снимкахъ.

V.

А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе о предметахъ съ восточными, преимущественно арабскими надписями, хранящихся въ музеѣ Общества. Кромѣ предметовъ съ арабскими надписями есть одна грузинская надпись (царя Вахтанга) и одна печать съ турецкой надписью. Предметы вывезены изъ Средней Азіи (коллекціи Куна и Краузе) и изъ Египта (коллекція архимандритъ Антонина, доставлена въ 1887 г.). Нѣкоторыя вещи собраны во время поѣздки графа А. С. Уварова на югъ Россіи; среди нихъ есть сердоликовая печать съ іероглифами, повидимому, корейскими. Наконецъ, есть кусокъ надгробнаго камня изъ Золотой Орды. Референтомъ было выражено желаніе, чтобы члены Отдѣленія содѣйствовали разбору упомянутыхъ надписей.

Засѣданіе 22 ноября 1907 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, Н. И. Веселовскій, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, К. А. Иностранцевъ, П. К. Коковцовъ, В. Л. Котвичъ, Н. Я. Марръ, С. Ѳ. Ольденбургъ, А. М. Позднѣевъ, Ф. А. Розенбергъ, В. Д. Смирновъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, Б. В. Фармаковскій, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: г. Буньятьянъ, г. И. Десницкій, Д. Х. Завріевъ, И. Х. Завріевъ, Я. Х. Завріевъ, свящ. Казарьянъ, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, С. Е. Маловъ, Я. А. Манандіанъ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Мироновъ, Э. К. Пекарскій, А. Н. Самойловичъ, А. Ѳ. Хащабъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 25 октября.

II.

Доложено отношеніе канцеляріи Туркестанскаго генералъ-губернатора отъ 9 октября № 13380, съ просьбой о скорѣйшемъ возвращеніи трехъ рукописей Туркестанской Публичной библіотеки, высланныхъ въ

Общество для временнаго пользованія. Опредѣлено: озаботиться скорѣйшимъ возвращеніемъ рукописей.

III.

Доложено письмо Н. Н. Пантусова отъ 8 октября № 994 о несторіанскомъ кладбищѣ около селенія Мазаръ, близъ древняго Алмалыка (въ Кульджинскомъ краѣ), съ приложеніемъ нѣсколькихъ снимковъ, сдѣланныхъ графитомъ на шелковой бумагѣ, съ надгробныхъ камней. Опредѣлено: передать снимки въ библіотеку Общества, для пользованія спеціалистами.

IV.

Доложено письмо Н. Н. Пантусова на имя секретаря Отдѣленія отъ 17 октября, съ приложеніемъ статьи о несторіанскомъ кладбищѣ, вновь открытомъ близъ озера Иссыкъ-Куля (на берегу р. Зауке, противъ ущелья того же имени, верстахъ въ восьми на западъ отъ селенія Покровскаго и въ 150 саж. отъ берега Иссыкъ-Куля). Опредѣлено: въ виду неясности и противорѣчивости свѣдѣній какъ объ открытіи кладбища, такъ и о характерѣ надписей на камняхъ, и въ виду намѣренія г. Пантусова лично посѣтить мѣстность лѣтомъ 1908 г., отложить печатаніе статьи о кладбищѣ до полученія болѣе подробныхъ данныхъ.

V.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества, въ даръ или въ обмѣнъ, слѣдующихъ изданій:

1) A. Stein, Ancient Khotan, 2 vol., Oxford 1907.

2) J. Burgess, Indian architecture, an outline sketch (Imperial Gazetteer of India, The Indian Empire, vol. II, p. 155—205).

3) Н. В. Султановъ, Остатки якутскаго острога и нѣкоторые другіе памятники деревяннаго зодчества въ Сибири (Изв. Имп. Арх. Коммиссіи, вып. 24, Спб. 1907 г.).

4) М. А., Послѣднее политическое движеніе въ Персіи по персидскимъ газетамъ, вып. II. Спб. 1907 г. (отъ В. А. Жуковскаго).

5) А. Самойловичъ, Памяти П. М. Меліоранскаго (оттискъ изъ «Записокъ» Отдѣленія, т. XVIII, отъ автора).

6) Журналы картографической комиссіи при Имп. Рус. Геогр. Общ., №№ 6 и 7 (отъ Руднева).

7) Journal of the Royal Asiat. Society, July 1907.

8) Id., October 1907.

VI.

К. А. Иностранцевъ представилъ слѣдующія соображенія по двумъ вопросамъ мусульманской археологіи, относящимся къ Россіи.

«I. Въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 7-го марта 1886-го года гр. А. А. Бобринскій представилъ на разсмотрѣніе членовъ Отдѣленія 15 старинныхъ металлическихъ предметовъ домашней утвари съ персидскими и арабскими надписями, пріобрѣтенныхъ имъ въ Дагестанѣ (Записки, I, X). Въ слѣдующемъ засѣданіи 29-го апрѣля того же года, то же лицо предложило на разсмотрѣніе членовъ Общества металлическій сосудъ съ арабской надписью, въ которой значится имя мастера и годъ работы — 559 г. Хиджры = 1163—1164 г. по Р. Х. (тамъ же, XII). Кромѣ этого (отмѣчаю древность даты), никакихъ другихъ указаній относительно содержанія надписи въ протоколѣ засѣданій не имѣется. Хотя возможно, что надпись дастъ намъ больше, чѣмъ прочелъ въ ней первый, разбиравшій ее, я думаю, что возможно уже теперь высказать нѣкоторыя соображенія о мѣстѣ происхожденія, значеніи изображеній и роли этого сосуда среди другихъ, подобныхъ ему памятниковъ. Недѣли двѣ тому назадъ, Н. И. Веселовскій, подготовляющій изданіе этого сосуда, обратился ко мнѣ съ просьбой о содѣйствіи ему въ объясненіи этого памятника и представилъ рисунки двухъ поясковъ. Уже при первомъ разсмотрѣніи ихъ, бросались въ глаза разнообразіе ихъ содержанія, а также нѣкоторыя особенности, о чемъ я тогда же сообщилъ проф. Веселовскому. Рисунки эти, вообще говоря, аналогичны рисункамъ на другихъ подобнаго рода сосудахъ: они представляютъ разнаго рода развлеченія придворной жизни средневѣковаго мусульманскаго Востока, но въ замѣчательной полнотѣ — предъ нами проходятъ сцены пиршествъ, охоты, игры въ поло; рѣдкими являются изображенія палочнаго боя и игры въ «нардъ» т. е. «триктракъ». «Особенно же привлекло мое вниманіе изображеніе въ охотничьихъ сценахъ дракона, въ одномъ случаѣ какъ бы двухголоваго — съ одной головой на хвостѣ. По ближайшемъ разсмотрѣніи я призналъ въ немъ сходство съ геральдическимъ дракономъ, выдвинутымъ въ послѣднее время въ литературѣ мусульманской археологіи въ работахъ Сарре (1905 г.) и Карабацека (1907 г.). Тогда же у меня опредѣлилась точка зрѣнія на мѣсто происхожденія этого сосуда. Моя точка зрѣнія укрѣпляется и расширяется благодаря слѣдующему. Я имѣлъ возможность видѣть въ Средневѣковомъ Отдѣлѣ Эрмитажа, случайно и мелькомъ, самый сосудъ, а также получить оттуда же фотографію съ него (изъ коллекціи Ордэна). Это собственно бронзовый котелокъ съ ручкой; кромѣ двухъ поясковъ съ изображеніями жанровыхъ сценъ, имѣются три пояска

съ надписями; дата на ручкѣ котелка. Въ верхнемъ пояскѣ котелка четыре медальона съ одинаковымъ въ каждомъ изображеніемъ сидящаго на плоскомъ тронѣ съ поджатыми подъ себя ногами человѣка. По сторонамъ его, двѣ обращенныя къ нему драконьи головы съ разинутыми пастями, на длинныхъ шеяхъ въ видѣ столбовъ надъ трономъ. Это изображеніе весьма важно для опредѣленія памятника по слѣдующимъ соображеніямъ. Два переплетающіеся хвостами дракона, съ обращенными другъ къ другу разинутыми пастями, являются, согласно нумизматическимъ даннымъ, гербомъ, и при томъ гербомъ точно датируемымъ, *личнымъ*, а не семейнымъ. Это гербъ владѣльца Хиснъ-Кейфы въ Діарбекрѣ, изъ династіи Ортукидовъ, Фахрад-дина Кара-Арслана. Кара-Арсланъ правилъ съ 543—570 г. Х.= 1148—1174 г. по Р. Х. Сосудъ датированъ 559 г. Х.=1163—1164 г. по Р. Х. Прибавлю любопытное сопоставленіе Я. И. Смирнова: на концахъ ручки, надъ двумя драконьими же головами, изображено по льву, что онъ сближаетъ съ именемъ Кара-*Арслана.* Такимъ образомъ, комбинируя хронологическія данныя съ геральдическими, можно опредѣлить мѣсто происхожденія этого памятника. Пока этотъ котелокъ занимаетъ *единственное въ своемъ родѣ*, *первое* мѣсто среди памятниковъ той же категоріи. Металлическія издѣлія конца XII-го вѣка чрезвычайно рѣдки и, по большей части, интересны лишь своей древностью. Этотъ же памятникъ относится къ серединѣ XII-го вѣка и исключительно богатъ содержаніемъ. Интересное мѣдное блюдо, сдѣланное по приказу атабека мосульскаго Лулу и послужившее предметомъ подробныхъ изслѣдованій Фан-Бершема и Сарре въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ, относится къ XIII-му вѣку. Къ тому же XIII-му вѣку относится и интересный рисунками мѣдный тазъ Берлинскаго Этнографическаго Музея, изслѣдованный въ 1904 г. Сарре. Но помимо первостепеннаго фактическаго значенія, этотъ котелокъ въ высокой степени интересенъ и съ теоретической стороны, въ двоякомъ отношеніи. Во первыхъ, онъ важенъ какъ *древнѣйшая изъ извѣстныхъ пока попытокъ портретнаго съ геральдическими элементами изображенія внѣ нумизматическихъ данныхъ* и является новымъ подтвержденіемъ существованія портретныхъ изображеній въ ранне-мусульманскомъ искусствѣ, что одними (Нютцель, Сарре) доказывалось, другими (Хартманнъ) отрицалось (въ нумизматическихъ матеріалахъ имѣются болѣе древнія и болѣе совершенныя портретныя изображенія). Во вторыхъ, котелокъ интересенъ въ виду сравнительнаго изученія. При всей молодости мусульманской археологіи какъ науки, уже нѣкоторые очередные вопросы намѣчены. Въ недавно вышедшемъ руководствѣ мусульманскаго искусства Мижона, какъ одинъ изъ такихъ очередныхъ вопросовъ, отмѣчается сравненіе человѣче-

скихъ изображеній на ортукидскихъ и зенгидскихъ монетахъ съ таковыми же на древнѣйшихъ металлическихъ издѣліяхъ. Котелокъ гр. Бобринскаго получаетъ свое истинное значеніе именно при подобнаго рода сравненіи. Я не буду останавливаться на нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, возбуждаемыхъ этимъ памятникомъ; напр. онъ, при ортукидскомъ происхожденіи, колеблетъ теорію Сарре о происхожденіи этого рода производства XIII-го вѣка въ сѣверной Месопотаміи изъ Арменіи и сѣверо-западной Персіи; далѣе я не буду говорить о его значеніи для эпиграфики и пр. Я закончу пожеланіемъ самаго подробнаго и возможно скорѣйшаго изслѣдованія и изданія этого памятника—портретнаго изображенія мусульманскаго династа середины XII-го вѣка, сопровождаемаго рядомъ жанровыхъ сценъ его придворной жизни».

«II. Въ нынѣшнемъ году появились газетныя и журнальныя сообщенія о томъ, что проф. В. Д. Смирновъ нашелъ въ симферопольскомъ губернскомъ архивѣ 124 переплетенныя въ кожу тетради, являющіяся остаткомъ архива крымскихъ хановъ, погибшаго при сожженіи Минихомъ дворца въ Бахчисараѣ. Въ этихъ тетрадяхъ заключаются судебныя дѣла, а также «охранительныя ханскія записи» т. е. описи ханскаго имущества въ моментъ ихъ смерти. Я отмѣчаю эти описи въ ихъ значеніи для мусульманской археоологіи. Уже выписи изъ кадіаскерскаго сакка начала XVII-го вѣка (1017—1022 г. Х. = 1608/9—1613 г. по Р. Х.), хранящагося въ архивѣ таврическаго губернскаго правленія, изданныя и переведенныя въ Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи (№ 8, г. 3, 1889 и сл. года), въ перечисленіи раздѣла имущества несомнѣнно даютъ богатый матеріалъ для знакомства съ татарской культурой и «возстановляютъ всю обстановку богатаго татарскаго дома начала XVII-го вѣка». Еще бо́льшихъ матеріаловъ должны мы ожидать въ ханскихъ описяхъ. Несомнѣнно, что столь мало еще намъ извѣстная матеріальная культура крымскаго ханства достаточно вырисуется по сравненіи этихъ описей — во первыхъ съ сохранившимися вещественными памятниками крымскаго дѣла и во вторыхъ съ документами дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ Государствомъ въ XVI—XVII вѣкахъ и со скарбовой книгой Метрики Литовской (см. изд. Лашкова, Довнаръ-Запольскаго, Карпова и др.)».

VII.

А. Н. Самойловичъ прочиталъ докладъ: «Поѣздка въ Туркестанъ въ 1906—1907 г.» (20 іюля 1906 г.—21 января 1907).

Докладчикъ разбилъ свое сообщеніе на двѣ главы: глава I — «Къ сѣверу отъ Аму-Дарьи»; гл. II — «Къ югу отъ Аму-Дарьи».

Глава I касалась слѣдующихъ вопросовъ: 1) расширеніе связей съ мѣстными востоковѣдами; 2) знакомство съ краемъ; 3) собираніе свѣдѣній о «рисалэ» ремесленниковъ и о сартовскомъ театрѣ (кукольный театръ — چادر خيال и театръ тѣней — فانوس خيال); и 4) занятія рукописями и знакомство съ туземнымъ книжнымъ рынкомъ.

Докладчикъ нѣсколько подробнѣе остановился на послѣднемъ пунктѣ. Онъ сообщилъ о результатахъ своихъ занятій надъ рукописями: شجرۀ تراكمه Абульгази (Ташкентск. П. Библіотека) и дивана Махтумъ-кули (по 7 спискамъ и 2 изданіямъ), а также подѣлился своими соображеніями относительно имени автора распространенной въ Ср. Азіи поэмы «Іосифъ и Зулейха» на языкѣ تركى (Андалибъ) и относительно цѣнности въ языковомъ смыслѣ стихотворнаго руководства по Исламу, особенно популярнаго среди туркменовъ, — رونق الاسلام (обиліе старо-южно-турецкаго элемента).

Во II главѣ своего сообщенія докладчикъ затронулъ слѣдующіе вопросы: 1) языкъ туркменскихъ племенъ; 2) туркменская народная словесность и туркменская книжная литература; 3) о находкѣ рукописей: غريب نامه Ашыкъ-пашы; وعظ آزادى Доулетъ-Мамеда, отца Махтумъ-кули (XVIII в.).; شجرۀ تراكمه Абульгази со многими вставками въ прозѣ и стихахъ, между прочимъ, про Коркуда и Кöръ-оглы; и, наконецъ, еще двухъ списковъ شجرۀ تراكمه въ Асхабадск. Публ. Библіотекѣ; 4) бытовыя наблюденія; 5) матеріалы по новѣйшей туркменской исторіи (устные и письменные).

Говоря о языкѣ туркменскихъ племенъ, докладчикъ постарался опровергнуть примѣрами не только изъ фонетики, но и изъ ученія о формахъ взглядъ А. А. Семенова, что «самостоятельнаго туркменскаго нарѣчія... въ настоящее время нѣтъ» («Этногр. Обозр»., 1904 г., № 4, стр. 170; ср. рецензію докладчика на учебникъ туркм. яз. Агабекова, Зап. В. Отд., т. XVII, стр. 0187, сн. 4), а по пункту 5-ому докладчикъ сообщилъ, между прочимъ, о находкѣ имъ списка новѣйшей исторіи сарыковъ (начиная съ конца XVIII в.) и повѣствованія въ прозѣ и стихахъ неграмотнаго поэта Даванъ-шагыра (текинца изъ Мерва) о персидскомъ походѣ на Мервъ 1860 г. (повѣтствованіе записано неизвѣстнымъ муллой).

VIII.

По поводу прочитаннаго доклада бар. В. Р. Розенъ напомнилъ, что первый обратилъ вниманіе на культурно-историческій интересъ такъ называемыхъ «рисалэ» А. Ѳ. Миддендорфъ.

IX.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ: «Еще о словѣ «челеби»[1]).

X.

П. К. Коковцовъ сдѣлалъ докладчику нѣсколько возраженій 1) касательно существованія въ извѣстныхъ вообще арамейскихъ діалектахъ слова sêlém въ значеніи «Богъ»; 2) касательно возможности употребленія status absolutus для передачи указаннаго понятія; 3) касательно заимствованія названнаго слова и вообще арамейскихъ словъ курдами у мандеевъ. Докладчикъ, отвѣчая, указалъ, 1) что понятіе языческаго бога вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію «идола», которое обозначается даннымъ арамейскимъ словомъ; 2) что форма status absolutus объясняется первоначальнымъ заимствованіемъ сложнаго термина selem sin; 3) что заимствованіе даннаго слова именно у мандеевъ имъ не предполагается.

Засѣданіе 20 декабря 1907 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, Н. И. Веселовскій, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, В. А. Котвичъ, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, А. М. Поздпѣевъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ.

Гости: Л. Ѳ. Богдановъ, г. И. Десницкій, Ц. Ж. Жамцарановъ, С. В. Жуковскій, А. А. Мироновъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 22 ноября.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о полученіи отъ Н. Ѳ. Петровскаго изъ Ташкента письма, въ которомъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о собранныхъ г-номъ Петровскимъ археологическихъ предметахъ, съ

---

1) Докладъ будетъ напечатанъ въ «Запискахъ» Отдѣленія, и потому содержаніе здѣсь не излагается.

приложеніемъ фотографическихъ снимковъ съ двухъ надгробныхъ камней съ арабскими надписями, найденныхъ близъ селенія Сазановки, на берегу озера Иссыкъ-куля.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ, что дѣйствительнымъ членомъ Саратовской архивной комиссіи г-номъ Лебедевымъ доставлена, для напечатанія въ «Запискахъ» Отдѣленія, статья о мѣстоположеніи города Сарая. Опредѣлено: передать на разсмотрѣніе Н. И. Веселовскаго.

IV.

Доложено письмо А. И. Соболевскаго на имя Н. И. Веселовскаго о предложеніи занимающагося въ архивѣ Св. Синода Ф. И. Виноградова, — прочитать въ засѣданіи Отдѣленія рефератъ о россійской духовной миссіи въ Пекинѣ въ первой половинѣ XVIII в., по документамъ архива. Опредѣлено: увѣдомить Ф. И. Виноградова, что Отдѣленіе съ благодарностью принимаетъ его предложеніе.

V.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества, въ даръ или въ обмѣнъ, слѣдующихъ изданій:

1) Fred. Lyman Wells, Linguistic lapses (Archive of Philosophy, Psychology and Scientific Methods, № 6).

2) E. Aymonier et Ant. Cabaton, Dictionnaire Cam-Français, Paris 1906 (Public. de l'école française d'Extrême Orient, vol. VII).

3) Bulletin de l'école française d'Extrême Orient, t. VI, №№ 3—4, Hanoï 1906.

4) П. К. Козловъ, Монголія и Камъ, т. II, вып. 1. Спб. 1907 г. (Изд. Имп. Р. Геогр. Общ.).

VI.

А. Д. Рудневъ сдѣлалъ сообщеніе: «Новыя данныя по манджурской діалектологіи» [1]).

VII.

Въ преніяхъ по поводу прочитаннаго сообщенія приняли участіе А. М. Позднѣевъ и В. Л. Котвичъ. А. М. Позднѣевъ указалъ, что на манджурскомъ языкѣ до настоящаго времени говоритъ населеніе мѣстности

1) Будетъ напечатано въ «Запискахъ» Отдѣленія, и потому содержаніе здѣсь не излагается.

отъ Цицикара до Мергена; что касается преподаванія манджурскаго языка въ школахъ, то это преподаваніе имѣетъ цѣлью не столько изученіе родного языка, сколько приготовленіе писцовъ для составленія оффиціальныхъ документовъ. В. Л. Котвичъ отмѣтилъ въ матеріалахъ, сообщенныхъ докладчикомъ, еще большее сходство съ манджурскимъ письменнымъ языкомъ, чѣмъ въ діалектѣ сибинцевъ.

VIII.

И. Ю. Крачковскій сдѣлалъ сообщеніе: «Отрывокъ новозавѣтнаго апокрифа въ арабской рукописи 885 г. по Р. Хр.».

Докладчикъ обратилъ вниманіе присутствующихъ на одну рукопись Имп. Публ. Библіотеки (Араб. IV, 2, 2), происходящую изъ коллекціи Tischendorff'a и датированную 272 г. hиджры (885—6 по Р. Хр.), т. е. являющуюся третьей по времени изъ датированныхъ арабскихъ рукописей, кромѣ папирусовъ и отрывковъ изъ Корана. Языкъ рукописи заслуживалъ бы вниманія лингвистовъ, какъ образчикъ народнаго діалекта Сиріи въ эту эпоху. Приведя полный переводъ памятника, докладчикъ при разборѣ содержанія старался выяснить неточность мнѣнія д-ра Graf'a (Die christlich-arabische Literatur, стр. 18, № 7), считающаго этотъ памятникъ переводомъ греческой версіи евангелія Никодима.

П. Мелиоранскій

ФОТОТИПІЯ КОРДОВСКАГО И ДРЕССЛЕРА, СПБ.

Памяти П. М. Меліоранскаго[1]).

16-го мая 1906 г. внезапно скончался въ Петербургѣ на 38 году жизни ординарный профессоръ по каѳедрѣ турецко-татарской словесности факультета восточныхъ языковъ Петербургскаго университета *Платонъ Михайловичъ Меліоранскій*. Прахъ почившаго 19-го мая, послѣ отпѣванія въ университетской церкви, былъ преданъ землѣ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ лицѣ умершаго русская наука понесла потерю весьма крупную. Послѣ перваго въ мірѣ знатока турецкихъ нарѣчій. акад. В. В. Радлова, П. М. Меліоранскій былъ единственнымъ русскимъ туркологомъ, *спеціально углубившимся* въ лингвистическую область науки о туркахъ. Акад. К. Г. Залеманъ, посвятившій памяти покойнаго нѣсколько теплыхъ строкъ въ своей статьѣ «Manichaeica I»[2]), выразился: «Sein vielseitiges wißen, seine unermüdliche schaffenslust erwekten berechtigte hofnungen auf eine weitere glanzperiode der türkischen philologie bei uns zulande, hofnungen, auf welche nicht wir allein nun verzichten müßen».

П. М. Меліоранскій умеръ молодымъ, можно сказать, только еще начавъ свою научную карьеру, но и то, что онъ успѣлъ сдѣлать, даетъ ему несомнѣнное право на видное мѣсто въ исторіи туркологіи[3]).

I.

П. М. Меліоранскій родился въ Петербургѣ 18-го ноября 1868 г. Фамилія Меліоранскихъ ведетъ свое начало отъ дѣда Платона Михайловича, Ивана Аѳанасьевича, бывшаго протоіереемъ церкви Св. Екатерины, что

1) [Этотъ некрологъ былъ прочитанъ въ засѣданіи Вост. Отд. 22 февраля 1907 г. и затѣмъ напечатанъ, но безъ нѣкоторыхъ дополненій, библіографическаго обзора и краткой описи бумагъ, оставшихся послѣ П. М. Меліоранскаго, въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за апрѣль 1907 г. — Ред.].

2) Извѣстія Импер. Акад. Наукъ, 1907. № 7, стр. 175.

3) Кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ безыменныхъ газетныхъ некрологовъ, памяти покойнаго посвящены двѣ статьи проф. В. В. Бартольда («Туркестанскія Вѣдомости», 1906, 81 и «Страна» 1906, 77) и одна пр.-доц. А. Д. Руднева (Протоколы подкомиссіи по транскрипціи географическихъ наименованій при картографической комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, № 5, приложеніе 7). Въ «Этнограф. Обозрѣніи» (1906, № 3 и 4 былъ перепечатанъ некрологъ изъ «Нов. Времени».

на Кадетской линіи Васильевскаго Острова. Меліоранскимъ назвали дѣда Платона Михайловича въ семинаріи или духовной академіи, а раньше онъ числился Пономаревымъ, будучи сыномъ пономаря одного изъ селъ Ефремовскаго уѣзда Тульской губерніи. Отецъ Платона Михайловича, нынѣ здравствующій Михаилъ Ивановичъ, по образованію естественникъ, былъ сначала преподавателемъ естественной исторіи, а съ 1875 г. вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ рядъ административныхъ должностей при Петербургскомъ университетѣ, продолжая въ то же время дѣятельно интересоваться естественными науками. Дѣдомъ Платона Михайловича со стороны матери былъ профессоръ уголовнаго права въ Дерптскомъ (нынѣ Юрьевскомъ) университетѣ Александръ Степановичъ Жиряевъ, сынъ священника села Кубенскаго Вологодской губерніи и воспитанникъ Главнаго Педагогическаго Института. Въ семьѣ А. С. Жиряева, который по тогдашнимъ условіямъ читалъ свой предметъ по-нѣмецки, этотъ языкъ знали, какъ родной. Благодаря своей матери и Платонъ Михайловичъ съ дѣтства усвоилъ нѣмецкій языкъ не хуже русскаго.

Первыми учителями П. М. Меліоранскаго были его родители и главнымъ образомъ мать, Надежда Александровна, всѣ свои знанія и силы отдавшая воспитанію и первоначальному обученію своихъ дѣтей. Среднее образованіе П. М. Меліоранскій получалъ до V класса включительно въ реформатскомъ училищѣ, а затѣмъ въ гимназіи при лютеранской церкви Св. Екатерины. Съ дѣтства П. М. Меліоранскій обнаруживалъ особыя способности и склонность къ изученію языковъ, а когда наступило время поступать въ университетъ, то П. М. Меліоранскому оставалось выбирать только между двумя факультетами: филологическимъ и восточныхъ языковъ. По совѣту отца П. М. Меліоранскій выбралъ арабско-персидско-турецко-татарское отдѣленіе восточнаго факультета. Еще до начала I семестра П. М. Меліоранскій обратился къ В. В. Радлову, съ которымъ познакомился въ гимназическую пору въ домѣ извѣстнаго педагога І. И. Паульсона, за совѣтомъ, чѣмъ и какъ ему заниматься на избранномъ отдѣленіи, и В. В. Радловъ указалъ ему, что арабскому отдѣленію, на которомъ преобладаетъ филологическое направленіе, желательно было бы имѣть и лингвистовъ, а Россіи, почтенную долю населенія которой составляютъ многочисленныя турецкія племена, всего нужнѣе изъ востоковѣдовъ туркологи. И П. М. Меліоранскій тогда же избралъ своей спеціальностью турецкія нарѣчія, изучать которыя рѣшилъ со стороны лингвистической, чтò наиболѣе отвѣчало и его наклонностямъ.

Съ отмѣннымъ усердіемъ занимаясь въ продолженіе университетскаго курса всѣми предметами избраннаго разряда, П. М. Меліоранскій съ пер-

ваго же курса, но внѣ стѣнъ университета, приступилъ подъ руководствомъ В. В. Радлова къ спеціальному изученію турецкихъ нарѣчій, между тѣмъ какъ тогда, какъ и теперь, они входили въ кругъ факультетскаго преподаванія только съ IV семестра. Ознакомившись предварительно по указаніямъ В. В. Радлова съ трудами по общему языкознанію, П. М. Меліоранскій въ первый годъ изучалъ алтайское нарѣчіе, во второй—казакъ-киргизское, а въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ читалъ «Кудатку-Биликъ» и нѣкоторые старо-джагатайскіе тексты.

При переходѣ съ III курса на IV, въ 1890 г. П. М. Меліоранскій былъ командированъ факультетомъ въ Оренбургскую губернію и Тургайскую область для изученія на мѣстѣ казакъ-киргизскаго нарѣчія и собиранія матеріаловъ по фольклору. Этому же нарѣчію, принадлежащему къ числу самыхъ чистыхъ и самыхъ богатыхъ турецкихъ нарѣчій, посвящена была и зачетная студенческая работа П. М. Меліоранскаго.

По окончаніи въ 1891 г. университета, П. М. Меліоранскій былъ оставленъ при немъ по каѳедрѣ турецко-татарской словесности и еще съ годъ продолжалъ свои занятія и съ В. В. Радловымъ, знакомясь на этотъ разъ съ памятниками древнѣйшей турецкой письменности, такъ называемой орхонской.

Въ августѣ 1893 г. П. М. Меліоранскій отправился въ заграничную командировку, въ которой пробылъ около 4 мѣсяцевъ, работая въ библіотекахъ Лондона, Оксфорда, Лейдена, Парижа и Берлина. Главной цѣлью этой поѣздки было сличеніе по разнымъ спискамъ одного рукописнаго арабскаго сочиненія о языкахъ персидскомъ, турецкомъ и монгольскомъ, турецкая часть котораго (за исключеніемъ лексическаго отдѣла) была списана еще въ 1875 г. въ Оксфордѣ бар. В. Р. Розеномъ, предоставившимъ затѣмъ изданіе и обработку этой рукописи П. М. Меліоранскому. Не безъ вліянія бар. В. Р. Розена были предприняты П. М. Меліоранскимъ за границей и другія двѣ работы: П. М. Меліоранскій списалъ большой отрывокъ изъ лондонской рукописи «Кысасу-ль-энбія» Рубгузи (часть этого отрывка по 4 рукописямъ была напечатана въ «Сборникѣ статей учениковъ проф. бар. В. Р. Розена») и изслѣдовалъ въ Лондонѣ же диванъ южнотурецкаго поэта XIV вѣка, Бурханъ-ед-динъ Сивасскаго (отрывки напечатаны въ «Восточныхъ Замѣткахъ»). Какъ видно изъ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго, П. М. Меліоранскій далеко не успѣлъ использовать всѣхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ въ эту поѣздку, равно какъ и въ слѣдующую, въ Вѣну [1]).

Въ 1894 г. П. М. Меліоранскій приступилъ къ чтенію лекцій въ

1) См. приложеніе II.

Петербургскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента и до 1896—7 учебнаго года читалъ только на III курсѣ арабскаго разряда восточнаго факультета, а съ этого года и на IV. Въ 1899 году П. М. Меліоранскій защитилъ магистерскую диссертацію, въ 1901 г.—докторскую, и тогда же былъ назначенъ экстраординарнымъ, а въ концѣ 1905 г. ординарнымъ профессоромъ. Съ 1902 г. и до смерти П. М. Меліоранскій состоялъ секретаремъ факультета восточныхъ языковъ, при чемъ въ 1905 г., по введеніи въ университетѣ автономіи, былъ утвержденъ въ секретарской должности по избранію факультета.

Лѣто 1904 г. П. М. Меліоранскій провелъ въ Вѣнѣ, гдѣ занимался рукописями тамошней Императорской и Королевской библіотеки, преимущественно же сочиненіемъ на джагатайскомъ языкѣ принца Мухаммеда Салиха «Шейбани-намэ», а также интересовался примѣнимостью для лингвистическихъ цѣлей новѣйшихъ фонографическихъ аппаратовъ [1]).

П. М. Меліоранскій состоялъ членомъ Императорскаго Русскаго Археологическаго и Географическаго Обществъ и Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи.

Выражаясь словами В. В. Бартольда [2]), «П. М. Меліоранскій всегда былъ и сознавалъ себя не историкомъ и не филологомъ (въ смыслѣ изслѣдователя литературныхъ памятниковъ народа), а лингвистомъ, для котораго языкъ самъ по себѣ является не средствомъ, а цѣлью изученія». Несмотря на слабость своего здоровья и другія неблагопріятныя обстоятельства, П. М. Меліоранскій, благодаря своимъ недюжиннымъ дарованіямъ, большому трудолюбію и безграничному интересу къ своему предмету, поразительно быстро сталъ на мало кѣмъ изъ туркологовъ достигнутую высоту современныхъ лингвистическихъ методовъ и взглядовъ и знакомства съ наличнымъ собраннымъ матеріаломъ и изслѣдованіями по турковѣдѣнію, преимущественно же по турецкому *языку*. По своимъ научнымъ воззрѣніямъ покойный примыкалъ къ школѣ нео-грамматиковъ.

П. М. Меліоранскій изъ европейскихъ языковъ, помимо двухъ древнихъ, владѣлъ: нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ, голландскимъ, итальянскимъ и датскимъ, а изъ восточныхъ: арабскимъ, персидскимъ, монгольскимъ и, имѣя общее представленіе о всѣхъ изслѣдованныхъ древнихъ и новыхъ турецкихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, особенно зналъ древніе языки: орхонскій, уйгурскій и джагатайскій и современныя нарѣчія: прежде всего казакъ-киргизское, затѣмъ казанско-татарское и османское.

---

1) См. Протоколы засѣданій Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи. 1904, № 3, стр. 7.

2) См. цитованный выше некрологъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ».

Изучить датскій языкъ П. М. Меліоранскаго побудили его интересъ и симпатіи къ новой школѣ туркологовъ, основанной въ Копенгагенѣ В. Томсеномъ. П. М. Меліоранскій съ должнымъ вниманіемъ слѣдилъ за трудами и венгерскихъ туркологовъ, особенно Куноша, и всегда очень сожалѣлъ, что не имѣлъ времени для болѣе близкаго знакомства съ научной дѣятельностью будапештцевъ изучить ихъ родной языкъ. Впрочемъ, судя по одной изъ послѣднихъ работъ покойнаго [1]), можно думать, что въ новѣйшее время ему удалось освоиться и съ венгерскимъ языкомъ.

П. М. Меліоранскому приходилось примѣнять свои знанія и для практическихъ цѣлей: въ оставшихся послѣ него бумагахъ имѣется присланный ему переводъ на османское и сартовское нарѣчія объявленія «Русскаго общества пароходства и торговли» для мусульманскихъ паломниковъ, ѣдущихъ въ Мекку; переводъ этотъ печатался подъ наблюденіемъ П. М. и кое-гдѣ былъ имъ исправленъ.

Работалъ П. М. Меліоранскій «по-нѣмецки», регулярно; въ работу не закапывался, а, отработавъ положенное число часовъ, предавался отдыху. Слабость здоровья не позволяла П. М. Меліоранскому трудиться столько, сколько бы ему хотѣлось, и онъ часто на это сѣтовалъ.

Въ обращеніи съ людьми мало знакомыми или съ дѣловыми только знакомыми П. М. Меліоранскій былъ всегда серьезенъ и сдержанъ, благодаря чему производилъ на нихъ впечатлѣніе человѣка сухого и нелюдимаго. Въ дѣйствительности же П. М. Меліоранскій отличался чрезвычайно живымъ и общительнымъ характеромъ и обладалъ въ высшей степени чуткой и отзывчивой душой. Такъ отзываются объ немъ въ одинъ голосъ всѣ, болѣе близко его знавшіе [2]).

II.

Начиная съ 1893 г., за 13-лѣтній періодъ своей научно-литературной дѣятельности П. М. Меліоранскій выпустилъ въ свѣтъ 38 печатныхъ работъ; 2 работы появились уже послѣ его смерти и 1 работа находится еще въ печати. Изъ этихъ 41 работы 24 являются научными изданіями, изслѣдованіями и замѣтками; затѣмъ идутъ 12 рецензій, 2 научно-популярныя статьи и 3 учебныхъ пособія.

Большая часть трудовъ П. М. Меліоранскаго написана по-русски (38) и напечатана въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго

---

1) См. приложеніе I, № 35.

2) При составленіи этой главы мы пользовались содѣйствіемъ отца Платона Михайловича, М. И. Меліоранскаго; учителей покойнаго, академиковъ В. В. Радлова и бар. В. Р. Розена, и университетскаго товарища Платона Михайловича, В. В. Бартольда. Всѣмъ этимъ лицамъ мы выражаемъ здѣсь глубочайшую признательность и благодарность.

Русскаго Археологическаго Общества» (19); остальныя русскія работы П. М. Меліоранскаго печатались въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» (4), «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» (1), «Протоколахъ подкоммисіи по транскрипціи географическихъ наименованій при картографической комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» (3), «Византійскомъ Временникѣ» (1), «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1), «Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона» (1), сборникахъ: «Трудовъ Орхонской Экспедиціи» (1), «Восточныя Замѣтки» (1), «Музафферійя» (1), и, наконецъ, отдѣльными изданіями (4).

Три работы П. М. Меліоранскаго (рецензіи) написаны по-нѣмецки и помѣщены по одной въ «Deutsche Litteraturzeitung», «Göttingische gelehrte Anzeigen» и «Keleti Szemle».

Печатающаяся еще одна работа покойнаго появится отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни П. М. Меліоранскій былъ приглашенъ участвовать въ двухъ международныхъ изданіяхъ, т. е. въ «Мусульманской Энциклопедіи» и въ «Славянской Энциклопедіи», въ первой по отдѣлу о киргизахъ, а во второй по вопросу о восточныхъ элементахъ въ русскомъ и польскомъ языкахъ. Въ первую энциклопедію покойный успѣлъ дать, по сообщенію проф. Бартольда, повидимому, только одну замѣтку объ Абу-ль-Газы-Бахадуръ-ханѣ, а матеріалы для второй остались необработанными [1]).

Всѣ работы П. М. Меліоранскаго, кромѣ одной (о монгольскомъ языкѣ), посвящены туркологіи и подавляющее большинство изъ нихъ — чисто лингвистическаго содержанія или такихъ, въ которыхъ лингвистическій элементъ преобладаетъ. Работъ, въ которыхъ этотъ элементъ совершенно отсутствуетъ, наберется не больше четырехъ; сюда придется отнести: 1) «Сельджукъ-намэ, какъ источникъ для исторіи Византіи въ XII и XIII вѣкахъ»; 2) рецензію на «Матеріалы къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній татаръ и киргизовъ» А. В. Васильева; 3) рецензію на «Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ» С. Г. Рыбакова и 4) научно-популярную статью «Объ Орхонскихъ и Енисейскихъ надгробныхъ памятникахъ съ надписями». Другая научно-популярная статья П. М. Меліоранскаго, «Турецкія нарѣчія и литературы», какъ можно судить уже и по заглавію, является въ равной мѣрѣ и лингвистической, и историко-литературной.

Само собой разумѣется, что изданные П. М. Меліоранскимъ съ

---

1) См. приложеніе II, отдѣлъ III, № 29.

лингвистическими цѣлями памятники турецкой письменности могутъ служить и историко-литературнымъ матеріаломъ.

Многія лингвистическія работы П. М. Меліоранскаго содержатъ въ себѣ историческія, историко-литературныя и этнографическія данныя во введеніяхъ, экскурсахъ, примѣчаніяхъ и сноскахъ. Какъ на одинъ изъ примѣровъ, укажемъ на историко-литературный экскурсъ объ южно-турецкомъ поэтѣ Юнусъ Эмре въ замѣткѣ «Къ вопросу о значеніи и происхожденіи словъ «чäлäб» (чалап) и «чäлäбі» въ турецкомъ языкѣ». Историко-литературными трудами, хотя и съ лингвистическимъ элементомъ, слѣдуетъ признать: замѣтку «О Кудатку Биликѣ Чингизъ хана» и нѣмецкую рецензію на «Mundarten der Osmanen gesammelt von J. Kúnos».

Въ качествѣ учебныхъ пособій П. М. Меліоранскимъ изданы 1—2) «Краткая грамматика казакъ-киргизскаго языка. Часть I. Фонетика и Этимологія. Часть II. Синтаксисъ» (переработка студенческаго зачетнаго сочиненія) и 3) «Отрывки изъ сочиненія Абу-ль-Гази شجرهٔ ترك». Въ рецензіи на I часть грамматики П. М. Меліоранскаго итальянскій туркологъ Бонелли, между прочимъ высказался [1]), что эта книга заключаетъ въ себѣ немало матеріаловъ для сравнительно-исторической грамматики турецкаго языка, т. е. призналъ за ней не только практическое, но и научное значеніе.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что объ общемъ названіи той группы народовъ, языками которыхъ занимался П. М. Меліоранскій, покойный былъ слѣдующаго мнѣнія [2]): «Часть ученыхъ (преимущественно нѣмецкихъ) усвоила значительной части турецкихъ нарѣчій названіе «тюркскихъ» для того, чтобы не подавать повода къ смѣшиванію разнаго рода турецкихъ и «татарскихъ» племенъ и нарѣчій съ турками-османами, которыхъ въ публикѣ привыкли считать и называть «турками» par excellence. Однако въ научной литературѣ давно уже утвердилось за европейскими турками названіе османовъ или лучше «османлы»... Поэтому мы присоединяемся къ тѣмъ ученымъ, которые не считаютъ нужнымъ вводить два термина «турокъ» и «тюркъ», такъ какъ всѣ вышепоименованные народы и племена съ такимъ же правомъ могутъ носить объединяющее ихъ имя «турокъ», какъ всевозможные славяне... имя славянъ». Нельзя не пожелать, прибавимъ мы отъ себя, чтобы по крайней мѣрѣ въ русской *научной* литературѣ было достигнуто въ этомъ отношеніи единообразіе, причемъ замѣтимъ, что слово «турокъ», отстоя отъ истиннаго «тӱрк» отнюдь не дальше, чѣмъ слово

1) L' Oriente, II, 209—210.

2) Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 34, стр. 159.

«тюрк» (= т'урк)[1]), имѣетъ въ свою пользу почтенную давность въ русскомъ языкѣ.

III.

Переходимъ къ обзору чисто-научныхъ работъ П. М. Меліоранскаго лингвистическаго содержанія, къ которымъ больше всего лежала душа покойнаго, и которыя сдѣлали его европейски-извѣстнымъ ученымъ.

Какъ выше было упомянуто, среди трудовъ П. М. Меліоранскаго имѣется одинъ, посвященный монгольскому языку, это: «Арабъ филологъ о монгольскомъ языкѣ», продолженіе «Араба филолога о турецкомъ языкѣ». Остальныя 30 работъ этой категоріи можно систематизировать слѣдующимъ образомъ: 22 работы относятся спеціально къ туркологіи, а 8 посвящены вопросамъ русскаго языка, исторіи и географіи, связаннымъ съ востоковѣдѣніемъ и преимущественно съ турецкимъ языковѣдѣніемъ. Къ изслѣдованіямъ по послѣднимъ вопросамъ П. М. Меліоранскій приступилъ въ 1900 г. и за послѣдніе годы своей жизни удѣлялъ имъ бóльшую часть своего труда. Статьи П. М. Меліоранскаго, выясняющія восточные (главнымъ образомъ турецкіе) элементы въ русскомъ языкѣ, являются, такъ сказать, первыми главами неоконченнаго за смертью автора труда на тему, предложенную Императорской Академіей Наукъ,—опредѣлить, какія слова турецко-татарскаго происхожденія перешли въ русскій языкъ въ до-монгольскій періодъ, и озаглавлены: 1) Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о Полку Игоревѣ»; 2) Вторая статья о турецкихъ элементахъ въ языкѣ «Слова о Полку Игоревѣ» (отвѣтъ Ѳ. Е. Коршу); и 3) «Заимствованныя восточныя слова въ памятникахъ русской письменности до-монгольскаго времени». На первую статью П. М. Меліоранскаго отозвался акад. Коршъ, который, во многомъ по данному вопросу расходясь съ П. М. Меліоранскимъ, высказалъ по его адресу слѣдующія лестныя слова[2]): «онъ съ успѣхомъ старается поставить себя на высоту тѣхъ требованій, какія могутъ быть предъявлены лингвистами и, въ особенности, славистами, что̀ и доказалъ блестящимъ образомъ въ статьѣ, вызвавшей эти замѣтки», и далѣе: «... я привѣтствую такого образованнаго и остроумнаго турколога, какъ П. М. Меліоранскій, при его вступленіи на поприще русской филологіи, гдѣ онъ, благодаря своимъ способностямъ и превосходной подготовкѣ, можетъ принести больше пользы, чѣмъ всѣ его предшественники — оріэнталисты, взятые вмѣстѣ». Масти-

---

1) Въ обоихъ случаяхъ вводятся по два фонетическихъ измѣненія.

2) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VIII, кн. 4, стр. 1 и 54.

тый академикъ отвѣтилъ [1]) и на вторую статью П. М. Меліоранскаго, но тогда глаза П. М. Меліоранскаго были уже навѣки закрыты... Русскаго языка касается замѣтка „Слова «чатъхулъ» и «сынъ» въ «Сказаніяхъ о 48 аморійскихъ мученикахъ»“, русской исторіи — статья «Что такое «басма» золотоордынскихъ пословъ?», а русской географіи — три замѣтки по вопросу о транскрипціи географическихъ собственныхъ именъ турецко-татарскаго происхожденія. Послѣдняя изъ замѣтокъ, «Пробная транскрипція географическихъ названій турецкаго корня въ губерніяхъ Казанской, Оренбургской и Уфимской», вышла въ свѣтъ по смерти автора.

Всѣ эти работы, какъ нельзя больше отвѣчающія требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены *русскому* турколсгу, все-таки не вполнѣ оторвали П. М. Меліоранскаго отъ занятій чистой туркологіей, всецѣло поглощавшей вниманіе покойнаго въ первый періодъ (до 1900 г.) его научной дѣятельности, занятій, благодаря которымъ только и могли появиться въ свѣтъ перечисленные сейчасъ цѣнные вклады въ науку отечественнаго языка, исторіи и географіи.

IV.

Работы П. М. Меліоранскаго въ спеціальной его области естественно носятъ на себѣ отпечатокъ современнаго состоянія турколопи, которая до сихъ поръ съ одной стороны страдаетъ недостаткомъ собраннаго и критически изданнаго матеріала, будь то письменные памятники, или матеріалы по современнымъ живымъ нарѣчіямъ, съ другой — не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ мало еще впитала въ себя здоровыхъ началъ современнаго научнаго языкознанія [2]).

Изъ 22-хъ трудовъ П. М. Меліоранскаго разсматриваемой нами теперь категоріи 13-ть являются собственными трудами покойнаго, а 9-ть — рецензіями на чужіе. Имѣя въ виду только что описанное состояніе турколопи, П. М. Меліоранскій, какъ строгій и осторожный ученый, не могъ избрать иной главной задачи для своихъ трудовъ, какъ изданіе и изслѣдованіе сырыхъ матеріаловъ для будущаго зданія науки о турецкомъ языкѣ. Стоя самъ на высотѣ взглядовъ и методовъ современнаго языкознанія, П. М. Меліоранскій въ своихъ рецензіяхъ съ особеннымъ усердіемъ отмѣчаетъ и порицаетъ, всегда sina ira et studio, погрѣшности въ этомъ отношеніи въ чужихъ работахъ.

---

1) Цитованныя «Извѣстія», т. XI, кн. 1.

2) Что послѣднее явленіе отразилось на трудахъ П. М. Меліоранскаго не въ отрицательномъ направленіи, будетъ видно изъ послѣдующаго.

Въ особую заслугу П. М. Меліоранскому должно еще поставить и то, что въ своихъ трудахъ всякаго рода онъ часто попутно выдвигаетъ подлежащіе ближайшему разрѣшенію очередные вопросы турецкой лингвистики, какъ-то: изданіе и изслѣдованіе древне-джагатайскихъ и староосманскихъ письменныхъ памятниковъ, изслѣдованіе современныхъ живыхъ нарѣчій Средней Азіи, составленіе научной грамматики османскаго языка и т. п. Остается только пожелать, чтобы поскорѣе и побольше появилось работъ, эпиграфами которыхъ послужили бы отдѣльные пункты этого разбросаннаго по частямъ въ трудахъ П. М. Меліоранскаго его научнаго завѣщанія. Какъ такое завѣщаніе грядущіе русскіе туркологи-лингвисты должны не забывать и тѣ обѣщанныя покойнымъ работы, которыя ему не суждено было исполнить, напримѣръ [1]), систематическое изслѣдованіе именъ восточнаго происхожденія въ «Словѣ о полку Игоревѣ», а также собранныя, но не использованные покойнымъ матеріалы [2]).

Какъ упомянулъ уже В. В. Бартольдъ [3]), П. М. Меліоранскій по причинѣ слабости своего здоровья не могъ заниматься собираніемъ на мѣстахъ матеріаловъ по живымъ турецкимъ говорамъ и поэтому сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно на изученіи письменныхъ памятниковъ. Но тому была и другая причина. Хотя по выраженію В. В. Бартольда [4]), «наиболѣе плодотворными и необходимыми» изысканіями П. М. Меліоранскій считалъ изслѣдованіе *живыхъ* нарѣчій, но и за писанными турецкими памятниками, даже въ мусульманской транскрипціи онъ признавалъ немалое *лингвистическое* значеніе. Полемизируя на этой почвѣ съ датскимъ туркологомъ Грёнбехомъ, П. М. Меліоранскій выразился [5]): «Ich bin natürlich nicht der Mann, der den Nutzen des Studiums der lebenden türkischen Dialecte bestreiten wollte, aber die türkischen Schriftsprachen möchte ich auch gewissermassen in Schutz nehmen».

Во всякомъ случаѣ изъ собственныхъ лингвистическихъ работъ П. М. Меліоранскаго только одна первая его работа—не говоря объ упомянутой выше киргизской грамматикѣ — касается живого турецкаго нарѣчія, это: «Киргизскія пословицы и загадки», записанныя во время студенческой поѣздки П. М. Меліоранскаго въ казакъ-киргизскую степь. Что П. М. Меліоранскій все-таки ни въ коемъ случаѣ не упускалъ изъ виду этой области туркологіи, видно какъ изъ того, что именно въ эту сторону напра-

---

1) Изв. Отд. русск. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ, т. VII, кн. 2, стр. 274.
2) См. приложеніе II.
3) Цитованный выше некрологъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ».
4) Тамъ-же.
5) Göttingische gelehrte Anzeigen, 1904, № 6, S. 494.

влялъ онъ своихъ учениковъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже, такъ и изъ того, что изъ 9-ти лингвистическихъ его рецензій 6-ть посвящены сочиненіямъ о современныхъ нарѣчіяхъ. Наконецъ, П. М. Меліоранскій принималъ участіе въ составленіи и печатаніи издаваемаго академикомъ В. В. Радловымъ «Опыта словаря тюркскихъ нарѣчій».

До нѣкоторой степени особнякомъ стоитъ докторская диссертація П. М. Меліоранскаго «Арабъ филологъ о турецкомъ языкѣ», дающая текстъ, переводъ и изслѣдованіе II-ой части сочиненія неизвѣстнаго арабскаго (въ томъ смыслѣ, что онъ писалъ по-арабски) филолога XIII—XIV вѣка объ языкахъ персидскомъ, турецкомъ и монгольскомъ. Позднѣе, какъ мы уже упоминали, П. М. Меліоранскимъ была издана и III-я часть этого сочиненія. Во II-ой части даны грамматика и словарь современнаго автору адербейджанскаго нарѣчія съ попутными замѣчаніями о нарѣчіяхъ «туркестанскомъ» и туркменскомъ. Для обработки этой диссертаціи П. М. Меліоранскому понадобилось поближе познакомиться съ лингвистическими пріемами и теоріями арабскихъ филологовъ преимущественно по арабскимъ же пособіямъ, что и удалось П. М. Меліоранскому достигнуть не менѣе успѣшно, чѣмъ впослѣдствіи, при выясненіи турецкихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ, — знакомства со славянской филологіей. Извѣстный голландскій востоковѣдъ Хоутсма подробно передалъ по-нѣмецки содержаніе «Араба филолога» [1]), а объ его издателѣ и комментаторѣ «der durch seine Studien auf dem Gebiete der kirgisichen Dialecte und der alttürkischen Inschriften sich bereits als ein tüchtig geschulter Philologe rühmlichst bekannt gemacht hatte», далъ отзывъ въ общемъ тожественный съ вышеприведеннымъ отзывомъ академика Корша. Знакомство П. М. Меліоранскаго съ предметомъ Хоутсма призналъ достойнымъ удивленія.

Остальныя 11-ть работъ П. М. Меліоранскаго посвящены, слѣдовательно, турецкой письменности и почти половина изъ нихъ языку орхонскихъ надписей. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что П. М. Меліоранскій выступилъ на научное поприще въ самый разгаръ разработки этихъ надписей, послѣ того какъ въ 1893 году ихъ посчастливилось дешифрировать геніальному датскому ученому В. Томсену. Кромѣ трехъ небольшихъ замѣтокъ, языку орхонскихъ надписей посвящена магистерская диссертація покойнаго, «Памятникъ въ честь Кюль Тегина». Послѣ введенія, въ которомъ изложена исторія вопроса объ открытіи, дешифровкѣ и дальнѣйшей разработкѣ орхоно-енисейскихъ надписей, и даны историко-этнографическія свѣдѣнія о народѣ «тугю» и переводъ части труда В. Томсена

---

1) Göttingische gelehrte Anzeigen, 1902, № 7, S. 572.

«Inscriptions de l'Orkhon», — П. М. Меліоранскій дѣлаетъ въ своей диссертаціи новую попытку (послѣ Радлова и Томсена) чтенія, транскрипціи, перевода и толкованія надписей на памятникѣ Кюль-Тегина. Эта работа, написанная строго научно, осторожно, съ большими критическимъ талантомъ, самостоятельностью и эрудиціей, окажетъ крупную помощь тѣмъ, кто возьмется за нелегкій, но въ высокой степени желательный трудъ продолженія обработки древнѣйшихъ памятниковъ турецкой письменности, каковыми являются орхоно-енисейскія надписи. Мы не вполнѣ оцѣнили-бы роль покойнаго въ разработкѣ орхонскихъ надписей, если-бы не упомянули объ его участіи, вмѣстѣ съ проф. В. В. Бартольдомъ, въ трудахъ акад. В. В. Радлова по переработкѣ его перваго перевода памятниковъ въ Кошо-Цайдамѣ [1]).

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть, наконецъ, рецензію П. М. Меліоранскаго на «Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibirien's» Вамбери.

Вторая половина собственныхъ лингвистическихъ трудовъ П. М. Меліоранскаго посвящена письменностямъ: уйгурской (1), джагатайской (2), южно-турецкой (2) и западно-турецкой (1). Южно-турецкой письменности касается также рецензія на «Alt-Osmanische Sprachstudien» Вамбери. Наиболѣе крупными изъ этихъ работъ являются 1) «Сказаніе объ Едигеѣ и Тохтамышѣ. Киргизскій текстъ» и 2) «Шейбани-намэ принца Мухаммеда Салиха» (еще въ печати), переизданіе одного изъ неудачныхъ изданій Вамбери.

Въ нашъ систематическій обзоръ работъ П. М. Меліоранскаго остается еще включить рецензію на «Forstudier til tyrkisk Lydhistorie» af Vilh. Grønbech. Рецензія эта, написанная по-нѣмецки, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ въ ней П. М. Меліоранскій высказался по общимъ вопросамъ туркологіи.

О взглядѣ П. М. Меліоранскаго на значеніе для исторіи турецкаго языка письменныхъ памятниковъ, настоятельность разработки которыхъ покойный подчеркивалъ не разъ во многихъ изъ своихъ трудовъ, мы уже имѣли случай говорить и ссылались между прочимъ и на эту рецензію. Теперь мы прежде всего отмѣтимъ мнѣніе П. М. Меліоранскаго объ особомъ значеніи для исторіи турецкаго языка двухъ живыхъ турецкихъ нарѣчій, чувашскаго и якутскаго, которыя, какова бы ни была ихъ собственная исторія, сохранили въ себѣ, какъ нарѣчія изолированныя, немало

---

1) Die Alttürk. Inschriften der Mongolei, von. W. Radloff, dritte Lieferung, 1895, S. 178.

элементовъ древне-турецкихъ, утраченныхъ другими живыми нарѣчіями: «Die Abhandlung G.'s hat ferner vollkommen bewiesen, dass für Türcologen, die sich für allgemeine linguistische Fragen, für die Reconstruction des Urtürkischen und drgl. interessieren, das Studium des Čuvaschischen unerlässlich ist. Dasselbe gilt natürlich auch vom Jakutischen, das auch von Türcologen immer noch etwas stiefmütterlich behandelt wird» [1]).

Въ этой же рецензіи П. М. Меліоранскій высказался по самому первостепенному вопросу туркологіи: объ отношеніи турецкаго языка къ другимъ урало-алтайскимъ. «Es giebt noch jetzt Gelehrte (um nicht vom gebildeten Publicum zu sprechen), die an gemeinsamen Ursprung und «innere» Verwandschaft des Türkischen, Mongolischen, Manču-tungusischen, ja sogar Finnischen, Samojedischen und Japanischen glauben. Die Gründe aber, die gewöhnlich angeführt werden, beweisen entweder nichts, oder können der gegenwärtigen sprachwissenschaftlichen Kritik nicht Stand halten». «Beim jetztigen Stande der Frage müssen die Türcologen, Mongolisten, Finnologen u. a. hauptsächlich ihre eigenen Felder bebauen; erst wenn wir im Stande sind urtürkische, urmongolische u. s. w. Wurzeln und Suffixe aufzustellen, kann von einer wissenschaftlichen Vergleichung wenigstens eines Theiles dieser einzelnen «Zweige» des «Uralaltaischen» die Rede sein» [2]). Лично для П. М. Меліоранскаго уже не казалось чѣмъ-то невозможнымъ родство монгольскаго языка съ турецкимъ, но онъ не чувствовалъ себя въ состояніи это родство доказать научно.

При современномъ состояніи туркологіи мы не рѣшились бы поставить П. М. Меліоранскому въ большой упрекъ его, временами пожалуй, излишнюю осторожность въ научныхъ выводахъ и обобщеніяхъ; благодаря ей число промаховъ доведено у П. М. Меліоранскаго, можно сказать, до минимума.

Заканчивая свой обзоръ печатныхъ трудовъ П. М. Меліоранскаго, мы должны еще сказать, что изложеніе у П. М. Меліоранскаго всегда строго дѣловитое, но простое; по возможности сжатое, но ясное. Къ печатанію своихъ работъ П. М. Меліоранскій относился съ полнымъ вниманіемъ и то же старался привить и ученикамъ своимъ.

V.

Предметами университетскаго преподаванія П. М. Меліоранскаго были джагатайскій языкъ (т. е. литературный средне-азіатскій языкъ въ

---

1) Göttingische gelehrte Anzeigen, 1904, № 6, S. 494.
2) Тамъ-же, стр. 491—492.

сочиненіяхъ XIII—XVIII вв.) и нарѣчія казакъ-киргизское и казанско-татарское. Свой курсъ П. М. Меліоранскій обыкновенно начиналъ введеніемъ о турецкихъ племенахъ и ихъ нарѣчіяхъ, затѣмъ переходилъ къ изложенію сравнительной грамматики джагатайскаго и казакъ-киргизскаго языковъ и чтенію (съ грамматическими и по содержанію разъясненіями) легкихъ повѣствовательныхъ текстовъ на этихъ двухъ языкахъ, причемъ киргизскіе тексты читались въ мусульманской и русской транскрипціяхъ. Позднѣе (съ VII семестра) П. М. Меліоранскій предлагалъ своимъ слушателямъ чтеніе болѣе трудныхъ прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій на джагатайскомъ языкѣ, а также киргизскихъ былинъ, поэмъ, пѣсенъ и др. поэтическихъ народныхъ произведеній. Съ VII же семестра приступалъ П. М. Меліоранскій къ чтенію казанско-татарскихъ текстовъ и предпосылалъ этому чтенію введеніе о поволжскихъ турецкихъ нарѣчіяхъ.

Начиная съ 1900 г. П. М. Меліоранскій кромѣ того устраивалъ съ желающими занятіями по общему языкознанію; читались и реферировались сочиненія Потебни, Крушевскаго, Дельбрюка, Пауля, Пасси[1]).

Къ преподаванію П. М. Меліоранскій относился съ безграничнымъ вниманіемъ и съ видимо особеннымъ удовольствіемъ руководилъ не только въ стѣнахъ университета, но и у себя на дому, занятіями тѣхъ студентовъ, которые обнаруживали интересъ къ его спеціальности. И ученики П. М. Меліоранскаго всегда глубоко уважали и цѣнили его за его ученость, преданность наукѣ и любовь къ профессорской дѣятельности [2]).

Рядъ учениковъ П. М. Меліоранскаго въ бытность студентами совершили поѣздки для собиранія матеріаловъ по языку и народной словесности среди наименѣе изученныхъ турецкихъ племенъ. Писаревъ ѣздилъ въ 1900 г. въ Требизондъ и собранные тамъ матеріалы обнародовалъ въ статьѣ «Нѣсколько словъ о требизондскомъ діалектѣ». Авторъ этихъ строкъ собиралъ лѣтомъ 1902 г. матеріалы среди текинцевъ Закаспійской области. Въ слѣдующемъ году И. Бѣляевъ отправился къ кара-калпакамъ и кара-киргизамъ въ Среднюю Азію, а Бравинъ въ Крымъ къ ногайцамъ; собранные первымъ матеріалы еще обрабатываются, результатомъ же поѣздки второго былъ переводъ VII тома «Образцовъ тюркскихъ

---

1) Подробности см. въ «Обзорахъ преподаванія въ СПб. Университетѣ», начиная съ 1895—6 гг.

2) Нужно было быть очень далекимъ отъ дѣятельности П. М. Меліоранскаго въ стѣнахъ восточнаго факультета, чтобы бросить на его могилу тотъ упрекъ, который мы, какъ и другіе, съ негодованіемъ прочли въ удивительномъ произведеніи г. Сайфи: «Къ вопросу объ изученіи туземныхъ языковъ Туркестанскаго края» (Сборникъ матер. по вопросу объ изученіи туз. яз. Туркест. края. Ташкентъ. 1905—1906?).

нарѣчій» Радлова; переводъ этотъ печатался подъ наблюденіемъ П. М. Меліоранскаго, но въ свѣтъ еще не вышелъ. Лѣтомъ 1906 г. ѣздилъ изучать малоазійскія турецкія нарѣчія самый молодой изъ учениковъ П. М. Меліоранскаго, Мартиновичъ.

П. М. Меліоранскій находился въ научной перепискѣ съ заграничными (Хоутсма, Томсенъ, Фой и др.) и русскими туркологами (казанскими, оренбургскими, ташкентскими), но мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ матеріаломъ, чтобы подробнѣе остановиться на этой сторонѣ научной дѣятельности покойнаго.

Послѣ всего вышесказаннаго нечего и говорить о томъ, что смерть П. М. Меліоранскаго причинила турковѣдѣнію, и не только русскому, потерю трудно и нескоро вознаградимую.

Закончимъ нашъ некрологъ пожеланіемъ, — какъ бы слаба ни была надежда на успѣхъ нашего пожеланія,—чтобы со смертью П. М. Меліоранскаго лингвистическое теченіе въ туркологіи не заглохло на восточномъ факультетѣ, гдѣ такъ много потрудился въ этой области покойный, а также, чтобы всѣ труды П. М. Меліоранскаго рано или поздно нашли своихъ достойныхъ продолжателей. Пожелаемъ вслѣдъ за нашимъ незабвеннымъ учителемъ[1]) побольше «научно подготовленныхъ и аккуратныхъ работниковъ... нашей плохо-воздѣланной нивѣ, которая, какъ и всякая «цѣлина», принесетъ послѣ обработки несомнѣнно особенно обильные плоды!»... Вѣчная память почившему!

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Хронологическій перечень печатныхъ трудовъ П. М. Меліоранскаго.

(Съ указаніемъ рецензій и имѣющихся датъ написанія).

Примѣчаніе 1. Журнальныя статьи, вышедшія отдѣльными оттисками съ датами до появленія въ свѣтъ журнала, указаны подъ годами, выставленными на оттискахъ.

Примѣчаніе 2. Пособія: 1) Отчеты о состояніи и дѣятельности Спб. университета; 2) Orientalische Bibliographie; 3) Обзоры русскихъ работъ по востоковѣдѣнію въ «Mittheilungen des Seminars für Orientalische Sprachen... zu Berlin» (В. В. Бартольда и кн. И. А. Джавахова).

---

1) «Памятникъ въ честь Кюль-Тегина», стр. 144.

1893 г.

1. Киргизскія пословицы и загадки. (Зап. Вост. Отд. Импер. Русск. Арх. Общ., VII, 39—50).

1894 г.

2. Краткая грамматика казакъ-киргизскаго языка. Часть I. Фонетика и Этимологія. Спб. [Рецензія: 1) Bonelli въ L'Oriente, II, 209—210; 2) Н. П. Остроумова, въ «Турк. Вѣдом.» за 1895 г., № 14].
3. Сельджукъ-намэ, какъ источникъ для исторіи Византіи въ XII и XIII вѣкахъ. (Византійскій Временникъ, I, 613—640).

1895 г.

4. Отрывки изъ дивана Ахмеда Бурhанъ-ед-дина Сивасскаго (Сборникъ факультета восточныхъ языковъ «Восточныя Замѣтки», 131 — 152). [Рецензіи на сборникъ: 1) Франца Николая Финка въ Göttingische gelehrte Anzeigen, 1896, № 8, 638 — 653; 2) Ѳ. Е. Корша, «Восточныя Замѣтки»... Москва, 1900].

1897 г.

5. Краткая грамматика казакъ-киргизскаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Спб. [Рецензія Н. П. Остроумова въ «Туркест. Вѣдом.» за 1897 г., № 73; отвѣтъ П. М. тамъ же въ № 82].
6. Сказаніе о пророкѣ Салихѣ (Изъ Кысасу-ль-Энбія Рубгузи) (Сборникъ статей учениковъ проф. бар. В. Р. Розена, — الالفيّة, 279—308).
7. Древне-тюркскіе памятники въ Кошо-Цайдамѣ (Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи, IV) В. В. Радловъ и —. Спб.

1898 г.

8. Отрывки изъ сочиненія Абу-ль-гази شجرهٔ ترك. Перепечатано изъ изданія барона Демезона подъ наблюденіемъ —. Пособіе для студентовъ Факультета Восточныхъ Языковъ. Казань.
9. Объ Орхонскихъ и Енисейскихъ надгробныхъ памятникахъ съ надписями (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ., іюнь, 263—292). [Рец. Н. Ѳ. Катанова въ Извѣст. Общ. Арх., Истор. и Этногр. при Имп. Казанск. универс., XIV, 699 — 700].

1899 г.

10. Памятникъ въ честь Кюль Тегина. Съ двумя таблицами надписей (Магистерская диссертація. Помѣчено: Спб., май 1899 г. Отд. оттискъ

изъ Зап. Вост. Отд. XII, 1 — 144. Указатель орхонско-турецкихъ словъ и формъ, разобранныхъ въ этой диссертаціи, см. тамъ же, 0171 — 0174). [Рецензія Н. Ѳ. Катанова въ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр., XVI, 117 — 118].

11. По поводу новой археологической находки въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ (Зап. Вост. Отд., XI, 271 — 272).
12. Рец. на: Васильевъ, А. В. Образцы киргизской народной словесности. Киргизская пѣсня о трехъ молодцахъ, и его-же: Образцы киргизской народной словесности. Выпускъ первый. Киргизскія сказки. (Зап. Вост. Отд., XI, 360, №№ 249 — 250).
13. Рец. на: Грамматика киргизскаго языка. Фонетика, этимологія и синтаксисъ. Изд. Правосл. Миссіон. Общества. Оренбургъ, 1897 (1898). [Авторъ: В. В. Катаринскій]. (Зап. Вост. Отд., XI, 361 — 364, № 251).
14. Рец. на: А. В. Васильевъ. Матеріалы къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній татаръ и киргизовъ съ предварительнымъ краткимъ очеркомъ этихъ отношеній. Оренбургъ, 1898 (Зап. Вост. Отд., XI, 364—365, № 252).
15. Рец. на: Киргизско-русскій словарь. Оренбургъ. 1897. (Зап. Вост. Отд., XI, 365—366, № 253).
16. Рец. на: С. Г. Рыбаковъ. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта. Спб., 1897 (Зап. Вост. Отд., XI, 366 — 367, № 254).

1900 г.

17. Арабъ филологъ о турецкомъ языкѣ. Арабскій текстъ издалъ и снабдилъ переводомъ и введеніемъ. Спб. (Докторская диссертація) [Рец. Хоутсмы въ Göttingische gelehrte Anzeigen, 1902, № 7, 571—576].
18. Рец. на: Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibirien's v. H. Vambéry. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XII. Helsingfors. 1899 (Зап. Вост. Отд., XII, 0146—0162, № 275).
19. Рец. на: Elementi di gramatica turca osmanli... par il D-r Luigi Bonelli. Milano, 1899 (Зап. Вост. Отд., XII, 0162—0163, № 276).
20. Рец. на нѣмецк. яз. на: Mundarten der Osmanen, gesammelt und übersetzt von Ignaz Kúnos [Proben der Volkslitteratur der türkischen stämme hgb. von W. Radloff. 8. Theil]. St. Petersburg. 1899 (Deutsche Litteraturzeitung, 1900, № 23, 1499 — 1502).

1901 г.

21. О Кудатку Биликѣ Чингизъ хана (Зап. Вост. Отд., XIII, 015—023).

1902 г.

22. Турецкія нарѣчія и литературы (Энцикл. Словарь Брокгауза и Эфрона, 34, стр. 159—170).
23. Два серебряныхъ сосуда съ енисейскими надписями. Съ таблицей. (Зап. Вост. Отд., XIV, 017—022).
24. Рец. на: Alt-Osmanische Sprachstudien mit einem azerbaižanischen Texte als Appendix von Hermann Vambéry. Leiden. 1901. (Зап. Вост. Отд., XIV, 0136—0138).
25. Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о Полку Игоревѣ» (Извѣст. Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ, VII, кн. 2, 273—302. Помѣчено: январь 1902 г.). [Отвѣтная статья Ѳ. Е. Корша, тамъ-же, VIII, кн. 4, 1—58].
26. Слова «чатъхулъ» и «сынъ» въ «Сказаніяхъ о 42 аморійскихъ мученикахъ» (Извѣст. Отд. русск. яз. и сл., VII, кн. 4, 430—432).

1903 г.

27. Арабъ филологъ о монгольскомъ языкѣ. Арабскій текстъ издалъ и снабдилъ переводомъ, глоссаріями и комментаріемъ. (Зап. Вост. Отд., XV, 75—171).

28—29. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринкѣ Румянцевскаго Музея.

Къ вопросу о значеніи и происхожденіи словъ «чäлäб» (чалап) и «чäлäбі» въ турецкомъ языкѣ (Зап. Вост. Отд., XV, 034 — 043, съ таблицей).

30. Рец. на: Н. Ѳ. Катановъ. Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка... Казань. 1903. (Зап. Вост. Отд., XV, 0150—0160).

1904 г.

31. Документъ уйгурскаго письма Султана Омаръ-Шейха. (Зап. Вост. Отд., XVI, 01—012, съ таблицей).
32. Рец. на нѣм. языкѣ на: Forstudier til tyrkisk Lydhistorie af Vilh. Grønbech. Kjöbenhavn. 1902. (Göttingische gelehrte Anzeigen, 1904, № 6, 491—499).

1905 г.

33. Вторая статья о турецкихъ элементахъ въ языкѣ «Слова о Полку Игоревѣ» (отвѣтъ Ѳ. Е. Коршу). (Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, X, кн. 2, 66—92. Помѣчено: 12 декабря 1904 г.). [Вторая отвѣтная статья Ѳ. Е. Корша, не заставшая уже П. М. въ живыхъ, тамъ же, т. XI, кн. I, 259—315].

34. Сказаніе объ Едигеѣ и Тохтамышѣ. Киргизскій текстъ по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову. Издалъ —. (Приложеніе къ XXIX т. Записокъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этнографіи, 23 + ٣٩).

35. Рец. на: Dr. Kúnos Ignáz, Janua linguae ottomanicae. Oszmán-török nyelvkönyv. (Keleti Szemle, VI, 370—371).

36. Нѣсколько соображеній по вопросу объ упорядоченіи транскрипціи географическихъ собственныхъ именъ турецко-татарскаго происхожденія (Приложеніе 1) къ протоколу № 2 засѣданія подкомиссіи по транскрипціи географическихъ наименованій при картографической комиссіи Имп. Р. Географич. Общ. — 2 марта 1905 г.).

37. Дополнительныя соображенія по вопросу о транскрипціи географическихъ наименованій въ указателѣ къ картѣ. (Тамъ же, приложеніе 6) къ протоколу № 3, отъ 24 марта 1905 г.).

1906 г.

38. Пробная транскрипція географическихъ названій турецкаго корня въ губерніяхъ Казанской, Оренбургской и Уфимской. (Тамъ же, приложеніе 3, къ протоколу № 5 засѣданія 22 апрѣля 1906 г., — отпечатано по смерти автора).

39. Заимствованныя восточныя слова въ памятникахъ русской письменности до-монгольскаго времени. (Въ Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ т. X, кн. 4, стр. 109—134. Помѣчено: 17 окт. 1905 г.). [См. предварительное сообщеніе въ протоколѣ Зап. Вост. Отд., XVII].

40. Что такое «басма» золотоордынскихъ пословъ? (Въ Зап. Вост. Отд. т. XVII, стр, 0129—0140. Посмертное изданіе. Помѣчено: Апрѣль 1906 г.).

Печатается:

41. Шейбани-намэ. Джагатайскій текстъ поэмы Мухаммеда Салиха по рукописи Вѣнской Императорской и Королевской библіотеки. Отдѣльное изданіе.

П. М. Меліоранскій принималъ участіе въ составленіи и печатаніи издаваемаго акад. В. В. Радловымъ «Опыта словаря тюркскихъ нарѣчій».

Подъ редакціей П. М. издано:

Н. Бравинъ и И. Бѣляевъ. Указатель племенныхъ именъ къ статьѣ

Н. И. Аристова: «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и свѣдѣнія о ихъ численности» (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этнографіи, XXVIII, вып. II, 1903 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Краткая опись бумагъ, оставшихся послѣ П. М. Меліоранскаго.

Оставшіяся послѣ П. М. Меліоранскаго бумаги поступили въ библіотеку И. СПБ. университета. Незадолго до своей смерти покойный, собираясь на дачу, связалъ эти бумаги въ четыре пакета, и на каждомъ изъ нихъ наклеилъ билетики съ указаніемъ общаго содержанія пакета.

Выдѣливъ изъ этихъ пакетовъ печатныя книги и брошюры; восточныя рукописи; корректуры и обнародованные уже труды; фотографическіе негативы и карточки; а также документы, принадлежащіе другимъ лицамъ,— мы даемъ ниже самую краткую опись всего остальнаго, при чемъ группировка матеріала принадлежитъ намъ.

Недостатокъ времени не позволилъ намъ составить болѣе тщательнаго обзора рукописныхъ матеріаловъ покойнаго, но сознаніе, что погребать подъ спудомъ забвенія документы, цѣнные для науки есть невниманіе къ наукѣ и къ памяти покойнаго,—побудило насъ обнародовать и то немногое и несовершенное, что намъ удалось сдѣлать.

Упомянемъ, что въ одномъ изъ пакетовъ среди другихъ бумагъ заключены печатные, литографированные и рукописные документы по университетскимъ и факультетскимъ дѣламъ и, между прочимъ, документы, относящіеся ко введенію временной студенческой организаціи 1901 года. Среди бумагъ имѣются также рукописи изъ студенческой поры покойнаго: зачетное сочиненіе, отчетъ о командировкѣ къ киргизамъ и др. и еще *очеркъ киргизской народной литературы*, время составленія котораго намъ неизвѣстно. Восточныхъ рукописей (ихъ немного и все мелкія) мы не касаемся здѣсь отчасти потому, что не знаемъ, всѣ-ли онѣ принадлежали П. М. Меліоранскому, а также и потому, что принадлежавшія ему будутъ, конечно, зарегистрованы Библіотекой.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что собранные П. М. Меліоранскимъ лексическіе матеріалы находятся главнымъ образомъ на бѣлыхъ листахъ, вплетенныхъ въ словари Будагова и Радлова. Весьма цѣнная библіотека покойнаго тоже пожертвована его родному университету.

Іюль 1907 г.

I. Библіографическія и филологическія замѣтки по туркологіи.

1) Коробка съ библіографическими карточками:

a) о киргизахъ; b) изъ разныхъ періодическихъ изданій по востоковѣдѣнію.

2) Пачка листковъ съ короткими библіографическими и лексическими замѣтками.

3) Папка съ матеріалами къ «Сказанію о Тохтамышѣ и Едигеѣ» (Болѣе того, что дано въ № 32 Приложенія I).

4) Связка карточекъ: затруднительныя и неясныя мѣста изъ بابر نامه.
Слѣдуетъ рядъ конвертовъ съ карточками (№№ 6—16).

5) Матеріалы для грамматики турецко-татарскихъ нарѣчій (3 карточки).

6) Матеріалы по сравнительной грамматикѣ турецкаго языка (11 карточекъ).

7) Выписки изъ «Шейбани-намэ» изд. Вамбери.

8—9) Замѣтки изъ «Кудатку-биликъ».

10) Тоже изъ قصص الانبيا, изд. Ильминскаго.

11) Тоже изъ: a) «Тарихи-Худояръ-хана», изд. проф. Веселовскаго; b) مخزن مير حيدر и معراج نامه (Čagataische Spachstudien Vambéry); c) Уйгурско-китайскаго глоссарія Клапрота; d) Татарско-башкирскихъ пѣсенъ (Записки Оренбургское Отд. И. Р. Географ. Общ., 1870).

12) Тоже изъ معراج نامه, изд. Павэ-де-Куртейля.

13) Тоже изъ كتاب قورقود, изд. проф. Бартольда. (Въ запискахъ Вост. Отдѣленія т. VIII).

14) Тоже изъ «Преданіе о семи спящихъ отрокахъ» на логученскомъ нарѣчіи, проф. Н. Ѳ. Катанова. (Записки Вост. Отд. VIII, 226—234).

15) Карточки для изданія «Шейбани-намэ» (см. Прилож. I, № 41).

II. Выписки изъ турецкихъ и другихъ рукописей и замѣтки при чтеніи ихъ.

1) Замѣтки въ Британскомъ музеѣ (оторванный полулистъ).

2) Тетрадь съ мелкими выписками изъ Оксфордскихъ и Лондонскихъ рукописей.

3) Тетрадь съ выписками изъ рукописей англійскихъ библіотекъ (только начата). 4—5) Двѣ тетради съ выписками и замѣтками изъ Лондонской рукописи дивана Бурхан-еддина Сивасскаго. (Большая часть еще не использована. Ср. приложеніе I. № 4).

6—10) Выписки изъ лондонской рукописи قصص الانبيا въ пяти тетрадяхъ. Британскій музей, add. 7851, ff. 31^a—61^a. (Ср. приложеніе I, № 6).

11) Едва начатая тетрадь съ выписками изъ парижскихъ рукописей.

12) Выписки изъ берлинской рукописи (Petermann II, 354): تعريف اصول لغات التركيه (на перс. языкѣ).

13) Списокъ «интересныхъ рукописей Вѣнской библіотеки».

14—15) Двѣ тетради съ надписью: «Вѣна. Лѣто 1904 г.» Выписки и замѣтки изъ «Ашыкъ-паши» (Flügel, I, 615, № 650), «Юнус-Эмрэ», «Шейбани-намэ» и др. рукописей Вѣнской Императ. библіотеки.

16) Тетрадь съ выписками изъ آل تمغای ناصری.

III. Матеріалы къ вопросу о турецкихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ.

1) Коробка съ карточками, на которыя занесены слова: а) изъ «Опыта областного словаря великорусскаго говора»; в) изъ «Дополненій» къ нему: с) изъ словаря Даля.

Далѣе слѣдуетъ рядъ конвертовъ тоже съ карточками, на которыя занесены слова изъ разныхъ русскихъ литературныхъ памятниковъ [1]) и изслѣдованій, обозначенныхъ на конвертахъ (№№ 2—22).

2) Ипатская лѣтопись. Лѣтопись по ипатскому списку, изданіе Императорской Археографической Комиссіи. 1871. Собственныя имена турецкаго корня, встрѣчающіяся въ этой лѣтописи, съ параллельными цитатами изъ Лаврентьевской.

3) Ипатская лѣтопись. Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. Импер. Археогр. Комиссіи 1871. Слова турецкаго корня въ русскомъ языкѣ.

4) Поученіе Ѳеодосія Печерскаго. Ученыя записки Имп. Акад. Наукъ, кн. II, вып. I, 1856 г.

5) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изд. Имп. Археограф. Комиссіи, т. XIX. Казанскій лѣтописецъ. 1903.

6) В. Яковлевъ. Памятникъ русской литературы XII и XIII вѣковъ. 1872.

7) Русская Правда по: «П. Мрочекъ-Дроздовскій. Изслѣдованіе о русской правдѣ. Вып. II. Москва. 1885».

8) «Житье и хоженіе Данила русьскыѧ земли игумена, 1106—1107». Подъ редакц. М. А. Веневитинова.

9) Договоръ Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г.

10) Лаврентьевская лѣтопись. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. Археогр. Комиссіи. 1872.

11) Переяславская лѣтопись.

---

1) См. И. И. Срезневскій, «Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV вѣковъ», 2-ое изданіе, 1882 г.

12) Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку, изд. Импер. Археогр. Комисс. 1888 г.

13) Новгородскія лѣтописи (такъ называемыя: вторая и третья), изд. Импер. Археограф. Комисс. 1879 г.

14) «Слова, направленныя противъ язычества», изд. Тихонравовъ. (Лѣтописи русск. литературы и древности, т. IV, смѣсь, стр. 83—112).

15) Изъ различныхъ болѣе незначительныхъ памятниковъ (33 карточки).

16) «Матеріалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики. I—III. 1854».

17) А. И. Соболевскій. Русскія заимствованныя слова (литограф. лекціи). 1891.

18) Изъ словаря Даля (на «п» и «ч»).

19) Матеріалы для сужденія о звуковыхъ переходахъ въ заимствованныхъ русскими турецкихъ словахъ (3 карточки).

20) Слова турецко-монгольскія въ древне-русскомъ (4 карточки).

21) Слова сомнительныя, но по всей вѣроятности *не* турецкаго корня, извлеченныя изъ древне-русскихъ памятниковъ. (21 карточка).

22) «Слово о полку Игоревѣ» по Дубенскому и Барсову. (Неиспользованы 22 карточки съ именами собственными. А. С.)

Далѣе слѣдуютъ библіографическія замѣтки, преимущественно на отдѣльныхъ листахъ бумаги.

23) Листъ: «Справки изъ изслѣдованій о заимствованныхъ турецкихъ словахъ въ русскомъ языкѣ».

24) Листъ съ именами турецкихъ князей въ русской лѣтописи.

25) Листъ съ библіографіей «О мореходствѣ» у славянъ и арабовъ.

26) Тетрадь въ полный листъ съ матеріалами къ вопросу о «басмѣ».

27) Тетрадь, въ которой использованъ только одинъ полулистъ выписками изъ статьи Миклошича «Die türkischen Elemente in den südost.— und osteuropäischen Sprashen».

28) Конвертъ со вложеніемъ: а) 2 листовъ съ библіографическими замѣтками; в) восьми карточекъ съ такими-же замѣтками.

29) Конвертъ съ карточками по вопросу о турецкихъ элементахъ въ русскомъ и польскомъ языкахъ, для «Славянской Энциклопедіи». Со вложеніемъ письма акад. Ягича. (Неоконченная работа).

IV. Карточки по монгольскому языку.

1) Конвертъ съ 84 лексическими карточками, помѣченный: Оюнъ Пульхигуръ. مغول تيلى ترك تيلى منان صاليشتروق.

2) Лексическія карточки изъ: «Бобровниковъ. Грамматика монгольско-калмыцкаго языка».

V. Бумаги, относящіяся къ преподовательской дѣятельности П. М. Меліоранскаго.

1) Бабур-намэ. Введеніе и Переводъ по тексту Ильминскаго до стр. 22. (Большая тетрадь).

2) «Лекціи по сравнительнои грамматикѣ джагатайскаго и киргизскаго (языковъ) съ введеніемъ о турецкихъ народахъ и языкахъ вообще. О поволжскихъ діалектахъ здѣсь-же». (Большая тетрадь).

3) Тетрадь въ 136 страницъ во весь листъ. Конспективное изложеніе «Principien der Sprachgeschichte» Paul'a.

А. Самойловичъ.

МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Копто-сахидское письмо изъ коллекціи В. С. Голенищева.

Въ коллекціи В. С. Голенищева, кромѣ прекрасныхъ коптскихъ пергаменныхъ листовъ, разработанныхъ О. Э. фонъ-Леммомъ и многочисленныхъ ostraca, изданныхъ мною, имѣется также нѣсколько папирусовъ такъ называемаго дѣлового характера, т. е. принадлежащихъ къ тому роду литературы, который по справедливости считается наиболѣе труднымъ для уразумѣнія. Эти папирусы большею частью фрагментарны. Такъ, одинъ представляетъ оборванный справа конецъ документа о какой-то сдѣлкѣ съ подписями сторонъ и свидѣтелей, другой — куски написаннаго уставнымъ почеркомъ письма и т. д. Цѣльныхъ документовъ только три: одинъ, съ арабскимъ verso, очень поздній и мало понятный; другой, представляющій письмо, написанный recto и verso на бумагѣ, слѣдовательно около X вѣка, крайне безграмотенъ и понятенъ только въ началѣ и концѣ. Наконецъ третій, на папирусѣ (18,4 × 8,3 см.), написанный четкимъ уставнымъ почеркомъ recto и verso и прекрасно сохранившійся, сравнительно понятенъ, кромѣ двухъ-трехъ мѣстъ, и я рѣшаюсь предложить его изданіе и посильный переводъ. Правописаніе и надстрочные знаки подлинника сохраняются.

⳨ ⲡⲣⲟⲧⲟⲛ ⲙⲉⲛ ϯⲡⲣⲟⲥⲕⲩ/ ⲙ̅ⲡⲓⲭⲛⲟⲥ
ⲛ̇ⲛⲟⲩⲉⲣⲏⲧⲉ ⲙⲁⲗⲗⲟⲛ ⲙ̅ⲡϩⲟⲩⲡⲟⲡⲟϫⲓ
ⲟⲛ ⲙⲛ̅-ⲡⲉⲩϣⲟⲉⲓϣ ⲡⲁⲛⲟϭ ⲙ̅ⲫⲓⲗⲟⲥ
ⲁⲩⲱ ⲛ̇ⲥⲁϩ ⲁⲩⲱ ⲛ̅ⲣⲉϥϯⲥⲃⲱ ⲁⲩⲱ
ⲙⲡⲉⲓϫⲁⲅⲱⲅⲟⲥ ⲁⲩⲱ ⲛ̇ⲫⲓⲗⲁⲛ
ⲑⲣⲱⲡⲟⲥ ⲁⲗⲏⲑⲱⲥ ⲙⲡ̅ⲛⲁⲩ ⲉϣⲁⲓ
ⲙⲉⲉⲩⲉ ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲧⲉⲕⲑⲉⲟⲫⲓⲗⲓⲁ
ϣⲁⲓ̅̇ⲣⲑⲉ ⲉϣϫⲉ ⲉⲓⲉⲓⲣⲉ ⲙ̅ⲡⲙⲉⲉⲩⲉ
ⲙ̇ⲡ̅ⲡⲁⲧⲣⲓⲁⲣⲭ̇ⲏⲥ ⲡⲁⲓ ⲅⲁⲣ ⲛ̅ⲧⲁⲕϫⲓ
ⲙⲉⲣⲟⲥ ϩⲙ̅ⲡⲉϥⲣⲁⲛ ⲉⲁⲕⲧⲛ̅ⲧⲱⲛ̅ⲅ̅
ⲉⲡⲉϥⲉⲓⲛⲉ ⲧⲏⲣϥ̅ ⲁⲣⲓ ⲧⲁⲅⲁⲡⲏ ⲛ̅ⲅ̅
ϯϩⲓⲥⲉ ⲛ̅ⲧⲉⲕⲑⲉⲟⲫⲓⲗⲓⲁ ⲛ̅ⲅ̅ⲃⲱⲕ

ⲉⲛⲧⲟⲟⲩ ⲧⲁⲣⲏⲥ ⲛ̅ⲅ̅ϫⲟⲟⲥ ⲙ̅ⲡⲉⲛⲉⲓ ⲱⲧ ⲁⲡⲁ ⲅⲉⲱⲣⲅⲓⲟⲥ ⲉⲧⲃⲉ-ⲡⲉⲯⲁⲗ ⲧⲏⲣⲓⲟⲛ ⲛ̅ⲧⲁϥⲥϩⲁⲓϥ ⲛ̅ⲑⲉⲟⲫⲩⲗⲁⲝ ⲉϣⲱⲡⲉ ⲙⲡ̅ϥⲧ̅ⲛ̅ⲛⲟⲟⲩ ⲁⲡⲟⲕⲣⲓⲥⲓⲥ ⲛⲁϥ ⲟⲩⲇⲉ ⲁⲛ ⲙⲡ̅ϥⲉⲓ ⲙⲁⲣⲉϥⲥⲙ̅ⲛ̅ⲧ̅ϥ̅ ⲛ̅ϥ̅ϯ-ⲁⲗⲟⲩⲇⲁⲣⲉⲓ ⲉⲣⲟϥ ⲛ̅ϥ̅ϯ-ⲡϣⲁⲁⲣ ⲉⲣⲟϥ ⲛ̅ϥ̅ⲧⲓⲗⲉⲓⲟⲩ ⲙⲙⲟϥ̅ (sic!) ϩⲉⲣϣⲁⲛ ⲧⲉⲭⲣⲓⲁ ϣⲱⲡⲉ ⲛ̅ⲅ̅ϫⲓ ⲟⲩⲧⲉⲣⲙⲏⲥⲓⲟ ⲉϫⲱⲕ ⲛ̅ⲅ̅ⲧⲁⲁϥ ⲛⲁϥ ⲛ̅ⲡⲁⲣⲏⲃ ⲙ̅ⲡ̅ⲣ̅ⲉ̅ⲙ̅ ⲡⲟⲇⲟⲧⲓⲍⲉ ⲙ̅ⲡⲁϩⲱⲃ ⲉⲣϣⲁⲛ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲟⲩⲱϣ ϯⲛⲏⲩ ⲉⲣⲏⲥ ⲛ̅ⲧⲁⲛ̅ ⲡϣⲁⲁⲣ (?) ⲙ̅ⲡ̅ ϫⲱⲱⲙⲉ ⲙ̅ⲛ̅-ⲧⲉϥⲧⲓⲙⲏ ⲧⲏⲣϥ̅ ⲙ̅ ⲡⲥⲁϩ ⲛ̅ⲅ̅ⲕⲁⲗⲗⲓⲅⲣⲁⲫⲟⲥ ⲕⲁⲧⲁ ⲡⲉϥ ⲙ̅ⲧⲟⲛ ⲛ̅ϩⲏⲧ ⲧⲏⲣ̅ϥ̅ ⲉⲩϣⲁⲛⲛ̅ ⲭⲁ[ⲣ (?) ⲧⲏⲥ ⲉⲣⲏⲥ ⲟⲛ ⲙⲣ̅ϭⲱ ⲛ̅ⲟⲩⲉϣⲛ̅ⲛ ϣⲱⲡ ⲟⲩⲧⲉⲣⲙⲏⲥⲓⲟⲛ ⲛⲁⲓ ϣⲁⲛ ⲧⲁⲉⲓ ⲉⲣⲏⲥ ⲧⲁⲁⲡⲟⲗⲟⲅⲓⲍⲉ ⲛⲁⲕ ⲙ̅ⲙ[ⲱ (?) ⲟⲩ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛⲧⲉⲕⲁⲅⲁⲡⲏ ⲛ̅ⲅ̅ϫⲟⲟⲥ ⲟⲛ ⲙ̅ⲡⲉⲧⲣⲟⲥ ⲛ̅ⲁⲡⲁ ⲡⲁϩⲱⲙ ⲛ̅ⲅ̅ ϫⲓ ⲡⲉⲓⲟⲣⲅⲟⲛ ⲉⲧϩⲁϩⲧⲏϥ ⲛ̅ⲅ̅ⲕⲁ ⲁϥ ϩⲁϩⲧⲏⲕ ϣⲁⲛⲧⲁⲉⲓ

Verso.

..?] ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲥⲟⲟⲩⲛ ϫⲉ-ⲁⲓⲧ̅ⲛ̅ⲛⲟ ⲟⲩ ⲥⲛⲁⲩ ⲛ̀ⲣⲱⲙⲉ ⲛ̅ⲑⲉⲟⲇⲱⲣⲟⲥ ⲙⲛ ⲡⲉϥⲥⲟⲛ ⲁⲓⲥϩⲁⲓ ⲛⲁⲩ ⲛ̀ⲕⲉⲥⲟⲡ ⲛ̅ⲧⲟⲟ ⲧⲟⲩ ⲛ̅ϩⲉⲛⲥⲛⲏⲩ ⲉⲧⲃⲉ-ⲡϫⲱⲱⲙⲉ ⲕⲁⲧⲁ ⲑⲉ ⲛ̅ⲧⲁϥϩⲱⲛ ⲉⲧⲟⲟⲧ ⲛ̅ϭⲓ-ⲅⲉ ⲱⲣⲅⲓⲟⲥ ⲡⲉⲩⲗⲁⲃⲉⲥ/ ⲙⲡⲣⲉⲥⲃⲩ/ ⲁⲣⲓ ⲧⲁⲅⲁⲡⲏ ⲇⲉ ⲡⲁⲙⲉⲣⲓⲧ ⲛ̅ⲥⲟⲛ ⲛ̅ⲅ̅ⲡⲣⲟⲥⲕⲩ/ ⲙ̅ⲡ̅ⲙⲁⲓⲛⲟⲩⲧⲉ ⲛ̅ⲥⲟⲛ ⲡⲥⲁϩ ⲉⲩⲥⲉⲃⲓⲟⲥ ⲡⲥⲁϩ ⲛ̅ⲉⲕⲟⲧⲟⲙⲱⲥ ⲛ̅ⲅ̅ⲟⲩⲱϣⲧ ⲉⲛⲟⲩⲣⲏⲧⲉ (sic!) ⲙⲡⲱⲛⲉ ⲙⲙⲉ ⲉⲧϩⲏⲡ ⲡⲁⲓ ⲉⲧⲏⲡ ⲉⲡⲣ̅ⲙ̅ⲧⲁⲣ ⲥⲟⲥ ⲁⲩⲱ ⲡⲉⲧⲛ̅ϥⲟⲩⲟⲛ̅ϩ̅ ⲉⲃⲟⲗ ⲁⲛ

sic!
ⲟϫⲁⲓ ϩⲛⲧϭⲟⲙ ⲛ̄ⲧⲉⲧⲣⲓⲁⲥ ⲉⲧⲟⲩⲁ
ⲁⲃ ⲡϫⲟⲉⲓⲥ ⲉϥⲉⲧⲟⲩϫⲟⲛ ϩⲓⲟⲩⲥⲟⲡ

«Прежде (всего) кланяюсь слѣду (ἴχνος) ногъ, или скорѣе подножію (ὑποπόδιον) и слѣдамъ ихъ моего великаго друга (φίλος) и писца и учителя и (5) наставника (παιδαγωγός) и человѣколюбца (φιλάνθρωπος) воистину (ἀληθῶς). Нынѣ, если я мыслю о твоемъ боголюбіи (θεοφιλία), я поступаю такъ, какъ поступилъ бы я при мысли о патріархѣ: ибо (γάρ) ему (10) сопричастенъ ты въ имени и всему его образу ты уподобился. Будь добръ (ἀγαπή), утруди твое боголюбіе (θεοφιλία), пойди на гору Тарисъ и скажи нашему отцу, аввѣ Георгію относительно (15) псалтири, которую онъ написалъ для Θеофилакта. Если онъ не послалъ отвѣта (ἀπόκρισις) ему и не пришелъ, то пусть приготовитъ ее. Пусть онъ дастъ ему ἀλοηδάριον (?), пусть онъ дастъ ему кожу, пусть онъ размягчитъ ее (λειοῦν)... Если будетъ (20) необходимо, возьми на себя тримисій и дай ему въ залогъ, не затягивай (ἐμποδίζειν) моего дѣла. Если Богу будетъ угодно, я пойду на югъ, принесу кожу для книги и всю ея цѣну (τιμή) за (25) письмо каллиграфа (καλλίγραφος) согласно полному его удовлетворенію. Если они отнесутъ хартіи (χάρτης) на югъ, не оставайся безъ насъ (?) возьми для меня тримисій, пока я приду на югъ и расчитаюсь (ἀπολογίζεσθαι) для тебя со (30) всѣми ими. Будь добръ (ἀγαπή), скажи также Петру (и?) аввѣ Пахомію, возьми это дѣло (?), что у него и оставь его у себя, пока я не приду.

(Verso). Богъ знаетъ, что я послалъ (35) двухъ людей: Θеодора и брата его и написалъ имъ еще разъ чрезъ братьевъ относительно книги согласно тому, какъ поручилъ мнѣ Георгій, тщательнѣйшій (εὐλαβέστατος) пресвитеръ. Будь же добръ, возлюбленный братъ (40) поклонись (προσκυνεῖν) боголюбивому брату писцу Евсевію, писцу Никодима (?) и припади къ ногамъ жемчужины сокровенной, которая причтена мужу Тарсянину и которая не явлена (?). Будь здравъ силою Святыя Троицы (Τριάς). (45) Господь да подастъ здравіе и намъ вкупѣ».

Приведенное письмо, не всѣ частности котораго для насъ ясны, имѣетъ интересъ для культуры монашескаго Египта. Неизвѣстный авторъ поручаетъ своему корреспонденту, къ которому онъ обращается почти съ подобострастіемъ, отличающимъ письма къ старшимъ и котораго называетъ своимъ учителемъ, употребляя для этого и греческое, и коптское слово, принять на себя заботы по наблюденію за исполненіемъ заказа—написанія псалтири для нѣкоего Θеофилакта. Рукопись должна быть пергаменная — въ письмѣ употреблено слово ϣⲁⲁⲣ «кожа», какъ и въ рецептѣ приготовленія пергамента, изданномъ недавно Crum'омъ. Къ сожалѣнію въ

послѣднемъ нѣтъ загадочнаго слова ⲁⲗⲟⲩⲇⲁⲣⲉⲓ, вѣроятно имѣющаго отношеніе къ приготовленію пергамента или написанію книги. Во всякомъ случаѣ дѣло идетъ объ одной изъ тѣхъ красивыхъ рукописей Св. Писанія, многочисленные листы которыхъ въ настоящее время разсѣяны по музеямъ и коллекціямъ.

Время нашего письма опредѣлить трудно. Палеографическій обликъ его унціальнаго письма даетъ нѣкоторое право говорить о VII столѣтіи; во всякомъ случаѣ правильный сахидскій языкъ, греческая эрудиція и изысканная литературная форма указываютъ на время не особенно позднее. Въ литературномъ отношеніи папирусъ интересенъ и даетъ новый, не отмѣченный Краллемъ типъ вступительной и заключительной формулъ; въ самомъ текстѣ обращаютъ на себя вниманіе такія выраженія, какъ уподобленіе какого-то уважаемаго и отправителемъ, и адресатомъ лица мужу Тарсянину, т. е. Ап. Павлу. Интересно, что авторъ письма ни себя не назвалъ по имени, ни своего адресата; послѣдняго онъ только назвалъ одноименнымъ патріарху. Не сдѣлано ли это съ умысломъ и не скрываются ли имена въ странныхъ числахъ (?) послѣдней строчки съ не менѣе странными монограммами? Что касается послѣднихъ, то можетъ быть вторая — ἡ ἁγία, а первая — Μαρία, см. напр. Clédat, Baouit (Mémoires de l'Institut du Caire XII), 76, гдѣ, впрочемъ, знакъ для Μαρία менѣе сложенъ.

Б. Тураевъ.

Ахмимскій папирусъ изъ коллекціи Н. П. Лихачева.

Въ коллекціи Н. П. Лихачева имѣется, кромѣ нѣсколькихъ дѣловыхъ, большею частью фрагментарныхъ папирусовъ, одинъ совершенно особаго содержанія, сохранившійся цѣликомъ и написанный на ахмимскомъ діалектѣ, правда не вполнѣ грамотномъ. Послѣднее обстоятельство кое-гдѣ затрудняетъ пониманіе, но въ общемъ папирусъ читается легко. Написанъ онъ почти унціальнымъ шрифтомъ. 30 × 15 см. R. сохранилось полностью (кромѣ немногихъ буквъ), V. въ значительной части стерлось.

✝ ⲡϫⲁⲉⲓⲥ ⲡⲁⲛⲟⲩⲧⲉ ⲡⲉⲧϯϭⲟϣⲧ̄ ⲁⲃⲁⲗ
ϩⲛⲧϥ̄ ⲡⲉⲧϩⲙⲟⲥⲧ ⲁϫⲛ̄-ⲛ̄ϩⲁⲣⲙⲁ ⲛ̄ⲛ̄
ⲭⲉⲣⲟⲩⲃⲓⲛ ⲉⲣⲉ-ⲛ̄ⲥⲁⲣⲁⲫⲓⲛ ⲕⲱⲧⲉ ⲉⲣⲟϥ
ⲡⲉⲧⲧⲁⲗⲏⲩ ⲁϩⲣⲏ ⲁϫⲛ̄-ⲡⲉⲃⲧⲟⲟⲩ ⲛ̄ⲥⲱⲛ (sic!)
ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ ⲅⲁⲃⲣⲓⲏⲗ (sic!) ⲡⲁⲣⲭⲏⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲛ̄

ⲭⲉⲣⲟⲩⲃⲓⲛ ⲙⲛ̄-ⲛ̄ⲥⲁⲣⲁⲫⲓⲛ ϩⲣⲁⲃⲟⲩⲏ[ⲗ
ⲥⲟⲩⲣⲟⲩⲏⲗ ⲕⲟⲕⲕⲟⲩⲏⲗ ⲡⲉⲧϩⲙⲟⲥⲧ ⲁϩⲣⲏ
ⲁϫⲛ̄-ⲡⲉϥⲑⲣⲟⲛⲟⲥ ⲙⲛ̄ⲡⲉϥϣⲏⲣⲉ ⲙ̄ⲙⲉⲣⲓⲧ
ⲙⲛ̄-ⲛ̄ⲧⲁⲩⲧⲁⲩⲁⲩ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲙⲛ̄-ⲡⲧⲟⲡⲟⲥ ⲉⲧⲟⲩ
ⲛⲁⲕⲁⲥ ⲛ̄ϩⲏⲧⲥ ⲙⲛ̄-ⲡⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲛ̄ⲧⲉⲕⲕⲗⲏⲥⲓⲁ
ⲁⲕⲁⲡⲁⲧⲁⲥⲥⲉ ⲛ̄ⲡⲣⲏⲥ[ⲧⲁ??]ⲥⲓⲁ ⲙⲛ̄-ⲧⲛⲟⲩⲛⲧⲉ ⲙⲛ-
ⲁⲃⲱⲛ̄ϩ ϩⲛ̄ⲟⲩϭⲉⲡⲏ ⲕⲁⲗⲱⲥ ⲁⲕⲁϫⲁⲣⲟⲧ
ⲁⲃⲁⲗ ⲛⲑⲉ ⲉⲧⲁⲩϫⲁⲣϥ ⲁⲃⲁⲗ ⲁⲕⲁⲉⲓⲛⲉ ⲁϩⲣⲏ
ⲁϫⲱⲟⲩ ⲛ̄ⲧⲟⲣⲅⲏ ⲛ̄ⲧⲉⲕϭⲟⲛⲧ ⲙⲛ̄-ⲡⲉⲕϭϥⲟⲉⲓ
ⲉⲧϫⲟⲥⲉ ⲛ̄ⲑⲉ ⲉⲧⲁⲕϥⲟⲧ ⲥⲟⲙⲟϩⲣⲁ ⲙⲛ̄-ⲕ(?)ⲟⲙⲟϩⲣⲁ
ⲁⲃⲁⲗ ϩⲛ̄ⲧⲟⲣⲅⲏ ⲙ̄ⲡⲉⲕϭⲟⲛⲧ ⲁⲕⲁⲃⲟⲧⲉ ⲁⲃⲁⲗ
ⲛ̄ⲡⲉⲧⲁϥⲉⲓⲣⲉ ⲙ̄ⲡⲉⲓϫⲛ̄ϭⲟⲛⲥ ⲁⲕⲁⲉⲓⲣⲉ
ⲛ̄ϫⲓⲕⲃⲁ ⲛ̄ⲉⲛⲱⲭ ⲛ̄ⲙⲙⲁⲩ ⲛ̄ⲑⲉ ⲉⲧ-ⲁ-ⲡⲉⲥⲛⲟϥ
ⲛ̄ⲁⲃⲁⲗ ⲱϣ ⲁⲃⲁⲗ ⲁⲕⲁⲉⲓ ⲛⲡⲉϥⲥⲟⲛ ⲁ-ⲡⲉⲥⲛⲟϥ
ⲛⲛⲓⲧⲁⲗⲉⲡⲱⲣⲟⲥ ⲱϣ ⲁⲃⲁⲗ ϣⲁⲧⲉⲕ-ⲣ̄-ⲡⲉϥϩⲁⲡ
ⲙⲛ̄-ⲛⲉⲛⲧⲁⲩⲉⲓⲣⲉ ⲛⲉϥ ⲙⲡⲓϫⲓⲛϭⲟⲛⲥ ⲉⲗⲱⲉⲓ ⲉⲗⲱⲉⲓ
ⲉⲧⲉ-ⲡⲉⲓ-ⲡⲉ ⲡϫⲁⲉⲓⲥ ⲥⲁⲃⲁⲱⲑ ⲁⲕⲁⲉⲓ ⲛⲉⲙ-ⲡⲉⲕϭⲟⲛⲧ
ⲁϩⲣⲏ ⲁϫⲱⲟⲩ ϩⲛ̄-ⲟⲩϣⲧⲁⲣⲧⲣⲉ ⲡⲉⲧⲉ-ⲟⲩⲛⲏ-ⲛⲓϥⲉ ⲛⲓⲙ
ϣⲟⲡ ϩⲁⲛⲉϥϭⲓϫ ⲡⲉⲛⲧⲁϥⲡⲗⲁⲥⲥⲁ ⲛ̄ⲑⲉⲕⲟⲩⲙⲉⲛⲏ ⲁⲕⲁ
ϣ̄ⲣϣⲟⲣⲟⲩ ϩⲛⲟⲩϭⲉⲡⲏ ⲛ̄ⲣⲱⲙⲉ ⲉⲧⲁⲩⲉⲓⲣⲉ ⲙ̄ⲡⲓϫⲓⲛϫⲛ̄ⲛⲟϩ (sic!)
ⲁⲉⲓⲉ ⲡϫⲁⲉⲓⲥ ⲥⲁⲃⲁⲱⲑ ⲁⲕⲁⲉⲓⲣⲉ ⲙ̄ⲡⲉⲃϩⲁⲡ ϩⲛ̄
ⲟⲩϭⲉⲡⲏ ☩

—— . . . . . . —— . . . . . . —— . . . . . . ——

V. ⲡⲉⲧⲛⲁⲃⲱⲗ ⲁⲃⲟⲗ ⲙⲡⲓⲭⲁⲣⲧⲏⲥ ϥ . . . ⲙ̄ⲙⲁϥ ⲁⲛ ⲉⲧⲥⲛ̄ϩ
. . ⲁϥⲛ ϫⲁϫⲱϥ ϩⲙ̄ⲡⲣⲱⲛ (sic!) ⲙ̄ⲡϫⲁⲉⲓⲥ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ☩

«Господи, Боже мой, на Него же взираю, сидящій на колесницѣ (ἅρμα) Херувимской, котораго окружаютъ Серафимы, носимый четырмя животными (ζῶον), (5) Михаиломъ, Гавріиломъ, архангеломъ (sic!), Херувимами и Серафимами, Рафаиломъ, Суруиломъ и Куккуиломъ, сидящій на престолѣ (θρόνος) своемъ съ Сыномъ своимъ возлюбленнымъ и всѣми . . . . и мѣстомъ (τόπος), ... , и Ангеломъ церкви! Ты отвергъ предстательство (?) . . . . и . . . . и онъ живъ тотчасъ прекрасно (καλῶς). Разсѣй меня (sic!) подобно тому, какъ они разсѣяли его. Нашли на нихъ гнѣвъ (ὀργή) ярости Твоей и Твою руку (15) высокую, подобно тому, какъ Ты проклялъ Сомохру и Комохру (м. б. Содомъ и Гоморру?) во гнѣвѣ (ὀργή) ярости Твоей. Прокляни творящаго неправду.

Ахмимскій папирусъ изъ коллекціи Н. П. Лихачева.

Сахидское письмо изъ коллекціи В. С. Голенищева.

Фототипія Ходоевскаго и Дресслеръ, Спб. В. Подъяческая 22.

Содѣлай мщеніе Енохово на нихъ подобно тому, какъ кровь Авеля вопіяла. Приди къ его брату. Кровь (20) несчастнаго (ταλαίπορος) будетъ вопіять до тѣхъ поръ, пока Ты не произведешь его суда съ тѣми, которые учинили ему неправду. Элои! Элои!, что значитъ Господь Саваоѳъ! Приди съ гнѣвомъ Твоимъ на нихъ во смятеніи. Всякое дыханіе содержится въ рукахъ Его, создавшаго (πλάσσειν) вселенную (οἰκουμένη). (25) Разруши вскорѣ людей, дѣлающихъ неправду. О (?) Господи Саваоѳъ, сотвори судъ его вскорѣ».

V. «Кто уничтожитъ эту рукопись ...... то что написано, ... устами Господа Бога.

О содержаніи и происхожденіи текста не рѣшаюсь высказываться опредѣленно. Онъ производитъ впечатлѣніе заклинанія. Въ пользу гностическаго происхожденія можно привести пожалуй τόπος въ v. 9 и странныя имена архангеловъ. Куккуилъ мнѣ неизвѣстенъ изъ другихъ источниковъ; въ словарѣ ангелологіи Schwab'а также нѣтъ совершенно тожественнаго имени. О времени папируса также не могу высказать никакихъ предположеній.

Б. Тураевъ.

Коптскія надгробныя надписи.

I. Я. И. Смирновъ нашелъ въ **Московскомъ Историческомъ Музеѣ** плиту съ коптской надписью, заключенной въ орнаментальную рамку, но сохранившуюся лишь на половину—нижняя часть потеряна. 41 × 58 см. Происхожденіе плиты неизвѣстно, равно какъ и время ея поступленія въ Музей. Я. И. Смирновъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе снятый имъ эстампажъ плиты. Она сильно пострадала, къ тому же надпись составлена крайне безграмотно. Приводимъ ее:

ⲡⲁⲩⲗⲟⲥ ⲛⲓⲁⲡⲱ	Павелъ ? Іапо
ϫⲉ ⲁϥⲙⲧⲟⲛ ⲙ̅ⲙⲟϥ	упокоился
? ? sic ⲛ̅ⲥⲟⲩⲙⲏⲧ ⲛⲙⲭⲏⲣ	10-го (?) мехира
ⲧⲏⲥ ⲉⲕⲡⲏⲓ ⲓⲛⲇⲓⲕ	въ шестой (?) годъ индикта.
ⲓ̅ⲥ̅ ⲭ̅ⲥ̅ ⲁⲙⲏⲛ ✠	Іисусъ Христосъ. Аминь.

Такимъ образомъ надпись — надгробная нѣкоего Павла. Слѣдующее за именемъ слово можетъ быть именемъ или его отца, или мѣстности происхожденія. Что касается чиселъ мѣсяца и года, то они искажены, и едва ли ⲉⲕⲡⲏⲓ не вышло изъ ⲉⲕⲧⲏⲥ.

Неудовлетворительная сохранность препятствуетъ сопоставить плиту

съ какимъ либо типомъ изданныхъ. Вѣроятно она принадлежала къ числу длинныхъ стэлъ, нижняя часть которыхъ заполнена линейнымъ и растительнымъ орнаментомъ, крестами въ кругахъ и т. п., вродѣ напр. № 8627 Каирскаго Музея (Crum, Coptic Monuments, Pl. XXXIX). Тожественной по орнаменту мы не можемъ указать среди изданныхъ, но отдѣльныя части орнамента нашей плиты встрѣчаются въ нихъ нерѣдко. Напримѣръ рамка изъ вертикальныхъ вѣтвей съ простыми листьями см. ibid. Pl. XLIV, 8654, ср. Pl. XXXIII, 8591. Рамка изъ гирляндъ съ виноградными листьями въ профиль см. напр. Pl. LVII, 8722, LVI, 8717 и т. п. Орнаментальныя заполненія угловъ при кругѣ, вписанномъ въ прямоугольникъ, почти тожественныя см. у Gayet (Mission fr. du Caire III) Monuments Coptes, pl. LXXXII, fig. 92 и мн. др.

Время плиты опредѣлить трудно. Вѣроятно, подобно другимъ, она можетъ быть пріурочена къ VII—VIII в.

II. **Изъ коллекціи Н. П. Лихачева.** Почти квадратный (12,5 × 12) кусокъ известняка, повидимому выпиленный изъ большой плиты. Надпись сдѣлана тщательными, красивыми мелкими буквами.

ⲁⲡⲁ ⲕⲟⲗⲗⲟⲩⲑⲉ ⲡⲃⲁⲗ	Авва Коллуѳъ непо-
ϩⲏⲧ ⲡⲣⲙ̅ⲛ̅ϣⲙⲟⲩⲛ	рочный, уроженецъ Шмуна,
ⲁϥⲙⲧⲟⲛ ⲙ̅ⲙⲟϥ ⲛ	почилъ
ⲥⲟⲩϫⲟⲩⲧⲏ ⲛ̅ⲭⲟⲓⲁⲕ	25-го Хойока
ϩⲛⲟⲩⲉⲓⲣⲏⲛⲏ ϩⲁⲙⲏⲛ	въ мирѣ. Аминь.
ⲡⲉⲛⲥⲟⲛ ⲡⲡⲁⲡⲁ ⲙⲏ	Братъ нашъ папа Ми-
ⲛⲁ ⲡϣⲉⲙ̅ⲡⲕⲁⲙⲁⲗⲓ	на, сынъ Камали-
ⲧⲏⲥ ⲁϥⲙⲧⲟⲛ ⲙⲙⲟϥ	та, почилъ
ⲛⲥⲟⲩⲓ̅ⲏ̅ ⲙⲡⲁⲣⲙ	18-го парем-
ϩⲟⲧⲡ ϥ̅ⲑ̅ⲓ sic	хотпа. Аминь.

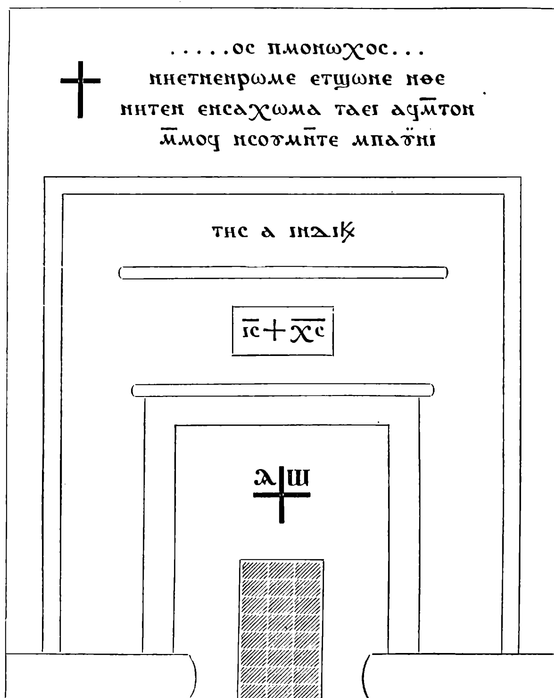
Рѣдкій случай надгробной надписи двухъ лицъ: уроженца Ермополя аввы Коллуѳа, и Мины, названнаго «папой». Этотъ титулъ м. б. прилагавшійся къ священникамъ, встрѣчается еще напр. въ лондонской надписи № 1256 (Hall, Coptic and Greek texts, p. 9) и въ эрмитажномъ остракѣ 47 (наше изданіе «Коптскіе тексты, пріоб. «В. Г. Бокомъ», стр. 19). Отецъ этого Мины названъ «ⲡⲕⲁⲙⲁⲗⲓⲧⲏⲥ». Это, кажется, не имя, а титулъ, т. к. употреблено съ членомъ. Значеніе мнѣ неизвѣстно.

III. **Изъ коллекціи В. С. Голенищева.** Плита обломанная сверху и снизу на лѣвой сторонѣ, заостренная вверху, съ монограммой ☧ и орнаменталь-

ными листьями и Ⲁ и Ⲱ по обѣ стороны въ острой верхней части. Сохранившаяся часть 36 × 35. Подъ монограммой etc. надпись:

ⲧⲣⲙⲙⲉϫⲱⲟⲩ ⲧⲡⲁⲣⲑⲉ	Треммежоу (?), дѣва (πάρθενος)
ⲛⲟⲥ ⲉⲧⲛⲁⲛⲟⲩⲥ ⲙⲡ	прекрасная. Не
ⲣⲗⲏⲡⲏ ⲧⲁⲙⲉⲣⲓⲧ ⲛⲥⲱ	скорби (λύπει) о моей возлюблен-
ⲛⲉ ϫⲉ ⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ	ной сестрѣ, ибо Богъ....
...... ⲉⲣϣ(?)ⲟⲣⲡ ⲁⲧⲉϫⲱ	

IV. **Изъ коллекціи В. С. Голенищева.** Плита имѣющая интересную и весьма рѣдкую форму двери и напоминающая аналогичныя древне-египетскія стэлы. 45 × 60. Надпись вырѣзана на верхней части; буквы окрашены въ красное. Отъ первой строки уцѣлѣла только средина:

Имя покойнаго монаха не сохранилось. Онъ почилъ 15-го паини 1-го года индикта. Остальная часть надписи непонятна.

Б. Тураевъ.

Такла-Хайманотъ у Коптовъ.

Еще Butler[1]) и † В. В. Болотовъ[2]) обратили внпманіе на интересный фактъ почитанія Такла-Хайманота въ коптской церкви. Первый далъ описаніе его образа, помѣщеннаго на одной изъ колоннъ въ церкви Божіей Матери «Al-ʿAḏra» въ кварталѣ Ḥârat-ar-Rûm въ Каирѣ. Здѣсь онъ названъ «Takla-Himanut-al-Ḥabiši» и изображенъ въ патріаршемъ облаченіи, съ патріаршимъ жезломъ, что можетъ указывать на знакомство иконописца съ дабралибаносской редакціей житія преподобнаго, повѣствующей о его небесномъ поставленіи[3]). Что эта редакція дѣйствительно была для коптовъ источникомъ свѣдѣній объ абиссинскомъ подвижникѣ, можно заключать уже изъ того, что на арабскомъ языкѣ она была прислана царемъ Клавдіемъ (1540—59) коптскому патріарху Гавріилу VII (1526—70)[4]), очевидно для того, чтобы сдѣлать своего святого извѣстнымъ и церкви-матери. Цѣль эта была достигнута, что видно не только изъ упомянутаго изображенія, но также, что еще интереснѣе, изъ коптскихъ молитвословій въ честь Такла-Хайманота, попадающихся въ рукописяхъ богослужебныхъ книгъ. Одна изъ такихъ книгъ, хранящаяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ за № 8 и входившая въ составъ собранія Тишендорфа, была обслѣдована О. Э. Ф. Леммомъ, который предоставилъ мнѣ воспользоваться двумя алфавитными «псаліями», обычнаго коптскаго типа, въ честь этого святого. Интересъ этихъ своеобразныхъ продуктовъ копто-бохейрской религіозной поэзіи заключается прежде всего въ томъ, что они имѣютъ объектомъ иностраннаго святого, въ канонизаціи котораго коптскій клиръ не принималъ участія; это нѣчто подобное тому, еслибы въ какой либо греческой рукописи оказалась служба напр. препод. Сергію Радонежскому. Въ этомъ отношеніи копты оказываются съ болѣе широкимъ кругозоромъ. Не менѣе интереса возбуждаютъ эти пѣснопѣнія и съ точки зрѣнія хронологіи. Едва ли они могли возникнуть раньше второй половины XVI вѣка[5]), слѣдовательно принадлежатъ къ небольшому числу наиболѣе позднихъ произведеній коптской письменности. Крайняя безграмотность, а мѣстами и невразумительность

---

1) Ancient Coptic Churches, p. 280.

2) Христ. Чтеніе 1888, I, 467 прим.

3) См. мои «Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи», стр. 84—90.

4) Эта рукопись находится въ Парижской Національной Библіотекѣ. См. Zotenberg, Catalogue des mss. Éthiopiens, p. 205.

5) Сама рукопись относится къ концу XVIII вѣка, какъ можно видѣть по датѣ на листѣ 154 ult. (سنة الف و خمسمائة و اثنين по эрѣ мучениковъ).

текста находятъ здѣсь свое объясненіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ обиліе греческихъ словъ указываетъ еще на начитанность автора, на непрекращавшіяся литературныя традиціи. Подобно всѣмъ бохейрскимъ литургическимъ произведеніямъ, данный текстъ вездѣ сопровождается параллельнымъ арабскимъ, безъ котораго иногда непонятенъ. Позднее происхожденіе видно также изъ бумаги и почерка, являющихся характерными для ff. 155—165, вшитыхъ въ концѣ рукописи и производящихъ несомнѣнное впечатлѣніе болѣе новыхъ.—Листы обозначены, какъ обычно въ коптскихъ рукописяхъ, греческими цифрами на оборотахъ.

I. Ⲁⲙⲱⲓⲛⲓ ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲉⲛϩⲱⲥ ⲁ[1]) ⲫϯ ⲛⲉⲙ-ⲡⲓⲯⲁⲗⲧⲏⲣⲓⲟⲛ ⲛⲓⲧⲁⲓⲟ̀ ⲙ̀ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲓⲙⲉⲛⲟⲩⲧ.

Ⲃⲟⲛⲟⲩ[2]) ⲛⲓⲃⲁⲕⲓ ⲛⲉⲙ-ϯⲙⲓ ϫⲉ-ⲭⲉⲣⲉ ⲛⲁⲕ ⲱ ⲡⲓⲕⲁⲗⲱⲥ ⲛⲑⲟⲕ ⲉ̀ⲕⲁⲓⲧⲉⲛ ⲙⲡⲓⲗⲁⲥ ⲛⲓⲃⲉⲛ ϫⲉ-ⲡⲓⲛⲁϩϯ ⲛⲧⲉ-ⲫϯ.

f. 156. ‖ Ⲅⲉ ⲅⲁⲣ ⲉ̀ⲡϣⲱⲓ[3]) ϩⲉⲛⲟⲩⲙⲉⲑⲙⲏⲓ ⲛⲧⲉ-ⲫϯ ⲱ ⲡⲓⲣⲱⲙⲓ ⲡⲓⲉⲑ̅ⲩ̅ ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲓⲙⲁⲛⲟⲩⲧ.

Ⲇⲁⲩⲓⲇ ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲡⲓⲱ̀ⲟⲩ ⲛⲁⲕ ⲛⲑⲟⲕ ⲱ ⲡⲓⲕⲥⲙⲁⲣⲱⲟⲧ ⲉⲑⲃⲉ-ⲛⲓϧⲓⲥⲓ ⲱ̀ ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲩⲙⲉⲛⲟⲩⲧ.

Ⲉⲧⲉ ⲛⲑⲟⲕ ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲛ̀ⲓⲱ̅ⲁ̅ ⲡⲓⲟⲩⲏⲃ ⲡϣⲏⲣⲓ ⲙⲡⲓⲟⲩⲏⲃ ⲁϥϭⲓ-ⲛⲟⲩ‖ⲉ̀ⲙⲧⲟⲛ ⲛⲉⲙ-ⲟⲩⲥⲱϯ ⲱ̀ ⲡⲓⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲓⲙⲉⲛⲟⲩⲧ ⲛ̀ⲥⲓϩⲁⲍⲁⲡ[4]).

Ⲍⲉⲟⲥ[5]) ⲛ̀ⲛⲉϥϣ̀ⲫⲏⲣⲓ ⲙ̀ⲡⲓ̀ⲧⲁⲥⲑⲟⲩ ⲛ̀ⲛⲓⲉ̀ⲑⲛⲟⲥ ⲫϯ ⲱ̀ ⲟⲩⲛⲓⲁ̀ⲧⲕ ⲛ̀ⲑⲟⲕ ⲱ̀ ⲡⲓϫⲱⲣⲓ ⲡⲓⲁ̀ⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲓⲙⲉⲛⲟⲩⲧ.

Пріидите, вѣрніи (πιστός), воспоемъ Богу и съ псалтирью похвалы праведному (δίκαιος), святому (ἅγιος) Такла-Хайманоту.

Грады и веси глаголютъ: «радуйся (χαῖρε), прекрасный (καλός): ты обратилъ еси насъ, всякъ языкъ, къ (?) вѣрѣ Божіей.

Ибо и (καὶ γάρ) возвысился еси воистину у Бога, о человѣче святый, праведный, святый, Такла-Хайманоте.

Давидъ царь—твоя слава: благословенъ еси ради страданія, праведне, святе, Такла-Хайманоте.

Ты подобенъ Іоанну, іерею, сыне іерея, воспріявшему покой и спасеніе, о Такла-Хайманоте, сыне Сага-Зааба.

Велія чудеса его во обращеніи языковъ (ἔθνος) (къ) Богу. О блаженъ еси, сильне, святе, Т. Х.

1) Sic!

2) Обычное въ псаліяхъ ⲃⲟⲛⲟⲩ = ⲟⲩⲟⲛ ⲟⲩ здѣсь уже какъ стереотипное, сросшееся выраженіе: ⲟⲩ лишнее при слѣд. ⲛⲓ.

3) Въ араб. глаголъ «возвеличился».

4) ጸጋ ፡ ዘአብ = «Даръ Отца»; имя отца Такла-Хайманота.

5) = ⲥⲉⲱϣ. См. Tuki, Theotokia ⲥ̅ⲟ̅ⲃ̅ и ⲣ̅ⲋ̅ⲅ̅ и мн. др.

Ⲛ̀ⲇⲉⲟⲥ ⲁⲕϭⲟⲥⲓ ⲉⲙⲁϣⲱ ⲱ ⲡⲓⲇⲣⲟⲡⲟⲥ ⲛ̀ⲛⲉⲧⲉⲛϩⲙⲟⲧ[1] ⲡⲓ||-ⲡⲓⲑ̀ⲙⲏⲓ ⲡⲓⲟⲩⲏⲃ ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟ́ⲥ ⲡⲓⲁ́ⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲩⲙⲁⲛⲟⲩⲧ.

Ⲑⲉⲗⲏⲗ ⲛ̀ⲛⲓⲭⲣⲓⲥⲧⲓⲁ́ⲛⲟⲥ ϧⲉⲛ-ⲫⲛⲁϩϯ ⲛ̀ⲓ̅ⲏ̅ⲥ̅ ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲛⲉⲙ-ⲡ̀ϣⲁⲓ ⲛⲧⲉⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲉ ϩⲓⲙⲉⲛⲟⲩⲧ.

Ⲓⲉ ϩⲏⲡⲡⲉ ⲛⲑⲟⲕ ⲉⲧⲁⲕⲛⲁϩϯ ⲁⲩⲧⲁϫⲣⲟ́ ⲛⲧⲉⲕⲓ ⲙⲏϯⲡⲉⲧⲣⲁ ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲁⲕⲥⲱⲧⲡ ⲛⲁⲕ ⲱ̀ ⲙⲁⲓⲛⲟⲩϯ || ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲓⲙⲉⲛⲟⲩⲧ ⲡϣⲏⲣⲓ ⲛ̀ⲥⲁⲣⲣⲁ[2].

Ⲕⲁⲗⲱⲥ ⲁⲕϭⲓⲥⲓ ⲙ̀ⲡⲉⲕⲣⲁⲛ ϧⲉⲛⲑ̀ⲙⲏϯ ⲛ̀ⲛⲏⲉ̅ⲑ̅ⲩ̅ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲓⲙⲁⲛⲟⲩⲧ ⲡϣⲏⲣⲓ ⲙ̀ⲡⲓⲟⲩⲏⲃ ⲥⲓϩⲁⲍⲁⲡ.

Ⲗⲁⲟⲥ ⲛⲓⲃⲉⲛ ⲛⲉⲙ-ϣ̀ⲗⲟⲗ ⲛⲓⲃⲉⲛ ⲁⲩⲛⲁϩϯ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲡⲥⲁϫⲓ ⲛ̀ⲛⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ[3] ⲉⲃⲟⲗϩⲁ[4] ⲫϯ ⲁⲕⲧⲁⲥⲑⲱⲟⲩ || ⲙⲫⲣⲏϯ ⲛ̀ⲛⲓⲁ́ⲡⲟⲥⲧⲟⲗⲟⲥ.

Ⲙⲟⲓ ⲛⲁⲛ ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲛ̀ⲧⲉⲕϩⲏⲣⲏⲛⲏ ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲉⲛⲓⲱⲧ ⲛ̀ⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲫⲏ ⲉⲧⲁϥⲧⲁⲥⲑⲟⲩ ⲛ̀ⲛⲉⲑⲛⲟⲥ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲓⲙⲁⲛⲟⲩⲧ.

Ⲛⲁⲓ ⲛⲁⲛ ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲟⲩⲟϩ ⲛⲁⲓ ⲛⲁⲛ ⲉⲃⲟⲗ ⲕⲁⲧⲁ ⲡⲁϣⲁⲓ ⲛ̀ⲧⲉ-ⲡⲉⲕⲛⲁⲓ ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲓⲁϩⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲉ ϩⲓⲙⲉⲛⲟⲩⲧ ⲫⲁⲓ ⲡⲓ ⲉⲣⲡⲙⲉⲩⲓ || ⲛⲉⲙ-ⲡⲁϣⲁⲓ[5].

Ⲍⲥⲙⲁⲣⲱⲟⲩⲧⲧ ⲱ ⲡⲉⲛⲛⲏⲃ ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲙⲟⲓ ⲛⲁⲛ ⲛⲟⲩⲥⲟⲫⲓⲁ ⲛⲉⲙ-ⲟⲩϩⲙⲟⲧ ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲓⲟⲩⲏⲃ ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲓⲙⲁⲛⲟⲩⲧ.

Яко вознесся еси премного, управителю (ἐπίτροπος) благодатный f. 157. (?)[1], праведный іерее, праведне (δίκαιος) святе (ἅγιος) Т. Х.

Ликуйте, христіане, о вѣрѣ Іисусъ Христовѣ и о праздницѣ праведнаго (δίκαιος), святаго (ἅγιος) Такла-Хайманота.

Се ты—вѣровавый до твердости (вѣры); вшелъ еси (?) внутрь камене; Христа избралъ еси себѣ, Боголюбче Такла Хайманоте, сыне Сарры.

Добрѣ (καλῶς) вознеслъ еси имя твое посредѣ святыхъ, святе (ἅγιος) Такла-Хайманоте, сыне іерея Сага-Зааба.

Вси людіе (λαός) и вси роди увѣроваша вси во слово праведныхъ (δίκαιος): обратилъ еси ихъ къ Богу, яко-же Апостоли. f. 158.

Даждь намъ, Господи, миръ Твой ради отца нашего праведнаго (δίκαιος), обратившаго языцы (ἔθνος), святаго (ἅγιος) Такла-Хайманота.

Помилуй насъ, Господи, и помилуй насъ по велицѣй милости Твоей ради святого (ἅγιος) Такла-Хайманота, его же память и праздникъ.

Благословенъ еси, Господи нашъ, Христе, даждь намъ премудрость (σοφία) и благодать ради іерея праведнаго (δίκαιος) святаго (ἅγιος) Т. Х.

1) Текстъ испорченъ.

2) Безграмотно и испорчено. См. арабскій текстъ.

3) Sic! Ожидалось бы ⲛ̀ⲛⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ.

4) Sic! = «отъ»!

5) Sic!

Ⲟⲩⲱ̀ⲟⲩ ⲛⲁⲕ ⲛ̀ⲑⲟⲕ ⲫⲓⲱⲧ ⲛⲉⲙⲓⲏⲥ ⲛⲉⲙ-ⲡⲓⲡⲛⲁ ⲉⲑ ⲛⲉⲙ-ⲡ̀ⲧⲁⲓⲟ̀ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲩⲙⲁⲛⲟⲩⲧ ⲡⲓⲟⲩⲏⲃ ⲡ̀ϣⲏⲣⲓ ⲙ̀ⲡⲓⲟⲩⲏⲃ.

Слава Тебѣ, Отче и Іисусе и Святый Душе, и похвала Такла-Хайманоту іерею, сыну іерея.

f. 159. ‖ Ⲡⲓⲉⲧⲁϥⲟⲩⲱⲛϩ ⲙ̀ⲡⲉⲕⲣⲁⲛ ⲱ̀ ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲛⲁϥⲛⲟϩⲉⲙ[1]) ϧⲉⲛⲡⲓⲇⲉⲙⲱⲛ ⲧⲱⲃϩ ⲉϫⲱϥ ⲙ̀ⲡⲉⲙⲑⲟ ⲙ̀ⲡⲭⲥ ⲛ̀ⲑⲟⲕ ⲡⲉⲕⲃⲱⲕ ⲇⲉ ⲥⲟⲗⲟⲙⲱⲛ.

Явившаго имя твое, праведне (δίκαιος), избави (?) отъ діавола (δαίμων), молися о немъ предъ Христомъ, о рабѣ твоемъ Соломонѣ.

Ⲣⲱⲙⲓ ⲛⲓⲃⲉⲛ ⲛⲉⲙ ⲛⲓϩⲓⲟ̀ⲙⲓ ⲉ̀ⲩⲱϣ ϩⲁⲫϯ ⲁ̀ⲗⲏⲑⲱⲥ ⲉ̀ⲑⲣⲉϥⲭⲱ ⲉⲃⲟⲗ ⲛ̀ⲧⲉ-ⲛⲉⲛⲛⲟⲃⲓ ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲓϫⲱⲣⲓ ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ.

Вси людіе[2]) и вси жены восклицаютъ къ Богу воистину (ἀληθῶς), да оставитъ грѣхи наша ради сильнаго и праведнаго (δίκαιος).

‖ Ⲥⲙⲟⲩ ⲉⲣⲟⲛ ϧⲉⲛⲡⲉⲕⲥⲙⲟⲩ ⲱ̀ ⲡⲓⲙⲁⲓⲣⲱⲙⲓ ⲛ̀ⲁⲅⲁⲑⲟⲥ ⲙⲟⲓ ⲛⲁⲛ ⲛ̀ⲟⲩⲙⲉⲣⲟⲥ ⲛⲉⲙ-ⲟⲩⲕⲗⲏⲣⲟⲥ ⲛⲉⲙ-ⲑⲉⲕⲗⲁ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ.

Благослови ны благословеніемъ Твоимъ, Человѣколюбче благій (ἀγαθός); даждь намъ часть (μέρος) и жребій (κλῆρος) со святымъ (ἅγιος) Такла-Хайманотомъ.

Ⲧⲉⲛϯϩⲟ ⲉ̀ⲣⲟⲕ ⲉⲣⲉϩⲁⲣⲟⲛ[2]) ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲉⲛⲓⲱⲧ ⲛ̀ⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲓⲙⲁⲛⲟⲩⲧ ⲡⲓⲟⲩⲏⲃ ⲡⲓⲙⲉⲛⲣⲓⲧ ⲛ̀ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ.

Молимтися, защити ны ради отца нашего праведнаго (δίκαιος) Такла-Хайманота іерея, возлюбленнаго вѣрными (πιστός).

f. 160. Ⲩⲇⲉⲟⲛ[3]) ⲛⲓⲟⲩⲏⲃ ‖ ⲛⲉⲙ-ⲛⲓⲇⲓⲁⲕⲱⲛ ⲛⲉⲙ-ⲡⲥⲉⲡⲓ ⲙ̀ⲡⲉⲕⲗⲁⲟⲥ ⲛⲁϩⲙⲉⲛ ⲧⲉⲣⲉⲛ[2]) ϧⲉⲛⲛⲓⲇⲉⲙⲱⲛ ⲟⲩⲟϩ ⲣⲱⲓⲥ ⲉⲣⲟⲛ ϣⲁⲛⲓⲉ̀ⲱⲛ.

Паки іереевъ и діаконовъ и прочій народъ (λαός) Твой спаси всѣхъ насъ отъ демоновъ (δαίμων) и бди о насъ до вѣка (αἰών).

Ⲫⲛⲏⲃ ⲡⲓⲙⲁⲓⲣⲱⲙⲓ ⲛ̀ⲁⲅⲁⲑⲟⲥ ϫⲱⲕⲧⲉⲛ ⲛⲓⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ ⲉⲑⲃⲉ-ⲙⲁⲣⲓⲁ ϯⲡⲁⲣⲑ ⲛⲉⲙ-ⲑⲉⲕⲗⲉ ϩⲓⲙⲁⲛⲟⲩⲧ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ.

Господи Человѣколюбче благій, (ἀγαθός), соверши (?) ны христіаны ради Маріи Дѣвы (πάρθενος) и Такла-Хайманота святаго.

Ⲭⲉⲣⲉ ⲛⲉ ⲱ ϯⲡⲁⲣⲑ ‖ ⲉⲧⲃⲉ-ⲡⲓⲗⲟⲅⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲉⲫⲓⲱⲧ ⲭⲉⲣⲉ ⲡⲉⲛⲓⲱⲧ ⲛ̀ⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲓⲙⲉⲛⲟⲩⲧ.

Радуйся (χαῖρε), Дѣво (πάρθενος) ради Слова (λόγος) Отчаго. Радуйся (χαῖρε), отче нашъ, праведный (δίκαιος), святый (ἅγιος) Такла-Хайманоте.

1) Испорчено.
2) Sic!
3) См. арабск. Здѣсь, въ виду требованія алфавита заимствовано арабское слово.

Ⲯⲩⲭⲏ ⲛⲓⲃⲉⲛ ⲛ̀ⲟ́ⲣⲑⲟⲇⲟⲝⲟⲥ ⲙⲁ ⲉ̀ⲙⲧⲟⲩⲛ ⲛⲱⲟⲩ ϧⲉⲛⲡⲓⲡⲁⲣⲁⲇⲓⲥⲟⲥ ⲉⲑⲃⲉ-ⲧⲉⲛⲟ̅ⲥ̅ ⲛ̀ⲛⲏⲃ ⲙⲁⲣⲓⲁ ⲛⲉⲙ-ⲑⲉⲕⲗⲉ ϩⲓⲙⲉⲛⲟⲩⲧ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ.

Всякую душу (ψυχή), православныхъ (ὀρθόδοξος) упокой въ раи (παράδεισος) ради Владычицы нашея госпожи Маріи и Такла-Хайманота святаго (ἅγιος).

Ⲱ ⲡⲉⲛⲥⲱ̀ⲣ ⲓ̅ⲏ̅ⲥ̅ ⲡⲉⲛⲛⲏⲃ ⲭⲱ ⲛⲏⲓ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ‖ ⲡⲉⲕⲃⲱⲕ ⲓⲱⲥⲏⲫ ⲱⲡⲧⲉⲛ ⲙⲉⲧϩⲏⲕⲏ ϧⲉⲛⲧⲉⲛⲙⲁⲧⲟⲩⲏⲃ ⲉⲑⲃⲉ-ⲙⲁⲣⲓⲁ ⲧⲉⲛⲟ̅ⲥ̅ ⲛ̅ⲛⲏⲃ.

О Спасе (σωτήρ) нашъ, Іисусе,
Господи нашъ, прости мнѣ, рабу Тво- f. 161.
ему, сопричти насъ грѣшныхъ къ священству Твоему ради Маріи, Владычицы нашея госпожи.

II. Ⲁ[1]) ⲫϯ ϯϯϩⲟ ⲉⲣⲟⲕ ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲛ̀ⲛⲓⲉⲛⲉϩ ⲙⲟⲓ ⲛⲏⲓ ⲛⲟⲩϫⲁ[2]) ⲟⲩⲟϩ ⲛⲁϩⲙⲉⲛ ⲛ̀ⲛⲓⲇⲉⲙⲱⲛ.

Боже, молютися, царю вѣковъ, даждь ми здравіе, и спаси ны отъ демоновъ.

Ⲃⲟⲏⲑⲓⲛ ⲉⲣⲟⲛ ⲡ̅ⲟ̅ⲥ̅ ⲙⲟⲓ ⲛⲏⲓ ⲛⲟⲩϩⲙⲟⲧ ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲓⲙⲉⲛⲟⲧ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ.

Помози (βοηθεῖν) намъ, Господи. Даждь ми благодать ради праведнаго (δίκαιος), Такла-Хайманота святаго (ἅγιος).

Ⲅⲉ ⲅⲁⲣ ⲛ̀ϫⲉ-ⲡⲓⲟⲩⲱⲓⲛⲓ ⲛⲉⲙ-ⲫⲣⲉϥⲑⲁⲙⲓⲟ ⲙⲡⲓϣⲫⲏⲣⲓ ϣⲱⲡⲓ ⲉϫⲉⲛ-ⲛⲓⲃⲁⲕⲓ ⲛ̀ⲧⲉ-ⲡⲓⲁⲑⲁⲩϣ[2]).

Ибо и (καὶ γάρ) свѣтъ и чудотворецъ бысть сей во градѣхъ Эѳіоплянъ.

Ⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲡⲓⲛⲓϣϯ ϧⲉⲛ̀ⲑⲙⲏϯ ⲛ̀ⲛⲏⲉ̅ⲑ̅ⲩ̅ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲩⲙⲉⲛⲟⲧ ⲡⲓⲟⲩⲏⲃ ⲡϣⲏⲣⲓ ‖ ⲛⲥⲓϩⲓⲍⲁⲡ.

Праведно (δικαίως) велій во святыхъ Такла-Хайманотъ, іерей, сынъ
Сага-зааба. f. 162.

Ⲉⲡⲓⲛⲓϣϯ ⲡⲓⲧⲁⲓⲟ ⲙ̀ⲡⲧⲁⲥⲑⲟⲩ ⲛ̀ⲛⲏⲉⲑⲛⲟⲥ ϧⲉⲛⲫⲛⲁϩϯ ⲛⲧⲉⲫϯ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ ⲑ̅ⲉ̅ⲕ̅ⲗ̅ⲁ̅.

Велія похвала обращенія языковъ (ἔθνος) къ вѣрѣ Божіей святому (ἅγιος) Такла-Хайманоту.

Ⲍⲉⲟ́ⲥ ⲉ̀ⲙⲁϣⲱ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛⲡⲓϩⲙⲟⲧ ⲫⲏ ⲉⲧⲁϥⲙⲟϩ ⲛ̀ⲑⲟⲕ ⲟⲩⲟϩ ϣⲱⲡⲓ ⲙ̀ⲡⲱⲟⲩ[3]).

Преизобильна благодать, исполнившая тя, и бывшая (?) (тебѣ) въ славу.

Ⲏ̀ⲇⲉⲟⲛ ⲛⲏⲉⲑⲛⲟⲥ ⲡⲣⲉϥⲥⲱⲟⲩⲛ ⲛ̀ⲧⲉⲫϯ ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲓⲥⲁϫⲓ ⲛⲑⲟⲕ ⲡⲓⲁⲅⲓⲟⲥ.

Се языцы (ἔθνος) познаша (?) Бога по слову твоему, святе (ἅγιος).

‖ Ⲑⲉⲗⲏⲗ ⲱ ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲓⲉⲧⲥⲙⲁⲣⲱⲟⲩⲧ ⲡⲓⲙⲉⲙⲣⲓⲧ[2]) ⲛ̀ⲧⲉ-ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲡⲓⲉ̅ⲑ̅ⲩ̅ ⲑⲉⲕⲗⲁϩⲓ.

Ликуйте, вѣрніи (πιστός), о благословеннѣмъ, возлюбленнѣмъ Христомъ, святѣмъ Такла-Хайманотѣ.

Ⲓ̅ⲏ̅ⲥ̅ ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲡⲉⲛⲛⲟⲩϯ ⲡⲓⲗⲟⲅⲟⲥ

Іисусе Христе, Слово Отчее,

1) М. б. вм. ω по требованію алфавита.
2) Sic!
3) Испорчено. См. арабск.

ⲛ̀ⲧⲉ-ⲫⲓⲱⲧ ⲙⲟⲓ ⲛⲁⲛ ⲛ̀ⲟⲩⲥⲱϯ ⲡⲓⲉⲑⲩ ⲑⲉⲕⲗⲁϩⲩ.

даждь намъ избавленіе (ради) святаго Такла-Хайманота.

Ⲕⲁⲗⲱⲥ ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲡⲓⲙⲁⲓ-ⲙ̀ⲡⲭⲥ ⲁⲕϯⲥ̀ⲃⲱ ⲛ̀ⲛⲓⲉ̀ⲑⲛⲟⲥ ⲡⲓⲉⲑ ⲑⲉⲕⲗⲉ ϩⲩⲙⲉⲛⲟⲧ.

Добре (καλῶς), праведне (δίκαιος) Христолюбче, паучилъ еси языцы (ἔθνος), святе Такла-Хайманоте.

f. 163. ‖ Ⲗⲁⲟⲥ ⲛ̀ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ ⲉ̀ⲧⲉ̀ⲣⲭⲱⲣⲉⲩⲓⲛ ⲕⲁⲗⲟⲥ ⲡⲓⲑ̀ⲙⲏⲓ ⲙ̀ⲡⲓⲧⲁⲗⲓⲟⲥ ⲡⲓⲉⲑⲩ ⲑⲉⲕⲗⲉϩⲓ.

Народъ (λαός) вѣрныхъ (πιστός) празднуетъ (χορεύειν) славно (καλῶς) праведному и совершенному (τελεῖος) святому Такла-Хайманоту.

Ⲡⲁⲣⲉⲛⲑⲱⲟⲩϯ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛ̀ⲛⲓⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲉⲧⲉⲛⲉⲣϣⲁⲓ ϯⲛⲟⲩ ⲡⲓⲉⲑⲩ ⲑⲉⲕⲗⲉϩⲓ.

Соберитеся вси христіане, да празднуете нынѣ святому Такла-Хайманоту.

Ⲛⲁⲓ ⲛⲁⲛ ⲥⲱⲧⲉⲙ ⲉⲣⲟⲛ ⲱ̀ ⲫϯ ⲫⲓⲱⲧ ϣⲉⲛϩⲏⲧ ⲉϩⲣⲏⲓ ⲉϫⲱⲛ ⲡⲓⲉⲑⲩ ⲑⲉⲕⲗⲉ ϩⲩⲙⲉⲛⲟⲧ.

Помилуй насъ, услыши насъ, Боже Отче, умилосердися на насъ (ради) святаго Такла-Хайманота.

‖ Ⳉⲥⲁⲛ̀ϣⲱⲓ ⲉⲙⲁϣⲱ ϧⲉⲛ ⲑ̀ⲙⲏϯ ⲛ̀ⲛⲏⲉⲑⲩ ⲛ̀ϣⲏⲣⲓ ⲛ̀ⲥⲓϩⲓⳉⲁⲡ ⲡⲓⲉⲑⲩ ⲑⲉⲕⲗⲉ ϩⲩⲙⲁⲛⲟⲧ.

Зѣло превознеслся еси посредѣ святыхъ, сыне Сага-зааба, святе Такла-Хайманоте.

Ⲟⲩⲛⲓϣϯ-ⲡⲉ ⲡⲉⲕⲧⲁⲓⲟ ⲛⲉⲙ ⲧⲉⲕⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲓⲁ ⲱ ⲡⲓⲣⲉϥϭⲣⲟ ⲡⲓⲉⲑⲩ ⲑⲉⲕⲗⲉ ϩⲩⲙⲉⲛⲟⲧ.

Велія похвала твоя и дѣвство (παρθενία) твое побѣдоносче, святе Такла-Хайманоте.

Ⲡⲓⲉⲧⲁϥϣⲟⲣⲡ ⲙ̀ⲡⲉⲕⲣⲁⲛ ⲛⲁϩⲙⲉϥ ϧⲉⲛⲛⲓⲇⲉⲙⲱⲛ ⲧⲱⲃϩ ⲉⲡⲭⲥ ⲉⲑⲃⲏⲧϥ ⲛⲉⲕⲃⲱⲕ ‖ f. 164. ⲥⲟⲗⲟⲙⲱⲛ.

Возвѣстившаго имя твое избави отъ демоновъ и молися о немъ Христу, о рабѣ твоемъ Соломонѣ.

Ⲣⲁϣⲓ ⲱ ⲡⲓⲥⲧⲟⲥ ⲉⲃⲟⲗ ϧⲉⲛ ⲡ̀ϣⲁⲓ ⲛⲧⲉ-ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲡⲓⲉⲑⲩ ⲑⲉⲕⲗⲁϩⲩ.

Радуйтеся, вѣрніи (πιστός), въ праздникъ праведнаго (δίκαιος) святаго Такла-Хайманота.

Ⲥⲙⲟⲩ ⲉⲣⲟⲛ ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲟⲩⲟϩ ⲭⲱ ⲛⲁⲛ ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲓⲉⲧⲥⲙⲁⲣⲱⲟⲩⲧ ⲡⲓⲉⲑⲩ ⲑⲉⲕⲗⲁ.

Благослови ны, Господи, и прости намъ ради благословеннаго, святаго Такла-Хайманота.

Ⲧⲉⲣⲙⲉⲛⲓⲁ ⲙ̀ⲡⲉⲕⲣⲁⲛ ϧⲉⲛ ⲣⲱⲟⲩ ⲛⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲉ ϩⲩⲙⲁⲛⲟⲩⲧ ⲡⲛⲁϩϯ ⲡⲓⲡⲁⲣⲁⲇⲓⲥⲟⲥ[1]).

Толкованіе имене твоего въ устѣхъ вѣрныхъ (πιστός): Такла-Хайманотъ — вѣра, рай (παράδεισος).

Ⲧⲇⲉⲟⲛ ⲛⲓⲟⲩⲏⲃ ‖ ⲛⲉⲙ-ⲛⲓⲇⲓⲁⲕⲱⲛⲟⲥ ⲛⲁϩⲙⲟⲩ ⲉⲑⲃⲉ-ⲫⲏⲏⲃ ⲡⲓⲉⲑⲩ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲩⲙⲁⲛⲟⲩⲧ.

Паки іереевъ и діаконовъ (διάκονος) избави ради господина святаго Такла-Хайманота.

1) См. арабское, гдѣ точнѣе: «Рай вѣры».

Ⲫϯ ⲡⲓⲙⲁⲓⲣⲱⲙⲓ ⲱ̀ ⲡⲓⲁ̀ⲅⲁⲑⲟⲥ ⲭⲱ ⲛⲏⲓ ⲉⲃⲟⲗ ⲙ̀ⲡⲥⲉⲡⲓ ⲛ̀ⲛⲓⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ.

Боже Человѣколюбче благій (ἀγαθός), прости ми (и) прочимъ христіанамъ.

Ⲭⲉⲣⲉ ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲭⲉⲣⲉ ⲡⲓⲙⲁⲣⲧⲩⲣⲟⲥ[1]) ⲛⲁⲧⲥⲛⲟϥ ⲉⲃⲟⲗ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩⲩⲙⲁⲛⲟⲩⲧ.

Радуйся (χαῖρε) праведне (δίκαιος), радуйся мучениче (μαρτυς) безъ крове, Такла-Хайманоте.

Ⲯⲩⲭⲏ ⲙⲁ ⲉ̀ⲙⲧⲟⲛ ⲛⲱⲟⲩ ϧⲉⲛ ‖ ⲡⲓⲡⲁⲣⲁⲇⲓⲥⲟⲥ ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲓⲇⲓⲕⲉⲟⲥ ⲡⲓⲉ̅ⲑ̅ⲩ̅ ⲑⲉⲕⲗⲁ ϩ̅ⲩ̅.

Души (ψυχή) упокой въ раи (παράδεισος) ради праведнаго (δίκαιος) f. 165.
святаго Такла-Хайманота.

Ϣ ⲡⲉⲛⲥⲱ̅ⲣ ⲡⲉⲛⲛⲏⲃ ⲁⲛⲟⲕ ⲡⲉⲕⲃⲱⲕ ⲓⲱⲥⲏⲫ ⲭⲱ ⲛⲏⲓ ⲛ̀ⲛⲁⲛⲟⲃⲓ ⲉⲑⲃⲉ-ⲧⲉⲛⲟ̅ⲥ̅ ⲛⲏⲛⲃ.

Спасителю (σωτήρ) нашъ, Господи нашъ, отпусти ми рабу Твоему Іосифу грѣхи наша (sic) ради Владычицы нашея Госпожи.

Къ этимъ двумъ «псаліямъ», соотвѣтствующимъ нашимъ акаоистамъ, слѣдуетъ еще присоединить данныя рукописи Codex Gothanus arabicus 147, сообщенныя мнѣ любезно *И. Ю. Крачковскимъ,* оказавшимъ мнѣ также содѣйствіе переводомъ арабскаго текста «псалій». Эта рукопись (см. о ней Pertsch, Die arabischen Handschriften .... IV, 549—550), заключающая въ себѣ гл. обр. копто-арабскій литургическій и повѣствовательный матеріалъ, относящійся къ Архангелу Михаилу, содержитъ м. пр. отрывокъ па арабскомъ яз. о родителяхъ Такла-Хайманота (fol. 99^r—110^r), а также слѣдующее молитвословіе по коптски и арабски:

‖ Ⲥⲉ ⲉ̀ⲛⲟⲙⲉⲛ ⲉⲓ[2]) ⲉⲩⲗⲟⲅⲟⲙⲉⲛ ⲫⲏ ⲉ̀ⲧⲁϥⲉⲣⲛⲏⲥⲧⲉⲩⲓⲛ ⲉ̀ϫⲱⲛ ⲟⲩⲟϩ ⲁⲩⲁϣϥ ⲉ̀ϫⲉⲛ-ⲡⲓⲥⲧⲁⲩⲣⲟⲥ[1]) ϣⲉⲛⲧⲁϥⲥⲱϯ[3]) ⲙ̀ⲡⲉⲛⲅⲉ-ⲛⲟⲥ.

Тебе (σε) поемъ (ὑμνοῦμεν), Тебе f. 20.
благословимъ (εὐλογοῦμεν), постившійся (νηστεύειν) за насъ и обѣсившійся на Крестѣ, во еже спасти родъ (γένος) нашъ.

Ⲧⲉⲛⲧⲱⲃϩ ⲟⲩⲟϩ ⲧⲉⲛⲱϣ ⲟⲩⲃⲏⲕ ⲱ̀ ⲡⲓⲙⲁⲓⲣⲱⲙⲓ ⲁ̀ⲅⲁⲑⲟⲥ ⲉⲑⲃⲉ-ⲡⲓⲁⲣⲭⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ϫⲉ-Ⲫϯ ⲙ̀ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ ⲛⲁⲓ ⲛⲁⲛ.

Молимся и восклицаемъ къ Тебѣ, Человѣколюбче Благій (ἀγαθός), ради Архангела: «Боже Михаила, помилуй насъ».

Ⲧⲟⲣⲉⲁ̀ ⲛ̀ⲧⲉ-ⲫⲓⲱⲧ[4]) ⲛⲉⲙ-ϯ-

Даръ (δορεά) Отца[3]) и Избран-

---

1) Выражено обычной въ коптскихъ богослужебныхъ рукописяхъ идеограммой (см. Stern, Kopt. Grmm. § 8.

2) Вм. ϭⲉ.

3) ϣⲁⲛⲧⲉϥⲥⲱϯ?

4) Переводъ ጸጋ ፡ ዘአብ ፡ — имени отца Такла Хайманота (Въ арабскомъ текстѣ عطية الاب).

ⲥⲱⲧⲡ ⲛ̀ⲧⲉ-ⲫϯ[1]) ⲛⲉⲙ-ⲡⲓⲁ̀ⲅⲓⲟⲥ ⲑⲉⲕⲗⲉ ϩⲩⲙⲉⲛⲟⲥ ⲁ̀-ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ ⲁϥⲛⲟⲙϯ ⲛⲱⲟⲩ.

ницу Божію и святаго (ἅγιος) Такла-Хайманота Михаилъ укрѣпилъ.

Ⲁ̀ⲙⲱⲓⲛⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛⲓⲡⲓⲥⲧⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲟⲩⲱϣⲧ ⲉ̀ⲡⲓⲥⲧⲁⲩⲣⲟⲥ[2]) ⲛⲉⲙ-ⲫⲏ ⲉ̀ⲧⲁⲩⲁϣϥ ⲉ̀ϩⲣⲏⲓ ⲉ̀ϫⲱϥ ⲟⲩⲟϩ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲧⲁⲓⲟ̀ ⲙ̀ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ.

Пріидите, вси вѣрніи (πιστός), поклонимся Кресту и Повѣшенному на немъ и восхвалимъ Михаила.

Ⲩⲡⲉⲣ ⲛ̀ⲧⲉⲛⲉⲛⲁⲛⲟⲙⲓⲁ̀ ⲧⲱⲃϩ ⲙ̀ⲡⲟ̅ⲥ̅ ⲱ̀ ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ ⲉⲕⲉ̀ⲓⲛⲓ ⲛ̀ⲛⲉⲛⲛⲏⲥⲧⲓⲁ̀ ⲛⲉⲙ-ⲛⲉⲛⲡ̀ⲣⲟⲥⲉⲩⲭⲏ ⲛⲁϩⲣⲁϥ.

О беззаконіяхъ (ἀνομία) нашихъ умоли Господа, Михаиле, принеси къ нему посты (νηστεία) и молитвы (προσευχή) наши.

f. 21. ‖ Ⲣⲁⲛ ⲛⲓⲃⲉⲛ ⲛⲉⲙ-ⲫⲩⲗⲏ ⲛⲓⲃⲉⲛ ⲛⲏ ⲉ̀ⲧⲁⲩⲟⲩⲱϣⲧ ⲉ̀ⲡⲓⲥⲧⲁⲩⲣⲟⲥ ⲥⲉϯⲱⲟⲩ ⲛⲁⲕ ⲱ̀ ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ ⲟⲩⲟϩ ⲉⲩⲉ̀ⲓⲣⲓ ⲛ̀ⲛⲉⲕϣⲁⲓ.

Всякое имя и племя, покланяющееся кресту, восхваляетъ тя, Михаиле и творитъ праздникъ твой.

Ⲟⲩⲛⲓϣϯ ⲅⲁⲣ ⲡⲉ ⲡⲉⲕⲧⲁⲓⲟ̀ ϧⲉⲛⲛⲓⲧⲁⲅⲙⲁ ⲛ̀ⲁ̀ⲡⲟⲩⲣⲁⲛⲓⲟⲛ ϫⲉ ⲛ̀ⲑⲟⲕ ⲟⲩⲛⲓϣϯ ⲅⲁⲣ ⲛ̀ϧⲏⲧⲟⲩ ⲱ̀ ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ ⲡⲁⲣⲭⲟⲛ ⲛⲓⲫⲏⲟⲩⲓ̀ (sic!)

Велія похвала твоя въ воинствахъ (τάγμα) небесныхъ (ἐπουράνιος); велій еси въ нихъ, Михаиле, начальниче (ἄρχων) небесъ.

Ⲥⲧⲁⲩⲣⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲉ-ⲡⲭ̅ⲥ̅ ⲧⲉⲛⲟⲩⲱϣⲧ ⲙ̀ⲙⲟϥ ϧⲉⲛⲟⲩⲛⲁϩϯ ⲟⲩⲟϩ ‖ ⲛ̀ⲧⲉⲛϯϩⲟ ⲉ̀ⲣⲟⲕ ⲱ̀ ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ ϣⲱⲡⲓ ⲛⲉⲙⲉⲛ ∻

Кресту (σταυρός) Христову покланяемся въ вѣрѣ и молимся тебѣ, Михаиле, буди съ нами.

Приведенныя молитвословія шаблонны и довольно безцвѣтны въ смыслѣ агіобіографическихъ намековъ. Впрочемъ кое-что все-таки успѣло въ нихъ проникнуть, какъ напр. переводъ имени святого, неоднократныя указанія на его просвѣтительную миссіонерскую дѣятельность въ странѣ «Эѳіоплянъ», упоминаніе о его родителяхъ, происхожденіи изъ духовенства, о подвигѣ стоянія на камнѣ, столь извѣстномъ не только изъ житій, но и изъ изображеній, на которыхъ преподобный представленъ съ лежащей рядомъ сломанной отъ стоянія ногой[3]). Наконецъ интересенъ эпитетъ святого въ концѣ второй псаліи — «мученикъ безъ крови». Онъ вѣроятно идетъ изъ обѣтованія, полученнаго Такла-Хайманотомъ предъ кончиной: «ты умрешь отъ болѣзни моровою повѣтрія, и Я вмѣню тебѣ сіе, какъ убіеніе, какъ кровь му-

1) Переводъ እግዚእ ፡ ኀረያ ፡ — имени матери Такла Хайманота (Въ арабскомъ текстѣ مختارة الله).

2) Выражено обычной въ коптскихъ богослужебныхъ рукописяхъ идеограммой (см. Stern, Kopt. Grmm. § 8.

3) Ср. наши «Изслѣдованія», стр. 12.

ченпиковъ» [1]). Имя святого, довольно послѣдовательно и правильно передаваемое въ арабскомъ черезъ تكلا هيمانوت, въ коптскомъ транскрибируется всѣми возможными способами съ самой разнообразной вокализаціей, колеблясь между сравнительно правильныхъ **ⲑⲉⲕⲗⲁ** и **ϩⲓⲙⲁⲛⲟⲧ** до грецизированнаго и едвали не слитнаго **ⲑⲉⲕⲗⲉϩⲩⲙⲉⲛⲟⲥ.** Среди этой путаницы постоянно **ⲑⲉ** въ началѣ и звукъ і (въ формѣ **ⲓ** или **ⲩ**) послѣ **ϩ**. Первое можно объяснить какъ амхарскимъ произношеніемъ, такъ и аналогіей съ женскимъ именемъ Ѳекла, второе неясно. Имя отца вездѣ передано страннымъ **ⲥⲓϩⲁⲍⲁⲛ**, причемъ даже д (**ϩ**) превращено въ h (Въ арабской версіи систематически проводится начертаніе سيغازاب, хотя одинъ разъ имѣется и زيغازاب). Авторъ гимна въ честь Арх. Михаила даетъ даже вполнѣ правильный переводъ именъ родителей преподобнаго. — Въ какомъ отношеніи стоятъ къ псаліямъ упоминающіе себя въ нихъ Соломонъ и Іосифъ, сказать трудно. Возможно, что второй былъ простымъ переписчикомъ рукописи, а первый, какъ «явившій имя святого» Египту, могъ быть и авторомъ изданныхъ нами псалій.

Б. Тураевъ.

Арабская версія „псалій“ Такла-Хайманоту.

Арабская версія помѣщенныхъ выше «псалій» Такла-Хайманоту сохранилась значительно лучше, чѣмъ коптскій изводъ. Поэтому, быть можетъ, не лишнимъ будетъ привести ее полностью, тѣмъ болѣе что она не лишена нѣкотораго и самостоятельнаго значенія, какъ памятникъ *христіанско*-арабской литературы, всегда доставляющей интересный матеріалъ для арабиста-лингвиста. Въ виду незначительности отрывка выдѣлять грамматическія явленія въ особый очеркъ не представляется необходимости и поэтому они отмѣчены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Тамъ же указаны тѣ случаи, когда переводъ значительно расходится съ коптской версіей или состояніе текста не даетъ возможности уловить точный смыслъ. Изданъ текстъ безъ всякихъ измѣненій въ томъ видѣ, какъ его даетъ рукопись Императорской Публичной Библіотеки коптск. № 8: единственное исключеніе сдѣлано для окончанія ـَة женскаго рода, гдѣ возстановлены точки, обыкновенно опускаемыя въ рукописи. Удержана въ изданіи даже извѣстная непослѣдовательность списка, допускающаго на-ряду съ مثل форму مثَل, на ряду съ هوذا — هودا и т. д.

---

1) Житіе по Дабралибаносской редакціи. См. ibid. стр. 91.

ابصالية واطس للقديس تكلاهيمانوت
الحبشى تقرى ولح شهر كيهك ولح شهر مسرى المبارك

تعالوا ايها المومنين[1] نسبح الله و نرتل كرامة الصديق القديس تكلاهيمانوت *
كل المدن و القرى يمدحوك حسنًا لانك رديت[2] كل اللغات الى امانة الله *
156 || انك ارتفعت بالحقيقة امام الرب ايها الرجل الطاهر الصديق القديس تكلاهيمانوت *
داوود الملك يمدحك انت المبارك من قبل اتعابك ايها الصديق تكلاهيمانوت *
ها انت مثل يوحنا كاهن ابن كاهن نلت || النياح و الخلاص يا تكلاهيمانوت ابن
زيخازاب * كثيرة هى عجايبك فى رجوع الامم الى الله * طوباك انت ايها القوى
157 القديس تكلاهيمانوت * لانك ارتفعت جدًا ايها الوكيل الامين || البار الكاهن
الصديق القديس تكلاهيمانوت * تهللوا ايها المسيحيين[3] بدين يسوع المسيح و عيدوا
للقديس تكلاهيمانوت * ها هوذا[4] انت اكملت ايمانك بثبات على الصخرة
اخترت المسيح يا محب الاله || تكلاهيمانوت ابن ساره * حسنًا ارتفع اسمك فى وسط
القديسين ايها القديس تكلاهيمانوت ابن الكاهن سيخازاب * جميع الشعوب
158 و القبايل امنوا كلهم بكلام الصديق و الى الله رديتهم[5] || مثل ابانا الرسل *
اعطنا يارب سلامتك منجل[6] ابينا الصديق الذى رد الامم القديس تكلاهيمانوت *
ارحمنا يارب ثم ارحمنا كعظم رحمتك من اجل القديس تكلاهيمانوت صاحب هذا
التذكار || و العيد * تباركت يا مالكنا المسيح اعطنا الحكمة و النعمة من اجل هذا

---

1) المومنين Въ классическомъ языкѣ было бы المومنون. Это обычное въ христіанскихъ памятникахъ явленіе указываетъ на сліяніе падежей.

2) رديت = класс. رددت. Текстъ здѣсь исправнѣе коптскаго: «...ты обратилъ всѣ языки къ вѣрѣ божіей».

3) المسيحيين = класс. المسيحيون.

4) هاهوذا — выраженіе, систематически употребляющееся какъ греческое ἰδοῦ, славянское се. Входящее въ составъ его هو настолько уже утратило самостоятельное значеніе, что оно ставится передъ انت, какъ здѣсь, и передъ انا, какъ бываетъ въ другихъ случаяхъ. Текстъ всей фразы въ противоположность коптскому исправенъ: «Се ты завершилъ вѣру свою стояніемъ на камнѣ (и) избралъ Христа, боголюбче Такла-Хаймонотъ, сынъ Сары».

5) رديتهم = класс. رددتهم.

6) منجل Обычное въ христіанскихъ памятникахъ начертаніе классическаго من اجل, проводимое въ данномъ случаѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго, далеко не систематически.

الكاهن الصديق القديس تكلاهيمانوت * تباركت انت الاب و يسوع و الروح
159 القدس و نكرم تكلاهيمانوت الكاهن ابن الكاهن * || اظهر لنا اسمك ايها الصديق
نجنا[1] من الشيطان و اشفع فينا قدام المسيح الذى هو عبدك سليمان * كل الرجال
و النسا يصرخون الى الله الحقيقى لكى يغفر لهم خطاياهم من اجل الصديق الشجاع *
|| باركنا ببركتك يا محب البشر الصالح اعطنا حضًا[2] و نصيبًا مع تكلاهيمانوت القديس *
نسالك تحفظنا من اجل ابينا الصديق القديس تكلاهيمانوت الكاهن محب المومنين *
160 و ايضًا الكهنة || و الشمامسة و ساير شعبك نجهم كلهم من الشيطان و احرسنا الى
النفس الاخر * السيد محب البشر الصالح كملنا مسيحيين من اجل مريم العذرى
و تكلاهيمانوت القديس * السلام لك ايتها العذرى || منجل كلمت[3] الاب السلام
لابينا الصديق القديس تكلاهيمانوت * كل انفس الارتدكسيين نيحهم فى الفردوس
منجل الست السيدة مريم و تكلاهيمانوت القديس * ياسيدنا يسوع مخلصنا اغفر لى
161 || انا عبدك يوسف عن حقارتى مع كهنتك من اجل الست السيدة * *

و ايضًا ابصالية ادام للقديس تكلاهيمانوت

اسال الله ملك الدهور يعطنا الخلاص و ينجينا[4] من الشيطان * عيننا يا رب
|| و اعطنا نعمة من اجل الصديق تكلاهيمانوت القديس * لانه صار نيرًا و فعل عجايب
كثيرة فى مدن الحبشة * الصديق العظيم فى وسط القديسين تكلاهيمانوت ابن
162 || سيغازاب * عظيمة كرامتك و رديت[5] الامم الى امانة الله ايها القديس تكلا *
كثيرة جدًا هى الفضيلة التى امتليت[6] بسببها مجدًا * هودا كل الامم اتوا الى معرفة

---

1) Все предложеніе получаетъ болѣе или менѣе удовлетворительный смыслъ только въ томъ случаѣ, если мѣстоименный суффиксъ перваго лица въ نجنا и فينا считать описской вмѣсто третьяго نجه и فيه, какъ стоитъ въ аналогичной фразѣ ниже, или если نجنا من الشيطان و اشفع فينا قدام المسيح считать вводнымъ предложеніемъ. Тогда получается приблизительно такой переводъ: «Явилъ намъ твое имя, о праведный, (спаси насъ отъ діавола и ходатайствуй предъ Христомъ о насъ!) рабъ твой Соломонъ».

2) حضًا = класс. حظًّا. Замѣна ظ черезъ ض, равно какъ и обратно, не представляетъ рѣдкости въ христіанскихъ памятникахъ.

3) كلمت = классич. начертанію كلمة.

4) ينجينا По аналогіи съ يعطنا — можно было ожидать ينجنا.

5) رديت = класс. رددت.

6) امتليت = класс. امتلأت. Въ коптской версіи текстъ испорченъ; здѣсь ясно «Преизобильна благодать, ея же ради исполнился еси славы».

الله من اجل كلامك ايها القديس * || تهللوا يا مومنين[1] من اجل المبارك حبيب
المسيح القديس تكلاه * يسوع المسيح الهنا كلمت[2] الاب اعطانا الخلاص منجل
القديس تكلا * حسنًا ايها الصديق محب المسيح ارشدت الامم ايها القديس
163 تكلاهيمانوت * || شعب المومنين يمدحوك جيدًا يا كامل فى العفة ايها القديس
تكلا * فليجتمعوا كل المسيحيين و يعيدوا الان للقدّيس تكلاهيمانوت * اسمعنا
و ارحمنا يا الله الاب تراائف علينا منجل القديس تكلاهيمانوت * || ارتفعت جدًا
فى وسط القديسين يا ابن سيخازاب القديس تكلاهيمانوت * عظيمة هى كرامتك
منجل البتولية ايها الغالب القديس تكلاهيمانوت * الذى اظهر لنا اسمك نجيه[3]
164 من الشيطان و اشفع فيه امام المسيح و هو عبدك || سليمان * افرحوا ايها المومنين[4]
فى هذا العيد الذى للصديق القديس تكلاهيمانوت * باركنا يارب و اغفر لنا من
اجل المبارك القديس تكلاهيمانوت * تفسير اسمك فى افواه المومنين تكلاهيمانوت
اعنى[5] فردوس الايمان * و ايضًا الكهنة || و الشمامسة نجّهم من اجل السيد
القديس تكلاهيمانوت * الله محب البشر ايها الصالح اغفر لنا و لساير المسيحيين *
السلام للصديق السلام للشهيد بغير سفك دم تكلاهيمانوت * نيح انفس الرقود فى
165 || الفردوس من اجل الصديق البار تكلاهيانوت * يا مخلصى و سيدى انا عبدك يوسف
اغفر لى من اجل الست السيدة *

И. Крачковскій.

СПБ. Іюнь 1907 г.

Миддендорфъ и его якутскіе тексты[6]).

Русскій естествоиспытатель Александръ Өеодоровичъ Миддендорфъ, совершившій въ началѣ 50-хъ гг. мин. столѣтія путешествіе въ Сибирь и, между прочимъ, на крайній ся сѣверо-востокъ — въ Якутскую область,

---

1) مومنين = класс. مومنون.
2) كلمت = классич. начертанію كلمة.
3) نجيه = классич. начертанію نجه.
4) المومنين = классич. المومنون.
5) اعنى] Скорѣе можно было бы ожидать يعنى. Очевидно, выраженіе настолько уже окаменѣло, что совершенно утратило глагольный характеръ.
6) Докладъ, читанный 22 марта 1907 г. въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

собралъ обширнѣйшій матеріалъ по разнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія и сельскаго хозяйства, равно и по этнографіи племенъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Матеріалъ этотъ былъ обработанъ разными авторами и отчасти самимъ Миддендорфомъ. Отдѣлъ VI второй части «Путешествія на сѣверъ и востокъ Сибири» (Спб. 1878), составляющій окончаніе всего сочиненія, посвященъ кореннымъ жителямъ Сибири, въ томъ числѣ и якутамъ (стр. 758 — 833).

Можно безъ преувеличенія сказать, что именно Миддендорфъ положилъ начало основательному изученію быта якутовъ, и не даромъ г. Сѣрошевскій своихъ «Якутовъ» посвятилъ памяти А. Ѳ. Миддендорфа, еще при жизни послѣдняго заручившись его на то согласіемъ. «Самую существенную помощь и самыя цѣнныя указанія я нашелъ—говоритъ г. Сѣрошевскій въ предисловіи къ своей книгѣ—въ трудахъ высокоуважаемаго, покойнаго А. Ѳ. Миддендорфа. Еще въ Якутской области я съ пользой слѣдовалъ его указаніямъ, привыкъ имъ вѣрить и удивляться». Къ сожалѣнію, научная цѣнность обширнаго труда г. Сѣрошевскаго не соотвѣтствуетъ высокимъ заслугамъ путешественника, памяти котораго трудъ этотъ посвященъ. Чтобы быть достойнымъ имени Миддендорфа, изслѣдованіе г. Сѣрошевскаго должно быть заново переработано и во многихъ своихъ частяхъ исправлено болѣе компетентными, чѣмъ г. Сѣрошевскій, лицами, дабы не попадались въ немъ такія чудовищныя ошибки, какъ, напр., отнесеніе китовъ къ морскимъ рыбамъ (стр. 122). А такихъ «китовъ» въ книгѣ — масса.

Ровно половина замѣтокъ Миддендорфа о якутахъ (стр. 789—826) отведена якутскому языку и якутскому фольклору, причемъ сообщены записанные Миддендорфомъ по-якутски тексты «рѣчей», пѣсенъ и начала одной сказки. По поводу этой именно части матеріаловъ Миддендорфа, т.-е. якутскихъ текстовъ, я и хочу высказать въ настоящемъ сообщеніи нѣсколько замѣчаній, имѣющихъ цѣлью показать неутраченное и до сихъ поръ значеніе текстовъ въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

Значеніе текстовъ Миддендорфа въ лингвистическомъ отношеніи достаточно высоко оцѣнено акад. Бетлингомъ во введеніи къ его замѣчательному труду: Ueber die Sprache der Jakuten, вошедшему составною частью въ 3-ій томъ нѣмецкаго изданія «Путешествія» Миддендорфа.

«Рукописные матеріалы Миддендорфа — говоритъ Бетлингъ — состоящіе изъ реестра словъ, изъ пѣсенъ, разговоровъ, сказокъ, изреченій и очерка грамматики, вполнѣ заслуживаютъ нашего удивленія, если примемъ въ соображеніе краткость времени, какое могъ посвящать лингвисти-

ческимъ изысканіямъ нашъ отважный, ловкій и ученый путешественникъ. Если, по правдѣ, надобно сознаться, что съ одними этими матеріалами я не могъ бы соорудить прочнаго грамматическаго зданія, то съ другой стороны безъ преувеличенія можно сказать, что матеріалы Миддендорфа значительно облегчили мнѣ трудъ изученія языка и не разъ наводили на грамматическія формы, которыя безъ того, можетъ быть, ускользнули бы отъ моего вниманія. Къ тому же рѣшительно можно сказать, что безъ Миддендорфа мои занятія не приняли бы теперешняго направленія и не явилось бы настоящаго сочиненія» (цитаты вездѣ дѣлаю по переводу, помѣщенному въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ т. I, вып. 4, 1853 г., подъ заглавіемъ: «О языкѣ якутовъ. Опытъ изслѣдованія отдѣльнаго языка въ связи съ современнымъ состояніемъ всеобщаго языкознанія»; см. стр. 439 — 440).

Тѣмъ не менѣе, въ свое изслѣдованіе Бетлингъ не внесъ почти ничего изъ якутскихъ текстовъ Миддендорфа, объясняя это тѣмъ, что въ матеріалахъ его онъ «часто встрѣчалъ перерывы, а иногда былъ даже не въ состояніи понять отдѣльныхъ словъ». Бетлингъ признаетъ, что, съ одной стороны, трудно избѣжать перерывовъ «слѣдя на бумагѣ за быстротой живой рѣчи», а съ другой — пониманіе имъ текста могли затруднять «рѣдкія или даже вовсе вышедшія изъ употребленія слова, которыя, можетъ быть, и переданы не совсѣмъ вѣрно» (стр. 440); главной же помѣхой — прибавлю отъ себя — было незнакомство Бетлинга съ якутскими пѣсенными и сказочными оборотами. Въ виду этого Бетлингъ ограничился лишь сообщеніемъ, въ переложеніи на свое правописаніе, записанной Миддендорфомъ пѣсни съ аллитераціей и нѣсколькихъ краткихъ изреченій съ единственной цѣлью ознакомить читателя съ правописаніемъ Миддендорфа.

Такимъ образомъ, якутскіе тексты Миддендорфа, несмотря на протекшіе 60 лѣтъ со времени ихъ поступленія въ распоряженіе ученаго лингвиста, представляютъ собою всю прелесть новизны.

Разсмотримъ же, что новаго могутъ дать лингвисту эти тексты послѣ использованія ихъ Бетлингомъ для своихъ цѣлей. По словамъ самого Миддендорфа, онъ руководился, при напечатаніи своихъ текстовъ, тою мыслью, что «всякій отрывочекъ древняго и недревняго міра, который, можетъ быть, отыщется въ такой рѣчи или въ такой пѣснѣ, можетъ итти въ параллель несмѣшанной первобытной формы якутскаго черепа, которую я старался выяснить. Въ этомъ отношеніи, полагаю я, лингвистамъ всякій отрывокъ, какъ бы искаженъ онъ ни былъ, долженъ быть такъ же дорогъ, какъ зоологамъ иное совершенно попорченное чучело, а палеонтологамъ

какой-нибудь кусочекъ кости или раковины, какъ бы онъ ни былъ поврежденъ» (стр. 793).

Нѣтъ ничего болѣе справедливаго, чѣмъ приведенныя слова, и тексты Миддендорфа служатъ самымъ нагляднымъ подтвержденіемъ справедливости высказаннаго имъ мнѣнія. Такъ, занимаясь якутскимъ языкомъ въ теченіе 25 лѣтъ, за которые, казалось бы, можно было исчерпать весь запасъ сдѣланныхъ Миддендорфомъ наблюденій, я долженъ признаться, что нынѣ, при детальномъ разсмотрѣніи его текстовъ, я нашелъ въ нихъ въ высшей степени цѣнный для меня лингвистическій матеріалъ Именно я встрѣтилъ: 1) новыя, до сего незарегистрованныя мною слова, 2) новыя значенія ранѣе зарегистрованныхъ словъ, 3) указанія на другое, не подмѣченное ранѣе произношеніе извѣстныхъ словъ, вызываемое замѣною однихъ гласныхъ или согласныхъ другими или смягченіемъ нѣкоторыхъ согласныхъ, 4) подтвержденіе многихъ моихъ догадокъ и, наконецъ, 5) разрѣшеніе нѣкоторыхъ сомнѣній. Я не стану утомлять читателей подробнымъ перечисленіемъ всего того, что дали мнѣ тексты Миддендорфа по указаннымъ пяти рубрикамъ. Вмѣсто этого я ознакомлю ихъ съ содержаніемъ одной изъ записанныхъ Миддендорфомъ хороводныхъ пѣсенъ, на которой попутно укажу, что далъ мнѣ, составителю якутскаго словаря, Миддендорфъ послѣ того, какъ, казалось бы, онъ уже исчерпанъ Бетлингомъ. Между прочимъ, долженъ замѣтить, что къ штудированію Миддендорфа я не приступалъ долго именно потому, что не надѣялся найти для себя что-либо новое, чего бы не подмѣтилъ такой внимательный изслѣдователь, какъ Бетлингъ.

Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подлинныхъ текстовъ Миддендорфа, и таковыхъ не оказалось и въ Азіатскомъ музеѣ. Г-нъ Ф. Розенбергъ предполагаетъ, что если вообще существуютъ рукописи Миддендорфа, то «скорѣе всего въ фамильномъ архивѣ въ имѣніи Миддендорфовъ въ Эстляндской губерніи» (письмо отъ 24 января сего года). Подлинные тексты могли бы помочь правильному толкованію произношенія того или другого слова, такъ какъ Миддендорфъ, передавъ въ своемъ дневникѣ якутскія слова посредствомъ смѣси русскихъ и латинскихъ буквъ, потомъ передѣлалъ русскую часть буквъ на латинскія и въ то же время высказалъ опасеніе, что отъ неудачнаго примѣненія русскихъ *ю* и *я* «кое-гдѣ могло произойти неправильное толкованіе произношенія» (стр. 794).

Что прежде всего поражаетъ въ избранномъ мною отрывкѣ, это — строго выдержанная аллитерація словъ, составляющая непремѣнную принадлежность не только пѣсенъ, но также и сказокъ, заклинаній, загадокъ, поговорокъ; здѣсь аллитерація отличается бо́льшимъ разнообразіемъ и бла-

гозвучіемъ, чѣмъ въ отрывкѣ, приводимомъ Бетлингомъ въ его грамматикѣ (§ 231).

Вотъ якутскій текстъ транскрибированной мною пѣсни.

Хороводная хоровая пѣсня, которая поется особенно въ кумысный праздникъ.

Äгäі, чä, ду! Чäl буран, чäl кÿöх!
Саца цыл салалыппа,
Ÿтÿö цыл öцöідö,
Унар куɉас оінјуота,
Кÿдäн куɉас (кöрÿlätä),
Сіäрäі сäбірдäх сіllärilätä (сіlі-
 rilämä),
Мотуок солко (шолко) мучукта
 муцутата,
Томтор сір (ото) торолуіда,
Бäттіäмä бäргäтä,
Кырдал сір ото кыттыста!
Äргä цыл äпкäідä,
Модун цыл бохтото!
Кÿр бÿс кöтöђÿlÿннä,
Кÿрцÿк хар кöтÿрÿlÿннä!
Хара мÿс хампарыіда,
Халђаса буолла, хаіданна;
Кысыл мÿс кырбастанна,
Кыцымах буолла, кыіданна!
Хотол сір ото хојунна!
Оінÿр уочарат,
Кöрÿlÿр кölÿöнä!...
Улан уігута,
Кäрä кäсітä,
Самал кымыс...
Ÿс курдулах моцол дјіä ÿс дулђалах,
Тÿöрт уон (туосунан) тÿгахтах,
Отут туосунан ортолох,
Сÿрбä (туосунан) тöбölöх,
Уон (туосунан) уралах,
Ÿс ÿöläстäх,
Јäрäкäнпäх дјіällах,
Дјарђалах дјапталлах,
Усуордах оронноx,
Äріäп ічігäннäх...
Сатыі далбарын тардан,
Ас тälгäн,
Бар цону асатан,
Арађас чäчірін апјан,
Аɉах тутан,
Чорон тосујан,
Бälкäі тутан,
Тођус (уон) кулугулах сälätін тіран,
Туорах кулунун тутан,
Кöђÿöрÿп олордон,
Кöђölчöр біäтін ÿгÿн кöінјöрöн,
Кöмÿöl ÿтунан кöмÿöllан,
Ÿтÿнäп оцорон,
Ысыах тутан,
Бар јонун асатан,
Сірі ісіт сіäттісäн,
Сіällах аɉађын аɉыга тутан,
Чорођонун тацарађа тосујан...
Кäђä кäксіäтä,
Öтöн ÿöттä,
Тојон чоргуіда,
Курађаччы кујарда,
Кÿöрäђäі кölчÿідä,
Далбараі даіда,
Турујa нјоидоідо,
Хас ханылаcта,
Кыталык кыттыста,
Äріäн хотођоідох äргіідä,
Дабыдаллах салалынна,
Холбођоі куорсуннах холбосто,

Ӱ̇өрбä кöҕӱ̄llǟх ӱ̄өрдӱ̄стä,
Оӊочо кутуруктāх ороҕосто,
Сiällǟх сыламнāта…
Сīбiктä сiрдǟх,
Учуор (узуор) хонӯлāх,
Омнуона оттōх,
Сiäгilǟх сiäбälac мастāх,
Болбукта тумуллāх,
Харыја хаljājылāх,
Оҕуруо чаiдāх,
Бурдук кумахтāх
Öрӱ̄с äбäм хонӯтугар
Оiнӯр уочарат,
Ӓтäр iбiрǟт,
Саӊарар чāстыја!…
Бар тыа басāрдāх,
Куруӊ тыа гуораттāх,
Ӯлāх улуксалāх,
Дулҕа тојоннōх,
Кiргil кiпǟстǟх,
Чāрда чарчы̄налāх,
Кукāкы кулубалāх,

Ӓбäн-сабан äтäн iсiӊ!
Сылајымаӊ, саӊаран iсiӊ!
Ӓдäрдä äргiтiӊ,
Сонунна солбујуӊ,
Кырјаҕасы кыты̄тынан,
Оӊонјору уӊуорунан,
Ӓмǟхсiнi iнјäнäп,
Арбаҕастāҕы анарāнан.
Ӓдäрдä äргiтiӊ,
Кусāктāҕы куоттарымаӊ,
Устāннāҕы ы̄тымаӊ,
Сäliäччiктǟҕi сiтiӊ,
Сöртӱ̄ктǟҕi тölöрӱ̄тӱ̄мäӊ,
Āлтыстāҕы ханы̄лāӊ,
Кilбiäннǟҕi кiчäjiӊ,
Кiрдǟҕi кiäр гыныӊ,
Толбоннōҕу торутуӊ,
Тордохтōҕу тутумаӊ,
Хāмпалāҕы ханы̄лāӊ,
Хаҕыдахтāҕы харајымаӊ,
Сiнјälǟҕi сiäтiӊ,
Сiтīlǟҕi сiäтiмäӊ!

Въ одной приведенной пѣснѣ я нашелъ тринадцать незарегистрованныхъ Бетлингомъ словъ, изъ коихъ только восемь оказались зарегистрованными мною. Въ иныхъ случаяхъ приходится удивляться тому, что Бетлингъ, имѣя подъ руками такого знатока языка, какъ Уваровскій, уроженецъ Якутской области, не могъ добраться до значенія встрѣченныхъ имъ у Миддендорфа словъ и даже установленія наличности такихъ словъ, какъ далбар—берестовая посуда, хотя, съ другой стороны, про разбираемую пѣсню одинъ молодой интеллигентный якутъ выразился, что «въ ней такія слова, какъ будто и не якутскія». И дѣйствительно, нужно констатировать, что теперешняя якутская молодежь, въ особенности учащаяся, почти совершенно не понимаетъ пѣсеннаго и сказочнаго языка. Тѣмъ дороже должны быть для насъ записанные Миддендорфомъ тексты, снабженные подстрочнымъ переводомъ и примѣчаніями, которыхъ, пожалуй, не далъ бы теперь и наиболѣе замѣчательный знатокъ якутской старины, забываемой съ поразительной быстротой.

На долю незарегистрованныхъ Бетлингомъ словъ больше поло-

вины приходится такихъ, которыя взяты изъ русскаго языка, напр.: жилетъ, сюртукъ, мотокъ, колѣно (часть, звено), обрядъ, участіе, сѣрый. Можетъ быть, Бетлингъ умышленно не заносилъ ихъ въ свой реестръ, дабы не уснащать свой словарь черезчуръ большимъ количествомъ русскихъ словъ. Но, въ такомъ случаѣ, нужно было бы отказаться отъ занесенія очень многихъ словъ, которыя мы находимъ, однако, въ словарѣ Бетлинга, въ родѣ балатка (палатка), орохоспо (рождество) и т. д., ибо эти слова отнюдь не имѣютъ больше правъ на вниманіе, чѣмъ перечисленныя выше и Бетлингомъ пропущенныя. При составленіи словаря я руководился правиломъ такого рода: заносить всѣ слова, которыя получили право гражданства въ разговорномъ якутскомъ языкѣ, т.-е. относительно которыхъ сами якуты увѣрены, что они якутскаго происхожденія, а не русскаго, и которыя встрѣчаются въ образцахъ народнаго творчества якутовъ, какъ въ данномъ случаѣ—въ пѣснѣ Миддендорфа. Возможно полная регистрація русскихъ словъ необходима, во-первыхъ, въ силу того, что очень многія изъ нихъ исковерканы до неузнаваемости, такъ что часто трудно бываетъ догадаться о ихъ происхожденіи и не всякому это подъ силу (иной разъ только благодаря случайности удается натолкнуться на разгадку происхожденія якутскаго слова отъ русскаго, напр. оҥунāс — одинецъ, баібары—фалбора, ӓрісіӓп—резонъ и т. д.); во-вторыхъ, потому, что заимствованное слово всегда получаетъ въ воспринявшемъ его языкѣ какой-нибудь новый оттѣнокъ и почти никогда не бываетъ тождественно по значенію со своимъ первообразомъ; въ-третьихъ, количество заимствованныхъ словъ служитъ показателемъ, съ одной стороны, многообразнаго вліянія чужой культуры, а съ другой — степени воспріимчивости народа, прибѣгающаго къ усвоенію чуждыхъ ему дотолѣ словъ и связанныхъ съ ними понятій.

Если къ сказанному выше прибавить, что въ моемъ словарѣ многія слова, взятыя изъ Бетлинга, до сихъ поръ стоятъ совершенно одиноко (напр., чāрда — дроздъ), будучи встрѣчены имъ и мною только въ текстахъ Миддендорфа, то значеніе ихъ съ этой стороны становится внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ слова эти остались бы, можетъ-быть, совершенно утраченными для науки.

Нѣкоторыя пѣсенныя выраженія даютъ возможность опровергнуть сдѣланныя другими изслѣдователями наблюденія. Такъ, напр., выраженіе омнуона оттōх (мѣсто, поросшее особымъ родомъ хвоща), стоящее въ пѣснѣ на ряду съ названіемъ другого рода хвоща (сібіктӓ), несомнѣнно очень питательнаго и любимаго коннымъ скотомъ, даетъ возможность признать справедливость утвержденія Уваровскаго, что трава омнуона охотно поѣдается

скотомъ, — жаль только, что не сказано — какимъ, ибо у А. Павловскаго въ его «Замѣткахъ о Вилюйскомъ краѣ», напечатанныхъ въ Извѣстіяхъ Сиб. Отдѣла И. Р. Г. Общ., 1873, т. IV, № 2, сказано, будто опытные путешественники не совѣтуютъ кормить травой омнуона лошадей, «увѣряя, что отъ нея пухнетъ у нихъ брюхо и даже образуется между ними нѣчто въ родѣ повальной болѣзни».

Изъ новыхъ значеній, не показанныхъ Бетлингомъ, укажу на значеніе слова дулђа (кочка). Въ пѣснѣ, при описаніи большой берестяной юрты, говорится, что она ӯс дулђалā̄х (трижды подпертая), то-есть, какъ это видно изъ примѣчаній Миддендорфа, о трехъ длинныхъ стойкахъ, съ установки которыхъ начинается устройство конусообразной урасы; въ дѣйствительности, такихъ стоекъ или главныхъ жердей въ урасѣ бываетъ четыре, и здѣсь показано три, можетъ-быть, въ соотвѣтствіе требованію аллитераціи въ ниже слѣдующемъ выраженіи ӯс ӯöläстā̄х (о трехъ дымовыхъ отверстіяхъ); ясно, что при четырехъ жердяхъ нужно было бы сказать: тӯöрт ӯöläстā̄х, что, конечно, не дало бы столь любимой якутами аллитераціи, ради которой они готовы поступиться даже точностью выраженія, въ другихъ случаяхъ ими строго соблюдаемой. Затѣмъ, Бетлингомъ совершенно упущено изъ виду совмѣстное употребленіе двухъ глаголовъ: äп (прибавлять) и сап (покрывать), которые у него приводятся въ словарѣ каждый на своемъ мѣстѣ порознь, а не въ соединеніи другъ съ другомъ. Такихъ сочетаній какъ въ глаголахъ, такъ и именахъ въ якутскомъ языкѣ очень много, и они не безызвѣстны были и Бетлингу, напр.: бураі-сараі, аімā-саімā. Часто послѣдующія слова ровно ничего не обозначаютъ, представляя собою аллитерацію предыдущаго слова, или имѣютъ тождественное значеніе. Упомянутое выше äп-сап не принадлежитъ къ категоріи сочетаній послѣдняго рода, ибо каждое изъ составныхъ словъ здѣсь имѣетъ свое самостоятельное значеніе, вмѣстѣ же они означаютъ то же, что и одно äп, то есть прибавлять, присоединять. На основаніи записей Миддендорфа, Бетлингомъ слово бурāн передано черезъ Hügel (бугоръ, холмъ) и совершенно опущено данное этому слову въ разбираемой пѣснѣ значеніе: большой лугъ на сухомъ мѣстѣ (русск. изд.) или мѣсто, поросшее травою (нѣм. изд.). Долженъ признать, что въ послѣднемъ значеніи слово это мнѣ до сихъ поръ не встрѣчалось; напротивъ, всѣ видоизмѣненія слова (бырāн, мырāн, мурāн) зарегистрованы мною въ значеніи холмъ, гора, сопка, и пѣсенное выраженіе чäl бурāн, скорѣе всего, должно обозначать не сочный лугъ, какъ у Миддендорфа, а высокое мѣсто, поросшее сочною травою (первая зелень появляется на высокихъ, холмистыхъ мѣстахъ). Тѣмъ не менѣе, я не рискну обойти молчаніемъ приведенное Миддендорфомъ зна-

ченіе: кто знаетъ, — быть можетъ, тамъ, гдѣ эта пѣсня записана, слово буран̄ и употребляется въ указанномъ значеніи. То же и со словомъ тöгӱlӱ — пѣсня, мною до сего встрѣченнымъ только у Маака (Вилюйскій округъ Якут. обл. СПб. 1883—1887), который, вѣроятно, самъ позаимствовалъ это слово у Миддендорфа. При моихъ занятіяхъ языкомъ, мнѣ часто, черезъ много лѣтъ, приходилось встрѣчать подтвержденіе самыхъ сомнительныхъ, казалось бы, на первый взглядъ, значеній. Кстати, нельзя не пожалѣть, что точнаго указанія мѣстности, въ которой записаны Миддендорфомъ его образцы, въ самомъ сочиненіи не имѣется.

Кромѣ указанныхъ пропусковъ, у Бетлинга мы не находимъ такихъ словъ, какъ ымыјах, мӓкӓрсін, хорун — названія питательно-съѣдобныхъ корней, перечисленныя на стр. 786 сочиненія Миддендорфа; изъ числа этихъ корней удостоились регистраціи лишь унңула или кӱöl аса да быта — вѣроятно, потому только, что они были знакомы Уваровскому, а другіе — нѣтъ. Такая осторожность Бетлинга въ дѣлѣ использованія матеріаловъ Миддендорфа имѣетъ свою хорошую сторону, давая только вполнѣ провѣренный матеріалъ (относительно, конечно), но за то лишаетъ людей, пользующихся его словаремъ, уже давно добытыхъ свѣдѣній, заставляя открывать новыя Америки.

Слышанные Миддендорфомъ звуки в, з, ш Бетлингъ не внесъ въ якутскій алфавитъ, отнесшись къ указаніямъ Миддендорфа отрицательно; это видно, между прочимъ, изъ того, что въ приводимыхъ во введеніи къ грамматикѣ изреченіяхъ слово Давыкыт, наприм., Бетлингъ пишетъ по своему — Дабыкыт (стр. 441). Бетлингъ зналъ одно произношеніе Уваровскаго и невольно подчинился авторитету послѣдняго, какъ живого и очень толковаго источника якутскаго языка. Самъ Миддендорфъ очень остроумно и классически красиво говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«Ученый другъ мой позволитъ мнѣ высказать предположеніе, что въ его превосходномъ трудѣ якутскій языкъ легче поддался подъ иго замѣчательно искусно открытой лингвистомъ законной правильности, чѣмъ это дѣлается въ первобытномъ лѣсу. Какъ строитель новаго зданія среди языка первобытной природы, онъ, конечно, не могъ не отнестись нѣсколько самодержавно къ правиламъ, которыя умъ его извлекъ изъ глубины необработаннаго языка» (стр. 794).

Въ избранной мною пѣснѣ я встрѣчаю два заимствованныхъ изъ русскаго языка слова въ двоякихъ начертаніяхъ: 1) солко и шолко—шелкъ и 2) узуор и учуор — узоръ. Я давно уже ввелъ въ своемъ словарѣ знаки в и ш, какъ, напр., въ словахъ Прāва (Управа), вы̄бар (выборъ), шолко и шолку, муора бы̄шыта (морось), къ чему меня вынудило частое и притомъ

слишкомъ явственное употребленіе звуковъ в и ш якутами обоего пола, нисколько не обрусѣвшими. Полагаю, что можно, съ полнымъ правомъ, ввести въ алфавитъ якутскій и звукъ з, на употребленіе коего я не обратилъ должнаго вниманія, но наличности коего отрицать не могу въ такомъ, по крайней мѣрѣ, словѣ, какъ узуор, узуордāх. Найдутся, вѣроятно, еще и другія слова, заимствованныя изъ русскаго языка, въ которыхъ звукъ з, до сего совершенно чуждый якутскому языку, остается въ немъ безъ измѣненія.

Что касается указаній на новое, не подмѣченное ранѣе произношеніе извѣстныхъ словъ, вызываемое замѣною однихъ гласныхъ или согласныхъ другими или смягченіемъ нѣкоторыхъ согласныхъ, то здѣсь указаній этихъ мы имѣемъ непочатый уголъ, напр.: äсällар вм. іcälläр, äljälläр вм. iljälläр и пр. На текстахъ Миддендорфа вполнѣ подтверждается установленная моимъ сотрудникомъ по собиранію якутскаго словарнаго матеріала В. М. Іоновымъ наличность мульированныхъ звуковъ д, l, н. Въ примѣръ приведу слова: дjiä вм. ųiä (домъ), дjiäl вм. ųiäl (дверь), дjaптал вм. ųaптал, äljäбiн вм. älųäбiн, хаljājы вм. хаlųājы, aнjaн вм. анńан, оiнjуо вм. оiнуо. Кромѣ того, Миддендорфомъ подмѣчена замѣна звука ų звукомъ j въ словахъ ųäрäкā̄н = jäрäкā̄н, кырųађас = кырjађас, ųол = jол; Бетлингомъ такая замѣна допущена, кажется, въ видѣ исключенія для слова ųахтар, которое зарегистровано и какъ jахтар. Это явленіе не представляетъ для меня чего-либо новаго; ново для меня здѣсь свидѣтельство Миддендорфа о двоякомъ произношеніи именно данныхъ словъ, такъ какъ о такомъ ихъ произношеніи у меня имѣлись лишь мои собственныя догадки и предположенія, основанныя на аналогіи и на способѣ начертанія этихъ словъ Порядинымъ и другими (между прочимъ, якутами Дюпсюнскаго улуса, собиравшими загадки и пословицы для С. В. Ястремскаго). Но здѣсь я долженъ высказать сдѣланное мною самимъ наблюденіе, которое, конечно, требуетъ подтвержденія со стороны болѣе компетентныхъ лицъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ j замѣняетъ ų, въ дѣйствительности слышится дj, а не чистый j; по крайней мѣрѣ, я вызывалъ у нѣкоторыхъ якутовъ улыбку и даже смѣхъ, когда я явственно произносилъ яхтар вм. ųахтар; меня поправляли, причемъ произносили это слово опять-таки такъ, что мой несовершенный слухъ не могъ уловить никакой разницы между произношеніемъ якута и моимъ, и только изъ того, что якуты оставались, повидимому, удовлетворенными, когда я произносилъ дjахтар, причемъ д едва-едва слышится (т.-е. когда кончикъ языка едва-едва касается нёба), я заключаю, что послѣдній способъ произношенія есть именно тотъ, который такъ несовершенно изображается на письмѣ. Къ моему удоволь-

ствію, употребленное Миддендорфомъ въ изреченіяхъ начертаніе ыаlдјар вм. ыаlјар является нѣкоторымъ подтвержденіемъ моего наблюденія.

Наконецъ, въ текстахъ Миддендорфа вообще и въ приведенной здѣсь пѣснѣ въ частности имѣется подтвержденіе наличности не подмѣченной Бетлингомъ, но уловленной мною и моимъ сотрудникомъ Іоновымъ долготы во многихъ якутскихъ словахъ (кујāс, сāмал), замѣны звука ҕ звукомъ ӈ (оҕонјор и оӈонјор), выпаденія звука р (ічігāн вм. ірчігāн; ср. аlӈахаі вм. аlӈархаі), перехода звука с въ ч (учуор вм. усуор; ср. ачас вм. асас).

Вотъ какой матеріалъ содержится въ текстахъ Миддендорфа, поскольку его качество можетъ отразиться на небольшомъ отрывкѣ. Несомнѣнно, что, «всматриваясь ближе въ собранія словъ и въ Миддендорфовы бумаги», какъ выражается Бетлингъ (стр. 446), мы будемъ въ состояніи обогатить свои познанія въ якутскомъ языкѣ еще многими вѣрно схваченными покойнымъ ученымъ наблюденіями. Въ этомъ отношеніи тексты Миддендорфа могутъ сыграть роль отрывковъ изъ древнихъ классиковъ: чѣмъ больше ихъ изучаешь, тѣмъ больше находишь въ нихъ пищи для своего пытливаго ума.

Вотъ посильный переводъ избранной мною пѣсни. Самъ Миддендорфъ называетъ свой переводъ «чудовищнымъ», но въ его положеніи и нельзя было сдѣлать больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ. Достаточно того, что онъ далъ подстрочное объясненіе словъ: это помогаетъ добраться до смысла записаннаго текста, «искаженнаго, какъ подмѣтилъ и Миддендорфъ, тѣмъ, что нѣкоторыя слова слились, а другія не разслышаны, какъ слѣдуетъ». Въ виду такого признанія дешифрированіе текстовъ Миддендорфа является не только необходимостью, но и обязанностью, дабы извлечь изъ-подъ спуда столь цѣнный, но до сихъ поръ мертвый капиталъ. И мнѣ невольно приходитъ на память горькое замѣчаніе Д. А. Клеменца (въ личной бесѣдѣ), что значеніе Миддендорфа, какъ ученаго, еще недостаточно оцѣнено...

ПЕРЕВОДЪ.

Эгяй, ну, ли! Сочно-зеленый холмъ, сочная зелень! Новый годъ наступилъ, добрый годъ выглянулъ, марный зной взыгралъ, мглистый зной разгулялся, сѣрый (березовый) листъ развернулся, шелковистая хвоя зазеленѣла, круглое высокое мѣсто выросло, метелица стала больше, трава на возвышенной полосѣ скучилась! Старый годъ ушелъ (удалился), холодный годъ отсталъ! Множество льда поднялось, надворныя снѣжныя кучи разру-

шились! Черный ледъ разломился, превратился въ то́росы (ледяныя горы), разсѣлся; красный ледъ на кусочки распался, превратился въ шугу, унесенъ! Трава въ ложбинѣ погустѣла! Очередь игръ, пора веселья!... Обиліе отъ сѣрой (кобылицы), гостинецъ отъ саврасой, первый весенній кумысъ!... Трижды опоясанная большая ураса [1]), о трехъ главныхъ жердяхъ, о сорока берестовинахъ у основанія, о тридцати — посрединѣ, о двадцати — вверху, о десяти — у самой крайней верхушки, о трехъ дымовыхъ отверстіяхъ, съ узорчато вышитою поперекъ дверью, съ полосатою настилкою, съ узористыми спальными лавками, съ пестрыми шнурами для занавѣсокъ... Выставивши низкій кумысный сосудъ, разостлавши бѣлую лошадиную шкуру, накормивши весь людъ, воткнувши желто-зеленыя березки, держа «рты» [2]), вознося кубки, имѣя въ рукахъ бокалы, натянувши веревку съ девятью десятками чекъ (колышковъ), держа на привязи круглыхъ, какъ шишки, жеребятъ, установивши кожаный мѣхъ, заквасивши молоко сивой кобылицы, разбавивши водою отъ послѣдняго весенняго льда, сдобривши молокомъ, устроивши ысыах (кумысный праздникъ), весь людъ накормивши, взявшись за кожаный чанъ, направивъ къ создателю обвязанный гривою «ротъ», вознесши къ небу небольшой бокалъ [дѣйствуйте]!... Кукушка закуковала, горлица заворковала, орелъ заклекталъ, куликъ закуликалъ, жаворонокъ сталъ дѣлать трели, слетокъ слетѣлъ съ гнѣзда, журавль вытянулся вверхъ, гуси соединились попарно, стерхи собрались вмѣстѣ, у кого пестрыя маховыя перья—тѣ возвратились, предплечистыя вернулись, у кого дугообразныя перья—тѣ столпились... У кого чубы тычинами — стали въ кучу (стадомъ), у кого хвосты кормою — идутъ гуськомъ, гривистые стали нѣжиться на солнцѣ... Въ долинѣ бабушки рѣки (Лены) съ узорчатымъ, сплошь поросшимъ чибиксеемъ [3]), полемъ, съ травою омпуона (хвощъ), съ твердымъ жимолость-деревомъ, съ мысами, по которымъ стелется кедровый сланецъ, съ обращенными къ югу склонами, поросшими елью, съ хрящомъ какъ бусы, съ пескомъ какъ хлѣбныя зерна—въ такой долинѣ настала очередь игръ, обрядъ рѣчей, участіе въ разговорахъ... Тѣ, для кого базаромъ служитъ густой лѣсъ, городомъ — сухой лѣсъ, улицею — вода, чиновникомъ (господиномъ)—кочка, княземъ—дятелъ, старшиною—дроздъ, головою — ронжа, — всѣ подробную рѣчь заведите! безъ устали продолжайте издавать звуки! Верните молодость, замѣстите (старое) новымъ, (обойдите) старѣйшаго краемъ, старика—другою стороною, старуху—вотъ

---

1) Коническій шалашъ изъ жердей, покрытый берестою.

2) Т.-е. большіе кумысные кубки.

3) Видъ кормоваго хвоща.

этою, носящихъ ветхую даху—противоположною!... Верните молодость, не упускайте носящихъ кушаки, не отпускайте тѣхъ, что въ штанахъ, догоните тѣхъ, что въ жилеткахъ, не давайте отдѣлиться одѣтымъ въ сюртуки, соединяйте въ пары повязанныхъ галстуками! Позаботьтесь о блестящихъ, грязныхъ удалите прочь, веснущатыхъ остановите, закоптѣлыхъ не удерживайте! Соединяйте въ пары одѣтыхъ въ канфу, а людей въ поношенной одеждѣ не презирайте! Ведите тѣхъ, у кого одежда вышита олепьимъ волосомъ, подпоясанныхъ же кушаками изъ конскаго волоса не ведите!

«Особенную важность — говоритъ Миддендорфъ — я придаю этнологическому значенію записаннаго мною текста и возвращаюсь къ нему тѣмъ болѣе, что очень часто, когда я начиналъ догадываться, что въ рѣчахъ, говорившихся по разнымъ случаямъ, то или другое выраженіе слишкомъ уклоняется отъ обыденной рѣчи, и затѣмъ обращался съ распросами къ моимъ наставникамъ, послѣдніе мнѣ отвѣчали: «вѣдь это такъ слѣдуетъ; это именно такъ-то и прекрасно: это изстари такъ нужно». Притомъ такія рѣчи вовсе не были вполнѣ понятны остальнымъ якутамъ»... (стр. 792).

Если послѣднее замѣчаніе вѣрно относительно якутовъ первой половины минувшаго столѣтія, то оно еще съ большимъ основаніемъ можетъ быть сдѣлано въ отношеніи современныхъ якутовъ. Сколько разъ приходилось мнѣ слышать даже отъ очень толковыхъ якутовъ, въ отвѣтъ на мою просьбу объяснить мнѣ то или другое слово, то или другое выраженіе въ пѣснѣ или въ богатырской сказкѣ, — неизмѣнное: «такъ говорятъ въ пѣсняхъ», «такъ говорятъ въ сказкахъ», — и большаго я не могъ добиться, приходя часто въ отчаяніе отъ неуспѣшности своихъ попытокъ добраться до смысла какой-либо фразы.

«На распросы мои о свойствахъ различныхъ духовъ — продолжаетъ Миддендорфъ — которые упоминались въ разговорѣ и названія которыхъ сопровождались каждое совершенно особыми прилагательными, люди мои не были въ состояніи сообщить мнѣ ближайшія свѣдѣнія, а при настойчивости съ моей стороны, объясняли, что такъ это было нѣкогда. Такимъ образомъ — въ этомъ я убѣждался постоянно — въ обычаяхъ и въ языкѣ якутовъ было много стариннаго, преемственнаго, чего народъ уже въ точности не понималъ. Болѣе развитое нѣкогда ученіе о божествахъ пришло въ забвеніе и передо мною являлись только обломки развалинъ давно забытаго ученія» (l. c.).

Въ частности, по поводу пѣсни, которая поется въ кумысный праздникъ и переводъ которой мною только-что былъ данъ, Миддендорфъ замѣчаетъ, что «чѣмъ болѣе кумысный праздникъ якутовъ, единственно имъ свойственный, отличается отъ всѣхъ обычаевъ тунгусовъ, самоѣдовъ и

остяковъ, тѣмъ болѣе хоровое пѣніе ихъ напоминаетъ о подобныхъ обычаяхъ киргизовъ, точно такъ какъ богатырскія сказки такого же рода, какъ якутскія, поются у киргизовъ и татаръ южной Сибири, напр. у минусинскихъ татаръ» (l. c.).

Миддендорфъ путешествовалъ въ то время, когда еще были налицо народные праздники, называемые ысыах, и другіе обычаи, нынѣ совершенно исчезнувшіе. Поэтому его тексты представляютъ собою важные документы, свидѣтельствующіе о недавнемъ бытѣ якутовъ и дающіе возможность сравнить его съ нынѣшнимъ и установить какъ происшедшія за послѣдній періодъ времени уклоненія, такъ и характеръ, направленіе этихъ уклоненій.

Ысыах-и совершенно прекратились и отошли уже въ область преданій, но достаточно еще живыхъ, чтобы по нимъ можно было воспроизвести весь полагавшійся при этомъ ритуалъ. Теперь ысыах-и устраиваются только въ особо торжественныхъ случаяхъ, какъ, напр., былъ устроенъ ысыах на моей памяти (во второй половинѣ 80-хъ годовъ мин. столѣтія) въ честь посѣщенія города Якутска генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Игнатьевымъ. Въ 1902 году въ селеніи Чурапча (Ботурусскій улусъ Якутскаго округа) былъ устроенъ ысыах по иниціативѣ и на счетъ В. И. Іохельсона, путешествовавшаго по Якутской области, главнымъ образомъ по сѣверной ея части, по порученію Нью-Іоркскаго Музея. Отъ устройства этого ысыах-а г. Іохельсонъ пожалъ богатые плоды, скупивъ всѣ принадлежности праздника въ видѣ разнаго рода посуды (кожаной, деревянной и берестяной) и другихъ вещей для своей этнографической коллекціи, предназначенной для того же Музея [1]).

Если относительно ысыах-овъ мы еще имѣемъ кое-какія свѣдѣнія въ нашей этнографической литературѣ (Приклонскій, Сѣрошевскій, Трощанскій), то относительно хоровыхъ пѣсенъ не только ысыах-овыхъ, но и поющихся въ другихъ случаяхъ, наши свѣдѣнія не идутъ дальше простого упоминанія о нихъ, текста же хоровой пѣсни мнѣ не приходилось встрѣчать въ печати, и мы теперь впервые знакомимся съ содержаніемъ хоровыхъ пѣсенъ по образцу Миддендорфа, — *впервые* потому, что самая пѣсня никѣмъ еще дешифрирована не была и для перевода не годилась, будучи въ недешифрированномъ видѣ совершенно неудобопереводимою.

Итакъ, въ данной пѣснѣ мы имѣемъ образчикъ пѣсенъ, которыя если и поются, то уже не при такой обстановкѣ, какъ раньше, когда у якутовъ

1) См. Kumiss festivals of the Yakut and the decoration of kumiss vessels by Waldemar Jochelson. New-York, 1906. (Reprinted from the *Boas Memorial Volume*).

было много коннаго скота, а, слѣдовательно, и кобыльяго молока для приготовленія кумыса — любимаго напитка, нынѣ замѣненнаго чаемъ. Мнѣ лично, за все время моего пребыванія въ Якутской области, пришлось лишь раза три-четыре быть свидѣтелемъ хоровой пѣсни, которая пѣлась во время такъ называемой пляски, то есть раскачиванія всѣмъ тѣломъ и толканія другъ друга со стороны компаніи подвыпившихъ людей обоего пола, взявшихся за руки и составившихъ замкнутую цѣпь. Къ сожалѣнію, въ моемъ воспоминаніи не сохранилось ни одной пропѣтой хоромъ фразы (я до сихъ поръ плохо понимаю якутскую рѣчь, когда она поется или когда говорится сказочникомъ,—плохо понимаютъ и многіе якуты). Помню только, что кто-нибудь поетъ нѣсколько стиховъ, послѣ чего всѣ, находящіеся въ цѣпи, начинаютъ повторять хоромъ пропѣтые стихи; послѣ хора опять запѣвало поетъ соло дальше, опять хоръ повторяетъ его слова и т. д. Пѣсня бываетъ импровизированною, въ ней дѣйствительно, какъ подмѣтилъ Миддендорфъ, встрѣчаются въ изобиліи старинныя выраженія и формы и основу пѣсни (или рѣчи) дѣйствительно составляютъ изстари употребляющіяся выраженія, но это, по моему мнѣнію, не мѣшаетъ относиться если не «съ уваженіемъ», то, по крайней мѣрѣ, съ удивленіемъ къ замѣчательному ораторскому таланту Якутовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой ораторъ не пользуется готовыми формами и выраженіями? Важно здѣсь умѣнье пользоваться арсеналомъ старинныхъ выраженій и формъ, а въ этомъ якутскимъ ораторамъ, сказочникамъ и пѣвцамъ нельзя отказать. Якуты строго различаютъ хорошаго пѣвца отъ дурного не только по качеству голоса, но и по многообразности удачныхъ выраженій, подбору удачныхъ аллитерацій и эффектныхъ сравненій. Какъ на образецъ замѣчательной въ своемъ родѣ импровизаціи, сошлюсь на записанную И. А. Худяковымъ импровизацію дѣвушки-якутки, — прямо-таки дышущую истинной поэзіей (см. Верхоянскій Сборникъ. Иркутскъ 1890, стр. 10—12).

Якуты вообще отличаются поразительною наблюдательностію. Обратите вниманіе хотя бы на употребленное въ пѣснѣ выраженіе кукāкы кулубалāх (тѣ, у кого головою птица ронжа), на первый взглядъ совершенно непонятное: почему именно ронжѣ выпала высокая честь быть головою? Миддендорфъ намъ объясняетъ, что обыкновенно соединяютъ слова кукāкы кінāстāх (я думаю, что здѣсь у Миддендорфа описка вмѣсто кулубалāх), потому что у ронжи задъ трясется на ходу также, какъ у важничающаго князца (наслежнаго старосты), а изъ князцовъ всегда и выходятъ улусные головы. Это объясненіе Миддендорфа въ высшей степени цѣнно вотъ съ какой стороны: оно указываетъ намъ, что какъ бы для насъ неожиданны или странны ни казались нѣкоторыя выраженія якутовъ,

мы не должны къ нимъ относиться слишкомъ легкомысленно, отказывая имъ въ правѣ на наше вниманіе за отсутствіемъ въ нихъ всякаго смысла; вѣрнѣе предположить, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ сами мы, въ силу особаго склада всей нашей психики, бываемъ не въ силахъ стать на мѣсто человѣка съ первобытной психикой, созрѣвшей въ условіяхъ, слишкомъ отличныхъ отъ нашихъ. Многое тутъ зависитъ, конечно, и отъ несовершеннаго нашего знакомства съ бытомъ инородцевъ вообще и якутовъ въ частности.

Подобно тому, какъ лингвистъ найдетъ много для себя цѣннаго въ текстахъ Миддендорфа, точно также и каждый этнографъ, изслѣдующій бытъ сибирскихъ инородцевъ, никоимъ образомъ не долженъ пройти мимо этихъ текстовъ, пока ихъ содержаніе не будетъ признано совершенно исчерпаннымъ. Возьму маленькій примѣръ. Въ хоровой пѣснѣ сказано: сатӹ далбарын тардан, то-есть: притащивши (поставивши) низкій далбар; если о самой посудѣ и есть указанія въ литературѣ, то далеко не вполнѣ опредѣленныя: по Мааку она—берестяная, а по Приклонскому, повидимому, кожаная; для меня же рѣшающимъ голосомъ является свидѣтельство Миддендорфа, который не только называетъ намъ посуду, но и подробно сообщаетъ о способѣ ея изготовленія, что, конечно, должно служить гарантіей вѣрности сообщенія [1]).

Въ заключеніе, обращу вниманіе читателей на допущенный Бетлингомъ недосмотръ въ названіи одной кумысной посуды. Называя черезъ сіällӓх (имѣющій гриву) большой кумысный кубокъ, украшенный у основанія пучкомъ конской гривы, то-есть перенося признакъ предмета на самый предметъ, Бетлингъ напрасно ссылается на Миддендорфа, у котораго въ нашей пѣснѣ данный сосудъ названъ сіällӓх аǰах, а не сіällӓх. Этимъ я отнюдь не хочу утверждать, что не бываетъ дѣйствительно случаевъ, когда самый предметъ называется по одному изъ его признаковъ, а просто стою за точность, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось постоянно встрѣчать полностью названіе упомянутаго сосуда: буквально — ротъ съ гривою. По формѣ своей онъ напоминаетъ изображенный недавно въ иллюстрированныхъ журналахъ египетскій сосудъ, въ которомъ хранились сердце и печень фараона Рамзеса II. Видъ иллюстраціи сразу напомнилъ мнѣ якутскіе «рты» и «чорōн'ы»...

Весьма вѣроятно, что при дальнѣйшемъ изученіи текстовъ Мидден-

---

1) Впрочемъ, въ числѣ вывезенныхъ В. Н. Васильевымъ для Музея Антропологіи и Этнографіи имени императора Петра Великаго кумысныхъ сосудовъ имѣются далбар-ы двоякаго рода: и кожаные, и берестовые.

дорфа во всемъ ихъ объемѣ этнографъ найдетъ въ нихъ немало другихъ и болѣе замѣчательныхъ наблюденій, на основаніи которыхъ внесетъ необходимыя поправки въ сдѣланные предыдущими изслѣдователями выводы.

Эд. Пекарскій.

О неизданныхъ трудахъ о. Іакинѳа и рукописяхъ проф. Ковалевскаго, хранящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи.

Въ жизнеописаніяхъ о. Іакинѳа (Бичурина) есть, между прочимъ, указанія на то, что послѣ смерти покойнаго синолога остались неизданными рукописныя сочиненія по исторіи и географіи Китая, хранящіяся въ настоящее время въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи. Интересъ къ трудамъ о. Іакинѳа и желаніе узнать, что именно сдѣлано имъ по исторіи и географіи Китая, побудили меня лѣтомъ текущаго года посѣтить названную библіотеку. Оказалось, что тамъ хранятся восемь неизданныхъ трудовъ о. Іакинѳа, о которыхъ нѣтъ упоминаній въ существующихъ библіографическихъ извѣстіяхъ о его сочиненіяхъ.

Труды эти слѣдующіе:

«Лѣтопись Китайской имперіи, называемая Юй-пхи цзы-чжи тхунъ-цьзянь ганъ-му, раздѣленная на три части,—лѣтопись Древнюю, Среднюю и Новѣйшую. Переводъ съ Китайскаго. 1825 г.» Т. I—VII, in fol.

Названное сочиненіе есть буквальный переводъ обширнаго китайскаго историческаго компендіума 御批資治通鑑綱目 «Юй-пи цзы чжи тунъ-цзянь ганъ му». Въ рукописи о. Іакинѳа историческое повѣствованіе доводится до 608 года по Р. Хр.

«Землеописаніе Китайской имперіи». Т. I—III, in fol.

Содержаніемъ названнаго сочиненія является современная и историческая географія Китая и сопредѣльныхъ ему странъ, а также краткія свѣдѣнія объ европейскихъ государствахъ. Оно представляетъ собою извлеченіе изъ извѣстнаго китайскаго географическаго сочиненія 大清一統志 «Дай-цинъ и тунъ чжи», въ которомъ излагается всеобщая географія Китая, подвластныхъ ему странъ и европейскихъ государствъ. Изъ этой рукописи о. Іакинѳомъ сдѣланы заимствованія, вошедшія въ содержаніе его «Статистическаго описанія Китайской имперіи. СПБ. 1842 г.»

«Географія тринадцати Китайскихъ губерній». Т. I, in fol.

Сочиненіе безъ указанія источниковъ.

«Алфавитъ губерніямъ и городамъ Китая. Мѣста, подведенныя подъ градусы по наблюденіямъ о. Мальи». Т. I, in fol.

«Изложеніе Китайскаго Законодательства» Т. I—III, in fol.

Огромная рукопись, — въ трехъ томахъ болѣе двухъ тысячъ (2194) страницъ. Это сочиненіе представляетъ собой буквальный переводъ китайскаго уложенія — 大清會典 «Дай-цинъ хуй-дянь», «Сводъ Законовъ Дай-цин'ской имперіи», въ которомъ изложены права и обязанности всѣхъ правительственныхъ учрежденій, начиная съ «Цзунъ-жень-фу». Названное сочиненіе написано рукою не о. Іакинѳа, но въ каталогѣ библіотеки значится въ серіи его сочиненій и приписывается ему.

«Единственный экземпляръ прежней Китайской грамматики».

Рукопись въ тетради, содержитъ 68 стр. in fol.

«Мнѣніе о. Іакинѳа о сочиненіи Каллери подъ заглавіемъ: «Systema Phoneticum Scripturae Sinicae».

Рукопись содержитъ болѣе 100 стр. in fol., написана рукою не о. Іакинѳа. На первой страницѣ сдѣлана собственноручная помѣтка о. Іакинѳа: «Голосовая система съ замѣчаніями, написанная мною для Академіи Наукъ въ 1842 году».

«О китайской оспѣ».

Большая рукопись — около 100 стр. in fol. Сочиненіе составлено на основаніи китайскихъ источниковъ и собственныхъ наблюденій о. Іакинѳа.

Въ той же библіотекѣ Казанской Духовной Академіи хранится большое собраніе восточныхъ сочиненій, принадлежавшее покойному профессору-монголисту Осипу Михайловичу Ковалевскому, остающееся въ полной неизвѣстности со времени его кончины (1878 г.). Восточная библіотека Осипа Михайловича была пріобрѣтена библіотекою Казанской Духовной Академіи у наслѣдниковъ покойнаго лѣтъ 8—9 тому назадъ и, за отсутствіемъ спеціалиста, до послѣдняго времени оставалась не разобранной. Мнѣ первому пришлось пересмотрѣть ее и привести въ извѣстность сохранившіеся тамъ рукописные труды Осипа Михайловича, его оффиціальныя бумаги и нѣкоторыя другія рукописи. Что же касается восточныхъ сочиненій, — монгольскихъ, калмыцкихъ и тибетскихъ, между которыми есть рукописи, то за отсутствіемъ свободнаго времени я не успѣлъ ихъ разобрать, и они до настоящаго времени остаются въ неизвѣстности и ждутъ спеціалиста.

Въ настоящее время приведены въ извѣстность и хранятся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи слѣдующія рукописи, принадлежавшія Осипу Михайловичу Ковалевскому:

Труды покойнаго профессора.

«Дневникъ 1830—1832 г.».

Этотъ дневникъ былъ составленъ покойнымъ профессоромъ во время его пребыванія въ Китаѣ. На первомъ мѣстѣ идетъ рѣчь о занятіяхъ по Монгольскому языку, кромѣ того имѣется много свѣдѣній историческихъ, географическихъ и этнографическихъ. Русская рукопись мѣстами прерывается вставками на польскомъ языкѣ. Дневникъ записанъ въ большую переплетенную тетрадь, содержитъ около 300 стр. весьма убористаго, четкаго письма.

«Дневникъ» (второй).

Этотъ дневникъ записанъ въ карманной записной книжкѣ большого формата. По времени составленія онъ относится къ той же порѣ, что и первый; въ немъ имѣется много географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній.

«Опытъ Монгольскаго корнеслова». Большая рукопись въ тетради, содержитъ болѣе 250 стр. весьма мелкаго, четкаго письма.

«Изъясненіе разностей въ произношеніи нѣкоторыхъ слоговъ между кореннымъ Монгольскимъ языкомъ и происходящими отъ него нарѣчіями». Небольшая рукопись, — 7 стр. въ четвр. л.

«Правила правописанія Монгольскаго. Правила къ правописанію Монгольскому съ прикосновенными къ оному грамматическими особенностями сего языка».

Рукопись содержитъ 66 стр. in fol.

Есть большая тетрадь in fol., въ которой содержатся записки Осипа Михайловича объ его занятіяхъ по изученію Монгольскаго языка, объ его перепискѣ съ разными лицами и объ его различныхъ оффиціальныхъ представленіяхъ. Кромѣ означенныхъ русскихъ рукописей, есть много Монгольскихъ, написанныхъ рукою покойнаго профессора.

Оффиціальныя бумаги О. М. Ковалевскаго.

«Бумаги о выѣздѣ въ Иркутскъ и путешествіи между бурятами».

«Бумаги о выѣздѣ въ Ургу и Пекинъ».

«Бумаги о Войсковой Бурятской школѣ».

Въ этихъ послѣднихъ оффиціальныхъ бумагахъ идетъ рѣчь объ основаніи названной школы и о предложеніи Осипу Михайловичу занять въ ней мѣсто преподавателя. Всѣ перечисленныя оффиціальныя бумаги заключены въ отдѣльныя папки съ соотвѣтствующими надписями.

Между рукописями проф. Ковалевскаго имѣются рукописи, написанныя не его рукой.

Большая рукописная тетрадь,—болѣе 240 стр. in fol., содержитъ отрывокъ изъ исторіи Маньчжурскихъ завоеваній. Начало и конецъ рукописи затеряны. Авторъ не обозначенъ. Составленъ трудъ на основаніи китайскихъ и европейскихъ сочиненій. Имѣются небольшія поправки карандашемъ, повидимому, рукою покойнаго профессора.

«Историческое описаніе Посольскаго Спасо-Преображенскаго монастыря Иркутской епархіи».

Рукопись содержитъ 36 стр. въ четвр. л. весьма четкаго письма. Исторія монастыря излагается на основаніи бумагъ монастырскаго архива со времени его основанія (1681 г.) до начала XIX вѣка. Авторъ не обозначенъ.

«Описаніе храма Земли, въ Пекинѣ находящагося и о жертвоприношеніи». Описаніе содержитъ 10 стр. in fol., составлено миссіонеромъ Алексѣемъ Соспицкимъ въ 1828 году.

«Хошоты въ Хухунорѣ и ихъ отношенія къ Китаю».

Большая, вполнѣ законченная рукопись, повидимому, приготовленная къ печати. Рукопись имѣетъ болѣе 140 стр. in fol.

«Исторія царя Арчжи-Бурчжи». Переводъ съ Монгольскаго. Рукопись въ 24 стр. in fol.

«Повѣсть изъ Шидди-кўръ». Монгольскій текстъ съ русскимъ переводомъ. Въ четверт. л. 32 стр.

«Шесть разныхъ хвалебныхъ пѣсенъ въ честь высшихъ духовныхъ буддійскихъ особъ».

Рукопись въ четвр. л. 11 стр.

Нѣкоторые матеріалы по исторіи Пекинской духовной миссіи.

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Святѣйшаго Синода отправляющемуся въ Китайское государство и столичный градъ Пекинъ Архимандриту Гервасію Линцевскому. Генваря 24 дня 1743 года». (Копія).

Обширная по своему содержанію бумага, имѣетъ 16 стр. in fol.

«Въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, доношеніе, обрѣтающагося въ Пекинѣ, на русскомъ дворѣ при церкви Срѣтенія Господня настоятеля іеромонаха Лаврентія». 1743 г., дек. 7 дн.

«Отъ пристава духовныхъ свитъ коллежскаго секретаря Василія Игумнова, Его Высокопреподобію Всечестнѣйшему отцу Архимандриту Софронію, сообщеніе. 1795 года, мая 12 дня».

«Объявленіе изъ канцеляріи китайской экспедиціи всѣмъ въ посоль-

скомъ дворѣ имѣющимся христіанамъ». 1737 г., апрѣля 4 дня. Имѣется подпись Лоренца Ланга.

«Путевой журналъ. О слѣдованіи духовной свиты и учениковъ Тайцинскаго Государства въ Столичный городъ Пекинъ 1794 г. Свиту составляли Его Высокопреподобіе отецъ Архимандритъ Софроній Грибовскій, двое іеромонаховъ, іеродіаконъ, два церковника и четыре ученика. Приставъ въ препровожденіи оной г. коллежскій секретарь Василій Игумновъ, при немъ толмачь мунгальскаго языка Василій Новоселовъ.....»

Весьма четко написанная рукопись, содержитъ 102 стр. in fol. Конецъ «журнала» затерянъ, авторъ не обозначенъ. Дневникъ ведется со 2-го числа сентября 1794 года, — со времени выѣзда миссіи въ Монголію, и доводится до 8-го января 1795 года, — перваго времени пребыванія въ Пекинѣ.

А. Любимовъ.

Къ изученію оссуаріевъ.

Почти одновременно съ отпечатаніемъ моей замѣтки «Туркестанскіе оссуаріи и астоданы» (Записки, XVII, 0166—0171), Н. П. Остроумовъ выпустилъ въ Протоколахъ засѣданій и сообщеніяхъ членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи (ч. XI, Ташкентъ, 1907), касающуюся того же вопроса статью «Новыя данныя о глиняныхъ погребальныхъ урнахъ» (стр. 32—45 [1]). Затѣмъ, вслѣдъ за моей замѣткой и вслѣдствіе ея, Н. И. Веселовскій помѣстилъ на страницахъ того же тома Записокъ (0176 — 0181) нѣсколько своихъ соображеній, озаглавленныхъ «Еще объ оссуаріяхъ». Въ обоихъ случаяхъ приложены таблицы. Г. Остроумовъ описываетъ и частью издаетъ въ первой части своей статьи хранящіеся въ ташкентскомъ музеѣ оссуаріи (числомъ одиннадцать, кромѣ того фрагменты), а также даетъ исторію ихъ находокъ; проф. Веселовскій знакомитъ съ нѣкоторыми матеріалами Археологической Коммиссіи и издаетъ одинъ цѣльный оссуарій и нѣсколько фрагментовъ [2]). Этотъ вопросъ такимъ образомъ продолжаетъ занимать немногихъ, интересующихся древностями нашего Туркестана, почему я и позволяю себѣ снова вернуться къ нему.

---

1) Обмѣнъ мнѣній членовъ кружка см. тамъ же, стр. 28—31.

2) Дублетная крышка—голова, находившаяся въ коллекціи А. В. Комарова, перешла нынѣ, какъ и вся археологическая часть этой коллекціи, въ музей г. Щукина въ Москвѣ. Фрагменты оссуаріевъ имѣются также въ нѣкоторыхъ петербургскихъ собраніяхъ.

Продолжая интересоваться оссуаріями, я обратился письменно весной нынѣшняго года къ россійскому генеральному консулу въ Бомбеѣ А. А. Половцову (принимавшему участіе въ раскопкѣ самаркандскихъ оссуаріевъ въ 1899 г.), съ просьбой дать мнѣ свѣдѣнія относительно каменнаго буширскаго оссуарія, о которомъ дѣлалъ въ свое время докладъ г. Моди. Въ отвѣтъ на мой вопросъ, А. А. Половцовъ въ письмѣ отъ 3 (16) Мая сообщилъ мнѣ о своихъ переговорахъ съ г. Моди и переслалъ фотографическіе снимки какъ вышеупомянутаго оссуарія изъ камня, такъ и двухъ другихъ глиняныхъ оссуаріевъ, т. е. весь имѣющійся по этому вопросу матеріалъ въ Музеѣ Бомбейскаго Антропологическаго Общества. Считаю долгомъ выразить г. Половцову мою признательность за любезное содѣйствіе. Каменный оссуарій (рис. 1) издается впервые и былъ извѣстенъ до сихъ поръ лишь изъ описанія въ статьѣ г. Моди. Глиняные оссуаріи (рис. 2 и 3) были уже разъ изданы по рисункамъ въ статьѣ Эрскайна (упомянутой также и Моди) о двухъ найденныхъ въ Буширѣ погребальныхъ урнахъ [1]). Въ виду того однако, что они были изданы не по фотографіямъ, и кромѣ того статья Эрскайна довольно рѣдка, мы сочли не безполезнымъ переиздать ихъ въ виду ихъ значенія въ качествѣ сравнительнаго матеріала при дальнѣйшихъ походкахъ. Нужно прибавить, что при вскрытіи этихъ оссуаріевъ въ Бомбеѣ въ 1813 г. одинъ изъ нихъ оказался разбитымъ на двѣ части, другой-же на три, что видно ясно на рисункѣ, приложенномъ къ статьѣ Эрскайна. На нашихъ фотографіяхъ одинъ оссуарій (рис. 2, снятъ отверстіемъ влѣво) представленъ въ совершенно цѣльномъ видѣ; другой (рис. 3) уже не имѣетъ части, прилегавшей къ отверстію, отломившейся и затѣмъ вѣроятно утерянной. Эти оссуаріи принадлежатъ къ тому типу, который англійскіе изслѣдователи назвали barrel-shaped, jar-coffins, т. е. «бочкообразными» или «кувшинообразными [2])».

Кромѣ того, интересуясь находками въ самомъ Туркестанѣ, я просилъ письменно завѣдующихъ самаркандскимъ и асхабадскимъ музеями В. Л. Вяткина и С. О. Билькевича (матеріалы ташкентскаго музея были уже опубликованы Н. П. Остроумовымъ) сообщить мнѣ свѣдѣнія объ

1) W. Erskine, Observations on two sepulchral urns found at Bushire, in Persia въ Transactions of the Literary Society of Bombay, vol. I, London, 1819 (reprinted 1877), p. 206 сл. (по первому изданію 191 сл.).

2) Размѣры ихъ опредѣляются у Erskine'а слѣдующимъ образомъ: «The urns are about three feet in length, and the widest two feet nine inches at its greatest girth, and in thickness varying from half an inch to three-tenths of an inch. The circular opening is in both about three inches three-tenths in diameter, and filled up with a bit of baked clay». По словамъ Моди (стр. 4—5) на одномъ изъ подобныхъ-же оссуаріевъ, привезенномъ изъ Персіи историкомъ Малькольмомъ, имѣлись надписи, которыя показывались ученымъ парсамъ; никакихъ однако извѣстій о томъ, что это были за надписи, не сохранилось.

оссуаріяхъ въ этихъ музеяхъ. И тотъ, и другой весьма любезно отозвались на мою просьбу. Г. Вяткинъ, въ письмѣ отъ 8 Мая, сообщилъ мнѣ, что «въ самаркандскомъ музеѣ имѣются три оссуарія: одинъ пустой и два съ костями, причемъ въ одномъ кости не потревожены, а въ другомъ были разсыпаны при переноскѣ и снова ссыпаны въ него, но часть костей утратилась. Это тѣ самые гробы, которые найдены были въ еврейскомъ кварталѣ г. Самарканда... Стѣнки и въ особенности дно гробовъ весьма неровны. Крышекъ нѣтъ. Крышки плотно не закрыли бы гробовъ, такъ какъ углы ихъ выше горизонта средней части линій, соединяющихъ углы. Въ углахъ стѣнки значительно толще, нежели въ остальныхъ частяхъ и осѣсть имъ въ сыромъ видѣ было труднѣе, чѣмъ остальнымъ частямъ стѣнокъ». Такимъ образомъ оказывается, что придѣлать крышки къ этимъ оссуаріямъ представляло значительныя затрудненія (относительно крышекъ самаркандскихъ оссуаріевъ г. Пославскій категорически утверждаетъ, что ихъ не было; Н. И. Веселовскій столь же категорически утверждаетъ, что онѣ были; во избѣжаніе апріорности будемъ ожидать окончательнаго рѣшенія отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій и находокъ). Что касается до орнамента, то онъ, по сообщенію г. Вяткина, имѣется только на одной изъ длинныхъ стѣнокъ и состоитъ изъ бордюрчика, подъ которымъ укрѣплялись головки, и выдавленныхъ полосокъ и кружковъ. На одномъ оссуаріи четыре головки, на двухъ другихъ по три.—Относительно асхабадскаго музея, г. Билькевичъ, въ письмѣ отъ 8 Мая, сообщилъ мнѣ, что тамъ имѣются три такого рода сосуда, одинъ очень большой и два меньшихъ. На нихъ никакихъ украшеній или надписей нѣтъ. При раскопкахъ Пёмпелли въ Анау было найдено значительное количество такихъ сосудовъ съ костями. Къ этому г. Билькевичъ добавляетъ, что сосуды эти находятъ въ курганахъ по всей области [1]).

Находки оссуаріевъ въ Закаспійскомъ краѣ весьма интересны потому, что расширяютъ область ихъ распространенія и приближаютъ къ аналогичнымъ находкамъ въ Персіи. Съ другой стороны, имѣются основанія предполагать существованіе сходныхъ, хотя и не тожественныхъ памятниковъ и въ Восточномъ Туркестанѣ [2]). Находимые тамъ сосуды загадочнаго на-

1) Это же сообщалъ при обмѣнѣ мнѣній по поводу доклада г. Остроумова въ туркестанскомъ кружкѣ и г. Семеновъ.

2) Н. И. Веселовскій въ своихъ послѣднихъ объясненіяхъ указываетъ, что онъ первый обратилъ вниманіе на оссуаріи Западнаго Туркестана,—вопреки слѣд. уже достаточно давно, чтобы упрочиться, высказанному и до сихъ поръ не опровергавшемуся мнѣнію Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи — Bulletin de l'association internationale pour l'exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient, № 2 (St.-Pétersbourg, 1903, Octobre). 4 и 5; Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, № 1, СПБ., 1903, 19 и 21. За Туркестанскимъ кружкомъ остается неоспоримая заслуга дальнѣйшаго движенія этого вопроса.

значенія проф. Хёрнле считаетъ погребальными урнами, находя въ нихъ сходство съ погребальными урнами афганистанскихъ ступъ [1]). Для выясненія вопроса объ оссуаріяхъ, по нашему мнѣнію, необходимо привлеченіе сравнительнаго матеріала,—съ этой цѣлью и были собственно написаны какъ предшествующая, такъ и настоящая мои замѣтки. Необходимость этого матеріала признается повидимому и въ статьѣ г. Остроумова. Врядъ-ли только туркестанскіе оссуаріи имѣютъ сходство съ урнами-хижинами; сопоставленіе съ западно-европейскимъ археологическимъ матеріаломъ слишкомъ расширяетъ въ данномъ случаѣ вопросъ. Гораздо больше значенія имѣетъ то обстоятельство, что г. Остроумовъ обратилъ вниманіе на погребальные обычаи Кафиристана. Къ сожалѣнію, въ приводимыхъ сообщеніяхъ В. В. Григорьева нѣтъ упоминанія объ оссуаріяхъ или чемъ-нибудь подобномъ. Мы однако можемъ указать извѣстія, сообщающія о сходныхъ предметахъ и содержащіяся въ сочиненіи Биддёльфа о племенахъ Хиндукуша [2]). Говоря объ обрядахъ погребенія у этихъ народовъ, Биддёльфъ указалъ на то, что у нихъ до недавняго времени практиковалось трупосожженіе. Пепелъ складывался затѣмъ въ деревянные ящики, иногда сдѣланные изъ цѣльнаго куска дерева, или въ круглые глиняные кувшины. Экземпляры тѣхъ и другихъ были добыты Биддёльфомъ при раскопкахъ. Въ эти ящики, выложенные березовой корой, были сложены кости покойника. Кромѣ костей, въ оссуаріяхъ были найдены куски не встрѣчающагося болѣе въ странѣ клѣтчатаго холста, мѣдныя цѣпочки и другія украшенія. Женскія урны легко яко-бы отличались отъ другихъ по смѣшаннымъ съ костями пряcламъ. Два изображенія этихъ сосудовъ, приложенныя къ книгѣ Биддёльфа [3]), напоминаютъ намъ туркестанскіе оссуаріи, къ которымъ они подходятъ еще и потому, что происходятъ изъ области, этнически и культурно стоящей весьма близко къ народностямъ, къ которымъ мы должны возводить наши оссуаріи.

К. Иностранцевъ.

Сентябрь 1907 г.

---

1) A. F. R. Hoernle, A note on the British collection of Central Asian antiquities (Actes du XII congrès international des orientalistes à Rome, 1899, I, Florence, 1901, 151 сл.,—о погребальныхъ урнахъ, 179 сл.); его-же, A Report on the British Collection of Antiquities from Central Asia, p. II, Extra-Number 1 to the Journal of the Asiatic Society of Bengal, vol. LXX, p. I, 1901, Calcutta, 1902 (pottery 42 сл.).

2) J. Biddulph, Tribes of the Hindoo-Koosh, Calcutta, 1880, 113; русскій переводъ П. Лессара — Биддёлфъ, Народы, населяющіе Гинду-кушъ, Асхабадъ, 1886, 149—150 (безъ изображеній сосудовъ). По поводу этой книги объ обычаяхъ при погребеніи у Кафировъ, но не упоминая объ оссуаріяхъ, писалъ по русски И. П. Минаевъ. Новыя свѣдѣнія о Кяфирахъ, Жур. Мин. Нар. Просв., ч. 221, отд. 2, стр. 153—154.

3) Размѣры ихъ опредѣляются Biddulph'омъ слѣдующимъ образомъ—одного: 16 inches high, 11 long, 9 broad, другого: 14 inches long, 8 broad, $5^1/_2$ deep outside.

Краткія замѣтки о буддійскомъ искусствѣ въ Турфанѣ [1]).

Относительно историческаго отношенія изображающихъ искусствъ въ китайскомъ Туркестанѣ въ древности Д. А. Клеменцъ въ своемъ отчетѣ объ археорологической экспедиціи замѣтилъ, что въ Турфанѣ [2]) смѣсь индійскаго и китайскаго стиля вездѣ преобладаетъ. Такъ какъ самая большая часть остатковъ древней и величавой культуры края, который теперь такъ страшно пришелъ въ упадокъ, посвящена индійской вѣрѣ, именно буддизму, то само собою разумѣется, что всѣ предметы чисто религіознаго характера, напримѣръ статуетки, многочисленныя фрески, а также образа на шелку, найденные въ развалинахъ, подражаютъ по внѣшности индійскимъ образцамъ. Даже если мы точнѣе разсмотримъ эти интереснѣйшіе остатки, то безъ сомнѣнія узнаемъ, что прежде всего гандхарская школа искусства является для нихъ исходною точкою. Это наблюденіе изъ стиля предметовъ поздняго времени потверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что мы нашли въ одномъ храмѣ города Дакьянуса около Турфана деревянныя рѣзныя издѣлія дѣйствительно гандхарской работы. Кромѣ того извѣстно изъ китайскаго сочиненія, изъ котораго г. Гимли [3]) издалъ извлеченія, что монастырь Ціаю-ли, расположенный близъ селенія Кумтуры на берегу рѣки Музартъ, сорокъ ли на сѣверъ отъ города Кучи, былъ построенъ по примѣру другого монастыря, который царь Канишка построилъ семь ли на юго-востокъ отъ своей столицы Гандхары въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. Тамъ — близъ Кумтуры — находится, какъ говорятъ китайцы — древняя надпись VIII вѣка п. р. Х. Но каково было китайское искусство въ то время? Это другой вопросъ и на него значительно труднѣе отвѣтить, чѣмъ на первый вопросъ объ

---

1) [Проф. А. Грюнведель, который нынѣ вернулся изъ второй экспедиціи въ Восточный Туркестанъ, выпустилъ въ свѣтъ отчетъ: Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903. Abh. d. I kl. K. B. A. W. XXIV. 1. München. 1906. Настоящія замѣтки были написаны до отчета, но сохраняютъ весь свой интересъ какъ общій выводъ. Работы гг. Грюнведеля, Березовскаго и Пелліо въ Кучѣ дадутъ, вѣроятно, богатый матеріалъ для выясненія исторіи среднеазіатскаго буддійскаго искусства. — Сергѣй Ольденбургъ].

2) D. Klementz und W. Radlof. Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie d. Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Heft I. 1899.

3) K. Himly. Ein chinesisches Werk über das westliche Inner-Asien. Ethnol. Notizbl. III. Heft 2. p. 29 (отдѣльнаго оттиска).

индійскомъ вліяніи въ китайскомъ Туркестанѣ. Если мы не ошибаемся, есть слѣды того, что древнее китайское искусство переняло нѣкоторыя формы изъ Гандхары, напримѣръ дракона, который, кажется, перенесенъ черезъ Гандхару изъ римскаго провинціальнаго искусства. Но такъ какъ мы знаемъ, что въ одномъ рельефѣ изъ Свāта гандхарской работы изображены два противолежащихъ дракона, во ртахъ которыхъ замѣчается драгоцѣнный камень [1]), то можетъ быть уже китайскія понятія повліяли на гандхарскую школу. Въ самомъ дѣлѣ VIII вѣкъ является, такъ сказать, границею древнѣйшей исторіи, какъ политической жизни такъ и искусства. Съ той эпохи вліяніе персидскихъ формъ болѣе или менѣе замѣтно.

Относительно зданій, которыя расположены во всемъ краѣ, мы можемъ замѣтить, что въ нихъ примѣнено распланированіе по образцу сасанидскихъ и даже парѳянскихъ дворцовъ, но примѣненное къ богослуженію или точнѣе сказать къ легендѣ буддизма. Вездѣ напримѣръ находятся зданія, которыя мы назвали бы ступами, но они нигдѣ не представляютъ массивнаго сооруженія, какъ индійскія или тибето-монгольскія ступы: они совсѣмъ однородны съ парѳянскими зданіями, т. е. они представляютъ открытыя залы, хотя двери у нихъ маленькія и тѣсныя. Основаніе ихъ до человѣческаго роста четырехугольно. Надъ этимъ основаніемъ выстроенъ куполъ, но свѣтъ нигдѣ не проникаетъ въ залу черезъ отверстіе на крышѣ, какъ у сасанидскихъ зданій. Такъ какъ свѣтъ входитъ черезъ двери, то древнее отверстіе на крышѣ купола обозначается слѣдующимъ образомъ. Внутренняя часть купола всегда расписана прекрасными украшеніями; на рединѣ ихъ изображенъ бодисатва, ѣдущій верхомъ на конѣ Кантака и поднятый богами-хранителями дворца короля Суддходаны. Такимъ образомъ онъ оставилъ, какъ говоритъ легенда о немъ, домъ царя-отца, чтобы стать монахомъ.

Другія зданія имѣютъ основаніе въ видѣ шахматной доски, такъ что четырехугольныя площадки смѣняются рядами высокихъ столбовъ, которые фланкируютъ углы какого-то средняго зданія или средней башни.

Вмѣсто столбовъ персидскаго стиля мы нашли въ городѣ Дакьянуса на такихъ зданіяхъ ряды башенекъ особеннаго рода. Подножіе ихъ составлено изъ четырехъ ступенекъ или больше, на высшей ступенькѣ стоятъ два куба и между ними большой зубчатый и выступающій карнизъ. Другой карнизъ той-же самой формы отмежевываетъ верхній кубъ. Надъ этимъ кубомъ кромѣ того надстройка, какъ бы въ формѣ наперстка.

---

1) Ср. A. Foucher. L'art gréco-bouddhique du Gandhâra. Paris 1905. P. 215.

Безъ сомнѣнія каменные фонари японскаго буддизма произошли изъ этихъ древнѣйшихъ зданій.

Самая древняя форма буддійской архитектуры — это храмы съ террасами индійскаго происхожденія. Я увѣренъ, что г. Клеменцъ правъ говоря, что эти храмы и также маленькіе столбы съ нишами на каждой сторонѣ, которые такъ часто находятся въ развалинахъ Турфана должны назваться подражаніями извѣстной святыни буддизма — храма въ Ваджра̄сана или Буддагая въ западной Бенгаліи.

Замѣтки г. Клеменца о пещерахъ мнѣ кажутся совершенно достаточными. Я лично видѣлъ пещеры, основаніе которыхъ совсѣмъ похоже, напримѣръ, на планъ индійскаго храма въ Карли, но такъ что столбовъ не было. А передъ концомъ пещеры стояла настоящая массивная ступа такой формы, какъ индійская. Нельзя забыть, что остались еще надъ дверьми слѣды деревянныхъ реберъ, при помощи которыхъ можно было защищатся отъ свѣта солнца коврами.

Каменныхъ изваяній въ городѣ Дакьянуса кажется никогда не было кромѣ нѣкоторыхъ китайскихъ маленькаго размѣра. Всѣ статуи сдѣланы изъ глины слѣдующимъ образомъ. Древніе художники строили сначала остовъ изъ тополевыхъ досокъ въ форму или позу божества, которое изображать имъ было задано. Потомъ они обкладывали остовъ длинными или — гдѣ нужно — большими вязанками изъ камыша, совершенно какъ теперь наши манекены. Когда такимъ образомъ работа была окончена вчернѣ, они обыкновенно покрывали все глиною и формовали внѣшнія части, т. е. лицо и члены тѣла. Потомъ они раскрашивали фигуры прекрасными красками и настоящимъ золотомъ. Такимъ образомъ эти всегда трудолюбивые монахи изобразили много тысячъ буддъ и бодисатвъ и божествъ, даже большія группы, составленныя изъ многихъ фигуръ — но такъ, что одна фигура, напримѣръ, какой нибудь будда, былъ главною статуею, другіе же только окружали его, какъ побочныя лица. Эту группу они ставили передъ стѣною, къ которой они прикрѣпляли въ рельефѣ опять фигуры, напримѣръ летающихъ богинь, которыя бросаютъ цвѣты на фигуру будды. Кромѣ того весь фонъ стѣны былъ расписанъ фресками. Торжественныя шествія поклонниковъ — уйгурскихъ хановъ съ женами и дѣтьми, съ чиновниками, солдатами, жрецами, монахами и тому подобными людьми — непосредственно окружаютъ будду, статуя котораго стояла на срединѣ. Поэтому само собою разумѣется, что теперь эти фрески очень трудно понятны, если статуи, которыя стояли передъ ними, сломались.

Изъ оставшихся частей такихъ глиняныхъ изображеній ясно, что они

вообще подражаютъ стилю гандхарской школы. Но вообще на каждомъ храмѣ можно найти различные типы или точнѣе сказать всегда новыя попытки соединить древній, и такъ сказать классическій, стиль съ неумѣлыми наблюденіями съ натуры. Среди нихъ замѣчаются часто вещи прекрасной работы, можетъ быть, иногда по нашему неправильной, но всегда красивой и изящной. Меньше всего перемѣнился типъ буддъ и бодисатвъ, больше измѣнились божества и еще больше низшіе боги и т. н. князья демоновъ, которые нерѣдко очень реальны въ выраженіи.

Изъ только что приведеннныхъ замѣтокъ о композиціи глиняныхъ работъ видно, что живописныя тенденціи господствовали въ скульптурныхъ изображеніяхъ. Кромѣ того всѣ глиняныя статуи повсемѣстно были расписаны красками и даже золотомъ. Находятся также пещеры, напримѣръ въ Муртукѣ, въ которыхъ встрѣчаются настоящія панорамы, такъ что самые тонкіе законы оптики строго и вполнѣ сознательно приняты въ соображеніе. Поэтому мы обратимся къ самой интересной части уйгурскаго искусства, къ живописи. Въ самомъ дѣлѣ большое распространеніе живописныхъ работъ совсѣмъ удивительно. Безъ сомнѣнія цѣлыя поколѣнія монаховъ трудились долгое время, такъ что они всѣ стѣны монастырей и пещеръ покрыли рисунками и украшеніями. Выборъ красокъ, соотвѣтствующихъ смягченному свѣту пещеръ и храмовъ, раздѣленіе образовъ на стѣнахъ и на потолкѣ все исполнено съ удивительной тщательностью. Иногда монахи употребляли слѣдующую уловку, чтобы оживить свою работу. Они покрывали въ одной пещерѣ стѣну изображеніями читающихъ монаховъ и одинъ такой монахъ приходился въ самый уголъ, такъ что его лѣвое плечо не могло помѣститься на той же стѣнѣ. Тогда писали плечо на другой примыкающей стѣнѣ. Такимъ образомъ достигалось то, что изображеніе кажется совсѣмъ живымъ, потому что тѣнь угла въ пещерахъ такъ незначительна, что входящій человѣкъ не можетъ замѣтить уголъ. Даже впечатлѣніе фигуры въ углу такъ застаетъ васъ врасплохъ, что невольно поддаешься обману. Я самъ видѣлъ изображенія тигровъ, львовъ и тому подобныхъ животныхъ (vāhana божествъ) въ Муртукѣ настолько натуральныя, что я, видя ихъ, выскакивалъ, чтобы взять оружіе, которое оставилъ у входа. Очень трудно отвѣтить обстоятельно на вопросъ, какому стилю принадлежатъ фрески па стѣнахъ и образа на шелку, которые ничѣмъ не отличаются отъ фресокъ. Приходится различать ихъ по мѣстностямъ, потому что приступающему къ развалинамъ или изслѣдующему пещеры надо обратить вниманіе, что тотъ-же стиль — ихъ три-четыре разныхъ стиля — находится на различныхъ зданіяхъ. Можетъ быть, что та или другая секта жила въ особенныхъ частяхъ каждаго монастыря или, какъ

мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, различіе стиля зависитъ отъ хронологическаго порядка. Мнѣ удалось довольно скоро замѣтить, что напримѣръ фрески пещеры № 10 г. Клеменца тождественны съ фресками храма I (моей нумераціи) въ городѣ Дакьянуса и т. п. Эти фрески считаю самыми древними, потому что въ нихъ нѣтъ ни многочленныхъ божествъ, ни такой массы уйгурскихъ поклонниковъ, какъ у другихъ. На нихъ фигуры высокаго роста, станы очень стройны, головы круглы и черты лица удивительно сдавленны, такъ что ротъ и носъ очень близки другъ къ другу и щеки ихъ полны и кругловаты. Но самое странное у нихъ слѣдующее. Всѣ контуры наброшены три раза одинъ подлѣ другого, такъ что самый внѣшній изъ нихъ черный, средній темнобурый и внутренній свѣтлокоричневый. Если мы посмотримъ древно-индійскіе фрески, то замѣтимъ, что въ нихъ встрѣчается похожій методъ, но тамъ безъ сомнѣнія какъ начало округленія членовъ тѣла. Кромѣ того мнѣ кажется, что кругловатыя лица ихъ должны быть подражаніями скульптурныхъ фигуръ гандарской школы — но такъ, что уйгурскіе монахи или художники перенимали типъ, который обусловливался закономъ оптики, безъ измѣненія, въ живопись. Глиняныя ихъ подражанія гандхарскимъ буддамъ и бодисатвамъ или просто божествамъ стояли очень высоко на зданіяхъ.

Другой стиль имѣетъ слѣдующія особенности. Во первыхъ рисунокъ гораздо свободнѣе, тройные контуры нигдѣ не такъ широки, какъ въ первыхъ и находятся замѣтно рѣдко и кромѣ того мы встрѣчаемъ многочленныя божества. И эти божества очень интересны, потому что совершенно согласуются съ изображеніями на сасанидскихъ серебряныхъ чашахъ. Складки платья также какъ у сасанидскихъ фигуръ. Въ самомъ дѣлѣ эти длинные ряды хановъ и ихъ свитъ въ пещерахъ Муртука или Тойок-мазара являются посредствующимъ звеномъ между торжественными шествіями древне-персидскаго искусства съ одной стороны и китайскаго съ другой.

Думаю, что послѣдніе образа и фрески, хотя новѣе чѣмъ уже упомянутые, представляютъ собою высшую степень уйгурскаго искусства. Художники монастырей привыкли повторять слѣдующія темы. Въ узкихъ ходахъ, которые окружаютъ среднія кельи храмовъ и пещеръ по бокамъ и на оборотной сторонѣ, стѣны украшались всегда изображеніями легендъ, которыя разсказываютъ о приношеніяхъ какого-нибудь бодисатвы какому-то буддѣ древнихъ вѣковъ. Этотъ будда, можетъ быть Кāшьяпа или Дӣпанкара, принимаетъ милостиво подарки — цвѣты или свѣтильники, платье или украшенія — и въ тоже время отвѣчаетъ предсказаніемъ бодисатвѣ, когда онъ станетъ буддой. Эти сцены называются «пранидхи». Кромѣ того нерѣдко встрѣчаются сцены изъ жизни Гаутамы будды и какъ продолженіе пер-

выхъ онѣ представляютъ часто угощенія индійскихъ царей. Схема этихъ образовъ совершенно тождественна съ гандхарскими рельефами изъ жизни Гаутамы.

По срединѣ всегда стоитъ очень большая фигура будды, и меньшія фигуры поклонниковъ — бодисатвъ или царей или другихъ людей — окружаютъ его. Среди нихъ всегда встрѣчается спутникъ Будды Ваджрапāṇи.

Можетъ быть, что лучшіе образа этого типа созданы въ VIII вѣкѣ.

Совсѣмъ иначе третій стиль. Техника его также очень сложна. Фонъ грунтованъ темными красками, такъ что лица изображенныхъ божествъ, буддъ и также людей всегда расписаны чернымъ, но сверхъ того лежалъ пластъ красокъ какъ бы блестящая, но плотная глазурь. Опять сверхъ этой глазури были расписаны контуры лицъ и платьевъ черною тушью и богатыя украшенія настоящимъ золотомъ. Композиція особенная. Храмы и башни, террассы и сады, мосты и ворота, многолюдные и окруженные прекрасными деревьями, показываютъ намъ міръ боговъ или можетъ быть происшествія изъ исторіи религіи.

Такимъ образомъ я видѣлъ приношеніе чаши (пиṇдапāтра) Будды. Интересно, что надписи этихъ рисунковъ писаны на желтой бумагѣ, лоскутки которой приклеены къ стѣнѣ сверху и снизу образовъ. Азбука ихъ всегда такъ называемая Брāхмī, но языкъ не извѣстенъ — м. б. это тибетское нарѣчіе. Надо замѣтить, что стиль этихъ рисунковъ походитъ на ламайскій.

Наконецъ находятся образа чисто ламайскіе, и эти образа должны быть новѣйшими въ краѣ — а также образа стиля похожаго на японскій. Рисунки этого рода смѣло сдѣланы тушью на стѣнахъ безъ всякаго фона, и части тѣла, которыя покрываютъ одежды, свободны. На этихъ свободныхъ мѣстахъ расписывали платье непосредственно красками.

Вотъ то, что пока можно сказать о характерѣ буддійскаго искусства въ Турфанѣ—дальнѣйшія изслѣдованія необходимы для того, чтобы можно было прійти къ болѣе широкимъ обобщеніямъ и болѣе точнымъ опредѣленіямъ.

А. Грюнведель.

Къ вопросу о русской транскрипціи китайскихъ іероглифовъ.

Вопросъ о транскрипціи звуковъ китайской рѣчи и, въ частности, чтеній китайскихъ іероглифовъ съ давнихъ поръ останавливаетъ на себѣ вниманіе синологовъ, но донынѣ онъ не можетъ считаться рѣшеннымъ удовлетворительно. Большое число сильно разнящихся одинъ отъ другого діалектовъ, вѣрнѣе, языковъ, обиліе во всѣхъ этихъ діалектахъ особенностей, чуждыхъ европейскимъ языкамъ, неизслѣдованность діалектовъ, — все это сильно затрудняетъ рѣшеніе даннаго вопроса. Попытокъ научнаго опредѣленія звукового состава китайской рѣчи почти совершенно не дѣлалось до настоящаго времени, и всѣ опыты въ этомъ направленіи ограничивались лишь приблизительной передачей чтенія китайскихъ іероглифовъ въ предѣлахъ тѣхъ средствъ, которыя давали для этой цѣли алфавиты европейскихъ языковъ. Насколько несовершенны были эти опыты, можно видѣть изъ того, что во всякой почти странѣ, гдѣ возникалъ серьезный интересъ къ изученію Китая, синологи перепробовали уже по нѣскольку системъ транскрипціи, и пробамъ этимъ едва ли предвидится конецъ. Въ большинствѣ случаевъ подобныя системы получаютъ очень ограниченное распространеніе, а многія даже не выходятъ за предѣлы трудовъ отдѣльныхъ ученыхъ. За недостаткомъ въ европейскихъ алфавитахъ знаковъ для изображенія китайскихъ звуковъ, во всѣхъ системахъ транскрипціи имѣется очень много условнаго, вслѣдствіе чего въ общей литературѣ онѣ прививаются крайне туго; съ другой стороны, большое число такихъ системъ затрудняетъ и спеціалистовъ, особенно при пользованіи сочиненіями на разныхъ языкахъ. Съ теченіемъ времени въ этой области создалось такое положеніе вещей, что часто изъ недоумѣній можно выйти, только розыскавъ соотвѣтствующій іероглифъ.

Эти неудобства и послужили поводомъ для возбужденія въ 1897 г. на XI конгрессѣ оріенталистовъ въ Парижѣ вопроса о выработкѣ однообразной международной системы транскрипціи, которая была бы обязательна для всѣхъ синологовъ. Иниціаторомъ этого проекта явился французскій синологъ Martin Fortris, и для обсужденія возбужденнаго имъ вопроса конгрессъ избралъ особую комиссію изъ извѣстныхъ синологовъ разныхъ странъ; въ составъ ея, между прочимъ, вошли Шлегель, Hirth, Devéria, Douglas, Giles, Nocentini. Русскихъ синологовъ, за исклю-

ченіемъ впрочемъ Д. М. Позднѣева, не было на конгрессѣ; не вошли они и въ транскрипціонную комиссію.

Комиссія эта выработала проектъ новой транскрипціи, пользуясь системою S. Wells Williams'а, основанной на южномъ мандаринскомъ произношеніи; вмѣстѣ съ тѣмъ однако выяснилось, что нѣтъ никакихъ надеждъ на то, чтобы синологи разныхъ странъ приняли одну и ту же транскрипцію. На эту точку зрѣнія сталъ и слѣдующій XII конгрессъ оріенталистовъ въ Римѣ въ 1899 г., который высказалъ пожеланіе лишь о томъ, чтобы каждая страна установила однообразную оффиціальную транскрипцію китайскихъ звуковъ, и чтобы затѣмъ установленныя такимъ образомъ транскрипціи были собраны въ одинъ международный сборникъ.

Для исполненія этого пожеланія предположено было обратиться къ разнымъ странамъ, и съ этою цѣлью была составлена и напечатана таблица чтеній китайскихъ іероглифовъ по мандаринскому произношенію; таблица эта была раздѣлена на три графы, изъ коихъ первая заполнена транскрипціею S. Wells Williams, вторая—транскрипціей, принятой международной комиссіей, а третья оставлена пустой для того, чтобы каждая страна могла внести ту транскрипцію, какая ею будетъ признана оффиціальной. Предложеніе обратиться къ правительствамъ разныхъ странъ было одобрено конгрессами оріенталистовъ въ Гамбургѣ и Алжирѣ. Сношенія эти были сдѣланы черезъ посредство французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Делькассэ, который, между прочимъ, препроводилъ одинъ экземпляръ таблицы для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Послѣднее обратилось въ Академію Наукъ съ просьбою «не найдетъ ли она возможнымъ составить перечень китайскихъ іероглифовъ въ русской транскрипціи, въ виду существованія и примѣненія таковой русскими синологами». Съ своей стороны Академія Наукъ просила заключенія Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества[1]).

Министерство иностранныхъ дѣлъ въ своемъ обращеніи въ Академію Наукъ не вполнѣ точно поставило вопросъ. Какъ видно изъ изложеннаго, въ данномъ случаѣ рѣчь шла не о транскрипціи, примѣняемой русскими синологами. Какъ въ другихъ странахъ, такъ и въ Россіи среди синологовъ по этому вопросу не было единогласія, и именно въ виду этого конгрессъ оріенталистовъ въ Римѣ высказался за то, чтобы каждая страна установила у себя однообразную оффиціальную систему транскрипціи. Такой системы у

1) Восточное Отдѣленіе въ ноябрьскомъ засѣданіи 1905 г. возложило разсмотрѣніе даннаго вопроса на своихъ членовъ А. Д. Руднева и В. Л. Котвича, поручивъ имъ привлечь къ этому дѣлу нашихъ С.-Петербургскихъ синологовъ П. С. Попова и А. И. Иванова. Результатомъ ихъ работы является настоящая записка.

насъ до сихъ поръ еще нѣтъ, и вообще, насколько извѣстно, не возникало вопроса о признаніи за какой-либо транскрипціей оффиціальнаго значенія.

Первые опыты установленія русской транскрипціи китайскихъ звуковъ были сдѣланы еще въ XVIII ст. членами нашихъ духовныхъ миссій въ Пекинѣ, при чемъ эти опыты сводились собственно къ переложенію русскими буквами манджурской транскрипціи (*фунь* вмѣсто *фынь*, *еу*, *ыу* вмѣсто *оу*, *оу* вмѣсто *ао*, *г* и *к* вмѣсто палатализованныхъ ȝ и *ц*). Эту транскрипцію мы имѣемъ въ переводныхъ съ манджурскаго языка трудахъ второй половины XVIII ст., принадлежащихъ Леонтьеву, Липовцеву и др. Къ этому именно времени относится установленіе донынѣ господствующаго у насъ начертанія *нъ* для переднеязычнаго *н* и *нъ* для заднеязычнаго или такъ называемаго «носового» нг (ŋ).

Вліяніе этой транскрипціи сказалось и въ трудахъ о. Іакинѳа Бичурина, который считается отцемъ русской синологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ творцомъ первой болѣе или менѣе законченной системы китайской транскрипціи по пекинскому произношенію съ изгнаніемъ палатализованныхъ *г*, *к* и *х* (впрочемъ о. Іакинѳъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ употреблялъ и палатализованные *г*, *к* и *х*). Эту систему о. Іакинѳъ примѣнялъ въ своихъ многочисленныхъ переводныхъ съ китайскаго языка трудахъ, которые начали выходить съ 1828 г., но полное выраженіе она нашла себѣ въ первой русской грамматикѣ китайскаго языка, изданной о. Іакинѳомъ въ 1838 г. подъ заглавіемъ: «Хань-вынь ци-мынъ, китайская грамматика»[1]). Въ системѣ о. Іакинѳа мы находимъ прежнія начертанія *нъ*, *нь*, *эу* (послѣ шипящихъ *еу*), иногда чередующееся съ *оу*, но о. Іакинѳъ измѣнилъ начертаніе звука ц изъ *дж* въ *чж* и звука ȝ изъ *дз* въ *цз*, *е* большею частью замѣнилъ черезъ *э* (*е* оставлено послѣ шипящихъ). Кромѣ того, онъ сталъ изображать аспирацію при звукахъ *к*, *п* и *т* при помощи *х* и ввелъ *ь* для передачи палатализаціи при *п*, *т* и *ц* (*пьх*, *тьх*, *цьс*). Строгой послѣдовательностью система о. Іакинѳа не отличалась. Здѣсь мы имѣемъ колебанія между *е*, *э*, *ы* и *и*, особенно, въ звуковыхъ комплексахъ, заканчивающихся *н* и нг, *біао*, *міао* наряду съ *ляо*, *сяо* и др.

В. П. Васильевъ въ своихъ трудахъ счелъ нужнымъ упростить систему о. Іакинѳа, и эту новую транскрипцію мы находимъ въ трудѣ профессора Васильева: «Графическая система китайскихъ іероглифовъ. Опытъ перваго китайско-русскаго словаря», изданномъ въ 1867 г.[2]). Здѣсь устранено

---

1) Ср. также статью о. Іакинѳа Бичурина: «О произношеніи буквъ, входящихъ въ составъ китайскихъ звуковъ» (Журн. М. Н. Пр., 1839, т. XXI, № 1).

2) Почти одновременно со словаремъ В. П. Васильева, а именно въ 1868 г., въ Пекинѣ появился «Русско-китайскій словарь разговорнаго языка (пекинскаго нарѣчія)»

х, служившее у о. Іакинѳа для изображенія аспираціи при *к*, *п* и *т*, а равно и *ъ* въ *пъх*, *тъх*, *цъс*. Однако у В. П. Васильева сохранились почти тѣ же колебанія между *е*, *э* и *ы*, какія допущены и у о. Іакинѳа.

Систему В. П. Васильева приняли всѣ позднѣйшіе русскіе синологи, во главѣ съ о. Палладіемъ. Она нашла себѣ примѣненіе въ капитальномъ трудѣ о. Палладія, доконченномъ и изданномъ послѣ его смерти П. С. Поповымъ въ 1889 г. подъ названіемъ «Китайско-русскій словарь», а равно въ обоихъ китайско-русскихъ словаряхъ Д. Пещурова (СПБ., 1887 и 1891 гг.). Здѣсь однако мы видимъ уже довольно послѣдовательно проведенное предпочтеніе буквы *э* передъ буквами *ы* и *е*, которыми пользовались Васильевъ и даже о. Палладій въ изданныхъ имъ самимъ трудахъ. Эта система въ настоящее время является господствующею; она примѣнялась до сихъ поръ при преподаваніи китайскаго языка на факультетѣ Восточныхъ Языковъ С.-Петербургскаго Университета и въ Восточномъ Институтѣ во Владивостокѣ.

Въ самое послѣднее время на вопросъ о транскрипціи обратило вниманіе наше Географическое Общество, въ виду необходимости установленія однообразнаго начертанія географическихъ названій. Съ этою цѣлью при Обществѣ въ 1904 г. возникла особая подкомиссія [1]) по транскрипціи, которая поставила своею цѣлью выработку однообразныхъ принциповъ для транскрипціи названій, заимствованныхъ изъ разныхъ языковъ, какъ европейскихъ, такъ и восточныхъ. При этомъ подкомиссія остановилась на мысли установить два рода транскрипцій: одну, возможно болѣе простую, доступную для широкой читающей публики, исключительно при помощи буквъ русскаго алфавита и съ соблюденіемъ по возможности установившихся уже правилъ русской орѳографіи, — для картъ, и другую — болѣе точную, согласованную съ новѣйшими требованіями лингвистики, для употребленія въ указателѣ къ картамъ. Для транскрипціи второго рода, конечно, оказалось необходимымъ пополнить русскій алфавитъ новыми знаками, при чемъ былъ выработанъ проектъ особаго нормальнаго алфавита.

При разработкѣ этою подкомиссіею общихъ началъ транскрипціи были приняты во вниманіе и описанныя системы транскрипціи китайскихъ звуковъ. Такъ какъ эти системы значительно отличаются отъ принятыхъ для другихъ языковъ, то нѣкоторыми членами подкомиссіи была сдѣлана попытка устранить эти отличія изъ системъ В. П. Васильева, Д. А. Пещурова и П. С. Попова, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ произведенъ и первый

о. Исаіи, въ которомъ обращаетъ на себя вниманіе употребленіе *люэ* и *сюэ* вмѣсто *ліо* и *сіо*, а равно сліяніе *эръ* съ предшествующимъ словомъ (*лянь* + *эръ* = *ляръ*, *фанъ* + *эръ* = *фанръ*).

1) При Картографической Комиссіи.

опытъ установленія болѣе точной научной транскрипціи съ примѣненіемъ нормальнаго алфавита, выработаннаго подкомиссіей [1]).

Какъ уже сказано, ни одна изъ существующихъ системъ транскрипціи не получила у насъ санкціи со стороны какого-либо ученаго или правительственнаго учрежденія и нигдѣ не считается обязательной. О закрѣпленіи какой-либо транскрипціи для научныхъ цѣлей, конечно, пока не можетъ быть и рѣчи при современныхъ нашихъ познаніяхъ въ области синологіи, и въ настоящее время можетъ быть сдѣланъ лишь *опытъ* въ этомъ направленіи, при томъ только для наиболѣе изслѣдованнаго русскими синологами *пекинскаго діалекта*. Съ другой стороны, слѣдуетъ признать весьма желательнымъ закрѣпленіе какой-либо транскрипціи для учебныхъ цѣлей, оффиціальной переписки и для сочиненій, не претендующихъ на ученое значеніе въ области лингвистики, напримѣръ, для трудовъ по географіи, описаній путешествій и т. п. Въ основѣ такой оффиціальной общеупотребительной транскрипціи также должно лежать сѣверное мандаринское чтеніе китайскихъ іероглифовъ, какъ въ виду того, что всѣ русскія транскрипціи основаны именно на этомъ чтеніи, такъ и потому, что этому чтенію, повидимому, предстоитъ болѣе широкая будущность даже въ самомъ Китаѣ, гдѣ правительство принимаетъ мѣры къ его распространенію во всѣхъ провинціяхъ при посредствѣ военныхъ и общихъ школъ. Значеніе сѣвернаго произношенія сознаютъ и другіе иностранцы, которые постепенно переходятъ къ нему, оставляя южное произношеніе, котораго придерживались ранѣе. Такъ, сѣвернымъ произношеніемъ руководствуются въ Англіи Wade, Giles, во Франціи Couvreur (отчасти), Vissière, въ Германіи Arendt, Hirth.

Однако для принятія въ качествѣ русской оффиціальной транскрипціи не можетъ быть, по мнѣнію подписавшихся, рекомендована ни одна изъ примѣнявшихся русскими синологами [2]). Дѣло въ томъ, что всѣ эти системы были выработаны нашими синологами внѣ всякой связи съ транскрипціями другихъ языковъ и иногда даже вопреки правиламъ русской ороографіи. Благодаря этому, у насъ китайская транскрипція въ настоящее время стоитъ въ

---

1) Результаты этихъ работъ изложены въ помѣщенной въ Протоколахъ состоящей при Картографической Комиссіи — Подкомиссіи по транскрипціи географическихъ наименованій Русскаго Географическаго Общества запискѣ О. Бракмана, К. Вебера, А. Иванова и В. Котвича: «Къ вопросу о транскрипціи китайскихъ звуковъ русскими буквами» 1906 г.

2) Съ этимъ однако несогласенъ П. С. Поповъ, который считаетъ необходимымъ остановиться окончательно на той системѣ, какая проведена въ изданномъ имъ китайско-русскомъ словарѣ и которая уже получила довольно широкое распространеніе; всякія измѣненія въ этой системѣ П. С. Поповъ признаетъ излишними и нежелательными.

ряду другихъ особнякомъ, и принципы, положенные въ ея основу, вслѣдствіе своей искусственности, съ трудомъ прививаются къ транскрипціи другихъ языковъ Дальняго Востока, напримѣръ, манджурскаго, отчасти монгольскаго, корейскаго и тибетскаго, къ японскому же языку они не привились вовсе, и такимъ образомъ мы даже на Дальнемъ Востокѣ встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи черезполосицу, сильно бросающуюся въ глаза и мѣшающую усвоенію въ общей литературѣ сколько-нибудь цѣлесообразнаго начертанія названій и словъ, заимствованныхъ изъ языковъ Восточной Азіи. Устраненіе указанной черезполосицы слѣдуетъ считать крайне желательнымъ, при чемъ для этой цѣли, по нашему мнѣнію, представляются вполнѣ цѣлесообразными измѣненія, проектированныя членами подкомиссіи по транскрипціи при Географическомъ Обществѣ. Введеніе этихъ измѣненій въ транскрипцію о. Палладія, П. С. Попова и Д. А. Пещурова даетъ послѣдовательную и въ общемъ согласованную съ требованіями русской орѳографіи транскрипцію, которую и можно было бы, по нашему мнѣнію, рекомендовать для широкаго употребленія не-спеціалистами и для признанія русской *оффиціальной*.

Указанныя измѣненія въ общемъ сводятся къ слѣдующему:

1. Для выраженія существующихъ въ китайскомъ языкѣ передне- и заднеязычныхъ *н* употребляются во всѣхъ русскихъ транскрипціяхъ начертанія *нь* и *нъ*. Въ этихъ начертаніяхъ, проникшихъ также и въ манджурскую транскрипцію (въ монгольской оба звука изображаются одинаково — *н*), *ь* и *ъ* присвоена совсѣмъ другая роль, чѣмъ въ русской орѳографіи, и это обстоятельство служитъ источникомъ постоянныхъ недоразумѣній въ общей литературѣ. Казалось бы болѣе правильнымъ и въ китайской транскрипціи пользоваться общеустановившимися способами передачи — существующаго въ русскомъ языкѣ переднеязычнаго звука посредствомъ одного *н*, а отсутствующаго заднеязычнаго нг (ҥ) посредствомъ нг (ср. Helsingfors—Гельсингфорсъ), при чемъ вообще *ь* и *ъ* должны подлежать изгнанію; впрочемъ *ь* можно было бы употреблять въ тѣхъ случаяхъ, когда *н* получаетъ, какъ это иногда наблюдается въ китайскомъ языкѣ, палатальное произношеніе (напримѣръ, *тянь* въ значеніи «небо»).

Въ болѣе точной транскрипціи слѣдуетъ употреблять знаки *н*, ṅ и нг (ҥ) для носовыхъ: переднеязычнаго, палатализованнаго и заднеязычнаго звуковъ.

2. Какъ указано выше, еще о. Іакинѳъ измѣнилъ начертанія *дж* и *дз* въ *чж* и *цз*, что было сохранено и всѣми позднѣйшими синологами, а также введено въ монгольскую и манджурскую транскрипціи. И. Захаровъ въ своемъ «Полномъ маньчжурско-русскомъ словарѣ» (СПБ., 1875, стр. 41), а равно А. Рудневъ въ статьѣ: «Защита докторской диссертаціи Г. І.

Рамстедта и два его труда въ области монгольской грамматики» (Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отд. Приамур. Отд. И. Р. Г. О., т. VI) сдѣлали попытку обосновать предпочтительность употребленія *чж* и *цз* передъ *дж* и *дз*, но ихъ соображенія, не являясь, особенно у И. Захарова, безспорными, носятъ скорѣе теоретическій характеръ и не могутъ въ достаточной степени оправдать отступленія отъ установившихся въ аналогичныхъ случаяхъ въ русской литературѣ начертаній *дж* и *дз*, которыя приняты также и въ транскрипціи звуковъ всѣхъ языковъ передней Азіи и Японіи. Для достиженія однообразія казалось бы весьма желательнымъ возстановленіе и въ китайской транскрипціи начертаній *дж* и *дз*.

Въ научной транскрипціи имъ соотвѣтствуютъ знаки ц̧ и ȝ.

3. Для транскрипціи гласныхъ, соединенныхъ съ *j* или палатализованнымъ согласнымъ, синологами употребляются буквы и сочетанія *я*, *ю*, *іо* и *ѣ*. Употребленіе *я* и *ю* въ популярной транскрипціи возраженій не вызываетъ. *Іо*, примѣнительно къ русской ороографіи иностранныхъ словъ, слѣдовало бы сохранить въ началѣ словъ (по примѣру «Іоркъ»), въ другихъ же случаяхъ писать *ё*. Наконецъ, *ѣ*, въ виду нѣкоторой неопредѣленности звукового значенія этого знака и вѣроятнаго изгнанія его изъ русскаго алфавита, было бы предпочтительно замѣнить посредствомъ *е* съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ j или палатализаціи, употреблялось исключительно *э*.

Въ научной транскрипціи *я*, *ю*, *іо* (*ё*) и *ѣ* должны быть, конечно, совершенно изгнаны и замѣнены *а*, *у*, *о* и *е* съ тѣмъ, чтобы въ соотвѣтствующихъ случаяхъ ставился j или знакъ палатализаціи (̲) на предшествующемъ согласномъ. Необходимость въ *э* здѣсь также отпадаетъ.

4. Въ видахъ устраненія наблюдающихся до настоящаго времени у русскихъ синологовъ колебаній между *эу* и *оу* желательно установить однообразное начертаніе *оу*.

5. Въ современной китайской транскрипціи имѣются сочетанія *хо*, *ко*, *го*, *шо* и *во* наряду съ *хэ*, *кэ*, *гэ*, *шэ* и другими (*э*, *жэ*, *сэ*, *цэ*, *чэ*, *цзэ*, *пэ*, *тэ*, *дэ*). Въ обоихъ случаяхъ транскрипція лишь грубо передаетъ китайскіе гласные звуки, особенно же во второмъ случаѣ, гдѣ гласный ближе по звуку къ *о*, чѣмъ къ *э*, почему нѣкоторыми писателями и употребляется *о*. Такъ какъ однако замѣна *э* посредствомъ *о* поведетъ къ смѣшенію указанныхъ двухъ группъ слоговъ, то на обязательности такой замѣны при закрѣпленіи транскрипціи можно было бы и не настаивать.

Въ болѣе точной транскрипціи гласный въ первомъ рядѣ сочетаній надлежало бы транскрибировать посредствомъ ўо (хўо, кўо, гўо, шўо и

и wўo), обозначая посредствомъ ˘ краткость произношенія, а гласный второго ряда — посредствомъ ö (хö, кö, гö, шö, ö и т. д.).

6. Во всѣхъ почти русскихъ системахъ транскрипціи наблюдаются колебанія между *е* и *ы* въ словахъ, оканчивающихся передне- или задне-язычнымъ носовымъ — *н*, нг. Примѣняясь однако къ дѣйствительному произношенію, слѣдовало бы употребленіе *ы* ограничить слогами *вын*, *вынг*, *фын*, *фынг*, *мын*, *мынг*, а также *нынг* и *пынг*; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ писать *э*.

Въ болѣе точной транскрипціи можно было держаться того же дѣленія, замѣнивъ лишь *э* черезъ *ö*.

7. Слово *у* часто изображается съ лабіальнымъ согласнымъ въ видѣ *ву*; такъ какъ, однако, въ пекинскомъ діалектѣ въ данномъ случаѣ лабіальный призвукъ согласнаго почти совершенно отсутствуетъ, то предпочтительнѣе писать *у*.

Этимъ исчерпываются тѣ измѣненія, которыя надлежало бы, по мнѣнію подписавшихся, внести въ новѣйшую русскую транскрипцію, прежде чѣмъ объявить ее оффиціальной; такая транскрипція, можно надѣяться, имѣла бы больше шансовъ на широкое распространеніе, чѣмъ всѣ существовавшія донынѣ.

Для *болѣе точной транскрипціи* слѣдуетъ рекомендовать, кромѣ указанныхъ выше измѣненій, еще слѣдующія.

а) Букву *и* замѣнить посредствомъ *i*, которое является общепринятымъ въ аналогичныхъ случаяхъ.

б) Ввести букву *ӱ* для звука, соотвѣтствующаго французскому *u* и встрѣчающагося въ звуковыхъ комплексахъ, изображаемыхъ нынѣ *юй*, *юань*, *юнь* и *юэ* (*юе*), какъ съ предшествующимъ согласнымъ, такъ и безъ него (*jӱї*, *jӱан*, *jӱн*, *jӱе*).

в) Ввести букву *l*, съ ея западноевропейскимъ значеніемъ, т. е. среднимъ между русскими *лъ* (*л*) и *ль* (*л́*). Эта буква, согласно дѣйствительному произношенію, должна замѣнить современное написаніе *л* въ сочетаніи со всѣми гласными, кромѣ *а*, *о*, и *у*; при этихъ же послѣднихъ слышится звукъ, близкій къ русскому *л*, почему эта буква въ данномъ случаѣ и должна быть сохранена.

г) Ввести букву *ä*, которая, въ ея общепринятомъ въ научной литературѣ значеніи, близко передаетъ гласный, имѣющійся въ звуковыхъ комплексахъ, передающихся нынѣ *янь*, *бянь*, *мянь* и т. д. (jäн, б̓äн, м̓äн и т. д.).

д) Ввести букву *w* для обозначенія лабіализаціи въ началѣ словъ, взамѣнъ нынѣ употребляющейся буквы *в*; въ срединѣ слова лабіализація можетъ быть обозначаема посредствомъ *ў* (см. пунктъ е),

е) Ввести знакъ ̆ для обозначенія болѣе слабаго гласнаго дифтонговъ, которыхъ въ китайскомъ языкѣ довольно много: аĭ, еĭ, уĭ, ӱĭ, аŏ, оў, ўа, ўо, ўа, ўе; имѣется также сочетаніе ўаĭ (см. п. д.).

ж) Ввести знакъ ̣ для обозначенія аспираціи при согласныхъ *к*, *п*, *т*, *ц*, и *ч*, гдѣ она слышится совершенно ясно. Этотъ же знакъ ̣ можно употреблять для обозначенія легкой аспираціи, которая предшествуетъ звуку *с* въ сочетаніяхъ съ *і* и при палатализаціи, когда иностранцы пишутъ hs.

з) Ввести знакъ ̀ для обозначенія палатализаціи («смягченія») согласныхъ (см. выше п. 3).

и) Интонаціи изображать цифрами съ правой стороны сверху, по примѣру того, какъ это сдѣлано въ словарѣ Giles'a.

і) Удареніе отмѣчать, гдѣ это необходимо, знакомъ ́.

к) Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ нарѣчіяхъ передъ *а*, *анъ*, *анг*, *аĭ*, *аŏ*, *о*, *ŏ* (*э*), *оў* появляется какъ бы форшлагъ нг; въ болѣе точной транскрипціи онъ можетъ быть также обозначаемъ знакомъ нг.

Ниже помѣщена таблица, въ которой слова-слоги китайскаго языка, являющіеся также чтеніями китайскихъ іероглифовъ, изображены, согласно изложенныхъ выше предположеніямъ, двояко: 1) въ популярной транскрипціи, намѣченной Подкоммиссіею по транскрипціи при Географическомъ Обществѣ для картъ и рекомендуемой подписавшимися для принятія въ качествѣ оффиціальной, и 2) въ болѣе точной транскрипціи. Наряду съ ними, въ видахъ сравненія, помѣщены транскрипціи, которыя приняли: 1) О. Палладій и П. С. Поповъ въ «Китайско-русскомъ словарѣ», Пекинъ, 1889, 2) S. Wells Williams въ «Syllabic Dictionary of the Chinese Language», 1874, 3) Giles въ «Chinese-English Dictionary», 1892, London, Shanghai, 4) Friedrich Hirth въ «Syllabary of Chinese Sounds» въ «Research in China», Washington, 1907, и 5) Международная Коммиссія, избранная Парижскимъ конгрессомъ оріенталистовъ.

К. Веберъ, А. Ивановъ, Вл. Котвичъ и А. Рудневъ.

	О. Палладій и П. Поповъ.	Новая транскрипція: популярная.	Новая транскрипція: болѣе точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Между-народная транскрипція.
阿	а	*а*	(н̆)а	—	a	—	—
哀	ай	*ай*	(н̆)аї	ai, ngai [1])	ai	ai	ai, ngai
安	ань	*ан*	(н̆)ан	ngan	an	an	ngan
昂	анъ	*анг*	(н̆)ан̆	ang, ngang	ang	ang	ang
懊	ао	*ао*	(н̆)аŏ	ngao	ao	au	ngao
巴, 八[2])	ба	*ба*	ба̇	pa, pah	pa	pa	pa
拜	бай	*бай*	баї	pai	pai	pai	pai
半	бань	*бан*	бан	pan	pan	pan	pan
邦	банъ	*банг*	бан̆	pang	pang	pang	pang
包	бао	*бао*	баŏ	pao	pao	pau	pao
別	бѣ	*бе*	б̀е	pieh	pieh	pié	pié
比	би	*би*	бі	pi, pih	pi	pi	pi
賓	бинь	*бин*	бін	pin	pin	pin	pin
幷	бинъ	*бинг*	бін̆	ping	ping	ping	ping
波	бо	*бо*	бо	po, poh	po	po	po
抔	боу	*боу*	боў	—	pou	—	—
布	бу	*бу*	бу	pu, puh	pu	pu	pu
悲	бэй	*бэй*	беї	pei	pei	peï	pei
本	бэнь	*бэн*	бöн	pàn	pên	pön	pen
崩	бэнъ	*бэнг*	бöн̆	pàng	pêng	pöng	peng
便	бянь	*бян*	б̀äн	pien	pien	pién	pien
表	бяо	*бяо*	б̀аŏ	piao	piao	piau	piao
瓦	ва	*ва*	wa	wa, wah	wa	wa	wa
外	вай	*вай*	waї	wai	wai	wai	wai
萬	вань	*ван*	wан	wan	wan	wan	wan
王	ванъ	*ванг*	wан̆	wang	wang	wang	wang
我	во	*во*	wўо	wo, woh	wo	wo	wo
文	вэнь	*вын*	wын	wàn	wên	wön	wen
翁	вэнъ	*вынг*	wын̆	wàng	wêng	wöng	weng
位	вэй	*вэй*	weї	wei	wei	weï	wei

1) Форшлагъ *ng* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ сѣвера и юга въ русской транскрипціи не передается.

2) Звукъ, средній между *п* и *б*, ни въ одной изъ транскрипцій не передаются, также какъ и *т* — *д*, почему въ транскрипціяхъ иностранныхъ при чтеніи *«pa»* ставятся два знака, такъ какъ начальный согласный слога «*п(б)а* — восемь» равенъ среднему *п* (*б*). Въ русской транскрипціи это не соблюдается.

О. Палладій и П. Поповъ.		Новая транскрипція:		Williams.	Giles.	Hirth.	Между-народная транскрипція.
		попу-лярная.	болѣе точная.				
嘎	га	*га*	га	ka	ka	—	—
該	гай	*гай*	гаї	kai	kai	kai	kai
干	гань	*ган*	ган	kan	kan	kan	kan
岡	ганъ	*ганг*	ганг	kang	kang	kang	kang
高	гао	*гао*	гаŏ	kao	kao	kau	kao
國	го	*го*	гŭо	kwo, kwoh	kuo	kuo	kuo
狗	гоу	*гоу*	гоŭ	keu	kou	kóu	kóu
古	гу	*гу*	гу	ku, kuh	ku	ku	ku
瓜	гуа	*гуа*	гŭа	kwa, kwah	kua	kua	kua
怪	гуай	*гуай*	гŭаї	kwai	kuai	kuai	kuai
官	гуань	*гуан*	гŭан	kwan	kuan	kuan	kuan
光	гуанъ	*гуанг*	гŭанг	kwang	kuang	kuang	kuang
貴	гуй	*гуй*	гуї	kwei	kuei	kui	kuei
棍	гунь	*гун*	гун	kwun	kun, kuen	kun	kuen
工	гунъ	*гунг*	гунг	kung	kung	kung	kung
個	гэ	*гэ (го)*	гö	ko, koh	ko, kê	ko	ko
跟	гэнь	*гэн*	гöн	kàn	kên	kön	ken
庚	гэнъ	*гэнг*	гöнг	kàng	kêng	köng	keng
大	да	*да*	да	ta, tah	ta	ta	ta
帶	дай	*дай*	даї	tai	tai	tai	tai
丹	дань	*дан*	дан	tan	tan	tan	tan
當	данъ	*данг*	данг	tang	tang	tang	tang
通	дао	*дао*	даŏ	tao	tao	tao	tao
爹	дѣ	*де*	д̀е	tié, tieh	tieh	tié	tié
也	ди	*ди*	ді	ti	ti	ti	ti
定	динъ	*динг*	дінг	ting	ting	ting	ting
多	до	*до*	до	to, toh	to	to	to
斗	доу	*доу*	доŭ	teu	tou	tóu	tóu
肚	ду	*ду*	ду	tu, tuh	tu	tu	tu
短	дуань	*дуан*	дŭан	twan	tuan	tuan	tuan
對	дуй	*дуй*	дуї	tui	tui	tui	tui
頓	дунь	*дун*	дун	tun	tun	tun	tun
東	дунъ	*дунг*	дунг	tung	tung	tung	tung
得	дэ	*дэ*	дö	teh	tê	tö	te

	О. Палладій и П. Поповъ.	Новая транскрипція: популярная.	Новая транскрипція: болѣе точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Международная транскрипція.
等	дэнъ	*дэнг*	дӧнг	tàng	têng	töng	teng
丟	дю	*дю*	д̀у	tiu	tiu	tiu	tiu
點	дянь	*дян*	д̀ӓн	tien	tien	tién	tien
貂	дяо	*дяо*	д̀аӯ	tiao	tiao	tiau	tiao
	жа	*жа*	жа	—	—	—	—
然	жань	*жан*	жан	jan	jan	jan	jan
讓	жанъ	*жанг*	жанг	jang	jang	jang	jang
擾	жао	*жао*	жаӯ	jao	jao	jau	jao
日	жи	*жи*	жі	jeh	jih	jï	je
若	жо	*жо*	жо	joh	jo	jo	jo
柔	жоу	*жоу*	жоӯ	jeu	jou	jóu	jóu
汝	жу	*жу*	жу	juh	ju	ju	ju
軟	жуань	*жуан*	жӯан	jwan	juan	juan	juan
睿	жуй	*жуй*	жуї	jui, jwa	jui, jua	jui, jau	jui, jua
閏	жунь	*жун*	жун	jun	jun	jun	jun
茸	жунъ	*жунг*	жунг	jung	jung	jung	jung
熱	жэ	*жэ*	жӧ	je	jê	jö	jé
人	жэнь	*жэн*	жӧн	jàn	jên	jön	jen
仍	жэнъ	*жэнг*	жӧнг	jàng	jêng	jöng	jeng
一	и	*и*	і	i, yih	i, yi	i	i
音	инь	*ин*	ін	yin	yin	yin	yin
英	инъ	*инг*	інг	ying	ying	ying	ying
約	іо	*іо*	jo	yoh	yo	yo	yo
喀	ка	*ка*	к̔а	k'a, k'ah	k'a	k'a	k'a
開	кай	*кай*	к̔аї	k'ai	k'ai	k'ai	k'ai
看	кань	*кан*	к̔ан	k'an	k'an	k'an	k'an
炕	канъ	*канг*	к̔анг	k'ang	k'ang	k'ang	k'ang
靠	као	*као*	к̔аӯ	k'ao	k'ao	k'au	k'ao
闊	ко	*ко*	к̔ӯо	kw'oh	k'uo	k'uo	k'uo
口	коу	*коу*	к̔оӯ	k'eu	k'ou	k'óu	k'óu
哭	ку	*ку*	к̔у	k'u, kuh	k'u	k'u	k'u
誇	куа	*куа*	к̔ӯа	kw'a	k'ua	k'ua	k'ua
快	куай	*куай*	к̔ӯаї	kw'ai	k'uai	k'uai	k'uai
寬	куань	*куан*	к̔ӯан	kw'an	k'uan	k'uan	k'uan

О. Палладій и П. Поповъ.		Новая транскрипція: популярная.	Новая транскрипція: болѣе точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Между-народная транскрипція.
狂	куанъ	*куанг*	к̔ўанг	kw'ang	k'uang	k'uang	k'uang
魁	куй	*куй*	к̔уї	kw'ei	k'uei	k'ui	k'uei
困	кунь	*кун*	к̔ун	kw'un	k'un, k'uen	k'un	k'uen
孔	кунъ	*кунг*	к̔унг	k'ung	k'ung	k'ung	k'ung
可	кэ	*кэ (ко)*	к̔ö	k'o, k'oh	k'o, k'ê	k'o	k'o
肯	кэнь	*кэн*	к̔öн	k'àn	k'ên	k'ön	k'en
鏗	кэнъ	*кэнг*	к̔öнг	k'àng	k'êng	k'öng	k'eng
蠟	ла	*ла*	ла	la, lah	la	la	la
來	лай	*лай*	лаї	lai	lai	lai	lai
藍	лань	*лан*	лан	lan	lan	lan	lan
郎	ланъ	*ланг*	ланг	lang	lang	lang	lang
老	лао	*лао*	лаŏ	lao, loh	lao	lau	lao
列	лѣ	*ле*	l̀e	lieh	lieh	lié	lié
略	ліо	*лё*	l̀o	lioh	lio	lio	lio
埋	ли	*ли*	li	li, lih	li	li	li
棘	линь	*лин*	liн	lin	lin	lin	lin
令	линъ	*линг*	liнг	ling	ling	ling	ling
洛	ло	*ло*	ло	lo, loh	lo	lo	lo
樓	лоу	*лоу*	лоў	leu	lou	lóu	lóu
鹿	лу	*лу*	лу	lu, luh	lu	lu	lu
亂	луань	*луан*	лўан	lwan	luan	luan	luan
論	лунь	*лун*	лун	lun	lun	lun	lun
龍	лунъ	*лунг*	лунг	lung	lung	lung	lung
冷	лэнъ	*лэнг*	лöнг	làng	lêng	löng	leng
勒	лэ	*лэ*	lö	leh	lê	lö	le
雷	лэй	*лэй*	leĭ	léi, leh	lei	leï	lei
柳	лю	*лю*	l̀у	liu	liu	liu	liu
戀	люань	*люан*	l̀ӳан	lüen	lüan	lüan	lüen
驢	люй	*люй*	l̀ӱї	lü, lüh	lü	lü	lü
略	(ліо)	*люэ*	l̀ӳе	lüeh	lio, lüo, lüeh	lüé	lüé
臉	лянь	*лян*	l̀äн	lien	lien	lién	lien
兩	лянъ	*лянг*	l̀анг	liang	liang	liang	liang
了	ляо	*ляо*	l̀аŏ	liao	liao	liau	liao
馬	ма	*ма*	ма	ma, mah	ma	ma	ma

О. Палладій и П. Поповъ.		Новая транскрипція: попу-лярная.	Новая транскрипція: болѣе точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Между-народная транскрипція.
買	май	*май*	маĭ	mai, meh	mai	mai	mai, me
慢	мань	*ман*	ман	man	man	man	man
忙	манъ	*манг*	маҥ	mang	mang	mang	mang
毛	мао	*мао*	маŏ	mao	mao	mau	mao
滅	мѣ	*ме*	м̀е	mieh	mieh	mié	mié
蜜	ми	*ми*	мі	mi, mih	mi	mi	mi
民	минь	*мин*	мін	min	min	min	min
明	минъ	*минг*	міҥ	ming	ming	ming	ming
貊, 麻	мо	*мо*	мо	mé, meh, mo, moh	mo	mo	mé, me, mo
某	моу	*моу*	моў	meu	mou	móu	mou
母	му	*му*	му	mŭ, muh	mu	mu	mu
門	мынь	*мын*	мын	màn	mên	mön	men
孟	мынъ	*мынг*	мыҥ	màng, mung	mêng	möng	meng, mung
每	мэй	*мэй*	меĭ	méi	mei	meï	mei
謬	мю	*мю*	м̀у	miu	miu	miu	miu
面	мянь	*мянь*	м̀ан	mien	mien	mién	mien
廟	мяо	*мяо*	м̀аŏ	miao	miao	miau	miao
那	на	*на*	на	na, nah	na	na	na
乃	най	*най*	наĭ	nai	nai	nai	nai
南	нань	*нан*	нан	nan	nan	nan	nan
囊	нанъ	*нанг*	наҥ	nang	nang	nang	nang
惱	нао	*нао*	наŏ	nao	nao	nau	nao
聶	нѣ	*не*	н̀е	nieh	nieh	nié	nié
虐	нiо	*нё*	н̀о	nioh	nio	nio	nio
你	ни	*ни*	нi	ni, nih	ni	ni	ni
您	нинь	*нин*	нiн	nin	nin	nin	nin
寧	нинъ	*нинг*	нiҥ	ning	ning	ning	ning
諾	но	*но*	но	no	no, noh	no	no
耨	ноу	*ноу*	ноў	neu	nou	nóu	nou
奴	ну	*ну*	ну	nu	nu	nu	nu
暖	нуань	*нуан*	нўан	nwan	nuan	nuan	nuan
嫩	нунь	*нун, нэн*	нун, нен	nün	nun, nên	nun	nün
農	нунъ	*нунг*	нуҥ	nung	nung	nung	nung

О. Палладій и П. Поповъ.		Новая транскрипція: попу-лярная.	Новая транскрипція: болѣе точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Между-народная транскрипція.
能	нэнъ	*нынг*	нынг	nàng	nêng	nöng	neng
訥	нэ	*нэ*	нö	—	no	—	—
內	нэй	*нэй*	неĭ	nei	nei	neï	nei
牛	ню	*ню*	ѝу	niu	niu	niu	niu
女	нюй	*нюй*	ѝӱĭ	nü	nü	nü	nü
年	нянь	*нян*	ѝäн	nien	nien	nién	nien
娘	нянъ	*нянг*	ѝанг	niang	niang	niang	niang
鳥	няо	*няо*	ѝаŏ	niao	niao	niau	niao
鄂	о	*о*	(г)о	ngo, ngoh	o	o	o
毆	оу	*оу*	(г)оў	ngeu	ou	óu	ngóu
怕	па	*па*	п̒а	p'a	p'a	p'a	p'a
排	пай	*пай*	п̒аĭ	p'ai	p'ai	p'ai	p'ai
盤	пань	*пан*	п̒ан	p'an	p'an	p'an	p'an
潘	панъ	*панг*	п̒анг	p'ang	p'ang	p'ang	p'ang
砲	пао	*пао*	п̒аŏ	p'ao	p'ao	p'au	p'ao
撇	пѣ	*пе*	п̒̀е	p'ieh	p'ieh	p'ie	p'ié
皮	пи	*пи*	п̒і	p'i, p'ih	p'i	p'i	p'i
貧	пинь	*пин*	п̒ін	p'in	p'in	p'in	p'in
平	пинъ	*пинг*	п̒інг	p'ing	p'ing	p'ing	ping
破	по	*по*	п̒о	p'o, p'oh	p'o	p'o	p'o
剖	поу	*поу*	п̒оў	p'eu	p'ou	p'óu	p'óu
普	пу	*пу*	п̒у	p'u, p'uh	p'u	p'u	p'u
朋	пэнъ	*пынг*	п̒ынг	p'àng	p'êng	p'öng	p'eng
陪	пэй	*пэй*	п̒еі	p'ei	p'ei	p'eï	p'ei
盆	пэнь	*пэн*	п̒öн	p'àn	p'ên	p'ön	p'en
片	пянь	*пян*	п̒̀äн	p'ien	p'ien	p'ién	p'ien
票	пяо	*пяо*	п̒̀аŏ	p'iao	p'iao	p'iau	p'iao
撒	са	*са*	са	sah	sa	sa	sa
賽	сай	*сай*	саĭ	sai	sai	sai	sai
三	сань	*сан*	сан	san	san	san	san
桑	санъ	*санг*	санг	sang	sang	sang	sang
嫂	сао	*сао*	саŏ	sao	saoh	sau	sao

О. Палладій и П. Поповъ.		Новая транскрипція: популярная.	более точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Международная транскрипція.
些	сѣ[1])	*се*	ćе	sié, sieh, hieh	hsieh	sié, hie	sié, hié
鞋	сѣ, хяй	*се*	ćе	hiai	—	—	hiai
削	сіо	*сё*	ćо	sioh	hsio	hio	sio
西, 喜	си	*си*	ći	si (sih), hi (hih)	hsi	si, hi	si, hi
心, 歆	синь	*син*	ćін	sin, hin	hsin	sin, hing	sin, hin
姓, 行	синъ	*синг*	ćін'	sing, hing	hsing	sing, hing	sing, hing
所	со	*со*	со	so, soh	so	so	so
搜	соу	*соу*	соў	sou	sou	sóu	sóu
酥	су	*су*	су	su, suh	su	su	su
算	суань	*суан*	сўан	swan	suan	suan	suan
歲	суй	*суй*	суї	sui	sui	sui	sui
孫	сунь	*сун*	сун	sun	sun	sun	sun
宋	сунъ	*сунг*	сунг	sung	sung	sung	sung
四	сы	*сы*	сы	sz'	ssu	ssï	sz, sze
嗇	сэ	*сэ*	сö	seh	së	sö	se
森	сэнь	*сэн*	сöн	sàn	sên	—	—
僧	сэнъ	*сэнг*	сöнг	sàng	sêng	söng	seng
修, 休	сю	*сю*	ćу	siu, hiu	hsiu	siu, hiu	siu, hiu
宣, 懸	сюань	*сюан*	ćўан	süen, hüen	hsüan	süan, huan	süen, hüen
須, 虛	сюй	*сюй*	ćўї	sü, hü	siu	sü, hü	sü, hü
巡, 訓	сюнь	*сюн*	ćўн	siün, hiün	hsün	sün, hün	sün, hün
兄	сюнъ	*сюнг*	ćунг	hiung	hsiung	hiung	—
雪, 靴	сюе	*сюэ*	ćўе	süeh, hüeh	hsüeh	süé, hüé	süe, hüe
下	ся	*ся*	ća	hia, hiah	hsia	hia	hia
先, 現	сянь	*сян*	ćäн	sien, hien	hsien	sién, hién	sien, hien
相, 香	сянъ	*сянг*	ćанг	siang, hiang	hsiang	siang, hiang	siang, hiang
小, 曉	сяо	*сяо*	ćаŏ	siao, hiao	hsiao	siau, hiau	siao, hiao
他	та	*та*	ṫа	t'a, t'ah	t'a	t'a	t'a

1) Для транскрипціи китайскихъ словъ съ начальнымъ «с» въ сѣв. мандаринскомъ нарѣчіи передъ «и» и при палатализаціи нѣкоторыми синологами принимается классическое чтеніе, а именно hi вмѣсто hsi (си).

О. Палладій и П. Поповъ.		Новая транскрипція: популярная.	Новая транскрипція: болѣе точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Международная транскрипція.
太	тай	*тай*	т̔аї	t'ai	t'ai	t'ai	t'ai
貪	тань	*тан*	т̔ан	t'an	t'an	t'an	t'an
唐	танъ	*танг*	т̔анг	t'ang	t'ang	t'ang	t'ang
桃	тао	*тао*	т̔аŏ	t'ao	t'ao	t'ao	t'ao
鐵	тѣ	*те*	т̔'е	tié, t'ieh	t'ieh	t'ié	t'ié
剃	ти	*ти*	т̔і	t'i, t'ih	t'i	t'i	t'i
聽	тинъ	*тинг*	т̔інг	t'ing	t'ing	t'ing	t'ing
駝	то	*то*	т̔о	t'o, t'oh	t'o	t'o	t'o
頭	тоу	*тоу*	т̔оў	t'eu	t'ou	t'óu	t'óu
土	ту	*ту*	т̔у	t'u, t'uh	t'u	t'u	t'u
團	туань	*туан*	тўан	tw'an	t'uan	t'uan	t'uan
腿	туй	*туй*	т̔уї	t'ui	t'ui	t'ui	t'ui
呑	тунь	*тун*	т̔ун	t'un	t'un	t'un	t'un
同	тунъ	*тунг*	т̔унг	t'ung	t'ung	t'ung	t'ung
特	тэ	*тэ*	т̔ö	t'eh	t'ê	t'ö	t'e
疼	тэнъ	*тэнг*	т̔öнг	t'àng	t'êng	t'öng	t'eng
天	тянь	*тян*	т̔'äн	t'ien	t'ien	t'ien	t'ien
挑	тяо	*тяо*	т̔'аŏ	t'iao	t'iao	t'iau	t'iao
五	у	*у*	(w)у	wu, wuh	wu	wu	wu
法	фа	*фа*	фа	fah	fa	fa	fa
飯	фань	*фан*	фан	fan	fan	fan	fan
方	фанъ	*фанг*	фанг	fang	fang	fang	fang
縛	фо	*фо*	фо	foh	fo	fo	fo
否	фоу	*фоу*	фоў	fou	fou	fóu	fóu
父	фу	*фу*	фу	fu, fuh	fu	fu	fu
分	фэнь	*фын*	фын	fàn	fên	fön	fen
風	фынъ	*фынг*	фынг	fàng	fêng	föng	feng
非	фэй	*фэй*	феї	féi	fei	feï	fei
哈	ха	*ха*	ха	—	ha	—	—
海	хай	*хай*	хаї	hai	hai	hai	hai
漢	хань	*хан*	хан	han	han	han	han
杭	ханъ	*ханг*	ханг	hang	hang	hang	hang
好	хао	*хао*	хаŏ	hao	hao	hau	hao
火	хо	*хо*	хўо	hwo, hwoh	huo	huo	huo

	О. Палладій и П. Поповъ.	Новая транскрипція: популярная.	Новая транскрипція: болѣе точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Международная транскрипція.
後	хоу	*хоу*	хоў	heu	hou	hóu	hóu
湖	ху	*ху*	ху	hu. huh	hu	hu	hu
花	хуа	*хуа*	хўа	hwa, hwah	hua	hua	hua
壞	хуай	*хуай*	хўаї	hwai	huai	huai	huai
換	хуань	*хуан*	хўан	hwan	huan	huan	huan
黃	хуанъ	*хуанг*	хўаң	hwang	huang	huang	huang
囘	хуй	*хуй*	хуї	hwui	hui	hui	hui
婚	хунь	*хун*	хун	hwun	hun	hun	hun
紅	хунъ	*хунг*	хуң	hung	hung	hung	hung
河	хэ	*хэ (хо)*	хӧ	ho. hoh	ho	ho	ho
黑	хэй	*хэй*	хеї	hei	hei	heï	hei
很	хэнь	*хэн*	хӧн	hàn	hên	hön	hen
亨	хэнъ	*хэнг*	хоң	hàng	hêng	höng	heng
帀	цза	*дза*	ӡа	tsa, tsah	tsa	tsa	tsa
在	цзай	*дзай*	ӡаї	tsai	tsai	tsai	tsai
賛	цзань	*дзан*	ӡан	tsan	tsan	tsan	tsan
臧	цзанъ	*дзанг*	ӡаң	tsang	tsang	tsang	tsang
早	цзао	*дзао*	ӡаŏ	tsao	tsao	tsau	tsao
姐, 結[1])	цзѣ	*дзе*	ӡ̀е	tsié (tsieh), kieh	chieh	tsié, kié	tsié, kié
角	цзіо	*дзё*	ӡ̀о	kioh, kio	chio	tsio, kio	tsio, kio
際, 已	цзи	*дзи*	ӡі	tsi (tsih), ki (kih)	chi	tsi, ki	tsi, ki
進, 金	цзинь	*дзин*	ӡін	tsin, kin	chin	tsin, kin	tsin, kin
井, 京	цзинъ	*дзинг*	ӡің	tsing, king	ching	tsing, king	tsing, king
坐	цзо	*дзо*	ӡо	tso, tsoh	tso	tso	tso
走	цзоу	*дзоу*	ӡоў	tseu	tsou	tsóu	tsóu
卒	цзу	*дзу*	ӡу	tsu, tsuh	tsu	tsu	tsu
鑽	цзуань	*дзуан*	ӡўан	tsuan	tsuan	tsuan	tsuan
嘴	цзуй	*дзуй*	ӡуї	tsui	tsui	tsui	tsui
尊	цзунь	*дзун*	ӡун	tsun	tsun	tsun	tsun
宗	цзунъ	*дзунг*	ӡуң	tsung	tsung	tsung	tsung

1) Палатализованный сѣверный звукъ ӡ — имѣетъ на югѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ нарѣчіяхъ, еще произношеніе *г*, причемъ этимъ знакомъ *г* отмѣчается также и т. н. классическое чтеніе.

	О. Палладій и П. Поповъ.	Новая транскрипція: популярная.	Новая транскрипція: болѣе точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Международная транскрипція.
子	цзы	*дзы*	ʒы	tsz’	tzu	tzï	tsz’, tsze
則	цзэ	*дзэ*	ʒö	tseh	tsê	tsö	tse
怎	цзэнь	*дзэн*	ʒöн	tsàn	tsên	tsön	tsen
曾	цзэнъ	*дзэнг*	ʒöнг	tsàng	tsêng	tsöng	tseng
就, 九	цзю	*дзю*	ʒ̀у	tsiu, kiu	chiu	tsiu, kiu	tsiu, kiu
卷	цзюань	*дзюан*	ʒ̀ӱ̆ан	tsüen, küen	chüan	tsüan, küan	tsüen, küen
聚, 居	цзюй	*дзюй*	ʒ̀ӱĭ	tsü, kü (küh)	chü	tsü, kü	tsü, kü
君	цзюнь	*дзюн*	ʒ̀ӱн	küün	chün	kün	küün
局	цзюнъ	*дзюнг*	ʒ̀унг	—	chiung	—	—
絶, 厥	цзюе	*дзюэ*	ʒ̀ӱ̆е	tsüeh, küeh	chüe	tsüé, küé	tsüé, küé
加	цзя	*дзя*	ʒ̀а	kia, kiah	chia	kia	kia
賤, 見	цзянь	*дзян*	ʒ̀äн	tsien, kien	chien	tsien, kien	tsien, kien
將, 江	цзянъ	*дзянг*	ʒ̀анг	tsiang, kiang	chiang	tsiang, kiang	tsiang, kiang
焦, 叫	цзяо	*дзяо*	ʒ̀аŏ	tsiao, kiao	chiao	tsiau, kiau	tsiao, kiao
也	ѣ	*е*	je	ye, yeh	yeh	yé	yé
擦	ца	*ца*	ц̔а	ts’ah	ts’a	ts’a	ts’a
才	цай	*цай*	ц̔аĭ	ts’ai	ts’ai	ts’ai	ts’ai
蠶	цань	*цан*	ц̔ан	ts’an	ts’an	ts’an	ts’an
倉	цанъ	*цанг*	ц̔анг	ts’ang	ts’ang	ts’ang	ts’ang
草	цао	*цао*	ц̔аŏ	ts’ao	ts’ao	ts’au	ts’ao
且, 樵	цѣ	*це*	ц̔̈е	tsié (ts’ieh), k’ié (k’ieh)	ch’ieh	ts’ié, k’ié	ts’ié, k’ié
鵲, 却	ціо	*цё*	ц̔̈о	ts’ioh, k’ioh	ch’io	ts’io, k’io	ts’io, kio
齊, 其	ци	*ци*	ц̔і	ts’i (ts’ih), ki	ch’i	ts’i, k’i	ts’i, k’i
欽, 親	цинь	*цин*	ц̔ін	ts’in, k’in	ch’in	ts’in, k’in	ts’in, k’in
請, 輕	цинъ	*цинг*	ц̔інг	ts’ing, king	ch’ing	ts’ing, k’ing	ts’ing, k’ing
錯	цо	*цо*	ц̔о	ts’o, ts’oh	ts’o	ts’o	ts’o
凑	цоу	*цоу*	ц̔оў	ts’eu	ts’ou	ts’ou	ts’óu
組	цу	*цу*	ц̔у	ts’u, ts’uh	ts’u	ts’u	ts’u
竄	цуань	*цуан*	ц̔ўан	tsw’an	ts’uan	ts’uan	ts’uan
催	цуй	*цуй*	ц̔уĭ	ts’ui	ts’ui	ts’ui	ts’ui
寸	цунь	*цун*	ц̔ун	ts’un	ts’un	ts’un	ts’un
從	цунъ	*цунг*	ц̔унг	ts’ung	ts’ung	ts’ung	ts’ung
此	цы	*цы*	ц̔ы	ts’z’	tz’u	tz’ï	ts’z’, ts’ze

О. Палладій и П. Поповъ.		Новая транскрипція: популярная.	болѣе точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Между-народная транскрипція.
策	цэ	*цэ*	ц̔ö	ts'eh	ts'ê	ts'ö	ts'e
參	цэнь	*цэн*	ц̔öн	—	—	—	—
層	цэнъ	*цэнг*	ц̔öҥ	ts'ăng	ts'êng	ts'öng	ts'eng
秋. 求	цю	*цю*	ц̓̔у	ts'iu, k'iu	ch'iu	ts'iu, k'iu	ts'iu, k'iu
全	цюань	*цюан*	ц̓̔ӱ̆ан	ts'üen, küen	ch'üan	ts'üan. k'üan	ts'üen. küen
取, 去	цюй	*цюй*	ц̓̔ӱ̆ї	ts'ü, k'ü	ch'iu	ts'iu, k'iu	ts'ü. k'ü
羣	цюнь	*цюн*	ц̓̔ӱн	k'iün	ch'ün	ts'ün. k'ün	ts'iün.k'iün
窮	цюнъ, кюнъ	*цюнг*	ц̓̔уҥ	k'üng	ch'iung	k'iung	k'iung
缺	цюе, кюе	*цюэ*	ц̓̔ӳе	k'üeh	ch'üeh	k'üe	k'üé
卡	ця, кя	*ця*	ц̓̔а	k'ia. k'iah	ch'ia. ch'iai	k'ia	k'ia
千, 欠	цянь	*цян*	ц̓̔ӓн	ts'ien, kien	ch'ien	ts'ien. k'ien	ts'ien. k'ien
槍, 疆	цянъ	*цянг*	ц̓̔аҥ	ts'iang, k'iang	ch'iang	ts'iang. k'iang	ts'iang. k'iang
譙	цяо	*цяо*	ц̓̔аŏ	ts'iao	ch'iao	ts'iau. k'iau	ts'iao, k'iao
乍	чжа	*джа*	ц̦а	cha. chah	cha	tscha	tcha
齋	чжай	*джай*	ц̦аї	chai	chai	tschai	tchai
站, 占	чжань	*джан*	ц̦ан	chan	chan	tschan	tchan
丈	чжанъ	*джанг*	ц̦аҥ	chang	chang	tschang	tchang
找	чжао	*джао*	ц̦аŏ	chao	chao	tsch'au	tchao
之	чжи	*джи*	ц̦і	chi, chih	chih	tschï	tchi
桌	чжо	*джо*	ц̦о	choh	cho	tscho	tcho
書	чжоу	*джоу*	ц̦оў	cheu	chou	tschóu	tchou
主	чжу	*джу*	ц̦у	chu. chuh	chu	tschu	tchu
抓	чжуа	*джуа*	ц̦ўа	chua	chua	tschua	tchua
專	чжуань	*джуан*	ц̦ўан	chwen	chuan	tschuan	tchuen
壯	чжуанъ	*джуанг*	ц̦ўаҥ	chwang	chuang	tschuang	tchuang
追	чжуй	*джуй*	ц̦уі	chui	chui	tschui	tchui
準	чжунь	*джун*	ц̦ун	chun	chun	tschun	tchun
中	чжунъ	*джунг*	ц̦уҥ	chung	chung	tschung	tchung
這	чжэ	*джэ*	ц̦ö	ché, cheh	chê	tschö	tché, tche
眞	чжэнь	*джэн*	ц̦öн	chăn	chên	tschön	tchen
正	чжэнъ	*джэнг*	ц̦öҥ	chăng	chêng	tschöng	tcheng
茶	ча	*ча*	ч̔а	ch'a, chah	ch'a	tsch'a	tch'a

	О. Палладій и П. Поповъ.	Новая транскрипція: популярная.	Новая транскрипція: болѣе точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Между-народная транскрипція.
柴	чай	*чай*	ч̔аĭ	ch’ai	ch’ai	tsch’ai	tch’ai
產	чань	*чан*	ч̔ан	ch’an	ch’an	tsch’an	tch’an
長	чанъ	*чанг*	ч̔анг	ch’ang	ch’ang	tsch’ang	tch’ang
吵	чао	*чао*	ч̔аŏ	ch’ao	ch’ao	tsch’au	tch’ao
尺	чи	*чи*	ч̔i	chi, ch’ih	ch’ih	tsch’ï	tch’i
綽	чо	*чо*	ч̔о	ch’oh	ch’o	tsch’o	tch’o
愁	чоу	*чоу*	ч̔оў	ch’eu	ch’ou	tsch’óu	tch’óu
處	чу	*чу*	ч̔у	ch’u, ch’uh	ch’u	tsch’u	tch’u
石坐	чуа	*чуа*	ч̔ўа	—	—	—	—
揣	чуай	*чуай*	ч̔ўаĭ	chw’ai	ch’uai	tsch’uai	tch’uai
船	чуань	*чуан*	ч̔ўан	chw’en	ch’uan	tsch’uan	tchuen
牕	чуанъ	*чуанг*	ч̔ўанг	chw’ang	ch’uang	tsch’uang	tchuang
吹	чуй	*чуй*	ч̔уĭ	ch’ui	ch’ui	tsch’ui	tch’ui
春	чунь	*чун*	ч̔ун	ch’un	ch’un	tsch’un	tch’un
虫	чунъ	*чунг*	ч̔унг	ch’ung	ch’ung	tsch’ung	tch’ung
車	чэ	*чэ*	ч̔ö	ch’é, ch’eh	ch’ê	tsch’ö	tché, tche
臣	чэнь	*чэн*	ч̔öн	ch’àn	ch’ên	tsch’ön	tchen
成	чэнъ	*чэнг*	ч̔öнг	ch’àng	ch’êng	tsch’öng	tcheng
沙	ша	*ша*	ша	sha, shah	sha	scha	sha
晒	шай	*шай*	шаĭ	shai	shai	schai	shai
山	шань	*шан*	шан	shan	shan	schan	shan
上	шанъ	*шанг*	шанг	shang	shang	schang	shang
少	шао	*шао*	шаŏ	shao	shao	schau	shao
事	ши	*ши*	шi	shi, shih	shih	schï	shi
說	шо	*шо*	шўо	shwoh	shuo, sho	schuo, scho	sho
手	шоу	*шоу*	шоў	sheu	shou	schóu	shóu
書	шу	*шу*	шу	shu, shuh	shu	schu	shu
刷	шуа	*шуа*	шўа	shwah	shua	schua	shua
帥	шуай	*шуай*	шўаĭ	shwai	shuai	schuai	shuai
栓	шуань	*шуан*	шўан	shwan	shuan	schuan	shuan
雙	шуанъ	*шуанг*	шўанг	shwang	shuang	schuang	shuang
水	шуй	*шуй*	шуĭ	shui	shui	schui	shui
順	шунь	*шун*	шун	shun	shun	schun	shun
舂	шунъ	*шунг*	шунг	shung	—	—	shung

О. Палладій и П. Поповъ.		Новая транскрипція: популярная.	болѣе точная.	Williams.	Giles.	Hirth.	Между-народная транскрипція.
捨	шэ	*шэ*	шö	shé, sheh	shê	schö	shé, she
身	шэнь	*шэн*	шöн	shàn	shên	schön	shen
生	шэнъ	*шэнг*	шöҥ	shàng	shêng	schöng	sheng
厄	э	*э*	(ҥ)ö	ngo, ngoh	ê	o	ngo
恩	энь	*эн*	(ҥ)öн	ngàn	ên	ön	ngen
鞥	энъ	*энг*	(ҥ)öҥ	—	—	—	—
二	эръ	*эр, р*	öр, р	’rh	êrh	ïr	’rh, ouerh
有	ю	*ю*	jу	yiu	yu	yu	yóu
圓	юань	*юань*	jӱ̆ан	yuen	yüan	yüan	yüen
魚	юй	*юй*	jӱĭ	yü	yü	yü	yü
雲	юнь	*юн*	jӱн	yun	yün	yön	yün
用	юнъ	*юнг*	jуҥ	yung	yung	yung	yung
月	юе	*юэ*	jӱ̆е	yueh	yüeh	yüé	yüé
牙	я	*я*	ja	ya, yah	ya	ya	ya
崖	яй	*яй*	jaĭ	yai	yai	yai	yai
眼	янь	*ян*	jäн	yen	yen	yen	yen
羊	янъ	*янг*	jaҥ	yang	yang	yang	yang
要	яо	*яо*	jaŏ	yao	yao	yau	yao

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

342. М. Хвостовъ. Изслѣдованія по исторіи обмѣна въ эпоху эллинистическихъ монархій и Римской имперіи. I. Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта. Казань 1907. Стр. XXVII + 473.

Книга М. М. Хвостова должна открыть собою рядъ «изслѣдованій по исторіи обмѣна въ эпоху эллинистическихъ монархій и Римской имперіи». Эта благодарная и неотложная задача, для которой современная наука располагаетъ обильнымъ, непрерывно растущимъ матеріаломъ, начата авторомъ съ изученія характера и исторіи торговли Египта съ Востокомъ. Внимательное изученіе классическихъ источниковъ, широкое знакомство съ ученой литературой, критическій тактъ автора обусловили появленіе цѣннаго изслѣдованія, полезнаго для классиковъ, египтологовъ, историковъ-экономистовъ, доступнаго и интереснаго и для широкаго круга образованныхъ читателей. Египтологъ будетъ благодаренъ автору за достаточно полное и добросовѣстное сопоставленіе и разработку классическаго матеріала, который въ настоящее время растетъ въ такой прогрессіи, что слѣдить за нимъ изъ смежной области, также быстро развивающейся, не представляется возможнымъ. Читатель не изъ спеціалистовъ въ какой-либо области античности найдетъ здѣсь и подлинныя выдержки изъ источниковъ, и переводы in extenso длинныхъ цитатъ описательнаго характера, а также сопоставленіе данныхъ о географическихъ свѣдѣніяхъ конца древняго міра, о предѣлахъ его дальневосточныхъ сношеній. Выводы автора, суммарно изложенные въ «заключеніи» намъ представляются соотвѣтствующими современному состоянію науки.

Въ интересующія автора эпохи восточныя культуры еще продолжали существовать; ихъ письменность еще не угасла, напротивъ, до насъ дошло

именно отъ этого времени огромное количество всякаго рода памятниковъ, причемъ Египетъ занимаетъ по количеству первое мѣсто. Такимъ образомъ изучающій экономическую исторію этой страны даже въ позднія эпохи ея исторіи поставленъ въ необходимость привлекать къ дѣлу туземный матеріалъ: іероглифическій, демотическій, а потомъ коптскій, арабскій, считаться съ обширной ученой литературой. Къ сожалѣнію до сихъ поръ этотъ матеріалъ не вполнѣ приведенъ въ извѣстность, не изученъ въ достаточной мѣрѣ немногочисленными спеціалистами; наконецъ далеко не все, что печаталось и печатается въ этой области достаточно обдумано и надежно для того, чтобы войти въ научный обиходъ. Но кое-что положительное всетаки и въ настоящее время уже сдѣлано въ этомъ направленіи: работы Бругша, Дюмихена, Масперо, Кралля и Шпигельберга, снабженные осторожными переводами и комментаріемъ, доступны и для неспеціалистовъ и могли бы быть полезны автору. Укажу для примѣра слѣдующее: 1) Тексты, приводимые Бругшемъ (Reise nach d. grossen Oase) и касающіеся экспорта вина изъ Сиріи при Птолемеяхъ (ср. стр. 174 книги М. М. Хвостова); между прочимъ одинъ изъ позднихъ Птолемеевъ названъ «устроителемъ флота». 2) Различныя надписи — рецепты изъ храмовыхъ лабораторій. 3) Ритуалъ бальзамированія, изданный Масперо по луврскому папирусу греко-римскаго времени въ XXIV т. Notices et extraits des mss. и содержащій между прочимъ перечень ингредіентовъ съ указаніемъ мѣстъ происхожденія, большею частью иностранныхъ. 4) Демотическій романъ о Петубастѣ, изд. Краллемъ въ VI т., Mittheil. эрц. Райнера и содержащій упоминаніе (едва ли не древнѣйшее) о Мероэ, о верблюдахъ, объ аравійскомъ деревѣ для копій (?). — (Впрочемъ этотъ текстъ, написанный на рубежѣ птолемеевскаго и римскаго времени, издатель возводитъ къ болѣе древнему времени), 5) сообщенные тѣмъ же ученымъ демотическіе отрывки какого-то путешествія въ Индію въ II в. по Р. X. (Verhandl. d. XIII internat. Orientalisten-Kongresses) и т. п.

Но если незнакомство съ этимъ матеріаломъ лишило автора нѣсколькихъ интересныхъ подробностей, освѣщающихъ и дополняющихъ его построенія, то гораздо болѣе неблагопріятно на его работѣ отразилось недостаточное знакомство съ спеціальной литературой тамъ, гдѣ ему приходится въ особыхъ экскурсахъ касаться болѣе древнихъ періодовъ исторіи Египта и его торговыхъ сношеній съ югомъ и востокомъ, а также судебъ тѣхъ странъ, куда направлялась его восточная торговля: Нильской Эѳіопіи, Аксумскаго царства, южной Аравіи. Эти части книги производятъ впечатлѣніе поверхностныхъ очерковъ, составленныхъ по пособіямъ. Правда, авторъ и здѣсь обнаружилъ свой критическій тактъ какъ въ выборѣ авто-

ритетовъ (исключенія крайне рѣдки — напр. стр. 310 пр. 2, гдѣ слишкомъ много чести оказано ничтожной статьѣ), такъ и въ томъ, что остался свободенъ отъ вліянія фантастическихъ гипотезъ и негодныхъ построеній, но и это не избавляетъ указанные отдѣлы книги отъ крупныхъ недостатковъ. Особенно страдаетъ ими параграфъ: «Очеркъ исторіи Эѳіопіи въ грекоримскую эпоху» (стр. 13—35). Здѣсь нѣтъ ничего объ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ Египта по частному почину съ Нубіей и Суданомъ (Хирхуфъ и другіе элефантинскіе номархи; архивъ ихъ съ постоянными упоминаніями о караванахъ), Напатское царство считается образовавшимся «послѣ XIX династіи», Камбизъ — дошедшимъ до столицы, которая только съ Эргамена локализуется въ Мероэ; Эѳіопы платятъ дань персамъ, а надписи Харсіатефа и Настасена датируются IV вѣкомъ. Здѣсь авторъ не считается съ новѣйшей работой Шефера о послѣдней надписи и литературой, возникшей по ея поводу. Если и нельзя безусловно согласиться съ Шеферомъ, считавшимъ Настасена современникомъ и противникомъ Камбиза, то все же теперь несомнѣнно, что надпись относится къ персидскому времени и знаетъ Мероэ, какъ столицу, а Напату — какъ городъ коронаціи, что вполнѣ удовлетворительно подходитъ и къ словамъ Страбона о Напатѣ, какъ βασίλειον Кандаки: коронаціонный городъ — тоже βασίλειον, и нѣтъ надобности говорить объ отдѣльныхъ царяхъ въ Напатѣ и Мероэ (стр. 19). При этомъ авторъ упустилъ изъ вида Демокрита абдерита, писателя V вѣка, извѣстнаго своимъ потеряннымъ трудомъ «περὶ τῶν ἐν Μερόῃ ἱερῶν γραμμάτων». Равнымъ образомъ ссылка на Геродота (стр. 18 пр. 1) для доказательства того, что Эѳіопы платили дань персамъ, сдѣлана не по праву: текстъ говоритъ ясно, что Эѳіопы «οἱ πρόσουροι Αἰγύπτῳ» — «φόρον μὲν οὐδένα ἐτάχθησαν φέρειν, δῶρα δε ἀγίνεον». Больше могла бы дать ссылка на Накши-Рустемскую надпись Дарія, гдѣ среди подвластныхъ областей упоминается Kusiyâ, но и это указаніе ослабляется тѣмъ, что здѣсь же рядомъ стоитъ Putiyâ = Пунтъ, котораго Персы никогда не покоряли и который, можетъ быть, включенъ Даріемъ послѣ прорытія канала чрезъ Вади-Тумилатъ и возобновленія навигаціи по Чермному морю. Неточны и частью невѣрны свѣдѣнія объ Абиссиніи: христіанство принято аксумитской династіей не ок. 330 г. (стр. 33), а не раньше конца V вѣка; нельзя говорить о «предполагаемомъ» выселеніи абиссинцевъ изъ Аравіи (стр. 262, пр. 4) и о проникновеніи въ Аксумъ христіанства только изъ Египта (стр. 243). Кромѣ того авторъ не использовалъ данныхъ аксумской нумизматики, на которой также отразились торговыя и культурныя связи Аксума съ Римской имперіей. Это тѣмъ болѣе странно, что монетамъ вообще въ книгѣ удѣляется должное мѣсто (ср. напр. аналогичное на

стр. 265, пр. 9). Точно также неполны свѣдѣнія о сношеніяхъ Египта съ Азіей. Мы уже указывали на тексты о винной торговлѣ. На стр. 204 авторъ говоритъ о «скудныхъ слѣдахъ» сношеній въ эпоху древняго царства. Между тѣмъ у насъ есть свѣдѣнія уже отъ первыхъ династій, есть интереснѣйшая надпись Уны о морской экспедиціи изъ Египта въ Сирію, есть и вещественные памятники. Южная Аравія гораздо раньше V-го вѣка до Р. Х. (стр. 265) была «вовлечена въ широкій обмѣнъ» — торговый путь на Газу существовалъ еще въ глубокой древности.

Кромѣ литературныхъ свидѣтельствъ, авторъ привлекаетъ къ дѣлу и разносторонній археологическій матеріалъ. На сколько полно онъ использованъ, сказать трудно, во всякомъ случаѣ это сильная сторона книги. Жаль только, что слишкомъ много вниманія удѣляется Родезіи и ея фальшивой статуэткѣ. Возможно, что кое-какія услуги могъ бы оказать и этнографическій матеріалъ, напр. вродѣ собраннаго Mochi въ интересной статьѣ: «La civilta egizia tra i selvaggi dell' Africa» (Bolletino d. Soc. Geogr. Italiana 1903). Конечно такимъ путемъ можно получить только косвенныя указанія.

Изъ замѣчаній частнаго характера ограничимся слѣдующими:

Стр. 134. О поселеніяхъ Финикіянъ въ Персидскомъ заливѣ, кромѣ недоразумѣнія съ Τύλος и Эриөрейскимъ моремъ, у насъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Возможно что Τύλος идетъ отъ древне-вавилонскаго Dilmun (о-ва Бахрейнъ).

Стр. 138. Peq(t) никогда не означаетъ «грубую ткань». Въ «пѣсни арфиста», приглашающей пользоваться радостями жизни, поэтъ восклицаетъ: «умасти главу твою анти, одѣяніе твое да будетъ изъ peqt. Dümich. Kalend.-Inschr. 89 (демотич.): «царь былъ въ одѣяніи изъ peqt» = въ висонной одеждѣ.

Стр. 289. Въ Библіи упоминается (III Ц. 9,18) не Тадморъ, а сб. תמר, вѣроятно южный городъ (Stade). Пальмира не могла входить въ составъ державы Соломона.

Стр. 326. Фаюмъ сдѣланъ «пригоднымъ для культуры» еще при фараонахъ XII дин.; у Mahaffy въ цитируемомъ мѣстѣ стоитъ: «the extension and better irrigation of the province».

Русскую ученую литературу М. М. Хвостовъ знаетъ и охотно приводитъ. Къ сожалѣнію и ему не удалось избѣжать здѣсь крупныхъ досадныхъ пропусковъ. Такъ ему неизвѣстны труды † В. В. Болотова по Абиссиніи (стр. 33), † В. Ю. Бока о коптскихъ тканяхъ (стр. 144), кн. Абамеленъ-Лазарева о Пальмирѣ (стр. 284) съ editio princeps тарифа. Не сказано даже о заслугахъ П. К. Коковцева по пріобрѣтенію

памятника въ здѣшній Эрмитажъ. На ст. 204, пр. 2 также можно было бы указать на русскія статьи объ эпохѣ Телль-Амарны. Мы еще разъ убѣждаемся, что роковой вопросъ о русской ученой литературѣ, даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, не поддается разрѣшенію, и она остается недоступной и неизвѣстной даже для самихъ нашихъ соотечественниковъ.

Закончу свою замѣтку искреннимъ пожеланіемъ увидать поскорѣе продолженіе интересной и полезной работы. **Б. Т.**

343. Словарь Монгольскихъ терминовъ. *А. — Н.* Составилъ Заамурскаго Округа Ротмистръ Барановъ. [Матеріалы по Маньчжуріи и Монголіи. Вып. 11.—Изданіе Отчетнаго отдѣленія Штаба Заамурскаго Округа Отдѣльнаго Корпуса Погр. Стражи. Харбинъ. 1907 г.]. IV + 138 + 7 стр. in 8°.

Наша скудная справочная литература по Монголіи обогатилась изданіемъ, за мысль о которомъ можно только глубоко благодарить автора. Во многихъ сочиненіяхъ, касавшихся Монголіи, встрѣчались монгольскія наименованія, названія княжествъ, лицъ и географическихъ мѣстъ безъ всякихъ объясненій, и это несомнѣнно затрудняло пользованіе ими. Съ другой стороны, нѣкоторые изслѣдователи принуждены были давать объясненія подобнымъ терминамъ и это занимало много времени и мѣста.

Были и прежде небольшіе перечни терминовъ, приложенные къ отдѣльнымъ сочиненіямъ: напр. А. М. Позднѣева: «Ургинскіе Хутухты — историческій очеркъ ихъ прошлаго и современнаго быта». СПБ. 1880. Стр. 39—84; К. Ѳ. Голстунскаго: «Монголо-ойратскіе законы 1640 г. . . .» СПБ. 1880, стр. 73—143, гдѣ имѣлись примѣчанія къ тексту съ довольно обширными толкованіями къ именамъ собственнымъ и пр.

Конечно все это могло-бы быть использовано въ качествѣ матеріаловъ [1]).

Уже въ томъ видѣ, въ какомъ сейчасъ передъ нами лежитъ первый выпускъ «Словаря» г. А. М. Баранова, этотъ трудъ будетъ желанной справочной книгой для всякаго, читающаго сочиненія по Монголіи и избавитъ пишущихъ объ этой странѣ, отъ скучной необходимости объяснять всѣ тер-

1) Попытка издать отдѣльно систематизированную терминологію монгольскихъ наименованій намъ извѣстна только одна и то крайне неудачная. Мы имѣемъ въ виду, изданную въ 1906 г. Штабомъ Заамурскаго Округа, маленькую брошюру: «наиболѣе употребительныя монгольскія слова, встрѣчающіяся въ описаніяхъ о Монгольской экспедиціи, издаваемыхъ Штабомъ Заам. Окр. Отд. Корп. Погр. Стр.» (Харбинъ. 1906 г. 16°, 12 стр.).

мины, понятные специалистамъ, но нуждающіеся подчасъ въ длинныхъ толкованіяхъ для не специалистовъ.

Въ книгу г. Баранова внесены — впервые въ печати, доступной для «непосвященныхъ»[1]), — новыя для монголистовъ свѣдѣнія объ олэтскомъ хошунѣ въ Манджуріи: *Маннай-ольтъ-хошунъ*, составившемся изъ хойтовъ (поколѣніе Йеке-Минганъ), переселенныхъ за участіе въ возмущеніи въ 1758 изъ округа Кобдо въ Манджурію. Мы узнаемъ, что ихъ переселено было 43 семьи, а теперь насчитывается 166 семей, въ 913 душъ, что ими управляетъ свой родовой наслѣдственный князь. Очень точно отмѣчены границы этого новаго княжества (стр. 99—100).

Относительно Восточной, Захинганской Монголіи книга содержитъ много совершенно новыхъ свѣдѣній.

Укажемъ на нѣкоторые изъ важнѣйшихъ промаховъ, которые при первомъ, бѣгломъ просмотрѣ намъ бросились въ глаза.

Если авторъ найдетъ наши указанія заслуживающими вниманія, онъ ихъ приметъ въ соображеніе при продолженіи своего труда, а также при слѣдующемъ изданіи этой полезной книги; потребность въ новомъ, исправленномъ и дополненномъ, изданіи явится, конечно, очень скоро.

По нашему мнѣнію число использованныхъ источниковъ при послѣдующихъ изданіяхъ «Словаря» должно быть значительно увеличено. Статьи энциклопедическихъ словарей: Брокгауза и Эфрона и «Большой Энциклопедіи» могли-бы быть использованы, а также, помимо приводимыхъ авторомъ — путешествія Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальскаго, П. К. Козлова, арх. Палладія и особенно М. В. Пѣвцова. Изъ историческихъ сочиненій: Geschichte der Ost-mongolen... von Ssanang-Ssetsen, изд. J. Schmidt'a; Исторія восточныхъ Монголовъ... Д. Покотилова. (СПБ. 1893 г.).

Необходимо было-бы привлечь словари напр. Ковалевскаго, Голстунскаго, а также болѣе основательные труды по буддизму; напр. Mythologie des Buddhismus Grünwedel'a; Buddhism of Tibet or Lamaism Waddell'a; Handbook for the Student of Chinese Buddhism Eitel'a и др.

Перечень источниковъ желательно имѣть болѣе тщательно составленнымъ, съ указаніемъ мѣста и года изданія, или съ помѣткой, что данный трудъ существуетъ только въ рукописи.

Сейчасъ нельзя совершенно узнать, изъ приведеннаго въ концѣ разбираемой книги списка «Источниковъ», какая это работа доктора Коно-

---

1) См. PS.

севича по Мэнъ-гу-ю-му-цзи имѣется въ виду: рукопись-ли это, или она напечатана, когда, гдѣ, и что она въ себѣ содержитъ?[1])

Словарь г. Баранова получилъ-бы еще гораздо большую цѣнность, если-бы при каждомъ терминѣ было указано откуда взято данное объясненіе и гдѣ можно найти, если нужно, болѣе подробныя свѣдѣнія. Краткихъ цитатъ съ условными сокращеніями было-бы совершенно достаточно, особенно если-бы количество источниковъ было въ достаточной мѣрѣ увеличено.

Ввиду того, что это первая попытка изданія такого словаря, замѣчается много пропусковъ. Наудачу назовемъ нѣсколько. Пропущены: *майханъ*—палатка, *голъ*—рѣка (имѣется *муренъ* и тамъ сказано, что маленькія рѣки называются *голъ*); *ачāнъ* —вьюкъ (слово пріобрѣвшее право гражданства у русскихъ на востокѣ и въ Сибири, отсюда глаголъ *ачāнить*); *дабā (давā)*— перевалъ и *дабу* (или *даба*) — назв. матеріи; *далимба* (далимбу) — тоже; *ама* — падь (ущелье). Разъ имѣется *муренъ, норъ* (слѣдовало бы указать, что въ Халхѣ и у бурятъ произносится *нуръ*)—то лучше было ввести также и другія нарицательныя географическія названія. Пропущены еще: *Нонъ* — монгольское (?) названіе рѣки Нонни; *дэресунъ* — назв. травы, изъ которой дѣлаются цыновки и шляпы; *Алтанъ-тобчи*—назв. лѣтописи; *бичикъ* — бумага, письмо (*бичечи*—писецъ); *карагана* — назв. травы «*см. харгänъ*»— (слово карагана пріобрѣло право гражданства и въ русскомъ языкѣ) и много др.

Совершенно необходимо было-бы согласовать одни и тѣ же названія въ смыслѣ транскрипціи. Напр. на стр. 16,45 читаемъ: *хуботу-уланъ*, *хуботу-цаганъ* и пр., между тѣмъ тѣ-же названія на стр. 81, 92 пишутся: *Кувотъ-уланъ* и пр. Для неспеціалиста будетъ трудно разобраться въ этомъ и увидѣть одно и тоже названіе въ такихъ различныхъ по внѣшнему виду словахъ [2]).

Княжескій титулъ *бэйсэ* является подъ видомъ: на стр. 18 *бэйсъ* (собств. *бэйсэ*), тамъ-же титулъ *бейлъ*; на стр. 67 и 81 *бейса* (*Дурбетъ-Бейса*; *Санбейса*). Озеро *Буиръ-норъ* (стр. 26) а мѣстность почему-то — *Кулунберъ* (стр. 17) и *Кулумберъ* (стр. 16), вм. *Хулунъ-Буиръ*.

Давая новую, не общепринятую транскрипцію собственныхъ именъ, слѣдовало-бы по крайней мѣрѣ оговорить это и привести также и обще-

1) А. М. Барановъ, въ письмѣ своемъ на наше имя (Харбинъ, окт. 1907 г.), сообщилъ, что упоминаемая работа является студенческой диссертаціей г. Коносевича, окончившаго факультетъ Восточныхъ языковъ, нынѣ доктора медицины. Работа пока не напечатана. *А. Р.*

2) Все-же и теперь уже вѣроятно будетъ невозможно появленіе толкованій, вродѣ встрѣчавшихся въ нашей литературѣ: *Гули*-уланъ — *мѣдно*-красное, *хубутъ*-уланъ — *сине*-красное! Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ. Томъ XXXVII, вып. V, стр. 384 (1901 г.).

принятое написаніе. Р. *Хэрлюнъ* (такъ именно произносится это названіе во всей Монголіи [1]); между тѣмъ въ «словарѣ» находимъ написаніе *Керулюнъ*: это и не старое написаніе (*Керуленъ*, передававшее точно, за исключеніемъ первой буквы, монгольскую орѳографію этого слова: херулен), и не согласное съ произношеніемъ въ живой рѣчи современныхъ монголовъ. Прежде писалось также Кырлунъ, и т. п.

Въ произношеніи монголовъ (халхасцевъ и восточныхъ) нѣтъ въ началѣ слоговъ (а слѣдовательно и словъ) звука *к*; онъ всегда является у нихъ въ видѣ *х*, тамъ, гдѣ у западныхъ монголовъ (калмыковъ) слышится *к*.

Западно-европейскіе писатели передаютъ даже русскій заднеязычный, проторный (звукъ *х*), черезъ *kh*, не говоря уже о болѣе заднемъ монгольскомъ *х*, который они, не имѣющіе подобнаго звука, или соотвѣтствующаго ему обозначенія, передаютъ черезъ *k*, или *kh*. Намъ русскимъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ писать *х*. Монгольскія слова, помѣщенныя въ «словарѣ» подъ литерой *к*, должны писаться русскими буквами такъ: *хара* (черный); *хэрэмъ* (стѣна, укрѣпленіе); *Хэрлюнъ; хуботу* или *хувоту* (съ каймой); *хуху* (синій); *хулунъ*; *хунду(й)* — (младшій офицеръ); *хуре(нь)* [и *дахуре* на стр. 47—48]—(монастырь); *худзубчи* (сѣни); *Хулунбер*—*Хулунъбуиръ* (ср. на стр. 26 *Буиръ-норъ*) и *Хэшиктэнъ* — (назв. хошуна). Иначе, чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣдовало-бы писать *кошунъ*, *кудукъ* (колодецъ) и т. п. Въ словахъ *хара* и *хошунъ* первый звукъ безусловно одинъ и тотъ-же (турецко-татарскія нарѣчія имѣютъ *кара* и пр.).

На стр. 11 слово *Аршунъ* (назв. рѣки) явилось вм. прежнихъ *Уршунъ*, *Оршунъ*, *Урсунъ* и т. п.

Тамъ-же видимъ *Ачизя-хутухта* — вѣроятно вм. *Ачжа-хутухту* (*ачжа* или по новой транскрипціи *аджа* значитъ, «батюшка, тятя»).

На стр. 61 *Дерсунъ-хороль*—очевидно вм. *Дэрсун-харулъ*.

На стр. 57 *Дауры*—между тѣмъ мы слышали всегда *дагуры*, изрѣдка *дахуры*; китайцы ихъ называютъ *та́хули*, *та́йфули*.

Вѣроятно малое количество первоисточниковъ, находившихся въ распоряженіи автора, повело къ очень многимъ фактическимъ неточностямъ. Напр. на стр. 21 говорится, что резиденціей *Богдо-Баньчень-эрдени* является монастырь Серасяръ близь г. Шихацзе, между тѣмъ, какъ извѣстно, Баньчэнъ-эрдэни пребываетъ въ Даши-Лхумбо.

Дата перенесенія столицы въ Пекинъ императоромъ Хубилаемъ отнесена къ 1257 г. (стр. 79) и къ 1267 г. (стр. 107); между тѣмъ, какъ извѣстно, перенесеніе состоялось въ 1264 году.

---

1) Ср. Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. географіи, в. XLIV (печатается; выйдетъ вѣроятно въ 1908 г.), стр. 17.

Данныя о развратной жизни Илагухсан-хутухты (стр. 69), если не ошибаемся, должны быть отнесены Богдо-гегену ургинскому (воплощенію Джэбдзун-дамба-хутухты). Илагуксан-хутухта явился въ Монголію не въ 16 вѣкѣ, а въ 1642 году (17 вѣкъ)[1].

Пожелаемъ, чтобы въ дальнѣйшихъ выпускахъ, или изданіяхъ, было меньше опечатокъ (ср. напр. стр. 9—*Аохань-эошунъ;* стр.—47 *Да-чуренъ* стр. 17 — *Бату-Сетльхиту'скій сеймъ* и друг.).

Мы считали нужнымъ сейчасъ-же отмѣтить появленіе этой, цѣнной по замыслу, книги г. Баранова; но мы надѣемся вернуться къ подробному разбору, когда трудъ выйдетъ цѣликомъ (мы имѣемъ сейчасъ только литеры *а—н*).

Выскажемъ въ заключеніе общее пожеланіе, уже не первый разъ раздающееся со стороны нашихъ ученыхъ—чтобы труженики, работающіе на мѣстахъ, также почувствовали потребность въ общеніи съ представителями научнаго востоковѣдѣнія, какъ эти послѣдніе нуждаются въ сотрудничествѣ и указаніяхъ со стороны мѣстныхъ культурныхъ силъ.

PS. Слѣдовало-бы Штабу Заамурскаго Округа Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи оставить подражаніе нашему Главному Штабу въ дурной привычкѣ портить издаваемыя имъ общеинтересныя книги, неподходящей по содержанію ихъ, кличкой «секретныхъ», «неподлежащихъ оглашенію» и т. д. Неужели отъ кого-нибудь секретъ, что въ этихъ изданіяхъ никакихъ «секретовъ» нѣтъ и, что какъ разъ тѣ, отъ кого что-то желаютъ скрыть, знаютъ все это несравненно лучше, чѣмъ сами скрывающіе?

Въ равной мѣрѣ это замѣчаніе относится къ «*не подлежащимъ оглашенію*» «Матеріаламъ по военно-статистическому описанію Маньчжуріи, собраннымъ офицерами генеральнаго штаба Приамурскаго военнаго округа въ 1901 г.» (Хабаровскъ въ 1902 и 1903 гг.). Къ этимъ послѣднимъ изданіямъ приложено много картъ. Надо думать эти труды заключаютъ въ себѣ не мало интереснаго[2]).

Если эти изданія, по мнѣнію Штабовъ, настолько плохи, что имъ страшна критика, то лучше ихъ совсѣмъ не издавать, если же они очень хороши, то дайте возможность ознакомиться съ ними всѣмъ интересующимся. Критика, надѣемся, сдѣлаетъ эти изданія лучше.

---

1) Ср. А. М. Позднѣевъ. Монголія и Монголы. Т. II, стр. 435.

2) Мы находимъ необходимымъ отмѣтить, слѣдующее: намъ пришлось лично убѣдиться изъ разговоровъ съ нѣкоторыми офицерами Заамурскаго округа, работающими по Манджуріи, что имъ неизвѣстны труды, изданные ихъ штабомъ, а также Приамурскимъ штабомъ; не говоримъ уже о томъ, что въ центральныхъ военныхъ управленіяхъ въ СПБ., вѣдающихъ эти дѣла, многіе чины не подозрѣваютъ о существованіи всѣхъ этихъ трудовъ. Для чего же и для кого, спрашивается, печатаются они? *А. Р.*

«Матеріалы», одиннадцатый выпускъ которыхъ мы здѣсь разбирали, почти всѣ до сихъ поръ носили эти странные эпиграфы: «не подлежитъ оглашенію», «секретно». Къ счастью нынѣшній, послѣдній выпускъ вышелъ безъ такой приписки, хотя разницы въ смыслѣ «секретности» съ прежними выпусками, мы не находимъ рѣшительно никакой.

Будь прежніе выпуски, въ свое время, доступны свободной критикѣ, вѣроятно не пришлось-бы теперь указывать г. Баранову на многіе недосмотры, допущенные имъ въ разбираемомъ трудѣ. Многія изъ этихъ опущеній являются лишь повтореніями, опубликованнаго уже раньше самимъ г. А. Барановымъ и другими, въ предыдущихъ выпускахъ тѣхъ-же «Матеріаловъ по Маньчжуріи и Монголіи».

Андрей Руднев.

СПБ. 9 X / 26 IX 1907 г.

344. Paul Peeters. Une version arabe de la Passion de Sainte Cathérine d'Alexandrie (Analecta Bollandiana, tomus XXVI, 5—32).

Почтенный органъ отцовъ болландистовъ за послѣдніе годы въ каждомъ номерѣ доставляетъ новый и интересный матеріалъ изъ области христіанско-арабской литературы, которая до настоящаго времени является не вполнѣ признанной сестрой прочихъ христіанскихъ литературъ востока, пользующихся бо́льшимъ вниманіемъ со стороны ученыхъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть благодарнымъ о. P. Peeters'у, на плечахъ котораго лежитъ почти всецѣло вся восточная часть названнаго журнала[1]). Не мало ему помогаютъ, повидимому, живыя сношенія съ бейрутской школой арабистовъ, которой можно отдать пальму первенства въ разработкѣ данной вѣтви арабской литературы. На этотъ разъ Peeters по рукописи XVIII вѣка, найденной проф. Cheikho въ Хымсѣ, даетъ съ латинскимъ переводомъ текстъ арабской версіи страданій св. Екатерины Александрійской (листъ 1^a—8^a по рукописи). Въ предисловіи (стр. 5—11) онъ перечисляетъ греко-латинскія версіи и опредѣляетъ ихъ соотношеніе, давая попутныя указанія на всю, довольно значительную литературу вопроса.

Имя о. P. Peeters'а въ области агіологіи и агіографіи уже пользуется заслуженной извѣстностью, а широта его кругозора, если принять во вниманіе знакомство помимо западныхъ языковъ чуть не со всѣми восточными, едва ли доступна многимъ изъ современныхъ богослововъ[2]).

---

1) О нѣкоторыхъ работахъ Peeters'а въ этой области за прошлые годы я уже имѣлъ случай говорить. (См. Византійскій Временникъ, т. XIII, библіографія, стр. 704—705).

2) P. Peeters является, между прочимъ, однимъ изъ немногихъ заграничныхъ ученыхъ, которые владѣютъ и русскимъ языкомъ. Это позволяетъ ему давать систематическіе отчеты о работахъ нашихъ оріенталистовъ, затрагивающихъ вопросы церковной исторіи: проф. Н. Марра, Б. Тураева и др.

Обычными достоинствами отличается и введеніе къ разсматриваемой работѣ. Оставляя его оцѣнку богословскимъ журналамъ, пишущій эти строки хотѣлъ бы остановиться только на самомъ изданіи арабскаго текста и принципахъ, положенныхъ издателемъ въ основаніе. Это представляется тѣмъ болѣе умѣстнымъ потому, что въ томъ же выпускѣ Analecta Bollandiana помѣщена (стр. 117—120) большая рецензія на извѣстную работу проф. Н. Марра: «Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ св. Григоріемъ»[1]), въ которой Peeters высказываетъ свои замѣчанія по поводу методовъ изданія и изслѣдованія текста, нѣсколько расходясь съ проф. Марромъ. Эти замѣчанія въ связи съ собственной работой P. Peeters'a и краткимъ введеніемъ къ самому тексту (стр. 12—13) позволяютъ болѣе или менѣе выяснить взглядъ автора на систему изданія памятниковъ христіанско-арабской литературы. При оживленіи, замѣчающемся въ этой области за послѣднее время, теперь болѣе чѣмъ когда-либо слѣдовало бы установить однообразные для всѣхъ принципы, которые давно уже признаны въ другихъ областяхъ. Что этого не сдѣлано до сихъ поръ и что объ этомъ приходится говорить еще и теперь, — объясняется чисто внѣшними условіями. Памятники христіанской литературы издавались до сихъ поръ преимущественно или богословами, иначе говоря лицами, которые не церемонились съ формой, такъ какъ для нихъ было важно содержаніе[2]), или арабистами, воспитавшимися на классически-мусульманскихъ памятникахъ и подходившими къ христіанскимъ текстамъ съ предвзятымъ мнѣніемъ объ ихъ «испорченности» и о необходимости «исправлять»[3]). Благодаря такому взгляду здѣсь открывался полный просторъ субъективизму и на каждой строчкѣ допускались такія «исправленія» и коньектуры, которыя быть можетъ то же самое лицо не позволило себѣ сдѣлать въ мусульманскомъ памятникѣ. Отъ такой точки зрѣнія не всегда удается отрѣшиться еще и теперь даже выдающимся дѣятелямъ въ этой области, какъ L. Cheikho[4]); это самое обстоятельство позволяетъ появляться и въ такомъ авторитетномъ изданіи, какъ Patrologia Orientalis, предисловіямъ, гдѣ идетъ рѣчь объ «испорченности» и «искаженности» христіанско-арабскаго языка[5]). Нынѣшнее состояніе арабской діалектологіи помогаетъ, однако, видѣть въ

---

1) Записки Восточнаго Отдѣленія И. Р. А. О. т. XVI, 63—211.

2) Сюда можно отнести почти всѣхъ представителей сирійской школы.

3) Такой взглядъ, напримѣръ, высказывалъ безвременно умершій G. Salmon. (См. Византійскій Временникъ — XIII, 709—710).

4) См., напримѣръ, его предисловіе къ одному трактату Павла ар-Рāhиба въ المشرق'ѣ, т. VIII (1905), стр. 552.

5) См., напримѣръ, предисловіе Chébli къ изданію Réfutation d'Eutychius par Sévère, évêque d'Achmounaïn.

этихъ памятникахъ не искаженіе классическаго языка, а сохраненные въ письменномъ видѣ образчики народныхъ діалектовъ, которые конечно во всѣ эпохи значительно отличались отъ классическаго, связаннаго формами корана и древней поэзіи. Такъ какъ эти памятники являются единственными, уцѣлѣвшими отъ вліянія, быть можетъ, искуственной грамматической теоріи, то понятно, какую важность пріобрѣтаютъ они для арабиста-діалектолога. Поэтому и настоящая оцѣнка ихъ въ данномъ отношеніи будетъ по всей вѣроятности исходить отъ лингвистовъ, а не богослововъ. При строго научныхъ принципахъ, которые теперь проводятся и высказываются такими выдающимися діалектологами, какъ Landberg, Littmann, Stumme, Kampfmeyer и др. — этого ждать повидимому недолго. За послѣднее время замѣтны уже большіе шаги впередъ: правильную оцѣнку получаютъ эти памятники въ большой работѣ Vollers'a, Volkssprache und Schriftssprache im alten Arabien [1]); иногда они являются предметомъ и спеціальныхъ изслѣдованій, преслѣдующихъ именно такія задачи [2]). При этой единственно правильной для арабиста точкѣ зрѣнія, тѣмъ самымъ выясняются требованія, которыя могутъ быть предъявлены ко всякому издателю христіанско-арабскаго текста. Онъ, конечно, не долженъ быть обязательно лингвистомъ-діалектологомъ, но интересуясь памятникомъ съ богословской или литературной стороны, онъ не имѣетъ права забывать, что даетъ въ то же время матеріалъ и для лингвиста. Поэтому онъ долженъ издавать текстъ по возможности въ томъ видѣ, какъ его даетъ рукопись, предоставляя будущимъ поколѣніямъ лингвистовъ разбирать, гдѣ заключается простая описка, а гдѣ фиксированъ быть можетъ цѣнный лингвистическій фактъ данной эпохи [3]). Теперь же, при нынѣшнемъ состояніи и арабской діалектологіи и исторіи христіанско-арабской литературы, даже выдающійся знатокъ не будетъ въ состояніи сдѣлать это, руководствуясь исключительно своимъ чутьемъ [4]). Такой принципъ долженъ вмѣняться въ прямую обязан-

---

1) Straszburg 1906. (См., напр. стр. 82. Однородныя мысли Vollers высказывалъ и въ Zeitschrift für Assyriologie — XII, 82).

2) Напримѣръ диссертація Ram'a, Qissat Mār Elijā (die Legende vom hl. Elias), als Beitrag zur Kenntniss des arabischen Vulgärdialekte Mesopotamiens nach der Hds. Codex Sachau 15 der Kgl. Bibl. zu Berlin. Lpz. 1906.

3) Такая система вполнѣ отвѣчаетъ желанію серьезныхъ діалектологовъ: Landberg, напр., еще четверть вѣка тому назадъ настаивалъ на необходимости изданія Tischendorff'скихъ рукописей *sans retouche.* (Proverbes et dictons du peuple arabe, Leyde 1883, стр. XXIV, прим. 1).

4) Для памятниковъ эѳіопской письменности Peeters не признаетъ существованія теперь какихъ-либо критеріевъ. Въ томъ же томѣ Analecta Bollandiana (стр. 371) онъ пишетъ: «...... les éditeurs de textes éthiopiens doivent se trouver plus loin encore de posséder la règle d'après laquelle ils pourront amender *à coup sûr* la cacographie des copistes — si tant

ность, когда изданіе дѣлается по одной рукописи (что бываетъ въ большинствѣ случаевъ), еще болѣе когда рукопись относится къ древнему времени (напр. къ IX—XI вв., отъ которыхъ мусульманскихъ памятниковъ дошло сравнительно немного).

Такого взгляда держался, повидимому, и проф. Марръ въ своемъ изданіи[1]); по крайней мѣрѣ, главный упрекъ, который ему дѣлается Peeters'омъ сводится къ тому, что въ этой работѣ «on trouvera beaucoup de remarques utiles, noyées malheuresement parmi des observations un peu trop élémentaires» и что «les moindres anomalies de l'écriture sont notées avec un soin vraiment trop minutieux»[2]). Дѣлая такой упрекъ, Peeters тѣмъ самымъ открываетъ путь именно къ упомянутому выше опасному субъективизму: то, что является элементарнымъ для такого знатока, какъ Peeters, будетъ далеко не лишнимъ для многихъ другихъ менѣе опытныхъ изслѣдователей арабско-христіанской литературы, гдѣ нѣкоторые, какъ показали послѣдніе годы, обладаютъ иногда очень относительными познаніями въ арабскомъ языкѣ. За «anomalie de l'écriture» быть можетъ кроется интересная фонетическая или грамматическая особенность, которая теперь непонятна, но станетъ ясна только при дальнѣйшей разработкѣ арабской діалектологіи. Никто, конечно, не будетъ отрицать, что для такой тщательности въ изданіи требовалась большая самоотверженность со стороны «l'éminent arméniste» и тѣмъ болѣе благодарны будутъ ему слѣдующія поколѣнія арабистовъ, которыя получатъ возможность пользоваться именно въ такомъ видѣ этой, по выраженію Peeters'a «trouvaille, comme les explorateurs de l'ancienne littérature arabe-chrétienne n'en rencontreront plus souvent»[3]).

---

est qu'une telle règle existe pour cette littérature semi-barbare». Едва ли, однако, P. P. станетъ спорить, что христіанская литература на арабскомъ языкѣ разработана въ научномъ отношеніи еще слабѣе, чѣмъ эѳіопская.

1) Свои принципы онъ неоднократно повторяетъ въ разныхъ мѣстахъ труда: см., напр., стр. 161, 184—191, 210 и др.

2) Стр. 119—120.

3) Что касается высказаннаго Peeters'омъ мнѣнія, будто въ работѣ есть «çà et là des légères inexactitudes comme l'éminent arméniste n'en commet guère dans sa specialité propre», — то его слѣдовало бы обосновать болѣе вѣскими фактическими данными, чѣмъ единственный (!) примѣръ, выбранный къ тому же совершенно неудачно. Peeters пишетъ: «Ainsi p. 183, l. 19 il y a un *sic* de trop a côté du mot شيخين, qui n'est pas un pluriel, mais un duel parfaitement régulier et parfaitment en place». Вся фраза имѣетъ въ текстѣ слѣдующій видъ: (sic) من قول بجنا ...... قاله على سوسنة العفيفة الشريفة وعلى شيخين الشعب. Ясно, что duel является далеко не «parfaitement régulier», такъ какъ сохраняетъ свой нӯнъ, не смотря на стоящее дальше опредѣленіе въ род. пад. — الشعب — старцы народа. Это и вызвало sic издателя; какимъ образомъ Peeters при его познаніяхъ въ арабскомъ языкѣ могъ подумать, что издатель принялъ эту форму за множественное число — трудно объяснить.

Высказанные въ рецензіи взгляды P. Peeters примѣняетъ, конечно, и въ собственной работѣ, къ разсмотрѣнію которой мы теперь и перейдемъ. Въ предисловіи къ арабскому тексту (стр. 12—13) онъ пишетъ: «Sous peine de devoir récrire le document d'un bout à l'autre, il fallait se borner à rectifier les incorrections, qui dénaturent soit le mot, soit la fonction grammaticale. D'après ce principe, nous avons corrigé des formes telles que لكى. كثرت. قوت. حظر etc. pour لك. كثرة. قوة. حضر etc. Mais de simples fantaisies orthographiques sans conséquence comme انتى. قلتى. توباكى ont été maintenues». Уже въ приведенномъ рядѣ примѣровъ чувствуется нѣкоторая непослѣдовательность: возстановляя, напр., классическую форму لكِ авторъ очевидно, хочетъ избѣгнуть смѣшенія ея съ частицей لِكَىْ. Ясно, однако, что въ контекстѣ онѣ могутъ быть смѣшаны только такимъ лицомъ, которое обладаетъ болѣе чѣмъ элементарными познаніями въ арабскомъ языкѣ и, значитъ, Peeters, примѣняясь къ этимъ познаніямъ, за что онъ упрекаетъ проф. Марра, самъ погрѣшаетъ значительно сильнѣе: онъ нарушаетъ извѣстную систематичность рукописи и измѣняетъ характеръ ея орѳографіи. Насколько внѣшними и субъективными являются высказанные принципы легко замѣтить по той непослѣдовательности, которую они мѣстами вносятъ въ текстъ[1]). Иногда такая субъективность ведетъ къ болѣе важнымъ результатамъ. На стр. 18,6 напр., Peeters замѣняетъ форму بقا классической بقى, объясняя первую, повидимому, простой ошибкой или безграмотностью переписчика. Можетъ быть это и такъ, но можетъ быть причина лежитъ и глубже: комментаторъ Хамāсы Тебризій, объясняя форму بُنَيْتْ = بُنَتْ[2]), говоритъ, что она на ряду съ аналогичными بقى = بقا, رضى = رضا и др. представляетъ особенность таитскаго діалекта[3]). Этимъ я вовсе не хочу предрѣшать вопроса о преимущественномъ вліяніи извѣстныхъ говоровъ на нѣкоторые памятники христіанско-арабской литературы, что было бы болѣе чѣмъ преждевременнымъ при нынѣшнемъ состояніи науки, но въ то же время позволю себѣ указать, что однородное явле-

---

1) Странно видѣть, напр., на ряду съ «исправленной» формой ولدتِ (17,9) строчкой ниже такую же глагольную форму اتيتى, оставленную въ неприкосновенномъ видѣ и т. д.

2) Въ XVII т. ЗВО, стр. 0201, я слишкомъ категорично выразился, сказавъ, что такая форма не встрѣчается въ литературѣ. Ея существованіе, конечно, не измѣняетъ правильности поправки къ отмѣченной тамъ цитатѣ Graf'а.

3) См. Hamasae carmina edidit G. Freytag — I, ٧٧,20-21. Эта особенность неоднократно обращала на себя вниманіе арабскихъ филологовъ: о ней говоритъ, между прочимъ, и Ибн-Сиккӣтъ въ комментаріи къ одному стиху Туфейля Ганавія, приводя очень характерные примѣры изъ произведеній таитскаго поэта Зейда-ал-Хайль. (См. JRAS за 1907 г., стр. 859, ст. 60).

ніе отмѣчалось въ литературѣ, и возможность такого вліянія въ болѣе широкихъ размѣрахъ допускаетъ Vollers[1]). Такимъ образомъ своей поправкой Peeters, быть можетъ, отнимаетъ лишній аргументъ у будущаго изслѣдователя этого вопроса[2]). Едва ли также случайностью объясняется наблюдающаяся въ рукописи замѣна звука ض черезъ ظ и обратно[3]). Что здѣсь не простая «безграмотность», указываетъ то обстоятельство, что такая судьба постигаетъ только ض и ظ, а не всѣ буквы одного разряда (какъ, напр., бываетъ въ эѳіопскихъ рукописяхъ съ обозначающими гортанные звуки). По всей вѣроятности и данное явленіе можетъ доставить не безынтересный матеріалъ для рѣшенія неоднократно уже возбуждавшагося вопроса о родственности двухъ этихъ звуковъ, не отличающихся уже другъ отъ друга въ египетскомъ, напримѣръ, діалектѣ[4]); считать же его чисто случайнымъ едва ли можно.

Рукопись, по которой изданъ текстъ, дошла по всей вѣроятности далеко не въ удовлетворительномъ видѣ: это видно изъ того, что Peeters считаетъ возможнымъ и, повидимому, не безъ основаній вмѣсто ما بدر يخويها читать ما قدر يجاوبها (16,10), вмѣсто الى الموت فطيعينى читать من الموت فاطيعنى (23,4) и т. д. Поэтому, когда форму صنام онъ замѣняетъ обычною اصنام (14,2; 16,2) это едва ли можетъ вызвать особыя возраженія[5]). Значительно труднѣе допустить коньектуру на стр. 19,7, гдѣ Peeters вмѣсто امر بحظارها рукописи читаетъ امر بحضورها. Онъ даетъ едва ли возможное и въ классическомъ языкѣ сочетаніе (حضر въ I породѣ глаголъ обыкновенно непереходный) и тѣмъ болѣе сомнительно, что бы оно имѣлось въ виду у автора версіи. Графически легче допустима коньектура امر باحضارها, какъ дѣйствительно даетъ 28,4, но аналогичныя формы امر بعزاله — 27,9 и امر بخراجهم — 30,5 (замѣняемыя Peeters'омъ чрезъ обычныя بعزله и باخراجهم) заставляютъ предполагать не кроется ли здѣсь своеобразнаго вульгарнаго образованія по типу فعال.

1) Op. cit. 22,s; 23,v.

2) Къ счастью, Peeters имѣетъ обыкновеніе отмѣчать иногда забракованныя формы, но и при такой системѣ приходится вторично продѣлывать черновую работу возстановленія рукописи въ первоначальномъ видѣ.

3) Напр., въ разныхъ формахъ глаголовъ حضر — 13,2; 14,1; 14.3; 17,1; 18,12; 19,2 и др. نظر — 17,2; 22,6; 23,12; 29,4; 30,1,12 и т. д. ظن — 15,11; 17,9; 20,2, равно какъ и въ другихъ словахъ عظيم — 20,3; حظ — 32,11; ايضا — 14,4; 16,7.

4) См., напр., Brücke въ SBWA — XXXIV (1860), 309—319, 326, 327; W. Spitta-Bey, Grammatik des arabischen Vulgärdialectes von Aegypten, Leipzig 1880, стр. 10. Въ послѣднее время этого же вопроса касался Vollers, op. cit. На это явленіе обращалось вниманіе еще арабскими филологами: см., напр., Суютый въ его المزهر (изд. 1282 г. I, 267—268), гдѣ приведенъ цѣлый рядъ примѣровъ.

5) Нѣсколько подозрительнымъ, правда, кажется, что эта форма встрѣчается неоднократно и что ей имѣется извѣстная параллель въ видѣ غنام (14,1), тоже замѣняемая издателемъ черезъ классическое غنم.

Вообще едва ли можно согласиться съ Peeters'омъ, что «omission des points diacritiques, qui est en certains cas l'effet de la prononciation vulgaire, est *presque une variété dialectale* de l'arabe chrétien» (стр. 13). Явленія, объясняющіяся только діалектическими особенностями идутъ гораздо глубже въ самомъ изданномъ текстѣ[1]). Форму قروها, напр., нѣтъ никакой нужды «исправлять» черезъ قرؤوها (19,1), такъ какъ она представляетъ результатъ обычной въ христіанскихъ памятникахъ третировки глагола tertiae hamzatae, какъ tertiae waw[2]). Безъ сомнѣнія вульгарная особенность кроется и въ формѣ اوريك = класс. اريك (18,4); эта же форма встрѣчается, по крайней мѣрѣ, въ одной христіанско-арабской рукописи Готы—Pertsch 2877 — въ совершенно ясной фразѣ (л. 98б): فاخذه ايضا ابليس الى جبل عال و اوراه جميع ممالك العالم; имѣется она и въ арабскомъ синаксарѣ (изд. Basset, Patrologia Orientalis—I, 235,8)[3]). Форма اقولك —24,4 представляетъ не случайность, а чисто народный способъ выраженія = класс. اقول لك. Нѣтъ необходимости, наконецъ, систематически замѣнять стоящій въ рукописи тенвинъ фатхи черезъ тенвинъ даммы даже въ такихъ выраженіяхъ, какъ جاءنى رجلاً или مررت باحدًا. Какъ отмѣчалъ еще Fleischer (ZDMG — I, 155) и Wetzstein (ZDMG — XXII, 113) это — свойственный народному діалекту способъ выраженія неопредѣленнаго члена, одинаковаго во всѣхъ трехъ падежахъ. Къ этому объясненію примкнулъ въ новѣйшее время и Bittner въ своей образцовой работѣ Der vom Himmel gefallene Brief Christi, Wien 1906. (См. стр. 190 и passim).

Упомянутое уже состояніе рукописи въ нѣсколькихъ мѣстахъ затрудняетъ пониманіе текста: стр. 20,8 фраза дѣйствительно maxime dubia и ей мало помогаетъ коньектура Peeters'a; стр. 20,3 вм. رسمت чит. رشمت; 25,4 слишкомъ смѣла коньектура تلبيسه вм. مشابه; 30,9 сомнительно تملقها вм. неяснаго تمتلها (м. б. пыталъ *примѣрно*?).

Все сказанное выше показываетъ, на сколько интересныхъ размышленій наводитъ послѣднее изданіе о. P Peeters'a; вмѣстѣ съ тѣмъ оно показываетъ, что принципъ субъективности, отчасти проводимый въ изданіи нѣсколько затемняетъ нелишенные интереса, хотя и мелкіе факты, которые со временемъ могли бы принести пользу арабистамъ. Если дѣло касается такого знатока и авторитета, какимъ слѣдуетъ признать Peeters'a, то конечно на его субъективное чувство можно положиться, но у ученыхъ,

---

1) Peeters противорѣчитъ себѣ, отмѣчая (18,7) такую типичную форму, какъ بترجعى = класс. ترجعين.

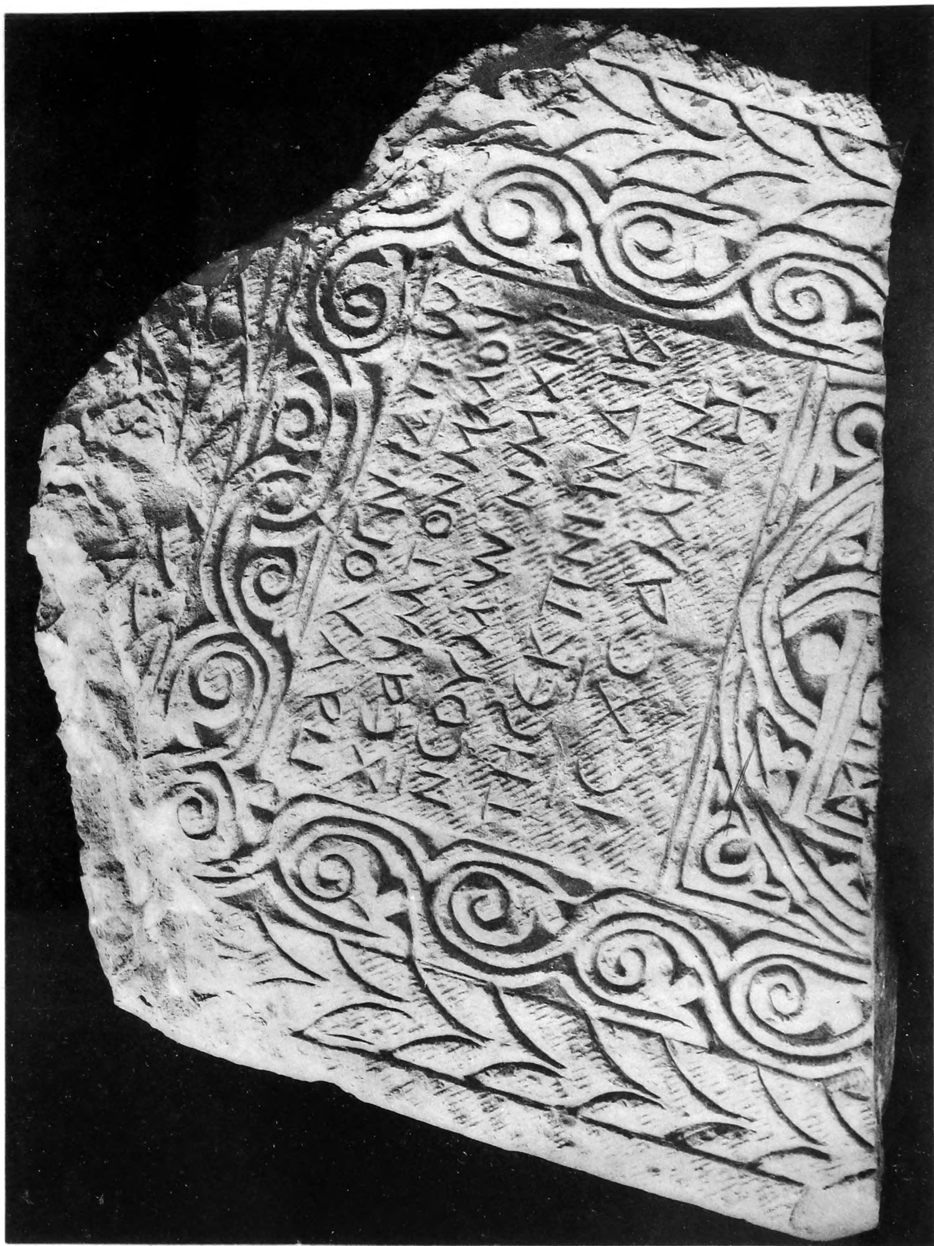
2) Будучи послѣдовательнымъ на стр. 26,1 нужно было бы возстановить форму въ видѣ لم اقرأ, а не لم اقر.

3) Ср. еще н. пр. S. de Sacy, Exposé de la religion des druzes I, p. 185, note 1.

обладающихъ меньшими познаніями, этотъ принципъ легко можетъ повести къ очень печальнымъ результатамъ. Поэтому, нисколько не умалитъ заслугъ Peeters'a и достоинствъ его послѣдняго труда, если въ заключеніе замѣтки рецензентъ позволитъ себѣ высказать пожеланіе, чтобы на будущее время изслѣдователи христіанско-арабскихъ текстовъ обращались съ ними такъ же аккуратно и осторожно, какъ это принято въ другихъ родственныхъ областяхъ. Именно такой принципъ, проведенный систематически въ трудѣ проф. Н. Марра, вызоветъ особенную благодарность со стороны будущихъ поколѣній арабистовъ.

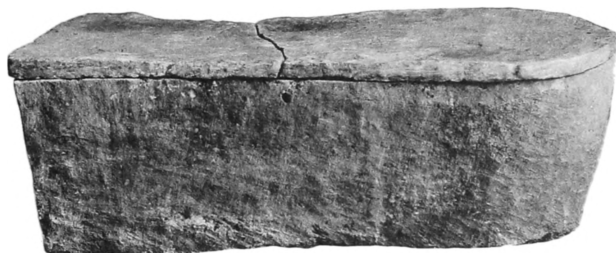
И. Крачковскій.

Гатчина. Іюль 1907.

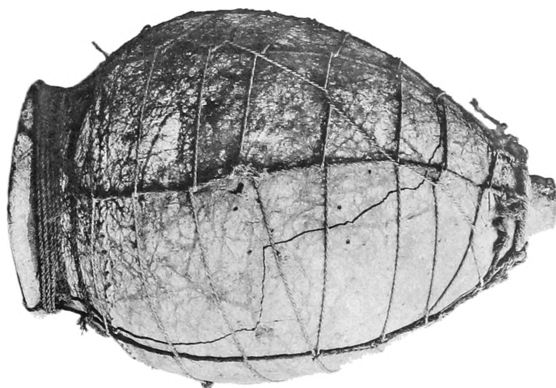

Коптская плита Московскаго Историческаго Музея.

Табл. III.

1.

2.

3.

Фототипія Кордовск[illegible]
Спб. Б. Под[illegible] 22.

МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

О нѣкоторыхъ восточныхъ рукописяхъ въ библіотекахъ Константинополя и Каира.

(Отчетъ о командировкѣ).

Лѣтомъ 1906 г. я былъ командированъ С.-Петербургскимъ университетомъ, по представленію факультета Восточныхъ языковъ, въ Константинополь для ознакомленія съ нѣкоторыми рукописями мѣстныхъ собраній. Собранія арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ рукописей имѣются въ Константинополѣ при многихъ мечетяхъ и медресе; по распоряженію турецкаго министерства народнаго просвѣщенія (معارف نظارتی) былъ обнародованъ, въ 40 томахъ, каталогъ 51 собранія. Проф. Хорнъ въ 1899 г., передъ поѣздкой въ Константинополь, выбралъ изъ этихъ каталоговъ свѣдѣнія о персидскихъ рукописяхъ и пришелъ къ заключенію, что послѣ Петербурга и Лондона персидская литература нигдѣ въ Европѣ не представлена такимъ большимъ числомъ рукописныхъ памятниковъ, какъ въ Константинополѣ.

Въ теченіе девяти недѣль пребыванія въ Константинополѣ Хорнъ успѣлъ ознакомиться только съ небольшимъ числомъ рукописей, преимущественно поэтическаго и лексикологическаго содержанія. Какъ и слѣдовало ожидать, во многихъ случаяхъ оказалось, что имя автора и заглавіе его сочиненія, указанныя въ каталогѣ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительному содержанію рукописи; иногда имя переписчика было принято за имя автора. Списокъ выбранныхъ имъ изъ каталоговъ заглавій персидскихъ сочиненій, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ ссылокъ на каталоги европейскихъ собраній и краткихъ свѣдѣній объ осмотрѣнныхъ имъ лично рукописяхъ, напечатанъ Хорномъ въ Zeitschr. der Deutschen Morg. Ges., Bd. LIV, S. 275—332, 475—509.

Интересуясь преимущественно исторической литературой, я передъ отъѣздомъ въ Константинополь намѣтилъ себѣ для изслѣдованія рукописи

AS 3019, Jǰ 827 и DIP 919[1]), помѣщенныя въ спискѣ Хорна подъ №№ 990 и 1007. Подъ №№ 990 объединены два первыхъ сочиненія, носящія въ каталогахъ одинаковое заглавіе تاریخ آل سلجوق и приписанныя первое مولانا سعد شمس الدین یزدوی, второе — везиру جمال الدین علی بن یوسف القفطی. По поводу обоихъ Хорнъ только замѣчаетъ: «Beide wohl unbekannt?» № 1007 въ спискѣ Хорна носитъ заглавіе مجموعهٔ حافظ ابرو; Хорнъ при этомъ ограничивается ссылкой на статью бар. В. Р. Розена въ «Collections scientifiques de l'institut des langues orientales du ministère des affaires étrangères» (III, 52 sq.) и на замѣтку[2]) въ каталогѣ Бодлеянской библіотеки (№ 33, p. 22—24). Было необходимо выяснить, которую изъ двухъ компиляцій Хафизи-Абру, историко-географическую или чисто-историческую и, во второмъ случаѣ, которую изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ редакцій этого труда мы имѣемъ въ константинопольской рукописи и не заключаетъ ли въ себѣ эта рукопись нѣкоторыхъ отрывковъ изъ той или другой компиляціи, считающихся утраченными. Хорнъ не имѣлъ въ рукахъ этой рукописи и отмѣчаетъ ее въ числѣ тѣхъ, которыя, по его мнѣнію, особенно нуждаются въ изслѣдованіи[3]).

AS 3019.

Надежда найти въ этой рукописи unicum не оправдалась; она оказалась экземпляромъ того же сочиненія, которое описано въ каталогѣ Rieu[4]) подъ заглавіемъ عراقيّة فى الحكاية السلجوقيّة, соч. محمد بن محمد[5] بن النظام الحسينى. По изслѣдованію Rieu, эта небольшая компиляція написана въ началѣ XIV в., въ царствованіе монгольскаго султана Ульчжэйту (1304—1316 по Р. Хр.), при атабегахъ Іезда. Въ турецкомъ каталогѣ имя автора передано ошибочно; на переплетѣ рукописи стоитъ:

تاریخ آل سلجوق من منشآت مولانا سعید شمس الدین یزدی[6] طابت ثراه

---

1) Для удобства читателей, въ этой статьѣ приняты тѣ же сокращенія, какъ въ статьѣ Хорна (AS = Aja Sofia, DIP = Dâmâd Ibrâhîm Paša, Jǰ = Jeñi ǰâmi').

2) Ср. о ней мою статью въ المظفّريّة, стр. 3.

3) ZDMG LIV, 284.

4) Rieu, Catalogue, II, p. 848b (Cod. Add. 22, 695).

5) У Rieu еще بن عبد الله.

6) Если авторъ дѣйствительно носилъ прозваніе Шемс-ад-дина, то онъ, находившійся въ отставкѣ во время составленія своей книги, потомъ снова былъ призванъ къ власти. Въ сочиненіи Хамдаллаха Казвини, оконченномъ въ 735 (1334—1335) г., упоминается въ качествѣ лица, стоящаго у власти, شمس الملّة والدين محمد بن النظام الحسينى اليزدى (تاريخ كزيده, рукоп. Спб. унив. № 153, стр. 340).

Подъ тѣмъ же заглавіемъ تاريخ آل سلجوق сочиненіе Мухаммеда Хусейни цитуется также въ компиляціи نوادر النقول, сочин. ابو الفتح بن مظفّر[1]). Всѣ свѣдѣнія каталога Rieu о сочиненіи Мухаммеда Хусейни, въ основу котораго было положено сочиненіе неизвѣстнаго автора[2]), доведенное до смерти сельджукскаго султана Махмуда (525=1131), подтверждаются и текстомъ нашего экземпляра. Изложеніе вообще очень краткое; нѣкоторый интересъ представляетъ глава المسايل الملكشاهيّة فى القواعد الشرعيّة, на арабскомъ языкѣ, излагающая правила, установленныя при султанѣ Меликъ-Шахѣ (465—485=1072—1092) для устраненія неосновательныхъ притязаній на земельные участки (л. 26b—27a). Еще въ монгольскую эпоху ссылались въ этомъ отношеніи на мѣры Меликъ-Шаха и его везира Низам-ал-мулька[3]); но подлинный текстъ законовъ Меликъ-Шаха въ другихъ сочиненіяхъ, насколько мнѣ извѣстно, не приводится. Приводимъ текстъ по константинопольской рукописи:

الاولى ان من عقد عقدا على ملك له ظاهرا باسم غيره من بيع او غيره من وجوه التملّكات وسلّمه الى من عقد له وبقى فى يده مدّة على حكم تمليكه بلا منازعة منازع ومخاصمة مخاصم ثمّ ابرز هو او ورثته عقدا مخالف ما (sic) عقده اوّلا لم يسمع دعواه ولم يقم الشهود فيه شهادة ولم يتعرّض لصاحب اليد بانتزاعه عن يده بل يقرّر فى تصرّفه الثانية ان كلّ امرءة عقد زوجها عليها عقد براءة[4] من صداقها على وجه لا يقف عليه اهلها وعشيرتها الاقربون او لم يظهر فى مجلس الحكم حسد ثمّ ادّعى الزوج او ورثته موجبه لم يسمع ولم يقبل البيّنة اصلا الّا اذا علم ما يقتضى صدور ذلك الاقرار منها الثالثة ان من عقد على نفسه عقد بيع عقار ثمّ لم تراجع قيمة ذلك الى نقصان ولم يكن المشترى يشهد على نفسه بالشرى وادّعى انّه لم يشتر وان له حقّ الرجوع الى الثمن لم يلتفت الى دعواه ولم يسمع بيّنته الرابعة ان من وجب عليه حقّ وتوجّهت نحوه الطلبة وادّعى العسرة وكان يعرف به مال[5] فذكر بعض من يتّصل به انّه انتقل منه اليه ما كان يعرف به ولم يوقّف على سبب ملك واقام بيّنة لم يقض بها والزم

1) Rieu, Catalogue, II, p. 769b (Add. 25, 834). Сочиненіе Мухаммеда Хусейни, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ исторіей Сельджукидовъ Садр-ад-дина Хусейни, относящейся къ болѣе раннему времени (ср. З. В. О. I, 243 и слѣд.).

2) По мнѣнію Rieu, имѣется въ виду утраченное сочиненіе Захир-ад-дина Нишабури «Сельджукъ-намэ». См. о немъ еще В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, стр. 31.

3) D'Ohsson, Histoire des Mongols, IV, 451 et 455 (по Рашид-ад-дину).

4) Cod. بزاه.

5) Cod. مالى.

ايصال الحقّ او حبس على ما هو حكم الشريعة الخامسة ان كان امرأة عقد على نفسها لزوجها او عقد بعض اوليائها بحقّ ليريد [ليردّ .l] المصدّق فى مهرها ثمّ ابرزت ما يخالف ذلك ليذهب حقّ الزوج ويستوفى منه الصداق لم يلتفت اليه واجرى الامر فى ذلك على ما يرى اصوب من احد الامرين اما ان يردّ مهرها الى مهر المثل او يقرّر العقد الذى فى يدى الرفيع على حكمه ويقضى للمراة بما سمّى لها من المهر فى اصل النكاح السادسة ان يبالغ فى الاحتياط عند تحمّل الشهادة على النساء ولا يقتصر على واحد من المعرفين وان كان من اقاد بها بل يستوثق فى موضع التهمة والشبهة الى تسكين النفس وارتفاع الانس والحمد لله خالق الجنّ والانس

Дать переводъ и анализъ этого текста предоставляю лицамъ, болѣе меня знакомымъ съ арабской юридической литературой, тѣмъ болѣе, что для этого, вѣроятно, оказалось бы необходимымъ сличеніе со спискомъ Британскаго музея.

Исторія Сельджукидовъ доводится до смерти султана Тогрула (590 = 1194); въ концѣ приводятся имя переписчика и дата рукописи въ слѣдующихъ словахъ (f. 64b):

تمّ فى يوم الجمعة ثانى شهر ربيع الاوّل سنة اثنين وخمسين وسبعماية الهجريّة على يد العبد الضعيف المحتاج الى رحمة الله تعالى احمد بن الحسين بن ساداق الهروى احسن الله عواقبه

Такимъ образомъ, дата рукописи — пятница 2-го реби̒ I 752 = 29 апрѣля 1351 г.; имя переписчика — Ахмедъ ибнъ Хусейнъ ибнъ Са. акъ (Санакъ? см. ниже) ал-Хереви (гератскій).

Въ той же рукописи, чего не сказано въ каталогѣ, мы имѣемъ еще два историческихъ сочиненія, переписанныя тою же рукою.

Названіе перваго приводится на заглавномъ листѣ въ слѣдующихъ словахъ (f. 65a):

تاریخ سلاطین از منشآت صاحب سعید خواجه ناصر الدین منشی طاب ثراه وجعل الجنّة ماواه

Оказывается, что это — тотъ же самый трудъ, посвященный исторіи Кермана, который и въ рукописи Британскаго музея Add. 22, 695 (см. выше стр. 0116, прим. 4) помѣщенъ вслѣдъ за عراقيّة; только въ рукописи Британскаго музея, судя по словамъ Rieu, переплетены вмѣстѣ два

списка, относящіеся къ разнымъ эпохамъ (Rieu относитъ рукопись عراقيّة къ XV, рукопись исторіи Кермана — къ XVI в.), тогда какъ въ нашей рукописи оба сочиненія переписаны одной рукой въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ; переписка исторіи Кермана была закончена еще въ томъ же реби' I 752 г. (число мѣсяца не приводится):

وقد تمّ الكتاب التاريخ (sic) بحمد الله وحسن توفيقه فى شهر ربيع الأوّل سنة اثنين وخمسين وسبعماية الهجريّة حامدا ومصلّيا ومسلّما

То же сочиненіе сохранилось еще въ рукописи Парижской Національной библіотеки Supplem. 1337 (изъ коллекціи Шефера), гдѣ оно носитъ заглавіе تاريخ سلاطين كرمان и также переплетено вмѣстѣ съ исторіей Сельджукидовъ, о которой въ каталогѣ Блошэ только сказано, что она «différente de celle qui fut écrite par Mohammed ibn Abou (sic) Abd Allah el-Hosaini» [1]). Но почему авторъ каталога сопоставляетъ сочиненіе, сохранившееся въ парижской рукописи, именно съ трудомъ Мухаммеда Хусейни, изъ его словъ не видно. Очень вѣроятно, что парижская рукопись, подобно лондонской и константинопольской, заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ исторіей Кермана, сочиненіе Мухаммеда Хусейни и что Блошэ по недосмотру принялъ имя автора этого труда за имя автора его главнаго источника — исторіи Сельджукидовъ, доведенной до 525 (1131) г.

Наконецъ, та же константинопольская рукопись заключаетъ въ себѣ еще третье сочиненіе, со слѣдующимъ заглавіемъ:

تاريخ بادشاه سعيد غياث الدنيا والدين اولجايتو سلطان محمّد طيّب الله مرقده از منشآت ابو القاسم عبد الله بن علىّ بن محمّد القاشانى

Начало:

لطايف نامحدود حمد وسپاس ووظايف نامعدود مدح وشكر بى‌قياس سزاوار نثار حضرت واجب الوجودى كه واهب مواهب امداد جود وفايض انوار وجودست

Мы имѣемъ здѣсь, такимъ образомъ, крайне рѣдкій трудъ Абу-л-Касима Абдаллаха ибнъ Али ал-Кашани по исторіи монгольскаго султана Ульчжэйту (703—716 = 1304—1316), до сихъ поръ бывшій извѣстнымъ только по рукописи собранія Шефера, теперь находящейся въ Парижской Націо-

1) Bibliothèque Nationale. E. Blochet, Catalogue de la collection des manuscrits orientaux arabes, persans et turcs formée par M. Ch. Schefer, Paris 1900, p. 70 sq.

нальной библіотекѣ (Supplem. 1419) и очень кратко описанной въ каталогѣ Блошэ[1]).

Авторъ началъ исторію султана Ульчжэйту послѣ окончанія (اتمام) «Сборника лѣтописей» (جامع التواريخ); о себѣ онъ говоритъ, что долгое время служилъ монгольской династіи:

مؤلّف اين تركيب ومصنّف اين ترتيب بندهٔ كمترين ابو القاسم عبد الله بن على بن محمد القاشانى كه بقدمت خدمت اين خاندان خلوداساس موسوم است وناصيهٔ او بداغ عبوديت مرقوم

Послѣ разсказа о жизни Ульчжэйту до вступленіе на престолъ помѣщено завѣщаніе Газанъ-хана, приводимое также (въ нѣсколько иной редакціи) продолжателемъ Рашид-ад-дина[2]); заглавіе въ нашей рукописи:

نسخهٔ هى وصايا از املاء غازان خان كه بعد ازو امرا ووزرا بالتمغاها باطراف عالم بعموم خلايق شنوانيدند توكّلت على الله غازان يرليغيدين

За этимъ турецкимъ вступленіемъ, котораго нѣтъ у продолжателя Рашид-ад-дина, идетъ сплошной персидскій текстъ.

Изъ разсказовъ объ отдѣльныхъ событіяхъ царствованія Ульчжэйту можно привести разсказъ[3]) о прибытіи пословъ изъ Китая, отъ Тимуръ-каана, и изъ Средней Азіи, отъ Чапара, сына Кайду, въ субботу 17-го сафара 704 (19 сентября 1304) г.

روز شنبه هفدهم صفر سنهٔ اربع موافق نوزدهم بيريكرمينج اى وصول ايلچيان تيمور قاان بوذ وچابار بسر شهزاده قايدو

Между прочимъ послы принесли слѣдующее извѣстіе о подробностяхъ смерти Кайду:

خلاصهٔ مقال آنكه قايدو در اوايل رجب سنهٔ اثنى وسبعمايه هلالى بجاغ غازان عادل از مصاف جريك تيمور قاان باز كشته بعرض مرضى مبتلا شد وامير حيدر طبيب

1) E. Blochet, Catalogue de la collection... formée par M. Ch. Schefer, p. 95 sq. — Bibliothèque Nationale. E. Blochet, Catalogue des manuscrits persans, t. I, Paris 1905, p. 283—284 (№ 450)

2) Рукоп. Аз. Муз. a566, f. 444b—445a (при ссылкахъ на эту рукопись вездѣ принята первоначальная—восточная—пагинація). Ср. d'Ohsson, Histoire des Mongols, IV, 351—353.

3) Рукоп. Аз. Муз. a566, f. 446b. Здѣсь هفتم, но въ парижской рукописи, очевидно, هفدهم, такъ какъ у д'Оссона (Histoire des Mongols, IV, 483) указана дата 19 сентября.

اورا بیست وبنج عدد حبّ اسهال داذ در اسهال دموی بدرد شکم در کذشت بحدود قراقورم در مرحلهٔ قلان باشی

О смерти Кайду (или Хайду) въ мусульманской литературѣ до сихъ поръ были извѣстны два разсказа. По Рашид-ад-дину Кайду и джагатайскій ханъ Дува (или Тува) въ 701 (сентябрь 1301 — августъ 1302) г. были разбиты войсками великаго хана Тимура и оба получили раны, отъ которыхъ Кайду умеръ, а Дува остался неизлечимо больнымъ[1]); извѣстіе объ этомъ было получено въ Персіи только въ шаʿбанѣ 702 (мартъ-апрѣль 1303) г.[2]) Вассафъ относитъ этотъ походъ къ началу 700 (осень 1300) г.; побѣду, по его словамъ, и въ этой битвѣ, по обыкновенію, одержалъ Кайду и уже на обратномъ пути умеръ отъ болѣзни[3]). По китайскимъ источникамъ[4]) побѣда принадлежала войскамъ великаго хана, но и эти источники объясняютъ смерть Кайду болѣзнью во время обратнаго пути. Подробности объ этой болѣзни (кровавый поносъ, вызванный слишкомъ большимъ пріемомъ слабительныхъ пилюль) сообщаетъ только нашъ авторъ[5]); только у него указывается также мѣсто смерти Кайду, хотя «мѣстность Куланъ-баши» (нынѣ станція Тарты въ Сыръ-Дарьинской области) едва ли можетъ быть причислена къ «предѣламъ Каракорума». Хронологическое опредѣленіе нашего автора (въ реджебѣ 702 = февраль-мартъ 1303 г.) во всякомъ случаѣ неточно; по словамъ среднеазіатскаго современника событія, Джемаля Карши, Кайду умеръ еще въ началѣ 701 (осенью 1301) г.[6]). Ошибка объясняется отчасти позднимъ полученіемъ при дворѣ ильхановъ извѣстій изъ Средней Азіи, на что указываетъ и разсказъ Рашид-ад-дина, отчасти позднимъ вступленіемъ на престолъ сына и преемника Кайду, Чапара (по Джемалю Карши въ шаввалѣ 702, т. е. между 19 мая и 16 іюня 1303 г.).

---

1) Рукоп. Аз. Муз. a566, f. 173a: ودر شهور سنهٔ احدی وسبعمایه قایدو وبایدر (ودوا .l) بسر براق باتّفاق با لشکر تیمور قاان مصاف داده اند وشکسته کشته ودر آن جنك هر دورا زخم رسیده قایدو بآن زخم مرده وبایدو (ودوا .l) هنوز بدان زخم مبتلاست واز دوای آن عاجز.

2) Ibid. f. 373b: وسه شنبه ششم شعبان از قلعهٔ رحمه کوج فرمود واز طرف خراسان خبرهای خوش رسید که لشکر قایمو (قایدو .l) منهزم کشت که قایدو نماند ودوا مجروحست.

3) Рукоп. Публ. библ. V, 3, 24, f. 309. Ср. d'Ohsson, Histoire des Mongols, II, 516.

4) D'Ohsson, l. c.

5) Замѣчательно, что подобная же причина вызвала, по словамъ продолжателя Рашид-ад-дина, смерть султана Ульчжэйту (ср. d'Ohsson, Histoire des Mongols, IV, 586).

6) В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, стр. 138.

Разсказъ доведенъ до смерти султана Ульчжэйту, послѣдовавшей, по словамъ нашего автора,

در روز جهار شنبه بيست وهفتم رمضان سنهٔ ستّ وعشر (sic) وسبعمايه موافق ماه
جقساباط اى ييلان ييل بهنكام عصر

Средой былъ однако, не день 27-го, а день 29-го рамазана 716 г. (15 дек. 1316 г.); по эрѣ цикла 1316 г. былъ не годомъ змѣи, а годомъ дракона. День 29-го рамазана 716 г. указанъ у Вассафа, хотя этотъ день названъ пятницей [1]). У продолжателя Рашид-ад-дина въ этомъ случаѣ названъ день 30-го рамазана [2]) (16 дек.), и эта послѣдняя дата принята д'Оссономъ [3]). Наконецъ, по Хамдаллаху Казвини [4]) и по Хафизи-Абру [5]) Ульчжэйту умеръ 1-го шavваля (17 декабря).

Вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти Ульчжэйту приводится еще извѣстіе о смерти въ Туркестанѣ джагатайскаго царевича Дженкши.

وهم در شهور سنهٔ سبع وعشر (sic) جنكسى (sic) بسر ييسور بزرك در ديار تركستان
وفات يافت وشب اميدش بسحر ياس رسيد وصباح صيام فرو خواند

Заключительная глава (خاتمه) посвящена анекдотамъ (لطايف) изъ жизни султана Ульчжэйту. Послѣдній изъ этихъ анекдотовъ слѣдующій:

لطيفهٔ ديكر كتاب جامع التواريخ كه تاليف اين ضعيف بود وبنام مباركش تمام كرده
خواجه رشيد الدوله برو عرض كرد در حقّ او جندان سيورغاميشى وعاطفت واصطناع
فرموذ كه هيج باذشاه [را] در حقّ هيج وزير آن جنان موهبت واحسان وعطيّت واكرام
وانعام معهود ومعتاد نبوذه ودرجهٔ او عالى كرد وسرش بآسمان رسانيد وبنجاه تومان
مال بر سبيل مواجب وادرار در حقّ او انعام واحسان فرموذه در هر ناحيتى دو
باره ديه معظّم وقريهٔ معمور معتبر كه مجموع آنرا بمبلغ بيست تومان هر سال بضمان
است وهمجنين ديكر كرامات وانواع تشريفات وانعامات كه از عهد آدم عليه السلم
تا اكنون هيج باذشاهى بجائزهٔ لوح محفوظه (sic) نيافته باشد وبا آنك بمنصف شرط

---

1) Рукоп. Публ. Библ. V, 3, 24, f. 432.
2) Рукоп. Аз. Муз. а566, f. 477b: در سلخ رمضان.
3) D'Ohsson, Histoire des Mongols, IV, 586.
4) تاريخ كزيده, рукоп. Спб. унив. № 153, стр. 333.
5) Рукоп. Публ. библ. Dorn 290, f. 256a.

کرده بوذ دانکی ازان بموّلف وجامع ومصنّف آن کتاب نداد بلی بواسطهٔ آن دو سه نفر جهود خودرا ترتیب کرد ومشاهره (sic) وادرار رسید واین ابیات میخواند

زآفتاب این مکرمت هرکز کجا بیند هلال
وز سحاب این عاطفت هرکز کجا بیند خیال
کز عطاء دست شاهنشاه عالم دید ویافت
این ضعیف نیکخواه وجاکر منّت‌سکال

Въ этомъ анекдотѣ, такимъ образомъ, повторено то же самое, по существу крайне невѣроятное обвиненіе Рашид-ад-дина въ плагіатѣ, которое уже было приведено въ текстѣ книги въ отрывкѣ, сообщенномъ Шеферомъ [1]). Однако, стиль нашего автора существенно отличается отъ стиля Рашид-ад-дина; приведенные выше отрывки, вѣроятно, убѣдятъ въ этомъ каждаго читателя, знакомаго со «Сборникомъ лѣтописей». Изъ текста нашей рукописи видно, что, вопреки тексту, приведенному въ статьѣ Шефера [2]), сумма въ 50 томановъ обозначаетъ не стоимость имѣній, подаренныхъ Рашид-ад-дину и приносившихъ 20 томановъ ежегоднаго дохода, а размѣръ денежнаго вознагражденія, полученнаго Рашид-ад-диномъ независимо отъ подаренной ему недвижимости. По словамъ Кашани, Рашид-ад-динъ заранѣе обѣщалъ удѣлить настоящему автору половину вознагражденія, но потомъ присвоилъ его исключительно себѣ.

Непосредственно за этимъ анекдотомъ слѣдуетъ запись переписчика:

تمّ الکتاب بحمد الله وحسن توفیقه والصلوة علی نبیّه محمد وآله اجمعین تحریرا فی سلخ ربیع الاخر سنة اثنین وخمسین وسبعمایه علی یدی العبد الضعیف المحتاج الی رحمة الله تعالی احمد بن الحسین بن ساناق عفّا الله عنهم حامدا الله تعالی ومصلّیا ومسلّما والسلم

Такимъ образомъ переписка сочиненія была закончена въ послѣдній день реби̒ II 752 (25 іюня 1351) г. Уже вслѣдъ за записью переписчика помѣщена касида, занимающая послѣдніе пять листовъ рукописи и, вопреки словамъ Блошэ, прославляющая не только султана Ульчжэйту, но также

1) Centenaire de l'école des langues orientales vivantes, Paris 1895, p. 12.

2) Ср. также В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, стр. 47 и слѣд. Мною тамъ уже было высказано предположеніе, что Кашани могъ принимать участіе въ собираніи матеріаловъ для «Сборника лѣтописей»; то же самое мнѣніе высказываетъ и Блошэ.

городъ Султанію, преемника Ульчжэйту Абу-Са῾ида и везира نظام الدين عبد الملك. Послѣднее имя могло бы болѣе точно опредѣлить время составленія касиды; но, насколько мы могли установить, оно не упоминается среди именъ везировъ царствованія Абу-Са῾ида[1].

Изслѣдованіе рукописи AS 3019 не оправдало, такимъ образомъ, ожиданій, вызванныхъ словами каталога; сочиненіе по исторіи Сельджукидовъ, заключающееся въ этой рукописи, не представляетъ собою unicum; за то въ той же рукописи оказались еще два крайне рѣдкихъ сочиненія, не упомянутыя въ каталогѣ, притомъ въ спискахъ, отдѣленныхъ всего однимъ поколѣніемъ отъ времени составленія самыхъ трудовъ, тогда какъ единственный бывшій до сихъ поръ извѣстнымъ списокъ послѣдняго труда относится къ началу XIX в.

Jj 827.

Въ каталогѣ это сочиненіе по исторіи Сельджукидовъ приписано Джемаль-ад-дину Али ибнъ Юсуфу ал-Кифти, извѣстному автору исторіи философовъ, умершему въ 646 (1248) г.[2]) У Хаджи-Хальфы (II, 109) дѣйствительно упоминается تاريخ آل سلجوق, сочиненіе Кифти[3]), но изъ текста нашей рукописи совершенно не видно, чтобы она имѣла какое-нибудь отношеніе къ этому труду, повидимому, утраченному. На заглавномъ листѣ только сказано, что сочиненіе принадлежитъ لمولانا جلال الدين قدّس سرّه; тамъ-же, повидимому, другой рукой, приводится слѣдующее заглавіе:

مسامرة الاخبار ومسايرة الاخيار وفيه تواريخ الخلفاء وآل سلجوق وجنكيز وهلاكو وقازان خان

Заглавіе مسامرة الاخبار ومسايرة الاخيار («бесѣда объ извѣстіяхъ и соперничество хорошихъ») дано этому труду, повидимому, не переписчикомъ, а самимъ авторомъ, хотя и не встрѣчается въ текстѣ. Подъ тѣмъ же заглавіемъ онъ цитуется единственнымъ авторомъ, который, насколько мнѣ извѣстно, пользовался имъ, именно «главой астрономовъ» (Мунадджимъ-баши) Ахмедъ-эфенди, авторомъ تاريخ منجّم باشى (написаннаго въ XVII в. по арабски и пе-

---

1) Возможно, что имѣется въ виду одинъ изъ двухъ сыновей везира Али-шаха, которые послѣ смерти своего отца (въ 1324 г.) нѣкоторое время были министрами и которые у продолжателя Рашид-ад-дина не названы по именамъ (рукоп. Аз. Муз. a566 f. 504b и d'Ohsson, Histoire des Mongols, IV, 665). У Хамдаллаха Казвини (рукоп. Спб. унив. № 153, стр. 337) названъ по имени только старшій изъ братьевъ امير محمد.

2) О немъ см. C. Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur, I, 325.

3) Ср. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, стр. 31.

реведеннаго въ XVIII в. на турецкій языкъ). Среди персидскихъ источниковъ Мунадджимъ-баши трудъ нашего автора названъ рядомъ съ извѣстнымъ трудомъ Ибнъ-Биби[1]):

ابن بیبی‌نك سلاجقهٔ روم تاریخی ینه احوالنده علمادن بر كمسنه‌نك مسامرة الاخباری

Что Мунадджимъ-баши дѣйствительно пользовался трудомъ нашего автора, видно изъ разсказа о нападеніи франковъ на Синопъ въ 698 (1299) г., приводимаго д'Оссономъ[2]) по تاریخ منجم باشی и находящагося также въ مسامرة الاخبار. Помѣщаемъ параллельно текстъ обоихъ авторовъ:

تاریخ منجّم باشی III, 32.

۶۹۸ سنه‌سنده فرنك كفره‌سی عادتلری
اوزره بر قاچ سفینه ایله سینوب اسكله‌سنه
بناشوب متاعلرین چیقاردیلر وخلق
ایله بیع وشرایه باشلدیلر بر كون خلق
مشغول ایكن فرنك على الغفلة بكك[4]
سراینه هجوم وكندویی اسیر ایلیوب
سفینه‌لرینه وضع [ایلدیلر] وفرنكستانه
ایلتدیلر بعد زمان طقوز یوك اقچه
بها ایله چیقوب ینه ملكنه كلدی

Jj 827[3]).

واقعهٔ كه در آن ایّام واقع شد قرب
یكهزار فرنك جوشن‌ور بكشتیها بساحل
سینوب آمدند وببهانهٔ بیع وشری فوجی
از كشتی بدر آمدند وبفروختن غلّه
مشغول شدند جندانك اهل سینوب
بمبایعت ایشان فریفته شدند وعلى
حین غفلة من اهلها هجوم كردند ومسعود
بك كرفتار شد ودر كشتی نشاندند
وقصد قتل او كردند جون در اجل
اخیرتی بود بعد طول المقال بنهصد هزار
درم اورا باز فروختند وخلاص یافت

Изъ словъ Мунадджимъ-баши, что авторомъ مسامرة الاخبار былъ «кто-то изъ улемовъ», видно, что и въ его спискѣ, какъ въ нашемъ, имя автора не было названо. Авторъ написалъ свой трудъ въ 723 (1323 г.); въ текстѣ онъ приводитъ о себѣ нѣкоторыя біографическія подробности, которыя, можетъ быть, впослѣдствіи, когда исторія Малой Азіи будетъ лучше разработана, дадутъ возможность опредѣлить его имя. Разсказавъ о возстаніи شرف الدین بن خطیر (въ 1276 г.[5]) онъ прибавляетъ:

---

1) تاریخ منجّم باشی, констант.-изд., I, 7.

2) D'Ohsson, Histoire des Mongols, III, 500.

3) Рукопись, къ сожалѣнію, не имѣетъ пагинаціи.

4) Выше (на той же страницѣ) былъ названъ бекъ مهذّب الدین مسعود.

5) Объ этомъ возстаніи и его усмиреніи см. Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, IV, 312—315. По словамъ Ибнъ-Биби (ibid. 316), въ теченіе слѣдующей весны

مؤلّف كويذ من نيز در آن ديوان قلمى داشته بوذم وبر صحيفهٔ آن دولت رقمى نكاشته امّا جون آن متابعت كرها لا طوعا اضطرارى بوذ نه اختيارى واز تصرّفات اموال مواضع جون ديكر جماعت طامع تعرّضى نرسانيده بوذم ومن جميع الوجوه برى الساحة بوذم واز آن خمير مفسدت فطيرى نيافته از آن ورطه الى نديذه جون موى از خمير بيرون آمذم

«Авторъ говоритъ: Я тоже имѣлъ перо въ томъ диванѣ и написалъ строку на страницу той державы; но такъ какъ я послѣдовалъ за ними невольно, а не охотно, по принужденію, а не по собственному выбору, такъ какъ я не посягнулъ на имущество (людей) въ разныхъ мѣстахъ, какъ другіе корыстные люди, и такъ какъ я во всѣхъ отношеніяхъ былъ невиннымъ, то я отъ тѣхъ дрожжей не испыталъ порчи прѣснаго тѣста, вышелъ невредимымъ изъ той пропасти и поднялся изъ дрожжей, подобно волосу».

И такъ, авторъ еще за 47 лѣтъ до написанія своего труда принималъ участіе въ событіяхъ государственной жизни; изъ этого видно, что сочиненіе было написано имъ въ старости, послѣ долголѣтней службы государству въ качествѣ чиновника. Неудачное возстаніе, въ которомъ онъ принялъ въ дни своей молодости невольное участіе, оставило въ немъ, повидимому, неизгладимое впечатлѣніе; его разсказы о дальнѣйшихъ событіяхъ этой эпохи проникнуты отвращеніемъ ко всякимъ безполезнымъ попыткамъ насильственнаго переворота, только увеличивающимъ страданія неповиннаго и беззащитнаго населенія. Египетскій султанъ Бейбарсъ послѣ своей побѣды надъ монголами весной 1277 г. занялъ Кесарею, пробылъ въ этомъ городѣ всего сорокъ дней [1]) и потомъ отступилъ изъ Малой Азіи; но этого времени было достаточно, чтобы прокламаціи (ферманы), въ которыхъ онъ призывалъ турецкое населеніе къ возстанію противъ монголовъ, сдѣлали свое дѣло. По этому поводу авторъ замѣчаетъ, что бѣдствія, постигнувшія «за̀мокъ румскаго государства» вслѣдствіе выступленія Бейбарса, походили на землетрясеніе: «это было причиной смутъ и возбужденія мятежниковъ; до настоящаго времени еще не достигнуто успокоеніе».

كويى خروج او زلزال نوايب بود كه در قصر مملكت روم افتاد كه سبب غوغا واغراء اهل بغى كشت تا غايت وقت آرام نكرفته است

послѣ этихъ событій произошелъ походъ египтянъ на Малую Азію, относящійся, какъ извѣстно, къ 1277 г. (ср. d'Ohsson, Histoire des Mongols, III, 481 и слѣд.).

1) У Ибнъ-Биби (Recueil de textes etc. IV, 317—318) время пребыванія султана въ Кесареѣ не опредѣлено; по д'Оссону (Histoire des Mongols, III, 484—487, ссылка на Ибнъ-Тагриберди) всего 5 дней, по Дженнаби (рукоп. Аз. Муз. № 528, стр. 228) 7 дней.

Разсказавъ о возстаніи جمری[1]) (1278 г.) и о разграбленіи монгольскими войсками Аксарая, авторъ прибавляетъ «Причиной той смуты и возмущенія былъ онъ; быть убитыми и ограбленными пало на долю невиннымъ».

باعث آن مفسدت وعصیان او بود قتل وغارت نصیب بی‌گناهان شد

Во время безпорядковъ, происходившихъ въ Румѣ въ концѣ XIII в. вслѣдствіе возстанія Тогачара и послѣ него Балту[2]), авторъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, по совѣту везира Мухьи-ад-дина Ахмедъ-шаха, удалились ко двору государя. Объ участіи автора въ дальнѣйшихъ событіяхъ жизни страны не говорится. Сочиненіе было написано во время намѣстничества Тимуръ-Таша[3]) (خسرو عادل تیمور تاش نوین), къ имени котораго прибавляется формула زید دولته (да возвеличится его счастіе). Дата рукописи указана, но цифры отчасти стерлись; повидимому, было указанъ 745 (1344—45) г. Имя переписчика محمد بن علی الکاتب.

Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на четыре части; въ первой говорится о пользѣ исторіи и о хронологическихъ системахъ, во второй—объ исторіи пророковъ и халифовъ до взятія Багдада монголами, въ третьей — объ исторіи Сельджукидовъ до времени султана Гіяс-ад-дина Кай-Хусрау, сына Ала-ад-дина Кай-Кубада (634—643=1236—1245); наконецъ, четвертая содержитъ «разсказъ о ханахъ, султанахъ, везирахъ, эмирахъ и должностныхъ лицахъ, опредѣленіе ихъ обстоятельствъ, событій эпохи и выступленія турецкихъ мятежниковъ въ Румѣ, чему былъ свидѣтелемъ авторъ во время своей службы въ диванахъ»:

فی ذکر الخواقین والسلاطین والوزرا والامرا واصحاب المناصب وتعیین حالاتهم واحداث الزمان وخروج خوارج[4] الاتراك فی الروم مما شاهده المؤلّف فی مدّة الملازمة فی الدواوین

Изъ словъ автора въ началѣ второй части видно, что передъ нимъ, по крайней мѣрѣ при составленіи этой части книги, былъ арабскій оригиналъ, нѣсколько сокращенный въ его персидскомъ переводѣ:

---

1) См. о немъ Ибнъ-Биби (Recueil de textes etc., IV, 323—333) и J. v. Hammer, Geschichte des Osmanischen Reiches, 2-te Ausgabe, I, 168 (по Нешри).

2) D'Ohsson, Histoire des Mongols, IV, 167 и слѣд., 196.

3) Назначенъ въ 717 (1317) г. (d'Ohsson, Histoire des Mongols, IV, 605); возсталъ противъ ильхана Абу-Саʿида и покинулъ Малую Азію въ концѣ 1327 (въ сафарѣ 728) г. (ibid. 689).

4) Слово خوارج пропущено въ общемъ оглавленіи, но оно находится въ заголовкѣ четвертой части.

جنين كويند مترجّم اين اصل ومؤلّف اين فصل كه اين مقالات از اوج عبارت وبلاغت تازى كمات العقل (sic) در حضيض كشوت بارسى بعينه ورسمه آنج مقصود بوذ انتخاب نموده وترجمه كرده در قلم آورد

Исторія Сельджукидовъ излагается въ третьей части очень кратко; послѣднія слова этой части (послѣ разсказа о султанѣ Ала-ад-динѣ Кай-Кубадѣ):

سلطان غياث الدين كيخسرو بسرش بعد ازو بر تخت نشست واز لشكر مغل در كوسه طاغ [1] شكسته شد وهشت سال بادشاهى كرد بعد ازو سلطنت بفرزندان او منتقل شد جنانكه بعد ازين در اصل جهارم ياد كرده آيد ان شاء الله تعالى

Самостоятельный интересъ представляетъ, такимъ образомъ, только послѣдняя часть, разсказывающая о событіяхъ второй половины XIII и начала XIV вв., о которыхъ авторъ по своей службѣ «въ диванахъ» могъ быть хорошо освѣдомленъ, хотя сопоставленіе его хронологическихъ опредѣленій съ опредѣленіями другихъ источниковъ показываетъ, что ему иногда измѣняла память. Султаны, везиры и ихъ подчиненные иногда являются передъ нами какъ живые, хотя едва ли эти характеристики составлены съ полнымъ безпристрастіемъ.

Въ началѣ четвертой части приводятся, съ распредѣленіемъ по графамъ, слѣдующія свѣдѣнія о дани, наложенной на Румъ при монгольскомъ завоеваніи.

	مقاطعهٔ مال روم		اختا
نقد	اجناس — ([2]	ديمهٔ	بانصد سر
بيست تومان	وكمخا وانطالى[3]	زركوبى	استر
	بانصد	سيصد هزار قطع	بانصد سر

Т. е. Румъ долженъ былъ доставлять монголамъ ежегодно 20 томановъ деньгами, 500 кусковъ различныхъ шелковыхъ тканей, 300,000 кусковъ лучшаго сорта кожи, 500 коней и 500 муловъ[4]).

1) Объ этой битвѣ d'Ohsson, Histoire des Mongols, III, 81 и слѣд. Дата битвы по Ибнъ-Биби (Recueil etc., IV, 239) пятница 6-ое мухаррема 641 (26 іюня 1243) г.

2) Слово въ рукописи частью стерто; въ началѣ, повидимому, دىد, въ концѣ ح.

3) Въ рукописи безъ точекъ; вѣроятно, прилагательное отъ названія города انطاليه (нынѣ Адалія, на южномъ берегу Малой Азіи).

4) Ср. цифры у д'Оссона (Histoire des Mongols, III, 83) изъ Speculum historiale Винценція. У Ибнъ-Биби (Recueil etc., IV, 245 и слѣд.) при упоминаніи договора величина дани не опредѣлена. Впослѣдствіи, при Газанъ-ханѣ (1295—1304 гг.) вся дань была переведена на деньги и опредѣлена въ 60 томановъ (d'Ohsson, Histoire des Mongols, IV, 204).

После заключенія этого договора султанъ Изз-ад-динъ Кай-Кавусъ утвердился на престолѣ въ Коньѣ; его везиръ Шемс-ад-динъ Баба Тограи послѣ возвращенія султана отправился ко двору монгольскаго хана и обязался доставлять богатые дары монгольскимъ войскамъ; онъ первый ввелъ этотъ обычай въ Румѣ.

برین مجمع یرلیغ بنفاذ بیوست وباستقلال واستظهار ونوازش تمام بهم معاودت نمودند وسلطان عزّ الدین بمقرّ دار الملك قونیه بیوست وبر تخت سلطنت نشست وشمس الدین بابا طغرایی بعد از معاودت سلطان ببندگیٔ بادشاه توجّه نمود وتوفیرات بسیار التزام کرد واوّل کسی که راه توفیر لشکر مغول در روم باز کشاد او بود

Возвратившись въ Конью, Шемс-ад-динъ Тограи сдѣлался полновластнымъ везиромъ; ради увеличенія денежныхъ средствъ онъ сталъ задерживать уплату содержанія служащимъ и сталъ издавать несправедливыя распоряженія; дошло до того, что во всемъ царствѣ ни одинъ изъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ, не исключая лицъ изъ свиты султана, не могъ получать своего содержанія безъ особаго приказа отъ везира; но этотъ суровый образъ дѣйствій оказался гибельнымъ для самого везира.

ومدّتی در مسند وزارت تمکین یافت ودر تزاید مال واحتباس معایش اندیشهاء فاسد در دل کرفت وتحکّمات فاحش آغاز نهاد جنانکه در تمامت ممالك هیج کس را از سرلشکران ونوّاب ولایات تا بخدم وحواشیٔ سلطان بی حکم مثال او دست تصرّف معیشت نبود وآن شیوهٔ شدّت بر او نامبارك آمد

Его дѣятельность закончилась насильственной смертью и конфискаціей имущества; подробности объ этомъ событіи не сообщаются [1]). Его преемникъ Фахр-ад-динъ Али ибнъ Хусейнъ хорошо правилъ государствомъ, хотя не обладалъ знаніями. Какъ при халифѣ Аліи документы дивановъ были переведены съ греческаго и персидскаго языковъ на арабскій, такъ теперь ихъ по распоряженію везира Фахр-ад-дина Али перевели съ арабскаго на персидскій [2]), чтобы самъ везиръ могъ читать всѣ документы.

ودر زمان وزارت صاحب فخر الدین علی از تازی بپارسی باز کردانیدند تا بر حسب ادراك واستعداد خویش از مطالعهٔ او جیزی فوت نشود

1) Ибнъ-Биби (Recueil etc., IV, 295), говоря о смерти везира, не упоминаетъ ни о насильственномъ характерѣ этой смерти, ни о конфискаціи имущества.

2) Крайне невѣроятно, чтобы въ Малой Азіи арабскій языкъ до XIII в. оставался языкомъ оффиціальныхъ документовъ.

Далѣе приводятся свѣдѣнія объ отъѣздѣ султана Изз-ад-дина, о его жизни въ Константинополѣ, о заговорѣ и заключеніи султана въ крѣпость, объ освобожденіи его во время похода золотоордынскаго хана Беркая[1]) и о его пребываніи въ Крыму. Прибавлено, что Беркай хотѣлъ предпринять походъ для возвращенія Изз-ад-дину престола, но умеръ до исполненія этого намѣренія.

Послѣ отъѣзда Изз-ад-дина правителемъ Рума остался его братъ Рукн-ад-динъ. Не лишена интереса слѣдующая характеристика этого султана[2]): «Его смѣлость въ верховой ѣздѣ доходила до такой степени, что онъ поднимался и спускался верхомъ по ступенямъ лѣстницы дворца Акъ-Сарай. Сколько ни останавливали его везиры, указывая на возможность несчастія, онъ не обращалъ вниманія».

جابكسوارئ او بحدّى بوذ كه با نردهبايهٔ نردبان سراى آقسرا سوار بالا رفتى وسوار فروذ آمدى جندانكه منع ميكردند وزرا كه خطايى حادث شود التفات نمىنمود

Изъ событій царствованія Рукп-ад-дина упоминается взятіе Синопа[3]) Муʿин-ад-диномъ Перване; владѣтель غيرار (sic) былъ убитъ, мечеть, прежде обращенная въ церковь, снова была обращена въ мечеть.

Разсказъ о возстаніи того же Муʿин-ад-дина Перване и объ убіеніи султана нѣсколько отличается отъ разсказовъ другихъ источниковъ. Передъ разсказомъ о возстаніи приводятся многіе примѣры жестокости султана, вызвавшей возмущеніе; о смерти султана говорится, что онъ былъ тайно отравленъ, причемъ народу объяснили его смерть пьянствомъ[4]). Событіе произошло въ 664 (1265—66) г.[5]); сыну убитаго, Гіяс-ад-дину Кай-

1) Ибнъ-Биби (Recueil etc., IV, 298) приписываетъ освобожденіе султана Саинъ-хану, т. е. Батыю, Дженнаби (рукоп. учебн. отдѣл. вост. яз. № 92, f. 195a) — Менгу-Тимуру; по этому источнику событіе произошло въ 668 (1269—1270) г., когда, дѣйствительно, правилъ уже Менгу-Тимуръ; однако византійскіе источники, которыми пользовался д'Оссонъ (Histoire des Mongols, III, 478) называютъ 1265 г., и у д'Оссона походъ также приписанъ Беркаю (ср. о томъ же еще изд. Лагуса Seïd Locmani ex libro Turcico qui Oghuzname inscribitur excerpta, p. 34). Разсказъ Дженнаби основанъ, повидимому, на разсказѣ Нувейри (В. Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, т. I, стр. 153 и слѣд.), съ которымъ, однако, несогласны разсказы Муфаддаля (id. opus, стр. 190 и слѣд.) и Захаби (id., стр. 203).

2) Ср. характеристику его же у Ибнъ-Биби (Recueil etc., IV, 298).

3) По Ибнъ-Биби (Recueil etc., IV, 299) послѣ двухлѣтней осады. Имя владѣтеля у Ибнъ-Биби не названо, сказано только, что городъ былъ вырванъ изъ рукъ «трапезунца» (طرابزونی), овладѣвшаго имъ воровскимъ способомъ (بوجه سرقه).

4) Разсказъ Ибнъ-Биби тоже упоминаетъ о пирахъ и объ отравленіи, но по этому разсказу монгольскимъ эмирамъ все-таки пришлось ускорить дѣйствіе яда, и они задушили султана тетивой лука (Recueil etc., IV, 303).

5) По Ибнъ-Биби (Recueil etc., IV, 302) въ среду 2-го джумади I 664 г. (10 февр. 1266 г.). 664 г. указанъ также у Хамдаллаха Казвини (рукоп. Спб. унив. № 153, стр. 282).

Хусрау, возведенному на престолъ Муʿин-ад-диномъ, было всего шесть лѣтъ [1]).

Вся власть при такихъ условіяхъ осталась въ рукахъ Муʿин-ад-дина Перване. О личныхъ качествахъ этого правителя и о его управленіи нашъ авторъ, подобно Ибнъ-Биби [2]), говоритъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. При немъ поддерживался обычай, соблюдавшійся еще при Меликъ-Шахѣ и другихъ сельджукскихъ султанахъ: представители науки собирались по пятницамъ утромъ и за царскимъ угощеніемъ бесѣдовали о вопросахъ шаріата; при этомъ выяснялась степень учености каждаго, и сообразно этому распредѣлялись должности, имѣвшія связь съ религіей.

آيين سلطنت خصوصا محفل بامداد روز جمعه جنانك از عهد سلطان ملكشاه وسلاطين سلجوق رسمی معتاد بود بر قرار ميداشتند والوان طعام شاهانه در اوقات بامداد جمعه مرتّب بوذ علماء عصر در محافل مسائل شرعی بحث ميفرمودند ورجحان هر كسی از فاضل ومفضول ظاهر ميشد تا بر قدر استحقاق واستعداد هر فاضل منصبی از مناصب دينی مقرّر ميكردانيدند

Авторъ сравниваетъ этихъ ученыхъ съ казіями своего времени: «Они стояли во главѣ стола наукъ вѣры, а та толпа негодныхъ казіевъ, которые теперь занимаютъ это мѣсто въ областяхъ, люди безъ знаній и талантовъ, были бы недостойны мыть посуду въ ихъ кухнѣ. Тѣ открывали истину, а этимъ они не довѣрили бы даже храненіе своихъ туфель» [3]).

وزمرهٔ قضاة متبطّل كه اكنون در ممالك بدان منصب موسوم اند جون ايشان مايده‌سالار علوم دينی بودند اين بی‌خبران وبی‌هنران كاسه‌شوئی مطبخ ايشانرا لايق نه بودندی در مقابلهٔ كشف ايشان بكفش‌داری شايسته نديدندی

Дальше говорится о возстаніи Шереф-ад-дина, въ которомъ, какъ мы видѣли (стр. 0126), принималъ участіе самъ авторъ. Въ томъ же году былъ разграбленъ малоазіатскими турками богатый караванъ франковъ:

Д'Оссонъ (Histoire des Mongols, III, 479), ссылающійся на Мунадджимъ-Баши, Нувейри и Макризи, относятъ событіе къ 666 (1267—1268) г.; та же дата указана у Дженнаби (рукоп. учебн. отдѣл. № 92, л. 195а).

1) По Ибнъ-Биби (Recueil IV, 303) $2^1/_2$ года; по Дженнаби (l. c.)—4 года; также у д'Оссона (l. c.).

2) Recueil etc., IV, 320 и слѣд.

3) Въ подлинникѣ непереводимая игра словъ.

جماعتی دیکر از اتراك اوج قافلهٔ فرنك زده بودند واموال نقود واجناس بسیار غارت کرده

Къ 676 (1277—1278) г. авторъ, едва ли правильно[1]), относитъ побѣду надъ монголами египетскаго султана Бейбарса (الملك الظاهر). Отступленіе египетскихъ войскъ изъ Кесареи объясняется недостаткомъ провіанта; съѣстные припасы такъ поднялись въ цѣнѣ, что гарнецъ хлѣба нельзя было достать за 40 дирхемовъ, и даже пудъ изюма покупали за 10 дирхемовъ.

مدّی غلّه بجهل درم یافت نمی‌شد وجون غلّه یافت نمی‌شد منّی مویز بده درم می‌خریدند

Послѣ разсказа о смерти Муʿин-ад-дина Перване приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о поэтѣ Джелаль-ад-динѣ Руми, который названъ مولانا جلال الدين محمد بلخى, родившемся въ 605 (1208—09) и умершемъ въ 673 (1274—75) гг.[2]) Дальше говорится о возстаніи جمرى и Мухаммедъ-бека Караманскаго; не сказано ничего о томъ, что во время этого возстанія, какъ утверждаетъ Ибнъ-Биби[3]), турецкій языкъ впервые былъ сдѣланъ языкомъ оффиціальныхъ документовъ, до того времени писавшихся на персидскомъ языкѣ. Въ усмиреніи возстанія принялъ дѣятельное участіе молодой султанъ Гіяс-ад-динъ Кай-Хусрау; вскорѣ послѣ этого онъ долженъ былъ уступить часть Малой Азіи своему двоюродному брату Масʿуду, сыну Изз-ад-дина, прибывшему изъ Крыма черезъ Синопъ и въ 679 (1280—1281)[4]) г. получившему грамоту отъ ильхана Абаки.

Султанъ Гіяс-ад-динъ Масʿудъ[5]) оставался вассальнымъ владѣтелемъ Рума во все время царствованія слѣдующихъ ильхановъ Ахмеда (1282—1284) и Аргуна (1284—1291). Везирами Рума были назначены въ цар-

---

1) Ср. извѣстія египетскихъ источниковъ, приведенныя у д'Оссона. Битва произошла въ пятницу 10-го зу-ль-каʿда 675 (16 апр. 1277) г. (Histoire des Mongols, III, 482); уже въ концѣ мухаррема 676 (30 іюня 1277) г. послѣдовала смерть Бейбарса (ibid. III, 493).

2) По Этэ (Grundriss der iranischen Philologie, II, 287—289) Джелаль-ад-динъ Руми родился 6-го ребиʿ I 604 (30 сент. 1207), умеръ 5-го джумади II 672 (17 дек. 1273) г.

3) Recueil etc. IV, 326.

4) Ибнъ-Биби (ibid. IV, 334) также относитъ прибытіе Масʿуда къ 679 г.

5) Изъ сдѣланныхъ мною выписокъ не видно, говорится ли въ рукописи о судьбѣ Гіяс-ад-дина Кай-Хусрау. По д'Оссону (Histoire des Mongols, IV, 203 и слѣд., ссылка на Мунадджимъ-Баши) онъ въ 1282 г. былъ вызванъ ко двору Ахмедомъ и сосланъ въ Эрзенджанъ, гдѣ въ слѣдующемъ (?) году былъ казненъ по приказанію Аргуна. Хамдаллахъ Казвини (рукоп. унив. № 153, стр. 282) относитъ казнь султана къ 682 (1283—1284), Мунадджимъ-Баши (констант. изд. II, 573) къ 681 (1282—1283) г., также у Дженнаби (рукоп. учебн. отдѣл. № 92, л. 195b).

ствованіе Аргуна[1]) Фахр-ад-динъ Казвини и Мухьи-ад-динъ Ахмедъ-шахъ, между которыми были подѣлены малоазіатскія области. Авторъ поднесъ обоимъ везирамъ стихи по случаю ихъ прибытія, но его симпатіи всецѣло на сторонѣ второго, у котораго онъ, повидимому, находился на службѣ. О Фахр-ад-динѣ Мустауфи Казвини, двоюродномъ братѣ историка Хамдаллаха Мустауфи Казвини[2]), и его управленіи онъ говоритъ въ крайне нелестныхъ выраженіяхъ. Новый везиръ возбудилъ противъ себя мѣстныхъ чиновниковъ уже тѣмъ, что привезъ съ собою множество лицъ изъ областей Персіи и Закавказья, въ томъ числѣ и людей, обремененныхъ долгами; всѣмъ имъ онъ сталъ раздавать должности частью въ своей свитѣ, частью въ своемъ вѣдомствѣ.

صاحب قزوینی خلقی بسیار وطایفهٔ بی‌شمار از تبریزی وهمدانی وعراقی واصفهانی وخشکلانی وخراسانی وکرجی والانی ومرندی ونخجوانی وتفلیسی وارّانی استصحاب نمود واز ارباب قروض هم از آن طوایف بعضی‌را بحجابت وبعضی‌را بنیابت خود منسوب وموسوم کردانید

Самъ везиръ былъ настолько необразованъ, что не зналъ различія между арабскими словами «ʿарш» (престолъ Божій) и «ʿашар» (десять):

میان عرش وعشر تفاوت نمی‌دانست

Везиръ черезъ своихъ сборщиковъ сначала взималъ подати какъ хлѣбомъ, такъ и деньгами въ размѣрѣ, превышавшемъ въ десять разъ количество, опредѣленное закономъ. Разоривъ страну, онъ сократилъ свои требованія до одной десятой, т. е. до законной нормы, но и этого не могли собрать;

---

1) Въ видѣ курьеза можно привести слѣдующую удивительную вставку на поляхъ рукописи объ Аргунѣ и его преемникахъ:

واز جملهٔ شجاعت ارغون فتح کرجستان بوذ که سیصد هزار لشکر فرستاد بولاذ بوشان دو ماه تمام در دربند کرجستان جنك کردند هر روز از بس لکر مدد فرستاد از خوردنی وغیره آخر الامر فتح کردند وانهزام بر لشکر کفّار افتاد جنان کردند که مقدار صد بنجاه هزار نفر مرد زن اسیر شذ غیر از غنیمت دیکر تا بر ابخاز رسیدند که تخت کرجی (sic) که اورا ابخاسه کویند وبعد ازو دو بسر ماند غازان خان ومحمد خان که خدابنده می‌کویند جون جنان دیدند در روم قلعها وحصارها ساختند از بیم او اما سود نداشت هر کجا که رسید فتح میسّر شد وبعد ازو خدابنده بادشاه شد وبعد ازو اولجایتو خان شد که دختر محمد خان بود (!) عورت بود اما صاحب تدبیر ودانا وعدل‌کستر بود؛ جونك عورت عادل اولا وسخی؛ در حقیقت از درّ اول نادر دخی؛ وبس ازان امارت بابو سعید بهادر خان رسید وجوبانرا وزیر خود ساخت.

2) تاریخ کزیده, рукоп. Спб. унив. 153, стр. 282.

въ результатѣ доходы казны уменьшились до одной пятой. Невѣжество сборщиковъ было такъ велико, что въ ихъ спискахъ совсѣмъ не упоминалась «джизья», подушная подать съ не-мусульманъ, составлявшая въ Румѣ главный доходъ казны. Самъ везиръ, когда на это обратили его вниманіе, могъ только спросить: «Чтó такое джизья?» Подъ управленіемъ такого невѣжественнаго везира дѣла не могли прійти въ порядокъ.

بهانهٔ کشف واستخراج مقدّمهٔ اسباب خرج خود ساخت باج وخراج ولایت در معرض تاراج افتاد که بر موضعی که بنج تغار تحمّل احتمال نمی‌کرد بنجاه می‌نوشت وبر ولایتی که مقنّن آن بنجهزار بله (sic ?) بوذ بنجاههزار معیّن می‌کرد تا بدانسبب اختلالی بقواعد قدیم راه می‌یافت وجون اسباب واساس رسوم متزلزل میکشت از عشر آنج تعیین کرده بوذی راضی میشذی مسلّم نمی‌کشت وآخر الامر از بنج بیکی باز می‌آمد — اکثر مستخرجانرا که بولایتی بجهت تعیین قانون منسوب وموسوم می‌کردانید جنان از قواعد وقوانین بی‌خبر بودند ودر امور دیوانی بکر العمل که جون بدیوان رجوع میکردند نسختی که می‌آوردند جنان مخبّط ومتروك بوذ که جزیه که باب اعظم قوانین روم است در قلم ایشان رقمی یافت نمی‌شد وجون از بعضی کتّاب استفسار میرفت می‌برسید که جزیه جه باشد لاجرم بدین شیوهٔ حصافت وخبرت هیج مقرّر دیوانی در مرکز خود قرار نکرفت

Не смотря на это, авторъ, разсказывая объ опалѣ, которой румскіе везиры подверглись со стороны главнаго министра Аргуна, еврея Саʿд-ад-дауля[1]), всецѣло становится на сторонѣ не только Мухьи-ад-дина, но и Фахр-ад-дина, и осыпаетъ бранью и проклятіями какъ самого Саʿд-ад-дауля, такъ и людей, посланныхъ имъ въ Румъ. Изъ событій внѣшней исторіи страны за этотъ періодъ говорится только о походѣ на Румъ монгольскихъ царевичей كيغاتو и هولاجو въ 685 (1286) г.[2])

Въ кратковременное царствованіе слѣдующаго ильхана Гайхату (1291—1295) дѣла пришли въ еще большее разстройство; соперникомъ султана Масʿуда выступилъ его родной братъ Рукн-ад-динъ Кылычъ-Арсланъ[3]); оба претендента въ 692 (1293) г. были вызваны въ орду.

1) См. о немъ d'Ohsson, Histoire des Mongols, IV, 31; о его смерти ibid. p. 57.

2) По свѣдѣніямъ, приведеннымъ у д'Оссона, царевичъ هولاجو былъ назначенъ намѣстникомъ Рума еще въ 683 (1284) г., въ самомъ началѣ царствованія Аргуна (Histoire des Mongols, IV, 4); царевичъ كيغاتو находился въ Румѣ во время смерти Аргуна въ 1291 г. (ibid. IV, 63 и слѣд.).

3) Насколько мы могли установить, объ этомъ царевичѣ и о его борьбѣ съ братомъ не говорится въ другихъ источникахъ.

Мелкіе чиновники должны были довольствоваться дневнымъ пропитаніемъ; ихъ начальники придерживались арабскаго изреченія: «Заставь голодать твою собаку, чтобы она слѣдовала за тобой», но забыли другое изреченіе: «Когда твоя собака проголодается, она послѣдуетъ за тѣмъ, кто ее накормитъ». Не получая никакой доли доходовъ, мелкіе чиновники стали совершенно пренебрегать требованіями службы.

کتّاب بقوت روز یوما فیوما قانع بودند وحکّام نکتهٔ اجع کلبك یتبعك دست انکار (?)
کرده ودقیقهٔ اذا جاع کلبك یتبع من یطعمه من کلّ مهمل کذاشته جون کتّابرا از
کاس ارباب دیوان که ولاء الارض من کاس الکرام نصیب فایدهٔ مایدهٔ نبود جمله
شرایط کتابت مهمل کذاشتند

Въ краснорѣчивыхъ словахъ говорится о притѣсненіи мусульманъ во время кратковременнаго царствованія Байду (1295 г.)[1]):

رونق مدارس مندرس کشت زوایا وخوانق که مجلس وماواء مشایخ وعباد بود مسکن زمرهٔ
فجرهٔ بطارقه وبخشیان شد مواضع سجاده ومحراب مصطبهٔ مجامع شراب کردند زهّاد که
اهل طریقت دین بودند بای‌مال رهابین شدند بازار بیع وصوامع رواج ظلم
وضلالت یافت همّت بر هدم بنیان مسجد جنان مصروف داشتند که نزدیك بود
که منع اذان وصلوة کنند ومساجدرا بیوت اصنام سازند ومشاهد اعیان ومعاهد
افاضل جهان بشواهد اهل ظلم وعدوان بدل کنند

О событіяхъ царствованій Газана (1295—1304), Ульчжэйту (1304—1316) и Абу-Саʿида (1316—1335) говорится очень кратко, почти безъ хронологическихъ датъ. Изъ дѣятелей царствованія Газана полководецъ Кутлугъ-шахъ[2]) обвиняется въ жестокости и грабительствѣ, везиръ Кемаль-ад-динъ Тифлиси[3]) — въ лицемѣріи: его коварныя намѣренія прикрывались личиною дружбы:

ظاهری داشت بحیلهٔ وفاق آراسته وباطنی بجبلّت نفاق بیراسته

Авторъ отзывается неодобрительно также о везирѣ государства ильхановъ Садр-ад-динѣ Халиди[4]), который обвиняется въ введеніи бумажныхъ де-

---

1) Объ отношеніи Байду къ исламу ср. d'Ohsson, Histoire des Mongols, IV, 141 и слѣд.

2) О его походѣ на Румъ см. у д'Оссона, Histoire des Mongols, IV, 169.

3) О немъ ibid. IV, 204 (со словъ Мунадджимъ-баши).

4) О немъ ibid. IV, 96 и слѣд., 133, 152, 165, 198 и слѣд. (казненъ 22-го реджеба 697 = 5 мая 1298 г.).

негъ (چاو); кромѣ того, какъ доказательство его легкомыслія, приводится попытка основать городъ на низовьяхъ Куры.

اصل دیکر از تدبیر آن بود که در قشلاق ارّان بر کنار آب کر کی بحر یست جاری در اوّل بهار یك نیزهٔبالا زیادت میشود وممکن نیست که در فصل تموز وحزیران از کثرت مار کسی در آن بقاع از هیچ کاری انتفاع یابد ومتمکّن تواند بود شهری اساس نهاد ودعوی کرد که در معرض آن همه خلل آن شهررا بمثابت درجهٔ عالیٔ بغداد رساند جه کفته اند که من لم یر بغداد فکانّه[1] لم یر[2] الدنیا وجون اساس نهاد مال بسیار بر آن صرف کرد جنانکه هر روز متواتر یکهزار مشّاق (?) در کار می‌بود وجون شهر از بیوتات ودکاکین ووضع رباطات وحمّامات بقدّ مردی رسید ودر وسط شهر جوی آب رسم زدند بر آن نسق که هم از آب کر جوی آب در شهر روان کردذ وباز از طرفی دیکر بآب کر بیوندد واین عمارت در فصل صیف وحریف وشتا بسر برد جون فصل بهار در آمد همانکی آب روی در زیادتی نهاد وبرفهاء کوههای البرز وابخاز بکذاخت وآب بالا کرفت سیلاب در بنیان آن شهر ناصواب افتاد وهمانکی در یکسال بعمارت بیوسته بود بیك ساعت با زمین برابر شد وغیر از تودهاء خاك از هجوم آب اثر عمارت نماند

Возстаніе Суламиша отнесено къ 698 (1298—9), окончаніе возстанія — къ 699 (1299—1300) гг.[3]); тогда же прибылъ везиръ صاحب جمال الدین[4]). Впослѣдствіи Суламишъ, бѣжавшій въ Сирію, вернулся въ Румъ и вторично произвелъ возстаніе[5]).

Безпорядки въ странѣ увеличивались вслѣдствіе дурного управленія султана Ала-ад-дина Кай-Кубада, назначеннаго Газаномъ вмѣсто низложеннаго Масʿуда[6]). Авторъ обвиняетъ султана въ лихоимствѣ и произволѣ;

---

1) Cod. فکانـها.

2) Cod. لم یری.

3) По даннымъ, приведеннымъ у д'Оссона (Histoire des Mongols, IV, 201 и слѣд.), окончаніе возстанія также должно быть отнесено къ 698 г., такъ какъ Суламишъ уже 5-го шаʿбана 698 (8 мая 1299) г. прибылъ въ Дамаскъ.

4) О немъ у д'Оссона, IV, 204.

5) Во время этой попытки, предпринятой съ помощью отряда изъ Сиріи, Суламишъ былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ Тебризъ, гдѣ онъ, по Рашид-ад-дину, былъ казненъ въ послѣдній день 698 г., т. е. 27 сентября 1299 г. (d'Ohsson, IV, 207).

6) Д'Оссонъ, не замѣчая противорѣчія, приводитъ сначала (IV, 200) разсказъ Рашид-ад-дина, по которому султанъ Масʿудъ былъ обвиненъ въ согласіи съ Балту и низложенъ послѣ казни послѣдняго, т. е. послѣ сентября 1297 г.; потомъ (IV, 204) — разсказъ Мунадджимъ-баши, по которому это низложеніе произошло уже въ 694 (1295) г.

между прочимъ онъ насильно бралъ себѣ дѣвушекъ изъ знатныхъ семействъ. Послѣ разсказа о двухъ походахъ Газана на Сирію[1]) слѣдуетъ разсказъ о возстаніи султана, во время котораго везиръ Мухьи-ад-динъ Ахмедъ-шахъ удалился въ орду; объ усмиреніи возстанія и низложеніи султана, который изъ Сиваса былъ приведенъ въ الا كليسا; объ убіеніи везира Низам-ад-дина Яхьи[2]); о прибытіи въ Румъ прежняго султана Гіяс-ад-дина Масʿуда, возстановленнаго Газаномъ въ своихъ правахъ[3]).

Двѣнадцатилѣтнему царствованію Ульчжэйту, при которомъ, послѣ смерти султана Масʿуда, была окончательно устранена въ Румѣ династія Сельджукидовъ, посвящено всего нѣсколько страницъ. Послѣдніе заголовки:

جلوس بادشاه اولجايتو سلطان

وفات سلطان غياث الدين مسعود[4]

ذكر وزارت صاحب لاكوسى[5]

احوال شيخ جمال الدين حاجى خاموش

بادشاهئ ابو سعيد بهادر خان خلّد الله ملكه

حكومت وامارت خسرو عادل تيمور تاش نوين زيد دولته

ذكر وزارت صاحب لاكوسى ووفات او

---

1) Походы относятся къ 699 и 700 (1299—1301) гг. (d'Ohsson, IV, 228 и слѣд., 282 и слѣд.).

2) Ср. объ этомъ въ تاريخ گزيده, рукоп. Спб. унив. № 153, стр. 330: خواجه نظام الدين يحيى ابن خواجه وجيه الدين زنكى بدين هوس مخالفت وزرا كرد اورا در سنهٔ اثنى وسبعمايه بكشت.

3) Замѣчательно, что объ этомъ возстановленіи власти султана Масʿуда не говоритъ даже такой близкій по времени авторъ, какъ Хамдаллахъ Казвини, въ глазахъ котораго низложеніе Ала-ад-дина Кай-Кубада было концомъ династіи Сельджукидовъ (рукоп. Спб. унив. 153, стр. 283). По Мунадджимъ-баши Масʿудъ вторично правилъ 4 года; Ала-ад-динъ въ это время жилъ въ Исфаханѣ, гдѣ ему было назначено содержаніе (تاريخ منجّم باشى, II, 575). По Дженнаби (рукоп. учебн. отдѣл. вост. яз. № 92, f. 195b—196a) Ала-ад-динъ наслѣдовалъ не низложенному, а умершему Масʿуду и правилъ 20 л. 3 мѣс. 13 дней. Ср. также извѣстія у Хаммера, Geschichte des Osmanischen Reiches, 2te Ausgabe, I, 58.

4) Замѣчателенъ разсказъ Дженнаби (l. c.), по которому султанъ Масʿудъ отравился вслѣдствіе чрезмѣрныхъ требованій кредиторовъ (لكثرة المطالبة من ارباب الديون).

5) Упоминается у Хамдаллаха Казвини (рук. Спб. унив. № 153, стр. 282) подъ именемъ خواجه فخر الدين لاكوشى تبريزى, въ качествѣ преемника везира Фахр-ад-дина Мустауфи Казвини.

DIP 919.

Настоящая рукопись[1]) оказалась полнымъ экземпляромъ исторической компиляціи Хафизи-Абру, къ сожалѣнію, только въ ея первоначальной редакціи, гораздо менѣе подробной, чѣмъ послѣдующій трудъ того же автора, извѣстный подъ названіемъ «Сливки лѣтописей» (زبدة التواريخ), отъ котораго до насъ, насколько до сихъ поръ могло быть установлено, дошли только отдѣльныя части.

Извѣстно, что авторъ въ 817 (1414—15) г. получилъ отъ султана Шахруха, сына Тимура, порученіе перевести на персидскій языкъ арабское географическое сочиненіе и дополнить его по другимъ источникамъ. Уже въ 820 (1417) г., задолго до окончанія этой географической компиляціи, авторъ, по порученію султана, долженъ былъ приступить къ другому труду — составить сборникъ свѣдѣній по всемірной исторіи. Въ этотъ сборникъ имъ были включены, т. е. буквально переписаны, всеобщая исторія Табари въ персидской передѣлкѣ Бал῾ами, «Сборникъ лѣтописей» (جامع التواريخ) Рашид-ад-дина и оффиціальная исторія Тимура (ظفرنامه) въ ея первоначальной редакціи, принадлежащей Низам-ад-дину Шами (сочиненіе Шереф-ад-дина Іезди тогда еще не существовало). Самому Хафизи-Абру принадлежали въ этомъ трудѣ только разсказы о событіяхъ XIV в. отъ смерти ильхана Газана (1304 г.) до выступленія Тимура и о событіяхъ XV в. отъ 806 (1403) г., до котораго было доведено сочиненіе Низам-ад-дина, до года составленія компиляціи, т. е. до 820 (1417) г.

Предисловіе и оглавленіе этой исторической компиляціи мы обыкновенно находимъ въ рукописяхъ географическаго труда Хафизи-Абру, что, вѣроятно, объясняется фактомъ одновременнаго составленія обоихъ трудовъ. Въ другомъ мѣстѣ[2]) мною было сказано, что отъ исторической компиляціи до насъ не дошло ничего, кромѣ предисловія и оглавленія. Однако, рукопись, находившаяся въ Патнѣ, во владѣніи John Bardoe Elliot, заключала въ себѣ, судя по оглавленію, выписанному для сэра H. M. Elliot[3]), кромѣ части географическаго труда Хафизи-Абру, также всю историческую компиляцію въ ея первоначальномъ видѣ. Константинопольская рукопись,

1) Рукопись была найдена хранителемъ библіотеки, по моей просьбѣ, безъ всякаго труда. Упоминаю объ этомъ потому, что арабскія рукописи той же библіотеки, заглавія которыхъ выписалъ для себя изъ каталога J. Horovitz, не могли быть для него найдены (Mitteil. des Seminars für Orient. Sprachen, Jahrg. X, Westas. Studien, S. 27).

2) المظفّرية, Сборникъ статей учениковъ бар. В. В. Розена, стр. 24.

3) History of India as told by its own historians, IV, 3—4.

кажется, единственная, заключающая въ себѣ только историческую компиляцію, безъ географической.

Начало рукописи:

بسم الله الرحمن الرحيم فهرست كتاب داستانها وفذالك حساب بيانها حمد وثنا وآفرين مالك الملكى تواند [بود] كه [در] تدبير امور ملك وملكوت وترتيب عوالم لاهوت وناسوت بوزير ومشير وظهير ونصير محتاج ومفتقر (sic) نكشت

Вслѣдъ за прославленіемъ султана Шахруха и предисловіемъ къ книгѣ, съ перечисленіемъ источниковъ и съ упоминаніемъ даты сочиненія (820 г.), объясняется польза исторіи (فصل در لغت تاريخ) и приводится оглавленіе (فهرست ما فى هذا الكتاب).

Исторія до-мусульманскаго міра и исторія ислама до халифа Муктафи (289—295 = 902—908) выписывается изъ книги Балʿами; затѣмъ приводится «остальная часть исторіи аббасидскихъ халифовъ» изъ «Сборника лѣтописей» Рашид-ад-дина» (بقيّة تاريخ خلفاى عبّاسى نقل از جامع التواريخ رشيدى). Послѣ этого выписывается остальная часть сочиненія Рашид-ад-дина, съ раздѣленіемъ на два тома; въ первомъ излагается исторія монголовъ до вступленія на престолъ султана Ульчжэйту, во второмъ — всеобщая исторія. Въ качествѣ «продолженія» исторіи Рашид-ад-дина (ذيل تاريخ رشيدى) разсказываются событія при послѣднихъ ильханахъ и при династіяхъ, возникшихъ на развалинахъ монгольскаго государства, до Аргунъ-шаха и его сыновей[1]). Послѣ этого слѣдуетъ

كتاب ظفرنامهٔ حضرت صاحب قرانى انار الله برهانه وثقّل بالاحتساب (?) ميزانه

Въ концѣ этого сочиненія находится слѣдующая запись переписчика:

تمّ الكتاب بعون الملك الوهّاب على سبيل السرعة فى تسعة شهور سنة خمس وثمانين وثمانمايه حرّره العبد درويش محمد طاقى عفّا الله عنه

Рукопись, такимъ образомъ, относится къ 885 (1480—1) г.; переписка производилась поспѣшно и была закончена въ девять мѣсяцевъ.

Продолженіе труда Низам-ад-дина (ذيل كتاب ظفرنامهٔ شاهى) до смерти Тимура занимаетъ въ рукописи всего восемь листовъ fol. Говоря о себѣ, авторъ называетъ себя عبد الله بن لطف الله بن عبد الرشيد المدعوّ بحافظ ابرو. Вопросъ объ имени Хафизи-Абру, такимъ образомъ, окончательно рѣшается

---

1) Объ Аргунъ-шахѣ и его сыновьяхъ см. въ моей книгѣ «Историко-географическій обзоръ Ирана», стр. 70.

въ пользу Фасиха[1]) и анонимнаго автора تاريخ خيرات[2]) и слова Абд-ар-Реззака Самарканди оказываются ошибочными[3]). Авторъ замѣчаетъ, что въ послѣдніе годы жизни Тимура онъ «сопровождалъ Высочайшую орду и самъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ тѣхъ событій, о которыхъ докладываетъ»; тѣмъ не менѣе онъ признаетъ неизбѣжность ошибокъ въ своемъ изданіи и проситъ читателей исправить ихъ.

واين كمينه در آن ايّام ملازم اردوی همايون بود وكيفيّت احوال كه معروض میگرداند مشاهده نموده توقّع از مخاديمی كه بشرف مطالعهٔ ايشان برسد آنكه چون بر سهو وخطايی كه هر آينه ازان مصون نخواهد بود اطّلاع يابند بكرم عميم ولطف جسيم شرف اصلاح ارزانی فرموده چون ايشان مبذول دارند از حضرت واهب العطايا توفيق اتمام آن مسألت مینمايد انّه اكرم مسئول

Событія послѣдняго времени царствованія Тимура излагаются подъ слѣдующими заголовками:

ذكر كوچ كردن از قراباغ وعزيمت شكار

ذكر تفويض ممالك باميرزاده عمر

ذكر عصيان وتمرّد اسكندر شيخی بالترتيب

ذكر فتح قلعهٔ فيروز كوه

ذكر توجّه حضرت صاحب قرانی بجانب جلا ورستمدار

ذكر مراجعت حضرت صاحب قرانی بجانب دار السلطنهٔ سمرقند

ذكر جشن وطوی مبارك كه در سمرقند اتّفاق افتاد

ذكر قيشلاميشی فرمودن حضرت صاحب قرانی در اقسولات

ذكر عزيمت توجّه بجانب ختای

ذكر وفات حضرت صاحب قرانی انار الله برهانه

Въ главѣ о прибытіи въ Самаркандъ говорится также о казни ходжи Джеляль-ад-дина Махмуда ибнъ Давуда за небрежность въ постройкѣ مقصوره соборной мечети (нынѣ извѣстной подъ названіемъ мечети Биби-Ханымъ). Казненный министръ, по словамъ автора, былъ извѣстенъ какъ человѣкъ

---

1) Collections scientifiques etc., III, 325.

2) Rieu, Catalogue etc., Supplement, p. 270.

3) Рукоп. Спб. унив. № 157, f. 233b; ср. الظفرنامه, стр. 2.

безкорыстный, добросовѣстный въ исполненіи обязанностей чиновника, надежный и благочестивый [1] (بکوناه‌دستی ودیانت وراست‌قلمی وامانت معروف وموسوف).

О смерти Тимура приводится разсказъ, котораго нѣтъ ни у Шереф-ад-дина, ни у Абд-ар-Реззака Самарканди. Болѣзнь Тимура объясняется тѣмъ, что онъ послѣ прибытія въ Отраръ выпилъ слишкомъ много вина. Самъ Тимуръ говорилъ, что это обстоятельство, бывшее причиной его болѣзни, произошло помимо его воли, такъ какъ онъ никогда въ жизни не отличался страстью къ крѣпкимъ напиткамъ.

حضرت صاحب قرانی انار الله برهانه فرمودند که در مدّت العمر طبعا مرا هرکز میل بمسکرات نبود واین صورت که بی اختیار واقع شد سبب مرض کشت

Когда къ нему собрались эмиры, Тимуръ поднялъ сначала одинъ палецъ, потомъ два, сдѣлалъ глазами знакъ окружающимъ и спросилъ ихъ: «Что я хочу этимъ сказать?» Нѣкоторые изъ эмировъ рѣшились отвѣтить: «Государь этимъ выражаетъ, что осталось еще одно или два средства для выздоровленія». Тимуръ безъ всякихъ признаковъ досады, съ полной покорностью волѣ Божьей, сказалъ, что смыслъ его движенія былъ иной: «Больше одного или двухъ дней меня среди васъ уже не будетъ».

بندکیٔ حضرت صاحب قرانی اوّل یك انکشت وبعد ازان دو انکشت بر آورد وبچشم اشارتی فرمود پس استفسار می‌نمود که غرض من ازین چه بود بعضی از امرا متصدّیٔ جواب کشتند که بندکیٔ حضرت می‌فرمایند که یك علاج یا دو علاج دکر مانده کفت نه آن میخواهم [2] بی اکراه در مقام رضا وتسلیم فرمود که من در میان شما یك روز یا دو روز دکر بیش نه ام

Врачи, призванные къ одру больного и получившіе приказъ сказать всю правду, объявили, что упованіе на милость Божью заставляетъ ихъ надѣяться, что «тѣнь Создателя» еще на многіе годы останется надъ царствами населенной части міра; но по правиламъ врачебной науки дѣло обстоитъ такъ, какъ сказалъ государь. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ

---

1) По Абд-ар-Реззаку (рукоп. Спб. унив. № 157, л. 152b) какъ везиръ, такъ и محمد جلد были казнены جهت ظلمی که بر رعایا کرده بودند. Ср. Зaферъ-намэ, кальк. изд, II, 597. Клавихо также говоритъ о казни «главнаго алькада» по обвиненію въ томъ, что онъ «злоупотреблялъ своею властью» (Сборн. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 1, стр. 283).

2) Въ подлинникѣ еще стихи.

стали бранить врачей за слишкомъ откровенныя рѣчи, но самъ Тимуръ похвалилъ ихъ.

بعنایت الّهی امیدواریم که سالهای بسیار سایهٔ آفریدکار بر سر ممالك ربع مسکون پاینده باشد فامّا از قاعدهٔ طبّی چنانست که بندکئ حضرت می‌فرماید درین حالت بعضی از ملازمان قهر کردند که چرا چنین کفتید وبندکئ حضرت بدیشان محمدت کفت

Точная дата смерти Тимура не указывается, говорится только, что смерть произошла въ половинѣ мѣсяца ша̒бана[1]) (در منتصف شعبان).

Въ послѣднемъ отдѣлѣ рукописи излагаются событія царствованія Шахруха до 820 (1417—18) г.; при этомъ выражается надежда, что это царствованіе будетъ продолжаться еще много лѣтъ и что исторія его будетъ написана другими историками, находящимися при дворѣ государя, трудъ которыхъ будетъ продолженіемъ труда Хафизи-Абру.

کتاب واقعات وفتوحات حضرت سلطنت‌شعاری خلّد الله تعالی ملکه وسلطانه از ابتداء جلوس الی غایة سنهٔ عشرین وثمانمایه وبعد ازین انشا الله تعالی سالهای نامتناهی که مدّت عمر این دولت وپادشاهی باشد مؤرخانی که ملازم بندکئ حضرت اند وباشند آنرا می‌نویسند وذیل این تاریخ مبارك می‌کردانند والله الموفّق والمعین

Въ предисловіи приводится то же самое четверостишіе автора о себѣ самомъ, которое въ زبدة التواريخ помѣщено въ предисловіи ко второй части[2]). Въ первыхъ двухъ главахъ говорится о характерѣ управленія государствомъ при Тимурѣ (эта глава приблизительно въ томъ же видѣ вошла въ زبدة التواريخ, откуда ее заимствовалъ Абд-ар-Реззакъ Самарканди[3]) и о «поступкахъ и нравахъ» Шахруха (ذکر افعال واخلاق حضرت سلطنت‌شعاری خلّد الله تعالی ملکه وسلطانه); здѣсь между прочимъ разсказывается о постройкахъ Шахруха и о мѣрахъ, принятыхъ имъ для помощи населенію во время голода

---

1) Какъ извѣстно, относительно даты смерти Тимура существуетъ разногласіе между показаніями историковъ (кромѣ Шереф-ад-дина также Ибнъ-Арабшахъ, ed Manger, II, 494) и показаніемъ надписи на гробницѣ самого Тимура. По историкамъ Тимуръ умеръ 17-го ша̒бана 807 (18 февр. 1405) г., по надписи — 14-го ша̒бана (15 февр.).

2) Collections scientifiques etc., III, 67.

3) Рукоп. Унив. № 157, л. 17а—19а.

810 (1407—08) г.[1]). Дальше излагаются событія самаго царствованія; первый заголовокъ — ذکر توجّه بجانب سمرقند; послѣдній — ذکر فرستادن لشکرها بجانب کرمان. Имѣется въ виду отправленіе войска на Керманъ вслѣдствіе отказа владѣтеля Увейса принять посредничество шейха Шемс-ад-дина; войско прибыло въ Керманъ въ началѣ мѣсяца реби̔ II 819 (въ послѣднихъ числахъ мая 1416) г.[2]) Этимъ событіемъ заканчивается сочиненіе; записи переписчика въ концѣ рукописи нѣтъ.

Изложеніе въ этой первой редакціи труда Хафизи-Абру гораздо менѣе подробно, чѣмъ изложеніе тѣхъ же событій въ زبدة التواریخ. Оксфордская рукопись Elliot 422, какъ единственный извѣстный до сихъ поръ экземпляръ второго отдѣла 4-го тома زبدة التواریخ, вполнѣ сохраняетъ свое значеніе и послѣ изслѣдованія константинопольской рукописи.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать необходимую поправку къ своей статьѣ о «Хафизи-Абру и его сочиненіяхъ», помѣщенной въ сборникѣ المظفّریّة. Осмотрѣвъ въ 1899 г. вторично рукопись Elliot 422, я убѣдился, что сочиненіе Хафизи-Абру, вопреки словамъ Абд-ар-Реззака Самарканди[3]), оканчивалось не разсказомъ объ отправленіи войскъ изъ Герата въ Самаркандъ 17-го реби̔ II 830 (15 февраля 1427) г.[4]), а разсказомъ о покушеніи на жизнь Шахруха въ пятницу 23-го реби̔ II (21 февраля) того же года и что послѣдніе листы рукописи (л. 440 b — 446 b) принадлежатъ не Хафизи-Абру, а неизвѣстному продолжателю его труда, писавшему также еще при жизни Шахруха. Л. 440 b начинается формулой بسم الله الرحمن الرحیم وعلیه توکّل; дальше идетъ заглавіе: ذکر تتمّة وقائع که سنه (در سنة .l) ثلاثین وثمانمایه حادث شد. Послѣ общихъ разсужденій о болѣзни и здоровьѣ авторъ продолжаетъ:

---

1) Абд-ар-Реззакъ Самарканди только упоминаетъ о бывшей въ 810 г. дороговизнѣ; рукоп. унив. № 157, л. 176b: وآن سال اجناس قیمتی تمام داشت. Также Notices et Extraits, t. XIV, part. I, p. 124.

2) Также у Абд-ар-Реззака, рукоп. унив. № 157, л. 206b; Notices et Extraits, t. XIV, part. I, p. 293.

3) Рукоп. Спб. унив. № 157, л. 233b.

4) Въ оксфордской рукописи (л. 431b—432b) этой даты нѣтъ. Вопреки сказанному въ моей статьѣ (المظفّریّة, стр. 28) разсказъ оксфордской рукописи прерывается не на этомъ событіи, а на походѣ къ Самарканду самого Шахруха, выступившаго изъ Герата какъ по Абд-ар-Реззаку (l. c., л. 235a), такъ и по оксфордской рукописи (л. 445b) 1-го ша̔бана (28 мая). Дальше говорится о переправѣ черезъ Аму-дарью, начавшейся въ концѣ рамазана и продолжавшейся около мѣсяца, о встрѣчѣ съ Улугбекомъ въ Тармизѣ, о полученіи извѣстія о жалкомъ состояніи отряда, оставленнаго въ Ташкентѣ. Послѣднія слова рукописи: حکم جهانمطاع صاد (صادر .l) شد که آن جماعت لشکری که طرف (sic) تاشکند مانده اند باوطان خود مراجعت نمایند بعد ازان. Этимъ заканчивается рукопись; разсказа о пребываніи Шахруха въ Самаркандѣ и о возвращеніи его въ Хорасанъ, послѣдовавшемъ, по Абд-ар-Реззаку (л. 235a) 14-го зу-ль-хиджа (6 окт.), въ ней нѣтъ.

بعد از آنکه اندك انحرافی از نتیجهٔ چشم زخم اعادی بمزاج همیون رسیده بود بموجبی
که کیفیّت آن در آخر جمعه (sic) مولانای (sic) حافظ ابرو مذکور شده وبامداد
توفیق ربّانی ماه نورانیٔ قوّت از مطلع تاییدات قدسی طالع شد الخ

Ссылка на «Сборникъ» Хафизи-Абру, конечно, показываетъ, что здѣсь говоритъ другое лицо; изысканное сравненіе, заключающееся въ послѣднихъ словахъ выписанной фразы, также не соотвѣтствуетъ простому слогу нашего автора. Что продолжатель Хафизи-Абру также былъ современникомъ Шахруха, видно изъ присоединенныхъ имъ (л. 444 а) къ имени этого султана словъ: ناظم امور انام خلّد الله تعالی ملکه وسلطانه علی الدوام.

AS 4157.

На эту рукопись я обратилъ вниманіе по просьбѣ проф. Хаутсмы, которому было желательно получить нѣкоторыя свѣдѣнія о сочиненіи поэта Ибн-ал-Хаббарійи (умеръ по Ибнъ-Халликану[1]) въ 504 = 1110—1 г.), упомянутомъ у Броккельмана[2]) подъ заглавіемъ *fulk al maʿâlî*, съ ссылкой на «AS 4158» (въ дѣйствительности 4157). Въ каталогѣ библіотеки Ая-Софіи подъ № 4157 отмѣчено: فلك المعالی تصنیف ابو لیلی (sic) محمد بن محمد بن صالح المعروف بابن الهباریّة. Въ самой рукописи сочиненіе, заглавіе котораго, какъ мы увидимъ, въ каталогѣ нѣсколько искажено, дѣйствительно, приписывается этому поэту, хотя объ авторѣ говорится какъ о покойникѣ. Начало сочиненія:

قال الشریف الامام الحسیب الادیب ابو یعلی محمد بن محمد بن صالح بن الهبّاریّة
العبّاسی تغمّده الله تعالی برحمته واسکنه فسیح جنّته

Заглавіе сочиненія и имя лица, которому трудъ посвященъ, приводятся въ слѣдующихъ стихахъ:

هذا الکتاب فلَكُ المعانی — صنّفتُه لِفَلَكِ المعالی
اعنی الوزیر الاَلْمَعیَّ السیّدا — الاوحد المقدّم الممجّدا
وهو ابو نصر ظهیر الملك — من منع العرض ببذل المُلْك

И такъ, дѣйствительное заглавіе сочиненія — Фелек-ал-маʿани («небеса идей»); оно было написано для везира Фелек-ал-маʿали («небеса высокихъ

1) Ibn-Khallikan transl. by de Slane, III, 153.
2) C. Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur, I, 253.

качествъ») Захир-ал-мулька Абу-Насра ал-Алма'и. Можно было надѣяться, что имя везира дастъ возможность довольно точно опредѣлить время составленія книги; но, къ сожалѣнію, этотъ везиръ въ историческихъ источникахъ, насколько мы до сихъ поръ могли установить, не упоминается[1]).

Книга представляетъ собраніе изреченій, наставленій и анекдотическихъ разсказовъ о разныхъ предметахъ и раздѣлена на 12 главъ (باب), каждая глава — на семь отдѣловъ (فصل). Названія главъ слѣдующія:

1) بيت (sic) النفس والحياة
2) فى المعاش والمال
3) فى الاخوة
4) باب الآباء[2]
5) بيت (sic) الاولاد والافراح والدخل والهدايا
6) باب الامراض
7) باب الازواج
8) فى الاعلال والموت والنكبة
9) فى السفر والعلم والدين
10) باب السلطان
11) فى الرجاء والامل
12) فى الاعداء

Что касается отдѣловъ, то мною были выписаны названія отдѣловъ главъ третьей (о братьяхъ) и десятой (о султанахъ). Эти отдѣлы слѣдующіе:

III.

1) فى الامر بالاخوان
2) فى ذمّهم والتحذير منهم

1) Характеръ всего сочиненія показываетъ, что имѣется въ виду везиръ халифа, а не везиръ султана. Возможно, что этотъ везиръ—упомянутый у Ибн-ал-Асира (XI, 52) نظام الدين ابو نصر محمد بن محمد بن جبير, призванный къ власти въ 535 (1140—1141) г. У Имад-ад-дина Исфахани онъ носитъ имя نظام الدين ابو نصر بن جهير; онъ былъ призванъ власти въ 534 (1139—1140) г., былъ отпущенъ въ Мекку въ 541 (1146—1147) г. (Houtsma, Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, II, 194 и 221).

2) Въ этой главѣ говорится не только «объ отцахъ», но и «объ учителяхъ»; 6-ой отдѣлъ: فى مدح المعلّمين; 7-ой — فى ذمّهم وحكاياتهم.

3) فى تفضّلهم على الاقارب
4) فيما يجب لهم
5) فيمن تجب المواخاة
6) فى الوفاء وذمّ الملال والغدر
7) فى الجوار والذمام

X.

1) فى مدح السلطان وذمّه
2) فى بعض التواريخ
3) فى اخبار الخلفاء والملوك
4) فى الوزراء
5) فى الكتّاب
6) فى العدل
7) فى الامّهات

Второй отдѣлъ десятой главы («о нѣкоторыхъ хронологическихъ датахъ») заключаетъ въ себѣ хронологію правленія халифовъ до вступленія на престолъ халифа ал-Муктафи (530 = 1136 г.); послѣднія слова:

وبويع الامام المقتفى لامر الله ابو عبد الله محمد بن المستظهر بالله فى يوم الثلثا سابع عشر ذى القعدة سنة ثلثين وخمساية[1]

И такъ этотъ отдѣлъ не можетъ всецѣло принадлежать Ибнъ-Хаббарійѣ, если поэтъ, дѣйствительно, умеръ въ 504 (1110—1) г.

Въ качествѣ образчика наставленій автора и его слога, можно привести слѣдующее мѣсто изъ пятаго отдѣла десятой главы («о писцахъ»):

وامّا انا فاقول سبيل من اراد الكتابة ان يحضر الدار العالية حرس الله جلالها والحضرة السامية النظاميّة ضاعف الله اقبالها وينظر الكتّاب على اختلاف مراتبهم وتباين طبقاتهم ويتجنّب الاقتداء بهم وليحذر موافقتهم فى قول او فعل او مروّة فانّه

1) Т. е. присяга новому халифу была принесена, по нашему автору, во вторникъ 18 авг. 1136 г. По Ибн-ал-Асиру (XI, 27) это произошло 18-го зу-ль-хиджа (17 сент.); но мѣсяцъ зу-ль-каʿда указанъ также у Имад-ад-дина Исфахани (Houtsma, Recueil etc., II, 183).

لا يجد حينئذ الّا المحمود من الاخلاء والمشكور من الافعال وبالله التوفيق ولولا انّ العيّار يدرك احوالهم ويحيط باقوالهم وافعالهم لاطلقتُ عنان القول والشرح وبالله التوفيق و[هو] المستعان

Поэтъ, такимъ образомъ, совѣтуетъ желающимъ сдѣлаться писцами посѣщать присутственныя мѣста, гдѣ работаютъ чиновники, но подражать имъ только въ томъ, въ чемъ они всѣ между собою согласны, чтобы заимствовать только лучшее. Болѣе подробныхъ указаній онъ не хочетъ дать, чтобы ими не воспользовались «шарлатаны».

Рукопись (тщательно написанная, частью вокализованная) относится къ реджебу 912 (съ 17 ноября 1506) г.

Каиръ, تاريخ 306[1]).

Заключаетъ въ себѣ часть всеобщей исторіи Ибн-ал-Джаузи كتاب المنتظم[2]). Рукопись начинается (съ полу-слова) съ разсказа о событіяхъ 228 (842—3) г., оканчивается разсказомъ о событіяхъ 289 (902) г.

На л. 7 a — 8 b помѣщена выписка изъ تاريخ نيسابور, соч. الحاكم ابو عبد الله محمد بن عبد الله النيسابورى[3]); описываются чудесныя видѣнія женщины, жившей въ Хорезмѣ близъ Хазараспа безъ пищи и питья; семья ея была разорена при разгромѣ береговъ Аму-дарьи турками, когда

ملك الترك عبر على النهر وقتل من المسلمين كثيرا (f. 7b)

На л. 11 a приводится слѣдующій разсказъ объ Абдаллахѣ ибнъ Тахирѣ:

اخبرنا ابو المعمر بن احمد قال اخبرنا ساعد بن سيّار الهروى قال اخبرنا ابو بكر بن احمد بن ابى سهل العوحى قال اخبرنا اسحق بن ابرهيم الحافظ اجازة قال اخبرنا ابو العبّاس بن محمد القرشى قال اخبرنا محمد بن ابى جعفر المنذرى قال سمعت الحسين بن فهم يقول كان عبد الله بن طاهر لا يدخل خصيّا داره يقول هم مع النسا رجال ومع الرجال نسا توقّى عبد الله بن طاهر بمرو وقيل بنيسابور قيل بالشام من مرض اصابه فى حلقه فى (f. 11b) ربيع الاوّل

1) Каталогъ хедивской библіотеки (арабск.), V, 160.

2) C. Brockelmann, Geschichte der Arabischen Litteratur, I, 502. Ср. J. Horowitz въ Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen, Bd. X, Westas. Stud., S. 6—7.

3) H. Khalfa II, 155—156. Ср. «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», ч. II, стр. 17.

من هذه السنة[1] وهو ابن ثمان واربعين سنة وكان قبل موته قد اظهر التوبة وكسر الالات والملاهى وعمر رباطات خراسان ووقف بها الوقوف واظهر الصدقات ووجّه اموالا عظيمة الى الحرمين وفدا اسرى المسلمين من الترك وبلغ ما انفقه على الاسارى الفى الف درهم وكان يوصف بالانصاف

Л. 95 (разсказомъ о событіяхъ 247 = 861—2 г.) оканчивается томъ; л. 96 a — бѣлая страница; съ л. 96 b начинается слѣдующій томъ, обнимающій событія до 289 (902) г. и оканчивающійся л. 254 b. Въ обоихъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ окончаніи тома (л. 95 b и 254 b), въ рукописи послѣ слова مجلّد (томъ) опущено порядковое числительное[2]). Событія исторіи Саффаридовъ разсказываются очень кратко; разсказъ, повидимому, не прибавляетъ почти ничего къ разсказу Табари. О смерти Я'куба говорится въ слѣдующихъ словахъ:

(f. 173a) يعقوب بن الليث الخارجى المعروف بالصفّار والذى (sic) ذكرنا له الوقعات توفّى بالاهواز فى هذه السنة [يعنى سنة ٢٦٥] فحمل تابوته الى جنديسابور وخلف فى بيت ماله خمسين الف الف درهم والف الف[3] دينار وكتب على قبره هذا يعقوب المسكين وكتب على قبره[4]

احسنت ظنّك بالايّام اذ حسنت
ولم تخف سوء ما تاتى (sic)[5] به القدر
وسالمتك الليالى فاغتررت بها
وعند صفو الليالى يحدث الكدر

Каиръ, تاريخ 594[6]).

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ экземплярѣ рѣдкаго сочиненія Абу-Бекра Мухаммеда ибнъ Яхьи ас-Сули الاوراق فى اخبار آل عبّاس واشعارهم

1) Имѣется въ виду 230 (844—845) г.

2) Ср. слова J. Horovitz'а (l. c.) о различныхъ дѣленіяхъ труда Ибн-ал-Джаузи.

3) У Ибнъ-Халликана (ed. Wüstenfeld № 838) اربعة الاف الاف.

4) У Ибнъ-Халликана وكتب بعده.

5) У Ибнъ-Халликана ياتى.

6) Каталогъ хедивской библ., V, 16. Въ статьѣ Horowitz'а (Mitteilungen etc., Bd. X, Westas. Studien, S. 35) по ошибкѣ указанъ № 595.

сообщены въ статьѣ Horovitz'a, гдѣ приведены, иногда въ сокращенномъ видѣ [1]), заголовки отдѣльныхъ главъ.

На поляхъ л. 1а мы находимъ слѣдующую библіографическую замѣтку:

من كتاب الاوراق فى اخبار آل عبّاس واشعارهم لمحمد بن يحيى الصولى المتوفّى فى سنة خمس وثلاثين وثلثماية انظر كشف الظنون [2]

На л. 112b авторъ объясняетъ причины, заставившія его предпослать главу о стихахъ Абу-Мухаммеда Касима ибнъ Юсуфа главѣ о стихахъ его брата, везира Ахмеда ибнъ Юсуфа:

قال ابو بكر وانّما بدأت به لانّه اسنّ من ابى جعفر احمد بن يوسف واكثر شعرا منه وافصح فى شعره واشعر فى فنّه

Въ главѣ объ Ахмедѣ ибнъ Юсуфѣ мы находимъ (f. 145a) слѣдующее сопоставленіе этого «катиба» съ другими катибами аббасидской эпохи:

حدّثنى الحسين بن على الباقطىّ قال اجتمع الكتّاب عند احمد بن اسرايل فتذاكروا الماضين من الكتّاب فاجمعوا انّ اكتب من كان فى دولة بنى العبّاس احمد بن يوسف وابراهيم بن العبّاس وانّ اشعر كتّاب دولتهم ابرهيم بن العبّاس ومحمد بن عبد الملك الزياق (?) فابراهيم اجودهما شعرا ومحمد اكثرهما شعرا ثمّ الحسن بن وهب بن احمد بن يوسف

Въ той же главѣ приводится со словъ Ахмеда ибнъ Тайфура [3]), извѣстнаго

---

1) Ср. съ заголовками, приведенными у Horovitz'a, напр. слѣдующіе заголовки:
43a شعر اسمعيل بن بشر بن المفضل بن لاحق واخباره
45a اخبار ابى الوليد اشجع بن عمرو (sic) السلمى ومختار شعره وقيل انّه يكنى ابا عمرو.

2) Ср. Hadji Khalfa, I, 492. Заглавіе сочиненія приводится одинаково въ «Фихристѣ» ан-Недима (ed. Flügel p. 150) и у Хаджи-Хальфы; нѣсколько иначе (повидимому, неправильно) у Броккельмана (Geschichte der Arab. Litteratur, I, 143) и со словъ Броккельмана въ статьѣ И. Ю. Крачковскаго (З. В. О. XVIII, 77). Кромѣ каирской рукописи, намъ извѣстны еще слѣдующіе списки, содержащіе отрывки изъ труда Сули: 1) рукоп. Имп. публ. библ. Ханык. 60, содержитъ исторію 228—256 гг. (Mélanges Asiatiques V, 244; принадлежность этого отрывка Сули доказана бар. Розеномъ, ср. его ссылки на эту рукопись въ примѣчаніяхъ къ изданію Табари, III, 1365—1688); 2) рукоп. «Исторіи Ибрагима ʿаббасида», принадлежавшая бар. Розену (см. Крачковскій, l. c.); 3) рукоп. парижской націон. библ. fonds arabe 4836—біографія халифа ар-Ради, 322—329=934—940 гг. (L'introduction topographique à l'histoire de Bagdâdh d'Aboû Bakr Aḥmad ibn Thâbit al-Khatib al Bagdâdhî, par G. Salmon, Paris 1904, p. 80).

3) О немъ см. Brockelmann, Geschichte der Arab. Litteratur, I, 138 и статью бар. В. Р. Розена въ З. В. О. III, 261—270.

автора исторіи Багдада и антологіи, разсказъ о томъ, какъ халифъ Мамунъ спросилъ у Ахмеда ибнъ Юсуфа его мнѣнія о Гассанѣ ибнъ Аббадѣ, котораго хотѣлъ назначить намѣстникомъ въ Синдъ[1]); благопріятный отзывъ Ахмеда крайне удивилъ халифа, знавшаго о враждѣ между нимъ и Гассаномъ; на это Ахмедъ будто бы отвѣтилъ стихомъ:

(f. 147a) كفى يمنا[2] لما[3] اسديت انّى
صدقتك[4] فى الصدّيق وفى عداتى

Этимъ разсказомъ авторъ пользуется для слѣдующихъ нападокъ противъ Ахмеда ибнъ Тайфура:

قال ابو بكر وهذا الخبر فانّما هو لهشام بن عبد الملك وقد سال اسد بن عبد الله القسرىّ عن نصر بن سيّار فاجاب فيه بهذا الجواب فقال له هشام ما ازعم انّ المامون اجابه فقال بالشعر الا انّه فى اسد ابيات كثيرة رويناه باسانيد الثقات من غير وجه فنسبه ابن ابى طاهر الى المامون واحمد بن يوسف بغير رواية لانّه صحفىّ حاطب ليل يشرط فى كتبه اختيار الشعر الجيّد وياتى بالردىّ ويزعم انه يقلّل المجنّس ويكثر فيسئ ثمّ يحكى الكذب ويخطى فى التاريخ فى نسب الشعر (f. 147b) قال ابو بكر وقد رايته بالبصرة سنة سبع وسبعين ومايتين وقدمها الى احمد بن على المادرانىّ وكتبت عنه مجلسين او ثلثة فلمّا رايتُه صحفيّا لم ار عنده ما اريده تركتُه ويعزّ علىّ ان اذكر احدا من اهل الادب بسوء وان استحقّه ولكن لا بدّ من ان نعطى العلم حقّه ونوضع الحقّ موضعه

«Говоритъ Абу-Бекръ (ас-Сули): Только этотъ разсказъ относится къ Хишаму ибнъ Абд-ал-Мелику: онъ спросилъ Асада ибнъ Абдаллаха ал-Касри о Насрѣ ибнъ Сейярѣ, и тотъ далъ ему такой отвѣтъ; и сказалъ ему Хишамъ то, что̀, по утвержденію Ахмеда ибнъ Тайфура, отвѣтилъ Мамунъ; и сказалъ (Асадъ) стихъ. Объ Асадѣ есть много стиховъ разнаго рода, переданныхъ нами съ ссылками на достовѣрныхъ людей; Ибнъ-Аби-Тахиръ (т. е. Ахмедъ ибнъ Тайфуръ) отнесъ разсказъ къ Мамуну и Ахмеду

1) Въ 213 (828—829 гг.); ср. тотъ же разсказъ (вѣроятно, со словъ Ахмеда ибнъ Тайфура) у Табари (III, 1100—1101) и у Ибн-ал-Асира (V, 289).

2) У Табари и Ибн-ал-Асира شكرا.

3) Также у Ибн-ал-Асира; у Табари بما.

4) Издатели Табари приняли чтеніе مدحتك, едва-ли соотвѣтствующее смыслу; у Ибн-ал-Асира какъ у Сули.

ибнъ Юсуфу безъ ссылки на какой-либо источникъ, такъ какъ онъ (постоянно) ошибался при чтеніи и путался въ своихъ рѣчахъ[1]). Онъ въ своихъ книгахъ ставилъ условіемъ, что будетъ выбирать хорошіе стихи, а приводилъ дурные; онъ утверждалъ, что рѣдко будетъ прибѣгать къ аллитераціи, а дѣлалъ это часто и еще портилъ (стихи); потомъ онъ приводилъ ложныя извѣстія и ошибался въ хронологіи и въ принадлежности стиховъ (тому или другому автору). Говоритъ Абу-Бекръ: я видѣлъ его въ Басрѣ въ 277 (890—1) г.; онъ пришелъ туда къ Ахмеду ибнъ Али ал-Мадерани. Я писалъ подъ его диктовку въ теченіи двухъ или трехъ засѣданій; когда я увидѣлъ, что онъ ошибается при чтеніи, и не нашелъ у него того, чего хотѣлъ, я его покинулъ. Мнѣ тяжело дурно отзываться о комъ бы то ни было изъ литературныхъ дѣятелей, хотя бы онъ этого заслуживалъ; но мы вынуждены воздать наукѣ должное и поставить истину на свое мѣсто».

Для правильной оцѣнки этихъ нападокъ необходимо вспомнить, что Ахмедъ ибнъ Тайфуръ родился въ 204 (819) г., слѣдовательно въ 277 (890—1) г., когда Сули слушалъ его въ Басрѣ, ему было уже болѣе 70 лѣтъ; съ другой стороны самъ Сули, умершій въ 335 (946) г., могъ быть въ 277 г. только очень молодымъ человѣкомъ. Самоувѣренность, съ которой онъ тогда судилъ о познаніяхъ своего стараго учителя, не покинула его и впослѣдствіи; изъ словъ Абу-л-Фазла Бейхаки[2]) мы знаемъ, что еще въ XI в. отзывы Сули (въ той же книгѣ «Ауракъ») о себѣ и своихъ стихахъ приводились въ литературномъ мірѣ, какъ примѣръ крайняго самохвальства.

Наконецъ, нѣкоторый интересъ представляютъ, въ той же главѣ, разсказы объ отношеніи къ Ахмеду ибнъ Юсуфу поэта Абу-л-Атаhіи. Списанными мною мѣстами каирской рукописи воспользовался для своей статьи объ этомъ поэтѣ И. Ю. Крачковскій[3]), сопоставившій иснады, съ которыми передаются два разсказа у Сули и въ Китаб-ал-Агани. Приводимъ здѣсь весь отрывокъ объ отношеніяхъ между поэтомъ и везиромъ.

(f. 149a) وكانت لاحمد بن يوسف مع ابى العتاهية اخبار حدّثنا محمد بن زكريّا قال
حدّثنا مهدى بن سابق قال كتب ابو العتاهية الى احمد بن يوسف

---

1) Ср. слова бар. Розена (съ ссылкой на Фихристъ, p. 146), З. В. О. III, 262. Въ этомъ случаѣ, однако, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что правъ Ахмедъ ибнъ Тайфуръ, а не Сули. Анекдотъ не могъ быть разсказанъ объ Асадѣ и Насрѣ, такъ какъ назначеніе Насра намѣстникомъ Хорасана произошло послѣ смерти Асада (ср. Табари, II, 1638 и 1659 и слѣд.).

2) Táríkh-i Baihaki, ed. Morley, p. 755.

3) З. В. О. XVIII, стр. 77, прим. 10.

اطع الله بجهدك ابدا او دون جهدك

اعط (sic) مولاك كما تطلب من طاعة عبدك[1]

فلمّا قرا احمد البيتين قال هذا ابلغ كلام ' قال ابو بكر حدّثنا محمد بن موسى بن حمّاد حدّثنى ابن مهرويه محمد بن القاسم قال حدّثنى عبد الله بن احمد بن حرب قال حدّثنى موسى بن عبد الملك قال كتب ابو العتاهية الى احمد بن يوسف

ابا جعفر انّ الشريف كشيئة

تتايهها على الاخوان بالوقر

فان نهت فيها الذى ملت من غنى

فانّ غنايى فى التجمّل والصبر

(f. 149b) الم تر انّ الفقر يرجى له الغنى

فانّ الغنى يخشى عليه من الفقر[2]

حدّثنا محمد بن موسى قال حدّثنى ميمون بن مرون[3] قال كتب ابو العتاهية الى احمد بن يوسف وقد عتب عليه

---

1) Въ диванѣ Абу-л-Атаhiи (бейрутское изд. 1887 г., р. 86) это двустишіе приводится въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ къ нашему тексту ближе вторая:

اطـلـع الـلـه بـجـهـدك

راغـبـا او دون جـهـدك

اعـط مـولاك الـذى

تـطـلـب مـن طـاعـة عـبـدك

2) Стихи приводятся въ كتاب الاغانى, булакское изд. III, 165, 12—18, съ иснадомъ, приведеннымъ въ статьѣ И. Ю. Крачковскаго, въ слѣдующемъ видѣ:

ابا جعفر ان الشريف يشينه

تتايهه على الاخلاء بالوفر

الم تر ان الفقر يرجى له الغنى

فان الغنى يخشى عليه من الفقر

فان نلت تيها بالذى نلت من غنى

فان غنايى فى التجمّل والصبر

3) Въ статьѣ И. Ю. Крачковскаго этотъ иснадъ по ошибкѣ отнесенъ къ слѣдующему разсказу.

ابا جعفو هلّا اقتطعت مودّتى
فكنت مصيبا فىّ اجرا ومصنعا
فكم صاحب قد جلّ عن قدر صاحب
فالقى له الاسباب فارتفعا معا

حدّثنا محمد بن الاسود قال حدّثنا ابن ابى فتن قال ابو العتاهية احمد (sic) بن يوسف[1] فحجبه فكتب اليه

اراك تراع حين ترى خيالى — فما هذا يروعك من خيالى
لعلّك خايف منّى سوالا — الا فلك الامان من السوال
كفيتك انّ حالك لم تمل بى — لاطلب منك تبديلا بحالى[2]
وانّ العسر مع اليسر عندى — بانّهما مبيت فما ابالى[3]

فلما قراها وصله واستكفّه وهجر احمد بن يوسف ابا العتاهية فقال فيه

(f. 150a) فى عداد الموتى وفى ساكنى الدنيا ابو جعفر اخى وخليلى
لم يمت ميتة الوفا ولكن مات عن كلّ صالح وجميل

Указаніемъ на соотвѣтствующія мѣста бейрутскаго изданія дивана Абу-л-Атаһіи и Китаб-ал-Агани я обязанъ И. Ю. Крачковскому, сообщившему мнѣ также, что третьяго и пятаго двустишія ему въ просмотрѣнныхъ имъ антологіяхъ и комментаріяхъ не приходилось встрѣчать.

Въ главѣ وفاة احمد بن يوسف приводится (л. 166 а) дата смерти Ахмеда ибнъ Юсуфа — рамазанъ 213 (ноябрь — декабрь 828); причемъ Сули и въ этомъ случаѣ, какъ въ началѣ главы объ Ахмедѣ ибнъ Юсуфѣ, ссылается на свое другое сочиненіе كتاب الوزرا[4]). Интересное заключеніе рукописи, гдѣ приводятся свѣдѣнія о содержаніи книги الاوراق и о томъ мѣстѣ, на которомъ она была прервана смертью автора, приведено въ статьѣ Horovitz'a.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою искреннюю признательность лицамъ, оказавшимъ мнѣ любезное содѣйствіе въ моихъ рабо-

1) Въ كتاب الاغانى III, 169, 5—13 въ этомъ случаѣ названъ يحيى بن خاقان.
2) Въ كتاب الاغانى: لاطلب مثلك بدلا بحالى.
3) Въ كتاب الاغانى: بايّهما منيت فلا ابالى.
4) Дата смерти Ахмеда ибнъ Юсуфа не приводится ни у Табари, ни у Ибн-ал-Асира.

тахъ. Для занятій въ библіотекахъ при константинопольскихъ мечетяхъ требовалось разрѣшеніе турецкаго министерства народнаго просвѣщенія; благодаря любезности моего бывшаго слушателя В. М. Писарева, драгомана при Россійской Императорской миссіи, поѣхавшаго вмѣстѣ со мной въ министерство, я не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ прибытія въ это учрежденіе имѣлъ въ рукахъ необходимый документъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и при поѣздкахъ по городу и его окрестностямъ мнѣ принесли существенную пользу указанія членовъ русскаго археологическаго института, особенно секретаря Р. Х. Лепера. Всѣмъ оріенталистамъ, работавшимъ въ Каирѣ, хорошо извѣстно, съ какой быстротой и готовностью въ библіотекѣ хедива, благодаря ея директору д-ру Б. Морицу, удовлетворяются всѣ просьбы ученыхъ.

В. Бартольдъ.

Февраль 1908 г.

Надписи на порталѣ мечети въ Мешед-и-Мисріâнъ [1]).

Подъ именемъ «Мешед-и-Мисріанъ» (по персидскому произношенію) или «Мешед-и-Местеріанъ» (а также «Мест-Дебранъ», «Мест-Довранъ» и «Месторіанъ» по произношенію туркменъ) извѣстны развалины большого города, находящіяся въ Чикишлярскомъ приставствѣ Красноводскаго уѣзда, Закаспійской области. Онѣ лежатъ въ безводной и потому совершенно безплодной мѣстности, на пути отъ укрѣпленія Чатлы къ караванной дорогѣ, ведущей отъ Чикишляра къ ст. «Айдинъ», Средне-Азіатской желѣзной дороги.

Окружающая эти развалины мѣстность донынѣ сохранила слѣды былой культуры: сѣверо-западнѣе лежатъ развалины крѣпостей: Кызганчи́ и Гечи-Кал'асы, на югъ и вокругъ погибшаго города — остатки грандіозныхъ ирригаціонныхъ сооруженій [2]).

Литература мало удѣлила вниманія этимъ, во всякомъ случаѣ въ вы-

---

1) Статья въ корректурѣ была просмотрѣна В. А. Жуковскимъ, которому принадлежатъ примѣчанія, отмѣченныя иниціалами В. Ж.

2) Бывшій топографъ штаба 2-го Туркестанскаго армейскаго корпуса, капитанъ Г. Д. Лукинъ, показывалъ намъ составленный имъ подробный планъ оросительной системы Мешед-и-Мисріанъ. Главною особенностью въ этой системѣ, судя по этому плану, являлся искусственно отведенный къ городу рукавъ р. Атрека, изъ котораго питались водою многочисленные арыки и кяризы. Ближайшее же разстояніе отъ развалинъ до р. Атрека не менѣе пятидесяти верстъ.

сокой степени интересным, развалинамъ[1]), да и эти не особенно щедрыя описанія Мешед-и-Мисріанъ лишены того, что составляетъ душу каждаго изложенія, т. е. рисунковъ.

Настоящіе фотографическіе снимки съ наиболѣе интересныхъ развалинъ Мешед-и-Мисріанъ были сдѣланы и любезно подарены пишущему это Б. Н. Кастальскимъ[2]). Послѣдній посѣтилъ эти развалины въ іюлѣ 1902 года и произвелъ при этомъ весьма цѣнныя съемочныя работы, опредѣляющія какъ расположеніе города и его цитадели, такъ и характеръ сооруженій послѣдней. Кромѣ того, Б. Н. Кастальскимъ было собрано на мѣстѣ развалинъ нѣсколько черепковъ глиняной и фаянсовой посуды весьма совершенной работы съ прекрасно сдѣланными надписями.

Отъ былого величія погибшаго города, какъ то можно судить по при-

---

1) Насколько намъ извѣстно, существуютъ слѣдующія описанія этихъ развалинъ:

Ломакинъ, генералъ. Осмотръ развалинъ древняго города Мешедъ-и-Местеріанъ. (Изв. Кавказскаго Отд. Имп. Р. Географ. Общ. Т. 4, № 1, стр. 15—17).

—— Открытіе развалинъ древняго города Мешед-Местеріанъ, въ южной Туркменіи. (Газ. «Кавказъ», 1875 года, № 135).

Die Ruinen der alten Städte Meshed und Mesterian. Von Albin Kohn. («Globus», 1876, № 71).

Die Ruinen der Stadt Mestorjan in der Turkomanen-Steppe. Ins Deutsche übersetzt von General Lieutenant von Blaramberg. (Petermann's Geogr. Mittheilungen, 1876, Bnd. 22, № 1).

[Къ этому можно добавить:

Поручикъ Щетихинъ. Развалины древнихъ городовъ въ Средней Азіи. Местъ-Довранъ. Укрѣпленіе Ташъ-Арватъ-Кала. Всемірная Иллюстрація 1876, № 374, стр. 183. (Къ описанію приложено на стр. 188 *семь рисунковъ*. Щетихинъ находился въ отрядѣ ген. Ломакина).

А. В. Комаровъ въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества 25 февраля 1888 года, сообщая о древностяхъ Закаспійской Области, подробно говорилъ о развалинахъ Мастъ-Деуранъ, иллюстрируя сообщеніе прекрасными фотографіями. Подробный отчетъ объ этомъ сообщеніи подъ заглавіемъ «Закаспійская Область въ археологическомъ отношеніи» былъ напечатанъ въ газетѣ «Новости» 1888 г. № 62 и 65 (=Туркестанскія Вѣдомости 1888 г. № 24,25; нѣмецкій переводъ въ Petermann's Mittheil. 1889, VII, 158—163). В. Ж.].

Кромѣ того описаніе развалинъ Мешед-и-Мисріанъ имѣется у:

Conolly, A. Journey to the North of India, overland from England through Russia, Persia and Afganistan. Lond. 1838, vol. I, p. 76—77.

Коншинъ, А. М. Разъясненіе вопроса о древнемъ теченіи Аму-Дарьи. (Зап. Имп. Русск. Географ. Общ. по общей географіи, т. XXXIII, № 1, стр. 152—153; съ приложеніемъ плана городища).

Бартольдъ, В. Историко-географическій обзоръ Ирана. СПБ. 1903, стр. 82.

Вамбери, А. Путешествіе по Средней Азіи. Перев. съ англійскаго. СПБ. 1865, стр. 53. [Reise in Mittelasien, Leipz. 1865, p. 83. В. Ж.].

2) Нынѣ начальникъ Самаркандской инженерной дистанціи.

лагаемымъ при семъ фотографіямъ[1]), сохранилось въ сущности немного, да и это немногое сильно изуродовано и временемъ, и людьми. Тѣмъ не менѣе эти руины все же имѣютъ нѣчто, проливающее нѣкоторый свѣтъ на далекое прошлое этихъ сравнительно мало извѣстныхъ развалинъ. Это «нѣчто»—остатки надписей. Намъ удалось пока дешифрировать надписи на остаткахъ портала соборной мечети. Вверху надъ серединою портала сохранилось

بنى هذا الطا(ق) ....

т. е. «построилъ эту арку».... Вдоль обѣихъ сторонъ портала шелъ весьма изящный орнаментъ, между рядами котораго находилось по полосѣ куфическихъ буквъ; послѣднія своимъ начертаніемъ строго гармонировали съ обрамлявшимъ ихъ орнаментомъ, причемъ концы начальныхъ и конечныхъ буквъ составляютъ какъ бы продолженіе находящагося надъ ними крестообразнаго орнамента. Начинаясь вмѣстѣ съ орнаментомъ, надписи, какъ то можно судить по фотографіямъ, загибались затѣмъ вверху подъ острымъ угломъ и шли параллельно вдоль парапета портала.

Надпись на правой сторонѣ,—если стать лицомъ къ порталу, — читается:

بسم الله يا ايّها الّذين امنوا اذا نودى للصّلوة من يوم الجمعة
فاسعوا الى ذكر الله وذرو البيع ذلكم[2] ....

Это кораническій стихъ (девятый изъ 62-й суры), сохранившійся здѣсь не полностью, въ переводѣ означаетъ:

«Во имя Бога. О вы, вѣрующіе, когда позовутъ на молитву въ день собранія, спѣшите къ славословію Бога, оставивъ куплю. И это»...

На лѣвой сторонѣ сохранилось:

.... علاء الدّنيا والدّين غياث الاسلام والمسلمين ظلّ الله فى
العالمين سلطان (sic) محمّد ابن السّلطان تكش برهان امير المؤمنين

т. е..... «величіе міра и вѣры, защита ислама и правовѣрныхъ, тѣнь Бога въ мірахъ, султанъ Мухаммедъ, сынъ султана Текеша, аргументъ (въ рукахъ) повелителя правовѣрныхъ»[3]).

---

1) Въ редакцію «Зап. Вост. Отд.» было доставлено, вмѣстѣ со статьей, *семь* фотографическихъ снимковъ. По недостатку денежныхъ средствъ, редакція была вынуждена ограничиться помѣщеніемъ только одного изъ нихъ, гдѣ изображены башни портала съ надписью, въ которой упоминается имя султана.

2) Не достаетъ خير لكم ان كنتم تعلمون (лучшее для васъ, если бы вы знали).

3) Эта надпись, повидимому, представляетъ продолженіе надписи, бывшей надъ аркою портала... بنى هذا الطاق.

Эта строка, слѣдовательно, заключала «тарихъ», или дату, обозначавшую, когда и кѣмъ было построено зданіе. Султанъ Мухаммедъ, сынъ султана Текеша, тотъ злополучный харезмъ-шахъ († 1220 г. по Р. Х.), обширное и цвѣтущее государство котораго было разрушено монголами Чингиза. Упоминаемымъ же здѣсь «повелителемъ правовѣрныхъ», въ такомъ случаѣ, является аббасидскій халифъ Нâсиръ, за котораго, не смотря на извѣстную вражду его къ султану Мухаммеду, все же всюду въ Трансоксаніи и Хорасанѣ молились какъ за «владыку правовѣрныхъ», духовнаго главу тогдашняго исламскаго міра.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ развалинъ мечети стоятъ двѣ высокихъ башни, скорѣе всего минареты. На вершины ихъ ведутъ лѣстницы. Обѣ онѣ сильно пострадали и неизвѣстно отъ чего больше: отъ времени ли, или отъ рукъ человѣческихъ. Верхъ обѣихъ башенъ окаймлялся широкой лентой весьма извѣстной орнаментаціи, основнымъ мотивомъ которой является всѣмъ извѣстная *свастика*. Кромѣ того, на одной изъ башенъ сохранились арабскія надписи, окаймлявшія ее снизу, по срединѣ и на верху. Нижняя и верхняя каймы этихъ надписей почти совсѣмъ уничтожены; сохранилась лишь средняя, которая читается такъ:

بسم الله الرّحمن الرّحيم بركة من الله ممّا امر به ابو جعفر
احمد بن ابى الاغرّ صاحب الرّباط اعزّه الله عمل على ربا (?)

т. е. Во имя Бога милостиваго и милосерднаго, — благословеніе отъ Бога. Эту (постройку) приказалъ (воздвигнуть) Абу-Джаʿфар-Ахмедъ, сынъ Абул-Агарра, владѣтель сего пограничнаго укрѣпленія [1]), да возвеличитъ его Богъ. *Работалъ Алій* . . .(?) [2]).

Масса черепковъ битой посуды и кирпичей, валяющихся подлѣ всѣхъ этихъ развалинъ, при полной безотрадности и запустѣніи окружающей мѣстности, невольно вызываютъ въ памяти латинское изреченіе: sic transit gloria mundi.

А. Семеновъ.

---

1) [О такомъ значеніи термина «рабатъ» (собств. «рибатъ») см. слова Самʿани (В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, стр. 57). Ред.].

2) [Надписи эти изданы въ Протоколахъ Засѣданій Туркестанскаго Кружка Любителей Археологіи (годъ одиннадцатый), въ засѣданіи котораго 20 Окт. 1906 г. А. А. Семеновъ сдѣлалъ докладъ о развалинахъ Мешеди-Мисріанъ, стр. 26. В. Ж.].

По поводу изданія Н. П. Остроумова „Свѣточъ Ислама".

Маститый ташкентскій востоковѣдъ Н. П. Остроумовъ неутомимо продолжаетъ обогащать нашу науку новыми посильными вкладами. Изъ его крупныхъ трудовъ за послѣдніе годы назовемъ: «Сказки сартовъ въ русскомъ изложеніи»[1]), статьи о народномъ образованіи у мусульманъ[2]), «Новыя данныя о глиняныхъ погребальныхъ урнахъ»[3]), «Свѣточъ Ислама. Учебное руководство, употребляемое въ школахъ туркменъ Закаспійской области», «Махтумъ-кули», «Изъ дивана Мукыми, Ферганскаго поэта»[4]).

Мы скажемъ нѣсколько словъ по поводу изданія Н. П. Остроумова «Свѣточъ Ислама».

«Свѣточъ Ислама» — رونق الاسلام до работы Н. П. Остроумова былъ намъ извѣстенъ по двумъ изданіямъ: печатному казанскому 1896 г. и литографированному ташкентскому 1898 г. Изъ европейскихъ книгохранилищъ сочиненіе رونق الاسلام находится, повидимому, въ Московскомъ Историческомъ музеѣ[5]). На островѣ Челекенѣ мы получили въ 1906 г. въ

1) Заглавіе на обложкѣ: *Сарты. Народныя сказки. Издалъ Н. П. Остроумовъ.* Заглавіе на страницѣ 1-ой: *Н. П. Остроумовъ. Сказки сартовъ въ русскомъ изложеніи. Съ пятью оригинальными рисунками. Ташкентъ. 1906.* Въ этой книжкѣ перепечатано съ нѣкоторыми исправленіями и примѣчаніями 17 сказокъ изъ II выпуска: *Сарты. Этнографическіе матеріалы* (Ташкентъ, 1893), къ которымъ вновь добавлено еще 4 сказки. Изъ II выпуска перепечатаны также и пять дополненій, къ которымъ прибавлено шестое: *Продолжительность человѣческой жизни.*

2) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. за 1906 г., № 2 (Мусульманскіе мактабы и русско-туземныя школы въ Туркестанскомъ краѣ), № 10 (Мусульманская высшая школа—мадраса) и 1907 г., № 1 (Мадрасы въ Туркестанскомъ краѣ).

3) Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи. Годъ 11-ый. Ташкентъ, 1907, стр. 32—44. См. К. Иностранцевъ, Къ изученію оссуаріевъ (Зап. В. О., т. XVIII, стр. 064—067).

4) Три послѣднихъ работы являются изданіями турецкихъ текстовъ и были первоначально напечатаны въ Ташкентской туземной газетѣ, издаваемой на языкѣ تركى, за слѣдующіе годы: 1) 1905—1906; 2) и 3) 1907, а затѣмъ вышли отдѣльными оттисками. Всѣ три — изданія не критическія и безо всякихъ поясненій отъ лица издателя. «Свѣточъ Ислама» напечатанъ на 40 страницахъ въ 8-ую долю листа съ ошибочной помѣткой: «*издано въ первый разъ* съ рукописи въ 1905—1906 гг.» (смотри ниже!). Второе изданіе напечатано на 137 страницахъ въ 16-ую долю листа. Въ заглавіи, послѣ словъ مختوم قلى — Махтумъ-Кули, *сборникъ отдѣльныхъ пѣсенъ* туркменскаго поэта по ошибкѣ названъ «распространеннымъ среди Туркменъ Закаспійской области *мистическимъ стихотвореніемъ*». Третье изданіе ديوان مقيمى — *Изъ дивана Мукыми, Ферганскаго поэта* напечатано на 31 стр. въ 16-ую долю листа.

5) Въ замѣткѣ М. Гартманна «Die Skobelev-Sammlung orientalischer Handschriften» (Orientalistische Litteraturzeitung, 5, стр. 73—75) среди рукописей, вывезенныхъ генераломъ Скобелевымъ въ 1876 г. изъ Коканда и находящихся нынѣ въ Московскомъ Историческомъ

подарокъ отъ Кыятъ-хана (عبد الغياث خان) рукопись, заключающую въ себѣ между прочимъ и رونق الاسلام[1]).

«Свѣточъ Ислама» представляетъ изъ себя краткій мусульманскій учебный катехизисъ въ стихахъ. Названіе учебника — رونق الاسلام явствуетъ изъ слѣдующаго стиха (С. f. 53b, 1):

رونق الاسلام مونكا بريلدى آت * اوكرانيب يادينكده توتغيل جمله يات[2]

Въ предпослѣднемъ стихѣ учебника указывается дата его написанія, 869 = 1464—65 г. (О. ٣٩, 1 св.):

بو كتاب ختمنده اول ايردى سنه * تسعه و ستون ثمانيه مائه[3]

Послѣдній стихъ даетъ размѣръ сочиненія:

وزن ايچنده مضبوط اولشدور بيات * فاعلات فاعلات فاعلات

Кто былъ авторомъ «Свѣточа Ислама», и въ какой странѣ было написано это сочиненіе — изъ текста не видно. Туркмены Закаспійской области, въ мектебахъ которыхъ رونق الاسلام принятъ въ качествѣ учебника, называютъ его авторомъ Шейха-Шерефа. Ходжали-Молла, бывшій мирза Дурунскаго приставства Асхабадскаго уѣзда[4]), записалъ для насъ въ 1906 г. слѣдующее преданіе объ этомъ шейхѣ.

музеѣ, упоминается 16 списковъ одного и того-же неизвѣстнаго М. Гартманну религіознаго сочиненія въ стихахъ, причемъ приводится первый полустихъ какъ разъ изъ رونق الاسلام'а: شكر ايت [чит. ايتيب А. С.] اول خالقى برلايلى.

1) Впредь для краткости будемъ обозначать: мою рукопись чрезъ С., а изданія Н. П. Остроумова, казанское и ташкентское 1898 г. чрезъ О., К., Т.

2) О. стр. ٣٨, 13 сн.:

رونقى (sic!) الاسلام مونكا بريلدى آة * اوكرانيب يادينكده توتغيل جمله ياة

Т. = С.; К. стр. ٤٧, 3 сн. иначе 2-ое полустишіе:

اوكرانب جاننك بلان توت جمله ياد

3) С. и К. согласно съ О. даютъ 869 г. гиджры (1464—65 г.), а Т. تسعه وتسعون ثمانيه مائه.

4) Ходжали-Молла весьма умный и довольно начитанный старикъ. Его любви къ книгамъ и къ народнымъ преданіямъ, любви, унаслѣдованной, по его словамъ, отъ его отца, мы обязаны пріобрѣтеніемъ для науки такихъ интересныхъ рукописей, какъ وعظ ازاد, сочиненіе отца Махтумъ-Кули, Доулетъ-Мамеда *(unicum)*, и какъ отличный отъ другихъ списокъ شجرهٔ تراكمه Абульгази, о которомъ рѣчь будетъ ниже, а также цѣлаго ряда разсказовъ о разныхъ туркменскихъ поэтахъ и образчиковъ ихъ произведеній, которые Ходжали-Молла отъ поры до времени сообщаетъ намъ въ Петербургъ. Моллѣ въ 1906 году было всего 46 лѣтъ, но онъ имѣлъ уже видъ «аксакала». По написаніи этой статьи мы получили отъ Ходжали-Моллы еще списокъ شجرهٔ تراكمه, вывезенный имъ изъ недавняго путешествія на р. Гургенъ къ гокланамъ.

شیخ شرف دیکان بر ولی الله قدیم زمانده بولیب دور خیواده خیوانینک صحراسنده
کزان چارواه اوبالار آق سقاللاری شیخ شرف ولیکا توقه (чит. توقع) اتیب دورلار
بزکا ترکی تیلنده مسلمانلیقنی بخشی اوقیب بیلور یالی کتاب یازیب بر دیکانین شیخ
شرف ولی رونق الاسلامنی توزیب یازیب بریب دور شول چارواه بایلار شیخ شرف
ولیکا شونینک عوضنه اوتوز کوشاکلی تیوه بریب دورلار آنلاری هم شیخ ولی الیب
فقیر فقرالاره صرف اتیب دور شیخ شرفنینک عادتی همیشه اشك منیب کزارمیش
کونلارده بر کون بر بای بر آط خدای یولی بردی اوّلقی اشکنی قیوب آطنی منیب
اوبادین چقدی کونکلی بلندلیك اتیب هوا هوسکا کندی اول وقت آط باشینی چکیب
شیخ شرف ولی [غه] بو بیت نی اوقودی

آتینک سنینک شیخ شرف * اصلینک طط بولسه کراك
یاغیر اشك دوران یرده * بدو آط سنکا نا کراك

تیب ایزینه اوبایه قیتب آطنی ینه فقیره بریب اوّلقی اشکنی منیب کندی سونکره
شویله نقل آیتورلار که بر یلاننی مینب بر یلاننی قمچی اتیب خیوادین نخورغه کلیب
دور حاظر شیخ شرف ولی‌نینک قبوری نخورده بولور و بر نیچه اویلی نخورلی شیخ
شرف نینک نسلیمز دیارلار اوزلاری خواجه حساب ایدارلار

«Въ древнія времена былъ въ *Хивѣ* одинъ божій человѣкъ по имени Шейхъ-Шерефъ. Старѣйшины пастушескихъ ауловъ, кочевавшихъ въ хивинской пустынѣ, обратились къ святому Шерефу съ просьбой, чтобы онъ написалъ для нихъ на турецкомъ языкѣ книгу, по которой можно было-бы хорошо научиться мусульманству. Святой Шейхъ Шерефъ сочинилъ, написалъ и вручилъ (имъ) «*Свѣточъ Ислама*». Въ награду за это баи-скотоводы дали святому Шейху-Шерефу тридцать верблюдовъ съ верблюжатами, а святой шейхъ взялъ и роздалъ ихъ бѣднымъ людямъ.

Шейхъ-Шерефъ имѣлъ обыкновеніе всегда ѣздить на ослѣ. Въ одинъ прекрасный день какой-то бай далъ ему въ видѣ милостыни коня. Оставивъ своего прежняго осла, (шейхъ) сѣлъ на коня и выѣхалъ изъ аула. Душа (святого) возгордилась и ступила на путь суетныхъ мечтаній. Тогда конь, вытянувъ свою голову, прочиталъ святому Шейху-Шерефу слѣдующій стихъ:

Имя твое — Шейхъ-Шерефъ;
Родомъ *татъ*[1]) ты, надо быть;

---

1) Татами туркмены зовутъ исконныхъ жителей среднеазіатскихъ ханствъ, говорятъ-ли они на родномъ языкѣ *иранскаго* корня, или уже перешли на *турецкій* языкъ. Шс-

Взамѣнъ потертаго осла
Арабскій[1]) конь на что тебѣ?

Вернувшись обратно въ аулъ, (шейхъ) отдалъ коня бѣдняку, сѣлъ на прежняго осла и поѣхалъ.

Затѣмъ такъ разсказываютъ, что (шейхъ), сѣвъ на одну змѣю, а другую змѣю взявъ въ качествѣ ногайки, прибылъ изъ *Хивы* въ *Нухуръ*[2]). Нынѣ могила святого Шейха-Шерефа находится въ *Нухурѣ*, и нѣсколько нухурскихъ семей утверждаютъ, что они потомки Шейхъ-Шерефа, и считаютъ себя ходжами».

Разсказъ о Шейхѣ-Шерефѣ имѣется и въ сочиненіи Абульгази شجرهٔ تراكمه, представляющемъ изъ себя обработку распространенныхъ среди туркменовъ во времена Абульгази версій اوغوز نامه[3]). Мы приведемъ здѣсь этотъ разсказъ въ текстѣ и переводѣ, воспользовавшись пятью временно находящимися въ нашемъ распоряженіи неизданными списками شجرهٔ تراكمه[4]).

мена, для которыхъ турецкій языкъ является роднымъ (казаки, кара-калпаки, узбеки), къ татамъ не причисляются. На нашъ вопросъ, чѣмъ отличается узбецкое нарѣчіе отъ туркменскаго, одинъ текинецъ отвѣтилъ: öзбäг діlі бір-аз *тат*рак тыр. Къ татамъ туркмены относятся свысока, съ пренебреженіемъ и даже презрѣніемъ, что видно и изъ даннаго стиха: оселъ, а не конь подходящее для тата верховое животное! У текинцевъ Мерва мы записали про татовъ такую тоже нелестную для нихъ поговорку: ікі тат — бір тäкä — «два тата — одинъ текинецъ». Таты въ свою очередь о туркменахъ такого-же мнѣнія, какъ русскіе о пошехонцахъ, подтвержденіемъ чего можетъ служить слѣдующій татскій стишокъ:

قدر كر كوكرد نداند تـركـمـان * سر بپايه كون ببالا كوف بكوف

Такъ, по мнѣнію татовъ, туркмены обращаются со спичками. — До сихъ поръ невыясненное имя сартъ туркменамъ неизвѣстно.

1) Слово بدو, означающее у каз.-киргизовъ уже *кобылу, которая не жеребилась*, первоначально значитъ *бедуинка* — بدوى (ср. русское *шведка*!).

2) Нухуръ — горный аулъ Асхабадскаго уѣзда со смѣшаннымъ населеніемъ, не находящимся въ родствѣ съ теперешними закаспійскими туркменами. Туркмены считаютъ нухурцевъ ниже себя и не заключаютъ съ ними браковъ (*Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь*, Ѳ. А. Михайлова, Асхабадъ, 1900, стр. 39—40).

3) См. Абуль-Гази-Бохадуръ-Ханъ. Родословная туркменъ. Переводъ А. Туманскаго. Асхабадъ, 1897, стр. 2—3.

4) Самый старый изъ извѣстныхъ намъ списковъ (XVII в.) находится въ Ташкентской Публичной Библіотекѣ (по каталогу Каля — № 80 c); Каль отмѣтилъ его въ свое время, какъ *unicum*, но въ Асхабадской Публичной Библіотекѣ, какъ мы узнали на мѣстѣ въ 1906 г., имѣется еще два списка شجرهٔ تراكمه, изъ которыхъ одинъ поступилъ въ 1900, а другой въ 1903 годахъ. Оба асхабадскихъ списка отличны отъ ташкентскаго; первый (съ помѣткой Инв. $^{764}/_{900}$) представляетъ совсѣмъ новую копію со списка, сдѣланнаго въ ۱۲۱۴ = 1799—1800 г., а второй (съ помѣткой: изъ кн. Ѳ. А. Михайлова. Инв. $^{373}/_{903}$) датированъ ۱۳۱۸ = 1900—1901 годомъ. Четвертый списокъ, принадлежащій Ходжали-Моллѣ, — новый, весьма плохо исполненный — отличается отъ всѣхъ трехъ предыдущихъ тѣмъ, что сочиненіе Абульгази внесено въ него не подрядъ, а вразбивку и, кромѣ того, дополнено рядомъ вставокъ легендарнаго характера. Наконецъ, пятый, только что нами

*خضر ایلی [1] سالوز ایلیندین [2] ابولخان‌دا [3] آرساری [4] بای تیکان [5] بار ایردی [6] اوزاق
عمر تابقان [7] *دولتلی و [8] مسلمان‌لیققه [9] کوشش [10] قلاتورغان [11] کشی [12] ایردی [13] بو
سوزمیزنینک [14] دلیلی بو [15] کیم اول [16] زمانده اورکنجدا [17] بر عزیز کشی بار ایردی
شیخ [18] *شرف آتلی [19] شیخ‌لیق مسندیندا [20] اولتورغان *و هم ملا ایردی [21] آرساری [22]
بای *باریب شیخ مذکورکا [23] قرق تیوه نیاز بریب [24] انابت قیلیب [25] *التماس
یوزیندین [26] عرض قلدیکم بیز [27] ترك [28] خلق [29] توروربز [30] عربی کتاب‌لارینی [31]
اوقوب [32] انینك معنی‌سیکا [33] یتیشب [34] *عمل قلماقلیق بسی [35] مشکل *بولاتورور [36]
اکر عربی مسئله‌لارنی [37] ترکی [38] ترجمه قیلیب [39] *عنایت قیلسانکیز ایردی [40] ثوابغه [41]
شریك بولور ایردینکز [42] تیدی [43] ایرسا [44] *شیخ شرف خواجه [45] تقی [46] بارجا [47] *مسئلهٔ
دینی‌نی [48] ترجمه قیلیب بر کتاب ایتیب معین [49] المرید آت قیوب آرساری [50] بایغه

полученный отъ Ходжали-Моллы на время списокъ относится тоже къ новымъ и принадлежитъ Нури-Ишану, сыну Моллы Мурадъ-Ахуна, жительствующему на р. Гурген̌ѣ среди гоклановъ. Подробнѣе о названныхъ 5 спискахъ мы надѣемся высказаться особо. شجرهٔ تراکمه начало печататься въ русско-персидско-турецкой газетѣ مجموعهٔ ماورای بحر خزر (Асхабадъ, съ 1903 г.) съ русскимъ переводомъ, близкимъ къ переводу Туманскаго (см. № 1), но о дальнѣйшей судьбѣ этого ненаучнаго изданія намъ ничего неизвѣстно.—При ссылкахъ мы обозначаемъ перечисленные выше 5 списковъ по порядку: T, A^2, A, X, H; въ основу изданія положенъ списокъ T.

1) H. حضرایلی; A^2. حضیر ایلی; A. وتقی برسوز مخفی قالماسون کیم; X. وینه حضر کورکان حضر علیه السلام اویکا مهمان بولغان sic! 2) X. آطندین sic! 3) A. ابو الخانده; A^2. ابو الخانداه; X. منکشلا قده. 4) A. ایرساری; X. آیرساری 5) H. A. دیکان; H. добавл. بر کشی. 6) X. اردی pass.; A^2. добавл. اوزی. 7) A. تاپغان; X. добавлено کینك. 8) A. оп. 9) A. вставл. ودینداریلیقغه. 10) H. и A^2. کشایش. 11) H. A. X. قیلاتورغان. 12) A. и X. کیشی pass. 13) A^2. вставл. اما. 14) Рукоп. سوزمیز; исправлено по H. A. A^2. X. 15) A. اولتو رور. 16) Рукоп. оп.; вставлено по H. A. A^2. X. 17) X. اورکانجده; A^2. اورکانجداه. 18) Рукоп. оп.; вставлено по H. A. A^2. 19) X. آتی شرف; вм. آتلی H. и A^2. آتلیغ. 20) A جاده سینده; X. مسنده. 21) A. ملا کیشی ایردی; X. عالم ملا اردی; A^2. вставл. ایرسه (подъ зрительнымъ вліяніемъ слѣд. ایرساری?). 22) H. A. X. ارساری. 23) A. شیخ مذکورکا باریب; вм. مذکورکا H. مذکورغه, X. مذکوره‌کا sic! 24) H. بردی; A^2. برله. 25) H. قیلوب; A. کیلتوریب; X. الیب. 26) A. оп. 27) H. بز A. بزلار. 28) X. ترکمان. 29) A. и X. خلقی. 30) H. ترورمز; A. и X. تورورمیز; A^2. تورورمزلار. 31) H. и X. کتابلارنی; A. کتاب‌نی. 32) A. اوقیب. 33) H. и A. معنی سیغه. 34) H. и X. یتوشوب; A. توشماك; A^2. توشوب. 35) A. оп; A^2. оп. بسی. 36) H. ترور; A. ایرور. 37) A. مسائل لارنی. 38) X. تورك; H. оп.; A^2. ترکیك sic! 39) X. вставл. برکتاب قیلیب. 40) A. قیلسانکیز ایردی; برسه‌لار въ рук. искажено. 41) A. и X. ثوابیغه. 42) A. ایردیلار. 43) A. оп.; A^2. تیب آیدی. 44) H. ایرسه; X. оп.; A. оп., взамѣнъ чего вставлено انده. 45) H. شیخ شرف; A. شیخ مذکور. 46) X. هم; H. и A. оп. 47) H. بارجه; A. и X. بارچه. 48) H. A^2. и X. مسئله لارنی; A. ضروری دینی مسئله لارنی; далѣе у A. и X. вставлено: у перваго ترکی, у второго ترك. 49) X. امیر sic! 50) A. ایرساری.

بردی اول وقتدین[3] تا بو کون‌غاجا[2] بارجا[1] *ترکمان‌لار اول کتاب‌نینك مسئله‌لاریغه عمل قلاتورورلار[4]

«Хызръ-или[5]). Былъ въ *Абулъханъ*[6]) (нѣкто) по имени Арсари-бай, изъ *салорскаго* племени. Это былъ человѣкъ, обрѣвшій долгую жизнь, богачъ, ревнитель мусульманства. Подтвержденіемъ этихъ нашихъ словъ (служитъ) слѣдующее. Въ тѣ поры въ *Ургенджъ* былъ одинъ святой мужъ по имени Шерефъ; онъ возсѣдалъ на престолѣ шейхства и былъ къ тому-же ученымъ. Арсари-бай отправился къ помянутому шейху, далъ ему милостыню въ сорокъ верблюдовъ, принесъ покаяніе и обратился къ нему съ покорнѣйшей просьбой: «Мы — народъ турецкій и (намъ) весьма затруднительно читать арабскія книги, понимать ихъ смыслъ и поступать по нимъ. Если-бы вы соизволили перевести на турецкій языкъ арабскіе (вѣроучительные) вопросы, вы бы стали участникомъ награды за это богоугодное дѣло». И вотъ Шейхъ-Шерефъ-ходжа перевелъ вѣроучительные вопросы, составилъ книгу, назвалъ ее «*Му'ин-уль-мурид*» и вручилъ ее Арсари-баю. Съ того времени и посегодня всѣ туркмены руководствуются правилами этой книги».

И еще одинъ разсказъ про Шейха-Шерефа встрѣтился намъ въ рукописи Ходжали-моллы, заключающей въ себѣ искаженное Абульгазіево شجرۂ تراکمه съ рядомъ вставокъ. Разсказъ этотъ находится во вставкѣ про туркестанскихъ сейидовъ (ff. 46a, 5 сн. — 47b) и коротко говоритъ (f. 47a-b) о томъ, что у великаго мужа Шейха-Шерефа былъ одинъ сынъ, Ходжа Мухаммедъ, и три дочери: Селимэ-бикимъ, Миhръ и Джемаль-бикимъ; первая была выдана за Джеляля Керманскаго и родила отъ него Ала-уд-дина, средняя вышла замужъ за Шейха Мухтара Великаго, а послѣдняя — за святого Лукманъ-бая.

И при помощи приведенныхъ трехъ преданій намъ не удалось пока точно установить ни имени автора «Свѣточа Ислама», ни страны, гдѣ эта книга написана. Ни къ чему не привели насъ пока и поиски Шейха-Шерефа изъ *Ургенча*.

Языкъ «Свѣточа Ислама» смѣшанный: сѣверно-южно-турецкій; южно-турецкій элементъ особенно сильно выраженъ въ нашей рукописи

---

1) A. زماندین. 2) H. کونجه; X. وقتغه‌چه; A. زمانغاچه. 3) H. بارجه; X. и A. оп. 4) A. ترکمانلارکا اول کتاب یخشی مژده تورور انکا عمل قیلورلار; вм. قلاتورورلار H. قیله ترورلار, X. قیلا تورورلار.

5) Названіе туркменскаго племени, о происхожденіи котораго говорится дальше въ данномъ отдѣлѣ.

6) Горы Балханъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

(سوزلانان - ادی - ادیب - وریب - وار; склоненіе). Смѣшанность языка въ нѣкоторыхъ стихахъ, буквально тождественная во всѣхъ трехъ изданіяхъ и въ нашей рукописи, даетъ извѣстное основаніе предполагать, что однороднаго языка не было и въ подлинникѣ رونق الاسلام.

Смѣшанный языкъ характеризуетъ *джагатайскія*[1]) сочиненія, но ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ произведеній XV и болѣе раннихъ вѣковъ, происхожденіе которыхъ изъ Средней Азіи несомнѣнно, среди составныхъ элементовъ смѣшаннаго языка не выдѣляется такъ замѣтно элементъ южно-турецкій, какъ въ «Свѣточѣ Ислама», да въ поэмѣ XIII в. «Іосифъ и Зулейха» нѣкоего Али[2]). Послѣднее произведеніе выводится Houtsma изъ Средней Азіи (Бухары) единственно на томъ основаніи, что языкъ «Іосифа и Зулейхи» будто-бы согласенъ въ главныхъ чертахъ съ языкомъ «Кудатку-Биликъ» и еще болѣе съ языкомъ «Кысас-уль-Энбія» Рабгузī. На основаніи отрывка, изданнаго Houtsma, мы находимъ существенную разницу между языкомъ Али и Рабгузī именно въ обиліи южно-турецкаго элемента у перваго изъ нихъ. Пожалуй, напрасно протестовалъ Houtsma противъ Флейшерова обозначенія языка «Іосифа и Зулейха» *огузскимъ діалектомъ*[3]). По нашему, и сочиненіе нѣкоего Али, и «Свѣточъ Ислама» должны быть приближены по языку къ той группѣ турецкихъ памятниковъ, во главѣ которыхъ стоятъ Орхонскія надписи и къ которымъ, между прочимъ, относится и كتاب ددم قورقود على لسان طايفهٔ اوغوزان — «Книга о моемъ дѣдѣ Коркудѣ на языкѣ племени огузовъ»[4]).

Среди старинныхъ словъ, встрѣчающихся въ «Свѣточѣ Ислама», укажемъ:

اذاق (C. f. 24b,7) ازاق (O. ١٢, 1 сн.) — нога;
اوكوش — много;
ايف (C. f. 25a,3) اوف (O. ١٠, 8 св.) — домъ;
آى (v) (C. f. 16a, 1 сн.; O. ٨, 3 св.) — говорить;
نكمه — всякій;
قاموغ — все;
قدوغ (O. ١٣, 7 св.) قوزوغ (C. f. 22b, 4 сн.) — колодезь.

1) См. П. Меліоранскій, Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ, СПБ. 1900, стр. III.

2) M. Th. Houtsma, *Ein alttürkisches Gedicht* (ZDMG. томъ 43, 1889 г., стр. 69—98). При знакомствѣ съ турецкими рукописями Импер. Публичной библіотеки, поступившими послѣ составленія каталога Дорна, мы убѣдились, что рукопись, помѣченная въ рукописномъ каталогѣ: IV—3—93 قصهٔ يوسف, заключаетъ въ себѣ ту-же поэму нѣкоего Али, о которой писалъ Houtsma; рукопись не старая, и языкъ, сравнительно съ изданіемъ Houtsma, подновленъ.

3) Выдержка изъ каталога Флейшера приведена въ вышеназванной статьѣ Houtsma.

4) Изданіе проф. Бартольда въ Зап. В. Отд., т. VIII, XI, XII и XV.

Среди старыхъ формъ отмѣтимъ: дѣепричастіе отрицательное на مادین — یانمادین (O. ۳۷, 5 сп.) и форму на سر — ایستایوسر (O. ۸, 12 св.).

И три извѣстныхъ намъ изданія «Свѣточа Ислама», и наша рукопись грѣщатъ несомнѣнными ошибками, всѣ между собой такъ или иначе разнятся, но всетаки наша рукопись и изданіе Н. П. Остроумова менѣе подверглись подновленіямъ, чѣмъ изданія казанское и ташкентское 1898 г. Какія подновленія и вообще измѣненія внесены въ три изданія ихъ издателями и какія были уже въ использованныхъ ими рукописяхъ, судить не по чему!

Въ заключеніе приведемъ для наглядности отрывокъ изъ «Свѣточа Ислама» (начало главы X), сличенный по тремъ изданіямъ и нашей рукописи, въ ожиданіи, что со временемъ открытіе древняго датированнаго списка, если не оригинала, доставитъ туркологамъ возможность болѣе увѣренно и широко пользоваться этимъ важнымъ для исторіи турецкаго языка памятникомъ.

Глава X, стихи 1—21.

(Изд. Остроумова, стр. 11; Ташк. изд., стр. ۲۳; Каз. изд., ۱۳; наша рукоп. f. 20a).

باب عاشر کیم قیلور[1] حوض[2] بیان * هم قوزوغ[3] لار حکمنی ایلار[4] عیان
ایمدی کل سف حکمنی هم تنکلا کیل * تکمەسندین بر نشانه انکلاغیل
ادمنینک اریغلغی دور سف بیله * سف اریغ بولماسه ادم نی قیله[5]
اول* دینکیز اریغ[6] سفی[7] یاخود مکر * قار یغمور *تاکیم[8] *اول کوکدین[9] یغار
جملەسی نینك ادی مطلق سف[10] بولور * کر غسل *یاخود[11] طهارت کیم قیلور
الا اول حوضینك دخی[12] بیل حکمنی * بیلیبان سورانلارا قیل حکمینی[13]
حوض اکبر حوض اصغر جمله یات * حوض ایچنده سوزلانان[14] بو ایکی آة[15]
حوض اکبر اون ایچینده اون بولور * کر مدوّر بولسه[16] قرق ارشون[17] بولور
بعضی لار هم اوتوز آلتی تیدیلار[18] * بعضی لار هم قرق سکز تیب[19] ایدیلار[20]

---

1) К. قیلا. 2) Т. حوض نی, К. حوضی. 3) К. и Т. قودوغ. 4) К. ایدم.
5) Стихи 2—3 опущ. въ К. Т. С. 6) С. دنکز آریق, К. دینکز آریق, Т. قدوغ اریغ.
7) = С.; К. صوی, Т. سوبی. 8) С. ناکیم, К. نەکم, Т. اولکه. 9) Т. کوکدین کر.
10) К. صو, Т. سو. 11) С. کرحواه (чит. کرخواه), К. کرخود. 12) К. تقی.
13) Стихъ 6-ой у Т. опущ. 14) К. سوزلنن. 15) С. К. Т. آت. 16) К. بولسا pass.
17) К. آرشین.. 18) Т. دیدیلار. 19) Т. دیب. 20) С. بلدیلار.

موندین اکسوك بولسه بولور اول صغار[1] * اول سفه[2] توشسه[3] نجس مردار قیلار
کر نجاست توشسه حوض اکبرا[4] * قیل طهارت[5] یوق زیان بیل[6] اول یرا[7]
کر کورونبسه[8] اول[9] نجاست سوز اوکوش * کر کورونماسه *نجس پاك اول[10] توتوش
اردا[11] یورسه[12] رنکی ایسی[13] یا مزا * اول سفه[14] قیلماق طهارت ناسزا
یعنی بولسه[15] اوچ صفتدین[16] بریسی * *سف نجس اول بولسه بو اوچ بریسی[17]
قیلمه اول سفغه[18] طهارت یا[19] غسل * چون نجسدین بر اثر[20] بولدی واصل[21]
ایکی ارشون بولسه سف نینك[22] کینکلکی[23] * *هم نیچه بولسه اوزون اوزونلغی[24]
یغمشنده اون ایچنده بولغای[25] اون * حوض اکبر حکمی اوزا[26] بولغای[27] اون
اول اریغ دین کر اریغ قیلسه[28] عمل * بیل اریغدور قیلسه امّا هر عمل
کر نجاست توشسه بولور اختلاف * *کیم اریغ کیم تیدی مردار اختلاف[29]
اول[30] نجاست یاتغانی[31] یر حولدین[32] * آل *ایراقدین[33] بو ضرورت[34] قولدین[35]
بو روایتنی اوقیدور[36] ملتقط * حالیه[37] ایشکا بوبور سوزلامه قط[38]

А. Самойловичъ.

СПБ. 5 февраля 1908 г.

---

1) С. مکر. 2) С. سفا, К. صوغه, Т. سوه. 3) С. К. توشسا. 4) К. Т. اکبره. 5) С. طهارتنی. 6) С. опущ. 7) Т. یره, К. вырвано. 8) К. کوربنورسا. 9) К. опущ. 10) С. К. نجاست پاك. 11) С. Т. آرده, К. آز. 12) С. یورده. 13) К. صوننك. 14) С. سفا, К. صوغه, Т. سوه. 15) С. کیتسه. 16) К. صفت ننك. 17) С. К. Т. سف (صو سو) نجس بولسه (К. بولسا) بو اوچدین (اوچدان .К) بریسی. 18) К. صودان, Т. سوغه. 19) С. К. هم. 20) С. اسر sic! 21) К. وصل. 22) С. انینك, К. صوننك, Т. سونی (джагатайск. форма род. падежа!). 23) К. کینكلغی, Т. کینکیغی sic! 24) С. К. هم اوزون بولسه (بولسا) نجه (نچه) اوزو نلغی (اوزونلیغی), Т. هر نچه بولسه اوزین اوزینلیکی. 25) С. К. بولغو, Т. بولسه. 26) С. К. اوزره, Т. ایچره. 27) С. К. بولغو. 28) С. К. بولسه (بولسا). 29) С. کیم اریغ تیدی بو اما اختلاف, К. کمی اریغ تیدی کم مردار خلاف. 30) К. شول. 31) С. یتغانی, К. Т. یاتقانی. 32) К. Т. حولیدین. 33) К. یراق ایت. 34) С. ضرورة. 35) К. Т. قولیدین. 36) К. Т. اوقودی. 37) sic!—С. حالینه, К. حالنکی, Т. حالینی.
38) К. даетъ еще стихъ:

مصطفی شرعنده بولغل مستقیم * چون کیراکسا دین صراط مستقیم

Персидское сӓргӓрдāн — текинское сӓргӓздан.

Среди мервскихъ текинцевъ нами была записана въ 1906 году слѣдующая загадка, которую мы приводимъ здѣсь въ «грубой» транскрипціи:

Сӓккiз ajaklы сӓргӓздан,
Дӓпӓ чыkып, mal гӧзlӓр. — Сакыртkа[1]).

Въ переводѣ этой загадки насъ затрудняло слово сӓргӓздан, неизвѣстное въ турецкихъ нарѣчіяхъ, но по общему смыслу фразы и по звукамъ заставлявшее насъ съ момента записанія загадки вспоминать персидское слово سرگردان въ значеніи *errant*, *herumirrend*. Мы понимали загадку такъ:

Восьминогій *бродяга*, взобравшись на холмъ, скотъ высматриваетъ. — Клещъ[2]).

Простому случаю, имѣвшему мѣсто въ Петербургѣ въ февралѣ 1908 года, мы обязаны правильнымъ, думается намъ, объясненіемъ затруднявшаго насъ слова. Встрѣтившись на улицѣ съ единственнымъ туркменомъ, живущимъ въ Петербургѣ, Аширомъ изъ Кызылъ-Арвата (текинецъ), мы въ разговорѣ съ нимъ употребили фразу: бӯ-гӯн мӓн кӧп гӓздiм — «сегодня я много гулялъ», на что намъ текинецъ замѣтилъ: сӓн сӓргӓздан-сын,—«ты гуляка!». Если-бы приведенную выше загадку мы не услышали изъ устъ народа, а нашли записанной въ арабской транскрипціи, то наличность ز въ интересующемъ насъ словѣ мы могли-бы объяснить просто опиской: سرگزدان вмѣсто سرگردان,—разница всего въ одной точкѣ! Теперь-же мы предлагаемъ объяснять слово сӓргӓздан изъ персидскаго سرگردان—сӓргӓрдāн[3]) съ замѣной *р* черезъ *з* подъ вліяніемъ текинскаго گزمك гӓзмӓк — *гулять*, *бродить*, *шататься*. — Интересный примѣръ психическаго воздѣйствія въ языкѣ (въ данномъ случаѣ *народное осмысленіе*), такъ еще мало прослѣженнаго на турецкихъ нарѣчіяхъ!

А. Самойловичъ.

25 февраля 1908 г. СПБ.

---

1) У посѣщенныхъ нами туркменскихъ племенъ звуки *с* и *з* не альвеолярные, а интердентальные, звукъ же *l* въ незаимствованныхъ словахъ съ гортанными гласными менѣе принёбленъ, чѣмъ въ сартовскомъ нарѣчіи.

2) Въ «Опытѣ словаря тюркскихъ нарѣчій» акад. В. Радлова имѣется только османское сакырга (IV, 1, 249); джагат. ساغيرتقا см. у Будагова «Сравнит. словарь тур.-татар. нарѣчій» подъ словомъ صقرغه.

3) Отъ того-же персидскаго слова происходитъ, очевидно, казакъ-кирг. сергӓlдӓң — *растерявшійся*, *потерявшій голову*. (Словарь Радлова, IV, вып. 2, стр. 466).

Происхожденіе изъ охотничьяго быта двухъ грузинскихъ терминовъ уголовнаго права: გერში gerш-i и სანაყშირო sanaqшiro.

I.

გერში gerш-i по *Словарю* Чубинова, ссылающагося на *Лев.* 24, 19 [чит. 24, 17, 18], значитъ «контузія, рана, ушибъ», причемъ названный лексикографъ видитъ въ немъ, повидимому, арм. վէր vēr, съ чѣмъ у нашего слова едва ли есть что либо общее. Заслуживаетъ вниманія толкованіе Сулхана Орбеліани: «малая (незначительная) кровь пораненныхъ», resp. «пораненій», съ ссылкою опять таки на *Лев.* 24, 19 [чит. 24, 17, 18], гдѣ впрочемъ, судя по различнымъ версіямъ Библіи, слово должно означать *увѣчье*, *изъянъ*, *порокъ* (מאום = ܡܘܡܐ = μῶμον, *արատ*). Чубиновъ цитату повторилъ, очевидно, безъ провѣрки изъ С. Орбеліани, а послѣдній располагалъ, несомнѣнно, особымъ спискомъ грузинскаго перевода Библіи. Въ доступномъ намъ печатномъ текстѣ грузинской Библіи (Москва 1743) въ указанныхъ стихахъ вм. გერში gerш-i стоитъ ბიწი bit-i *порокъ, пятно* [1]). Въ дальнѣйшемъ своемъ семасіологическомъ развитіи გერში gerш-i могло получить и дѣйствительно получило значеніе *увѣчья*, *изъяна*, *порока*, *пятна*, какъ это ясно по груз. უგერშო u-gerш-o *безпорочный*, *незапятнанный*, букв. *безъ увѣчья* или *безъ изъяна* [2]).

---

1) Это слово имѣется въ армянскомъ: բիծ bit, и оно яфетическаго происхожденія, представляя отъ слабаго трехбуквеннаго корня byt форму kitl: *biyt >*bit >bit. На діалектической почвѣ въ яфетической вѣтви закономѣрно перерожденіе y въ n, слѣдовательно, могла получится разновидность *bint, существованіе которой подтверждается такимъ словомъ, какъ вульгарное груз. ფინთი φinϑ-i *скверный*, *мерзкій*, *плохой* и т. п. (отсюда и вульг. арм. փնթի φnϑi *грязный*). Корень byt есть яфетическій эквивалентъ, съ подъемомъ s въ t, семитическаго bꜥs, resp. bys: араб. بئس *былъ*, *сталъ нехорошъ*, евр. באש *былъ плохъ*, *золъ*, сир. ܒܐܫ id., ܒܝܫܐ *злой* и т. п. Въ яфетическихъ языкахъ также имѣлся видъ этого корня съ ꜥ въ y въ качествѣ 2-го коренного звука, но онъ сохранился лишь съ подъемомъ въ ǧ опять таки въ формѣ kitl (<kītl): biǧt, откуда арм. պիղծ piǧt, resp. pilt *мерзкій*, *скверный*, груз. pilt-i и bilt-i (<*biǧt-i) id. Къ подъему слабаго ꜥ въ твердый ǧ въ яфетическихъ языкахъ (ср. подъемъ того же ꜥ въ томъ же корнѣ въ k, resp. ǧ у самаритянъ: [Samaritan] рядомъ съ [Samaritan].

2) *Житіе Петра Ивера*, изд. Н. Марра, I, гл. 1,20: კრავნი უგერშონი და უბიწონი «агнцы *незапятнанные* и безпорочные». Со значеніемъ *порокъ*, *пятно* [по всей видимости, опять таки отъ болѣе древняго значенія *малая кровь*, *контузія*, *ушибъ*] слово сохранилось и въ армянскомъ, но съ иною діалектическою огласовкою, именно съ a вм. e: գարշ garш. У армянъ этотъ діалектическій видъ слова семасіологически получилъ свое развитіе, пожалуй, не безъ вліянія и маздеизма, въ сторону религіозныхъ, а затѣмъ вообще отвлеченно-этическихъ отрицательныхъ понятій. Со значеніемъ существительнаго *порокъ*, *пятно* (μίασμα, inquinamentum

Этимологически груз. ğerш-i слѣдуетъ, однако, сопоставить прежде всего лишь съ арм. գէշ ğēш, resp. ğeyш, означающимъ 1. [*раненная,*] *убитая* дичь, 2. { a. *охота.* b. *трупъ.* } Фонетически въ грузинскомъ словѣ имѣемъ болѣе архаичную форму, въ армянскомъ — позднѣйшую, получившуюся на основанiи звукового закона о паденiи ր r послѣ гласнаго յ y[1]). У грузинъ слово сохранило и значенiе *дичи,* спецiально *добычи-приманки для обученiя охотничьихъ птицъ и собакъ;* отсюда დაგერშვა da-ğerш-va *прiучать охотничьихъ птицъ и собакъ къ ловлѣ.* Въ такомъ значенiи слово появляется въ грузинскомъ, по крайней мѣрѣ дiалектически, и съ паденiемъ რ r, какъ въ армянскомъ: დაგეშება da-ğe⌈y⌉ш-eba.

Въ грузинской юридической терминологiи слово ğerш-i[2]), иногда также появляющееся въ ослабленной формѣ ğeш-i[3]) (<*ğeyш-i), означаетъ *кровь за рану.* Первоначальное его значенiе, какъ сравнительно болѣе вѣрно толкуетъ С. Орбелiани, *малая кровь пораненныхъ,* resp. *поранений,* точнѣе *кровь раненной дичи.* Впрочемъ и въ юридической терминологiи ğerш-i у грузинъ имѣетъ значенiе *увѣчья, изъяна,* такъ особенно ясно выступаетъ это значенiе въ *Уложенiи царя царей Георгiя*[4]).

слово употребляется лишь во мн. числѣ: գարշք ğarш-q. Какъ прилагательное, оно означаетъ *мерзкiй, скверный* (*оскверняющiй*), *проклятый* и т. п. Отъ него въ армянскомъ образованы десятка два производныхъ и сложныхъ словъ, глаголовъ, существительныхъ и прилагательныхъ, встрѣчающихся въ безспорно древнѣйшихъ памятникахъ (V в.) армянской письменности, какъ можно видѣть по цитатамъ Большого словаря. Слово это однако не исключительно литературное; оно вращалось въ народѣ и сохранилось въ устахъ армянъ, пройдя двѣ стадiи развитiя, хорошо извѣстныя изъ исторiи армянскаго языка (Н. Марръ, *Грамматика древне-армянскаго языка,* § 39): эти двѣ стадiи характеризуются паденiемъ послѣ-гласнаго ր r въ յ y (ğarш > *ğayш) и перерожденiемъ ա a въ է e (*ğayш > ğeyш) при сосѣдствѣ съ յ y, что и имѣемъ въ наличной формѣ գէշ ğēш, въ древне-армянскомъ чтенiи ğeyш. Вотъ, въ этой-то новой формѣ все тоже самое слово нынѣ у армянъ значитъ *скверный, безобразный, нехорошiй, плохой* и т. п. Кстати, на страницахъ Зап. Вост. Отдѣленiя (т. VIII, стр. 381—382) баронъ Д. Г. Гинцбургъ выяснилъ съ достаточною убѣдительностью значенiе слова גריסן *скверный, плохой,* встрѣчающагося въ Мидрашѣ (Ex. Rabb., s. 43), и призналъ его набатейскимъ, сопоставивъ съ арабскимъ جارش [Freytag: *inuste agens*]. Независимо отъ вопроса о непосредстенной ихъ взаимной связи, оба слова и фонетически, и семасiологически тяготѣютъ къ яфетическимъ формамъ разбираемаго нами корня: не заимствованы ли они семитами отъ яфетидовъ?

1) См. выше, стр. 0168, прим. 2.

2) სამართალი აღბუღასი პირველი (*Хрестоматiя* Чубинова, 1863, стр. 208—233): Введенiе, строка 6 (გერშის დასხმის), §§ 5,5, 8,2, 12,1, 2, 15,2, 17,1, 19,3, 35,6.

3) ц. с., §§ 5,1, 9,6, 16,3.

4) ძეგლის დება მეფეთ მეფისა გიორგის მიერ, §§ კღ, ლა, ჟა по любезно предоставленнымъ мнѣ И. А. Джаваховымъ выпискамъ изъ рукописи Азiатскаго Музея № 99. Изъ нихъ 31-й (ლა) параграфъ гласитъ: გერშის საქმე ასრე იქმნას: ვისაც პირსა ჭრილა გერში აჩნდეს სახეზედ და ანუ ცხვირნი მოეკვეთოდეს, სისხლის მესამედი დაუურვოთ, რასაც კაცის კაცი იყოს. თუ გერში სად სამალავ იყოს ასრე, რომე არ დამჩვნდებოდეს და დაჩნდეს, სამი ურჩხულობა დაუურვოთ და დასტაქრის წამლის ფასი. Ср. *Судебникъ* Аг̆буг̆и, ц. изд., § 5.

Яфетическо-семитическая сравнительная фонетика даетъ намъ возможность докопаться и до происхожденія слова: корень не арійскій, а яфетическій, — трехбуквенный grш. По сравнительной фонетикѣ яфетическій звукъ g закономѣрно является подъемомъ семитическаго элифа[1]). И, дѣйствительно, у семитовъ мы имѣемъ эквивалентный корень въ арабскомъ словѣ أَرْش, означающемъ *пеню за кровь, за рану*[2]). Семитологи по внѣшнему созвучію этотъ же корень отожествляютъ, такъ даже въ учебномъ словарѣ Гезеніуса *(Hebr. und Chald. Handwörterbuch⁹)*, съ евр. ארש Pi. *помолвился*[3]), сам. ࠀࠓࠉࠎ *дань*, *аренда*, арам. ארים и араб. اريس *арендаторъ*, *земледѣлецъ*, *садовникъ* и т. п., но если эти отожествленія и пріемлемы, въ чемъ лично я пока сомнѣваюсь, исходнымъ пунктомъ для семасіологическаго развитія должно служить значеніе, сохраненное обсужденными выше словами отчасти въ арабскомъ (أَرْش) и болѣе богато въ грузинскомъ и армянскомъ языкахъ: понятія *дань*, *помолвка*, *аренда* и т. п. могутъ представить лишь послѣднія ступени этого развитія.

II.

Менѣе извѣстенъ рѣдкій терминъ სანაყშირო sanaq̇širo, на который обратилъ мое вниманіе И. А. Джаваховъ. Онъ встрѣчается въ томъ же *Судебникѣ* Агбуги[4]). Слово представляетъ производную именную форму III-й породы (sa — o) отъ мертвой (окаменѣлой) основы naq̇šir, которая однако лишь случайно совпадаетъ съ грузинскимъ словомъ ნაყშირი naq̇šir-i, означающимъ *уголь* (черная, негорящая[5]). Нашъ юридическій терминъ объясненіе находитъ семасіологически въ связи съ происхожденіемъ gerш-i, т. е. опять таки въ области охотничьей терминологіи. Этимологически основа naq̇šir покрываетъ вполнѣ сирійскую форму «персидскаго» слова نخچير, именно ܢܚܫܝܪܐ. Впрочемъ въ такой формѣ слово діалектически

---

1) Пока см. Н. Марръ, *Основныя таблицы къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка*, стр. 2, прим. 1, и 4 въ концѣ № 8.

2) الارش دية الجراحة, см. *Liber Mafâtîh al-olûm* auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jûsof, ed. G. Van Vloten, стр. ٢٠,1, равно словари, особенно подробно تاج العروس, откуда и беретъ почти цѣликомъ Lane въ своемъ словарѣ объясненія даннаго слова.

3) Объ яфетическомъ соотвѣтствіи этого корня въ словѣ ქორწილი qort̉-ili (<*gort̉-il-i) *свадьба* см. Н. Марръ, Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи, V, стр. 26—27: съ нимъ въ родствѣ араб. корень عرس, откуда عُرس *свадьба*, *бракъ* и т. п.

4) ц. с., § 162,3—4.

5) Naq̇šir-i *уголь* представляетъ форму naḳtil (<*naḳtīl, resp. naḳtūl) съ перестановкою q̇ш вм. шq̇ отъ трехбуквеннаго корня шq̇r (|| сем. шq̇r: שָׁחַר *былъ чернымъ* (Іов. 30, 30), сир. ܦܚܡ *почернѣлъ*, *загорѣлъ*, ܦܚܡܐ *уголь*).

извѣстно было и у персовъ, судя по тому, что въ X-мъ вѣкѣ засвидѣтельствовано производное отъ него نخشیرکان въ значеніи *охотника*[1]). На сирійскомъ слово значитъ «рѣзня», переносно «битва», «охота»[2]), на персидскомъ— «охота», но также «мѣсто охоты», «охотникъ», а также «объектъ охоты», какъ то «дичь», «дикій звѣрь» и т. п. Въ послѣднемъ значеніи слово сохранено и грузинскимъ, но съ иною фонетикою, именно съ потерею q̇, resp. h и отупѣніемъ («десибиляціею») глухого ṭ (новоперс. ϑ), resp. въ грузинскомъ звонкаго ḓ въ d: ნადირი nadir-i (<*nahḓir-i) [*рѣзанная*, т. е. *раненная* или *убитая* дичь,] *дичь*, *звѣрь*, отсюда nadiroba *охотиться*, monadire *охотникъ*. Для уясненія смысла грузинскаго юридическаго термина sanaq̇šiго надо обратиться къ армянскому языку, въ которомъ слово звучитъ, какъ въ персидскомъ, նախճիր naq̇ṭir (<*naq̇ṭīr или *naq̇ṭēr) и обыкновенно означаетъ «рѣзня животныхъ на охотѣ и людей на войнѣ», «вредъ», «ущербъ», «ударъ». То же слово однако у армянъ означало, по всей видимости, и *охоту* или *добычу на охотѣ*, словомъ было синонимомъ որս wors[3]). Съ этимъ именно значеніемъ находятся въ связи названія рода или родовъ въ перечнѣ армянскаго *Гаһнамака*: Նախճերի[5]) Naq̇ṭeri *Охотничій* и Նախճիրապետք[4]) Naq̇ṭirapet-q *Главы охоты* (ср. Որսապետք или Որսէպետք[6]).

Въ словѣ naq̇ṭīr, resp. naq̇šīr мы также усматриваемъ форму naktīl (> naktil) отъ трехбуквеннаго яфетическаго корня q̇ṭr, resp. q̇šr, означавшаго *рѣзать* и т. п., но каковъ его семитическій эквивалентъ и съ какимъ значеніемъ онъ сохранился у семитовъ, объ этомъ впослѣдствіи.

Н. Марръ.

---

1) *Liber Mafâtîh al-olûm*, ц. изд., стр. ١٠٢,10: قنّاص الوحوش.

2) Семитологи семасіологическую исторію слова представляютъ себѣ въ обратномъ порядкѣ.

3) Кстати, арм. որս worș, діал. փորս forș также яфетическаго происхожденія, но оно означаетъ прежде всего *добычу* на охотѣ, первоначально *мясо*, добывавшееся на охотѣ, и, какъ увидимъ въ свое время, находится въ связи съ груз. ჴორცი qorϑ-i (<*φorș-i) *мясо* и его семитическими эквивалентами.

4) Սոփ. Հայկ., VI, стр. 134, № ԾԹ: Նախճէրի, но է ē здѣсь, въ неударномъ слогѣ, появляется по аналогіи съ им., гдѣ форма *Նախճէր naq̇ṭēr была бы безусловно болѣе правильна.

5) ц. с., стр. 36,2, гдѣ впрочемъ по искаженію Զանախճիրապետք, см. и стр. 129, прим. 69.

6) ц. с., стр. 36,24, а также Н. Марръ, *Сборники притчъ Вардана*, ч. III, стр. 58, № 111.

Къ вопросу о „басмѣ“.

Выясненію вопроса о томъ, что такое была разломанная и потоптанная великимъ княземъ Иваномъ III «басма»[1]), посвящена посмертная статья покойнаго П. М. Меліоранскаго, Что такое «басма» золотоордынскихъ пословъ хана Ахмата? (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. XVII, 0129—0141). Представивъ обзоръ мнѣній объ этомъ предметѣ, П. М. Меліоранскій пришелъ къ заключенію, что «по всѣмъ даннымъ это была булла, т. е. особаго рода печать съ изображеніемъ ханскаго лица или можетъ быть всей фигуры хана». Матеріалъ былъ собранъ П. М. Меліоранскимъ съ большой полнотой и мы въ настоящей замѣткѣ намѣрены лишь нѣсколько расширить его и пожалуй ограничить опредѣленность вывода, которая можетъ показаться рѣшающей въ глазахъ не-оріенталистовъ и незнакомыхъ съ мусульманскими древностями. Прибавимъ, что мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе, согласно которому «въ виду неясности самого текста извѣстія, вопросъ о басмѣ приходится считать пока нерѣшеннымъ» (Зап. Вост. Отд. XVII, стр. XVIII).

Прежде всего нѣсколько соображеній общаго характера относительно значенія слова басма. Мы думаемъ, что въ этомъ словѣ никоимъ образомъ нельзя видѣть опредѣленный терминъ ордынской дипломатики. Авторъ Казанскаго Лѣтописца зналъ татарскій языкъ, но писалъ не переводъ оффиціальныхъ актовъ, а исторію. Какъ всѣ люди древней Руси, знавшіе восточные языки (напр. Аѳ. Никитинъ и др.), онъ могъ охотно, въ цѣляхъ щегольнуть своимъ знаніемъ, поставить для обозначенія опредѣленнаго понятія татарское слово вмѣсто русскаго. Поэтому, мы сомнѣваемся въ правильности заключенія относительно аналогіи съ буллой и перенесенія названія басмы съ печати на всю грамоту. Еще Карамзинъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что ярлыкъ означаетъ грамоту, пишанъ — печать, а басма просто оттискъ. Подтвержденіе этому мы находимъ въ старорусскихъ документахъ, современныхъ событію и точно передающихъ термины ордынской дипломатики: разумѣемъ памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства къ Крымскою и Ногайскою ордами и Турціей, изданные Имп. Русскимъ Историческимъ Обществомъ[2]). Здѣсь мы встрѣчаемъ какъ

---

1) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIX, 200—203; ср. и Г. Кунцевичъ, Исторія о Казанскомъ царствѣ или Казанскій лѣтописецъ, СПБ. 1905, 213—221.

2) Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Ногайскою ордами и съ Турціей, томъ I, съ 1474 по 1505 годъ, эпоха сверженія монгольскаго ига въ Россіи, изд. подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова (Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. 41, СПБ. 1884).

русскія названія — грамота, печать, такъ и татарскія — ярлыкъ, нишанъ: грамоты или ярлыки съ синими нишанами (105 сл., 123 сл. и др.), жиковинные[1]) нишаны (273 сл. и др.), червленыя печати (449), жиковинныя печати (519) и т. д.[2]). Басма же, какъ терминъ и какъ слово, здѣсь совершенно неизвѣстна. Это слово означаетъ оттискъ, отпечатокъ и ничего болѣе. Какого же рода оттискъ — вопросъ, открытый для разнаго рода болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Во всякомъ случаѣ, мнѣ представляется наименѣе вѣроятнымъ, чтобы въ Казанскомъ Лѣтописцѣ словомъ басма означалась грамота, ярлыкъ. Тѣ же соображенія общаго характера возбуждаютъ наши сомнѣнія и относительно тожества басмы съ буллой, печатью. Совершенно правильно возражая противъ распространеннаго вообще мнѣнія объ отсутствіи изображеній людей въ мусульманскомъ искусствѣ, П. М. Меліоранскій указывалъ фигурныя изображенія атабекскихъ, ортукидскихъ и сельджукидскихъ монетъ по каталогу султанскаго Константинопольскаго Музея Исмаила Галиба. Отожествляя басму съ печатью, можно привести еще болѣе близкія по существу данныя — не нумизматическія, а сфрагистическія. Укажу хотя-бы на замѣчательнѣйшую публикацію послѣдняго времени въ области мусульманской сфрагистики — каталогъ свинцовыхъ печатей того-же султанскаго Музея въ Константинополѣ, принадлежащій перу Халиля Эдхема[3]). Здѣсь, кромѣ интересной Каквейхидской печати съ изображеніемъ всадника (стр. 31), можно указать рядъ печатей арабо-византійскихъ (стр. 42 сл.), имѣющихъ фигурныя изображенія и принадлежащихъ Хамданидамъ. Однако, какъ эти монеты, такъ и эти печати, имѣютъ иное происхожденіе; относительно же собственно золотоордынскихъ монетъ было уже указано, что человѣческія изображенія на нихъ представляются чрезвычайно рѣдкимъ и совершенно исключительнымъ явленіемъ[4]). Тѣмъ менѣе извѣстны намъ носящія человѣческія изображенія золотоордынскія печати. Приведу еще одно дополнительное замѣчаніе спеціальнаго характера. Уже П. М. Меліоранскій отмѣтилъ, что по своему назначенію булла должна быть такъ или иначе удаляема. Поэтому, врядъ

---

1) Жиковина или жуковина — перстень съ рѣзной вставкой.

2) Тѣ-же термины встрѣчаются и во II томѣ того-же изданія, 1508—1521 года, изд. подъ ред. Г. Ѳ. Карпова и Г. Ѳ. Штендмана (Сбор. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 95, СПБ. 1895).

3) خليل ادهم, قورشون مهر قتالوغى, قسطنطينيّه, ۱۳۲۱ (1903—1904).

4) Напр. Х. М. Френъ, Монеты хановъ Улуса Джучіева или Золотой Орды, СПБ. 1832, 35 и табл. XII, № 7 и П. С. Савельевъ, Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ, Джалаиридовъ и другія, обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша, 1857—1858, 339. Въ Золотой Ордѣ, по словамъ П. С. Савельева (о. с. 156), обращались въ небольшомъ количествѣ и подражанія византійскимъ монетамъ — между джучидскими монетами встрѣчались поддѣлки *аспръ* Комниновъ съ изображеніями императора верхомъ и св. Евгенія.

ли было особенно тяжкимъ проступкомъ разломать ее и бросить. Въ текстѣ же это сопоставлено съ оплеваніемъ и потоптаніемъ — «плевавъ на ню, низлома ея и на землю поверже, и потопта ногама своима».

П. М. Меліоранскій не счелъ возможнымъ принять наиболѣе распространенное мнѣніе[1]), что басма была изображеніе хана, кукла или статуя, и мы вполнѣ присоединяемся къ этому. Тогда же онъ обосновалъ свой скептицизмъ главнымъ образомъ на томъ соображеніи, что если бы это была статуя хана, Иванъ III не могъ бы изломать ее руками и растоптать, такъ какъ этого нельзя сдѣлать ни съ металлической, ни съ каменной, ни съ деревянной статуей. По поводу послѣдняго я имѣю сдѣлать небольшое дополненіе. Несомнѣнно, что разсказъ лѣтописи о мученической смерти Михаила Черниговскаго основанъ на реальномъ фактѣ существованія идоловъ или статуетокъ, связанныхъ съ культомъ душъ умершихъ предковъ у шаманистовъ. Плано Карпини, Рубруквисъ, Марко Поло оставили намъ достаточно подробныя описанія этихъ идоловъ и какъ лама Галсанъ Гомбоевъ[2]), комментировавшій это мѣсто у Карпини, такъ и знаменитый комментаторъ Поло Юль[3]), отожествляли ихъ съ бурятскими онгонами. Съ этими же идолами стоятъ въ связи сказанія о статуяхъ или изображеніяхъ хановъ, на которыя указывали, по поводу сообщенія П. М. Меліоранскаго, Н. И. Веселовскій (Зап. Вост. Отд. XVII, стр. XXV) и пишущій эти строки (статья П. М. Меліоранскаго, 0137, прим.). Вышеупомянутые путешественники разсказываютъ и о матеріалѣ, изъ котораго дѣлались эти идолы: въ повозкахъ находились статуетки изъ *войлока*, изображавшія умершихъ и одѣтыя въ богатыя ткани. Такимъ образомъ, если бы басма была подобнаго рода статуеткой изъ затвердѣвшаго, засохшаго или склеен-

1) Что касается до мнѣній архимандрита Леонида и Нарбутта (указанныхъ также при словѣ «басма» въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей, XIX, 527), отрицавшихъ тожество басмы съ ханскимъ или лица его изображеніемъ, то мы также вполнѣ раздѣляемъ сомнѣніе П. М. Меліоранскаго. Онъ достаточно ясно указалъ неопредѣленность вывода архимандрита Леонида. Сомнѣнія возбуждаетъ и самый памятникъ — ярлыкъ Ахмата-царя ко Ивану, напр. начало его: «Отъ высокихъ горъ, отъ темныхъ лѣсовъ, отъ сладкихъ водъ, отъ чистыхъ поль...». Источникъ извѣстія Нарбутта дѣйствительно въ высшей степени подозрителенъ. Ларчикъ съ восковымъ оттискомъ ханской ноги, везомый въ парадной процессіи на верблюдѣ, напоминаетъ намъ сходные обряды мусульманскаго Востока, напр. египетскій *махмалъ* (о немъ см. хотя бы Th. P. Hughes, A dictionary of Islam, London, 1895, 306—307). Съ такой же церемоніей былъ вѣроятно пересланъ изъ Египта золотоордынскому хану Берке экземпляръ Корана «въ обложкѣ изъ краснаго, шитаго золотомъ атласа и въ футлярѣ изъ кожи, подбитой шелкомъ» — см. В. Г. Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, СПБ. 1884, 51 и 60—61.

2) Галсанъ Гомбоевъ, О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, описанныхъ у Плано-Карпини, Труды Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., IV, 1859, 236 сл., спец. 246—8.

3) H. Yule, The book of ser Marco Polo, vol. I, London, 1903 (3-d edition), 256—259.

наго войлока, Иванъ III свободно могъ бы изломать и истоптать ее. Мы, однако, также не можемъ принять мнѣніе, отожествляющее басму съ подобнаго рода идоломъ, но исходимъ изъ болѣе общихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что какъ ни мало знакомы мы, за отсутствіемъ разработки памятниковъ и литературныхъ извѣстій, съ золотоордынской культурой, можно не колеблясь утверждать, что она значительно измѣнялась за время между XIII и XV вѣками. Если бы разсказъ о басмѣ относился къ XIII вѣку, то отожествленіе ея съ войлочной куклой еще было бы возможно, но врядъ-ли подобнаго рода предметы существовали въ татарскомъ обиходѣ въ XV вѣкѣ, особенно же въ оффиціальныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Кромѣ приведенныхъ, существуетъ еще одно объясненіе басмы или, вѣрнѣе, предположеніе, принадлежащее В. В. Григорьеву и высказанное имъ въ изслѣдованіи о ханскихъ ярлыкахъ русскому духовенству[1]). Передавая сообщеніе Марко Поло о воскуреніи ладона «передъ картиною, на которой написано было имя императора Хубилая», Григорьевъ задается вопросомъ: «не имѣетъ ли эта китайская церемонія чего нибудь общаго съ поклоненіемъ *басмѣ*, о которомъ говорятъ наши лѣтописи?» Церемонія, вызвавшая вопросъ Григорьева, описывается у Марко Поло слѣдующимъ образомъ (пер. И. П. Минаева, 133—134): «Идутъ къ разукрашенному алтарю; стоитъ на немъ красная дщица съ именемъ великаго хана, да прекрасная курильница; благоговѣйно воскуряютъ той дщицѣ, а послѣ того возвращаются на свои мѣста». Юль приложилъ къ своему переводу Марко Поло интересное примѣчаніе къ этому мѣсту, разъяснивъ, что въ 1263 году Хубилай принялъ китайскій способъ поклоненія табличкамъ предковъ, и давъ указанія относительно церемоніи многократнаго паденія ницъ въ знакъ почтенія[2]). Подробно эта церемонія описана въ примѣчаніи перевода Потье, который далъ интересныя выдержки изъ церемоніала Юаньской династіи[3]). Итакъ, дѣло идетъ не о портретѣ, а о дощечкѣ съ вырѣзаннымъ, вытисненнымъ или написаннымъ именемъ хана, что ближе къ басмѣ, чѣмъ картина, какъ понималъ этотъ предметъ Григорьевъ. Согласно разъясненіямъ о. Палладія въ статьѣ Банзарова, о которой я скажу дальше, матеріалъ, изъ котораго дѣлалась эта дощечка, могъ быть

1) В. В. Григорьевъ, О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству, Сбор. Россія и Азія, СПБ. 1876 (вышло отдѣльно еще въ 1842 г.), 182, прим.

2) О. с. 392—393.

3) G. Pauthier, Le livre de Marco Polo, I, 1865, 295—296; церемоніалъ Юаньской династіи прим. на стр. 290—297. Присутствовавшіе сановники имѣли при себѣ дощечки изъ слоновой кости, которыя, согласно указанію церемоніймейстеровъ, вкладывали въ пояса и вынимали.

достаточно прочепъ. Именно, о. Палладій пишетъ: «До династіи Хань (съ 206 до Р. Х. по 23 по Р. Х.) у китайскихъ императоровъ символомъ ихъ власти была такъ называемая вѣрительная дощица изъ краснаго нефрита, длиною 3 фута и шириной въ 8 дюймовъ; на обоихъ краяхъ ея было по отверстію для снурковъ изъ бѣлаго нефрита». Надписи, приводимыя о. Палладіемъ, гласятъ: «неба повелѣніемъ императора вѣрительная печать» и «принялъ волю отъ неба», не упоминая имени. Во всякомъ случаѣ, матеріалъ «красной дщицы» Марко Поло вѣроятно былъ красный нефритъ. Гораздо болѣе полныя свѣдѣнія объ этихъ дощечкахъ могутъ конечно дать спеціалисты по китайскимъ древностямъ.

Съ этимъ предметомъ находятся въ связи другіе, гораздо болѣе извѣстные въ русской и мусульманской археологіи, — тѣ вѣрительныя дощечки, такъ называемыя «пайзе», которыя монгольскіе ханы выдавали съ той или иной цѣлью своимъ подданнымъ. Объясненіе «пайзе», извѣстія о нихъ и литература подробно приведены въ примѣчаніи Юля къ тексту Марко Поло[1]). Въ русской литературѣ, кромѣ отдѣльныхъ описаній, обстоятельная статья о нихъ написана была Дорджи Банзаровымъ[2]). Въ этихъ работахъ собраны всѣ необходимыя и возможныя указанія и мы не будемъ останавливаться здѣсь на извѣстіяхъ о пайзе вообще, а лишь разсмотримъ ихъ постольку, поскольку они относятся къ Джучидамъ. Прежде всего укажемъ, что мы имѣемъ несомнѣнно золотоордынскіе образчики пайзе, напр. найденную въ Екатеринославской губерніи въ 1848 г. серебряную дощечку съ именемъ хана Абдуллы, правившаго въ XIV вѣкѣ; объ изображеніи на этомъ пайзе мы еще скажемъ дальше. Имѣемъ мы также и извѣстія о золотоордынскихъ пайзе, напр. Джанибекъ даетъ венеціанцамъ «baissinum de auro». Юль отмѣтилъ, что пайзе часто упоминается вмѣстѣ съ ярлыкомъ, какъ орденъ сопровождается патентомъ на него. Въ латинской версіи первоначально написанной по персидски грамоты хана Узбека венеціанцу Андреа Зено говорится о «baisa et privilegium cum bullis rubeis» (по объясненію Юля, пайзе и ярлыкъ съ алою тамгою), а Бердибекъ даетъ «comandamento (ярлыкъ) cum le bolle rosse, et lo paysam». Банзаровъ

---

1) O. c. 351—354.

2) Дорджи Банзаровъ, Пайзе, или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ (Черная вѣра или шаманство у монголовъ и другія статьи Дорджи Банзарова, СПБ. 1891, 47—65; первоначально напечатано въ Запискахъ Археологическаго Общества, т. II). Дошедшіе до насъ образцы монгольскихъ пайзе подробно разсмотрѣны въ литографированныхъ Лекціяхъ по исторіи монгольской литературы проф. А. М. Позднѣева I, 1896, 124—127 и II, 1897, 129—165; здѣсь издано также второе золотоордынское пайзе (изъ Астраханскаго края) съ именемъ хана Токтогэна (Тохтогу)—II, 151—152 и приведены извѣстія по Юань-ши о пайзе какъ служебныхъ знакахъ (II, 136 сл.) и удостовѣреніяхъ личности посланца (II, 156 сл.).

находитъ въ русскомъ переводѣ ярлыка Бердибека митрополиту Алексѣю: «байсу да ярлыкъ съ алою тамгою дали есьмы на утвержденіе вамъ» [1]). Существованіе золотоордынскихъ пайзе, отдѣльно или вмѣстѣ съ ярлыкомъ, несомнѣнно.

Переходя далѣе къ матеріалу пайзе, отмѣчаемъ прежде всего выписки, сдѣланныя о. Палладіемъ для Банзарова изъ китайскихъ книгъ и касающіяся подобнаго рода значковъ въ Китаѣ. Въ виду большого интереса этихъ выписокъ сообщаемъ буквально текстъ о. Палладія. «При разныхъ китайскихъ династіяхъ», пишетъ онъ: «дѣлали эти таблички или значки изъ металловъ, камней, дерева и даже шелковыхъ матерій. Назначеніе ихъ было также разнообразно: однѣ (*гуй* и *тѣ-цзюань*, грамматы, писанныя золотыми буквами) давали право на вассальное владѣніе; другія (*тяо-цзы*, замѣтка, *гуань-фань*, охранная) означали простое полномочіе или служили охраной, какъ пайзе; иныя (*фу*, вѣрительныя бамбуковыя дощечки) собирали вассаловъ ко двору ихъ верховнаго властелина...» и т. д. Въ дополненіяхъ къ послѣднему изданію Марко Поло Юля приведены извѣстія изъ Матуанлиня о существованіи деревянныхъ пайзе, а также сообщенія Рокхилля о китайскихъ и корейскихъ *ху*, т. е. дощечкахъ, пайзе, дѣлавшихся изъ жадеита, слоновой кости, бамбука и т. д. Хотя эти извѣстія относятся къ Китаю, не нужно забывать, что монгольскія пайзе сближаются съ предметами китайской культуры. «Обычай Пайцзы», говоритъ о. Палладій: «заимствованъ вѣроятно монголами отъ Гиньцевъ» [2]). Отмѣчаемъ однако, что сходный обычай вызова вассала существуетъ у среднеазіатскихъ народовъ съ глубокой древности. Хотя по китайскимъ извѣстіямъ, китайскіе императоры со временъ Хунъ-ну жалуютъ ханамъ «золотую печать съ желтыми шнурами», «золотую государственную печать съ пурпуровыми шнурами», «желѣзную грамоту съ красными буквами» и т. д. [3]), рядомъ съ этимъ, однако, мы имѣемъ слѣдующее интересное

---

1) Въ изданіи Григорьева слова «байсу да» пропущены, такъ какъ въ тѣхъ спискахъ, которыми онъ пользовался, этихъ словъ не было, за исключеніемъ Суздальской Лѣтописи, гдѣ стоитъ «вайдуса», издателемъ не разобранное и вынесенное въ примѣчаніе. Какъ извѣстно (Банзаровъ, 63—64), уже послѣ изданія Григорьева, въ Казани, у г. Артемьева, оказалась новая рукопись съ переводами ярлыковъ (шести: 2—7 по нумераціи Григорьева), въ которой ясно читается «байсу да».

2) Кромѣ примѣчанія Юля см. еще Комментарій архимандрита Палладія Каѳарова на путешествіе Марко Поло по сѣверному Китаю съ пред. Н. И. Веселовскаго, СПБ. 1902, 38.

3) О. Іакинѳъ Бичуринъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, I, СПБ. 1851, 74, 118, 463; ср. еще 95—97 (разсказъ о металлической или каменной печати), 108 (государственныя и простыя печати хану и вельможамъ), 125, 132 (нефритовая государственная печать), 144, 164, 376 (золотыя печати въ видѣ рыбъ съ буквами чистаго золота).

сообщеніе объ обычаѣ кочевого народа Ухуань (I в. до Р. Х. — начало III в. по Р. Х.) въ Исторіи Младшаго Дома Хань: «Если старѣйшинѣ нужно призвать кого, то для вѣрности употребляетъ вырѣзанный деревянный жеребеекъ; и хотя нѣтъ буквъ на немъ, со всѣмъ тѣмъ никто въ общинѣ не смѣетъ ослушаться»[1]). Вотъ кочевой образецъ пайзе, употребляемый изъ того же матеріала и съ той же цѣлью, какъ китайскіе *фу*[2]). Дощечки, которыми китайскіе императоры и кочевые владѣльцы собирали къ себѣ вассаловъ и подчиненныхъ, были изъ дерева и тѣмъ отличались отъ другихъ дощечекъ, дававшихъ право на вассальное владѣніе, служившихъ охраной и т. д. По этому случаю вспомнимъ историческія извѣстія о басмѣ.

Согласно изложенію Соловьева, въ 1476 г. пріѣхалъ посолъ отъ хана Ахмата звать Ивана III въ орду; Иванъ III послалъ Бестужева неизвѣстно съ какими рѣчами; тогда явились новые послы «просити дани и оброковъ за прошлая лѣта». Итакъ, ханъ вызывалъ великаго князя, — вѣроятно не только первый разъ, но и второй; иначе онъ врядъ ли могъ отвѣтить на отказъ явиться лично. Въ знакъ своего требованія онъ могъ не послать и ярлыка, а просто велѣть посламъ передать пайзе опредѣленнаго вида, требуя вассала къ себѣ во исполненіе обычной обязанности уплаты дани. Недаромъ, быть можетъ, говорится, что ханъ «посла... послы своя, по старому обычаю отецъ своихъ, зъ (варіантъ — и зъ) басмою»; о ярлыкѣ же ничего не говорится. Великій князь, взявъ деревянную дощечку, могъ оплевать ее, разломать, бросить на землю и потоптать[3]).

Вышеприведенныя соображенія, казалось бы, не противорѣчатъ какъ общему ходу лѣтописнаго разсказа, такъ и назначенію басмы, и отожествленіе ея съ пайзе является вполнѣ возможнымъ. Отмѣчу, однако, одно обстоятельство, остающееся неяснымъ при этомъ отожествленіи — выраженіе текста лѣтописи «басму лице его (варіантъ — басму лица его)». По этому поводу возникаетъ вопросъ объ изображеніяхъ на пайзе. Кромѣ матеріала, а также иногда и числа вставленныхъ жемчужинъ, монгольскія пайзе отличались изображеніями. По Марко Поло на нихъ изображались львиныя головы, отдѣльно и съ солнцемъ и луной, а также

---

1) О. с. 152. Жужане отмѣчали число воиновъ на деревянныхъ жеребейкахъ (209). Тугюйцы считали число людей, лошадей, податей и скота по зарубкамъ на деревѣ, а вмѣсто предписанія на бумагѣ употребляли стрѣлу съ золотымъ копьецомъ и съ восчаною печатью (269).

2) Возникновеніе пайзе изъ бирокъ предполагалъ и проф. Позднѣевъ, о. с. II, 144.

3) А. А. Спицынъ высказалъ въ мартовскомъ засѣданіи Русскаго Отд. Арх. Общ. предположеніе о тожествѣ басмы съ пайзе.

кречеты[1]); у персидскихъ Хулагидовъ извѣстны пайзе съ львиной головой, одной или нѣсколькими, разныхъ степеней и назначеній; на китайскихъ пайзе бывали изображенія императорской печати, а также изображенія тигровой головы, почему ихъ называли *ху-фу*, тигроголовыя дощечки[2]). Изображенія животныхъ на золотоордынскихъ пайзе вполнѣ возможны, такъ какъ намъ извѣстны таковыя изображенія на джучидскихъ монетахъ. Кромѣ того, укажу екатеринославское пайзе (изданное Банзаровымъ въ его первой статьѣ объ этой дощечкѣ[3]) и переизданное у Юля[4]), въ верхней части котораго изображена чудовищная, стилизированная голова, несомнѣнно заимствованная изъ китайскаго искусства и являющаяся однимъ изъ древнѣйшихъ и типичнѣйшихъ орнаментовъ его. Мы видимъ его на древнѣйшихъ китайскихъ бронзовыхъ сосудахъ и знаемъ его китайское названіе *тао-те*[5]). Основываясь на вышеприведенныхъ изображеніяхъ, мы должны отмѣтить, что, при существующемъ матеріалѣ, человѣческаго изображенія на золотоордынскихъ пайзе опредѣлить нельзя. Быть можетъ, выраженіе «басма лице его» или «басма лица его» означаетъ, что посланная дощечка равносильна личному приходу хана?

Тао-те на золотоордынскомъ пайзе — примѣръ китайскихъ вліяній на культуру Джучіева улуса. Примѣръ этотъ далеко не единичный. Культура Золотой Орды, кромѣ кочевого быта и многочисленныхъ заимствованій изъ ислама, имѣла тѣсныя связи съ Китаемъ и синологи-археологи могутъ дать намъ въ этомъ отношеніи много новыхъ данныхъ.

К. Иностранцевъ.

Апрѣль, 1908 г.

---

1) Yule, о. с. 355—356.

2) По приведенному у проф. Позднѣева, о. с. II, 138, китайскому извѣстію, тигръ изображался внизу пайзе, въ лежащемъ положеніи.

3) Bulletin de la classe hist.-phil. de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, V, № 9.

4) О. с. таблица между стр. 354 и 355.

5) См. о немъ F. Hirth, Ueber fremde Einflüsse in der chinesischen Kunst, München-Leipzig, 1896, 8, а также M. Paléologue, L'art chinois, Paris, 1887, 24—26. Hirth называетъ это чудовище «*katzenartige* Fratze». Yule, о. с. 355—356, привелъ отрывокъ изъ Вассафа у Хаммера въ исторіи Ильхановъ, въ которомъ Аргунъ-ханъ даруетъ намѣстнику Шираза оба монгольскихъ символа вассальной власти — «the golden Lion's Head and the golden *Cat*'s Head». Если сообщеніе Хаммера вѣрно, нѣтъ ли здѣсь указанія на *тао-те*?

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

---

345. Справочная книжка Самаркандской области. 1906 г. Изданіе Самаркандскаго областного Статистическаго Комитета. Подъ редакціей И. д. Секретаря Статистическаго Комитета М. Вирскаго. Выпускъ VIII. Самаркандъ 1906. 354 стр. 8⁰. Выпускъ IX. Самаркандъ 1907. 212 стр. 8⁰.

Статистическій Комитетъ Самаркандской области продолжаетъ свою полезную дѣятельность, на которую мы уже обращали вниманіе читателей «Записокъ».[1]) 8-й выпускъ «Справочной книжки» заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Чапкуллукская волость Ходжентскаго уѣзда» Н. С. Лыкошина; «Кандія Малая» В. Л. Вяткина; «Гури-эмиръ» его же (библіографическая замѣтка); «Самаркандская область по переписи 1897 года» М. М. Вирскаго.

Первая статья представляетъ «опытъ изслѣдованія экономическихъ условій жизни» въ Чапкуллукской волости, съ которыми авторъ имѣлъ возможность подробно ознакомиться въ 1903 — 4 гг., въ качествѣ комиссара поземельно-податной коммиссіи. Примѣрная схема подобныхъ «изслѣдованій» была выработана еще въ 90-хъ годахъ минувшаго вѣка и впервые примѣнена Н. М. Вирскимъ къ Дюрткульской волости Самаркандскаго уѣзда; по той же схемѣ, безъ всякихъ измѣненій, составлены всѣ описанія отдѣльныхъ волостей области, въ томъ числѣ и статья Н. С. Лыкошина (всѣ заголовки отдѣловъ буквально совпадаютъ съ соотвѣтствующими заголовками статьи Н. М. Вирскаго). Мы здѣсь не будемъ касаться вопроса о степени удовлетворительности самой схемы и въ особенности о степени достовѣрности собранныхъ въ такихъ статьяхъ статистическихъ данныхъ,

---

1) З. В. О. XII, 0122—0125; XV, 050—056.

такъ какъ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только лицами, основательно изучившими мѣстныя условія. Мѣстная интеллигенція и оффиціальныя сферы въ началѣ привѣтствовали появленіе «Опыта изслѣдованія Дюрткульской волости», какъ начало «новой эры», вносящей «условіе сознательности въ дѣятельность мѣстныхъ властей»[1]); впослѣдствіи было обращено вниманіе на условность многихъ статистическихъ данныхъ и на шаткость выводовъ, полученныхъ при сопоставленіи такихъ цифръ. По мѣрѣ накопленія опыта, какъ и слѣдовало ожидать, выяснялась необходимость иного отношенія къ разспроснымъ свѣдѣніямъ; въ статьѣ Н. С. Лыкошина ссылки на такія указанія опыта встрѣчаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ (стр. 22 и слѣд., 65 и друг.). Во всякомъ случаѣ подробныя описанія мелкихъ административныхъ единицъ, особенно когда они составляются такими знатоками края, какъ Н. С. Лыкошинъ, доставляютъ цѣнный матеріалъ для будущаго научнаго описанія всего края.

В. Л. Вяткинъ на этотъ разъ даетъ намъ давно обѣщанный комитетомъ[2]) переводъ «Малой Кандіи»[3]), очень распространеннаго среди туземцевъ сочиненія по исторіи Самарканда. Какъ бóльшая часть мусульманскихъ сочиненій, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ городовъ, «Кандія» является произведеніемъ не столько исторической, сколько богословской, собственно агіологической литературы. О политической исторіи города, о смѣнѣ завоевателей и правителей сообщаются только краткія, отрывочныя и большею частью легендарныя свѣдѣнія; болѣе подробно авторъ останавливается на приписанныхъ пророку и его сподвижникамъ отзывахъ о Самаркандѣ и его жителяхъ, на житіяхъ святыхъ, происходившихъ изъ города и похороненныхъ въ немъ, съ подробнымъ перечисленіемъ ихъ могилъ и съ подробными наставленіями для желающихъ поклониться этимъ святынямъ.

Полное заглавіе «Кандіи», сохранившееся въ нѣкоторыхъ спискахъ[4]), كتاب القند فى تاريخ سمرقند «сахарная книга по исторіи Самарканда». Свѣдѣнія о происхожденіи этой книги мы находимъ только у Хаджи-Хальфы; эти свѣдѣнія, хотя и не съ достаточной полнотой[5]), были приведены въ моей

1) Слова покойнаго графа Н. Я. Ростовцова въ предисловіи къ работѣ Н. М. Вирскаго (Справочная книжка, вып. III, отд. III, стр. 47).

2) Справочная книжка, вып. VI, стр. 154. Ср. З. В. О. XII, 0123.

3) Необычный порядокъ словъ въ заголовкѣ статьи и на обложкѣ отдѣльныхъ оттисковъ («Кандія Малая»), вѣроятно, заставитъ многихъ читателей принять слово «Малая» за вторую часть сложнаго восточнаго заглавія.

4) В. Жуковскій, Развалины Стараго Мерва, Спб. 1894, стр. 170, прим. 3.

5) Въ моей книгѣ сдѣлана ссылка только на одно мѣсто Хаджи-Хальфы (II, 133, № 2230), между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 571, № 9593) полнѣе приводятся какъ заглавіе сочиненія, такъ и имена автора и его ученика.

книгѣ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія»[1]), откуда они заимствованы г. Вяткинымъ. Авторомъ книги «Кандъ» былъ, по Хаджи-Хальфѣ, знаменитый ученый Неджм-ад-динъ Абу-Хафсъ Омаръ ибнъ Мухаммедъ ан-Несефи ас-Самарканди, умершій въ 537 (1142—3) г.; самая книга была продолженіемъ «исторіи Самарканда» Абу-Саʻида Абд-ар-Рахмана ибнъ Мухаммеда ал-Идриси (умеръ, по словарю Самʻани[2]), въ послѣдній день 405, т. е. 20 іюня 1015 г.). Изъ книги Несефи сдѣлалъ извлеченіе его ученикъ, имамъ Абу-л-Фадль Мухаммедъ ибнъ Абд-ал-Джелиль ибнъ Абд-ал-Меликъ ибнъ Али ибнъ Хайдеръ ас-Самарканди.

Подобно «Исторіи Бухары» Нершахи, «Кандія» не дошла до насъ въ первоначальномъ видѣ, а только въ переработкѣ, несомнѣнно, гораздо болѣе поздней, чѣмъ та, которая упоминается у Хаджи-Хальфы. Является вопросъ, насколько мы по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи спискамъ можемъ отдѣлить первоначальный текстъ если не самого Несефи, то его ученика отъ позднѣйшихъ наслоеній. В. Л. Вяткинъ, располагавшій десятью рукописями «Кандіи», въ томъ числѣ однимъ спискомъ XVII в., различаетъ (стр. 237) двѣ редакціи книги, изъ которыхъ «одна начинается словами روايت ميكنند از احاديث, а другая словами اما بعد از حمد پروردكار»; первая признается «болѣе распространенной и послѣдовательной». Самое сочиненіе (повидимому, въ обѣихъ редакціяхъ) «состоитъ изъ двухъ частей, причемъ первая часть заключается словами «тамматъ аль-китабъ»[3]) (sic. Рец.)—конецъ книги (въ нѣкоторыхъ спискахъ)». Эта первая часть «собственно и представляетъ «Малую Кандію» (т. е. сочиненіе ученика Несефи) въ болѣе или менѣе первоначальномъ видѣ»; вторая «содержитъ легенды о мѣстномъ святомъ Нуръ-ед-динѣ Басирѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кутби-чаардахумъ, о Ходжа Ахрарѣ и другихъ, и не заключаетъ большого интереса въ научномъ отношеніи», почему г. Вяткинъ и не включилъ этой части въ свой переводъ.

Число рукописей «Кандіи» въ Петербургѣ гораздо менѣе значительно, чѣмъ въ Самаркандѣ. Доступныя мнѣ четыре рукописи — A = рук. Аз. Муз. a_1 574 ag (прежде aa 574 ag), B = рук. Аз. Муз. bb 574 ag, B_1 = рук. Аз. Муз. abb 574 ag и C = рук. Спб. унив. № 859—всѣ начинаются со словъ روايت ميكنند الخ[4]), т. е. заключаютъ въ себѣ первую изъ двухъ различаемыхъ г. Вяткинымъ редакцій. *A* относится къ 1299 (1881—2) г.,

1) В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, стр. 16.

2) Id. opus, ч. I, стр. 52.

3) Среднеазіатскіе переписчики, дѣйствительно, часто писали تمّت الكتاب вмѣсто تمّ الكتاب (эта ошибка находится и въ рукописи Аз. муз. a_1 574 ag, f. 88 a).

4) Въ A этимъ словамъ только предшествуетъ заголовокъ: در بيان كتاب قندية.

B къ 1281 (1864—5) г., C къ 1284 (1867—8) г.; B_1 не имѣетъ даты, но, судя по почерку, и эта рукопись—не изъ старыхъ. Тексту, положенному въ основу перевода г. Вяткина, болѣе всего соотвѣтствуетъ текстъ A; такъ, изъ петербургскихъ списковъ только въ A находится ссылка на «шейха Неджм-ад-дина Омара Несефи, учителя духовъ и людей» (f. 14 a, у г. Вяткина стр. 242) [1]), и только въ A говорится о «десяти султанахъ, бывшихъ на нашей памяти» (f. 25 a, у г. Вяткина стр. 253).

Ни въ одномъ изъ петербургскихъ экземпляровъ нѣтъ разграниченія между первой и второй частями; едва ли эта граница вообще можетъ быть проведена такъ рѣзко, какъ полагаетъ г. Вяткинъ. Въ первой изъ двухъ различаемыхъ имъ частей, наряду съ извѣстіями, несомнѣнно относящимися къ эпохѣ до монгольскаго погрома 1220 г., есть извѣстія, указывающія на болѣе поздній періодъ; съ другой стороны, и во второй части сохранились нѣкоторые разсказы, извлеченные изъ первоначальной «Кандіи» и совершенно не соотвѣтствующіе эпохѣ упоминаемыхъ въ этой части Тимура, Улугъ-бека и ходжи Ахрара.

Если какая-нибудь часть дошедшей до насъ версіи вообще передаетъ текстъ «Малой Кандіи» (т. е. сочиненія ученика Несефи) «въ болѣе или менѣе первоначальномъ видѣ», то таковой, по моему мнѣнію, можетъ быть признанъ не весь текстъ, переведенный г. Вяткинымъ, а только первая половина его (стр. 238—257). Въ такомъ случаѣ приходится, однако, предположить, что ученикъ Несефи сдѣлалъ извлеченіе не только изъ книги своего учителя, но и изъ «Исторіи Самарканда» Идриси, продолженіемъ которой, по словамъ Хаджи-Хальфы, было сочиненіе Несефи. «Исторія Самарканда» (تاریخ سمرقند) цитуется наряду со словами «автора Кандіи» (مولّف قندیه), см. въ переводѣ г. Вяткина стр. 242, 249 и 250; нѣтъ никакихъ признаковъ, которые бы заставляли признать «Малую Кандію» продолженіемъ другого труда. Говорится почти исключительно о событіяхъ исторіи Самарканда до ислама и въ первыя времена мусульманскаго господства; нѣтъ никакихъ указаній на событія XI и XII вв.; только слова о наградахъ, ожидающихъ на этомъ и на томъ свѣтѣ справедливаго правителя, «хотя бы онъ пребывалъ въ ложной вѣрѣ» [2]) (стр. 254), показываютъ, что авторъ

---

1) Въ B (f. 112b), B_1 (f. 6a—6b) и C (p. 8) то же самое извѣстіе сообщается со словъ وهب بن منبّه, извѣстнаго автора I в. хиджры, умершаго въ 110 (728) г., см. C. Brockelmann, Geschichte der Arabischen Litteratur, I, 64—65. Первоначальнымъ текстомъ «Кандіи» въ этомъ случаѣ скорѣе можно признать текстъ B, B_1 и C, чѣмъ текстъ A и текстъ, переведенный В. Л. Вяткинымъ. Трудно предположить, чтобы имя Вахба могло быть вставлено позднѣйшими переписчиками вмѣсто имени Несефи.

2) Въ подлинникѣ (C p. 25) اکر چندی خلاف دین باشد (A f. 25a اکرچه خلاف دین B_1 f. 15a اکرجه خلاف دین); въ B здѣсь пропускъ.

писалъ въ эпоху подчиненія мусульманъ иновѣрцамъ, т. е. послѣ 1141 г. На эпоху до погрома 1220 г. особенно ясно указываетъ подробный и интересный разсказъ объ условіяхъ орошенія въ Самаркандѣ (стр. 252—253), гдѣ говорится о «свинцовомъ каналѣ» (Джу-и-арзизъ) и «каналахъ шахристана», т. е. о сооруженіи, посредствомъ котораго была проведена вода на площадь нынѣшняго городища Афрасіабъ, опустѣвшаго вслѣдствіе уничтоженія «свинцоваго канала» монголами[1]). Изъ литературныхъ источниковъ, кромѣ сочиненій Идриси и Несефи, цитуются еще (стр. 241) «разсказы нишапурцевъ» (قصص نشاپوريان) — по мнѣнію г. Вяткина (стр. 289) «Исторія Нишапура» Абу-Абдаллаха ал-Бейи' (умеръ въ 1014 г.)[2]) и какое-то неизвѣстное сочиненіе معارف البيان[3]) или بيان المعارف[4]); наконецъ, встрѣчаются неопредѣленныя ссылки на какія то «извѣстія» (اخبار, иногда въ ед. числѣ خبر).

Болѣе сомнительна принадлежность ученику Несефи второй половины переведеннаго В. Л. Вяткинымъ текста (стр. 257—276). По содержанію и характеру изложенія, эта часть мало отличается отъ второй части «Кандіи»; говорится исключительно о могилахъ мѣстныхъ святыхъ, обрядахъ поклоненія этимъ могиламъ и чертахъ жизни погребенныхъ въ нихъ подвижниковъ. Изъ событій XII в. разсказывается (стр. 274—275) о смерти шейха Абу-Юсуфа Хамадани, послѣдовавшей 26 или 28 мухаррема 535, т. е. 11—13 сентября 1140 г.[5]). Разсказъ передается со словъ ученика шейха, Абд-ал-Халика Гуждувани, но подробности его настолько фантастичны, что трудно вѣрить въ возможность распространенія такого разсказа въ эпоху, близкую ко времени жизни самого святого. Упоминается также (стр. 265) о «мученикахъ за вѣру въ степи Катванъ», т. е. о павшихъ во время извѣстной битвы 5 сафара 536 (9 сентября 1141) г.[6]), причемъ могилы этихъ мучениковъ, какъ и теперь[7]), помѣщались на кладбищѣ Джакардиза, на берегу арыка Машатъ (مشهل). Мы знаемъ, однако,

---

1) Ср. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, стр. 445.

2) Id. opus, ч. II, стр. 17.

3) Такъ у г. Вяткина стр. 241. A f. 13a معارف البستان. Въ B (f. 111b), B_1 (f. 3b) и C (f. 6) заглавія сочиненія въ этомъ мѣстѣ нѣтъ.

4) Такъ C p. 9; B_1 f. 7a كتاب معارف; въ A f. 14b, B f. 113a и въ переводѣ г. Вяткина стр. 242 («разсказываютъ») безъ названія сочиненія.

5) В. Жуковскій, Развалины Стараго Мерва, стр. 171 (26-го мухаррема); по переводу г. Вяткина (стр. 274) 28-го; также A f. 46b; по B_1 (f. 30b) и C (p. 60) четвергъ 26-го [въ B біографіи этого шейха нѣтъ]. Если этотъ день былъ четвергомъ, то рѣчь можетъ итти только о днѣ 12-го сентября.

6) Ср. З. В. О. XII, 0125.

7) Самарія, изд. Н. И. Веселовскаго (Спб. 1904), стр. 11. Ср. переводъ этого мѣста у г. Вяткина, Справ. книжка, вып. VI, стр. 166, примѣчаніе ibid. стр. 229 и мое замѣчаніе З. В. О. XII, 0124.

что при Сам'ани, бывшемъ здѣсь въ 550 и 551 (1155—6) гг., могилы мучениковъ показывались, какъ и слѣдовало ожидать, на самомъ мѣстѣ битвы; самъ Сам'ани ѣздилъ туда поклониться имъ и провелъ тамъ двѣ ночи [1]). Ссылки на литературные источники и въ этомъ случаѣ не даютъ ключа къ опредѣленію времени, когда писалъ авторъ. На стр. 259 приводится цитата [2]) изъ извѣстнаго сочиненія Газали (+505=1111 г.) «Оживленіе наукъ вѣры» (احياء علوم الدين); тамъ же находится ссылка на روايت القنية (вѣроятно, имѣется въ виду какой-нибудь сборникъ по фикху, заглавіе котораго начиналось словомъ «кунья», [3]) т. е. «достаточное») и на какой-то комментарій (شرح) къ извѣстному «Небольшому сборнику» (الجامع الصغير) Мухаммеда ибнъ Хасана аш-Шейбани (+ 189 = 204 г.); одинъ изъ комментаріевъ къ этому сочиненію (стихотворный) принадлежитъ Неджмад-дину Несефи, автору первоначальной «Кандіи» [4]).

Трудно также согласиться съ тѣмъ, чтобы вторая часть «Кандіи» вовсе не заслуживала перевода; что она не лишена научнаго интереса, доказывается уже тѣмъ, что самъ В. Л. Вяткинъ не разъ ссылается на нее въ примѣчаніяхъ къ своему переводу (стр. 279 и 286). Едва ли и эта часть можетъ быть признана произведеніемъ одного автора и одной эпохи. Упоминаніе Тимура, Улугъ-бека и въ особенности ходжи Ахрара (+ 895=1489—90 гг.) показываетъ, что авторъ писалъ не ранѣе конца XV в.; съ другой стороны приводятся, безъ измѣненія и безъ указанія на несоотвѣтствіе данной эпохѣ, сообщенія первоначальнаго текста «Кандіи» (на зависимость отъ этого текста указываютъ и ссылки на «Большую Кандію» [5]). Такъ, слова первой части (у г. Вяткина стр. 250) о «существующей теперь» соборной мечети, построенной (будто бы) при халифѣ Османѣ на мѣстѣ бывшаго здѣсь раньше капища идоловъ, повторены и во второй [6]) безъ всякихъ оговорокъ, хотя этой мечети въ XV в., конечно, уже не было, а были другія мечети,

1) Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, стр. 64.

2) Соотвѣтствующее мѣсто въ каирскомъ изданіи 1302 г. х. находится на стр. 445 4-го тома.

3) Обыкновенное названіе компендіумовъ; ср. рядъ такихъ заглавій у Хаджи-Хальфы, IV, 571—572.

4) C. Brockelmann, Geschichte der Arabischen Litteratur, Bd. I, S. 172.

5) Въ C قنديۀ كبير два раза: p. 94 и 97. Въ A только f. 63b; f. 65 a только كتاب القنديه. Въ B_1 f. 40b только قنديه.

6) Именно въ B (f. 133b—134a) и въ C (p. 121—122). Изъ текста B (f. 128b) можно заключить, что соборная мечеть, которую имѣлъ въ виду авторъ, находилась въ сѣверной части нынѣшняго города близъ رباط غازيان, какъ показываютъ слова: آورده اند كه بر لب جوى مسجديست كه در پهلوى دروازۀ غازيان بمسجد جامع كه آمده اند برآن مسجد كذشته اند. Этихъ словъ, однако, нѣтъ ни въ трехъ другихъ петербургскихъ спискахъ (ср. A f. 35a, B_1 f. 22a, C p. 39), ни въ текстѣ, переведенномъ г. Вяткинымъ (стр. 263).

построенныя при Тимурѣ и Улугъ-бекѣ, о которыхъ въ «Кандіи» нѣтъ ни слова. Встрѣчаются повторенія; такъ, разсказъ о смѣльчакѣ, спустившемся, по приказанію Тимура, въ колодецъ къ Шахъ-зиндэ, приводится въ С дважды, въ первый разъ кратко, съ указаніемъ на извѣстность разсказа, во второй разъ подробно [1]). Часто встрѣчаются ссылки на слова Сейидъ-Ахмеда, сына Миръ-Вели, который иногда называется «авторомъ» (مصنّف), т. е., повидимому, авторомъ настоящей книги; онъ писалъ во всякомъ случаѣ не ранѣе конца XV в., такъ какъ ссылается на Абд-ар-Рахмана Джами († 898 = 1492 г.) [2]). Упоминаемая В. Л. Вяткинымъ легенда «о мѣстномъ святомъ Нуръ-ед-динѣ Басирѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кутби-чаардахумъ», въ С представляетъ самостоятельное цѣлое, совершенно обособленное отъ остального текста «Кандіи», носящее особое заглавіе رسالهٔ حضرت قطب الاقطاب и начинающееся словами بسم الله الرحمن الرحيم. Имя автора этой рисале — ابو الحسن بن خواجه سيف الدين [3]).

Кромѣ небольшого числа пояснительныхъ примѣчаній, не всегда удачныхъ [4]), г. Вяткинъ даетъ намъ (стр. 277—288) довольно подробное изслѣдованіе объ исторической топографіи города, на основаніи современныхъ условій, извѣстій арабскихъ географовъ, приведенныхъ въ моей книгѣ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», извѣстій «Кандіи» и результатовъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1904 и 1905 гг. на мѣстѣ городища Афрасіабъ В. Л. Вяткинымъ и мною. Особенно цѣнными представляются замѣчанія объ условіяхъ орошенія въ Самаркандѣ въ средніе вѣка и теперь; результатомъ такого сопоставленія, какъ и всѣхъ изслѣдованій, въ которыхъ приняты во вниманіе письменные источники, является выводъ, что «съ этой стороны за тысячелѣтіе почти не произошло перемѣнъ» (стр. 288). Труднѣе согласиться съ взглядами г. Вяткина на историческую топографію самаго города. Г. Вяткинъ полагаетъ, 1) что всѣ обнаруженные при раскопкахъ остатки мечети, въ томъ числѣ и открытый мною «большой каменный столбъ» (по мнѣнію г. Вяткина — основаніе ми-

1) С р. 66—67 и 137—157. Этого подробнаго разсказа (также B f. 143a—155 a) нѣтъ ни въ A, ни B_1; онъ мало отличается отъ преданія, разсказаннаго г. Вяткинымъ въ другомъ мѣстѣ (Справочная книжка, вып. V, стр. 230—240) со словъ таджика Мирза-Наима.

2) A f. 54a, 55a, 68a; С р. 79 и 105.

3) С р. 161—162; на то же лицо ссылка B f. 159a. Въ B_1 этой рисале нѣтъ; въ A отрывки изъ нея (начиная съ л. 69 a) не отдѣляются отъ текста «Кандіи»; нѣтъ ни начала, ни имени автора. Послѣ этихъ отрывковъ снова идетъ текстъ «Кандіи»; въ концѣ (f. 88b—96a) помѣщена другая рисале ذكر مزار خواجه كعب الاخبار در بخاراى شريف.

4) Напр. на стр. 290 сказано, что «хариджиды (sic) — послѣдователи зароастризма въ исламѣ». На стр. 289 дѣлаются безполезныя попытки сблизить съ историческими лицами и фактами легендарныхъ героевъ (какъ «Хузайму», въ текстѣ خزيمه, خذيمه, حزيله и هزيله) и фантастическія даты «Кандіи».

нарета), принадлежатъ къ зданію, построенному хорезмшахомъ Мухаммедомъ и разрушенному Чингизъ-ханомъ (стр. 281 и слѣд.); 2) что упоминаемыя въ разсказѣ Джувейни ворота Намазгахъ «были въ стѣнѣ Афрасіаба» и что, вообще, «городъ» Самаркандъ начала XIII в. тожественъ съ Афрасіабомъ или съ «шахристаномъ» X в. Противъ перваго мнѣнія можно возразить, что открытый мною столбъ, какъ показываетъ надпись «Ихшидъ» и другія куфическія надписи на кирпичахъ, не могъ быть выстроенъ позже X в.[1]); если онъ былъ основаніемъ минарета, то минаретъ, а слѣдовательно и мечеть были здѣсь еще при Саманидахъ. Очень вѣроятно, что найденные при раскопкахъ въ верхнемъ слоѣ кирпичи съ изразцами относятся къ зданію XIII в. (приготовлялись ли вообще изразцы въ X в., остается недоказаннымъ); но мѣстоположеніе соборной мечети отъ арабскаго завоеванія до монгольскаго нашествія, повидимому, не измѣнилось, и въ этомъ отношеніи разсказъ «Кандіи» можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ истинѣ. Съ другой стороны, самый «городъ» успѣлъ перемѣститься на югъ еще до нашествія монголовъ; то, что̀ въ X в. было «шахристаномъ», ко времени монгольскаго погрома оставалось только «крѣпостью». Мы знаемъ, что уже въ X в. самой населенной частью Самарканда былъ не шахристанъ, а кварталъ непосредственно къ югу отъ него, т. е. сѣверная часть нынѣшняго города[2]). Въ половинѣ XII в., во время путешествія Самʻани, кварталъ Гатифаръ (собств. Гатфаръ)[3]), примыкающій съ сѣверо-запада къ построенной Тимуромъ цитадели, находился уже «въ самомъ городѣ» (فى نفس البلد), а не въ предмѣстьяхъ, окруженныхъ внѣшней стѣной (فى الحائط), какъ, напр., кварталъ Матуридъ[4]). Изъ этого видно, что въ то время «городъ» въ собственномъ смыслѣ уже находился къ югу отъ Афрасіаба. По разсказу Джувейни[5]) монголы черезъ ворота Намазгахъ вошли въ городъ, заняли его и вывели жителей въ поле; только послѣ этого начались дѣйствія противъ крѣпости (حصار или دز); гарнизонъ не рѣшался ни оказать сопротивленіе, ни бѣжать (نه روى قرار ونه پشت فرار); монголы окружили крѣпость со всѣхъ сторонъ, разрушили стѣны ея и «свинцовый каналъ» и проложили себѣ путь черезъ ворота; послѣдніе защитники, въ числѣ 1000 человѣкъ, искали убѣжища въ соборной мечети, которая и была сожжена со всѣми находившимися въ ней. Такой порядокъ изложенія событій ясно показываетъ, что разрушеніе

1) З. В. О. XVI, р. XXXV. Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, № 4, стр. 23.

2) Bibl. Geogr. Arab. I, 317, II, 366.

3) Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, стр. 522.

4) Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, стр. 63 и 66.

5) Персидскій текстъ изданъ въ христоматіи Шефера, t. II, p. 134. Ср. также Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. II, стр. 445.

«свинцоваго канала» (по которому въ X в. проходила вода въ шахристанъ) находилось въ связи съ осадой «крѣпости», а не «города», т. е. что шахристанъ X в. сохранялъ въ XIII в. только значеніе крѣпости, хотя въ немъ по традиціи оставалась соборная мечеть—можетъ быть, не единственная въ Самаркандѣ того времени.

Переводъ, даже независимо отъ вопросовъ критики текста, также не свободенъ отъ ошибокъ. На стр. 255, какъ показываетъ контекстъ, говорится о поклоненіи государей не могиламъ «знающихъ коранъ лицъ», жившихъ при Исмаилѣ, а могилѣ самого Исмаила[1]). Произносившій привѣтствіе «обитателямъ могилъ», очевидно, не могъ обращаться къ тѣмъ, «которые отойдутъ послѣ» (стр. 259), т. е. къ живымъ; въ подлинникѣ употреблено извѣстное выраженіе المتقدّمين والمتأخّرين «людямъ болѣе отдаленнаго и недавняго прошлаго»[2]).

Этими замѣчаніями, конечно, не умаляются достоинства перевода и комментарія В. Л. Вяткина, во всякомъ случаѣ заслуживающихъ благодарности. Что касается «библіографической замѣтки» того же автора, то она посвящена изданію, уже отмѣченному на страницахъ «Записокъ» (XVII, 0181—0184). В. Л. Вяткинъ возражаетъ противъ мнѣнія, высказаннаго въ предисловіи къ этому изданію Н. И. Веселовскимъ, по которому Тимуръ строилъ не усыпальницу, а мечеть, уже потомъ, помимо воли самого строителя, сдѣлавшуюся мѣстомъ погребенія самого Тимура и нѣкоторыхъ изъ его потомковъ. Доводы г. Вяткина, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ вниманія, не смотря на нѣкоторыя фактическія ошибки, допущенныя имъ. Невѣрно, что сочиненіе Шерефъ-ад-дина Іезди было написано «спустя менѣе десяти лѣтъ послѣ смерти» Тимура (стр. 296); въ дѣйствительности отъ смерти Тимура (807=1405 г.) до составленія Зафаръ-намэ (828=1425 г.)[3]) прошло двадцать лѣтъ. Невѣрно, что Тимуръ умеръ 10-го шаʿбана 807 (11 февраля 1405 г.) (стр. 297); по Шерефъ-ад-дину[4]) и Ибнъ-Арабшаху[5]) смерть Тимура послѣдовала въ среду 17-го шаʿбана (18-го февраля), по надписи на гробницѣ[6])—14-го шаʿбана (15-го февраля). Трудно допустить, чтобы Клавихо могъ назвать такое величественное зданіе,

1) Такъ по всѣмъ четыремъ петербургскимъ спискамъ (A f. 26b, B f. 123b, B_1 f. 16a, C p. 27).

2) A f. 30b, B_1 f. 19b, C p. 33 (въ B этого мѣста нѣтъ).

3) Rieu, Catalogue, I, p. 174a (по حبيب السير). Изъ введенія (مقدمه) къ Зафаръ-намэ видно, что сочиненіе было начато въ 822 (1419) г. (ibid. p. 174b).

4) Zafar-Namah, кальк. изд., II, 661.

5) Ahmedis Arabsiadae vitae Timuri historia, ed Manger, II, 494.

6) Справ. книжка Самарк. обл., вып. IV, отд. IV, стр. 4. E. Blochet, Les inscriptions de Samarkand, Paris 1897, p. 9—10 (=Revue Archéologique 1897, I, 73—74).

какъ Гури-эмиръ, часовней (capilla)[1]). Если Гури-эмиръ «нигдѣ въ туземной литературѣ не называется мечетью» (стр. 293 — 294), то остается фактъ, что Бабуръ считалъ то зданіе, гдѣ въ его время находились гробницы[2]) Тимура и его потомковъ (т. е. Гури-эмиръ), тожественнымъ съ медресе Мухаммедъ-Султана.

Въ послѣдней статьѣ 8-го выпуска, принадлежащей М. М. Вирскому, сдѣлана попытка воспользоваться данными переписи 1897 года, какъ матеріаломъ для выясненія этнографическаго состава населенія, экономическихъ условій его жизни и степени его культурнаго уровня. Данныя переписи были обнародованы только въ 1905 г., когда они уже успѣли въ значительной степени устарѣть; тѣмъ не менѣе за ними признается «серьезный научный и практическій интересъ» (стр. 303). Приведенныя въ статьѣ цифры доказываютъ, однако, совершенно обратное; перепись была произведена съ такимъ отсутствіемъ системы, съ примѣненіемъ такой неясной и запутанной терминологіи, что результаты ея могутъ представлять только «практическій» интересъ, въ смыслѣ урока на будущее время. Г. Вирскій самъ отмѣчаетъ одинъ фактъ, опровергающій цифры переписи, хотя въ своемъ возраженіи дѣлаетъ новую ошибку. По его мнѣнію, среди проживающихъ въ области буддистовъ и ламаитовъ, вопреки переписи, не могло быть женщинъ, такъ какъ всѣ ламаиты — калмыки изъ уральскихъ строевыхъ казаковъ[3]), а «изъ числа проживающихъ въ Самаркандской области буддистовъ (пешаверскихъ индусовъ — торговцевъ и ростовщиковъ) ни при одномъ не было и теперь нѣтъ лицъ женскаго пола» (стр. 319). Пришельцы изъ Пешавера, конечно, не были буддистами; если указаніе г. Вирскаго справедливо, то оно должно быть направлено не противъ числа буддистовъ, а противъ числа жителей, говорившихъ на «индусскомъ» языкѣ: 25 мужчинъ и 16 женщинъ (стр. 320). Въ таблицѣ о распредѣленіи населенія по родному языку встрѣчаются, однако, гораздо болѣе существенныя несообразности, совершенно не замѣчаемыя авторомъ статьи. Среди языковъ турецко-татарской группы приводятся языки татарскій, башкирскій, чувашскій, турецкій, киргизъ-кайсакскій (sic), сартскій, узбекскій, таранчинскій и тюрк-

---

1) Клавихо, Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана, переводъ подъ редакціею И. И. Срезневскаго, стр. 314 (Сборн. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 1).

2) Въ изданіи Ильминскаго (стр. 57) по ошибкѣ قيزى вм. قبرى, оттого невѣрный переводъ у г. Вяткина въ Справ. книжкѣ, т. IV, отд. 4, стр. 33. Ошибка исправлена у Blochet, opus cit., p. 24; правильное чтеніе въ Хайдерабадской рукописи, изд. A. S. Beveridge (The Bábar-Náma, Leyden 1905, f. 46a).

3) Однако по переписи монгольскій языкъ (въ отличіе отъ «монголо-бурятскаго», на которомъ говорили только 8 мужчинъ) былъ роднымъ языкомъ для одного мужчины и шести женщинъ (стр. 322).

скій (стр. 322). По какимъ признакамъ производившіе перепись отличали узбекскій языкъ отъ сартскаго и какой языкъ имѣется въ виду подъ названіемъ «тюркскаго», на которомъ будто бы говоритъ до 20000 душъ обоего пола, на эти вопросы едва ли могъ бы быть данъ отвѣтъ. М. М. Вирскій серьезно сопоставляетъ цифры, указывающія на распространеніе каждаго изъ «четырехъ языковъ» — узбекскаго, тюркскаго, киргизъ-кайсакскаго и сартскаго; «знающаго одинъ изъ четырехъ языковъ» пойметъ, по его словамъ, «большинство населенія»; важнѣе всего знаніе языка «сартскаго, какъ ассимилирующаго всѣ языки этой группы, за исключеніемъ русскаго» (стр. 324)[1]). Не объясняется, какимъ образомъ «сартскій» языкъ, на которомъ по переписи говорятъ всего 2% населенія, можетъ «ассимилировать» такіе языки, какъ «узбекскій», на которомъ говорятъ 59%. Крайне желательно, чтобы на будущее время перепись населенія по языкамъ производилась при участіи знающихъ эти языки мѣстныхъ дѣятелей, съ примѣненіемъ заранѣе выработанной, ясной и точной терминологіи.

9-ый выпускъ изданія посвященъ почти исключительно статьямъ о культурѣ риса и о пчеловодствѣ; для оріенталистовъ представляетъ интересъ только статья Н. С. Лыкошина «О гаданіи у среднеазіатскихъ туземцевъ» (стр. 163—212). Кромѣ своихъ личныхъ наблюденій (въ Ташкентѣ, Чимкентѣ и въ селеніи Дальянъ Ходжентскаго уѣзда) авторъ пользуется «туземной на персидскомъ языкѣ энциклопедіей» Матлаʻ-ал-Улюмъ. Имя автора энциклопедіи не приводится; изъ его предисловія видно, что онъ получилъ свои свѣдѣнія въ Индіи, отъ астролога Рази-д-динъ-ханъ-Богадура въ Лакнау и отъ Мавляви-Мухаммедъ-Ахсана въ Фаррухабадѣ. Характерны заключительныя слова предисловія (стр. 178): «Но, слава Богу, хотя онъ (авторъ) и изучилъ науку гаданія, но самъ въ нее не повѣрилъ; только для того, чтобы объяснить читателямъ и быть имъ полезнымъ, онъ рѣшается сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой наукѣ». Особый отдѣлъ посвященъ наукѣ «джафръ» (см. о ней З. В. О. XVIII, 187 и слѣд.), которой авторъ обучался у другихъ учителей, сначала на родинѣ, потомъ въ Лакнау.

В. Б.

346. Туркестанскій сборникъ сочиненій и статей, относящихся до Средней Азіи вообще и Туркестанскаго края въ особенности. 34 тома за 1907 годъ (т. 417—450).

---

1) Послѣднія слова показываютъ, что имѣется въ виду не лингвистическая турецко-татарская группа, а «группа» шести наиболѣе распространенныхъ въ области языковъ: узбекскаго, таджикскаго, киргизъ-кайсакскаго, тюркскаго, сартскаго и русскаго.

Вскорѣ по прибытіи въ Туркестанскій край первый его генералъ-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ поручилъ извѣстному библіографу В. И. Межову приступить къ составленію сборника, въ который включались-бы по возможности всѣ отдѣльныя сочиненія, равно какъ и газетныя и журнальныя статьи, русскія и иностранныя, касающіяся Средней Азіи. При поддержкѣ послѣдующихъ генералъ-губернаторовъ М. Г. Черняева и Н. О. Розенбаха сборникъ этотъ составлялся до 1887 года, а потомъ пріостановился за неимѣніемъ средствъ на 416-омъ томѣ. Отдѣльныя изданія разрѣзывались по страницамъ, журнальныя-же и газетныя статьи вырѣзывались, а затѣмъ вклеивались въ бумажныя рамки, переплетались въ отдѣльные объемистые тома одинаковаго формата (въ 4-ю д. л.) и поступали въ Туркестанскую публичную библіотеку. Заглавный листъ, предисловіе и оглавленіе къ каждому тому печатались. Кромѣ того три раза отдѣльно издавались печатные указатели, систематическій и алфавитный, къ извѣстному числу томовъ: къ томамъ 1—150 въ 1878 г., къ томамъ 151—300 въ 1884 г. и къ томамъ 300—416 въ 1888 году. Въ предисловіяхъ къ этимъ указателямъ В. И. Межовъ сознавался, что нѣкоторыхъ сочиненій и статей, особенно иностранныхъ, ему не удавалось доставать (хотя онъ работалъ въ Петербургѣ), но при всемъ томъ онъ былъ увѣренъ въ полезности своего кропотливаго труда и указывалъ при этомъ на подражаніе ему англичанъ въ Индіи [1]). Давая на страницахъ I тома Зап. Вост. Отд. отзывъ объ указателѣ 1884 г., бар. В. Р. Розенъ выразился про этотъ и предыдущій указатели, что они должны быть «настольной книгой всякаго занимающагося Средней Азіей, ея прошлымъ и настоящимъ», и высказалъ надежду, что В. И. Межову «удастся продолжить эти труды [2]), которые приносятъ столь очевидную и громадную пользу».

Часть труда В. И. Межова, прерваннаго въ 1887 году, возобновлена чрезъ 20 лѣтъ, въ 1907 году, но уже не въ Петербургѣ, а въ Ташкентѣ другими лицами и на нѣсколько другихъ основаніяхъ, отчасти указанныхъ въ «Отчетѣ Туркестанской публичной библіотеки и музея за 1907 г.» (Ташкентъ, 1908 г., стр. 2—3).

Отдѣльныя крупныя изданія рѣшено было — совершенно основательно — болѣе не включать въ сборникъ и составлять его только изъ газетныхъ и журнальныхъ статей и мелкихъ брошюръ. Въ 34 тома—отъ 150 до 200 ff. каждый,—вышедшіе за 1907 годъ, вошли вырѣзки изъ журналовъ и газетъ, рус-

1) См. предисловіе къ указателю 1884 г.

2) Имѣются, очевидно, въ виду какъ самый сборникъ, такъ и указатели къ нему.

скихъ и мусульманскихъ, получавшихся Туркестанской публичной библіотекой въ данномъ году. Не могло быть использовано то, что пропало изъ читальнаго зала или не было доставлено съ почты. Сборникъ составлялся гг. Дмитровскимъ, Диваевымъ и Зыковымъ; тома 423 и 446, занятые вырѣзками изъ «*Туркестанской туземной газеты*» и «*Вактъ*», составлены исключительно г. Диваевымъ. Для частичнаго пополненія пропуска въ 20 лѣтъ бралось кое-что за этотъ срокъ изъ *Русскаго Инвалида*, *Правительственнаго Вѣстника* и *Туркестанскихъ Вѣдомостей* [1]). Иностранный отдѣлъ отсутствуетъ. Вырѣзки теперь не вклеиваются въ рамки, а наклеиваются на цѣлые листы. Если-бы имѣлось въ виду продолжить изданіе и указателей, особенно важныхъ для не-ташкентцевъ, то слѣдовало-бы разносить заблаговременно названія статей на карточки, но этого не дѣлается. Сборникъ теперь обходится дешевле, чѣмъ раньше, но въ настоящемъ своемъ видѣ и значенія прежняго онъ имѣть не можетъ.—Привѣтствуя продолженіе Туркестанскаго сборника, пожелаемъ ему большей полноты въ осуществленіи обновленной программы. **А. С.**

347. Левъ Афанасьевъ. Словарь сартовскихъ словъ съ главнѣйшими грамматическими правилами. Гор. Скобелевъ Ферганской области. Типографія Г. А. Порцева. 1908 г. 207 стр. 16⁰. Цѣна 75 коп.

348. Сартовскій переводчикъ. Средне-азіатскія нарѣчія. Изданіе Штаба Туркестанскаго военнаго округа. Подъ редакціей подполковника Ягелло. Ташкентъ. 1908 г. 27+37 стр. Цѣна 30 к. Размѣръ карманный.

Недостатокъ людей, расположенныхъ надлежащимъ образомъ использовать достаточную въ Россіи возможность теоретической подготовки къ изученію азіатскихъ языковъ, является причиной того, что настоятельнѣйшая потребность въ практическихъ руководствахъ по нѣкоторымъ изъ этихъ языковъ, не говоря уже о научномъ ихъ изслѣдованіи, остается десятками лѣтъ неудовлетворенной въ сколько-нибудь достаточной степени. При такихъ обстоятельствахъ должны отмѣчаться всѣ новыя, даже мелкія попытки въ данномъ направленіи.

Солидное практическое руководство для изученія такъ называемаго сартовскаго языка, составленное В. П. Наливкинымъ, вышло изъ про-

---

1) Желательно полное возстановленіе двадцатилѣтняго пропуска хотя-бы для мѣстныхъ изданій. По исторіи, литературѣ и этнографіи, напримѣръ, туркменовъ имѣется нѣкоторый матеріалъ въ газетѣ *Закаспійское Обозрѣніе*, начавшей выходить въ Асхабадѣ всего съ 1895 года.

дажи[1]). На помощь обязаннымъ или только желающимъ освоиться съ господствующимъ говоромъ и грамотой туземцевъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній попытался придти питомецъ факультета восточныхъ языковъ И. А. Бѣляевъ, приступивъ въ 1906 г. къ изданію «*Руководства къ изученію сартовскаго языка*» въ 2 томахъ[2]). Похвальное предпріятіе это, удостоившееся нѣсколькихъ отзывовъ въ туркестанской прессѣ, прекратилось на 6-омъ выпускѣ за выѣздомъ составителя изъ Ташкента; если оно и не сулило, судя по началу, *ничего* «для будущихъ научныхъ изслѣдователей сартовскаго языка»[3]), то при всемъ несовершенствѣ все-таки принесло-бы и уже стало приносить извѣстную практическую пользу, о чемъ намъ доводилось слышать отъ самихъ подписчиковъ на «Руководство».

Двѣ новыхъ книжки по сартовскому нарѣчію, заглавія которыхъ выписаны выше, имѣютъ въ виду одну живую рѣчь и вовсе не касаются письменности, а поэтому передаютъ сартовскія слова только въ русской транскрипціи, приблизительной, «грубой» и невыдержанной.

Грамматическія правила въ книжкѣ г. Аѳанасьева занимаютъ 40 страничекъ (7—46) и даютъ въ безпритязательномъ видѣ, въ общемъ, все нужное для начинающаго практика. Только: 1) почему-то при перечисленіи залоговъ пропущенъ залогъ принудительный (стр. 25), хотя глаголъ вообще разобранъ подробно; 2) безъ нужды приведено ошибочное объясненіе отрицательной частицы «ма» изъ «мас» (стр. 38); 3) неудачно составленъ отдѣлъ о предлогахъ: вовсе не указано, какъ передавать предлоги *надъ*, *подъ*, *объ*, *внутри* и т. д.

На стр. 47—54 сообщаются: привѣтствія; названія денегъ; мѣры вѣса, линейныя и квадратныя; термины времени; названія небесныхъ свѣтилъ, явленій природы и сторонъ свѣта. Страницы 57—201 занимаетъ русско-сартовскій словарь. На стр. 202—204 указаны опечатки, но *не всѣ*.

«*Сартовскій переводчикъ*» состоитъ изъ двухъ частей: I—Русско-сартовскіе разговоры и слова. Составилъ М. П. Басаловъ. Исправилъ В. П. Наливкинъ. II—Слова и элементарная грамматика сартовскаго языка. Составилъ Таиръ-Бекъ Кіясъ-Бековъ. Эта карманная книжечка предназначается преимущественно для военныхъ, что видно, между про-

---

1) Руководство къ практическому изученію сартовскаго языка. Изданіе Самаркандскаго Комитета. Самаркандъ. 1898.

2) Руководство къ изученію сартовскаго языка. Томъ первый (Общій курсъ, состоящій изъ 15 выпусковъ). Составилъ по методѣ Туссена и Лангеншейдта И. А. Бѣляевъ, преподаватель сартовскаго и персидскаго языка при Туркестанской Учительской Семинаріи. Ташкентъ. 1906.—Проспектъ обоихъ томовъ напечатанъ на 2-ой страницѣ обложки къ 1-ому выпуску.

3) Выпускъ I, стр. 4.

чимъ, изъ послѣсловія Кіясъ-Бекова къ его не лишенной курьезовъ грамматикѣ (стр. 37): «Получивъ предложеніе о составленіи «самой краткой» грамматики сартовскаго языка русскими буквами для нуждъ войскъ, расположенныхъ въ городахъ и мѣстностяхъ Туркестанскаго края съ сартовскимъ народонаселеніемъ, притомъ въ «кратчайшій» срокъ времени, я надѣюсь, что читатели не осудятъ, если найдутъ какіе-либо недостатки». Ограничимся указаніемъ двухъ курьезовъ. На стр. 27 читаемъ: «Будущее время ахбари (изъяв. накл.) образуется изъ корня глагола приставкою къ нему нижеслѣдующихъ личныхъ окончаній, при чемъ между корнемъ и окончаніемъ вставляются, по желанію, буквы «а» или «у», если только корень глагола оканчивается на согласную букву:

	Муфрад (Единств. ч.).	Джам (Мн. ч.).
1-го лица	рман	рмиз
2-го лица	рсан	рсиз
3-го лица	р	рлар».

На стр. 33 напечатано: «Дѣепричастіе настоящаго времени образуется изъ 3-го лица единственнаго числа настоящаго времени ахбари (изъявит. накл.), если отбросить личное окончаніе «дур», «ди»»; слѣдуетъ примѣръ: *язади* — *яза*. Намъ не вперые приходится отмѣчать такіе промахи въ туркестанскихъ изданіяхъ по нарѣчіямъ [1]), промахи, которые при серьезномъ желаніи всегда легко могутъ быть избѣгнуты и которые, конечно, вовсе нежелательны въ почтенныхъ по идеѣ изданіяхъ Штаба Туркестанскаго военнаго округа [2]).

А. С.

Японскія изданія на монгольскомъ языкѣ:

349. [illegible] 3 выпуска (20, 18 и 38 стр.),

350. 義人傳 [illegible] (21 стр.),

351. [illegible] (70 стр.).

Всѣ эти брошюры на монгольскомъ языкѣ были, какъ видно изъ соотвѣтствующихъ въ нихъ помѣтокъ, составлены въ концѣ 1906 г. и затѣмъ изданы лѣтомъ 1907 г. очень изящно литографскимъ способомъ въ Японіи японскою издательскою фирмою Тосе Кабусики Кайша (въ Токіо). Въ приложенныхъ къ брошюрамъ заглавныхъ листахъ на японскомъ языкѣ

1) См. нашу рецензію на учебники туркменскаго языка Шимкевича и Агабекова, Зап. В. О., т. XVII, стр. 0184—0188.

2) Книги для изученія средне-азіатскихъ языковъ, изданныя Штабомъ, перечислены на 4-ой страницѣ обложки къ Сартовскому переводчику, въ числѣ 9 NN.

указано, что брошюры являются изданіемъ Управленія Харачинскаго вана, княжество котораго, именуемое по оффиціальной терминологіи правымъ Харачинскимъ знаменемъ (хошуномъ), находится въ юго-восточной Монголіи, но фактъ изданія брошюръ въ Японіи, а равно содержаніе предисловія къ одной изъ нихъ, указываетъ, что инициатива въ данномъ дѣлѣ принадлежала японцамъ, проживавшимъ при ставкѣ названнаго князя.

И дѣйствительно, приведенныя выше брошюры необходимо разсматривать въ связи съ энергичною дѣятельностью, которую японцы проявляютъ на континентѣ Азіи. Какъ извѣстно, еще до войны съ Россіей они, преслѣдуя, повидимому, главнымъ образомъ политическія цѣли, обратили большое вниманіе на изученіе разныхъ странъ Азіи и, прежде всего, отдѣльныхъ частей Китайской Имперіи. Такъ, не говоря уже о Собственномъ Китаѣ, японцы проникли въ Тибетъ, Восточный Туркестанъ, Или; интересовала ихъ и Монголія. Послѣ войны дѣятельность японцевъ въ этомъ направленіи приняла болѣе широкіе размѣры и, несомнѣнно, ведется по опредѣленному плану и подъ общимъ руководствомъ, будучи направлена къ систематическому всестороннему изученію интересующихъ японцевъ мѣстностей. Утвердившись въ южной Манджуріи, они обратили особенное вниманіе на сосѣднюю съ ней Монголію, при чемъ задались цѣлью не только изучить эту страну, но и содѣйствовать ея національному и культурному возрожденію. Въ печать неоднократно проникали свѣдѣнія о стремленіи японцевъ установить тѣсную связь между японскимъ и монгольскимъ буддизмомъ, объ устройствѣ школъ въ упомянутомъ выше Харачинскомъ княжествѣ, объ изданіи здѣсь же газеты на монгольскомъ и китайскомъ языкахъ, о привлеченіи монголовъ (напр., сына торгутскаго вана изъ западной Монголіи) въ японскія школы, объ устройствѣ въ Токіо курсовъ монгольскаго яз. при обществѣ Тоа-до-бун-кай, въ рукахъ котораго, повидимому, сосредоточено направленіе разсматриваемой дѣятельности японцевъ на континентѣ Азіи и при которомъ недавно открыто особое отдѣленіе для изученія Монголіи.

Едва ли не наиболѣе интѣреснымъ и пока, пожалуй, единственнымъ трудомъ, по которому мы можемъ судить о дѣятельности японцевъ въ Монголіи, являются названныя выше брошюры, которыя предназначены служить учебниками для начальнаго обученія въ школахъ праваго (западнаго) Харачинскаго княжества[1]).

---

1) Въ XVIII выпускѣ «Матеріаловъ по Маньчжуріи и Монголіи», издаваемыхъ Штабомъ Заамурскаго Округа Пограничной Стражи, помѣщенъ подъ заглавіемъ: «Монгольскіе учебники. Переводъ съ монгольскаго» (Харбинъ, 1908, VI+23 стр.) переводъ второго и третьяго выпусковъ первой брошюры, а равно второй брошюры; къ сожалѣнію, переводъ — очень неточный; это, скорѣе, лишь вольный пересказъ содержанія брошюръ, иногда съ существенными уклоненіями отъ монгольскаго текста.

Первая книжка, изданная 3 отдѣльными выпусками, носитъ названіе: «книга для начальнаго чтенія». Первый ея выпускъ содержитъ монгольскую азбуку съ объясненіями къ ней. Въ этомъ учебникѣ замѣтна попытка, при сохраненіи установившейся у монголовъ изстари ореографіи, внести нѣкоторыя улучшенія въ способъ обученія чтенію и письму, однако и здѣсь сохраняется принятая въ монгольскихъ азбукахъ слоговая система обученія со всѣми ея недостатками.

Въ изданной японцами азбукѣ имѣется прежде всего таблица съ изображеніемъ 121 слоговъ изъ гласныхъ, а также согласныхъ съ гласными въ томъ видѣ, въ какомъ эти слоги, за немногими исключеніями, могли бы быть употреблены въ качествѣ самостоятельныхъ словъ. Такимъ образомъ въ таблицѣ имѣются лишь начальныя начертанія всѣхъ согласныхъ и конечныя начертанія гласныхъ; въ виду этого въ объясненіяхъ къ таблицѣ показанъ еще способъ измѣненія знака конечнаго гласнаго въ случаѣ присоединенія одной буквы (согласнаго) или цѣлаго слога. Хотя, благодаря этимъ дополнительнымъ таблицамъ, настоящая азбука выгодно отличается отъ существовавшихъ донынѣ у монголовъ и бурятъ, однако и по ней мальчикъ не въ состояніи найти нѣкоторыхъ начертаній буквъ, напр., срединнаго ʒ (дз).

Другимъ недостаткомъ азбуки является несоотвѣтствіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясненій принятой въ самомъ текстѣ брошюръ ореографіи. Такъ, напримѣръ, на стр. 9 сказано, что въ срединныхъ слогахъ звуки ӧ и ӱ изображаются не такъ, какъ въ первомъ слогѣ, на дѣлѣ же въ брошюрахъ указанные звуки всюду въ срединныхъ слогахъ изображаются такъ же, какъ и въ первомъ ( ), что однако, нужно замѣтить, встрѣчается у монголовъ сравнительно рѣдко.

Въ-третьихъ, обращаетъ вниманіе непослѣдовательность въ расположеніи матеріала. Такъ, напримѣръ, хотя въ главной таблицѣ вообще дается, какъ указано выше, самостоятельное начертаніе слоговъ, но тутъ же почему-то включены нѣкоторыя другія начертанія, начальныя (, и т. д.) и конечныя (, и т. д.). Такая непослѣдовательность можетъ повести къ недоразумѣніямъ; исходя, напримѣръ, изъ основной таблицы, можно думать, что звуки о, у и ӧ, ӱ въ концѣ словъ изображаются различно, или что авторъ учебника предлагаетъ разныя начертанія для *т* и *д* (монголы обыкновенно изображаютъ ихъ одинаково), но это оказывается не такъ, и въ текстѣ всюду сохраняется въ данномъ отношеніи прежняя ореографія, которая, однако, совершенно не объясняется рядами слоговъ, помѣщенныхъ на стр. 4 и 13.

Представляется также непонятнымъ включеніе въ таблицу, въ одномъ

ряду со слогами съ обыкновенною буквою для звука *е*, также и слоговъ со знакомъ [illegible] , употребляемыхъ въ текстѣ брошюръ лишь въ китайскихъ словахъ. Вообще въ этой таблицѣ помѣщены въ общей массѣ и другія дополнительныя буквы, заимствованныя изъ такъ называемаго галика и изъ манджурскаго алфавита и употребляющіяся для передачи отсутствующихъ въ монгольскомъ языкѣ звуковъ въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что на стр. 17 даны окончанія родительнаго и винительнаго падежей, съ указаніемъ варіантовъ въ зависимости отъ конечнаго звука слова (гласный, *н* и другіе согласные), и что въ концѣ помѣщена манджурская слоговая азбука, но безъ какихъ бы то ни было поясненій къ ней.

II и III выпуски «книги для начальнаго чтенія» составлены по одному плану и дѣлятся—второй выпускъ на 32 и третій на 64 параграфа (въ 2 или 3 строки каждый). Эти параграфы расположены по содержанію группами по 4 параграфа въ каждой съ китайскими обозначеніями (въ транскрипціи) каждаго параграфа: 1) сю-шэнь 脩身 (нравственныя поученія), 2) ди-ли 地理 (географія), 3) ли-ши 歷史 (исторія) и 4) чанъ-гэ 唱歌 (пѣсенки).

Первый и четвертый параграфы представляютъ собою краткія изреченія, при чемъ пѣсенки отдѣла чанъ-гэ имѣютъ стихотворную форму; онѣ предназначены для пѣнія школьниковъ.

Параграфы съ обозначеніемъ ди-ли содержатъ въ себѣ краткое систематическое описаніе Харачинскаго княжества, такъ же какъ параграфы ли-ши — краткія историческія свѣдѣнія о важнѣйшихъ дѣяніяхъ харачинскихъ князей съ древности по настоящее время.

Вторая книжка съ китайскимъ и монгольскимъ названіями: «исторія справедливаго человѣка» содержитъ въ себѣ краткій нравоучительный разсказъ объ одномъ харачинскомъ табунанѣ Ширисайра, по прозванію Гуанъ-фу, и вѣрномъ слугѣ его Фу-хи, который его воспиталъ и заботился объ его имуществѣ. Идея разсказа — необходимость справедливаго отношенія къ своимъ подданнымъ и слугамъ.

Третья книжка, самая большая по объему (70 стр.), представляетъ собою начальную ариѳметику съ подробнымъ изложеніемъ первыхъ 4 дѣйствій съ цѣлыми числами [1]). Всякое ариѳметическое правило поясняется на

---

1) Въ 1837 г. извѣстнымъ монголистомъ А. В. Поповымъ была издана въ Казани «Ариѳметика на монгольскомъ языкѣ» (221 стр.), содержавшая въ себѣ ученіе о простыхъ числахъ и дробяхъ. Однако способъ изложенія этого учебника страдаетъ многими недостатками, въ виду чего онъ съ трудомъ понимается монголами.

примѣрахъ, съ большимъ количествомъ задачъ (съ отвѣтами). Задачи эти касаются явленій повседневной жизни монгола.

Въ этомъ учебникѣ можно отмѣтить двѣ характерныя особенности. Во-первыхъ, въ немъ, какъ впрочемъ и въ другихъ книжкахъ, всюду употребляются арабскія цифры взамѣнъ монголо-тибетскихъ; кое-гдѣ встрѣчаются также китайскіе іероглифы для обозначенія ариѳметическихъ терминовъ.

Во-вторыхъ, хотя въ основѣ счисленія лежитъ такъ же, какъ и у насъ, десятиричная система, но разряды единицъ группируются въ классы не по 3, а по 4 разряда въ каждомъ. Для обозначенія классовъ употребляются большею частью иностранныя слова, заимствованныя изъ буддійскихъ сочиненій. Въ учебникѣ ариѳметики дана таблица съ первыми 4 классами: единицы, «тумэнъ», «бумтай» и «сая».

По этой системѣ наше число 1.987.654.321 явится въ видѣ 19.8765.4321 и должно быть прочтено: 19 бумтай 8765 тумэновъ 4321 единицъ.

Въ текстѣ учебника приводятся названія, помимо указанныхъ 4 классовъ, еще для 14 классовъ, что доводитъ систему счисленія до 1 единицы съ 72 нулями. Подобныя грандіозныя числа соотвѣтствуютъ космогоническимъ представленіямъ монголовъ-буддистовъ, которые исчисляютъ міры вселенной и періоды мірозданія безконечными рядами чиселъ.

Это однако единственный слѣдъ вліянія буддійскихъ идей на учебники. Въ общемъ составитель ихъ имѣлъ въ виду, помимо основной задачи—обученія грамотѣ и счету, дать монгольскимъ школьникамъ рядъ нравственныхъ правилъ и свѣдѣнія объ ихъ родинѣ. Этой родинѣ авторъ удѣляетъ особое вниманіе, очевидно желая развить у монгольскихъ мальчиковъ любовь къ ней; на это имѣемъ указаніе, напримѣръ, въ призывѣ къ солидарнымъ дѣйствіямъ трехъ харачинскихъ княжествъ, въ упоминаніи о муравьѣ, который не покидаетъ своего муравейника, и пр.

Учебники по своему содержанію вполнѣ приспособлены къ пониманію дѣтей харачиновъ. Тутъ не мало чистонародныхъ изреченій. Языкъ носитъ замѣтные слѣды вліянія мѣстнаго діалекта, при чемъ встрѣчается не мало формъ живого языка. Это ведетъ къ многимъ непослѣдовательностямъ въ орѳографіи, что составляетъ довольно существенный общій недостатокъ разсматриваемыхъ руководствъ. Попадается также немало описокъ. Редакція учебниковъ, повидимому, принадлежала монголамъ, при чемъ предисловіе къ первому учебнику-азбукѣ составлено самимъ харачинскимъ ваномъ.

Въ общемъ выпущенныя японцами брошюры представляютъ въ

отношеніи содержанія довольно удачный опытъ изданія для монголовъ школьныхъ руководствъ, и сдѣланный ими въ этомъ направленіи починъ слѣдуетъ привѣтствовать, такъ какъ монгольская литература вообще крайне бѣдна, если не сказать болѣе, школьными изданіями.

Вл. Котвичъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Л. Бергъ. Аральское море. Опытъ физико-географической монографіи. Съ 2 картами, 6 таблицами и 78 рисунками. СПБ. 1908. XXIII+580 стр. 8^0 (Изв. Турк. Отд. И. Р. Г. Общ., т. V).

Гр. А. А. Бобринской. Горцы верховьевъ Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очеркъ быта по путевымъ замѣткамъ. 20 фототипическихъ таблицъ раб. фот. П. Павлова. Со снимковъ Н. В. Богоявленскаго. Москва. 1908. VIII + 150 стр. 8^0.

Н. В. Богоявленскій. Западный Застѣнный Китай. Его прошлое, настоящее состояніе и положеніе въ немъ русскихъ подданныхъ. СПБ. 1906. VI + 418 стр. 8^0.

И. А. Бѣляевъ. Руководство къ изученію сартовскаго языка. Томъ первый (общій курсъ, состоящій изъ 15 выпусковъ). Ташкентъ. 1906. Вып. I, стр. 1—14, вып. II, стр. 25—41, вып. III, стр. 42—57, вып. IV, стр. 58—73, вып. V, стр. 74—89 (продолженіе не получено).

В. Врадій. Географическій, этнографическій и экономическій очеркъ Амурской области. СПБ. 1908. Цѣна 45 к.

А. Гамильтонъ. Афганистанъ. Внутренній бытъ. Русская и англійская политика по отношенію къ Афганистану, какъ буферу между Россіей и Индіей. СПБ. 1908. Цѣна 1 р. 75 к.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Описаніе путешествія въ Западный Китай. Т. III. Вокругъ Куку-нора, черезъ Нань-шань, Бэй-шань и вдоль Восточнаго Тянь-шан'я обратно на родину. Съ картою на трехъ листахъ, 25 фототипіями и 29 цинкографіями въ текстѣ. СПБ. 1907. VI+531 стр. 4^0.

Древности Восточныя. Труды Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціею А. Е. Крымскаго. Томъ III, вып. I. Съ 6-ю снимками въ текстѣ. Москва. 1907. 22 + 24 + 89 + 44 + 20 + 40 стр. 4°.

— То-же, подъ редакціею М. В. Никольскаго. Томъ III, вып. II. Съ 104 табл. автограф. текстовъ (586 цинкографій) и 9 фототипич. табл. Москва. 1908. 105 стр. 4° [= М. В. Никольскій. Документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи изъ собранія Н. П. Лихачева].

Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Рудневъ. Образцы монгольской народной литературы. Вып. I. Халхаское нарѣчіе (тексты въ транскрипціи). Редактировали — — — СПБ. 1908. CCLXXXVIII стр. 8° (литогр.).

Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. № 6. СПБ. декабрь 1906. 59 стр. 8°.

— № 7. СПБ. декабрь 1907 г. 59 стр. 8°.

— № 8. СПБ. мартъ 1908 г. 69 стр. 8°.

К. Казанскій. Мистицизмъ въ исламѣ. Самаркандъ. 1906.

П. К. Козловъ. Монголія и Камъ. Труды экспедиціи, совершенной въ 1899—1901 г. подъ руководствомъ — — — Т. I, ч. I, съ 3 картами, 15 фототипіями и 27 политипажами. СПБ. 1905. XII. + 256 стр. 4°.

— Т. I, ч. II, съ 2 картами, 38 фототипіями и 51 политипажемъ. СПБ. 1906. X + 734 стр. 4°.

— Т. II, вып. I. А. Казнаковъ, Мои пути по Монголіи и Каму. Съ 4 картами, 13 таблицами фототипій (2 въ краскахъ), 9 таблицами автотипій и 16 политипажами въ текстѣ. СПБ. 1907. VIII + 136 стр. 4°.

— Т. III, вып. 1. Н. А. Тачаловъ, Астрономическія наблюденія П. К. Козлова. Съ 20 таблицами плановъ. СПБ. 1907. 7 стр. 4°.

— Т. V, V. Bianchi, Aves expeditionis P. K. Koslovi. 1899—1901. Съ картой и 4 таблицами. СПБ. 1907. III + LVIII + 252 стр. 4°.

— Т. VII. Arthropoda. Вып. I. Съ 3 таблицами. Обработали Т. Бекеръ, П. Штейнъ и Фр. В. Коновъ. СПБ. 1908. 150 стр. 4°.

— Т. VIII. Выпускъ послѣдній. К. С. Мережковскій, Діагноповыя водоросли Тибета. Съ картою и 24 политипажами въ текстѣ. 40 стр. 4°.

Е. И. Козубскій. Исторія города Дербента. Къ столѣтію присоединенія Дербента къ Россійской Имперіи. 1806—1906. Съ 26 рисунками. Темиръ-Ханъ-Шура. 1906. XII + 468 стр. 4°.

В. Костылевъ. Грамматика японскаго разговорнаго языка. Теоретическая часть. Переводъ съ англійскаго Handbook of Colloquial japanese by B. H. Chamberlain. СПБ. 1908. 298 стр. 8° (литогр.).

— Упрощенная грамматика японскаго языка (новый письменный стиль) Б. Х. Чамберлэна. Переводъ — — — СПБ. 1908.

Н. И. Кохановскій. Д-ръ О. Франке. Земельныя отношенія въ Китаѣ. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей съ примѣчаніями и дополненіями — — — Владивостокъ. 1908. VIII+145 стр. 8°. Цѣна 1 р. 50 к.

Н. В. Кюнеръ. Новѣйшая Исторія странъ Дальняго Востока. Вып. I. Обзоръ источниковъ. Владивостокъ. 1908. 73 стр. (литогр.).

— Описаніе Тибета. Часть первая географическая. Выпускъ I. Имя. Границы. Обзоръ путешествій. Владивостокъ. 1907. XXXII + VIII + 262 + 129 стр. 8°. Цѣна 3 р.

— То-же. Выпускъ II. Очеркъ физической географіи Тибета. Владивостокъ. 1907. XVIII + 182 + 90 стр, 8°. Цѣна 1 р. 50 к.

— То-же. Часть вторая этнографическая. Вып. I. Составъ и бытъ населенія. Владивостокъ. 1908. XXVIII + 117 + 111 стр. 8°. Цѣна 1 р. 50 к.

— То-же. Вып. II. Экономическій очеркъ Тибета. Владивостокъ. 1908. XII + 183 + 96 стр. 8°. Цѣна 2 р.

Д. Логофетъ. На границахъ Средней Азіи. Путевые очерки въ 3 книгахъ. СПБ. 1909. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Н. Макаренко. Серебряная чашка музея Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи. Оренбургъ. 1907. 10 стр., 1 табл. Цѣна 50 коп.

Н. Марръ. Раскопки въ Ани въ 1904 году. Съ 1 таблицею. СПБ. 1906. 22 стр. 8°.

— О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г. (предварительный отчетъ). СПБ. 1907. Съ 1 въ краскахъ, 13 фототипическими и 3 цинкографическими таблицами и съ 18 рисунками въ текстѣ. СПБ. 1907. 64 стр. 8°.

П. М. Меліоранскій. Мухаммедъ-Салихъ. Шейбани-намэ. Джагатайскій текстъ. Посмертное изданіе — — — Подъ наблюденіемъ и съ предисловіемъ А. Н. Самойловича. СПБ. 1908. XVIII+14+۲۲۵ стр. 8⁰.

Всев. Миллеръ. Татскіе этюды. Часть I. Тексты и татско-русскій словарь. Москва. 1905. IV + 80 стр. 8⁰. Цѣна 1 р.

— То-же. Часть II. Опытъ грамматики татскаго языка. Москва. 1907. X + 66 + IV стр. 8⁰. Цѣна 1 р.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся переговоровъ по заключенію Рыболовной Конвенціи между Россіей и Японіей. Августъ 1906 — іюль 1907. СПБ. 1907. 264 стр. 8⁰, 9 картъ.

В. Ѳ. Новицкій. По странамъ полуденнымъ. Путевые очерки Египта, Цейлона и Индіи. СПБ. 1908. 211 стр. 8⁰. Цѣна 1 р. 50 к.

Н. П. Остроумовъ. Сарты. Этнографическіе матеріалы (общій очеркъ). Изданіе третье дополненное (съ портретами сартовъ). Ташкентъ. 1908. VI + 288 стр. 8⁰.

Э. К. Пекарскій. Словарь якутскаго языка, составленный — — — (1882—1907 г.), при ближайшемъ участіи Д. Д. Попова и В. М. Іонова. Вып. I. Изд. Имп. Академіи Наукъ. СПБ. 1907 (= Труды якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова, т. III, ч. I). XX + 319 стр. 8⁰. Цѣна 1 р. 20 к. (2 M. 40 Pf.).

Д. Позднѣевъ. Ro-yaku Kan-wa Jiten. Японо-русскій іероглифическій словарь (по ключевой системѣ). Токіо. 1908. CXXVII + 1193 + 7 стр. 8⁰. Цѣна 10 р.

— Токухонъ или книга для чтенія и практическихъ упражненій въ японскомъ языкѣ. Часть I. Книги I—IV. Японскій текстъ, русская транскрипція, слова и переводъ. Токіо. 1907. XXII + 272 стр. Цѣна 1 р. 20 к.

— Японія. Географически-статистическій очеркъ. Токіо. 1906. VI + 154 стр. 8⁰. Цѣна 2 р. 50 к.

— Японская историческая хрестоматія. Часть I. Отдѣлы I и II. Текстъ въ Romaji, переводъ и слова къ Начальной Исторіи Японіи. Токіо. 1906. VII + 297 стр. 8⁰. Цѣна 2 р. 50 к., безъ текстовъ 2 р. 30 к.

П. С. Поповъ. Краткое введеніе къ изученію китайскаго языка. Іокогама. 1908. 82 стр. 8⁰.

Ф. В. Поярковъ. Дунгане селенія Каракунузъ Пишпекскаго уѣзда Семирѣченской области (этнографическіе очерки). I. Вѣрный. 1907. 46 стр. 8⁰.

— Дунгане. Свадьба (Цюй-си-фуръ). (Отд. оттискъ изъ «Этнографическаго Обозрѣнія», кн. 75). Москва. 1908. 67 стр. 8⁰.

Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи. Годъ XI. (1 января 1906 года—1 января 1907 года). Ташкентъ. 1906. 89 стр. 8⁰.

— засѣданій и т. д. Годъ XII. (1 января 1907 г. — 1 января 1908 г.). Ташкентъ. 1908. 88 стр. 8⁰.

В. В. Радловъ. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Вып. XX. Четвертый томъ, вып. второй. СПБ. 1906. Столбцы 321—640. Цѣна 1 р. (2 М. 50 Pf.).

— Вып. XXI. Четвертый томъ, выпускъ третій. СПБ. 1907. Столбцы 641—960. Цѣна 1 р. (2 М. 50 Pf.).

— Вып. XXII. Четвертый томъ, вып. четвертый. СПБ. 1908. Столбцы 961—1280. Цѣна 1 р. (2 М. 50 Pf.).

Бар. В. Р. Розенъ. Первый Сборникъ Посланій Бабида Беhаýллаха. Издалъ — — — СПБ. 1908. VI + 185 стр. 8⁰. Цѣна 2 р. 75 к.

А. Рудаковъ. Образцы оффиціальнаго маньчжурскаго языка (по извлеченіямъ изъ архивовъ ямуней Сѣверной Маньчжуріи) съ приложеніемъ частныхъ писемъ бытового содержанія, а также и касательно послѣднихъ событій въ Хэй-лунъ-цзянской провинціи. Пособіе къ лекціямъ по изученію современнаго политическаго строя и народнаго быта Маньчжуріи. Выпускъ I. Владивостокъ. 1908. 56 стр. 4⁰ (литогр.).

А. Е. Снѣсаревъ. Индія, какъ главный факторъ въ среднеазіатскомъ вопросѣ. Взглядъ туземцевъ Индіи на англичанъ и ихъ управленіе. СПБ. 1906. 173 стр. 8⁰. Цѣна 1 р. 25 к.

Е. Спальвинъ. Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія. I. Критическій разборъ «Японской Исторической Хрестоматіи» (Часть I. Отдѣлы I и II) г. Димитрія Позднѣева. Владивостокъ. 1908. 8 + 80 стр. 8⁰. Цѣна 50 коп.

Е. Спальвинъ. Практическіе японскіе разговоры. Пособіе для изученія простѣйшихъ формъ японскаго разговорнаго языка и для введенія въ японскую письменность. Часть I. Японскій текстъ. Выпускъ 1. Владивостокъ. 1908. 4 + 320 стр. 8⁰.

— То-же. Часть II. Подстрочный іероглифическій словарь. Выпускъ 1. Владивостокъ. 1908. 4 + 320 стр. 8⁰.

М. А. Терентьевъ. Исторія завоеванія Средней Азіи. Съ картами и планами. Томъ I. СПБ. 1906. XIX + 510 стр. 8⁰.

— Томъ II. СПБ. 1906. XII + 547 стр. 8⁰.

— Томъ III. СПБ. 1906. XII + 496 + 30 стр. 8⁰.

А. Ѳ. Хащабъ. Образцы современной арабской письменности. Издалъ и словаремъ снабдилъ — — — СПБ. 1908. XXII + 118 стр. 4⁰.

— Русско-персидскій словарь. Съ краткой этимологіей персидскаго языка. СПБ. 1906. XXXI + 328 стр. 8⁰.

Г. Ц. Цыбиковъ. Пособіе для практическаго изученія монгольскаго языка. Владивостокъ. 1907. XVI+80 стр. 4⁰ (литогр.). Цѣна 1 р. 30 к.

— Пособіе для изученія тибетскаго языка. Упражненія въ разговорномъ и литературномъ языкѣ и грамматическія замѣтки. Часть I. Разговорная рѣчь. Владивостокъ. 1908. XII + 76 стр. 4⁰ (литогр.). Цѣна 1 р. 20 к.

— Монгольскіе тексты. Образцы слога и орѳографіи современнаго дѣлопроизводства для чтенія студентовъ III курса Восточнаго Института (2-й годъ изученія монг. языка). Владивостокъ. 1908. 8 + 84 стр. 4⁰ (литогр.). Цѣна 1 р. 25 к.

И. В. Чѳрновъ. Записки — — — Оренбургъ. 1907. 223 стр. 8⁰.

П. Шмидтъ. Учебникъ манджурскаго языка въ трехъ частяхъ.

— Часть I. Манджурскій текстъ. Владивостокъ. 1908. 4 + 21 стр. 8⁰.

— Часть II. Китайскій текстъ. Владивостокъ. 1908. 4 + 18 + 4 стр. 8⁰.

Л. Я. Штернбергъ. Матеріалы по изученію гиляцкаго языка и фольклора, собранные и обработанные — — — Т. I. Образцы народной словесности. Часть 1-ая. Эпосъ (поэмы и сказанія, первая половина). Тексты съ переводомъ и примѣчаніями. СПБ. 1908. XXII + 232 стр. 8⁰.

Bulletin de l'Association Internationale pour l'Exploration historique, archéologique, linguistique et ethnographique de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient, publié par le Comité Russe. № 6. St.-P. Janvier. 1906. 67 p. 8⁰.

—— № 7. St.-P., mai 1907. 33 p. 8⁰.

C. Salemann. Manichaeische Studien. I. Die mittelpersischen Texte in revidierter Transcription, mit Glossar und grammatischen Bemerkungen. St.-Pet. 1908. VII+172 pp. 8⁰. Цѣна 3 р. 60 к. = 8 Mrk. (= Записки Имп. Акад. Наукъ. VIII-ая серія. По истор.-фил. отдѣленію. Томъ VII, № 10).

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Поэтическое творчество Абӯ-л-ʿАтāhiи».

Со времени написанія этой статьи (сентябрь 1906 г.) до выхода въ свѣтъ тома (конецъ 1908 г.) прошелъ довольно значительный промежутокъ, за который появились новыя работы, имѣющія частичное отношеніе къ затронутой мною темѣ; кромѣ того я имѣлъ возможность просмотрѣть нѣкоторыя изъ прежнихъ сочиненій, недоступныхъ мнѣ раньше. Для полноты библіографическихъ указаній, я позволю себѣ привести теперь эти дополненія, прибавивъ нѣсколько поправокъ.

Стр. 76, прим. 1. Разныя толкованія прозвища Абӯ-л-ʿАтāhiи сообщаются, между прочимъ, Тебрӣзіемъ въ комментаріи на Хамāсу (изд. Freytag'а—I, 680, 16—22). Ибн-ал-Асӣръ (كتاب المرصّع, изд. Seybold'а—148) полагаетъ, что поэтъ получилъ прозвище لاضطراب كان فيه. Въ научной литературѣ уже послѣ моей статьи вопросъ былъ затронутъ Barbier de Meynard'омъ въ новѣйшей работѣ Surnoms et sobriquets dans la littérature arabe (JA 10, т. IX, 1907, стр. 197, 198, 238). На основаніи Аг. онъ приходитъ приблизительно къ такому же выводу, опредѣляя عتاهية, какъ «travers d'esprit, qui rend l'homme prétentieux et le porte à se targuer à tort de son mérite».

Стр. 77, строка 10. Неточное названіе сочиненія Сӯлія своимъ происхожденіемъ обязано Brockelmann'у (op. cit. I, 143 № 5), у котораго оно дается, именно, въ такомъ видѣ. Точная форма его الاوراق فى اخبار آل عبّاس و اشعارهم, какъ приводитъ Хāджжи-Халӣфа (изд. Flügel'я—I, 492, № 1477) и каирскій каталогъ (V, 16).

Ibid., прим. 10. Иснāдъ у Сӯлія въ разсказѣ, соотвѣтствующемъ Аг. III, 169, 5—13 таковъ: حدثنا محمّد بن الاسود قال حدثنى ابن ابى فنن قال ابو

العتاهية الخ. Помѣщенный у меня — приведенъ по ошибкѣ и относится къ другому разсказу про Ахмеда-ибн-Юсуфа, не имѣющемуся въ Аг. Полное различіе иснāдовъ еще болѣе подтверждаетъ высказанный отрицательный выводъ о зависимости ʻАлія Исфаганскаго отъ الاوراق Сӯлія. (Указаніемъ обоихъ недосмотровъ на этой страницѣ я обязанъ проф. В. В. Бартольду).

Стр. 81, стр. 4. Palmer въ своей популярной работѣ Haroun Alrachid, Caliph of Bagdad (изъ серіи The new Plutarch, London 1881) посвятилъ Абӯ-л-ʻАтāhіи нѣсколько страничекъ (31, 188—192), занятыхъ извлеченіями изъ Ибн-Тыктаки и 1001 ночи. На основаніи какихъ источниковъ онъ превратилъ его въ слѣпца (a blind poet — 31, 188), мнѣ совершенно непонятно.

Ibid., прим. 1. Въ такомъ же видѣ приводится имя Абӯ-л-Атāhіи Barbier de Meynard'омъ въ указателѣ къ его новой статьѣ Surnoms et sobriquets dans la littérature arabe (JA с. 10, т. X, 1907, стр. 257); въ текстѣ (т. IX, стр. 197) Abou'-l-ʻAtāhiyah (на стр. 238—Abou'-l-ʻAtāhyah).

Стр. 83, стр. 15. У Nicholson'а въ новѣйшей A literary history of the arabs (London 1907, стр. 296—303) дана первая послѣ Kremer'а болѣе обстоятельная характеристика творчества и мышленія поэта во второй періодъ съ значительнымъ количествомъ переведенныхъ образцовъ.

Стр. 86, прим. 3. Подобный примѣръ можно найти и въ раннихъ антологіяхъ: авторъ Хамāсы Абӯ-Теммāмъ включилъ въ свой сборникъ только одно стихотвореніе Абӯ-л-ʻАтāhіи — его hиджā изъ перваго періода (изд. Freitag'а—I, 680—681).

Стр. 88, прим. 5 и 6. Этотъ важный для исторіи позднѣйшей поэзіи фактъ отмѣченъ, между прочимъ, Hartmann'омъ въ Das arabische Strophengedicht. I. Das Muwaššaḥ (Weimar 1897, стр. 109, прим. 1). Нѣсколько такихъ стихотвореній Абӯ-л-ʻАтāhіи сохранилось до нашего времени: кромѣ упомянутой эпиграммы можно отмѣтить еще произведеніе, приводимое Ибн-Кутейбой (كتاب الشعر والشعرآء изд. de Goeje, 498, 4—7). На него дѣлаетъ ссылку современный ученый كغام مرغوصيان въ своей интересной работѣ ميزان الشعر فى عروض العرب والعجم و فى القوافى (Константинополь, 1308 г., стр. 5).

Стр. 92, прим. 2. Оба имени, повидимому, изобрѣтены Абӯ-л-ʻАтāhіей и до него не встрѣчаются. Параллель къ нимъ Nöldeke отмѣчаетъ въ одномъ сабейскомъ имени (WZKM — VI, 1892, стр. 315 = Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft, Strassburg 1904, стр. 105). Со словъ Nöldeke имена приведены въ диссертаціи E. Gratzl'я, Die altarabischen Frauennamen (Lpz., 1906, стр. 24).

Стр. 97, стр. 5. Высказанное здѣсь мнѣніе о трудности изслѣдованія

зуһдійятъ Абӯ-л-ʿАтāһіи нашло себѣ наглядное подтвержденіе въ недавно вышедшей книгѣ R. Nicholson'a A literary history of the Arabs (London 1907). Для характеристики поэта авторъ приводитъ (стр. 299—300) прекрасное, дѣйствительно, стихотвореніе, имѣющееся въ диванѣ, изд. Cheikho, 23—24. Между тѣмъ оно помѣщено и въ каирскомъ изд. Абӯ-Новāса, стр. 88. Ясно, что на основаніи его едва ли можно дѣлать какіе-нибудь выводы о мышленіи Абӯ-л-ʿАтāһіи безъ предварительнаго разъясненія вопроса о подлинности.

Ibid., прим. 2. Див. 52, 14—16 Ибн-ал-Анбāрій со словъ Абӯ-Джаʿфара ас-Сāига приписываетъ Абӯ-Новāсу (نزهة الألبّاء, каирское изд. 1294 г., стр. 100, 10—12); див. 25, 11—12 ʿУкбарій относитъ къ Мухаммеду-ибн-Ваһбу (коммент. на Мутанаббія, изд. 1308 г., I, 22); див. 23, 13—24, 15 имѣется въ диванѣ Абӯ-Новāса (каирское изд. 1860 г., стр. 88).

Стр. 99, строка 28. الأحياء — Хамāса (Freytag — I, 680—681).

Въ заключеніе можно отмѣтить, что у проф. L. Cheikho со времени изданія дивана накопилось значительное количество новыхъ матеріаловъ, еще ожидающихъ своего опубликованія. Объ этомъ мнѣ извѣстно изъ письма проф. A. Salhani отъ 17 сент. 1907 г.

Ноябрь 1908 г.

И. Крачковскій.

II.

Къ статьѣ: По поводу изданія Н. П. Остроумова «Свѣточъ Ислама».

Къ стр. 0158: رونق الاسلام издавался въ Казани неоднократно, см. Dorn, Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten Werke, Mél. Asiat., V, 533—649.

Къ стр. 0163: въ древнемъ Ургенчѣ дѣйствительно жилъ, умеръ и былъ похороненъ Шейхъ-Шерефъ; его могила существуетъ понынѣ, см. А. Кунъ, Отъ Хивы до Кунграда, въ Матеріалахъ для статистики Туркестанскаго края, вып. IV, стр. 214, гдѣ вм. Шейхъ-Шерифъ слѣдуетъ читать, какъ мы убѣдились намѣстѣ, Шейхъ-Шерефъ.

А. Самойловичъ.

Табл. IV.

Фототипия А. Ф. Дресслера
СПб. Б. Подьяческая 22

Мнимый турецкій султанъ именуемый у европейскихъ писателей XVI в. *Calepinus Cyriscelebes.*

(Къ вопросу о происхожденіи и значеніи слова چلبی — челеби).

Послѣ разгрома, нанесеннаго османскому государству Тимуромъ, кончившагося плѣномъ турецкаго султана Баязида I Йилдырыма въ 1402 г. и смертію послѣдняго въ г. Акъ-Шегирѣ въ мартѣ 1403 года, наступило смутное положеніе, длившееся до 1413 года и именуемое у историковъ междуцарствіемъ, которое правильнѣе назвать многоцарствіемъ. Владѣнія Баязида по частямъ захвачены были его сыновьями, тяжба которыхъ изъ-за единогосподства окончилась въ пользу младшаго изъ нихъ, Мухаммеда, который и сталъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Мухаммеда I.

Сперва дѣло было такъ: Мухаммедъ укрѣпился въ Малой Азіи въ мѣстности около Амасіи и Токата; Иса засѣлъ въ Брусѣ; Сулейманъ съ братомъ Касимомъ и сестрою Фатимою нашелъ прибѣжище у византійскаго императора въ Константинополѣ, оставилъ Касима тамъ въ качествѣ заложника, а самъ захватилъ въ свои руки европейскія владѣнія турковъ, избравъ своею резиденціею Адріанополь; Муса, сопутствовавшій отцу во время плѣна его, находился подъ покровительствомъ Якубъ-бея, котораго посадилъ Тимуръ въ качествѣ самостоятельнаго князька въ Керміанѣ.

Затѣмъ предпріимчивый Мухаммедъ, хотя и юнѣйшій изъ всѣхъ братьевъ, но руководимый смѣлыми и ловкими совѣтниками, Баязидъ-пашою и Суфи Баязидомъ, предложилъ брату Исѣ полюбовно раздѣлить малоазійскія владѣнія между собою, а когда это предложеніе было отвергнуто, онъ пошелъ на него войною и прогналъ Ису, который бѣжалъ въ Константинополь, оттуда въ Адріанополь къ брату Сулейману. Съ помощью послѣдняго попытался еще потягаться съ Мухаммедомъ въ Малой Азіи, но опять потерпѣлъ пораженіе; образовалъ потомъ коалицію мелкихъ

князьковъ Айдина, Шарухана, Ментеше и Текке, возстановленныхъ въ своихъ владѣніяхъ Тимуромъ; но Мухаммедъ разбилъ и покорилъ себѣ союзниковъ Исы, а самъ Иса бѣжалъ въ Караманъ и безъ вѣсти пропалъ тамъ, какъ и еще одинъ изъ братьевъ, Мустафа, тоже исчезъ тамъ послѣ злополучной Ангорской битвы Баязида съ Тимуромъ.

Но этимъ еще не установилось окончательно господство Мухаммеда въ Малой Азіи: мелкіе князьки, бывшіе сторонники Исы, вели междоусобныя распри, въ которыя втянули султана Сулеймана, ведшаго веселую и разгульную жизнь въ Адріанополѣ. Вторженіе же послѣдняго съ войсками въ Малую Азію подняло на ноги Мухаммеда, съ которымъ искалъ союза князь караманскій противъ Сулеймана. Заключивъ этотъ союзъ, Мухаммедъ пригласилъ себѣ на помощь брата Мусу, сидѣвшаго въ Керміанѣ, и поручилъ ему отправиться на европейскую сторону, во владѣнія Сулеймана, и тамъ попытать счастья противъ Сулеймана, что тотъ и исполнилъ въ союзѣ съ Исфендіаромъ, княземъ кастемунскимъ: изъ Трапезунда переправился Чернымъ моремъ въ Валахію и съ поддержкою валашскаго князя Мирче и сербскаго краля Стефана двинулся-было противъ Сулеймана, но потерпѣлъ неудачу близъ Константинополя. Сулейманъ же, давъ отпоръ братьямъ, сдѣлалъ нѣсколько успѣшныхъ военныхъ набѣговъ на сосѣдей и опять попрежнему безпечно зажилъ себѣ въ Адріанополѣ, предаваясь пьянству и разврату. А Муса тѣмъ временемъ опять собралъ войско и неожиданно явился передъ воротами Адріанополя. Пьяный Сулейманъ сперва не хотѣлъ вѣрить извѣстію о такой внезапной атакѣ, и даже велѣлъ обрѣзать за это извѣстіе бороду своему янычарскому агѣ Хасану, чѣмъ заставилъ послѣдняго передаться съ своими приверженцами на сторону Мусы, а потомъ устремился въ бѣгство, во время котораго упалъ съ лошади близъ деревни Джуюнджи, а недовольные имъ жители этой деревни отрѣзали ему голову. Это было въ 1410 году.

Муса занялъ мѣсто Сулеймана, чиня жестокости надъ жителями той деревни, умертвившими его брата, и опустошая владѣнія сербскаго краля Стефана. Онъ даже подступилъ и къ Константинополю, за то что императоръ намѣревался противопоставить ему сына погибшаго султана Сулеймана Орхана и подстрекалъ къ тому же Мухаммеда. Мухаммедъ переправился-было съ помощью греческой флотиліи на европейскую сторону, но, дважды потерпѣвъ пораженіе отъ Мусы, хотѣлъ-было вернуться обратно въ М. Азію, гдѣ опять возобновились неурядицы, когда Джунейдъ опять захватилъ Эфесъ, да потомъ, подкрѣпленный союзниками и ободренный недовольствомъ приближенныхъ Мусы противъ него за его жестокость и несправедливость, двинулся противъ Мусы, и на этотъ разъ съ успѣхомъ.

Прогнанный до равнины Чамурлу, Муса лишился одной руки въ поединочной схваткѣ съ измѣнникомъ своимъ, янычарскимъ агою Хасаномъ, демонстративно перезывавшимъ янычаръ Мусы въ ряды Мухаммеда, а потомъ, видя готовность своего войска къ измѣнѣ, бѣжалъ въ Валахію и во время преслѣдованія по однимъ источникамъ завязъ и найденъ мертвымъ въ одномъ болотѣ, а по другимъ — былъ настигнутъ и задушенъ преслѣдовавшими. Послѣ того султанъ Мухаммедъ сталъ единоличнымъ властелиномъ отцовскаго наслѣдія, изъ-за котораго цѣлыхъ десять лѣтъ длилось междоусобіе между сыновьями Баязида I[1]). Такимъ образомъ двое изъ братьевъ, какъ мы видѣли, поплатились жизнью въ этой междоусобицѣ; а что же сталось съ остальными тремя, показавшимися на сценѣ въ началѣ наслѣдственной распри, а потомъ куда-то исчезнувшими безслѣдно? Вотъ тутъ-то и находится тотъ пунктъ смутнаго періода, въ которомъ, по справедливому замѣчанію Гаммера, «европейскіе писатели османской исторіи... внесли путаницу относительно числа и царствованія султановъ, чуждую бытописателямъ османскимъ»[2]). Но и самъ онъ нельзя сказать чтобы достаточно разобрался въ этой путаницѣ. Склоняясь на сторону большинства историческихъ свидѣтельствъ османскихъ и византійскихъ писателей, онъ говоритъ, что еще одинъ изъ шести враждовавшихъ другъ съ другомъ братьевъ, Иса, тоже погибъ во время распри, будучи казненъ послѣ неудачнаго столкновенія съ братомъ Мусою, а по другимъ извѣстіямъ схваченъ и удавленъ братомъ своимъ Сулейманомъ. Гаммеръ однако же не совсѣмъ отрѣшился отъ мысли считать Ису безъ вѣсти пропавшимъ въ Караманѣ[3]). Вскользь указывая на путаницу, внесенную европейскими писателями въ изображеніе смутной эпохи въ османской исторіи, Гаммеръ не выяснилъ точнѣе, въ чемъ именно состоитъ эта путаница, и какая вѣроятная возможность разрѣшить ее. Это тѣмъ болѣе странно со стороны позднѣйшаго ученаго историка Турціи, что уже и старинные европейскіе писатели, внесшіе эту путаницу, сами, какъ увидимъ, чувствовали ее и даже пытались, сколько могли, отдѣлаться отъ нея, хотя многія изъ событій этого смутнаго періода, правду сказать, до такой степени переплетаются другъ съ другомъ уже въ византійскихъ и турецкихъ источникахъ, что нѣтъ почти никакой надежды когда-либо установить достовѣрную связь и послѣдовательность ихъ.

1) Таджу-т-Тэварихъ, константиноп. изд., т. I, стр. 218—221 и далѣе.

2) Hammer, Gesch. d. Osman. Reiches, I: 336.

3) Ibid., 628—629. Anmerk. 343. Вообще у византійцевъ находимъ относительно жизни и дѣятельности Исы, по справедливому замѣчанію Цинкейзена, «nur Falsches und Verwirrtes» (Zinkeisen, Gesch. d. Osm. Reiches, I: 412, Anmerk. 1).

Уже турецкіе историки Саадъ-Эддинъ и Аали-эфенди, приступая къ повѣствованію объ этомъ періодѣ, констатируютъ разнорѣчіе свидѣтельствъ своихъ предшественниковъ, Нешри, Шерефъ-Эддина и др., и дѣлаютъ оговорку, что они будутъ разсказывать то, «въ чемъ сходится большинство историковъ» [1]), «въ чемъ согласны извѣстія османскія» [2]), и находятъ нужнымъ повременамъ приводить параллельно различныя извѣстія о томъ или другомъ изъ повѣствуемыхъ событій. Послѣдующіе же важнѣйшіе историки османскіе, какъ Солакъ-задэ, Кятибъ-челеби, Мюнедджимъ-баши — всѣ слѣдуютъ имъ, не внося отъ себя никакихъ поправокъ.

Такъ всѣ они согласны въ томъ, что у Баязида I было шесть сыновей—Сулейманъ, Муса, Иса, Мустафа, Мухаммедъ и Касимъ [3]). О послѣднемъ изъ нихъ извѣстно, что онъ былъ оставленъ братомъ своимъ Сулейманомъ въ Константинополѣ заложникомъ [4]). Одни византійцы говорятъ, что Касимъ тамъ сдѣлался христіаниномъ, принявъ имя Димитрія, женился на греческой царевнѣ, занимался изученіемъ греческой письменности и вскорѣ умеръ тамъ [4]). По другимъ извѣстіямъ онъ еще въ началѣ царствованія султана Мухаммеда I былъ выданъ ему греческимъ императоромъ, для безопасности былъ ослѣпленъ и водворенъ на жительство въ г. Акъ-Хысарѣ близъ Кэйвэ, а раздѣлявшая его судьбу сестра его Фатима была выдана замужъ за одного санджакъ-бея [5]). Цинкейзенъ, ссылаясь на тѣ же источники, что и Гаммеръ, вмѣсто Касима ставитъ «младшаго сына Баязида Юсуфа» [6]), оставляя безъ вниманія то обстоятельство, что этотъ Юсуфъ долженъ явиться седьмымъ по счету сыномъ Баязида, котораго нигдѣ не значится въ числѣ сыновей послѣдняго. Гаммеръ же ограничивается только замѣтками о томъ, что византіецъ Халкокондилъ «*ошибочно* называетъ этого брата (т. е. Касима) *Іисусомъ*; Дука вовсе никакъ не называетъ; а Франдза говоритъ, что братъ Сулеймана, ставши христіаниномъ, принялъ имя Іосифа» [7]). Въ другомъ мѣстѣ Гаммеръ заявляетъ, что «Дука говоритъ о *двухъ* сыновьяхъ Баязида, изъ которыхъ одинъ (Касимъ) съ сестрою Фатимою былъ отданъ (вѣроятно греческому императору), а *другой* (*Іосифъ* Франдзы) былъ крещенъ и вскорѣ должно быть затѣмъ умеръ христіаниномъ въ Константинополѣ» [8]). Не удивительно, что Цинкейзенъ, ничуть не

1) Таджу-т-Тэварихъ, I: 218; Кюнгу-ль-Ахбаръ, печатн. изд., V: 105.
2) Таджу-т-Тэварихъ, 220.
3) Таджу-т-Тэварихъ, 220.
4) Hammer, I: 341.
5) Ibid., 384.
6) Zinkeisen, Gesch. d. Osman. Reiches, I: 403.
7) Hammer, I: 628, Anm. zu S. 341.
8) Ibid., 384, Anm. 6.

смущаясь, принялъ Іосифа за Касима, ибо онъ вообще не придаетъ особаго значенія сбивчивости источниковъ въ именахъ историческихъ лицъ; но странно, что Гаммеръ не останавливается на такомъ довольно важномъ разногласіи византійскихъ историковъ и не дѣлаетъ даже попытки такъ или иначе примирить ихъ разногласіе. А примиреніе это намъ представляется неневозможнымъ, если придержаться свидѣтельства Дуки, который вообще обстоятельнѣе всѣхъ прочихъ касается смутнаго періода османской исторіи, а именно, что въ Константинополѣ, дѣйствительно, засѣли два сына Баязида I, которые оба сдѣлались тамъ христіанами. Дука не называетъ именъ ихъ; Франдза же, перечисляя пятерыхъ сыновей Баязида, вмѣсто Касима называетъ *Юсуфа* — Ἰωσούφ, который при крещеніи названъ *Димитріемъ*[1]); а Халкокондилъ называетъ сына Баязидова *Іисусомъ* — Ἰησοῦς[2]). Гаммеръ замѣчаетъ, что это *ошибочно*, а почему *ошибочно*, ничѣмъ этого не доказываетъ. А сопоставляя эти послѣдніе разнорѣчія, можно придти къ такого рода соображенію. Что царевичъ Касимъ былъ заложникомъ въ Константинополѣ, этого отвергать нельзя, всетаки извѣстія двоятся насчетъ того, гдѣ онъ кончилъ свое существованіе. Косвеннымъ подтвержденіемъ пребыванія Касима въ Константинополѣ и принятія имъ христіанства служитъ и показаніе Франдзы, что сынъ Баязида, ставшій христіаниномъ, былъ нареченъ *Димитріемъ:* тутъ дѣло идетъ непремѣнно о Касимѣ, такъ какъ у турковъ имя *Касимъ* — قاسم — почему-то искони считается соотвѣтствующимъ христіанскому имени *Димитрій*. Весьма возможно, что Франдза понаслышкѣ первоначальное имя турецкаго царевича просто перевелъ греческимъ, истолковавши соотвѣтствіе двухъ именъ по ихъ значенію переименованіемъ въ *Димитрія* бывшаго мусульманина, названнаго у него вмѣсто *Исы*, или что то же *Іисуса*, *Юсуфомъ*, какого вовсе не было; или же въ самомъ дѣлѣ бывшій мусульманинъ *Касимъ*, ставъ христіаниномъ, переименованъ былъ при крещеніи въ соотвѣтствующаго ему по значенію христіанскаго *Димитрія*. Что же касается небывалаго Юсуфа, то онъ могъ явиться у Франдзы такъ же, какъ у него явился еще одинъ изъ сыновей Баязида съ небывалымъ именемъ Μουσουλμάνος — *Мусульманъ*[3]), подъ которымъ, очевидно, надо разумѣть *Сулеймана*. А что выдуманное Франдзой имя было не иное какъ *Юсуфъ*, объясненіе этому можно видѣть въ томъ, что у Халкокондила вмѣсто Юсуфа охристіанившійся царевичъ называется *Іисусомъ* — Ἰησοῦς: звуковая

1) Phrantzes, I: 65.
2) Chalcocondilas, IV: 118.
3) Phrantzes, loc. cit.

близость именъ *Иса* и *Юсуфъ* могла повести къ смѣшенію ихъ у Франдзы, иногда не очень строго разборчиваго относительно иноязычныхъ собственныхъ именъ [1]). И едва ли Гаммеръ правъ, отозвавшись о Халкокондилѣ, что тотъ *ошибочно* назвалъ Исою крещенаго царевича: большинство источниковъ свидѣтельствуютъ, что крещеный царевичъ умеръ въ Константинополѣ; если бы это былъ Касимъ, то о немъ есть извѣстіе, что онъ отправленъ былъ въ Брусу и проживалъ потомъ въ Акъ-Шегирѣ, и нѣтъ данныхъ безусловно отрицать это послѣднее. Припомнивъ же, что Дука говоритъ о двухъ царевичахъ, принявшихъ христіанство въ Константинополѣ, можно предполагать, что другой крещеный царевичъ и былъ Иса, какъ назывался одинъ изъ сыновей Баязида, о конечной судьбѣ котораго не имѣется, какъ мы видѣли выше, достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

Какъ бы то ни было, но ни Касимъ, ни Иса, послѣ своего безвѣстнаго исчезновенія со сцены, больше уже нигдѣ не появляются въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ въ исторіи смутнаго времени.

Иначе дѣло обстоитъ съ царевичемъ Мустафою, съ именемъ котораго, какъ въ русской исторіи съ именемъ царевича Димитрія, связывается самозванство, дважды повторявшееся въ короткое время. Первымъ самозванцемъ былъ какой-то фанатикъ-дервишъ Бёреклюдже Мустафа, за спиною котораго стояли ученый судья Бедръ-Эддинъ Симавна-оглу и его приверженецъ изъ евреевъ Худбинъ Торлакъ. Поднятая ими смута ведена была главнымъ образомъ на религіозно-соціалистической почвѣ при участіи послѣдовавшихъ ихъ проповѣди дервишей и скоро окончилась поимкою и казнью вышепоименованныхъ главарей смуты въ 1414—1418 годахъ [2]) при султанѣ Мухаммедѣ I.

Болѣе серьозный характеръ имѣло притязаніе на султанскій тронъ, предъявленное также лицомъ, носившимъ имя Мустафы и выдававшимъ себя за сына султана Баязида I Йилдырыма. Турецкіе историки, за исключеніемъ одного Нешри, называютъ его *Дöзме Мустафа* = Лже-Мустафою; византійскіе, напротивъ, утверждаютъ, что это былъ настоящій Мустафа, сынъ Баязида, считавшійся пропавшимъ безъ вѣсти во время Ангорской битвы. Этотъ Мустафа еще при султанѣ Мухаммедѣ I заявилъ о своемъ существованіи — нашелъ поддержку у валашскаго князя Мирче и содѣйствіе

1) Подобныя переименованія у Франдзы не рѣдкость: такъ онъ категорически говоритъ, что одинъ христіанинъ по имени Іоаннъ — Ἰωάννης, перешедшій къ туркамъ, принявъ исламъ, переименованъ былъ въ *Челеби* — Τζελεπῆς — (Phrantzes, 70), т. е. названъ былъ такимъ собственнымъ именемъ, какого вовсе не существуетъ въ мусульманскихъ святцахъ.

2) Hammer, I: 375—378.

безпокойнаго смутьяна Джунейда, но потерпѣлъ пораженіе у Фессалоники и искалъ убѣжища у фессалоникскаго губернатора Димитрія Ласкариса Леонторіоса, который для большей его безопасности отправилъ его вмѣстѣ съ Джунейдомъ на о-въ Лемносъ, потому что императоръ Эммануилъ вѣжливо, но рѣшительно отказалъ въ выдачѣ его Мухаммеду, а обязался за извѣстную ежегодную денежную премію держать его подъ арестомъ [1]). А когда выдачи Мустафы потребовалъ преемникъ Мухаммеда I Мюрадъ II, греки освободили его на волю, потому что онъ посулилъ имъ отдать имъ, въ случаѣ своего успѣха, во владѣніе довольно большую территорію. Сначала Мустафѣ было-повезло: войска Мюрада во многихъ мѣстахъ передались на его сторону; но онъ грубо отказался исполнить данное грекамъ обѣщаніе [2]) и жестоко поплатился за свое вѣроломство: императоръ Эммануилъ вошелъ въ договоръ съ султаномъ Мюрадомъ, который послѣ нѣсколькихъ перипетій застигъ своего противника во время бѣгства его изъ Адріанополя въ Валахію въ деревнѣ Кызылъ-Агачъ Енидже, гдѣ собственные люди Мустафы связали и выдали его Мюраду, который велѣлъ его повѣсить на одной башнѣ въ Адріанополѣ [3]). Таковъ былъ конецъ приключеній всѣхъ шести сыновей Баязида I Йилдырыма. Третій самозванецъ Мустафа, также пытавшійся отнять престолъ у султана Мюрада, и тоже неудачно, былъ уже родной братъ Мюрада, и тоже кончилъ свою авантюру на висѣлицѣ въ 1423 году [4]).

Для насъ въ этомъ эпизодѣ османской исторіи важно собственно и главнымъ образомъ то, что на всемъ его протяженіи мы нигдѣ однако же не встрѣчаемъ ни одного дѣйствующаго лица, которое бы въ качествѣ османскаго султана носило имя, совершенно ясно и опредѣленно обозначенное у цѣлаго ряда западно-европейскихъ писателей XVI вѣка и изображаемое у нихъ въ латинскомъ начертаніи *Calepinus Cyriscelebes* съ небольшими видоизмѣненіями у иныхъ изъ нихъ.

Трудно вточности сказать, кто первый въ европейской литературѣ пустилъ въ обращеніе вышеприведенное имя; но пока, на основаніи существующихъ налицо источниковъ это первенство принадлежитъ для имени *Calepinus* Николаю Сагундино, который пишется всегда Nicolaus Secundinus, а для имени *Cyriscelebes* — Павлу Іовію: всѣ послѣдующіе писатели XVI и XVII вв. лишь повторяли то, что находили у этихъ двухъ, считавшихся въ свое время авторитетами.

---

1) Hammer, I: 381—383.
2) Ibid., 403.
3) Ibid., 410.
4) Hammer, I: 415—417.

Вотъ что мы читаемъ въ пространномъ вступленіи доклада Николая Сагундино извѣстному своею ученою любознательностью Энею Сильвію Пикколомини, впослѣдствіи папѣ Пію II: «Petisti namque a me, ut eorum tibi nomina darem, qui Mahumeto Turcorum regi, a primo domui et familiae autore, majores fuissent, ita cuiusque vita et nomina designatis, ut loco et ordine quis cui successisset, intelligere posses» [1]) = «Ты просилъ меня, чтобы я далъ тебѣ имена тѣхъ, кто, отъ основателя дома и фамиліи, были предки царя турковъ Магомета, дабы ты, по означеннымъ имени и жизни каждаго, могъ уразумѣть, кто кому преемствовалъ по мѣсту и по времени».

Изъ этого вступленія мы узнаемъ, что иниціатива къ основательному научному ознакомленію съ османскими турками принадлежала ученѣйшему мужу своего времени и важному и вліятельному по своему исключительному положенію лицу, папѣ Пію II (✝ 1464), который и ораторски, и печатно энергически хлопоталъ о подъемѣ воинственнаго духа въ Европѣ для отраженія турковъ, все сильнѣе и сильнѣе дававшихъ чувствовать свою завоевательную стремительность, особенно въ лицѣ султана Мухаммеда II, завоевателя Константинополя, который, очевидно, и разумѣется въ только-что приведенномъ отрывкѣ изъ вступленія къ трактату Николая Сагундино.

Въ виду такой серьозности отношенія Энея Сильвія, т. е. папы Пія II, къ вопросу о генеалогіи царствовавшаго дома турецкихъ султановъ, и фактъ обращенія его по этому предмету не къ кому иному, какъ къ Николаю Сагундино, получаетъ для насъ немаловажное значеніе. Выборъ этотъ объясняется тѣмъ, что Сагундино въ частномъ заголовкѣ его трактата названъ «*vir doctissimus*», а слѣдовательно онъ вообще считался или, по крайней мѣрѣ, признавался со стороны Пія II знатокомъ того предмета, который занималъ любознательнаго и ученаго папу.

И дѣйствительно, мы не знаемъ, насколько Наколай Сагундино былъ «*vir doctissimus*» вообще, но въ вопросѣ о генеалогіи османскихъ владыкъ во всякомъ случаѣ былъ несравненно компетентнѣе всѣхъ доморощеныхъ европейскихъ полигисторовъ въ родѣ Павла Іовія, какъ это можно думать по нѣкоторымъ имѣющимся біографическимъ даннымъ о личности Николая Сагундино. По этимъ свѣденіямъ, Сагундино былъ родомъ съ о-ва Негропонта, или Эвбеи, вслѣдствіе чего онъ иногда именуется еще Николаемъ Эвбейскимъ. Онъ въ 1438 году прибылъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Италію и, благодаря своему прекрасному знанію латинскаго и греческаго языковъ, служилъ толмачемъ на Флорентійскомъ соборѣ. Затѣмъ онъ изъ Венеціи отплылъ-было на о-въ Кипръ; но корабль потерпѣлъ крушеніе, и

---

1) Nicolaus Secundinus, De Turcarum originc. Vitebergae. 1531, in-16^{0}, fol. 1 v. — 2 r.

Сагундино едва спасся съ шестерыми дѣтьми и опять вернулся въ Венецію, гдѣ онъ тотчасъ же получилъ право гражданства и должность секретаря Республики, а потомъ служилъ въ нѣсколькихъ судебныхъ коллегіяхъ и участвовалъ въ разныхъ посланничествахъ въ Римъ, Неаполь и Константинополь. Когда онъ умеръ, вточности не извѣстно; приблизительнымъ годомъ смерти его считается 1440 годъ; но это едва ли вѣрно, если принять во вниманіе упоминаніе въ его трактатѣ имени султана Мухаммеда, седьмого по счету, т. е. Фатиха, царствовавшаго въ 1451—1481 годахъ. Сагундино оставилъ нѣсколько сочиненій и въ томъ числѣ трактатъ «De Turcarum origine», о которомъ въ вышеприведенномъ біографическомъ очеркѣ ошибочно сказано, что будто бы этотъ трактатъ «ist niemals im Druck herausgekommen»[1]). Значитъ, это былъ ученый грекъ, знавшій языки, въ томъ числѣ, вѣроятно и турецкій; человѣкъ, должно быть, бывалый, наблюдательный и литературный, и потому не даромъ обратившій на себя вниманіе папы Пія II, поручившаго ему составленіе нарочитаго доклада о происхожденіи османскихъ турковъ и ихъ династіи.

Когда Сагундино доходитъ въ своемъ изложеніи до столкновенія Баязида I съ Тамерланомъ, то пишетъ: «At Baiasites ipse, impar profecto viribus, etsi animus minus deerat, infoeliciter proeliatus, ingenti strage superatus, captus tandem atque dimissus paulo post diem extremum clausit. Post hanc cladem acceptam, omnes pene filii eius, qui complures erant, in potestatem et manus Graecorum venere cum. n. ex Asia ob calamitatem patris, periculum evasuri, in Thraciam trajicere contenderent, in naves Graecorum inciderunt, quibus tum fretum et transitus custodiebant. *Calepinus* itaque coeteris natu major emissus a Graecis patrium regnum obtinuit»[2]) = «И самъ Баязидъ съ недостаточными для успѣха силами, хотя и не слабый духомъ, неудачно сразился, подвергся превосходящему нападенію, былъ взятъ въ плѣнъ и наконецъ, отпущенный, спустя немного окончилъ дни свои. Послѣ этого понесеннаго пораженія, всѣ почти его сыновья, которые были многочисленны, попали во власть и руки грековъ; ибо они, чтобы избѣжать опасности ради отцовскаго несчастья, изъ Азіи устремились переправляться во Ѳракію, бросившись на корабли грековъ, стерегшихъ тогда проливъ и переправу. Итакъ *Калепинусъ*, старше прочихъ по рожденію, выпущенный греками, овладѣлъ отцовскимъ царствомъ». Затѣмъ,

---

1) Zedler, Grosses Universal Lexicon. Halle u. Leipzig, 1735 in-fol. Band XXXIII, S. 598.

2) Secundinus, f. B verso. Слово въ слово то же повторяется и въ сочиненіи «Marini Barletii, Scodrensis Sacerdotis, de Scodrensi obsidione et expugnatione», помѣщенномъ въ «Chronicorum Turcicorum... et caetera... a Philippo Lonicero», Francof. ad M. 1578, T. III, f. 232 verso.

сказавъ нѣсколько словъ объ успѣшномъ столкновеніи этого преемника Баязида съ Сигизмундомъ венгерскимъ, Сагундино продолжаетъ: «*Calepino* post haec mortuo, Orchane filio tenella aetate adolescentulo quorundam principum ductu regnum occupare conanti, Moses patruus armis infeste occurrit, et magis proditione quam pugna adolescentulum oppressum extinxit, haud multo post et ipse nullo superstite filio desideratus est. Hunc Mahumetes frater subsecutus, regnum incruente adeptus is tum armis et diligentia tum dolo et astu regnum terra marique non modo incolume tenuit, verum etiam adiunxit» [1]) = «Когда послѣ этого *Калепинусъ* умеръ, и когда сынъ его Орханъ, молоденькій юноша, попытался подъ руководствомъ нѣкоторыхъ князей завладѣть царствомъ, то дядя его по отцу Муса встрѣтилъ его враждебно съ оружіемъ въ рукахъ и, болѣе предательствомъ нежели битвою побѣжденнаго, уничтожилъ мальчика; а спустя недолго и самъ скончался не оставивъ сына. Слѣдовавшій за этимъ братъ Мухаммедъ безъ кровопролитія достигъ царства. И онъ, то оружіемъ и мудростью, то коварствомъ и хитростью, не только содержалъ царство въ цѣлости съ суши и съ моря, а еще пріумножилъ присоединеніями».

Въ концѣ своего сочиненія Сагундино даетъ такой перечень султановъ османской династіи: «Verum si ab Othomano domus huius authore incipere vis, his amissis, qui nullo haerede superstite decessere reliquos ordine recensendo Orchanem invenies secundum, Amuratem maiorem tertium, Baiasitem quartum, Mahumetem superiorem quintum, Amuratem iuniorem sextum, Mahumetem hunc postremo, septimum» [2]) = «Если же ты желаешь начать съ Османа, основателя этой династіи, то, допуская лишь тѣхъ, которые не уступали никакому бывшему въ живыхъ наслѣднику, прочихъ получишь въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ — Орхана вторымъ, Мюрада старшаго третьимъ, Баязида четвертымъ, Мухаммеда старшаго пятымъ, Мюрада младшаго шестымъ и напослѣдокъ Мухаммеда седьмымъ».

Тутъ уже Сагундино повидимому умышленно пропускаетъ того, который значится въ его «brevi rerum curriculo» подъ именемъ *Calepinus*, если не предположить, что вышеозначенный повторительный перечень султановъ есть побочное добавленіе, не принадлежавшее самому Сагундино, а можетъ быть позднѣйшему издателю его трактата, который, обращаясь во второмъ лицѣ «*si... incipere vis*», имѣлъ въ виду всякаго читателя, а не папу Пія II, къ которому адресуется самъ Сагундино во вступленіи къ своему

---

1) Ibid., f. B ij recto.
2) Ibid., f. B V verso.

трактату. Какъ бы то ни было, но всѣ почти многочисленные послѣдующіе авторы ставятъ *Calepinus'а* на пятомъ мѣстѣ въ ряду османскихъ султановъ, и даже иногда съ приложеніемъ его изображенія. А нужно замѣтить, что турками въ XVI в. занимались чрезвычайно много ученыхъ, и даже такіе изъ нихъ, которымъ, казалось бы, совсѣмъ было не до того, каковы Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, Лютеръ и Меланхтонъ.

Изъ нихъ прежде всего надо указать на сочиненіе Энея Сильвія, папы Пія II «Asiae Europaeque elegantis. descriptio». Глава III этого довольно объемистаго труда содержитъ въ себѣ «Descriptio de Turcarum origine et propagatione, victu, vetustu et moribus eorum», гдѣ авторъ повторяетъ о Баязидѣ, названномъ у него *Pazaites*, и о *Calepinus'ѣ* цѣликомъ почти все то, что заключалось въ сочиненіи Сагундино «De Turcarum origine», и кое-что еще добавляетъ изъ другихъ источниковъ. Сообщая нѣкоторыя не лишенныя для нашей цѣли подробности о *Calepinus'ѣ*, ученый папа отступаетъ отъ Сагундино лишь въ транскрипціи этого загадочнаго имени, которое при пятикратномъ всего упоминаніи имѣетъ у него три варіанта — *Calapinus* [1]), *Chialapius* и *Chialapinus* [2]).

Не то мы видимъ у Павла Іовія въ его книжкѣ «Turcicarum rerum commentarius», къ которой Филиппъ Меланхтонъ присовокупилъ собственное предисловіе, гдѣ онъ превозноситъ необыкновенную ученость Павла Іовія и свидѣтельствуетъ о популярности его книжки о туркахъ, именуемой у него «Epitome historiae Turcicae ab homine prudentissimo Paulo Jovio conscripta» [3]). У Павла Іовія точно также за султаномъ Баязидомъ слѣдуетъ *Calepinus*, но только съ видоизмѣненіемъ, которое Іовій противополагаетъ общепринятой, какъ онъ говоритъ, формѣ этого имени, и прежде всего оспариваетъ Николая Сагундино въ такомъ видѣ: «*Calepinus*. Ex Angoriensi conflictu aliquot Baiazetis filii aufugerunt, atque in Graecorum manus qui Hellespontem classe custodiebant, pervenere. Unus autem ex iis favente fortuna evasit, atque Andrinopolim perductus est. Isque *Cyriscelebes*

---

1) Pii II, Pon. M. Asiae Europaeque elegantis. descriptio, mira festivitate tum veter. tum recentium res memoratu dignas complectens, maxime quae sub Frederico III apud Europeos Christiani cum Turcis, Prutenis, Soldano, et caeteris hostibus fidei, tum etiam int. sese vario bellorum eventu commisserunt. Cum privilegio Imp. ad quadriennium anno domini 1531. P. 311.

2) Ibid., p. 323.

3) Turcicarum rerum commentarius Pauli Jovii episcopi Nucerini ad Carolum V. Imperatorem Augustum, ex Italico Latinus factus, Francisco Nigro Bassianate interprete. Addita est praefatio Philippi Melan. Vitebergae ex officina Josephi Clug. Anno 1537. F. iiii recto.—Филиппъ Меланхтонъ вторично напечаталъ это сочиненіе Павла Іовія въ сборникѣ сочиненій о Турціи и туркахъ, извѣстномъ подъ заглавіемъ «Mahumetis Saracenum principis... Alcoran etc. opera et studio Theodori Bibliandri». Tomi tres. Basileae, 1543; in-fol. Pp. 107—135.

non autem *Calepinus* vocabatur, quemadmodum Nicolaus Secundinus credidit, qui Turcarum genealogiam Latino sermone conscriptam Pio Papae dicavit. Id quod in causa fuit, ut fere omnes alii corrupta veri nominis pronunciatione pro *Cyriscelebe Calepinum* dixerint. Hic igitur *Cyriscelebes* instauratis imperii·viribus adventanti Sigismundo viriliter se opposuit»[1]) = «*Калепинусъ.* Нѣкоторые сыновья Баязида бѣжали изъ Ангорской стычки и попали въ руки грековъ, которые стерегли Геллеспонтъ съ флотомъ. Одинъ же изъ нихъ спасся по счастливой случайности и добрался до Адріанополя. Онъ называется *Цирисцелебесъ*, а не *Калепинусъ*, какъ думалъ Николай Сагундино, который посвятилъ папѣ Пію написанную имъ на латинскомъ языкѣ генеалогію турковъ, *что и было причиною, что почти всѣ прочіе выговаривали испорченнымъ произношеніемъ настоящаго имени вмѣсто Цирисцелебеса Калепина.* Итакъ этотъ *Цирисцелебесъ* съ возстановленными силами имперіи и выступилъ противъ подступавшаго Сигизмунда». Далѣе Іовій говоритъ, что Цирисцелебесъ побѣдилъ Сигизмунда и началъ потомъ опустошать константинопольскіе предѣлы, но оказался слабъ и промѣнялъ жизнь на смерть въ цвѣтущемъ своемъ возрастѣ, процарствовавъ около шести лѣтъ[2]).

Послѣ такого критическаго отзыва Павла Іовія о неправильности имени *Calepinus* у Николая Сагундино, каковое онъ предложилъ замѣнить болѣе правильнымъ, по его мнѣнію, именемъ *Cyriscelebes*, другіе писатели XVI в. не сразу присоединяются къ Павлу Іовію, а все еще продолжаютъ употреблять то имя *Calepinus*, то *Cyriscelebes*, а чаще всего обыкновенно ставятъ рядомъ оба эти имени, какъ равносильныя, иногда варіируя ихъ, но вообще не отдавая себѣ въ этомъ отчета, пока наконецъ нѣкоторые не сочли нужнымъ разобраться въ такой несообразности и не попытались выяснить ее, и, надо отдать имъ справедливость, не безъ успѣха достигли этого, какъ увидимъ далѣе.

Такъ въ анонимной книжечкѣ, изданной вмѣстѣ съ сочиненіемъ Бартоломея Георгіевича, іерусалимскаго пилигрима и, судя по прозвищу, славянина по происхожденію, много писавшаго о туркахъ, послѣ краткаго предисловія Меланхтона слѣдуетъ «Catalogus Turcorum imperatorum», т. е. двѣнадцать самоизмышленныхъ и, конечно, лубочныхъ изображеній турецкихъ султановъ съ подписями при нихъ, въ которыхъ обозначено время смерти и сроки царствованія ихъ. И вотъ надъ портретомъ, помѣщеннымъ на страницѣ тринадцатой, стоитъ надпись: «V. *Cyriskelebes*», а подъ портре-

---

1) Ibid., f. 15 verso.
2) Ibid., f. 16 r.

томъ читаемъ: «*Cyriskelebes*, Baiazeti filius, quintus Turcarum Imperator, valde juvenis ad imperium pervenit. Cum Sigismundo Imperatore Romani Imperii, qui Rex Ungariae tum fuerat, conflixit eumque in campo Salumbeci superavit ac devicit. Iuvenis adhuc mortuus est, regnavit circiter sex annos»[1]) = «V. *Цирискелебесъ*, сынъ Баязида, пятый императоръ турковъ, очень молодымъ достигъ власти. Столкнулся съ Сигизмундомъ императоромъ Римской Имперіи, который былъ тогда королемъ Венгріи, одолѣлъ и побѣдилъ его въ долинѣ Салумбекской. Онъ умеръ еще юношею, царствовавъ около шести лѣтъ». Здѣсь мы уже встрѣчаемся съ варіантомъ имени *Cyriscelebes* въ видѣ *Cyriskelebes*, съ буквою *к* вмѣсто *с* въ серединѣ, также неизвѣстно откуда взявшимся, но очень важнымъ для послѣдующихъ соображеній.

Въ другомъ объемистомъ сочиненіи Филиппа Лоницера также есть изображенія турецкихъ султановъ, и надъ однимъ изъ нихъ (см. приложенный рисунокъ) имѣется надпись: «*Calepinus Cyricelibes* qui et *Cibellinus*, quintus Turcorum Imperator», и затѣмъ далѣе въ текстѣ говорится: «Post cladem Baiazethis filius eius *Calepinus Cyricelibes*, quem et *Cibelinum* nominant, fuga elapsus Hadrianopolim pervenit»[2]) = «Послѣ пораженія Баязида, сынъ его *Калепинусъ Цирицелибесъ*, котораго называютъ и *Цибеллиномъ*, бросившись въ бѣгство, достигъ Адріанополя». Опять цѣлыхъ два варіанта прежняго *Cyriscelebes* — одинъ въ формѣ *Cyricelibes*, а другой — *Cibellinus*, но безъ всякой оговорки или замѣчанія со стороны автора объ источникѣ заимствованія имъ этихъ варіантовъ.

Затѣмъ не только уже возникаютъ сомнѣнія въ правильности обоихъ именъ *Calepinus* и *Cyriscelebes*, но являются попытки доискаться истины. Такъ въ сочиненіи Антонія Жофруа, переведенномъ съ французскаго на латинскій, подъ заглавіемъ «Descriptio aulae Turcicae et Otthomannici imperii», въ томъ мѣстѣ, гдѣ дословно повторяются слова Павла Іовія о пораженіи Баязида I и бѣгствѣ сыновей его, читаемъ: «Unus vero ipsorum dictus *Cyris*, à Gallis *Quirici*, ab aliis *Calepinus* vel *Calapin*, favente fortuna Adrianopolim pervenit; isque *Cyriscelebes* vocabuntur (sic!). Ego existimo errorem hujus cognominis venisse inde, quod appellaretur *Cyris*,

---

1) De origine imperii Turcorum, eorumque administratione et disciplina, brevia quaedam capita notationis loco collecta. Cui libellus de Turcorum moribus collectus à Bartholomaeo Georgieviz, adiectus est, cum praefatione reverendi viri D. Philippi Melanchthonis. Widebergae. Anno 1560, in-16^{0}, s. p.

2) Chronicorum Turcicorum in quibus origo, principes, imperatores.... et caetera huc pertinentia, continuo ordine et perspicua brevitate exponuntur... Accessere Narratio de Baiazethis filiorum seditionibus. Tomus primus. Omnia nunc primum bona fide collecta, sermoneque latina exposita, à reverendo et doctissimo viro, D. Philippo Lonicero Theologo impressum Francoforti ad Moenum, 1578. Tomi tres in-folio. T. I, lib. prim., f. 16 recto.

Cheleby, Mehmet *Cheleby*, Mustapha *Chelebi*, id est nobili prosapia descendens, ut apud Hispanos dicuntur Don Alphonsus, Don Rodericus, et Galli voce *Monsieur* utuntur qui titulus est eorum qui sunt è regio sanguine nati»[1]) = «Одинъ изъ нихъ называемый *Цирисъ*, французами — *Кириси*, а другими — *Калепинусъ* или *Калапинъ*, при благопріятномъ случаѣ достигъ Адріанополя; онъ же называется *Цирисцелебесъ*. Я же думаю, что ошибочность этого прозвища произошла оттого, что *Цирисъ*, *Челеби* назывался бы Мегметъ *Челеби*, Мустафа *Челеби*, т. е. происходящій изъ благороднаго поколѣнія, какъ у испанцевъ говорятъ *Донъ*-Альфонсъ, *Донъ*-Родерикъ, а французы пользуются словомъ *Monsieur*, которое есть титулъ тѣхъ, кто рождены отъ царской крови».

Свидѣтельство А. Жофруа важно въ томъ отношеніи, что въ немъ собраны вмѣстѣ почти всѣ варіанты одного и того же искомаго имени, можетъ быть взятые имъ изъ книгъ, а также, несомнѣнно, и подслушанные имъ въ живой рѣчи во время его пребыванія въ Турціи, и потому составляютъ цѣнный матеріалъ для нашихъ послѣдующихъ заключеній. А потому, пока не останавливаясь на ближайшемъ разсмотрѣніи приведенныхъ данныхъ Жофруа, переходимъ къ прочимъ писателямъ, касавшимся занимающаго насъ предмета.

Оставляя въ сторонѣ многихъ второстепенныхъ авторовъ по незначительности ихъ сочиненій, слѣдуетъ остановиться главнымъ образомъ на тѣхъ изъ нихъ, которые сознательнѣе, а потому и основательнѣе отнеслись къ вопросу о достовѣрности имени *Calepinus Cyriscelebes*. Таковъ, къ сожалѣнію неизвѣстный, авторъ итальянецъ, сочиненіе котораго въ нѣмецкомъ переводѣ Гейнриха Мюллера, носитъ названіе «Türckische Chronica», гдѣ не названъ авторъ итальянскаго оригинала. Онъ, дословно повторивъ о Калепинусѣ то, что говоритъ Павелъ Іовій, поверхъ довольно большого изображенія сомнительнаго султана, вслѣдъ за этимъ портретомъ присовокупляетъ: «Dieweil aber die Scribenten über dieses Namen uneinig sind und nicht gleich eynstimmen, hab ich diser Sachen fleissiger wollen nachdenken, und zu erkundigung der warheit, dieweil sie auss keinem Scribenten in

---

1) Aulae Turcicae Othomannicique Imperii descriptio qua turcarum palatina officia, mores... primum ab Antonio Geufraeo Gallice edita: recens autem in Latinam linguam conversa per Wilhelmum Godelevaeum. Basileae, 1573, in-8^{0} min., p. 55. Въ нѣмецкомъ переводѣ: «Hoffhaltung des Türckischen Keisers und Othomanischen Reichs beschreibung etc. Erstlich durch Anthonium Geuffreum ein Iohanniter Herrn, *welcher ein lange zeit an dem Türckischen hoff hat gewohnet*, in Französischer spraach beschrieben: Nachmals von Wilhelm Godeleveo auss dem Französischen in das Latein gebracht: Letslich auss dem Latein im das recht hoch Teutsch erst newlich mit Fleiss verteutschet durch Nicolaum Höniger von Tauber Königshoffen. Gedruckt zu Basel. 1578, in-folio, p. rlvii.

Griechischer, Lateinischer oder Hebreischer Sprach, hat können ergründet werden, mit Fleiss die Arabische und Chaldeische Bücher übersehen, und befinde der warheit darinn gemess, was bey andern streitig. Nemlich, dass er mit seinem rechten Namen *Calepinus*, und mit dem Zunamen *Cyriscelibes*, genannt worden, in ansehung der eygenschafft und deutung dess wörtleins. Uund diese halten es darfür, dass es ein zugesetzter Name sey *Cyricelibes*, setzen auch, meines erachtens, genugsamen schein und ursachen, und ich auch gebe jnen beyfall, dann der verstendige treffliche Scribent Secundinus würde sonder zweiffel nicht so leicht on ursach den Namen geendert, und dem Bapst hierinn unrechten bericht gethan haben»[1]) = «Поелику же писатели не единодушны относительно этого имени и не вполнѣ согласны, то я захотѣлъ тщательно обдумать эту вещь и, чтобы дознаться истины, которая не могла быть разгадана изъ писателей на греческомъ, латинскомъ или еврейскомъ языкахъ, прилежно пересмотрѣлъ арабскія и халдейскія книги и нахожу истину въ томъ, что у другихъ спорно, а именно, что онъ назывался своимъ настоящимъ именемъ *Калепинусъ* съ прозваніемъ *Цирисцелибесъ* въ разсужденіи свойства и значенія слова. И полагаютъ, что *Цирицелибесъ* есть добавочное имя, и на кажущемся достаточнымъ, по моему мнѣнію, основаніи. И я соглашаюсь съ ними, потому что *разсудительный, превосходный писатель Секундинусъ, безъ сомнѣнія, столь легко и безпричинно не измѣнилъ бы имени и не сдѣлалъ бы неправильнаго доклада папѣ*».

Въ этой рецензіи мы впервые встрѣчаемся съ наукообразнымъ отношеніемъ неизвѣстнаго автора къ явно сомнительному историческому факту, подвергнутому имъ болѣе основательной критикѣ, чѣмъ голословное заявленіе Павла Іовія о томъ, что Сагундино ошибался[2]). Остроумное чутье этого ученаго человѣка какъ нельзя болѣе оправдывается и тѣми данными касательно занимающаго насъ предмета, которыя мы находимъ у Антонія Жофруа, почерпнувшаго эти данныя въ живомъ первоисточникѣ, на мѣстѣ, во время своего долголѣтняго пребыванія при дворѣ турецкомъ. Очень

1) Türkische Chronica. Warhaftste eigentliche und kurtze Beschreibung der Türcken Ankunft, Regierung, Königen und Keysern. Von der Aufruhr zwischen dem Keyser Baiazeth und seinen Sönen. Etc. Vormals auss Italiänischer Sprach in unser Teutsche verdolmetscht durch weyland den hochgelehrten Heinrich Müller der rechten Licentiaten... etc. Franckfurt am Mayn. 1577 in-folio. Erster Theil, fol. 9 verso — 10 recto.

2) О Павлѣ Іовіѣ не всѣ писатели того времени были одинаково высокаго мнѣнія: Левенклавъ, болѣе авторитетный и солидный изъ нихъ, сплошь и рядомъ отмѣчаетъ ошибки Іовія, а однажды даетъ такой нелестный отзывъ о немъ: «Isque fucus adeo praestrinxit Iovii quoque, fumos in historia vendentis, oculos, ut eum dicere non puderet...» etc. (Historiae Musulmanae Turcorum. Opus Io. Leunclavii Amelburni. Francofurt, 1591, in-folio, p. 8).

могло быть, что именно эти данныя, вмѣстѣ съ начитанностью автора въ восточныхъ книгахъ, и навели его на вполнѣ правильную мысль о совершенной отдѣльности словъ *Calepinus* и *Cyriscelibes* съ отрицаніемъ полнаго тожества ихъ. У него не хватило только смѣлости, а можетъ быть и знаній, для того, чтобы пойдти дальше по пути къ искомой имъ истинѣ, и онъ остановился на признаніи слова *Calepinus* собственнымъ именемъ нѣкоего турецкаго султана, а слова *Cyriscelibes* — добавочнымъ къ нему прозвищемъ, не добравшись до уразумѣнія того, что оба эти слова были прозвища, и ни одно изъ нихъ не было и быть не могло собственнымъ именемъ. До этого додумался другой писатель XVI вѣка, который весьма обстоятельно разобрался какъ въ значеніи и употребленіи этихъ двухъ сомнительныхъ словъ-эпитетовъ, такъ и въ самомъ историческомъ фактѣ османской исторіи, въ связи съ которымъ сдѣлались популярны въ жизни и литературѣ эти два загадочныхъ слова, породившихъ столько разнорѣчій и недоумѣній у писателей XVI вѣка, занимавшихся судьбами османскаго государства, такъ громко дававшаго о себѣ знать тогдашней Европѣ. Этотъ остроумный и основательный ученый былъ Гансъ Левенклавъ, къ которому мы и обратимся теперь въ заключеніе нашего обозрѣнія литературы предмета въ XVI вѣкѣ.

Левенклавъ былъ человѣкъ большой эрудиціи, какъ это видно изъ его огромнаго труда, представляющаго цѣлый сборникъ какъ переводныхъ сочиненій, такъ и собственныхъ его изслѣдованій, подъ заглавіемъ *Pandectes* въ видѣ комментарія къ переведенной имъ турецкой хроникѣ, составленныхъ имъ, какъ онъ говоритъ, «по основательнымъ извѣстіямъ, полученнымъ во время своего путешествія въ Турцію отъ достовѣрныхъ людей»[1]). Поэтому его соображенія, всегда очень мѣткія и проницательныя, имѣютъ для насъ особенную цѣнность, такъ какъ ими положенъ конецъ путаницѣ въ занимающемъ насъ вопросѣ, созданной его предшественниками.

Объ имени *Calepinus* Левенклавъ высказывается по поводу имени сына одного турецкаго князя, который, говоритъ онъ, у Энея Сильвія, папы Пія II, названъ *Sponderbey*. Замѣтивъ, что его имя «находится худо написаннымъ въ печатномъ сочиненіи Лаоника (Халкокондила) *Spender*, который, то же что *Sphender*, турками называется *Isuendiar bey*». И вотъ, продолжая свое изслѣдованіе, онъ пишетъ: «Возвращаясь опять къ генеалогіи османскихъ князей, я не безъ основанія впадаю въ сомнѣніе, точно ли

---

1) Hans Lewenklaw, Neuwe Chronica Türckischer nation von Türcken selbs geschrieben: volgendens gemehrt und in vier Bücher abgetheilt. Etc. Franckfurt am Mayn. 1590, S.s. 8 unnumer. + 434 + 12 unnum. + 104 + 6 unnum. + 435 — 535 + 10 unnum. in-folio. S. 54.

султанъ Мюрадъ (II) имѣлъ съ дочерью этого Сфендера, или Исвендіара, двухъ сыновей. Лаоникъ, правда, упоминаетъ только одного единственнаго, котораго Андрей Камбрини Флорентійскій называетъ *Калапиномъ* — *Calapinum* nennet — [1]), что есть скорѣе прозвище, нежели настоящее имя, потому что *Calapinus* есть испорченное слово изъ турецкаго *Zelebi*, о которомъ говорятъ, что оно значитъ *благородный* — *Edel*. Другіе называютъ его *Chialap*, которое по итальянскому обычаю выговаривается *Zialab*, и есть прежнее *Zelebi*» [2]).

Принявъ однажды категорически, что слово *Calapinus* тожественно съ *Zelebi*, со ссылкою на предыдущее свое изъясненіе значенія этого послѣдняго [3]), Левенклавъ болѣе уже не возвращается къ нему; но имя *Cyriscelebis* нѣсколько разъ служитъ предметомъ его разсужденій и соображеній, и очень основательныхъ, которыя сводятся у него къ тому, что и это слово также не есть собственное имя, а только прозвище, и притомъ почти тожественное въ своемъ значеніи и употребленіи съ словомъ *Calapinus*.

Производя изысканія относительно того, что «не слѣдуетъ ли подъ тремя именами *Ортобулесъ*, *Мусулманъ* и *Сулейманъ* разумѣть только единственно Эмира Сулеймана, сына Баязида; что *Цирисцелебисъ* и *Муса* не два лица, а одно, и что̀ значитъ *Цирисъ* — Cyris» [4]) —, Левенклавъ заявляетъ: «Я много и часто мучился разными думами, когда сравнивалъ турецкую хронику съ Лаоникомъ (Халкокондиломъ) и другими *нашими* исторіями. Среди нихъ турки пишутъ, что старшій сынъ Баязида былъ эмиръ Сулейманъ; иной даетъ извѣстіе о двухъ различныхъ сыновьяхъ Баязида, которые были старше; другіе (пишутъ), что это были Ортобулесъ и Мулсуманъ; третьи, и именно *наши*, выступаютъ еще съ другимъ и вставляютъ его сюда — und flicken denselben mit hinein —, который названъ ими *Цирисцелебисъ* — Cyriscelebis. Наконецъ я пришелъ къ тому убѣжденію, что или надо совсѣмъ исключить *Цирисцелеби*, такъ какъ о немъ совершенно ничего не знаютъ ни греки, ни турки, или же слѣдуетъ пріурочить его къ личности Мусы — auff des Mosis Person ziehen müsse —, какъ объ этомъ сейчасъ будетъ сказано, а слѣдовательно двухъ другихъ, *Ортобула* и *Мулсумана* признать за одного сына Баязида, а именно за Сулеймана, относительно котораго Лаоникъ и греки (вообще) заблуждались, думая, что будто онъ послѣ завоеванія города Себаста былъ умерщвленъ Темиромъ.

---

1) Commentario de Andrea Cambini (а не Cambrini) Fiorentino della origine de Turchi et Imperio della casa Ottomana. Vinecia, 1541, in-16°, libro primo, f. 7 verso.

2) Op. citat., III, p. 158.

3) Op. cit, p. 158.

4) Op. cit., p. 219.

Это мнѣніе основано на томъ, что имя *Ортобулесъ*, по моему убѣжденію, не турецкое, а греческое имя, и значитъ въ греческомъ языкѣ то же, что въ турецкомъ слово *Мусулманъ*..., потому что *Ортобулесъ* у грековъ означаетъ того, кто здраваго разума и здравой воли. Слѣдовательно совершенно ясно и очевидно, гдѣ причина ошибки и заблужденія Лаоника, почему онъ изъ одного сына Баязида сдѣлалъ двухъ: онъ раздѣляетъ и различаетъ на двоихъ одного, который въ разныхъ языкахъ имѣлъ два разныхъ имени, хотя и одинаковыхъ по значенію. И никто не возьметъ на себя возразить мнѣ, что *Мусулманъ* иное, чѣмъ *Мулсуманъ*, потому что мнѣ многократно встрѣчалось въ греческихъ исторіяхъ и въ другихъ книгахъ, что вмѣсто слова *Мусулманъ* пишутъ и выговариваютъ *Мулсуманъ*»[1]).

Ставъ на точку зрѣнія, которую нельзя не признать совершенно правильною, Левенклавъ потомъ ведетъ довольно обширную и весьма убѣдительную аргументацію въ пользу выставленнаго имъ вначалѣ положенія, совершенно правильно, какъ я провѣрилъ, опираясь на свидѣтельства османскихъ хроникъ и современника-очевидца смутъ, порожденныхъ нашествіемъ Тимура, Шильтбергера, и рѣшительно разоблачаетъ неточность и сбивчивость показаній византійскихъ историковъ[2]).

Покончивъ съ этимъ, Левенклавъ далѣе съ неменьшею обстоятельностью и ученою находчивостью подвергаетъ критикѣ слово *Cyriscelebi* и не безъ успѣха добирается до источника его возникновенія и проникновенія въ европейскую историческую письменность XVI вѣка. Вотъ что по этому предмету пишетъ онъ.

«Что касается *Цирисцелеби*, то нужно видѣть, что̀ пишутъ о немъ тѣ, которые сообщаютъ извѣстіе о немъ, чтобы хорошенько распознать его. А тамъ не находится ничего, кромѣ явнаго смѣшенія вещей, одна часть которыхъ относится къ Сулейману, а другая къ Мусѣ. О *Cyriscelebi* сообщаютъ вособенности, что онъ былъ захваченъ Темиромъ, но все-таки бѣжалъ изъ тюрьмы. Это совершенно непонятно относительно Сулеймана, потому что хотя нѣкоторые пишутъ, что будто бы онъ послѣ сраженія съ Темиромъ былъ захваченъ вмѣстѣ съ своими другими братьями у Константинополя при переправѣ изъ Анатоліи въ Европу людьми греческаго императора, что по многимъ причинамъ не совсѣмъ похоже на истину, но у грековъ не имѣется ничего яснаго и настоятельнаго насчетъ того, чтобы Темиръ когда-либо держалъ его у себя въ тюрьмѣ. Турки же опредѣленно пишутъ, что когда паши увидѣли, что битва съ Темиромъ потеряна съ ихъ

1) Op. cit., pp. 222—223.
2) Ibid., pp. 223—224.

стороны, то взяли съ собою эмира Сулеймана и бѣжали оттуда. Напротивъ того Лаоникъ ясно и очевидно сообщаетъ во многихъ мѣстахъ, что сынъ Баязида Муса — Moses — былъ захваченъ въ стычкѣ съ Темиромъ и потомъ уведенъ имъ и имѣлъ бесѣду въ лагерѣ съ Темиромъ. И еще далѣе Лаоникъ говоритъ такъ: «Темиръ поспѣшилъ въ городъ Херію и повелъ съ собою Баязида вмѣстѣ съ его сыномъ Мусою, съ которымъ онъ былъ не особенно обходителенъ, а потому онъ ударился въ бѣгство и утекъ въ страну отцовъ» [1]).

«То же самое повторяетъ вышеупомянутый Лаоникъ въ третій разъ, въ началѣ четвертой книги, когда онъ говоритъ: «Муса былъ отпущенъ на свободу и водою по морю прибылъ въ страну отцовъ» [2]). Если такимъ образомъ взятъ былъ Темиромъ въ плѣнъ Цирисцелебисъ, или хотя бы даже и Муса, а не Сулейманъ, то, значитъ, Цирисцелебисомъ будетъ скорѣе Муса, нежели Сулейманъ. Также не находятъ, чтобы именуемый греками Мулсуманъ, или турками Сулейманъ, одно и то же лицо, гдѣ-либо былъ называемъ *Celebi* или *Zelebi*: обыкновенно находятъ, что турки постоянно называютъ его *Эмиръ* Сулейманъ. Напротивъ, Моисей, или Муса не носитъ ни имени *эмира*, ни *султана*, ни другого какого, а только *Челеби* — *Zelebi* — [3]). Кто же поэтому станетъ сомнѣваться, что Муса не былъ Цирисцелебисъ? Я скажу еще нѣчто другое, чего *никто никогда до меня не думалъ* — daran nie keiner vor mir gedacht —. Никто изъ всѣхъ историковъ, которые сообщаютъ о Цирисцелебисѣ, не говоритъ, есть ли имя Цирисцелебисъ турецкое, или арабское, или греческое имя. Только Антоній Жофруа говоритъ, что Цирисцелебисъ есть сложное изъ двухъ словъ имя — *Cyris* и *Celebi*, подобно тому какъ называются Мегметъ-Целеби и Мустафа Целеби, или что

1) Op. cit., p. 225. — Chalcocondylas, edit. Niebuhrii. Bonnae, 1844, p. 158.

2) Это мѣсто, хоть и вполнѣ тожественно съ Левенклавомъ, находится у Халкокондила не въ началѣ четвертой книги, а въ книгѣ третьей, на стр. 165. Въ указанномъ же Левенклавомъ мѣстѣ исторіи византійскаго писателя названъ не Муса, а *Іисусъ*, старшій сынъ Баязида — Ἰησοῦς ὁ πρεσβύτερος τῶν Παιαζήτεω παίδων. — Но это обстоятельство не ослабляетъ аргументаціи Левенклава, потому что въ такомъ случаѣ Халкокондилъ оказывается въ самопротиворѣчіи, если только не предположить тутъ иного чтенія въ хроникѣ Халкокондила, которою пользовался Левенклавъ. Какая-то неясность хроники въ этомъ мѣстѣ усугубляется еще тѣмъ, что тутъ же имѣется перечень сыновей Баязида и при этомъ названы два *Іисуса* — Ἰησοῦς ὁ πρεσβύτερος... καὶ Ἰησοῦς ὁ νεώτερος, кромѣ Мусы — Μωσῆς.

3) Это, положимъ, не совсѣмъ точно: хотя бы взять извѣстнаго турецкаго историка Аали-эфенди, современника Левенклава, который приставляетъ къ именамъ сыновей Баязида всяческіе титулы — и امير, и سلطان, и شاه, и چلبى, но титулъ امير и онъ придаетъ одному лишь Сулейману. Другіе же, какъ напр. Сеадъ-Эддинъ, придерживаются строгой опредѣленности въ употребленіи вышеозначенныхъ титуловъ, и притомъ въ томъ смыслѣ, какъ указываетъ Левенклавъ.

то же Мегметъ Благородный — der Edel, — Мустафа-Благородный[1]). Это вѣрно и совершенно правильно имъ сказано. Я не могу только допустить, чтобы, подобно тому какъ *Celebi* есть прозвище, а *Мегеметъ и Мустафа* — настоящія имена, точно также и *Cyris* могло быть въ турецкомъ или арабскомъ языкѣ настоящимъ именемъ человѣка, потому что всѣ, кто изучаютъ языки, въ этомъ согласятся со мною. Изъ сего слѣдуетъ, что *Cyris* происходитъ изъ другого, а именно изъ греческаго, самаго близкаго — am meist benachtbarter — туркамъ языка. Греки уже нѣсколько столѣтій, когда они хотятъ назвать кого-нибудь господиномъ, употребляютъ не старое слово *Kyrios*, а *Kyros* и *Kyris*. И не знали этого тѣ, которые перевели полатынски Кедрина и еще недавно *de Officiis Palatii* Куропалата. Поэтому Ксиландеръ дѣлаетъ изъ *Kyros* Cosmas очень плохое имя человѣка *Cyrus* Cosmas, тогда какъ онъ долженъ бы былъ перевести *господинъ* Козьма. Другой пишетъ: *Cyrus* Andronicus Palaeologus, что должно значить: *господинъ* Андроникъ. Точно также греки говорятъ *Kyra*, т. е. госпожа или дама, когда говорятъ о женской особѣ высокаго положенія. Слѣдовательно мы видимъ также, что *Cyriscelebis* должно быть раздѣлено на два слова, а именно на *Kyris Kelebis*, которыя значатъ то же, что *господинъ Celebis*. А такъ какъ Сулейманъ не имѣлъ прозванія *Celebi*, а Муса имѣлъ его, то мы наконецъ заключаемъ, что Муса былъ *Cyriscelebis*, обыкновенно называемый погречески Господинъ Целеби — *Herr Celebi*. Изъ этого разсудительные читатели могутъ понять всѣ основанія моего мнѣнія объ этихъ сыновьяхъ Баязида, и имъ предоставляется отъ меня свободно или допустить ихъ или же опровергнуть лучшими аргументами»[2]).

Такимъ образомъ Левенклавъ довольно убѣдительно разъяснилъ, что никакого турецкаго султана по имени *Cyriscelebis* не существовало, доказавъ, что это не есть собственное имя, а только прозваніе, или, вѣрнѣе сказать, почетный титулъ, превращенный въ собственное имя сперва должно быть на мѣстѣ, въ самой Турціи, а потомъ естественно и въ старинной европейской исторической литературѣ. И хотя послѣ него еще нѣкоторые европейскіе историки повторяютъ устарѣлыя сказанія о султанѣ *Cyriscelebis'ѣ*[3]), но другіе начинаютъ уже смотрѣть на это какъ на фабулу[4]). Тѣмъ удивительнѣе, что позднѣйшіе историки Турціи совершенно игно-

---

1) Loc. cit.

2) Op. cit., pp. 225—226.

3) Напр. въ анонимномъ сочиненіи «Kurtze Beschreibung der gantzen Türckey und Abbildung aller Sultanen. S. l. et a., in-folio, S. 8 & 9.

4) Напр. Sandy's eines Engellander Reise nach Europam, Asiam und Africam gethan im Jahr 1610. Franckof. 1699, in-16°, S. 97.

рировали такое крупное недоразумѣніе, длившееся въ предыдущей европейской исторической литературѣ болѣе нежели цѣлое столѣтіе. Гаммеръ, напримѣръ, не только не оспариваетъ, а даже и не упоминаетъ того, что мы видѣли у европейскихъ писателей XVI вѣка относительно словъ *Calepinus* и *Cyriscelebis*, принимавшихся за имена небывалаго султана, и только мимоходомъ, по поводу прозванія, даннаго византійскими историками султану Мухаммеду I, дѣлаетъ объ этомъ прозваніи замѣчаніе, въ которомъ, вмѣсто того чтобы выяснить заблужденіе византійцевъ, подкрѣпляетъ его собственнымъ мудрованіемъ. Остановившись на томъ, что Мухаммеду I-му у византійца Франдзи приданъ эпитетъ Κυρίτζη[1]), а также увлекшись выдумкою Халкокондила объ обученіи Мухаммеда ремеслу у мастера луковъ[2]), Гаммеръ, вмѣсто того чтобы игнорировать эти византійскія фабулы, какъ это сдѣлалъ Цинкейзенъ[3]), пускается въ объясненіе ихъ, подхвативъ близкое къ греческому Κυρίτζη турецкое كورشجى=«борецъ, чемпіонъ», и силится доказать, что такая не приличествующая османскому царевичу ни по его возрасту, ни по положенію, кличка вполнѣ подходитъ ему[4]). Онъ настолько доволенъ своею гипотезой, что склоненъ признать другое, очевидно болѣе правильное и болѣе употребительное, выраженіе *Kyr-Tschelebi*, также встрѣчающееся у византійцевъ, какимъ-то сокращеніемъ, то есть въ нѣкоторомъ родѣ порчею[5]) столь понравившагося ему эпитета *Kürischdschi* = Ringer, der artige Herr[6]), несмотря на то, что турецкій историкъ Аали также обращаетъ вниманіе на этотъ эпитетъ, но говоритъ, что онъ приданъ былъ Мухаммеду въ описаніи большой битвы—خصوصا سلطان محمد خانى كرشجى عنوانيله جنك عظيمده بيله يازمشيكن—такъ сказать для характеристики храбраго поведенія царевича, а не въ смыслѣ постояннаго придатка къ его имени[7]). А между тѣмъ Гаммеръ проходитъ мимо слова *Tschelebi*, въ которомъ собственно вся суть и заключается, признавая его уже настолько общеизвѣстнымъ въ значеніи «der artige, zierliche Herr», почти-что англійскаго *Gentleman*, что не считаетъ нужнымъ даже слегка коснуться его этимологіи или происхожденія, ограничившись замѣчаніемъ, что это слово прилагается въ качествѣ почетнаго титула «не только къ именамъ молодыхъ людей, но и достигшихъ глубокаго возраста»[8]). Еще впрочемъ одинъ разъ

1) Phrantzes, Lib. I, cap. XVIII, p. 66 & cap. XXXI, p. 90.
2) Chalcocondylas, Lib. IV, p. 179.
3) Gesch. d. Osm. R., I: 407, Anm.
4) Hammer, I: 338 & 627, Anm.; 362 & 632. Anm.
5) Op. cit., I: 338 & 628, Anmerk.
6) Op. cit., I: 361.
7) Кюнгу ль-Ахбаръ, констант. изд., V: 105.
8) Hammer, Gesch. d. Osm. R., I: 632, Anm. 361.

Гаммеръ, и тоже случайно, по поводу объясненія термина Dschelban — جلبان —, вставляетъ также замѣчаніе насчетъ *Tschelebi* — *челеби*: «Ob das türkische Wort Tschelebi oder Dschelebi von diesem Dschelban oder vom lateinischen caelebs herzuleiten sey, ist die Frage» [1]). Такъ этотъ вопросъ и остается до сихъ поръ открытымъ.

А между тѣмъ уже Левенклавъ, оставивъ безъ вниманія слово *Calepinus*, вслѣдствіе того что тожество его съ словомъ *Zelebi* — *челеби* не подлежало сомнѣнію, сдѣлалъ попытку доискаться корней этого послѣдняго въ очень пространномъ соображеніи, которое онъ предпослалъ своему истолкованію имени *Cyriscelebis*. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужилъ Левенклаву встрѣченный имъ въ турецкой хроникѣ фактъ, что Баязидъ-ханъ Йилдырымъ велѣлъ умертвить своего собственнаго брата Якуба-*Челеби* — Jacup *Zelebi*. Остановившись на немъ, Левенклавъ строитъ цѣлую гипотезу насчетъ значенія слова *Zelebi* на основаніи не только филологическихъ, но даже и археологическихъ данныхъ. Если нельзя согласиться со всѣми частностями его аргументаціи, то все-таки нельзя не признать вѣрности пути, избраннаго имъ для разрѣшенія поставленнаго имъ себѣ вопроса.

«Я полагаю», пишетъ Левенклавъ, «что турки имя *Zelebi*, которое въ ихъ языкѣ значитъ *благородный*, взяли отъ грековъ и римлянъ и по ихъ примѣру начали употреблять его. Ибо римляне называли сыновей императоровъ, которые слѣдовали за старшимъ и были младше, *Nobilissimos* или *благороднѣйшими*, а греки — *Novellissimos*, каковое слово есть коррупція вышесказаннаго латинскаго, какъ это можно видѣть въ исторіяхъ, старыхъ *inscriptionibus* и *monumentis*, на старыхъ медаляхъ и монетахъ (Pfenningen), а также изъ *Fastis* консуловъ или бургомистровъ. Я хочу однако подтвердить то, что сказано, хотя оно само собою ясно и очевидно, приведя здѣсь одну древность, потому что она сама по себѣ старинная, и все же новая, такъ какъ недавно найдена; а еще и потому, что изъ нея можно узнать, сколь древенъ благородный городъ Вѣна въ Австріи, называемая у древнихъ *Vindobona* или *Vindoniana*, каковое имя, по моему мнѣнію, лучше написано, нежели другое. Эту *inscription* я получилъ отъ благороднаго, важнаго господина Іеронима Бекка леопольдсдорфскаго, каммеръ-совѣтника его величества Римскаго императора. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ за городомъ Вѣною около мили разстоянія недалеко отъ Sanct Marxen Feldt Siechenhaus въ одномъ виноградникѣ найденъ былъ кусокъ старой колонны, которая, въ цѣломъ видѣ, была, кажется, *Milliarium-Romanum* (римскій верстовой столбъ), сдѣланный и водруженный для отдѣленія и обозначенія

---

1) Hammer, Gesch. d. Osm. R., II: 470, Anm.

миль, и попалъ къ нему; онъ и позаботился о томъ, чтобы означенный обломокъ упомянутой древности отвезти къ себѣ домой и сохранить для потомства. Сказанная *inscriptio* гласитъ слѣдующее. А она счерчена и воспроизведена обыкновенными, употребительными буквами, потому что нѣкоторые знаки ея, какъ это можно видѣть и на самой древности, не могли быть здѣсь отпечатаны. IMP CAES P LICINIO CORNEL VALERIANO NOBILISS.. CES.. PRINCIPI IVV..NTVTIS VA.. ET PONTES VETVSTA CONLAPSA RESTI A VIND.. MP II. Это можно читать почти такъ: *Imperatori Caesari Publio Licinio Cornelio Valeriano Nobilissimo.. ces. Principi iuventutis. Vada et pontes vetustate conlapsa restituit a Vindoniana millia passuum duo.* И подъ именемъ *Nobilissimi*, или высокоблагороднаго, и *Juventutis principis* разумѣется младшій братъ императора Галліена. Слѣдовательно и турки называли сыновей своихъ князей *Zelebilar* или «благородными». Изъ этой же (т. е. турецкой) хроники видно, что сыновья султана Мехемета II и его преемниковъ не носили имени *Zelebi*— *челеби,* а называются султанами. А что турки старались *подражать римлянамъ и грекамъ,* которымъ они наслѣдовали во владычествѣ, *какъ обезьяны*, я могъ это доселѣ усмотрѣть изъ очень многихъ вещей, а именно изъ титуловъ, военныхъ должностей, раздѣленія областей и областныхъ начальствъ, изъ законовъ и порядка всего ихъ общественнаго быта»[1]).

«Что касается дѣтей Баязида I, который турками называется Йилдырымъ — Gilderun —, т. е. Молнія, у грековъ *Laelaps*, т. е. Вихрь, ради его быстроты, то о нихъ писатели совершенно различно повѣствуютъ. Турки говорятъ, что первородный сынъ былъ эмиръ Сулейманъ, что и я одобряю и слѣдую ихъ мнѣнію. Этотъ Сулейманъ назывался *эмиръ* изъ высшаго почтенія, потому что это имя *эмиръ* давалось, пока существовало царство Мухаммеда, и чѣмъ далѣе, тѣмъ было распространеннѣе, и означаетъ *владыка* или *государь* — *Herr* oder *Oberherr* —. Гульельмъ, епископъ Тирскій, говоритъ, что *эмиръ* значитъ *ein Landts oder sonst grosser Fürst*, т. е. *областной* или же *великій князь*. Греки называли такихъ князей *Amires* и *Amirades*, каковое слово Винцентіемъ Бельвальскимъ и тѣмъ, кто полатински перевелъ греческаго исторіографа Кедрина, и другими неправильно измѣнено въ *Ameres*, *Amerades*, *Admirati*, *Admirales* и *Admiraldi*. Турецкіе султаны даже еще и теперь называютъ себя *эмирами*, и вовсе не пренебрегаютъ этимъ названіемъ, какъ нѣкоторые думаютъ»[2]).

Вышеизложенное длинное разсужденіе Левенклава по поводу слова

---

1) Op. cit., p. 155.
2) Ibid., S. 156.

челеби, котораго онъ лишь вкратцѣ коснулся въ первоначальной латинской редакціи своего обширнаго труда, приведено здѣсь in extenso не потому, чтобы въ немъ окончательно изъяснялось подлинное значеніе этого, остающагося доселѣ загадочнымъ, титула, а потому, что въ немъ намѣченъ, мнѣ кажется, правильный путь, которому надлежитъ слѣдовать въ разгадкѣ его. Левенклавъ въ этомъ своемъ сочиненіи даетъ слову *челеби* такое толкованіе: «Sed qui erant in exercitu *Zelibes*, sive nobiles (ita tunc vocabantur milites generosi juniores)...»[1] = «Но тѣ кто были въ войскѣ *челеби*, или благородные (тогда такъ назывались знатные молодые воины)...» Это толкованіе однако же не принадлежитъ ему самому: оно, очевидно, цѣликомъ заимствовано имъ у Жофруа, самъ же онъ ничего не прибавилъ къ нему существеннаго. А Жофруа между тѣмъ пишетъ вотъ что: «Colunt milites, et prae omnibus nobilitatem: nam si Christianus ipsorum legem recipiens, ipsis persuadere potest se nobili prosapia natum, honorem ei deferunt, eumque *Cheleby* dicunt, id est nobilem»[2] = «Они (турки) уважаютъ воиновъ и больше всѣхъ благородство, ибо если христіанинъ, принимающій ихъ законъ (вѣру), можетъ доказать имъ свое происхожденіе отъ благороднаго поколѣнія, то они называютъ его *Chelebi*, т. е. благороднымъ».

Эти толкованія Левенклава и Жофруа, устанавливая значеніе слова *челеби*, въ какомъ оно употреблялось турками стараго времени, все-таки не изъясняютъ его этимологіи: они даже вовсе не задаются вопросомъ объ этимологическомъ составѣ его, но, какъ было сказано уже, до нѣкоторой степени облегчаютъ путь къ распознанію этой этимологіи, намекая на то, что это слово не природное турецкое, а заимствовано турками «отъ грековъ и римлянъ, которымъ они старались подражать во всемъ какъ обезьяны», по выраженію Левенклава[3]).

Но прежде чѣмъ послѣдовать этому указанію и попытаться отыскать источникъ такого заимствованія, надлежитъ сперва отдѣлаться отъ другихъ этимологическихъ объясненій слова *челеби*, предложенныхъ со стороны тѣхъ ученыхъ, которые занимались этимъ вопросомъ.

Самое распространенное изъ объясненій слова *челеби* — چلبى — сводится обыкновенно къ производству его отъ старотурецкаго наименованія Господа Бога *Чалабъ* — چلب, или же چلاب, или отъ арабскаго слова *салыбъ* — صليب = «крестъ, круцификсъ», чрезъ посредствующую форму صليبى = «крестообразный», а также «крестоносецъ» и далѣе «христіанинъ». Я позволяю

1) Historiae Musulmanae Turcorum de monumentis ipsorum exscriptae, libri XVIII. Opus Jo. Leunclavii Amelburni. Francofurti, 1591, in-folio, p. 263.
2) Op. cit., p. 38.
3) Op. cit., p. 155.

себѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ оспаривать и то и другое производство, такъ какъ оба они черезчуръ уже противорѣчатъ такъ называемой народной, вчастности народно-религіозной, психологіи, съ которой нельзя не считаться въ вопросахъ, подобныхъ настоящему вопросу о происхожденіи и употребленіи турками слова چلبى. Сближеніе слова چلبى съ словомъ چلب = «Господь Богъ», основанное, очевидно, на одномъ соблазнительномъ созвучіи обоихъ словъ, не мыслимо потому, что слишкомъ возвышенное первоначальное значеніе и несомнѣнное литературное употребленіе слова چلب не могло сразу перейдти въ другое, сравнительно *банальное*, съ перенесеніемъ соединяемыхъ съ его понятіемъ свойствъ божіихъ на обыкновеннаго смертнаго и хотя бы съ отдаленнымъ уподобленіемъ его Богу, такъ какъ это шло бы прямо вразрѣзъ со строгимъ мусульманскимъ монотеизмомъ турковъ, народа въ высшей степени религіознаго до фанатизма: это было бы чистою религіозною профанаціею. Еще болѣе меня удивляетъ, что извѣстный турецкій ученый Ахмедъ-Вефыкъ-паша въ своемъ турецкомъ словарѣ поддался вольнодумному искушенію въ этимологіи самаго слова چلب: погоня Ахмедъ-Вефыка за ученою досужестью въ европейскомъ духѣ въ данномъ случаѣ возобладала у него надъ несомнѣннымъ непосредственнымъ чутьемъ, которое должно было подсказать ему непозволительность производства слова چلب отъ сирійско-персидскаго چليبا = арабск. صليب = «крестъ»[1]). Наиболѣе убѣдительными въ послѣднемъ смыслѣ данными изобилуетъ едва ли не одинъ изъ древнѣйшихъ существующихъ памятниковъ османской литературы, какимъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, признать قصة ملك دانشمند = «Сказаніе о Меликѣ Данышмендѣ».

Содержаніе его точно въ томъ же родѣ, какъ سيرة سيّد بطال غازى = «Подвиги Сейидъ-Батталя Гази», т. е. борьба сельджукскихъ мухаммеданъ съ кяфирами—греками, франками, армянами и грузинами—, происходящая на той же территоріи, т. е. въ Малой Азіи. Я отношу этотъ памятникъ къ древнѣйшимъ на томъ основаніи, что главный герой Сказанія есть историческое лицо, султанъ династіи Данышмендовъ Меликъ, царствовавшій въ концѣ XI и началѣ XII вѣка († 1103—4) и считавшійся ближайшимъ родичемъ въ нисходящей линіи легендарнаго Сейидъ-Батталя, а описываемыя тамъ приключенія носятъ архаическій характеръ. Но кромѣ сюжета древность Сказанія свидѣтельствуется главнымъ образомъ языкомъ этого Сказанія, которое имѣется въ спискѣ Императорской Публичной Библіотеки[2]), къ сожалѣнію, неполномъ въ своемъ составѣ: изъ семнад-

1) Леджен-Османи, 1 констант. изд., стр. 482.

2) Dorn, Catalogue des manuscrits, № DLXXVIII. Другой списокъ этого произведенія имѣется еще въ Парижѣ, въ Національной Библіотекѣ (Catalogue des manuscrits de l'Ancien

цати бесѣдъ — مجلس —, цѣлыхъ первыхъ четырехъ недостаетъ, и нумерація начинается лишь съ сорокъ девятаго листа. Хотя настоящій списокъ имѣетъ дату 1032 = 1622 года, но онъ содержитъ въ себѣ не простое сочиненіе позднѣйшаго автора на старинную тэму, какъ это мы видимъ, напр., въ «*Искендеръ-намэ*» соч. Ахмеди (+ 815 = 1412), а лишь воспроизведеніе древняго памятника османской письменности, только подправленнаго, т. е. попросту сказать испорченнаго, усердіемъ позднѣйшаго писаки по имени Мухаммедъ-бенъ-Ахмеда Эль-Казы-задэ Эль-Бурсави, взявшагося приспособить изводъ бывшаго въ его рукахъ древняго подлинника къ удобствамъ пониманія своихъ современниковъ, «а то», говоритъ онъ съ чистосердечною наивностью въ своемъ послѣсловіи, «я нашелъ эту повѣсть написанную такимъ запутаннымъ письмомъ, и на такихъ застарѣлыхъ листкахъ, что читать было невозможно, и посмотришь — скажешь, что это не потурецки — کورن انی دیر که بو ترکی دکول —, и такъ написано сухо, безъ стиховъ, сплошмя, безъ разстановки словъ;... списокъ ея былъ старѣе *четырехъ сотъ лѣтъ*, и написавшій его сдѣлалъ это турецкою прозою» — نسخه‌سی درت یوزدن ارتق ییل ایمش * یزمش انی تورکجه نثر ایلمش — :..; «а я», продолжаетъ подновитель, «раздѣлилъ повѣсть на 17 меджлисовъ, прибавивъ въ концѣ каждаго стихи, и доставилъ такимъ образомъ легкость читающимъ и пріятность слушающимъ...., потому что если повѣсть длинна, то устаютъ и слушатель и читатель; лучше, чтобъ она не была длинна, чтобъ слушающій ее не соскучился, внимая *четыреста-пятидесяти-лѣтнимъ* извѣстіямъ...; однимъ словомъ я былъ причиною ея оживотворенія»...[1]).

Но несмотря на это стараніе редактора-справщика XVII столѣтія исказить литературное произведеніе XII вѣка, насколько возможно обезличивъ его со стороны письма, а также, надо полагать, отчасти и со стороны языка, все же въ немъ не вполнѣ изглажены несомнѣнныя архаическія черты того и другого, въ чемъ легко убѣдиться на каждой страницѣ рукописи. Я думаю также, что неизвѣстный «оживитель» стариннаго Сказанія просто-таки хвастаетъ, будто онъ самъ сочинилъ и внесъ въ него стихи, которыми обыкновенно оканчивается каждая бесѣда — مجلس — и начинается новая: можетъ

Fond Turc, par M. Fagnan, № CCCXVII); но въ какихъ отношеніяхъ онъ къ нашему кодексу, это еще подлежитъ обслѣдованію: въ бытность свою въ Парижѣ я намѣтилъ قصهٔ ملك دانشمند къ разсмотрѣнію, но не успѣлъ этого сдѣлать. Турецкій историкъ Мюнеджжимъ-баши принимаетъ за время существованія династіи Данышмендовъ періодъ 464 — 470 = 1071—1174 годовъ, согласно съ другими писателями, но расходится съ ними, и притомъ совершенно сознательно расходится лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ: между прочимъ, основателя этой династіи онъ называетъ просто *Данышмендъ*, который былъ раньше учителемъ дѣтей у туркменъ (Мюнедджимъ-баши тарихи, константиноп. изд., т. II, стр. 575—576).

1) Рукопись № DLXXVIII, листъ нумерованный 265 recto et verso.

быть, нѣкоторыя вирши, отдающія вычурностью позднѣйшаго высокопарнаго пустословія и замѣтною новизною самаго языка, и суть плодъ досужести хвастливаго стихоплета; но вообще стихотворныя тирады Сказанія, и по свойству содержанія, и по стилю, и по архаическому складу языка и правописанія, мало чѣмъ отличаются отъ прозаическаго текста, такъ что едва ли ихъ можно приписать всецѣло фальсификаторской находчивости позднѣйшаго турецкаго стилиста. Поэтому предположеніе Дорна, что «l'époque de la composition de ce roman doit être fixée après le milieu du XIII siècle de J. Chr.»[1]), имѣетъ весьма и весьма условное значеніе, такъ какъ для этого нѣтъ другихъ вѣскихъ данныхъ въ рукописи; сопоставленіе же цифры 450 лѣтъ не вяжется съ датою написанія ея 1032 = 1622 г., такъ какъ оно отодвигаетъ происхожденіе оригинала къ еще болѣе давней старинѣ, приближающейся ко времени жизни Мелика Данышменда, смерть котораго самъ Дорнъ относитъ къ 537 = 1142 году[2]). Въ текстѣ рукописи есть такой не совсѣмъ ясный намекъ на возникновеніе Сказанія, что, молъ, «сказители такъ излагали это сказаніе передъ шахомъ Иззъ-Эддиномъ и, написавъ тамъ эту хартію, увѣковѣчили сказаніе о Меликѣ Данышмендѣ» — راویلر بو قصه شاه عز الدین قاتنده بویله حکایت قلدیلر و بو نسخه‌ئی انده یازوب ملك دانشمند قصه‌سن یادکار ایلدیلر — [3]), и еще: «Они (повѣствователи) составили эту книгу, излагали передъ султаномъ Побѣдителемъ сказаніе о Меликѣ Данышмендѣ» — بو کتاب جمع ایدوب ملك دانشمند قصه‌سن سلطان غالب قتنده حکایت قلدیلر — [4]). А про Иззъ-Эддина кратко говорится въ одномъ мѣстѣ, что «онъ былъ князь Рума изъ рода Сельджуковъ» — ملك عز الدین رومك بکیدی نسل سلجوقیلردن ایدی — [5]). Но такъ какъ сельджукскихъ владѣтельныхъ князей этого имени было нѣсколько, то, пожалуй, будетъ вѣрнѣе, если мы примемъ этого Иззъ-Эддина за Иззъ-Эддина Кей-Коуса II, про котораго была слава, что «его дворъ украшался господами доблестей и мужами наукъ», и что «въ дни его царствованія декламаторы газелей и люди жизнерадостные были желанными и прошенными» [6]). Такъ какъ время вторичнаго царствованія этого султана относится къ 1261 году, то придется принять, что въ половинѣ XIII вѣка Сказаніе воспроизведено было въ своей окончательной, такъ сказать, редакціи, первона-

---

1) Dorn, Catalogue des mss. № DLXXVIII, p. 525.

2) Ibid., p. 524.

3) Рукоп., л. 103 r.

4) Рукоп., л. 161 v.

5) Рукоп., л. 131 r., 175 r.

6) Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bībī. Texte turc publié par M. Th. Houtsma. Leide, 1902, p. 109.

чально же сложилось и того раньше, судя по содержанію памятника. Въ немъ изображается борьба турковъ-сельджуковъ съ кяфирами—греками и крестоносцами—въ тѣхъ предѣлахъ Малой Азіи, гдѣ о Стамбулѣ и Св. Софіи ходили лишь отдаленные, легендарные слухи; когда еще далеко было до окончательнаго возобладанія мусульманско-сельджукскаго напора надъ греческо-христіанскимъ господствомъ въ Малой Азіи, и когда, слѣдовательно, объ османскомъ владычествѣ не могло быть даже слабаго предвидѣнія, а не то чтобы яснаго намека или опредѣленнаго указанія. И, въ самомъ дѣлѣ, «Сказаніе о Меликѣ Данышмендѣ» собственно оканчивается побѣдою невѣрныхъ румовъ — грековъ въ союзѣ съ армянами и грузинами — надъ суннитами сельджуками и отобраніемъ всѣхъ городовъ и крѣпостей, захваченныхъ-было послѣдними. Умирающій отъ ранъ Меликъ Данышмендъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи нророчитъ о томъ, что «кяфиры снова овладѣютъ завоеванною имъ страною; но что потомъ всетаки мусульмане опять возьмутъ ее, и она станетъ мусульманскою» — کیرو بو ولایتی کافر طوتا بو الی کینه اولا مسلمانلق قامو ایل بو . . . مسلمانلر الا —[1]). Остальной краткій сказъ о судьбѣ жены Мелика Данышменда и сына его Мелика Гази съ перечнемъ его преемниковъ до вторичнаго воцаренія Рукнъ-Эддина включительно, оканчивающійся словами: اوشبو ملك تالشمن قصّهسی تمام اولدی بعون الله تعالی و حسن توفیقه حق تعالی روح روانلرن شاد ایلسون رحمة الله علیهم اجمعین[2]), есть только придатокъ, который могъ принадлежать перу человѣка, жившаго позже возникновенія основного текста Сказанія и присовокупившаго отъ себя добавленіе, не отдѣливъ его точнѣе отъ прежняго, какъ это водилось въ обычаѣ всѣхъ старинныхъ грамотѣевъ, въ томъ числѣ и турецкихъ, дополнять прежнія сочиненія собственными прибавками, къ роду которыхъ относится, безъ сомнѣнія, и стихотворный финалъ, прибавленный справщикомъ XVII столѣтія къ этому памятнику XII и самое позднее XIII вѣка[3]). Сказаніе могло быть вначалѣ произведеніемъ одного лица,

1) Рукоп., л. 257 r.

2) Рукоп., лл. 159 v. — 162 r.

3) Что это Сказаніе относится къ очень давнему времени, можетъ быть къ болѣе раннему, чѣмъ такъ называемые Сельджукскіе стихи въ «Ребабъ-намэ» и даже чѣмъ «Гарибъ-намэ» Аашикъ-паши, это съ несомнѣнностью явствуетъ изъ наличности всѣхъ тѣхъ архаическихъ признаковъ, которыми отличаются вышеназванныя произведенія турецкой древней письменности, да кромѣ того еще изъ нахожденія въ немъ такихъ словъ и грамматическихъ формъ, какихъ не находится въ тѣхъ произведеніяхъ. Можно съ увѣренностью сказать, что и правописаніе того списка, который попался въ руки позднѣйшему справщику, носило всѣ особенности старописи, судя по тѣмъ ея остаткамъ, которые уцѣлѣли отъ уничтоженія губительной рукою справщика. Есть также основаніе полагать, что въ этихъ особенностяхъ начертанія до извѣстной степени отражались фонетическія и иныя діалектическія свойства турецкой рѣчи, которою сложено самое Сказаніе.

Къ числу такихъ начертательныхъ характерныхъ особенностей нашей рукописи

досужаго сказителя, на что раза два глухо намекается и въ рукописи, въ

прежде всего надо отнести или плеонастическое употребленіе буквъ ا, و и ی тамъ, гдѣ эти буквы нынѣ совершенно не пишутся, или, наоборотъ, пропускъ этихъ буквъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ теперь онѣ считаются необходимыми, и притомъ не только въ словахъ чисто турецкихъ, но также и въ словахъ арабскаго корня. Таковы, для примѣра, начертанія словъ: اچه = اچا (л. 228 r.), اوزاتمیه‌لم = اوزت مایالوم (65 r.), ایشدلم = اوشتلوم (49 r.), اولو = الو (157 r.), اکسزدن = اکسوزدن (186 v.), ایلینده = ایلاینده (238 r., 250 v.), ایلینه = ایلاینه (232 r. и 236 r.), اياق = ایق (242 r.), اخشامدر = اخشمدر (142 r.), ایلیمدن = ایلیومدن (158 r.), ایکی = ایکه (146 r. и 256 v.), بنی = بانی (258 v.), باشه = بشا (197 v.), بیلورسز = بالورسوز (257 v., 258 r.), چوغی = چغی (242 r.), چیقه‌یم الـه‌یم = چقایوم الایوم (246 r.), دپه‌دن = دپادن (71 r.), دعا اوقودی = دعاقدی (67 v.), طوره کل = دوری کل (224 r.), دکیبینک = دکلایانوک (65 r.), دیر ایسه‌کز = دیر یساکوز (206 v.), طوقته‌لم = دوکدالوم (226 v.), سزک اوستکزه = سزوک اوستوکوزه (50 r.), سانوکیچون = سنک ایچون (175 v.), قاچغه = قیچغا (125 r.), قیله = قلا (261 r.), کتروب کلک = کاتروب کالك (116 r.), کله‌جکز = کالیجاکز (262 v.), کلدککزی = کلدکوکوزی (155 v.), که = کی (212 r., 237 r., 249 r.), کیجه‌نک = کیجانک (229 v.), لاشه‌دن = لشدن (242 r.), نجه = نشا (173 r.), ننه = نتا (189 r., 219 r., 239 r., 253 r.), نه‌یی = نایی (232 r.), بیجکلر = بیاجکلر (223 v.), یوق = یق (204 v.), یکرمی = یکرم (121 r.) и т. п.

Изъ фонетическихъ архаизмовъ, насколько можно усматривать таковые въ начертаніяхъ словъ, можно отмѣтить слѣдующіе:

а) частую постановку буквы ذ вмѣсто د, напр.: امیدی = امیذی (л. 153 v.), پیذا = پیدا (156 r.), خدانک = خذانوک (50 v.), دکانلری = ذکانلری (157 v.), شادلقلر = شاذلقلر (159 r.), فریاد = فریاذ (246 r.), ناامید = نومیذ (251 r.);

б) замѣну буквы د буквою ط или ت и отпаданіе د, напр.: دیزی = تیزی (258 r.), دانشمند = تلشمان (67 v., 113 v., 168 r., 177 v., 190 v., 233 r., 234 v., 242 v., 249 r., 252 r., 261 r., и др.), دردلره = درتلره (232 r.), دانه = طنه (210 r.), قرداش = قرطاش (51 v., 57 v., 125 v., 130 v.), یولداش = یولطاش (70 v., 73 v.);

в) замѣну буквы ژ буквою ش, напр.: مژده‌لق = مشتلق (223 r.);

г) замѣну буквы ق буквою خ, напр.: اقتردی = اختردی (185 r.), خوشلوغله = قوشلغله (119 r.), وقت = وخت (209 v.), یلقیلرمزی = یلخولرمزی (180 v.);

д) перестановку однихъ буквъ на мѣсто другихъ, напр.: پنیر = پیینر (236 r.), دتساق = دستاق (214 v., 217 v., 218 v.).

Немногія начертанія, какъ سکسًا (178 r.) и قوشولوبًا (206 r.), съ арабскимъ фатхатэнвиномъ въ чисто турецкихъ словахъ, суть наиболѣе характерные показатели старинности памятника, которые сплошмя, систематически являются въ наиболѣе древнемъ спискѣ غریب نامه — «Гарибъ-намэ» — Аашикъ-паши, принадлежащемъ библіотекѣ Будапештской Академіи, № Fol. 46, но здѣсь, въ Сказаніи подверглись совершенному истребленію со стороны новѣйшаго справщика, усмотрѣвшаго въ нихъ вящшую оѳографическую несообразность и потому постаравшагося какъ можно тщательнѣе уничтожить ихъ, за исключеніемъ вышеприведенныхъ двухъ случаевъ.

Грамматическіе архаизмы текста Сказанія представляютъ слѣдующія изображенія:

а) форма будущаго времени на سر: اولسرلر (159 r.), قوریلسرز (175 v.), قلمایسردر (238 v.), قوسیر (180 r.), کلسارز (161 r.) и др.;

б) повелительное-усиленное на غل и کل: اتلنغل (127 v.), اقوغل اورکل وارغل یتورغل (150 v.), چقغل (224 r.), دیماکل (262 v.), کلکل (224 r.), کتورکل (115 v.) и др.;

в) спрягаемыя формы отъ тэмы на ب, сокращ. изъ وب, какъ-то: ویربیم (175 v.),

началѣ девятой и шестнадцатой бесѣдъ, въ такомъ родѣ: راوى روايت ايدر

ويربدى (238 r.), ويربيديلر (177 r.), ويربيمش (176 r.), ويربيام (239 v.), ويربياسن (177 r., 220 r.), ويربيالوم (195 v.), ويربكل (196 r.);

г) дѣепричастная форма на بن : اروبن (150 v.), استدوبن (130 v.), اولابن (219 v.), ايدندوبن (237 v.), ايلايوبن (226 v.), بغلايوبن (237 v.), كروبن (226 r.) и др.;

д) дѣепричастная форма на جه съ разными мѣстоименными притяжательными суффиксами: دلادوككنجه, دورغنجه (188 v., 244 r.), يوروسنجه (220 r.);

е) обиліе производныхъ глаголовъ отъ именъ съ помощью суффикса ل : اسنلدى (228 r.), اسيرلدى (72 v.), اوكودلشورلر (247 v.), تيزلنوردى (186 v.), جاقلدقلنمش (240 r.), خرابلدى (119 r.), قتولديلر (72 v.), كفنلادى (258 r.), يراقلندلر (171 v.), ينقولندى (216 r.) и др.

ж) обращеніе глагольной формы прошедшаго категорическаго въ отглагольныя существительныя: تنكلدوسندن (125 v.), دپلدوسى (166 v., 243 r.), شاقلدوسى (243 r.), فشلدوسندن (125 v.), كوتلدو (216 r.) и др.;

з) прилагательная форма на لق : اغيرلق (250 v.), چوقلق (129 v.), مسلمانلق (215 r., 242 r.) и др ;

и) учащенное употребленіе сравнительной степени прилагательныхъ съ окончаніемъ رق и رك, иногда еще принимающимъ притяжательный мѣстоименный аффиксъ послѣ себя: تيزرك (240 r.), يقينرق (253 v.), يكرك (59 v., 130 v.), يكركى (235 v.) и др.;

і) учащенное нахожденіе усиленной формы прилагательныхъ, образуемой повтореніемъ гласной начальнаго слога въ соединеніи съ согласными پ, ق и др.: اپ اكسوزدن (186 v.), دپدوز (65 r., 250 v.), قبقزل (186 v.), ياپ يالكوز (186 r.) и др.;

к) примѣненіе предыдущаго образованія къ именамъ существительнымъ и мѣстоименіямъ: يات يراغيله (247 v.), قم قمو (198 v.);

л) обильное нахожденіе нарѣчій въ такихъ образованіяхъ, которыя позже или вовсе стали неупотребительны или рѣдко употребляются, какъ-то: 1) съ окончаніемъ لق : چوقلق (129 v., 162 r., 169 r., 238 r.); 2) съ уменьшительнымъ окончаніемъ جق и جك : ازجق (234 v.), تيزجك (168 r., 254 r.); 3) съ окончаніемъ старой формы сравнительной степени именъ прилагательныхъ رق : اشغارق (143 v.), يقينرق (253 v.); 4) въ усиленной, наподобіе прилагательныхъ, формѣ: اپ اكسوزدن (186 v.), دوسدوغرى (211 v.); 6) съ окончаніемъ جلين : انجلين (147 r.), سزجلين (54 v.), سنجلين (142 v.), كرجلين (59 r.); 6) съ окончаніемъ دن : اكسوزدن (186 v.), اوكدين (186 v.), بر كزدن (128 v.), قفاسندن (253 v.) и др.; 7) съ окончаніемъ ين : نه وقتين (240 r.);

м) союзы въ родѣ такихъ какъ: باشدكم (219 r.), بوليكه (218 v.), بوليكى (212 r.), دى (199 r., 200 r.), ديك (241 r. и v., 252 v.).

Къ числу архаизмовъ нельзя не отнести также своеобразное, въ нѣкоторомъ смыслѣ противограмматическое, распоряженіе арабскими словами и таковое же сочетаніе арабскихъ словъ съ турецкими, въ родѣ слѣдующихъ: دفعى вм. دفعة (150 v.), سماع въ значеніи سعى (190 v.), طرفلينه = طرفينه (146 r., 185 r.), عظمت چرى (182 v., 214 v.), عظيم قاقدى (185 r.), كاين ايلدى (200 v.), منجلق = منجنيق (215 v.), نادره كشيلر (240 v.), نفاطلر = نفادلر (215 r.) и др.

Наконецъ въ лексическомъ отношеніи текстъ Сказанія изобилуетъ большимъ количествомъ словъ архаическаго употребленія и значенія. Здѣсь не только налицо всѣ такіе общеизвѣстные архаизмы, какъ: اتا, ار, بهادر, تكرى, چلب, كشى и т. п., но еще находятся слова и реченія, которыя или давно совершенно забыты, или же стали употребляться въ иномъ значеніи, какъ напримѣръ: اجدم = «я покорилъ» (235 r.), اختردى = «опрокинулъ» (185 r.), ارندولنمش = «доведенный до пролитія горькихъ слезъ» (186 r.), بتى = «письмо» (206 v., 228 r.), بخش = «часть (ночи, войска)» (229 v.), ترخان = «привиллегированный» (203 r.), جوشن = «кираса» (138 r.), دبلون = «тимпанъ» (143 r.), دخما = «мавзолей» (258 r.), درلدلر = «собрались» (215 r.), ديزار (حق تعالى ديزاريله) = «милость» (229 r., 236 r.),

استاد حکایت ایدر ایدر [1]), = «Разсказчикъ разсказываетъ; учитель (т. е. по-нашему авторъ) чинитъ повѣствованіе, говоритъ». Потомъ оно онародилось и утратило имя творца своего, вмѣсто котораго появились безличные и безъимянные повѣствователи подъ общимъ обозначеніемъ راویان اخبار و محدثان روزکار, [2]) = «Разсказчики исторій и современные традиціонисты»; или: ملك دانشمند قصه‌سن شرح ایدنلر شویله روایت ایلدلر [3]) = «Истолкователи сказанія о Меликѣ Даньшмендѣ такъ повѣствуютъ». Если же при этомъ упоминаются имена, то такихъ людей, которые являются лишь эпизодическими, вторичными передатчиками прежде сложенныхъ и слышанныхъ ими разсказовъ, въ родѣ слѣдующаго: ابن علا ایتدی شویله اشتدم بزدن اوکدین راویلردن کیم روایت قلدیلر [4]) = «Ибнъ-Аля сказалъ: я такъ слышалъ отъ предшествовавшихъ намъ повѣствователей, которые разсказывали». Но существенныя свойства Сказанія отъ этого нисколько не измѣнились.

Такъ вотъ въ этомъ-то чисто турецкомъ памятникѣ, на подробномъ описаніи котораго я нарочито остановился, такъ какъ онъ относится къ той эпохѣ, когда слово *челеби* — چلبی — долженствовало бы возникнуть, по мнѣнію тѣхъ, кто хотятъ видѣть въ немъ производное отъ арабскаго *салыбъ* — صلیب —, чрезъ посредство персидскаго слова *челипа* — چلیپا —, мы видимъ цѣлую массу литературныхъ фактовъ, доказывающихъ полнѣйшую невозможность такого сближенія словъ, которыя выражаютъ далеко несродныя въ своемъ корнѣ и употребленіи понятія. Стѣсняясь соблюденіемъ возможной равномѣрности отдѣльныхъ частей своего изслѣдованія, я ограничусь здѣсь приведеніемъ лишь такихъ мѣстъ изъ текста «Сказанія о Меликѣ Даньшмендѣ», въ которыхъ наименѣе двусмысленно и наиболѣе рельефно и краснорѣчиво отразилось самое враждебное, самое пренебрежительное отношеніе мусульманъ-турковъ къ христіанскому крестному знаменію и ко всему, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ нему, какъ въ конкретномъ, вещественномъ, такъ и въ абстрактномъ, идейномъ смыслѣ.

سماع = «стараніе» (190 v.), شار = «городъ» (157 r.), صدیلر = «разбили» (418 v., 238 v., 253 v.), صنغن = «разбитый» (246 r., 254 r.), ضوتازه قلدی = «совершилъ омовеніе» (155 r., 171 v., 205 v.), طلا = «конь» (116 v., 207 r.), طمار = «месть» (145 v., 207 r., 256 r.), قفاسندن = «стыла» (123 v., 207 v.), کشکنجل = «военная машина» (215 v.), کندوزی = «самъ» (ibid.), نفیر = «музыкальная труба» (215 v.), نتا = «какимъ образомъ» (239 r.), نوك = «страна» (215 v.).

1) Рукоп., л. 237 v.

2) Рукоп., ibid.

3) Рукоп., л. 155 r.

4) Рукоп., л. 139 r.

Христіанскій крестъ, обыкновеннно называемый въ Сказаніи словомъ *салыбъ* — صلیب —, а нерѣдко еще словомъ *хачъ* — خاچ — и изрѣдка словомъ *челипа* — چلیپا —, сплошь понимается только какъ извѣстной формы предметъ, составляющій необходимую принадлежность христіанскаго культа рядомъ съ другими культовыми аттрибутами, съ обозначеніемъ лишь его размѣровъ — اولو خاچ کچی خاچ [1]) = «большой крестъ, малый крестъ» —, или матеріала, изъ котораго онъ сдѣланъ: — اول دیرده نقدر خاچ واردی هپ التوندن کمشدن قرشوندن دموردن [2]) = «Сколько ни было *крестовъ* въ томъ монастырѣ, всѣ (были) изъ золота, серебра, свинца, желѣза»; или же съ обозначеніемъ употребленія его: — اول الو صلیبی کتوردیلر که طام اوستنده یدی [3]) = «Принесли тотъ большой *крестъ*, который былъ на крышѣ»; لعین کشادباد خوش ملوکانه جوشن کیمش و صلیبله کندوی ارایده قلمش میدانه کردی [4]) = «Проклятый Кушадъ-бадъ (воинъ съ христіанской стороны) вступилъ въ поле битвы, будучи одѣтъ въ хорошій царскій панцырь и самъ украшенъ *крестомъ*».

И въ сельджукской лѣтописи Ибнъ-Биби совершенно также конкретно изображается видъ и употребленіе христіанскаго креста; و صلیب و کنیسا یرنه مسجد و منبر قلورلردی [5]) = «На мѣсто *крестовъ* и церквей созидали мечети и мимберы»; или еще: روم انجیل و صلیب حاضر اتدی و آنلاره اندلر اچدی [6]) = «Греки приготовили евангеліе и *крестъ*, и на нихъ онъ (греческій василевсъ) принесъ клятву».

Значеніе креста какъ олицетворенія христіанской вѣры и все отрицательное отношеніе къ нему мусульманъ-турковъ съ особенною яркостію выражено въ слѣдующей передбитвенной перебранкѣ греческаго храбреца Сархаила съ Меликомъ Данышмендомъ: سرخایل ملکه ایتدی کم عجبا مسلمانلر بلمزلر میکم صلیب حقدر بولر صلیبه طپمقدن قچرلر ددی ملك دانشمند ایتدی کیم لعنت صلیبه کلسون صلیبه حق دین کافره صلیبدن نه هنر کلر ددی چون کم سرخایل ایتدی هی سن دلومسن قورقمزمسن صلیبدن بو ساعت سنی قورده هلاك ایلیه ددی ملك دانشمند ایتدی کیم کونده بیك کز صلیبه سوکرم وز بیك صلیب صمش اولم و داخی بیك رهبان اولدرمش اولم [7]) = «Сархаилъ сказалъ Мелику: «Удивительно, неужели мусульмане не знаютъ, что *крестъ* есть Богъ, коли они избѣгаютъ почитанія *креста?*» Меликъ Данышмендъ сказалъ: «Будь проклятъ *крестъ!* Какой толкъ *кресту* отъ Бога, а кяфиру

---

1) Рукоп., л. 114 r.

2) Рукоп., л. 59 v.   3) Л. 60 r.   4) Л. 137 r.

5) Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure, d'après Ibn-Bibi, publ. par Houtsma. Leide, 1902, p. 62.

6) Ibid., p. 68.

7) Сказаніе, рукоп., л. 55 r.

отъ *креста*?!» А когда Сархаилъ сказалъ: «Эй ты, сумасшедшій что ли ты? развѣ не боишься *креста*? Онъ тебя сейчасъ погубитъ, убьетъ!», Меликъ Данышмендъ сказалъ: «Я тысячу разъ въ день ругаю *крестъ;* я сто тысячъ *крестовъ* сокрушу; я тысячу монаховъ убью!».

Но еще рельефнѣе, даже, можно сказать, картиннѣе выразился взглядъ турковъ-сельджуковъ на христіанскій крестъ въ цѣломъ комическомъ эпизодѣ, сопровождавшемъ взятіе Margin Меликомъ Данышмендомъ города Харсанусіи — خرسانوسيه —, что похоже на Херсонесъ, который, говорится однако же въ повѣсти, «теперь называютъ Нигисарой» — خرسانوسيّه شهری کم شمدی اکا نکساره دیرلر — [1]). Меликъ употребилъ тутъ свою обычную хитрость, состоявшую въ слѣдующемъ. Въ Харсанусіи былъ большой точно крѣпость монастырь съ 700 монахами. Настоятель его, столѣтній старикъ чудовищно-безобразнаго вида по имени Саматургосъ — ثماطورغوس — [2]), или, подругому, Самагурисъ — ثماغورس — [3]) и Саматугросъ — ثماطغروس — [4]), что есть, очевидно, искаженное греческое Θαυματουργὸς = «чудотворецъ», сдѣлалъ потайной подземный ходъ изъ своего монастыря въ Стамбулъ въ Св. Софію, которымъ и отправлялся туда на богослуженіе, а монастырь заколдовывалъ разными чарами и талисманами. Меликъ и его сподвижники переодѣли одного изъ своихъ, женщину-амазонку Афрумію, попомъ — کشيش — и отправили въ монастырь къ Саматургу съ письмомъ будто бы отъ трапезундскаго султана Гураса — غوراس —, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что, прослышавъ о нападеніи Мелика Данышменда на Харсанусію, идетъ на выручку съ войскомъ, а впередъ себя шлетъ туда крестъ, оставшійся отъ временъ Христа — بر صليب واردر کم مسيح دورندن قلمشدر — [5]). Этотъ чудотворный крестъ надо было положить въ монастырѣ, и онъ долженъ былъ спасти городъ. Когда монахи спросили Афрумію, какъ такой маленькій монашекъ, какъ она, могъ одинъ придти туда, Афрумія сказала: «Я приношу крестъ Христа, чтобы онъ спасъ такой городъ: развѣ онъ не можетъ сохранить меня-то, который покланяется ему?!» [6]). А крестъ былъ такъ великъ, что его несли двѣсти человѣкъ, и такъ былъ тяжелъ, что его тащилъ верблюдъ[7]). Монахи повѣрили и вышли цѣлою процессіею навстрѣчу мнимому кресту Христову. А Меликъ Данышмендъ отрядилъ двѣсти пеглевановъ и съ ними верблюда, которые и направились къ городу подъ предводительствомъ Афруміи, закричавшей монахамъ: «Отворите ворота!» Монахи отворили ворота и, принявъ отрядъ Мелика за людей трапезундскаго князя, сказали *погречески:* «Добро пожаловать! А гдѣ же тотъ *крестъ?*» —

---

1) Рукоп., л. 238 r. — 2) Ibid. — 3) Л. 240 r. — 4) Л. 241 v. — 5) Л. 239 v.
6) Лл. 239 v. — 240 r. — 7) Л. 240 r.

رهبانلر . . . همان ایتدیلر کم روجه کلو سیرتیر پوتی اسطروس یعنی کم خوش کلدکوز اول خاج قانی دیدلر [1]). Тогда турки внезапно ринулись, произвели рѣзню и опустошеніе и овладѣли городомъ [2]).

Въ другомъ мѣстѣ Сказанія въ уста одного 80-лѣтняго христіанскаго монаха Гаирбиля (Гавріила?), добровольно вызвавшагося идти въ бой съ турками, вложена такая рѣчь, обращенная имъ къ какому-то христіанскому же царю Шатату: ای شاه بن بو جنکه انوکچون کلدم که عمرمدن سکسن یل کچمشدر التمش یلدر کم دیرده صلیبه لات مناته و ندوستیه خذمت ایدوب قوللق ایدرم . . . بوکون دلرم که میدانه کرم صلیب یولنه چالشم یا بر ایش بتورم که صلیب بندن خشنود اولا و یا بو در کم چلیپا و ناقوس اچون کندوزمی قربان ایلیم ددی پس کایربل رهبان میدانه کردی شویله کم اتنی طوننی تمامت خاچلر ایله بزەمشلر ایدی [3]) . . . ایتدی ای خاچلر بنی صقلك برای صلیب بکه همت عنایت ایلك دمکه بشلدی [4]) = «О, царь, я пришелъ на эту битву потому, что мнѣ минуло 80 лѣтъ жизни, и 60 лѣтъ я въ монастырѣ правлю службу *кресту*, Лату, Манату и Надустіи [5]). Сегодня же я хочу вступить въ поле сраженія и постараюсь ради *креста*. Или я совершу такое дѣло, что *крестъ* будетъ доволенъ мною, или же пожертвую собою ради *креста* и церковнаго колокола!». Затѣмъ Гаирбиль монахъ вступилъ въ поле сраженія такъ, что конь его и одѣяніе — все было разукрашено *крестами*... Онъ началъ говорить: «*Кресты*, сохраните меня! Окажите мнѣ ради *креста* помощь и благоволеніе!»

Здѣсь мы видимъ, что всѣ три термина — *салыбъ*, *челипа* и *хачъ* употребляются какъ синонимы, съ тѣмъ однако же отличіемъ для перваго изъ нихъ, что онъ понимается въ болѣе широкомъ смыслѣ, обобщающемъ всѣ свойства креста — и какъ внѣшняго предмета христіанскаго культа, и какъ символа христіанской вѣры. Это было естественно для турковъ-сельджуковъ, имѣвшихъ дѣло съ крестоносцами, выставлявшими вездѣ на-

---

1) Рукоп., л. 240 v. Не вполнѣ точная здѣсь турецкая транскрипція можетъ заключать въ себѣ такую греческую просторѣчную фразу: «Καλῶς ἤρτην! Ποῦ τον ὁ Σταυρός?»

2) Л. 240 v. — 241 r.

3) Л. 118 v.

4) Л. 119 r.

5) *Латъ* и *Манатъ* суть имена языческихъ арабскихъ домусульманскихъ идоловъ. Слово *Надусти* совсѣмъ неизвѣстно. Г. Пападопуло-Керамевсъ полагаетъ, что въ этихъ трехъ словахъ всовокупности можно видѣть переиначеніе, по нѣкоторому созвучію, греческихъ словъ κανδηλανάπτης = «свѣчевжигатель» и ἀναγνώστης = «чтецъ», какъ называются у грековъ нисшіе церковнослужители, превращенные здѣсь, при удобномъ случаѣ, турками тоже въ какихъ-то идоловъ.

показъ крестный знакъ во время своихъ походовъ. Въ Сказанiи неоднократно говорится: توز اچندن علملر و صنجاقلر صليب پيكرلر چقدى [1]) = «Изъ пыли показались значки и знамена *крестообразныя*». Это не мѣшало имъ при случаѣ поименовывать рядомъ съ крестомъ и другія, извѣстныя имъ понаслышкѣ разумѣется, частности христіанскаго религіознаго культа и быта до копыта осла Іисусова включительно. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ Сказанія читаемъ: ناطيس وسليوس اند اچدلر كم بَرْ زنار رهبان ناقوس صليب سنب خر عيسى كم جازولر قومندن بر كشى قومياوز الا قاموسنى هلاك قلاوز ددى بونى ددیلر [2]) = «Натысъ, Василевсъ поклялись монашескимъ поясомъ, колоколомъ, *крестомъ*, копытомъ осла Іисусова, что они не оставятъ ни одного человѣка изъ народа нечестивцевъ (т. е. изъ мусульманъ), а всѣхъ ихъ перебьютъ». Изъ церковныхъ облаченій постоянно фигурируютъ священническая риза *фелонь* и поясъ. Такъ про христіанскихъ ренегатовъ, принявшихъ исламъ, а потомъ опять вернувшихся въ христіанство, говорится: سيسيه قومى منافقلق قلديلر . . . انلر كم رهبانلر ايدى كم ملك تالشمن النده مسلمان اولمشلر ايدى كرو دوندلر پيلون كيدلر زنار قشندلر انلر كم كافرلر ايدى اسلام ترك اتدلر كنه زنار قشانديلر [3]) = «Жители города Сисіи учинили гипокритство: тѣ, которые были монахи и въ рукахъ Мелика Данышменда стали мусульманами, опять вернулись — одѣли *фелонь*, подпоясались веревкою; тѣ, которые были кяфиры, оставили исламъ и опять подпоясались веревкою». Мало того: самъ Меликъ въ цѣляхъ военной хитрости постоянно надѣвалъ поверхъ своихъ доспѣховъ священническую фелонь: ملكوك عادتى بويدى سلاح اوستنه بر پيلون حمايل قلوردى چونكه ديره يقين كلدى اول پيلونى اوستنه الدى [4]) = «У Мелика былъ такой обычай, что онъ употреблялъ какъ амулетъ фелонь поверхъ вооруженія, и такъ какъ онъ приближался къ монастырю, то и надѣлъ на себя фелонь». Хорошъ былъ, надо полагать, видъ турецкаго рыцаря, одѣтаго въ священническую ризу!

---

1) Рукоп., лл. 140 r., 148 v.

2) Л. 181 r. Выраженіе سنب خر عيسى, надо полагать, есть также каламбуръ на «*Sancta eucharistia*», представляющій собою искаженіе въ томъ родѣ какъ нынѣ французское, также почти бранное, выраженіе «Sapristi», заключающее въ себѣ искаженіе прежней благочестивой божбы, заключавшейся въ словахъ *Sanguine Christi*. Въ этомъ убѣждаетъ еще сочетаніе словъ سنب خر عيسى съ совершенно уже непонятными другими словами ميخائل دخى اند اچديكم تيتيه ميتيه سنب خر عسايه تيتيه ميتيه въ такой фразѣ: (Рукоп., л. 181 r.), которыя есть не что иное какъ насмѣшливая звукоподражательная имитація греческой рѣчи, въ которой часто слышатся подобные этимъ звуки.

3) Рукоп., л. 179 r. & v.

4) Рукоп., л. 64 r.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ характерно здѣсь то, что мусульманинъ какъ-будто вѣрилъ въ таинственную силу христіанской ризы, что не мѣшало однако же туркамъ-мусульманамъ всячески поносить крестъ, какъ главнѣйшій аттрибутъ христіанскаго культа. Въ этомъ не отставали отъ нихъ и христіанскіе ренегаты: таковъ былъ одинъ по имени Саркисъ, или Сергіосъ, про котораго говорится: كیظم لعین قتی پهلوان ایدی اتنی كندوی خاچله ارایك قلمش بزەمش در حال اتنی میدانه سردی ... چون سركیس كوردی بلدی ایتدیكم های صلیبدن نچون یوز چوردك واردك جازولر دیننه كردك ددی سركیس صلیبه نفرین قلدی سوكدی دخی خمله قلدی سكویله قصد قلدیكم سركیس صنجایدی[1]) = «Проклятый Гизамъ былъ чрезвычайный герой. Онъ убралъ и изукрасилъ *крестами* коня своего и себя и тотчасъ погналъ своего коня въ поле битвы... Когда онъ увидѣлъ Сергіоса, то узналъ (его) и сказалъ: «Эй, зачѣмъ ты отвратилъ лицо отъ *креста*, пошелъ и вступилъ въ вѣру волшебниковъ?» Сергіосъ искастилъ и изругалъ *крестъ*. Тотъ сдѣлалъ атаку съ копьемъ, намѣревался пронзить Сергіоса».

Относясь столь враждебно и непочтительно къ крестному знаменію, турки-мусульмане въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» называютъ противниковъ своихъ, христіанъ, самыми разнообразными именами, и обыкновенно съ придачею ругательнаго эпитета «проклятый», не ограничиваясь исключительно при этомъ какимъ-либо намекомъ на крестъ — *салыбъ* — صلیب, какъ примѣнительно къ многолюдной совокупности христіанскаго войска или народа, такъ и къ отдѣльнымъ личностямъ изъ христіанъ.

Очень рѣдко христіане обозначаются сложнымъ словомъ اهل كفر[2]) или كافر ملتی[3]); обычно они всюду просто называются كافرلر = «невѣрные»: كافرلر اغرلق چریدی[4]); чаще же въ сочетаніи съ именемъ народности ихъ: رومی كافرلر[5]) = «греки невѣрные» или روم كافرلری[6]) = «греческіе невѣрные»; а то и просто дѣло ограничивается однимъ обозначеніемъ національности въ сочетаніи съ собственнымъ именемъ: رومیلر[7]) = «греки», دمتری رومی[8]) = «Дмитрій грекъ», عطوس فرنك[9]) = «франкъ Атосъ», بدروس فرنك[10]) = «франкъ Бедросъ», كمی رومی كمی فرنك[11]) = «кто грекъ, кто франкъ». Встрѣчается еще названіе مسیحی[12]) = «мессіянецъ» и даже такое описательное обозначеніе عیسی طبنلر[13]) = «поклонники Іисуса», и مسیح اومتی[14]) = «народъ Христовъ». Наконецъ попадается нѣсколько разъ и названіе اهل صلیب[15]) = «мужи креста», но именно лишь попадается, т. е.

---

1) Рукоп., л. 207 v. — 2) Л. 132 r. — 3) Л. 132 v. — 4) Л. 250 v. — 5) Л. 139 v. — 6) Лл. 187 r., 259 r. — 7) Лл. 156 r., 168 r. — 8) Л. 189 r. — 9) Лл. 141 v., 143 r. — 10) Л. 142 r. — 11) Л. 168 r. — 12) Л. 205 r. — 13) Л. 117 r. — 14) Лл. 84 r., 136 v. — 15) Лл. 50 v., 247 v.

какъ исключеніе, а не какъ заурядный терминъ наподобіе كافرلر или روميلر; простой же арабской формы صليبى = «крестовый, относящійся къ кресту» и, въ позднѣйшее время, «крестоносецъ» ни одного раза не наблюдается въ цѣломъ Сказаніи ни въ какомъ смыслѣ — ни въ смыслѣ христіанина вообще, ни крестоносца вчастности, ни, тѣмъ паче, въ синекдохическомъ значеніи человѣка книжно образованнаго, человѣка письменнаго, хотя и представлялись къ этому поводы, когда, напримѣръ, турки писали коварныя письма своимъ противникамъ грекамъ [1]). Ученые люди называются именами دانشمند, عالم. Про нѣкоего Халиля, напримѣръ, говорится, что بو خليل غايت دينلار صادق كشيدى كى دانشمندادى خوب عالم كشيدى [2]) = «Сей Халиль былъ весьма религіозный и праведный; былъ человѣкъ ученый и прекрасно образованный». А по поводу взятія въ плѣнъ греками четырехъ сотъ мусульманъ относительно этихъ послѣднихъ читаемъ въ Сказаніи такое нарочитое замѣчаніе: بر نچه‌سى حافظ كلام الله ادى و بر نچه‌سى دانشمندلر ايدى و بر نچه‌سى عالملر ايدى [3]) = «Нѣкоторые изъ нихъ были чтецы Слова Божія; нѣкоторые были эрудиты; нѣкоторые были ученые».

Что же касается слова چلب = «Богъ», съ которымъ сближаютъ слово چلبى, какъ производное отъ него, то оно также употребительно въ Сказаніи для обозначенія Бога, но, замѣчательно, только лишь въ стихотворныхъ лирическихъ эпизодахъ Сказанія, а не въ прозаической повѣствовательной части его. Вотъ почти всѣ тѣ мѣста, гдѣ это слово находится: چلب آدين اكوب اشلنه اشلر [4]) = «Памятуя имя Божіе, пусть дѣла дѣлаются»; اجمعا التة چلب قاموموزى [5]) = «Да возведетъ всѣхъ насъ Богъ въ рай!»; حق چلب دايم سزى دلشاد ايلە [6]) = «Да радуетъ васъ всегда Господь Богъ!»; دى ذكر ايت اول چلبى لا اله الا الله [7]) = «Говори, славословь того Бога: нѣтъ Бога кромѣ Бога!»; چلب سور انى راضى اولور دينلردن [8]) = «Богъ любитъ это; Онъ доволенъ говорящими то»; كور نه قدرت كوسترر قادر چلب [9]) = «Гляди, какую проявляетъ силу всемогущій Богъ!». Въ такомъ же точно родѣ есть еще нѣсколько выраженій [10]); но всюду слову *чалабъ* — چلب — дается мѣсто какъ высокопарному книжному термину, а не какъ обыденному, употребительному въ жизни, ходячему въ народѣ имени Божію: въ этомъ послѣднемъ назначеніи мы находимъ другое старотурецкое же слово *тэнры* — تكرى. Вотъ нѣсколько примѣровъ для этого: سزوك اوستوكوزه تكرى سلامى [11]) = «Благословеніе Божіе на васъ!»; انلە قوندلر اندن تكرى تعالى حضرتنك ذكرينه

---

1) Рукоп., 175 v. — 2) Л. 178 v. — 3) Л. 164 v. — 4) Л. 50 v. — 5) Л. 139 v. — 6) Л. 153 v. — 7) Л. 165 r. — 8) Л. 165 v. — 9) Л. 232 r. — 10) Лл. 202 r., — 213 r. & v. — 11) Л. 50 r.

مشغول اولديلر [1]) = «Расположились тамъ и затѣмъ занялись славословіемъ Всевышняго Господа Бога»; تكرى امريله اول سيل ساكن اولدى [2]) = «Велѣніемъ Божіимъ тотъ потокъ успокоился»; سنيلر ايتدلر تكرى مدد قلا [3]) ديدلر [4]) = «Сунниты сказали: «Помоги Боже!», и др. И очень рѣдко попадается наименованіе Бога персидскимъ словомъ *худа* или *хуза* — خذا [5]).

Такимъ образомъ изъ всего вышеизложеннаго съ несомнѣнностью явствуетъ, что въ ближайшую ко временамъ Крестовыхъ походовъ эпоху въ языкѣ турковъ-сельджуковъ не существовало слова *челеби* — چلبى — ни въ какомъ значеніи; слово же *салыбъ* — صليب — «крестъ» было въ большомъ ходу, но только съ такимъ неуважительнымъ къ подразумѣваемому подъ нимъ предмету отношеніемъ, что отпадаетъ всякая возможность предполагать какую-либо генеалогическую связь съ нимъ слова *челеби*, всегда имѣвшаго болѣе или менѣе высокое, благородное въ глазахъ турковъ значеніе.

То, что наблюдается въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» по занимающему насъ предмету, въ такой же мѣрѣ и степени усматривается и въ другомъ, также несомнѣнно старинномъ, памятникѣ турецкой письменности, а именно въ غريب نامه — *Гарибъ-намэ* — Аашикъ-паши, гдѣ безпрестанно упоминается имя Божіе въ видѣ *чалабъ* — چلاب, то водиночку, то въ сочетаніи съ словомъ حق = «Господь, Истина», и гдѣ однако же не находится рѣшительно ничего такого, что могло бы навести на мысль о какомъ-либо, непосредственномъ или даже косвенномъ, отношеніи этого слова къ арабскому *салыбъ* — صليب. Въ этомъ нетрудно убѣдиться хотя бы по слѣдующимъ отрывкамъ, взятымъ изъ вышеназваннаго знаменитаго дервишскаго, какъ я его называю, *Стоглава*, написаннаго въ 730 = 1330 году и проштудированнаго мною по тремъ рукописямъ коллекціи Силяджи въ Будапештѣ, изъ коихъ наиболѣе древняя по всѣмъ признакамъ рукопись № F. 46 [6]). Такъ, въ одномъ мѣстѣ читаемъ:

---

1) Рукоп., л. 165 r. — 2) Л. 234 v. — 3) Л. 239 r. — 4) Лл. 113 r., 156 r., — 178 v., 234 r. — 5) Лл. 50 v., 213 r.

6) Рукопись № F. 46, содержащая въ себѣ ديوان عاشق پاشا, въ рукописномъ каталогѣ библіотеки Будапештской Академіи наукъ носитъ ошибочное названіе تاريخ عاشق پاشا. Она заключаетъ въ себѣ 326 листовъ формата 30 X 21 сантм.; написана на толстой бомбицинѣ въ два столбца крупнымъ почеркомъ среднимъ между нэсхи и та'ликомъ, съ херекстами, прекращающимися на листѣ 294. Конца у нея нѣтъ, а потому нѣтъ и даты; но по внѣшности она должна быть XV в., если не конца XIV в. Правописаніе архаичное. Диванъ Аашика въ ней не полнаго состава, какъ и въ остальныхъ двухъ кодексахъ, равно какъ и въ кодексѣ Британскаго музея (Cat. of Rieu, p. 160: Harl. 5511), и въ кодексѣ Оксфордской Бодлейяна (Рукописн. катал. № (112) 2150). Другіе кодексы Будапешта значатся одинъ подъ № Q. 1, а другой — подъ № F. 34, и всѣ они различнаго состава.

1. دكله امدی مصطفا احوالنی — كيم نيلا اجدی اسلام يولنی
2. یر یوزی طپطلو كافرلر ایدی — ديرلوباً خاچه طاپرلر ادی
3. مصطفا عرض ايلدی حق ورلغين — سيلدی هم كندو بيغامبرلغين

. . . . — . . . .

4. دين قليجن اللرينه الدلر — تنكريا دُيْدُرْ(?) تَوكُلْ قلدلر
5. صلدلر اول قيلج كافرلره — مدعيه دوشمنه منكرلره
6. هر كه كلب اول مسلمان المدی — اول قاجدا بر دم امان بلمدی [1]

т. е.:

1. Теперь услышь обстоятельства Мустафы — Чѣмъ онъ открылъ путь ислама.
2. Лицо земли полно было кяфировъ; Собравшись вкупѣ они покланялись *кресту*.
3. Мустафа предъявилъ бытіе Бога, Провозгласилъ и свое посланничество.

. . . . — . . . .

4. Взяли въ свои руки мечъ вѣры, На Бога, замѣть (?), упованіе возложили,
5. Возверзли тотъ мечъ на кяфировъ — На противниковъ, враговъ, отвергателей.
6. Всякій кто, приходя, не сталъ мусульманиномъ, Не находилъ пощады отъ меча того.

Въ другомъ мѣстѣ дивана находится такая тирада въ опроверженіе «нисшей степени невѣрія» и невѣрныхъ:

1. كورلوم اول ادنانوك ادناسيكم — حقه مشرك كمدور عاصی كم
2. اول بلر دركم بلر ذمی درلر — قور محمد دنين ايرق دِينِدلر
3. بو محمد دينني قلمز قبول — در كه بيزم دينمز اسلام دكول
4. ادی كافر بيننا المش خراج — قبلسی كون طوغشی معبود خاچ
5. تكری ديب بنلر بتی دون كن طپار — دكمه يردَ بتلريچون اويبار [2]

---

1) Рукоп. F. 46, л. 11 v. 12 r. Непонятное начертаніе ديدر я принимаю за возможную описку вмѣсто ديور въ значеніи повелительнаго наклоненія отъ глагола ديورمق или دويرمق = «notum facere, se faire appercevoir» (Meninski, Thesaurus, p. 2197), хотя и эта конъектура не кажется мнѣ вполнѣ удовлетворительной и надежной.

2) Рукоп., л. 136 v.

т. е.:

1. Посмотримъ, кто низкій изъ низкихъ, Кто Богу придаетъ товарища, кто супротивникъ.
2. Это суть тѣ, кого данниками называютъ; Кто гонитъ Мухаммедову вѣру, другой вѣры хочетъ.
3. Сей не пріемлетъ вѣры Мухаммеда; Говоритъ: наша вѣра не есть исламъ.
4. Ему имя кяфиръ; взялъ на шею себѣ онъ хараджъ; Ему служитъ киблою востокъ; а предметъ почитанія *крестъ*.
5. День и ночь покланяются идолу эти, говоря, что онъ Богъ; По всей землѣ строятъ идоламъ домы.

Точно также и христіане въ диванѣ Аашикъ-паши называются, кромѣ приведеннаго выше слова ذمّى, еще именемъ نصرنى: كر مسلمان كر جهود كر نصرنى: [1]); но только не обозначаются словомъ صليبى или какимъ-нибудь другимъ, похожимъ по значенію, или хоть по начертанію на это или на турецкое چلبى.

Все то, что оказывается относительно употребленія и значенія слова چلب и نصرانى въ диванѣ Аашикъ-паши, имѣетъ мѣсто и во множествѣ другихъ сравнительно старинныхъ памятниковъ османской письменности, и вособенности обиліемъ примѣровъ для этого отличается сочиненіе Ибнъ-Хатыба فرحنامه — *Ферахъ-намэ* —, написанное въ 829 = 1426 году [2]), не говоря уже о другихъ, позднѣйшихъ, которые не могутъ приниматься въ разсчетъ съ такимъ же авторитетомъ, какъ старинные.

Слово *салыбъ* — صليب — и производное отъ него *салыби* — صليبى — возникли и получили наибольшее распространеніе, надо полагать, со временъ Крестовыхъ походовъ въ Азію для обозначенія этого враждебнаго и ненавистнаго тогдашнему мусульманскому міру и противнаго мусульманскому чувству историческаго явленія. Созданныя арабами, эти слова и обиходными были попреимуществу у арабовъ же и въ арабской письменности. А потому если они иногда и появляются въ произведеніяхъ турецкой письменности, то въ такихъ, на которыхъ сказалось непосредственное вліяніе арабское. Къ такой категоріи можно, напримѣръ, отнести

1) Ibid., л. 136 v.

2) Рукопись Академіи Наукъ въ Будапештѣ № O. 24, большой кодексъ въ 253 листа формата 21 X 15 снтм., имѣющій дату 728 = 1522 г. Слово چلب встрѣчается въ ней на лл. 11 v., 89 r., 97 v., 138 r., 188 v., 229 r. и др.; слово نصرانى на лл. 128 r. и 209[a] v.

рукопись Парижской Національной библіотеки № A. F. T. 56 подъ заглавіемъ فتوح شام = «Покореніе Сиріи», переводъ съ арабскаго сочиненія автора Вакыди, сдѣланный шейхомъ Мустафа-Ибнъ-Юсуфъ-бенъ-Омаръ-Аззагиромъ Аль-Эрзенурруми въ 785=1383 году для Мелика Джелбана, наиба алеппскаго, какъ это видно изъ предисловія и изъ конечной памятки перваго тома. Авторъ не очень честитъ невѣрныхъ-товарищниковъ [1]); а за нимъ и переводчикъ, перечисляя разныя страны и поименовывая ихъ жителей, тоже выражается въ духѣ арабскаго подлинника, — что всѣ эти народы, кромѣ правовѣрныхъ мусульманъ, «покланяются *кресту*» — دكلى صليبه طپرلر — [2]); затѣмъ про одного іерусалимскаго священника говоритъ, что онъ былъ очень ученый человѣкъ и «былъ въ почитаніи у всего народа *креста*» — صليب ملتنوك معتبردر — [3]); но тутъ же рядомъ, оставаясь туркомъ, пять разъ подрядъ называетъ христіанъ *насрани* — نصرانى — [4]) и говоритъ, что «кяфиры служатъ *кресту*» — كافرلر . . . خاجه طپر — [5]), замѣняя тутъ арабское слово صليب еще, пожалуй, болѣе употребительнымъ и обиходнымъ у турковъ персидскимъ словомъ خاج.

Какъ на путь, которымъ арабское *салыби* — صليبى — перешло потомъ въ турецкое *челеби* — چلبى —, указываютъ вотъ на что. «Если мы припомнимъ», говоритъ мой почтеннѣйшій коллега проф. баронъ В. Р. Розенъ, «общеизвѣстный (будто бы *В. С.*) фактъ, что несторіанскіе миссіонеры — первые просвѣтители тюркскихъ народовъ; что они, какъ выражается Ахмедъ-Вефикъ, обучали ихъ грамотѣ;... и что миссіонерская ихъ дѣятельность обращалась особенно къ царствовавшимъ или властвовавшимъ тюркскимъ родамъ, то мы безъ затрудненія поймемъ, какимъ образомъ значеніе *челеби* измѣнялось съ теченіемъ вѣковъ. Въ самомъ началѣ имъ вѣроятно обозначались проповѣдники «креста», затѣмъ принявшіе эту проповѣдь. Такъ какъ въ числѣ послѣднихъ первоначально должны были быть особенно представители царствовавшихъ родовъ, то слово *челеби* и могло долго употребляться для обозначенія члена такого рода. Но такъ какъ христіанскіе *челеби* вмѣстѣ съ тѣмъ были и единственными представителями образованности, то слово *челеби* получило также и значеніе образованнаго, грамотнаго человѣка. За симъ это раздвоеніе (? *В. С.*) значенія дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи, причемъ совершенно теряется первое значеніе и сохраняется

---

1) Рукопись безъ даты, но навидъ довольно старая. См. л. 119 v., 178. r & v. и 197 r.
2) Op. cit., л. 23 r.
3) Ibid., л. 120 r.
4) Ibid., л. 120 r. & v.
5) Ibid., л. 120 r.

только второе, которое въ свою очередь въ концѣ концовъ получаетъ даже ироническій (Sic! *В. С.*) оттѣнокъ»[1]).

Приведенное соображеніе было бы убѣдительно, если бы въ доказательство того, что несторіанскіе миссіонеры обучили турковъ грамотѣ, было представлено что-либо болѣе вѣское, чѣмъ голословное заявленіе объ этомъ Ахмедъ-Вефыкъ-паши, авторитетъ котораго въ данномъ случаѣ мало внушителенъ, такъ какъ новѣйшіе турецкіе ученые во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ по части османской исторіи и археологіи, сколько мнѣ извѣстно, основываются исключительно на европейскихъ пособіяхъ, ровно ничего не прибавляя новаго изъ какихъ-либо своихъ отечественныхъ источниковъ. Исключенія не представляетъ и Ахмедъ-Вефыкъ-паша, такъ себѣ пустившій цитуемую фразу. Не менѣе достовѣрно, что турки встарь не отличались грамотностью, такъ что даже султанская канцелярія долгое время пользовалась для своихъ надобностей услугами персовъ, а потомъ грековъ и армянъ; но все же въ основу ихъ послѣдующей книжности легло знаніе и употребленіе мусульманскихъ языковъ арабскаго и персидскаго, а не усиленіе и развитіе будто бы издавна усвоенныхъ ими культурныхъ вліяній христіанско-несторіанскихъ миссіонеровъ. Напротивъ того: я имѣю основаніе думать, что ненавистное туркамъ христіанство, какъ религіозная доктрина, стало таковымъ для нихъ именно прежде всего въ лицѣ христіанъ *несторіанской* секты. Основаніе это я усматриваю въ томъ, что въ вышеупомянутомъ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» главнѣйшимъ, центральнымъ дѣйствующимъ лицомъ, отъ начала и почти до конца Сказанія, является человѣкъ, носящій имя «*Несторъ*» — نسطور. Едва ли это можно приписать простой случайности: вѣрнѣе будетъ видѣть въ этомъ народно-эпическое олицетвореніе въ одномъ человѣкѣ, какъ представителѣ совокупности людей, образующихъ въ глазахъ турковъ одно цѣлое вслѣдствіе принадлежности ихъ къ одному христіанскому вѣроисповѣданію, ведущему свое начало отъ ересіарха *Несторія* и очень въ свое время распространенному въ Сиріи и Малой Азіи. Этому олицетворенному врагу мусульманства противопоставляется Меликъ Данышмендъ, олицетворенный поборникъ ислама, соединяющій въ себѣ властное (Меликъ) геройство съ ученостью (Данышмендъ). Такое важное историческое значеніе личности Мелика Данышменда въ народной памяти турковъ, даже турковъ-османовъ, косвенно подтверждается еще тѣмъ, что время его царствованія иногда принимается за хронологическую эру наравнѣ съ другими знаменательными въ мусульманскомъ мірѣ эрами. Примѣръ этого мы видимъ у османскаго поэта Ахмеди († 815 = 1412), который въ эпилогѣ

---

1) Бар. В. Розенъ, въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Импер. Рус. Археол. Общества, т. V, стр. 305—306.

своей поэмы *Искендэръ-намэ* — اسكندر نامه — пишетъ, что она была окончена имъ «Перваго рабі'уль-ахара 792 отъ бѣгства Мустафы, когда прошло 1700 лѣтъ отъ царя Секендэра, 759 лѣтъ отъ царя Езделжирда и въ 310 г. послѣ царствованія *Меликъ-шаха*» [1]).

Такимъ образомъ, если бы допустить, что терминъ *челеби* — چلبى — первоначально означалъ христіанина, а потомъ усвоенъ былъ турками въ значеніи литературно-образованнаго человѣка, то уже простая мусульманская гордыня ихъ не помирилась бы съ мыслью, что такимъ образованнымъ человѣкомъ прежде всего можетъ быть только человѣкъ, носящій знакъ креста, т. е. христіанинъ, а тѣмъ паче едва ли бы мусульманская брезгливость къ христіанскому крестному знаменію позволила туркамъ ввести у себя въ употребленіе въ качествѣ лестнаго и почетнаго для мусульманъ эпитета такое слово, которое прямо или косвенно напоминало бы объ этомъ ненавистномъ для нихъ христіанскомъ символѣ. А между тѣмъ этотъ эпитетъ мы видимъ въ приложеніи даже къ выдающимся именамъ писателей въ мусульманско-богословской отрасли османской литературы до знаменитаго Кятибъ-челеби включительно: это болѣе чѣмъ сомнительно.

Въ этомъ отношеніи лишь вскользь упомянутая барономъ В. Р. Розеномъ легенда о предкахъ Эр-Тогруля, разсказанная у византійца Франдзи, имѣетъ, по моему мнѣнію, весьма существенное значеніе въ занимающемъ насъ вопросѣ. Тутъ важна не глосса, очевидно позднѣйшая и во всякомъ случаѣ посторонняя тексту византійской хроники, а важно то, что содержится въ самомъ текстѣ ея. А тамъ вслѣдъ за соообщеніемъ факта переименованія Іоанна, племянника греческаго императора Іоанна Комнена, сына брата его Исаака, въ *Челеби* — Τζελεπῆς —, по принятіи имъ ислама, довольно внушительно повѣствуется о качествахъ этого перебѣжчика, которыя, надо полагать, и послужили главнымъ основаніемъ для приданія ему эпитета *челеби*, принятаго Франдзи за собственное самостоятельное имя, не существующее, какъ извѣстно, въ мусульманскихъ святцахъ. «Этотъ мужъ», читаемъ мы у Франдзи, «былъ свѣдущъ въ эллинской мудрости и боекъ въ разговорѣ на арабскомъ діалектѣ. Онъ былъ тароватый и щедрый юноша, что нравилось всѣмъ, и вособенности варварамъ; онъ былъ обходителенъ съ тѣми, кто были ниже его, что очень важно для командующихъ, и въ чемъ (ихъ) успѣхъ; настойчивъ въ достиженіи цѣли, какъ бы это было общимъ чѣмъ; творилъ то, что зависѣло отъ него, и гово-

---

1) Рукоп. Имп. Публ. Библ., IV, 2 : 82 л. 229 г.; и другая рукопись № 565, л. 232 г.; Rieu, Catalogue of the Turkish manuscripts, p. 162ᵇ—163ᵃ). — [Этотъ Меликъ-шахъ безъ сомнѣнія есть знаменитый сельджукидъ Джелāл-эд-дūнъ, при которомъ была сдѣлана извѣстная попытка установить новую эру. — *Ред.*].

рилъ, что такъ оно и должно быть; былъ участливъ ко всѣмъ въ случаѣ нужды, помогалъ и поддерживалъ; улаживалъ возникавшіе между ними разлады и умиротворялъ раздоры. И никто не противорѣчилъ его словамъ и желаніямъ; былъ любимъ своимъ тестемъ[1]) и всѣми прочими; что хотѣлъ, то и дѣлалъ, и варвары считали его вторымъ Мухаммедомъ»[2]). Вотъ настоящій взглядъ правовѣрнаго турка на человѣка, достойнаго имени *челеби*: знаніе эллинской мудрости, арабскаго языка, убѣдительная рѣчь и щедрость; высшимъ же идеаломъ, которому можетъ уподобиться такой человѣкъ, все-таки остается *Мухаммедъ*. Однимъ словомъ, тутъ превозносится личная обаятельность христіанскаго апостата, такъ импонировавшая на варваровъ, а не аристократическое его происхожденіе, какъ это произвольно подчеркивается въ глоссѣ къ тексту Франдзи. А обаятельность эта также довольно явственно приписывается именно образованности этого человѣка — его обходительности, настойчивой энергіи и главнѣйше краснорѣчію, за что и стали величать его новые соотечественники прозвищемъ *Челеби*. Что тутъ дѣло было не въ благородствѣ происхожденія только, это даетъ понять и самъ Франдзи, присовокупляя въ концѣ своего разсказа замѣчаніе, что другіе, писавшіе объ этомъ предметѣ, держатся иного взгляда, а именно что этотъ *Челеби* не былъ сынъ брата Іоанна Комнена, а кто-то другой, только соименный съ нимъ[3]). Самъ же Франдзи лишь предпосылаетъ разсказываемой имъ легендѣ оговорку, что онъ будетъ излагать то, что онъ разузналъ отъ людей ученыхъ и что нашелъ въ письменныхъ памятникахъ[4]).

Изъ этого историческаго или легендарнаго эпизода несомнѣнно вытекаетъ то, что слово *челеби* было въ большой модѣ у турковъ Малой Азіи, входившихъ въ близкое соприкосновеніе съ греками, дотого въ модѣ, что чуждые туркамъ люди могли принимать его въ примѣненіи къ нѣкоторымъ конкретнымъ личностямъ даже за собственное имя ихъ. Затѣмъ отсюда еще явствуетъ, что это слово значило въ тогдашнемъ турецкомъ живомъ языкѣ человѣка столь образованнаго и обаятельнаго, что онъ выдѣлялся изъ толпы своею представительностью и импонировалъ ею на окружающихъ. А что частнымъ лицамъ приписывалось по дѣйствительнымъ ихъ свойствамъ и достоинствамъ, то членами властвовавшихъ фамилій, какъ водится, самовольно присваивалось себѣ въ качествѣ нравившагося имъ до-

1) Онъ былъ женатъ на дочери сельджукскаго эмира.
2) Phrantzes, Lib. I, cap. XX, p. 70—71.
3) Phrantzes, Lib. I, cap. XX, p. 68.
4) Ibid.

бавочнаго титула, или же придавалось имъ угодливостью тѣхъ, кто находилъ это почему-либо нужнымъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Другое косвенное подтвержденіе высказаннаго соображенія находимъ въ еще болѣе раннемъ, чѣмъ византійскія хроники, памятникѣ греческой письменности, въ трапезундской хроникѣ Михаила Панарета, уроженца города Трапезунда, повѣствующаго о нѣкоторыхъ событіяхъ своего отечества въ качествѣ очевидца и даже участника въ этихъ событіяхъ. Подъ 1362 годомъ Михаилъ Панаретъ заносить въ свою хронику фактъ прибытія посла отъ эмира *Челеби* Таджъ-Эддина по дѣлу о сватовствѣ его за дочь греческаго императора киръ-Евдокію, съ которою этотъ Таджъ-Эддинъ *Челеби*, послѣ многихъ переговоровъ чрезъ посредство пословъ ромейскихъ и мусульманскихъ, и сочетался въ 1380 году [1]). И здѣсь одинъ изъ эмировъ Малой Азіи то называется своимъ настоящимъ именемъ Таджъ-Эддинъ съ придаткомъ эпитета *челеби*, то однимъ послѣднимъ титуломъ безъ имени, вѣроятно по принятому тогда обычаю обходиться этимъ эпитетомъ безъ упоминанія именъ извѣстныхъ лицъ, о которыхъ говорилось или писалось, наподобіе того какъ тотъ же Михаилъ Панаретъ придумалъ для жены эмира Кутлу-бека, дочери греческаго императора киръ-Маріи, новое небывалое имя Δεσποιναχάτ, склеивъ два разноязычныхъ слова—греческое δέσποινα и тюркское خاتون, которыя оба имѣютъ одно и то же значеніе «госпожа, мадамъ» [2]).

Къ этимъ же временамъ, т. е. къ XIV в. относится упоминаніе слова *челеби*, даже съ объясненіемъ его значенія, у арабскаго писателя Ибнъ-Батуты при поименованіи имъ малоазійскихъ владѣтелей Ахы-*челеби* [3]) Мухаммеда-*челеби* [4]), Иззъ-Эддина Ахы-*челеби* [4]) и Гази-*челеби* [5]), истолковывающаго смыслъ этого слова арабскимъ словомъ سيدى = «monsieur, seigneur» [6]). Самымъ же раннимъ остается пока появленіе слова *челеби* въ

1) Трапезундская хроника Михаила Панарета. Греческій текстъ съ переводомъ, предисловіемъ и комментаріями издалъ А. Хахановъ. Москва, 1905 г. Стр. 12 текста и 35 перевода. Г. Хахановъ невѣрно перевелъ греческую фразу «Καὶ πρέσβυς ἦλθεν ἐκ τοῦ Τζαλαπῆ Τατζατίνη διὰ τὴν συμπενθερείαν» = «Прибылъ посолъ Тзелеби Таджеддинъ по дѣлу о сватовствѣ», упустивъ изъ виду, кромѣ построенія самой фразы, что въ самой же хроникѣ дальше говорится о бракѣ самого Таджъ-Эддина челеби съ греческой царевной, гдѣ онъ названъ просто однимъ словомъ Τζιαλαπῆ (стр. 16 текста) съ добавкою уже отъ самого г. Хаханова имени *Татчи-Эддинъ* (стр. 41 перев.), и что потомъ еще разъ въ разсказѣ о смерти Таджъ-Эддина въ сраженіи съ свойкомъ своимъ Сулейманъ-беемъ онъ названъ «зятемъ царя» (стр. 17 текста и 43 перевода).

2) Op. cit., стр. 13 текста и 36 перевода.

3) Ibn Bathouta, éd. Defrémery. Paris, 1854, II: 270.

4) Ibid., II: 349.

5) Ibid., II: 350.

6) Ibid., II: 270.

связи съ личностью Гази-челеби, подвизавшагося въ нападеніи на генуэзскіе корабли у Кафы въ 1313—1314 г.[1]).

Если бы вѣрна была теорія о происхожденіи слова *челеби*, основанная на заявленіи Ахмедъ-Вефыкъ-паши, что грамотность турковъ пошла отъ несторіанскихъ христіанъ, то какихъ-либо слѣдовъ чего-нибудь похожаго на это можно было бы ожидать въ еще болѣе раннемъ письменномъ памятникѣ, въ грамотѣ эмира Аля-Эддина, данной Осману I въ 683 = 1284 на управленіе Зюгудомъ, въ которой сувереъ даетъ наставленіе своему тогда еще феодальному князьку Осману, впослѣдствіи первому османскому султану, касательно выбора себѣ хорошихъ секретарей, которые должны были быть его повѣренными тайнъ дѣльцами; но тамъ эти совѣтники называются *кятибами*—كاتبلر—[2]). Это наименованіе литературныхъ людей у турковъ именемъ *кятибъ* — كاتب — такъ и удержалось до позднихъ временъ, а въ приложеніи къ знаменитому турецкому полигистору оно еще является въ соединеніи съ словомъ *челеби*, *Кятибъ-челеби*, причемъ добавленіе *челеби* служитъ какъ бы подновленіемъ, освѣженіемъ забывшагося значенія прежняго оффиціальнаго титула *кятибъ*.

Но одно простое многократное и многообразное нахожденіе слова *челеби* хотя бы и въ довольно старинныхъ памятникахъ восточной и европейской письменности все же не раскрываетъ истинной природы этого слова, представляя лишь сырой матеріалъ, надъ которымъ приходится раздумывать, какъ разобраться въ немъ хоть съ приблизительною пользою для рѣшенія занимающаго насъ вопроса. Прежде всего тутъ обращаетъ на себя вниманіе чрезвычайное разнообразіе формъ, въ которыя вылилось турецкое *челеби*. Такихъ формъ ни больше, ни меньше какъ цѣлыхъ двадцать девять, или даже тридцать, которыя по источникамъ, изъ которыхъ мы почерпаемъ ихъ, можно распредѣлить по такимъ группамъ: 1) جلبى у Ибнъ-Батуты и چلبى у всѣхъ османскихъ писателей; Τζελεπῆς и Τζαλαπῆς у писателей греческихъ; *Jhalabi*, *Challabinus*, *Zalabi*, *Zellapi*, *Zelebi* и *Zarabi* въ латинскихъ и итальянскихъ оффиціальныхъ документахъ XIV в.; *Calepinus*, *Calapinus*, *Calapin*, *Chialapinus*, *Chialapius*, *Chialap*, *Kelebis*, *Cibellinus*, *Cibelinus*, *Cibelius*, *Chieleby*, *Celebi*, *Zialap*, *Zelebi*, *Cyris Kelebes*, *Cyriscelebes*, *Cyriscelebis*, *Cyricelibes* у европейскихъ—латинскихъ, итальянскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ писателей XVI вѣка.

Если сюда присовокупить еще справку изъ русскихъ лѣтописей, то въ нихъ мы читаемъ: «Того же (1393) лѣта Амуратовъ сынъ *Челябій*, иже срачински глаголется Амиря,... поиде на Блъгарскую землю и пришедъ

1) Heyd, Gesch. des Levantenhandels im Mittelalter. Stuttgart, 1879. Vol. I: 601.

2) Феридунъ-бей, *Муншіати Салатинъ*, констант. изд., т. I, стр. 48, турецк. глосса.

взя градъ ихъ стольный славный Трѣновъ»[1]), и слѣдовательно получимъ еще одинъ, тридцатый, варіантъ слова *челеби* въ видѣ *Челябій*[2]), относящійся къ тѣмъ же приблизительно временамъ, къ какимъ относятся и прочіе.

Въ этой пестротѣ варіантовъ замѣчается одна важная особенность, которая и заставляетъ задуматься надъ тѣмъ, можно ли большинство ихъ прямо, безъ дальнихъ разсужденій, считать не болѣе какъ *искаженными* формами турецкаго *челеби* — چلبی —. Это было бы возможно въ томъ только случаѣ, когда бы турецкое چلبی было признано чистѣйшимъ первообразомъ, дальше котораго и идти не слѣдуетъ, между тѣмъ какъ мы видѣли, что турецкій корнесловъ не даетъ для этого никакихъ основаній; а натянутое сближеніе этого слова съ арабскимъ صليبی или съ персидско-сирійскимъ چليبا, или, наконецъ, съ архаическимъ турецкимъ چلب заставляетъ считать и самое турецкое چلبی также, въ свою очередь, искаженіемъ котораго-нибудь изъ этихъ трехъ варіантовъ. Но старотурецкое слово چلب само нуждается въ отысканіи его корня, помимо того что оно совсѣмъ не вяжется съ چلبی по своему значенію и употребленію; а что касается арабскаго صليبی, то позволительно, кажется, задать вопросъ, почему въ немъ начальный звукъ *с* долженъ былъ опять превратиться въ персидское *ч*: это вовсе не есть необходимое требованіе турецкой фонетики; не понятно также, почему турки не захотѣли удержать чистой арабской формы, а предпочли внести въ нее обратную коррупцію; равнымъ образомъ почему же, далѣе, туркамъ понадобилось, воспользовавшись сирійскою формою *цлиба*, подвергнуть ее дальнѣйшему искаженію чрезъ перемѣну конечнаго звука *а* въ *и*, что даже совершенно не въ духѣ турецкой фонетики, тѣмъ болѣе что турецкій языкъ не имѣетъ своего звука *и* для подобныхъ грамматическихъ образованій, а пользуется для этой цѣли таковымъ арабскимъ или персидскимъ, какъ, напр., въ словахъ مكتوبی, تشريفاتی и т. п. На всѣ эти сомнѣнія не даетъ отвѣта одна только звуковая близость вышеприведенныхъ варіантовъ къ турецкому *челеби*. Гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ не тѣ варіанты, которые болѣе или менѣе близко подходятъ къ турецкому *челеби*, а, наоборотъ, тѣ, которые дальше отъ сходства съ нимъ, по крайней мѣрѣ при первомъ взглядѣ на нихъ. Не мудрено, что варіанты *Zalabi*, *Zellapi*, *Zelebi*, *Celebi*, *Celebes*, *Celibes*, Τζαλαπῆς, Τζελεπῆς, и даже, съ метатезисомъ слоговъ, *Cibelinus, Cibellinus* и *Cibelius*, или съ перемѣною плавнаго *l* въ *r*, *Zarabi*, такъ или иначе могутъ быть пріурочены къ слову *челеби*, ибо всѣ они начинаются съ шипящаго звука, колеблющагося между *ч*, *ц* и *з*; но

---

1) Воскресенская въ П. С. Р. Л., т. VIII: 63; Никоновская, изд. 1789 г., т. IV: 252 и въ П. С. Р. Л., т. XI: 154.

2) Въ Никон. Лѣт. изд. 1789 г.: «*Челюбии* Амиря Турскій».

откуда же могли взяться другіе варіанты, начинающіеся съ гортаннаго *к* или *х*, каковы *Kalepin*, *Calapin*, *Calapinus*, *Calepinus*, *Challabin*, *Jhalabi*, *Chialapinus*, *Chialopinus*, *Chialap*, *Kelebes* и *Kelebis*? Можно ли разновременное письменное воспроизведеніе этихъ варіантовъ приписать случайной ослышкѣ или безпричинному капризу записавшихъ эти варіанты, и притомъ не только кабинетныхъ ученыхъ въ родѣ Павла Іовія или Лоницера, а даже такихъ бывалыхъ на востокѣ, наблюдательныхъ и разностороннихъ людей, каковы были Николай Сагундино и Антоній Жофруа? [1]) Едва ли. А въ такомъ случаѣ нельзя игнорировать этихъ варіантовъ, не доказавши, что они не имѣютъ никакого для себя оправданія ни въ фонетикѣ, ни въ лексикологіи, въ данномъ случаѣ въ фонетикѣ и лексикологіи языковъ двухъ долгое время жившихъ и живущихъ въ сосѣдствѣ народовъ — грековъ и турковъ, такъ какъ прочіе европейцы могли или должны были въ собственномъ начертательномъ воспроизведеніи слова *челеби* слѣдовать тѣмъ или другимъ, грекамъ или туркамъ, смотря потому, отъ кого изъ нихъ они это слово впервые восприняли.

Обращаясь за справками къ фонетикѣ греческой, мы тамъ вовсе не находимъ шипящаго звука *ч* или близкаго къ нему, такъ что когда греки вынуждены бываютъ воспроизводить на письмѣ этотъ чуждый имъ звукъ, то они прибѣгаютъ къ ухищренному буквосочетанію τζ, что мы и видимъ въ начертаніи слова Τζαλαπῆς или Τζελεπῆς. Слѣдовательно возникновеніе какъ этого звука *ч*, такъ и самаго слова *челеби*, никоимъ образомъ не могло произойти на почвѣ греческой: оно могло явиться у грековъ лишь какъ позаимствованіе изчужа; а у кого же, кажись, ближе всего имъ было заимствовать, какъ не у турковъ же, у которыхъ и самое слово *челеби* въ большомъ употребленіи, и въ рѣчи которыхъ сильно даютъ себя чувствовать шипящіе звуки, и въ томъ числѣ звукъ *ч*.

Такъ и было до сихъ поръ принято думать въ европейскомъ ученомъ мірѣ, и на этомъ основаніи профессоръ Карабачекъ, коснувшись въ своемъ нумизматическомъ изслѣдованіи титула *Zelebi*, приданнаго сельджукскому князю Хэдиру (Хызру) въ договорѣ 1348 года, совершенно резонно

1) Непосредственная въ живомъ обращеніи наблюдательность и въ извѣстной степени критическая разборчивость А. Жофруа съ несомнѣнностью свидѣтельствуется неоднократными собственными его на это указаніями въ родѣ слѣдующаго: «Interim dicunt Sultan Selyman Cham, quod pronunciant Tchaam, quae vox denotat Dominum, sed lingua Tartarica, non Turcica, id quod mea opinione nonnullos Latinos movit eum vocare Sultanum Soleymannum Psacum. Ego eum à Turcis audivi nominari Badichaa et Badichaum Seleymannus vero tempore, quo haec scribimus» (Op. cit., p. 41). Въ другой разъ онъ замѣчаетъ: «Amurathes, quem Hungari et Sclavonici Amanrat appellant: Turcae vero Moratbeg vel Morathey et Moratbegy, quod significat Morat dominum, Froissardo ipsos imitari cogitanti nominatus Lamorabaquin...» (Ibid., p. 49).

замѣчаетъ, что этотъ титулъ есть турецкое چلبى = *челеби*. Но вслѣдъ за симъ, приводя другіе варіанты этого слова — Zalabi, Zellapi и *Challabin*, въ такомъ же рѣшительномъ тонѣ заявляетъ: «welche letzere Verhunzung sich aus einer Verlesung des *türkischen Schriftzuges* ohne Mühe erklären lässt. Die christlichen Schriftsteller haben aus diesen Titel auch noch *Celebin*, *Kalepin*, *Calebis* und *Cibelin* gemacht» [1]). Это послѣднее заявленіе Карабачека въ примѣненіи ко всѣмъ другимъ варіантамъ, кромѣ *Zelebi*, столь же смѣло, сколь мало основательно, и совершенно такого же ученаго достоинства, какъ и другое хитроумное истолкованіе имъ собственнаго имени *Mahabut* посредствомъ арабскаго «مجاهد *Mudschähid* d. i Glaubens Kämpe» [2]), когда въ *Mahabut* такъ легко усматривается искаженіе имени *Mahomet* — *Магометъ*.

Но проф. Карабачеку, какъ и многимъ другимъ, не представлялось, очевидно, случая или надобности обратить вниманіе на тотъ знаменательный фактъ, что большинство тѣхъ ученыхъ, которые касались вопроса о значеніи слова *челеби*, отъ Левенклава до нашихъ современниковъ включительно, выражаютъ, если не полную увѣренность, то какое-то инстинктивное чувство, что хотя это слово и было въ исключительномъ употребленіи только у сельджукско-османскихъ турковъ, но всетаки оно не коренного турецкаго происхожденія; а Левенклавъ сдѣлалъ даже одинъ вѣрный шагъ по пути къ объясненію сложнаго имени *Cyriscelebes*, въ составъ котораго входитъ слово *челеби:* онъ совершенно правильно и убѣдительно истолковалъ первую половину его, относительно же второй половины оставилъ вопросъ открытымъ.

Мнѣ же думается, что источника къ объясненію и второй половины загадочнаго имени слѣдуетъ искать также не въ какомъ другомъ языкѣ, какъ въ греческомъ. Но прежде чѣмъ указать на то греческое слово, изъ котораго могло образоваться турецкое *челеби*, я позволю себѣ предпослать тѣ соображенія, которыя должны служить косвеннымъ подкрѣпленіемъ предлагаемой мною конъектуры.

Замѣчателенъ тотъ фактъ народной психологіи, что въ ряду заимствуемыхъ однимъ народомъ отъ другого словъ ранѣе всего являются слова, означающія почетные титулы или слова обращенія. Возьмемъ для примѣра хоть нашъ русскій языкъ: французскія слова обращенія monsieur, madame, madmoiselle, mon cher и т. п. и даже англійское — mister, и итальянское signore, давно вошли въ обиходъ русскаго такъ-называемаго

1) Numismatische Zeitschrift. Wien. Vol. IX: 208, Anm. 18.
2) Ibid., 209, Anm. 21.

образованнаго общества, не говоря уже про всевозможные офиціальные титулы, которые у насъ чуть не всѣ сплошь иноязычнаго происхожденія до недавно еще бывшаго въ употребленіи титула *оберъ*-священника и доселѣ существующаго величанія архіереевъ «Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα!» включительно. Падкость на чужеязычныя самовеличанія, лишь бы они были позамысловатѣе, не составляетъ признака позднѣйшаго только модничанья: она имѣла мѣсто и въ очень отдаленныя отъ насъ времена: набѣгъ варяговъ утвердилъ на Руси званіе *князя* за главарями русскихъ племенъ. Первый изъ коренныхъ русскихъ митрополитъ XI в. Илларіонъ въ своей церковной проповѣди «О законѣ и благодати», очевидно, хотѣлъ воздать особую честь и похвалу Св. князю Владиміру Равноапостольному, присовокупивъ къ его русскому имени тюркско-хазарскій титулъ *хагана*, и т. д.

Въ этомъ отношеніи и турки-сельджуки не составляютъ исключенія. Внѣдрившись въ Переднюю Азію, турки вошли въ самое тѣсное соприкосновеніе съ греческимъ населеніемъ; превосходя послѣднее силою своего завоевательнаго напора, турки невольно уступали его культурному превосходству, и потому естественно, что они, по справедливому выраженію Левенклава, старались «подражать во всемъ грекамъ *какъ обезьяны*». Наглядные и несомнѣнные слѣды этого обезьянничанья мы видимъ, напримѣръ, въ трехъ словахъ *Истамбулъ* — استانبول —, *эфенди* — افندی — и *ахунъ* — اخون и اخوند —, которыя, будучи греческаго происхожденія, сперва возникли въ обиходной рѣчи турковъ, а потомъ отъ нихъ получили такое широкое распространеніе въ разныхъ частяхъ мусульманскаго міра, до нашихъ захолустныхъ татарскихъ деревень включительно, что рѣдко кому прійдетъ въ голову мысль о греческой природѣ этихъ дезертировъ эллинской рѣчи.

Относительно перваго — *Истамбулъ* — въ наукѣ нѣтъ уже никакихъ сомнѣній, что оно образовалось изъ греческаго сущ. πόλις = «городъ» и предлога εἰς = «въ», съ которымъ оно чаще всего должно быть слышаться въ разговорной рѣчи, употреблявшись въ томъ смыслѣ, въ какомъ и у насъ даже нынѣ живущіе на окраинахъ какого-либо города говорятъ, отправляясь въ центръ города: «Пойду въ городъ». Хотя у византійскихъ писателей это выраженіе разнообразится сочетаніемъ существительнаго πόλις и съ другими предлогами — ἐν, ἐκ и т. п., но всегда вмѣсто настоящаго названія греческой столицы — Κωνσταντινούπολις — [1]). Это тѣмъ болѣе было примѣнимо къ Константинополю, что онъ, будучи обнесенъ внуши-

1) Примѣровъ сколько угодно въ византійскихъ хроникахъ: Phrantzes, 72 (ἐν τῇ πόλει), 113 (εἰς τὴν πόλιν) и др. Ducas: 54, 98, 100, 252 и др.

тельными стѣно-башенными огражденіями, рѣзко выдѣлялся не только отъ ближайшихъ окрестныхъ поселеній, но и отъ всѣхъ своихъ непосредственно къ нему примыкавшихъ предмѣстій.

Равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію и греческое происхожденіе турецкаго слова *эфенди* — افندی —, которое даже въ своемъ звуковомъ составѣ меньше чѣмъ какое другое отошло отъ своего древняго греческаго первообраза αὐθέντης, но вошло въ столь обычное употребленіе у турковъ, что самимъ грекамъ пришлось потомъ пользоваться этимъ, насквозь протурченнымъ и промусульманеннымъ, титуломъ въ своихъ обращеніяхъ младшихъ по положенію лицъ къ старшимъ поневолѣ съ тѣмъ звукоизмѣненіемъ, какое придано ему варварскою фонетикою, хотя въ книжномъ употребленіи оно сохранило еще свою первоначальную форму [1]).

Сколь давно слово *эфенди* — افندی — было облюбовано турками, съ точностью трудно сказать; ни въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ», ни въ диванѣ Аашикъ-паши я ни разу не встрѣтилъ его; но оно находится въ *Искендэръ-намэ* — اسکندر نامه — Ахмеди Сиваси (+ 815 = 1412). Въ томъ мѣстѣ поэмы, гдѣ дается характеристика султана Баязида I, говорится: شیخ افندی کلدی اکا بی نوا * اتدی آنی مجموع خلقه پیشوا [2]) = «Приходилъ къ нему смиренный шейхъ *эфенди*, * И онъ ставилъ его во главѣ всего люда». Равнымъ образомъ я уже дважды встрѣтилъ его въ *Ферахъ-намэ* — فرح نامه — Ибнъ-Хатыба, въ сочиненіи, написанномъ въ 829 = 1426 году, а именно: بو غلام افندسن قتل ایلدی [3]) = «Этотъ рабъ убилъ своего господина»; и еще: اول قراقول ایمز هیچ بر کیجه * هم افندیسن اویتمز دیر خوجه [4]) = «Тотъ стражъ не спитъ ни одной ночи, * Не даетъ спать и своему господину, говоритъ ходжа». Поэма Ахмеди и сочиненіе Ибнъ-Хатыба относятся какъ разъ къ тому времени, когда турки, оправившись отъ Тимуровскаго погрома, еще тѣснѣе стали облегать со всѣхъ сторонъ византійскую столицу, центръ тогдашней византійской декадентской культурности. Турки, начавшіе еще въ Малой Азіи заражаться вкусомъ къ греческому краснорѣчію, теперь, вплотную приникнувъ къ настоящему источнику и цвѣтнику византійской риторики, еще больше стали вбирать въ свой языкъ продуктовъ византійской риторической изобрѣтательности [5]) по

1) Turcograeciae libri octo a Martino Crusio... quibus graecorum status sub imperio Turcico... describitur. Basileae, 1584, in-folio. Lib. III: 224, 228; Lib. IV: 288, 292, 300, 312, 328, 329, 336 и др.

2) Рукоп. Импер. Публ. Библ. Dorn, Catalogue, № DLXV, л. 202 verso.

3) Будапештская рукоп. فرح نامه 0.24, л. 68 recto.

4) Ibid., л. 174 v.

5) А до чего доходила эта изобрѣтательность, объ этомъ можно судить по необычайному множеству восхвалительныхъ эпитетовъ въ греческой эпистолярной литературѣ

части титуловъ и окончательно усвоили себѣ титулы *челеби* и *эфенди*, которые могли вытѣснить какіе-нибудь другіе [1]).

Къ такимъ же заимствованіямъ я отношу не удержавшееся у самихъ турковъ, но перешедшее къ другимъ мусульманамъ за предѣлами Турціи слово *ахунъ* — اخون или اخوند —. Этому слову также нельзя подыскать объясненія иначе какъ въ греческомъ ἄρχων, которое у Крузія переведено полатыни «nobilis vir» [2]) и «dominus» [3]), и въ этомъ послѣднемъ значеніи фигурируетъ въ византійской эпистоликѣ со множествомъ самыхъ вычурнѣйшихъ греческихъ прилагательныхъ превосходной степени въ примѣненіи къ почетнымъ лицамъ духовнаго сана и церковно-богословской учености. Послѣднее обстоятельство, очевидно, и было причиною, по которой это слово, обтершись, подобно словамъ *челеби* и *эфенди*, объ точило турецкаго выговора, не удержалось въ турецкомъ обиходѣ, на мѣстѣ своего возникновенія, а нашло себѣ пріютъ вдали, у другихъ мусульманскихъ народностей — у персовъ, тюрковъ Средней Азіи и Кавказа, и даже у нашихъ татаръ, которые могли и не знать, и дѣйствительно не знали и не подозрѣвали о его происхожденіи изъ языка невѣрныхъ грековъ и объ употребленіи его въ значеніи, имѣвшемъ ближайшее отношеніе къ христіанской вѣрѣ, къ христіанской церкви [4]).

Мысль о греческомъ происхожденіи слова *ахунъ* — اخون, اخوند — впервые высказана мною еще на XI международномъ конгрессѣ оріенталистовъ въ Парижѣ въ 1897 году [5]). Тамъ переходъ этого слова въ мусуль-

---

XV вѣка, какъ напр. τιμιώτατος (Crusius, lib. IV: 290, 318, 319, 321 и др.), λογιότατος (Ibid., 312, 325, 326 и др.), θεοφιλέστατος (Ibid., 292), θειώτατος, θεοχαρίτατος (Ibid., 302), σοφώτατος (Ibid., 304, 306 332, 342), ἐντιμότατος (Ibid., 304, 320, 324, 342), σπουδαιότατος (Ibid., 311), συνετότατος (Ibid.), ἐνδοξώτατος (Ibid., 315), ἐκλαμπρότατος (Ibid.), ἀνδρικώτατος (Ibid.), φρονιμώτατος (Ibid.), περιφανέστατος (Ibid., 317), πωθεινώτατος (Ibid., 318), εὐγενέστατος (Ibid., 319), χρησιμώτατος (Ibid., 333), εὐλαβέστατος (Ibid., 334), даже ῥητορικώτατος (Ibid., 330, 331) и μουσικώτατος (Ibid., 323) и др.

1) Что касается того, что глава ордена дервишей мевлеви въ настоящее время титулуется *челеби-эфенди* (Gibb, History of Ottoman poetry, vol. I, p. 151, 3), то отсюда еще ничего нельзя вывести относительно давности употребленія такого сложнаго титула, который вошелъ въ моду, надо думать, въ позднѣйшее время, въ родѣ того какъ теперь не рѣдко можно слышать въ Стамбулѣ названіе извѣстной мечети Эюбійѐ «Султанъ Эюбъ», хотя таковаго султана никогда не существовало: ни въ сочиненіяхъ самого основателя ордена Джелаль-Эддина, ни даже въ сочиненіи его сына Султанъ-Веледа нѣтъ даже намека на то, чтобы они величались *челеби-эфенди*, хотя Гиббъ заднимъ числомъ и послѣдняго именуетъ также *Veled Chelebi* (Op. cit., 152, 1).

2) Op. cit., lib. I, p. 131; lib. IV: 244, 327, 336.

3) Ibid., lib. IV: 323, 324. Въ персидскомъ лексиконѣ Буллерса оно переведено: «theologus, rector, magister, instructor» (Vullers, I: 21).

4) Титулъ ἄρχων, по свидѣтельству г. Пападопуло-Керамевса, и до сихъ поръ употребителенъ у грековъ только въ измѣненномъ видѣ ἀρχός.

5) Actes du onzième Congrès International des Orientalistes. Paris — 1907. Troisième section. Paris. 1899, pp. 156—157.

манскую среду въ Малой Азіи предположительно пріурочень былъ мною къ временамъ усиленной пропаганды несторіанскаго христіанства. Хотя я теперь не стою за свое прежнее предположеніе, но считаю нелишнимъ здѣсь упомянуть, что моя конъектура, очевидно, нашла сочувствіе у француза Бонена (Ch. E. Bonin), который очень обстоятельно воспроизводитъ ее въ 1900 году въ своей статьѣ «Note sur les anciennes Chretientés Nestoriennes de l'Asie Centrale»[1]), и даже въ выраженіяхъ, близкихъ къ моему докладу, но ни однимъ словомъ не обмолвился о моемъ рефератѣ, напечатанномъ въ трудахъ конгресса, отсылая въ то же время за другими справками къ своему собственному сообщенію, сдѣланному имъ на томъ же самомъ конгрессѣ.

Возвращаясь теперь опять къ слову *челеби*, я долженъ отмѣтить то весьма существенное, по моему мнѣнію, обстоятельство, что раньше всѣхъ, и притомъ весьма категорически, свидѣтельствуетъ о происхожденіи этого слова съ греческаго языка не кто иной, какъ Ибнъ-Батута, у котораго у перваго изъ мусульманскихъ писателей встрѣчается это слово. Въ томъ мѣстѣ описанія своихъ путешествій, гдѣ Ибнъ-Батута упоминаетъ о побывкѣ своей въ Кулъ-Хысарѣ, онъ говоритъ: و سلطانها محمد جلبى و جلبى ... تفسيره بلسان الروم سيّدى[2]) = «А султанъ его (Кулъ-Хысара) Мухаммедъ *челеби*. А *челеби*... значитъ *на языкѣ греческомъ* сиди». Во французскомъ переводѣ это мѣсто передано уклончиво: «Ce dernier mot, dans la langue *du pays de Roûm*, signifie monsieur, seigneur». Но баронъ В. Р. Розенъ идетъ далѣе и комментируетъ текстъ Ибнъ-Батуты слѣдующимъ образомъ: «По этому поводу Ибнъ-Батута замѣчаетъ, что *челеби* въ *турецкомъ языкѣ* (въ языкѣ Рўмовъ) значитъ «*сиди*»[3]). Слѣдовательно баронъ В. Р. Розенъ расходится съ французскимъ переводчикомъ Ибнъ-Батуты въ томъ, что понимаетъ слово الروم въ значеніи народа, а не страны, но зато языкъ этого народа прямо и категорически считаетъ *турецкимъ*. Я же пришелъ къ убѣжденію, что пора навсегда оставить ни на чемъ не основанный ученый предразсудокъ, что будто подъ словомъ الروم — Румъ — всегда надо разумѣть Турцію, а подъ населеніемъ Рума непремѣнно подразумѣвать турковъ, все равно какихъ — сельджуковъ или османлы. А оправданіе для своего воззрѣнія я прежде всего нахожу у того же самаго арабскаго писателя Ибнъ-Батуты, только нѣсколькими страницами далѣе того мѣста въ описаніи его путешествій, гдѣ находится подлежащее истолкованію извѣстіе съ упоминаніемъ титула جلبى. Я не считаю

1) Nouveau Journal Asiatique, 9 série, t. XV, p. 588.
2) Ibn Bathoutah, II: 270.
3) Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, т. V, стр. 306.

возможнымъ согласиться съ толкованіемъ барона В. Р. Розена, что у Ибнъ-Батуты говорится о языкѣ *турецкомъ*, и вотъ по какому основанію. Въ данномъ случаѣ не надо было только ограничиваться однимъ вышеприведеннымъ мѣстомъ изъ Ибнъ-Батуты, а надлежало прослѣдить его терминологію въ остальной, ближайшей части его обширнаго и богатаго матеріаломъ труда, въ которомъ онъ касается турковъ. А тогда нельзя было бы не замѣтить, что Ибнъ-Батута, когда говоритъ о чемъ-либо турецкомъ, то такъ и называетъ его безъ всякихъ обиняковъ *турецкимъ*, а *румскимъ* называетъ *греческое*, и это намѣренное у него различеніе вытекаетъ изъ самаго содержанія многихъ мѣстъ его арабскаго текста. Такъ, напр., онъ говоритъ: خرج الى لقآئنا اصحاب الفتى اخى احمد بجقجى و بجق بالتركية السّكين[1]) = «Вышли навстрѣчу намъ члены братства Ахы Ахмедъ *Бычакчи*, а *бычакъ на турецкомъ* (значитъ) ножъ». Или: و بعث الى ببيت يسمى عندهم الخرقة[2]) = «И прислалъ мнѣ (султанъ Мухаммедъ) палатку, которая называется *у нихъ* харка». Разсказывается въ одномъ мѣстѣ о томъ, что этотъ султанъ попросилъ Ибнъ-Батуту написать ему что-нибудь изъ хадисовъ. Ибнъ-Батута сейчасъ написалъ, конечно поарабски, и вручилъ это присутствовавшему на аудіенціи факыгу (ученому законовѣду), а этотъ передалъ султану, султанъ же приказалъ факыгу «написать ему толкованіе (т. е. переводъ) *на языкѣ турецкомъ*» = فامره ان يكتب له شرحها باللسان التركى[3]). Но зато въ другихъ случаяхъ онъ выражается иначе. Напр.: و اعطانى بعد ذلك مملوكا روميا خماسيا اسمه نقولة[4]) = «И подарилъ онъ (Омаръ-бекъ) мнѣ потомъ маленькаго раба *греческаго* пяти лѣтъ по имени Николая». Или еще: و اشتريت بهذه المدينة جارية رومية تسمى مرغليطه[5]) = «И купилъ я въ этомъ городѣ рабыню *греческую* по имени Маргариту». Ясно, что въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ идетъ рѣчь о *грекѣ* и *гречанкѣ*, и совершенно напрасно во французскомъ переводѣ поставлено въ соотвѣтствіе имъ «esclave chrétien» и «esclave chrétienne», съ произвольною замѣною обозначенія народности обозначеніемъ религіи.

Совершенно сознательное, а не случайное различеніе у Ибнъ-Батуты народностей и языковъ, которыми говорили эти народности, явствуетъ изъ приводимаго имъ курьеза, заключавшагося въ томъ, что въ городѣ Моторни Ибнъ-Батута послалъ двухъ своихъ слугъ, должно быть тоже арабовъ, въ лавку купить соломы для вьючныхъ животныхъ и масла для ѣды. Чрезъ нѣсколько времени одинъ изъ слугъ принесъ солому, а другой возвратился съ пустыми руками и только улыбался. Оказалось, что онъ спросилъ у

---

1) Ibn-Bathouta, II: 290.
2) Ibid., 299. — 3) Ibid., 301. — 4) Ibid., 310—311. — 5) Ibid., 317.

лавочника масла, назвавъ его арабскимъ словомъ *самнъ* — سمن —, а лавочникъ на это предложилъ ему охапку соломы, сказавъ: «Вотъ тебѣ *саманъ*!» Недоразумѣніе вышло изъ-за того, какъ оказалось потомъ, говоритъ Ибнъ-Батута, что «солому *на языкѣ турковъ* называютъ *саманъ*, а масло называется у нихъ *руганъ*» = انهم يقولون للتبن سمن بلسان الترك و اما السمن فيسمى عندهم روغان [1]). Вслѣдъ затѣмъ, присовокупляетъ Ибнъ-Батута, путешественники взяли въ спутники себѣ какого-то странника, знавшаго арабскій языкъ, потому что, говоритъ онъ, мы подвергались непріятностямъ «изъ-за незнанія *языка турковъ*» = من عدم المعرفة بلسان الترك [2]).

Приведенныхъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы убѣдиться въ ясности пониманія Ибнъ-Батутою, какое изъ множества называемыхъ у него неарабскихъ словъ относится къ какому языку. Слѣдовательно, сказавъ, что *челеби* есть слово *греческое*, онъ или разспросилъ объ этомъ на мѣстѣ, или же разузналъ впослѣдствіи; но фактъ остается фактомъ.

Но Ибнъ-Батута, положимъ, былъ арабъ и заѣзжій въ Малой Азіи человѣкъ, и, какъ чужестранецъ, онъ могъ случайно впасть въ ошибку, смѣшавъ двѣ разныя вещи, а потомъ повторять эту ошибку, не заботясь о ея провѣркѣ и исправленіи.

Однако при изслѣдованіи оказывается, что любознательный и наблюдательный арабъ на этотъ разъ не ошибается, потому что занесенный имъ въ свой итинерарій фактъ находитъ себѣ самое неопровержимое подтвержденіе въ языкѣ и литературѣ самихъ турковъ, а именно опять-таки въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ — قصة ملك دانشمند —, гдѣ на любой страницѣ имѣется сколько угодно данныхъ, убѣждающихъ въ томъ, что турки совершенно сознательно отличали себя отъ *румовъ*, т. е. отъ грековъ, и свой турецкій языкъ отъ языка *румскаго*, т. е. отъ греческаго. Вотъ нѣсколько наиболѣе разительныхъ примѣровъ, встрѣчающихся на протяженіи всей поэмы. ملك ارشدى چاغردى روم دلنجه كم قپوى اچوك [3]) = «Меликъ приспѣлъ и закричалъ *на греческомъ языкѣ*: «Отворите ворота!»; ارتوخى چاغردى كافره كم ادك ندر لعين ايتدى كم بنم ادم حلفيون رومى درلر ددى [4]) = «Артухи закричалъ кяфиру: «Какъ твое имя?» — Проклятый сказалъ: «Меня *греки* называютъ именемъ Хальфіонъ»; ارتوخى اول يكده ايتدى توركجه يكيت سن بنى نتة بلدك ددى [5]) = «Артухи сказалъ тому молодцу *потурецки*: «Эй, молодецъ, ты какъ меня узналъ?»; اول يكدك ادنى احمد قودى و لى كن روميلر اكه سركيز ديرلر ايدى [6]) = «(Артухи) далъ тому молодцу имя Ахмедъ; а *греки* называли его Сергіосъ»; چون سركيس قرشودن كورديلر روم دلنجه صورديلر [7]) = «Когда они (стражники)

---

1) Ibid., 334. — 2) Ibid., 335.

3) Рукоп., л. 64 r., 196 v. и 222 r. — 4) Л. 128 r. — 5) Л. 155 v. — 6) Л. 168 r. — 7) Л. 192 v.

увидѣли съ противоположной стороны Сергіоса, спросили его *погречески*»; تيز افروميا روم دلنجه ايتدى [1]) = «Афрумія вскорѣ сказала (стражникамъ) *погречески*»; احمد سركيس خيمه‌سنك اوتوردى روم دلنجه بر نامه يزدى نسطوره كم تيتى ميتى [2]) = «Ахмедъ Сергіосъ сѣлъ въ своей палаткѣ и написалъ *на греческомъ языкѣ* письмо Нестору, что, молъ, *тити мити*...»; افروميا غوراس قاتنه كلدى غوراسه دللرنجه سويلدى [3]) = «Афрумія (гречанка - ренегатка) пришла къ Гурасу (своему отцу) и говоритъ Гурасу на *ихнемъ языкѣ*». انلر دخى چوق ترك جرسنى الديلر رومه عزم قلديلر [4]) = «Они взяли большое *турецкое* войско и пошли на *Румъ*».

Кромѣ такого отвлеченнаго различенія турковъ и грековъ по языку, въ рукописи имѣются даже цѣлыя греческія фразы, конечно только подвергшіяся большему или меньшему искаженію, если, можетъ быть, не со стороны автора первоначальной редакціи «Сказанія о Меликѣ Данышмендѣ», то со стороны позднѣйшаго подновителя Сказанія, а тѣмъ паче со стороны переписчиковъ какъ оригинала, такъ и подновленія. Такъ въ разсказѣ о томъ, какъ Меликъ изъ 30.000 плѣнныхъ грековъ изъ Иконіи (ينقونيه), отказавшихся принять исламъ, велѣлъ 1000 человѣкъ изрубить въ куски передъ самымъ городомъ, читаемъ, что видѣвшіе эту бойню съ городскихъ башенъ кяфиры начали испускать вопли и закричали *на греческомъ языкѣ*: ايلمينى ميداسينى دينه بسومى [5]), что не безъ нѣкоторыхъ усилій можно погречески изобразить такъ: Οἱ καμένοι κ'οἴδασιν τί νὰ ποίσουσι = «Бѣдные, не знаютъ, что дѣлать имъ!» Далѣе, въ продолженіи того же эпизода, въ уста грековъ, видѣвшихъ съ городской стѣны избіеніе христіанъ Меликомъ, влагается еще такое восклицаніе тоже на греческомъ языкѣ: امس ذى نابسنومى [6]), которое легко истолковывается погречески такъ: Ἡμεῖς τί νὰ ποίσουμι = «Что намъ дѣлать?!» Наконецъ слѣдуетъ опять припомнить уже приведенную выше (стр. 34) греческую фразу, произнесенную настоятелемъ греческаго монастыря во время торжественной процессіи для встрѣчи мнимаго чудотворнаго Креста Господня, яко бы присланнаго требизондскимъ княземъ: كلو سيرتير پوتى اسطروس [7]), значеніе которой въ рукописи передано потурецки словами: خوش كلدكوز اول خاج قانى = «Добро пожаловать! А гдѣ же тотъ крестъ?», и которую, примѣнительно къ указанному турец-

1) Рукоп., л. 196 v. — 2) Л. 220 r. — 3) Л. 239 v. — 4) Л. 261 r. & v.

5) Л. 216 r. Эту турецкую транскрипцію греческой фразы я разобралъ при благосклонномъ содѣйствіи г. Пападопуло-Керамевса, причемъ нами предположено, что въ первомъ словѣ буква ﻻ съ фатхою надъ ней могла явиться у кого-либо изъ переписчиковъ вмѣсто сходной съ нею въ этомъ начертаніи буквы ك; что во второмъ словѣ начальное ﻣ замѣнило, можетъ быть, букву ﻗ, а въ четвертомъ словѣ таковое же ﻣ могло образоваться изъ ﺴ.

6) Рукоп. л. 218 r. — 7) Л. 240 v.

кому ея переводу, можно воспроизвести погречески въ такомъ видѣ: Καλῶς ἤρτην! Ποῦ τον ὁ Σταυρός?».

Кромѣ того, надо также предполагать искаженіе какого-то греческаго выраженія, которое стоитъ въ началѣ поддѣльнаго письма требизондскаго князя и заключается въ словахъ تیتی و میتی خر عیسا [1]). Всего ближе по звукосочетанію, можно тутъ, по мнѣнію г. Керамевса, подобрать греческую фразу: Mὶ τὶς χαρὲς σας, смыслъ которой «A votre santé» или «Вотъ вамъ подарокъ!», конечно, не совсѣмъ ясенъ, по мѣсту нахожденія ея въ началѣ письма, и если не принять приданное ей выше толкованіе [2]). Если есть что въ ней похожаго на турецкое, такъ развѣ слова خر عیسا, въ которыхъ, пожалуй, еще можно усматривать довольно грубый, хулительный турецкій каламбуръ на греческое слово высокаго, священнаго значенія — Χριστὸς [3]).

Турки не только не смѣшивали себя въ названіи съ греками, или вообще съ другими національностями, хотя бы и жившими съ ними бокъ-о-бокъ въ одной и той же мѣстности, носившей географическое у нихъ обозначеніе *Румъ* — روم —, но еще дѣлали болѣе или менѣе сознательное племенное различеніе и между своими религіозными и политическими противниками христіанами. Такъ, напр., въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» постоянно встрѣчаются обозначенія въ родѣ слѣдующихъ: دمتری رومی [4]) = «Дмитрій *грекъ*»; بدروس رومی [5]) = «Бедросъ *грекъ*; عطوس فرنك [6]) = «Атосъ *франкъ*»; بدرنكوس فرنك [7]) = «Бедренкосъ *франкъ*»; درت یوز یكت حرامی سی وار كمی رومی كمی فرنك در [8]) = «Есть четыреста удальцовъ разбойниковъ у него (у франка Торсувара) — кто *греки*, кто *франки*»; فرنك چریسی [9]) = «*Франкское* войско»; كورجیلر [10]) = «*Грузины*»; كورجی لشكری [11]) = «*Грузинская* армія»; ارمن سلطانی [12]) = «*Армянскій* царь»; فرنكدن اروس چریسی آص صوغداغیلر [13]) = «Изъ франковъ *русское* войско, *асы*, *согдакцы*». Точно также и въ «*Искендэръ-намэ*», въ добавочной статьѣ, озаглавленной داستان و تواریخ ملك آل عثمان, про султана Орхана говорится въ такихъ выраженіяхъ: اول اولیدیكه رومه صوندی ال قیصره ایرورلردی جوق درلو زلل ورسق و طرغوت و ترك و روم

1) Рукоп., л. 239 г. и 181 г.

2) См. стр. 35, примѣч. 2.

3) А можетъ быть, это выраженіе тожественно съ тою клятвенною христіанскою формулою, которая приводится въ сельджукской хроникѣ Ибнъ-Биби: ایستم بستم متی خرستو متی بنایا и истолкована издателемъ хроники посредствомъ греческой фразы: Εἰς τὴν πιστιν μετα Χριστου μετα παναγιας (Houtsma, op. cit., p. 40). Эта клятва только въ сокращенномъ видѣ повторена еще разъ въ хроникѣ въ такомъ видѣ: اول (فاسلیوس دخی) قسم یاد ایدوب انجیل و خرستوسه آند اچدی (Ibid., p. 113).

4) Рукоп., л. 189 г. — 5) Л. 251 v. — 6) Лл. 142 v., 143 г. — 7) Л. 121 г. — 8) Л. 168 г. 9) Л. 121 г. — 10) Л. 133 г. — 11) Лл. 130 v., 139 г. — 12) Л. 247 v. — 13) Л. 219 v.

و شام انوکیله بیله بیدی انده تمام [1])=«Онъ первый простеръ руку на Румъ, причинилъ императору много разныхъ бѣдъ; *варсаки*, *торгуты*, *турки*, *греки* и *сирійцы* — всѣ были также съ нимъ тогда». Здѣсь турки выдѣляются не только отъ *грековъ*— روم — , но даже и отъ другихъ родственныхъ тюркскихъ племенъ *варсакъ* — ورسق — и *торгутъ* — طرغوت.

Въ еще болѣе, пожалуй, раннемъ памятникѣ, въ сельджукидской хроникѣ Ибнъ-Биби про везиря султана Гайасъ-Эддина очень опредѣленно говорится: و رومده سویلنن دللردن پارسی و ترکیدن غیری بیش دل بلوردی که اناطولی‌ده و روم ایلنه سویلنردی [2])=«Изъ языковъ, на которыхъ говорятъ въ Румѣ, онъ, кромѣ *турецкаго* и персидскаго, зналъ пять языковъ, на которыхъ говорили въ Анатоліи и въ Румеліи». Въ другомъ мѣстѣ разсказывается цѣлое происшествіе, во время пребыванія одного мусульманина султана изъ Магриба въ гостяхъ у греческаго василевса въ Стамбулѣ, состоявшее въ горячей распрѣ между этимъ султаномъ и самохваломъ-франкомъ, при чемъ дошло до того, что فرنکلر و رومی‌لر تعصب و غوغا اتدلر و سلطانه حمله قلوب هلاك اتمکه قصد اتدلر [3])=«Франки и *греки* проявили фанатизмъ и учинили свалку: бросившись на султана, намѣревались убить его».

Слѣдовательно турки всегда называютъ себя турками — ترکلر — ; но когда противопоставляютъ себя другимъ народамъ немусульманской вѣры, то величаютъ себя мусульманами: بو موکللر مسلمانلرمیدر یوخسه رومیلرمیدر [4]) = «Эти приставники мусульмане или греки?» کرجی و فرنك و رومی چرسی جملهسی مسلمانلره قرشدی عظیم صواش اولدی [5]) = «Войска грузинское, франкское и греческое — всѣ схватились съ мусульманами; произошло великое побоище».

Но вотъ что замѣчательно: въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» въ огромномъ большинствѣ случаевъ турки обозначаются терминомъ سنیلر — [6]) *сунниты*, оттѣняющимъ принадлежность ихъ не только вообще къ исламу, а еще къ извѣстному правовѣрному мусульманскому суннитскому толку восoбенности. Поэтому въ Сказаніи безпрестанно встрѣчаются такого рода выраженія: عطوش فرنك ... سنیلردن ار طلب قلدی [7]) = «Атошъ Франкъ потребовалъ отъ суннитовъ супротивника»; چوقلق سنیلردن شهید اولمشلر [8]) = «Множество суннитовъ сдѣлались мучениками»; عطوش

1) Рукоп. И. П. Б. IV, 2: 82, л. 200 r.

2) Op. cit., p. 63.

3) Ibid., p. 39.

4) Сказаніе о Меликѣ. Рукоп., л. 203 v.

5) Л. 144 r.

6) Лл. 52 r., 55 v., 68 v., 70 v., 121 v., 143 v., 144 r., 145 v., 162 r., 179 r , 185 r., 205 r. и др.

7) Рукоп., л. 143 v. — 8) Л. 144 r.

لعین سنیلردن ینه بی حد مسلمان شهید ایلدی[4] = «Проклятый Атошъ опять безсчетно мусульманъ изъ суннитовъ сдѣлалъ мучениками».

Да и не въ одномъ только этомъ Сказаніи находится такое ясное выдѣленіе *турецкаго* и отличеніе его отъ греческаго. Авторъ «*Гарибъ-намэ*» Аашикъ-паша въ концѣ своего произведенія, написаннаго потурецки, съ оттѣнкомъ сожалѣнія распространяется о маломъ уваженіи его соотечественниковъ къ своему *турецкому* языку: ترك دلینا کمسنا بقمازدی * ترکلرا هرکز کوکل اجمازدی[1]) = «Никто не глядѣлъ на *турецкій языкъ;* * Никогда не открывалъ своего сердца *туркамъ*», и т. д. А Султанъ-Веледъ, написавши свое «*Ребабъ-намэ*» поперсидски и только вставивъ въ него 157 турецкихъ двустишій, напротивъ, самъ, какъ бы извиняясь въ этой турецкой вставкѣ, сознается въ своемъ незнаніи турецкаго языка въ такихъ словахъ: ترکجه بلسیدم بن ایدیدم سزا * سزلری کم تنکری دن دکدی بزا[2]) = «Если бы я зналъ *потурецки*, я бы высказалъ вамъ * Тѣ слова, что дошли отъ Бога къ намъ». Отмѣтивъ турецкую вставку заглавіемъ ترکی[3]) = «*Турецкое*», Султанъ-Веледъ, помѣстивъ передъ тѣмъ еще 21 полустишіе *греческое*, поставилъ передъ ними оглавленіе رومی[4]) = «*Греческое*». Наконецъ Хатыбъ-оглу въ широковѣщательномъ вступленіи къ своей поэмѣ *Ферахъ-намэ* — فرح نامه — довольно торжественно заявляетъ, что онъ *турецкій* языкъ дѣлаетъ орудіемъ провозглашенія словъ Пророка: کیم رسول الله سزیدر بو کلام * ترکی دلده نظم ادب قلدم تمام[5]) = «Сія рѣчь есть слово Пророка; * Я изложилъ стихами на *турецкомъ* языкѣ и кончилъ».

Всѣ вышеприведенныя мѣста изъ Гарибъ-намэ и Ребабъ-намэ извѣстны были и г. Гиббу[6]), и потому остается непонятнымъ, почему онъ все-таки пустился въ длинное разсужденіе о томъ, что «an Ottoman

---

1) Рукоп., л. 148 r.

2) Будапештская рукоп. № F. 46, л. 226 r.

3) Будапештская рукоп. № Qu. 9, л. 184 r., стихъ 92.

4) Ibid., л. 182 r. — 8) Л. 179 v.

5) Будапештская рукоп., № O. 24, л. 10 r. Кстати замѣтить, что г. Гиббъ почему-то старается убѣдить, что названіе поэмы *Ферахъ-намэ* — فرح نامه — слѣдуетъ читать *Ferrukh-Name* or «the Book of Ferrukh» (the name of the hero) (Op. cit., I, p. 256), когда въ самой поэмѣ въ послѣсловіи ясно говорится: ویردم ادن هم فَرَحْ نامه ای یار * هم فَرَحْ بولور اوقوین اشکار = «Я далъ сй (поэмѣ) имя Книга Радости; о другъ! * И читающій, очевидно, обрѣтетъ радость» (Рукоп., л. 249 v.). При этомъ г. Гиббъ трактуетъ все о сочиненіи не *Хатыбъ-оглу*, а какого-то *Шейхъ-оглу*; но такъ какъ онъ тутъ же указываетъ на разногласіе относительно автора поэмы, то можно думать, что и самъ онъ и тѣ, кого онъ оспариваетъ, ошибаются, приписывая это произведеніе кому-то другому, а не Хатыбъ-оглу, который постоянно упоминается въ поэмѣ въ такомъ видѣ: ای خطیب اغلی صقنغل ادکی (Рукоп., л. 128 r.).

6) Op. cit., I, pp. 154, 168, 182.

Turk is called by these (by Persians, Tartars, Afghans and Indians) a «Roman», and the Ottoman language, the Roman language»[1]), безъ всякаго съ своей стороны намека на неправильность такого обзыванія турковъ греками и турецкаго языка — греческимъ, каковая неправильность, надѣюсь, въ достаточной мѣрѣ выяснена и доказана выше собранными для сего данными.

Слѣдовательно теперь остается только вновь вернуться къ категорическому заявленію Ибнъ-Батуты, что слово *челеби* — چلبى — есть слово *греческое* и, исходя изъ этого положенія, оставить втунѣ всѣ доселѣшнія толкованія этого слова до толкованій Гаммера и барона В. Г. Тизенгаузена всключительно[2]), а обратиться къ языку греческому и попытаться поискать въ греческой лексикологіи оправданія и подтвержденія этому заявленію арабскаго путешественника, проявившаго, надо замѣтить, достаточную основательность въ неоднократныхъ этимологическихъ объясненіяхъ и другихъ словъ, подслушанныхъ имъ у турковъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло во время своихъ странствій.

Обращаясь же къ языку греческому, мы находимъ тамъ слово, которое и по своему звуковому составу, и по своему значенію, можетъ безъ всякой натяжки быть сопоставлено съ турецкимъ словомъ *челеби*, какъ первообразъ послѣдняго. Слово это есть καλλιεπής, которое находится во всѣхъ солидныхъ греческихъ лексиконахъ и значитъ въ переводѣ на другіе языки: «Pulchre s. eleganter loquens»[3]); «Schön redend, singend, schreibend»[4]); «eleganti sermone s. cantu utens, pulchre fabricatus»[5]); «disert, élégant, orné, fleuri»[6]); а греческіе его синонимы суть: «γλαφυρῶς ὁμιλῶν ἤ γράφων, εὐφραδής, εὐρήμων»[7]), т. е. «рѣчистый, красно пишущій, хорошо поющій, нарядный, цвѣтистый».

---

1) Ibid., p. 149.

2) Гаммеръ мимоходомъ касается этимологіи слова *челеби* три раза и вездѣ сближаетъ его съ арабскимъ جلب — *«джельбъ»*, откуда произошло جلبان — *«джельбанъ»*, наименованіе египетскихъ Мамлюковъ, но при этомъ присовокупляетъ, и каждый разъ все съ большею увѣренностью, что «Das Wort *Tschelebi* scheint der Ableitung nach das lateinische Wort *caelebs* zu sein» (Gesch. d. Osm. Reiches. II: 470; V: 467 и VII: 567). А покойный баронъ В. Г. Тизенгаузенъ ограничивается повтореніемъ первой гаммеровской конъектуры, т. е. производствомъ слова *челеби* отъ арабскаго جلب и جلبان = «привозный товаръ» и «невольникъ». (Записки Восточн. Отд., т. XI, стр. 308), но уже оставляетъ въ покоѣ затронутое Гаммеромъ латинское *caelebs* = «холостякъ».

3) Thesaurus Graecae linguae ab Henrico Stephano constructus. Parisiis, 1841. Vol. IV, p. 879.

4) Fr. Passow, Handwörterbuch der Griechischen Sprache begründet. Leipzig, 1847. B. I, Abth. 2, S. 1561.

5) Lexicon Graeco-latinum manuale ex optimis libris concinnatum. Lipsiae, 1830, p. 400.

6) Ἀγγέλου Βλαχου, Λεξικὸν ἑλληνογαλλικόν. Ἐν Ἀθήναις, 1897, стр. 448.

7) Ἀνεστη Κωνσταντινίδου, Μέγα Λεξικὸν τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης. Ἐν Ἀθήναις, 1902. Т. II, стр. 584.

Это слово *καλλιεπής* вездѣ стоитъ не водиночку, а и съ глаголомъ *καλλιεπέω* и *καλλιεπέομαι*, и съ существительнымъ *καλλιέπεια*, и съ нарѣчіемъ *καλλιεπῶς*. Оно очень давняго литературнаго употребленія и, какъ авторитетно свидѣтельствуетъ г. Пападопуло-Керамевсъ, до настоящаго времени употребительно даже въ обиходной рѣчи современныхъ грековъ. Всѣ приведенныя значенія этого слова какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ тому латинскому «*nobilis*» или «*nobilissimus*», которымъ переводятъ турецкое слово *челеби* европейскіе писатели XVI вѣка, занесшіе его въ свои хроники еще, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ его возникновенія у турковъ, т. е. когда оно еще не успѣло окончательно вытѣснить изъ мѣстнаго говора своего греческаго предшественника — *καλλιεπής*; но только по недоразумѣнію, весьма возможному въ тѣ темныя времена, эти писатели превратили его въ небывалое собственное имя *Calepinus* нѣкотораго историческаго лица, или даже нѣсколькихъ извѣстныхъ исторіи дѣйствительныхъ лицъ, въ связи съ подлинными именами которыхъ оно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, получило наибольшую извѣстность и распространеніе въ европейской образованной публикѣ и литературѣ.

Къ туркамъ слово *καλλιεπής* попало, какъ уже было выше замѣчено, заурядъ съ другими греческими словами одной съ нимъ категоріи, а фонетическое видоизмѣненіе его въ *челеби* — چلبی — не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго съ точки зрѣнія турецкой фонетики, въ которой переходъ звука *к* въ *ч* нерѣдко наблюдается, и преимущественно въ словахъ, заимствованныхъ. Такъ въ малоазіатскомъ діалектѣ существуютъ слова *чöрпэ* — چوربه (звѣрокъ) изъ *кöрпэ* — کوربه[1]); *чöрекъ* — چورك (лепешка, коврижка) изъ کورك — *кэврекъ*[2]); *джамусъ* — جاموس (буйволъ) изъ перс. *гяумишъ* — کاومیس[3]); *чолакъ* — چولاق (безрукій, калѣка) изъ греч. *κουλός*[4]); *челикъ* — چلیك (булатъ) изъ греч. *χάλυψ*[5]); *джаверсъ* — جاورس (просо) изъ перс. کاورس[6]); *джаушиpъ* — جاوشیر (камедь) изъ перс. کاوشیر[7]); *хучумэтъ* — حچومت (управленіе) изъ араб. حکومت[8]); собственное имя одного городка *Кöпрю* — کوپری (мостъ), изъ греческ. *γέφυρα*, по свидѣтельству Левенклава выговаривалось турками и *чупрю* — «Turcis nunc adpellatur *Tzupri*, et Cupri, quorum *utro*-

1) Вефыкъ, Легджеи-Османи, стр. 492.
2) Redhouse, A Turkish and English lexicon, pp. 735 & 1586.
3) Ibid., 637.
4) Ibid., 739 и Φαρδύς, Λεξικον Ελληνοτουρκικον. Ἐν Κωνσταντινουπολει, 1860, стр. 467.
5) Ibid., 919.
6) Redhouse, 639.
7) Ibidem.
8) Слышано мною въ Брусѣ.

que pons ipsorum lingua significatur—»[1]); далѣе не невозможно, что глаголъ *чакмакъ*—چاقمق (колотить) и *какмакъ*—قاقمق (вбивать) не болѣе какъ фонетическія разновидности одного и того же корня. Наконецъ, относительно перехода *к* въ *ч* въ турецкомъ языкѣ имѣется такое любопытное наблюденіе у архитюркскаго писателя Абу-ль-Гази Багадуръ-хана: قديم ترك تيلندا ايچى قوش يغاچنى قپچاق ديرلار..بو وقتدا هم ايچى قوش يغاچنى چپچاق ديتورورلار قرا خلق نينك تيلى كيلماس ليكدين قافنى چم اوقوى تورورلار شول قپچاق تورور چپچاق ديتورورلار[2])=«На старомъ турецкомъ языкѣ *капчакъ* называютъ полое внутри дерево... Въ настоящее время полое внутри дерево называютъ также *чапчакъ*. Простой народъ по неправильности рѣчи *кафъ* произносятъ какъ *чимъ*, и такимъ образомъ *капчакъ* выговариваютъ *чапчакъ*».

Такая фонетическая наклонность къ измѣненію *к* въ *ч* въ началѣ словъ свойственна не одному турецкому языку, а и другимъ языкамъ, напр. русскому: имя богатыря *Чурило* есть видоизмѣненное греческое *Кириллъ*; *чингалище* изъ араб.-тур. *ханджаръ*; *чайка* изъ тур. *каикъ*; *чучело* изъ тур. *кукла* и греч. *κούκλα*; *чудесникъ* изъ старин. *кудесникъ*; равнымъ образомъ англ. *Charles* изъ герм. *Karl; Church* изъ *Kirche* и др.

При такомъ условіи естественно, что заимствуемое изъ чужого языка чаще и легче подвергается извѣстному фонетическому измѣненію, чѣмъ свое природное. А что турки уже въ старыя времена многое брали преимущественно изъ языка грековъ, это доказываетъ весьма значительное число собственныхъ греческихъ, отчасти также и армянскихъ, именъ въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ», гдѣ эти имена подверглись большему или меньшему измѣненію, какъ напримѣръ: ادريانوس[3]) — *Адріаносъ*, استفانوس[4])—*Астефаносъ*, اقلاطيس[5]) — *Аклатисъ*, الكيس[6]) — *Алкисъ*, بدروس[7]) — *Бедросъ*, تكفور[8]) — *Текфуръ*, ثماطرغوس[9]) — *Самaтуріосъ*, ثماغوريس[10])—*Самагурисъ*, ثمادريوس[11]) — *Самадуріосъ*, خرسانوسيه[12]) — *Харсаносія*, خرشنه[13]) — *Харшина*, دريانوس[14]) — *Дарьяносъ*, دمترى[15]) — *Димитрій*, سركيس[16]) — *Сергіосъ*, صنبط[17])—*Сунбатъ*, عراقيل[18]) — *Аракель*, عناديس[19]) — *Ынадисъ*, غوراس[20])—*Гурасъ*, فاسيل[21])—*Фасыль*, قاليوروس[22])—*Каливеросъ*, قلايون[23])—*Калаюнъ*, قومنات[24])—*Команатъ*, كالوس[25])—*Калусъ*, كبريانوس[26])—*Кибріа-*

1) Leunclavius Historiae Musulmanae Turcorum... libri XVIII. Francofurti, 1591, col. 442 & 868. Срав. у него же транскрипцію словъ Tzuneit (ibid., col. 7), Tzihan и Tzihangir (ibid. col. 11), Tzaus (ibid., col. 237), Tzamurlu (ibid., col. 458) и др.

2) Histoire des Mongols et des Tatars par Aboul-Ghazi, publ. par le Baron Desmaisons, St. Ptb. 1874, t. I, p. 19.

3) Рукоп., л. 57 v. — 4) 73 v. — 5) Ibid. — 6) 248 r. — 7) 251 v. — 8) 69 v. — 9) 235 r. 10) 240 r. — 11) 241 r. — 12) 74 r., 176 v., 189 r. — 13) 73 v., 189 r. — 14) 51 v., 64 r., 150 v. 15) 189 r. — 16) 228 r. — 17) 123 r., 127 r. — 18) 58 r. — 19) 179 r. — 20) 243 v. — 21) 240 r., 241 r. — 22) Л. 140 v. — 23) 189 r. — 24) 234 v. — 25) 261 v. — 26) 148 v.

носъ, كراكاليوس [1]) — *Киракаліосъ*, كريلوس [2]) — *Кирилосъ*, كيرمانول [3]) — *Кирманулъ*, لياوين [4]) — *Ліавинъ*, مرغريده [5]) — *Маргарида*, فطروب [6]) — *Матрубъ*, مطروبيد [7]) — *Матрубидъ*, منقوريه [8]) — *Манкурія*, مهريانوس [9]) — *Мигріяносъ*, ميدروس [10]) — *Мидросъ*, نسطور [11]) — *Несторъ*, نكولا [12]) — *Никола*, وسليوس [13]) — *Василевсъ*, وليسارين [14]) — *Велисаринъ*, ينقونيه [15]) — *Янконія*, يانيج [16]) — *Яныч*.

Мало того: самый титулъ главнаго героя Сказанія Меликъ-Данышменда — دانشمند —, кромѣ этой настоящей его формы, еще варіируется трояко: болѣе всего онъ является видоизмѣненнымъ въ تالشمن [17]) — *Талыгиманъ*, иногда въ تلشمن [18]) — *Телешмэнъ*, и даже въ تالشمند [19]) — *Талышмандъ*, очевидно потому, что это слово не чисто турецкое, а персидское.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что турки измѣняли заимствованныя ими изъ чужихъ языковъ слова, если обратить вниманіе на то, какимъ ужаснымъ искаженіямъ европейцы подвергали и доселѣ подвергаютъ слова восточныя — арабскія, персидскія и турецкія. Такъ, напр., прославившійся на весь свѣтъ своею печальною участью султанъ Баязидъ I всегда у близкихъ ему по времени европейскихъ писателей перековеркивается то въ *Pazaites* [20]), то въ *Bassantes* [21]), и т. п.; а не менѣе знаменитый побѣдитель его Тимуръ-Ленкъ еще того хуже превращенъ ими въ *Tamburlanus* [22]). Даже такой общеизвѣстный, ходячій добавочный при именахъ восточныхъ владыкъ титулъ, какъ *ханъ* — خان —, и тотъ постоянно является преображеннымъ въ *Cham* и даже *Tchaam* [23]). Чего же еще болѣе, когда существующее названіе Турціи *Оттоманскою* Портою содержитъ въ себѣ искаженіе имени основателя Турецкой имперіи *Османа*?!

То же самое должно было произойти и съ греческимъ καλλιεπής, превратившимся у турковъ въ *челеби*, можетъ быть при содѣйствіи самихъ же европейцевъ, наводнившихъ Левантъ со времени Крестовыхъ походовъ и завладѣнія Константинополя крестоносцами и называвшихся тогда общимъ именемъ *Латинянъ* — Latini —, что не невѣроятно, судя по большому ко-

---

1) Рукоп., л. 259 r. — 2) 163 v. — 3) 255 v. — 4) 126 v., 127 r. — 5) 69 r. — 6) 239 v. — 7) 235 r. — 8) 74 r. — 9) 73 v. — 10) 241 r. — 11) 57 v. — 12) 253 v. — 13) 181 r. — 14) 121 r. — 15) 191 v. — 16) 69 r.

17) Л. 67 v., 113 v., 136 v., 138 v., 169 r., 173 v., 175 r., 177 v., 179 v., 190 v., 193 r., 195 v., 205 v., 227 v., 233 r. & v., 243 v., 252 r., 261 r., 262 r.

18) Л. 131 r., 242 r., 266 v.

19) Л. 249 r.

20) Aulae Turcicae Ottomanicique Imperii descriptio Ant. Geuffraei Galli. Basileae. 1564. Pp. 8 & 41.

21) Ibid., p. 51.

22) Hoffhaltung des Türckischen Kaisers durch Ant. Geuffreum. Basel., S. XLV.

23) Aulae Turcicae etc., p. 41.

личеству варіантовъ, представляющихъ какъ бы переходныя стадіи отъ греческаго первообраза къ турецкому эпигону, каковы: *Calepinus*[1]), *Challabin*[2]), *Chialapinus*[3]), *Chialapius*[4]), *Chialap*[5]) и, наконецъ, *Cheleby*[6]). Изъ этой градаціи фонетическихъ видоизмѣненій мы видимъ, что первоначально подверглась смягченію гласная *а*, увлекая за собою въ этомъ смягченіи и предшествующую ему согласную *к*, вслѣдствіе отраженнаго вліянія плавнаго *л* и соединеннаго съ нимъ *е*, пока окончательно не послѣдовало измѣненія начальнаго звука *к* въ *ч*. Что же касается до окончаній этого слова, то разнообразіе ихъ проистекало отъ своеобразныхъ склонностей того или другого языка, куда попадало оно, придавать то или другое окончаніе подобнымъ изчужа заимствуемымъ словамъ. Изъ греческаго ής легко могло образоваться и европейско-латинское *ius*, и *inus* и *in*. Простое же отпаденіе ς первоначальнаго греческаго окончанія какъ нельзя болѣе споспѣшествовало появленію болѣе короткой турецкой формы *челеби*, такъ какъ звукъ *и* употребителенъ въ турецкомъ языкѣ для образованія именъ лицъ, обладающихъ тѣмъ или другимъ качествомъ, проникши въ турецкую грамматику изъ языка персидскаго и отчасти арабскаго.

Можно, пожалуй, задать еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ слово такого значенія, какое имѣетъ по своему коренному смыслу греческое καλλιεπής = «рѣчистый», «изящный», могло быть облюбовано сперва греками, а потомъ отъ нихъ и турками, подвергшими его незначительному измѣненію въ духѣ фонетики своего языка въ видѣ *челеби?* Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ достаточно указать на тотъ безспорный фактъ, что далеко не всѣ титулы имѣютъ осмысленное значеніе не въ одномъ турецкомъ, а и во всѣхъ другихъ языкахъ. Ну, какой смыслъ имѣютъ хотя бы арабскія слова-титулы *дженабъ* — جناب — и *хазретъ* — حضرت, или греческое слово «философъ» въ примѣненіи ко всѣмъ зауряд монахамъ во времена крещенія Руси, или всѣ наши «его степенство», «его превосходительство» «его сіятельство» и даже «ваша честь» и «ваше здоровье»?! Чѣмъ же страннѣе ихъ греко-турецкое καλλιεπής = چلبی, что оно присвоивалось въ качествѣ почетнаго эпитета не только исторически извѣстнымъ лицамъ, каковы были царевичи Османскаго дома Иса-челеби, Мустафа-челеби и, наконецъ, султанъ Мухаммедъ I челеби, а даже и лицамъ легендар-

1) Secundinus, Op. cit., f. B.
2) Numismat. Ztschr., IX: 208.
3) Pii II, Op. cit., p. 311.
4) Pii II, Op. cit. p. 31.
5) Lewenclaw, Op. cit., p. 158.
6) Ant. Geoffraeus, Op. cit., p. 55.

нымъ, каковъ мнимый предокъ настоящаго родоначальника Османской династіи Эр-Тогруля Іоаннъ *Челеби?* Что было и есть самаго завиднаго въ человѣкѣ, кромѣ внѣшней физической силы и красоты, какъ не обаятельность воздѣйствія чьей-либо человѣческой рѣчи на другихъ людей? А чѣмъ таковая достигается, какъ не тѣмъ, что называется рѣчистостью, за которою не всегда могутъ крыться дѣйствительныя совершенства высокаго ума, чистаго сердца и могучей воли! Даръ слова во всѣ времена и у всѣхъ народовъ какъ-то инстинктивно высоко цѣнился наравнѣ съ физическою мощью и, очевидно, въ этомъ же психическомъ условіи надлежитъ искать причины, почему одни народы считали другихъ, не понимавшихъ ихъ рѣчи, нѣмыми, а греки даже называли ихъ варварами, т. е. вовсе не говорящими, а только бормочущими, болтающими.

И турки, сколь они ни грубы и ни необразованны были въ тѣ времена, къ которымъ относится предметъ нашего изслѣдованія, все-таки придавали большое значеніе такъ называемой учености и единственному проявленію таковой—рѣчистости. Это опять-таки находитъ себѣ подтвержденіе съ разныхъ сторонъ. Самое разительное доказательство этого представляетъ собою личность Мелика-*Даньшменда*, т. е. Царя-*Ученаго*, этого историческаго[1]) поборника ислама противъ крестоносцевъ и романтическаго героя цѣлаго о немъ Сказанія, который уже по одному своему имени былъ олицетворенньмъ идеаломъ турецкой доблести и мусульманскаго правовѣрія. И этотъ *ученый* герой является не одиночкою, а лишь блестящимъ звеномъ въ цѣлой серіи владѣтельныхъ лицъ сельджукской отрасли, образующей хоть и небольшую, но все же исторически извѣстную, правящую династію *Даньшмендовъ*. Мало того: въ «Сказаніи о Меликѣ Даньшмендѣ» неоднократно выводится популярная личность другого излюбленнаго у турковъ народнаго богатыря Сейидъ-Баттал Гази, съ которымъ Меликъ былъ въ родствѣ по матери, какъ гласитъ легенда. А Сейидъ-Батталь, какъ разсказывается про него въ особой также довольно старой поэмѣ, еще въ дѣтствѣ, подобно нашему русскому богатырю Васькѣ Буслаеву, отличался грамотностью, ученостью и *краснорѣчіемъ*, которымъ онъ потрясалъ во время своихъ проповѣдей сердца слушателей. Въ «Сказаніи о Меликѣ Даньшмендѣ» въ одномъ мѣстѣ говорится, что въ числѣ четырехъ сотъ турковъ, попавшихъ въ плѣнъ къ грекамъ было «нѣсколько хафизовъ, нѣсколько *даньшмендовъ* и нѣсколько ученыхъ»[2]), и вчастности поименованы

1) Ему посвящена монографія византолога Ѳ. И. Успенскаго, помѣщенная въ Запискахъ Императорскаго Одесск. Общ. Ист. и Древностей, т. XI, стр. 1—40.

2) Рукоп., л. 164 v.

два лица, омусульманившаяся Мерьемъ и ея мужъ Каратегинъ, которые день и ночь занимались наукою — مریم خاتون . . . کیجه و کندز قرتکینله علم بحثن قلوردی[1]). Равнымъ образомъ въ числѣ достоинствъ одного благочестиваго и праведнаго мужа Халиля подчеркнуто, что онъ былъ «любомудрый и весьма ученый человѣкъ» — دانشمند ادی خوب عالم کشیدی —[2]). Легенда о знаменательномъ сновидѣніи, которое посѣтило Эр-Тогруля, предка дома Османлы, говоритъ, что это сновидѣніе, предвѣщавшее величіе потомковъ Эр-Тогруля, было ниспослано ему свыше за усердное сладкогласное чтеніе Корана, которымъ онъ занимался въ ночномъ уединеніи во время своего пребыванія въ домѣ одного благочестиваго шейха[3]).

Но всего болѣе подтверждается высокое уваженіе турковъ къ краснорѣчію характеристикою Іоанна *Челеби*, по которой это былъ человѣкъ ученый, энергичный и, главное, не только дѣлавшій самъ то, что хотѣлъ, но и могшій убѣдить другихъ въ томъ что какъ онъ хотѣлъ, такъ и должно было быть.

Кромѣ того, есть положительныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, какое важное значеніе *турки* вообще, т. е. сельджуки и позже османлы, придавали рѣчистости, какъ признаку особенной образованности, наравнѣ съ другою доблестью — съ военной храбростью. Такъ въ сельджукской лѣтописи Ибнъ-Биби въ числѣ высокихъ качествъ султана Иззъ-Эддина Кейкауса выставляется то, что онъ «въ каллиграфіи, стилистикѣ и *краснорѣчіи* былъ безсравненный» — (و خط و انشا و بلاغتده بی نظیر (دی[4]). Тамъ же повѣствуется, что во время осады Ангоры Иззъ-Эддиномъ Кейкаусомъ почетныя лица города съ согласія своего султана Аля-Эддина, брата Иззъ-Эддина, «устроили сходку и совѣщаніе и отправили *краснорѣчиваго* и *борзаго на языкъ* посланца» — شهرك معتبرلری . . . دیرنك و اجتماع ایدوب بر فصیح چرب زبان قاصدی . . . کوندردلر[5]) —. Въ характеристикѣ султана Орхана I турецкіе историки отмѣчаютъ между прочимъ и то, что онъ былъ «*сладкоязычный*» — طاتلو دیللو[6]) —, т. е. «краснорѣчивый»; а въ подобной же характеристикѣ султана Мухаммеда I говорится, что онъ былъ «*сладкорѣчивый*» — شیرین سوزلی[7]) —. Всѣ эти турецкіе эпитеты — شیرین سوزلی, فصیح, چرب زبان, طاتلو دیللو представляютъ почти буквальный, можно ска-

1) Рукоп., л. 164 v.
2) Л. 178 v.
3) Аали-эфенди, *Кюнгу ль-ахбаръ*, констант. изд., т. V, стр. 24.
4) Houtsma, Op. cit., p. 108.
5) Ibid., p. 119.
6) Аали, *Кюнгу ль-ахбаръ*, V: 41.
7) *Тарихи Солакъ-задэ*, констант. изд., стр. 124.

зать, переводъ греческаго χαλλιεπής = «*челеби*», какъ и прозывались на-особицу три царственныхъ брата — Муса, Иса и, наконецъ, Мухаммедъ I.

А что такіе эпитеты не были одни только льстивыя велерѣчія лѣтописцевъ-панегиристовъ, это подтверждается другими историческими справками. Такъ про сельджукскаго султана Аля-Эддинъ-Кей-Кобадъ-бенъ-Кэй-Хосрева свидѣтельствуется, что онъ «углублялся въ исторію и сказанія о древнихъ царяхъ и въ описаніе ихъ похвальныхъ и доблестныхъ дѣяній....»; что «всѣ его собесѣдники были все люди даровитые, поэты и мужи краснорѣчія» — ندیملری فضلا و شعرا و اهل شیرین زبان کشیلری — ; что «и самъ онъ былъ одаренъ многими способностями и качествами и сочинялъ также стихи» — و شعر دخی ایدوردی — ; «что хотя онъ самъ былъ родомъ турокъ и изъ огузскихъ султановъ, но когда не хватало стиховъ турецкихъ, они приходили у него изъ Персіи: большею частью онъ говорилъ поперсидски»[1]).

Равнымъ образомъ относительно многихъ османскихъ султановъ извѣстно, что они занимались литературою и сочиняли цѣлые диваны стихотвореній, каковы, напримѣръ, султанъ Мухаммедъ II Фатихъ, султанъ Баязидъ II. Восебенности этимъ славился султанъ Селимъ I Явузъ, во многомъ похожій на нашего Ивана Грознаго и близкій къ нему по времени царствованія (1512—1520): онъ даже въ походахъ держалъ при себѣ книги и надосугѣ по ночамъ предавался чтенію любимыхъ произведеній въ родѣ *Искендэръ-намэ.* Про него въ османскихъ лѣтописяхъ сохранилось даже преданіе, что во время персидскаго похода 1514 года онъ укротилъ взбунтовавшихся янычаръ, недовольныхъ трудностями такой отдаленной отъ ихъ отечественнаго очага кампаніи, произнесши передъ ними пламенную рѣчь, которую онъ закончилъ персидскимъ стихомъ: من نمی گردم از این عزم که در دل دارم = «Я не отступлюсь отъ намѣренія, которое имѣю въ сердцѣ»[2]).

Что же касается того, что титулъ *челеби* получилъ наибольшую широкую популярность съ эпохи начала XV вѣка въ связи съ именами сыновей султана Баязида I Исы-челеби, Касима-челеби и Мусы-челеби, то объясненія этому обстоятельству слѣдуетъ искать въ исторической важности самой эпохи въ жизни османскаго государства. Въ это время начинается большая заинтересованность турками со стороны западной Европы, какъ военной, такъ и ученой. Кромѣ того, популяризація титула *челеби* обусловливалась особенною судьбою вышеназванныхъ османскихъ царевичей, про

---

1) Houtsma, Op. cit., p. 216.
2) Hammer, Gesch. d. Osm. R., II: 411.

которыхъ византiйскiе историографы сказываютъ, что они подолгу живали, а иные и вѣкъ свѣковали при константинопольскомъ дворѣ, т. е. въ центрѣ тогдашней византiйской образованности, и посвящали себя прилежному изученiю эллинской мудрости [1]), такъ что послѣ этого возможно было, что не они сами называли себя, а другiе стали величать ихъ титуломъ *челеби*, какъ выдававшихся усвоенностью внѣшнихъ признаковъ этой образованности на греческiй маперъ въ своей родной турецкой средѣ, которую греки считали и называли не иначе какъ варварскою. Этотъ титулъ присвоенъ былъ имъ турецкимъ, такъ сказать, общественнымъ мнѣнiемъ совершенно по тѣмъ же основанiямъ, по какимъ донынѣ присваивается онъ настоятелямъ всѣхъ дервишскихъ орденовъ, какъ долженствующимъ соединять въ своемъ лицѣ благочестивую сановитость съ подобающими ихъ сану и положенiю ученостью и учительнымъ краснорѣчiемъ.

Одного только мнѣ нигдѣ не довелось наблюсти и подмѣтить, а именно чтобы слово *челеби* употреблялось, «въ концѣ-концовъ получивъ даже иронически оттѣнокъ», на что также рѣшительно указываетъ, слѣдуя Barbier de Meynard'у, баронъ В. Р. Розенъ [2]).

Наконецъ, если принять, что турецкое *челеби* — چلبی — есть не что иное какъ видоизмѣненное греческое καλλιεπής, то спрашивается: какъ же могли рядомъ уживаться обѣ формы, изъ коихъ одна была прототипомъ, а другая — искаженiемъ этого прототипа? И это явленiе не заключаетъ въ себѣ ничего необычайнаго и находитъ себѣ наилучшее подтвержденiе въ нашей современности, всего же очевиднѣе въ географической номенклатурѣ. До сихъ поръ бокъ-о-бокъ вертятся въ языкахъ польскаго и нѣмецкаго населенiя два названiя одного и того же пограничнаго пункта, мѣстечка «*Вержболово*» или «*Wirballen*», изъ коихъ послѣднее есть несомнѣнное искаженiе перваго. Еще ближе къ намъ, такiя двойственныя названiя однихъ и тѣхъ же мѣстностей, какъ *Ораніенбаумъ* и *Рамбовъ*, *Шлиссельбургъ* и *Шлюшинъ*, и т. п., существуютъ одновременно въ употребленiи у одного и того же русскаго народа, но съ такимъ раздвоенiемъ, что первоначальныя, правильныя формы вышеприведенныхъ наименованiй слышатся въ говорѣ образованной части населенiя, а простонародье довольствуется и обходится ихъ коррупцiями, и никого это не шокируетъ. Можно себѣ представить, какой отпечатокъ наложитъ переживаемое нами бурное и смутное время на русскiй лексиконъ, когда въ него вольется цѣлая уйма иноязычныхъ и самодѣльныхъ, доморощенныхъ словъ, возникшихъ изъ

---

1) Ducas, cap. XX, p. 98.
2) Loc. cit., 306.

потребностей народнаго движенія и неизбѣжно проязникшихъ въ связи съ нимъ новыхъ мыслей, чувствъ, явленій, нуждающихся въ словесныхъ для себя воплощеніяхъ. Любопытно было бы видѣть, какъ филологи послѣдующихъ вѣковъ и поколѣній станутъ ломать себѣ головы надъ образованіемъ и значеніемъ такихъ знаменательныхъ въ наше время терминовъ, какъ *буржуй*, *реакъ*, *платформа*, *кадеты*, *эсъ-эры*, *пе-пе-пеки* и, наконецъ, знаменитое словечко *хулиганъ*, въ какихъ-нибудь два года завоевавшее себѣ такое видное положеніе въ говорѣ и печати на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества! .

Точно также могло быть и съ греческимъ καλλιεπής: испорченное турецкимъ употребленіемъ въ *челеби*, оно въ этомъ послѣднемъ видѣ, вслѣдствіе турецкой его узурпаціи, было уступлено варварамъ образованною частью греческаго населенія, переставшаго съ тѣхъ поръ пользоваться имъ въ своемъ литературномъ обиходѣ; простонародье же греческое, заурядъ съ прочимъ турецкимъ и армянскимъ населеніемъ Отоманской имперіи, и главнымъ образомъ Малой Азіи, гдѣ греческая прислуга иначе не зоветъ своихъ господъ какъ *челеби*=«баринъ», менѣе, чѣмъ образованный классъ, заботящееся о чистотѣ и иныхъ достоинствахъ своей родной рѣчи, преспокойно усвоило себѣ въ своемъ обиходномъ разговорѣ турецкую коррупцію *челеби*, ничуть не подозрѣвая, что это турецкое слово есть свое же собственное греческое καλλιεπής, но только подвергшееся передѣлкѣ въ устахъ нахлынувшихъ изъ Азіи варваровъ — турковъ, даже не догадываясь, что это — ренегатъ, вернувшійся въ родное лоно, но уже съ извѣстною неизгладимою печатью своего отступничества.

Въ позднѣйшее время слово *челеби* перешло и къ крымскимъ татарамъ, среди которыхъ также завелись собственные *челеби*, а отъ нихъ уже, по всей вѣроятности, оно появилось и у насъ на Руси въ видѣ прозвищъ *Целепи*, *Целибѣевъ* и *Челибеевскій* и т. п. Появленіе его въ памятникахъ русской старинной письменности, а именно упоминаніе въ нихъ о принятіи христіанства и иночества заѣзжимъ въ Москвѣ цареградскимъ купцомъ Мустовахомъ Челебиномъ въ концѣ XVI в. послужило поводомъ почтенному члену нашего общества Д. Ѳ. Кобеко еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ впервые возбудить вопросъ о значеніи слова *челеби* на страницахъ сего же самаго изданія (З. В. О., т. V, 1891 г., стр. 301—304), гдѣ предлагается и наша посильная попытка найдти этому слову объясненіе.

Въ первую мою побывку въ Константинополѣ въ 1875 году турки называли всѣхъ европейцевъ именемъ *челеби*, которое позднѣе совершенно безпричинно смѣнилось у нихъ другимъ, менѣе симпатичнымъ эпитетомъ-обращеніемъ *чорбаджи*.

Кстати, пожалуй, можно замѣтить здѣсь, что въ Малой Азіи и въ Крыму водится сортъ яблоковъ, именуемый *челеби*, что одно время, я помню, въ выкрикѣ нашихъ русскихъ торговцевъ-фруктовщиковъ превратилось въ «*крымская целиба*». «Поадербейджански же слово *чäлäбі*», по изысканіямъ турколога П. М. Меліоранскаго (Зап. Вост. Отд., т. XV, стр. 037), «означаетъ особаго рода хорошія, нѣжныя груши (дюшессъ)». Но всѣ подобныя второстепенныя и третьестепенныя порожденія капризнаго случая, безъ сомнѣнія, столь же мало даютъ для объясненія истиннаго смысла слова *челеби*, какъ и разсмотрѣнныя нами ученыя толкованія этого исторически любопытнаго и въ то же время загадочнаго по своей этимологіи имени.

В. Смирновъ.

С.-Петербургъ.
21 апрѣля 1906 года.

CALEPINVS CYRICELIBES, QVI ET CIBELINVS, QVINTVS TVRCORVM IMPERATOR.

Ottomannidis tristem supremа ruinam
Fata minabantur, gentis & exitium.
Cum Cyricelibes disiecta recolligit arma,
Gaudet & imperij tollere sceptra noui.
Infestasq; acies gelidum deducit ad Istrum,
Victor & hostiles depopulatur agros.
Iamq; animo demens, noua prælia concipit, ecce
Inijcit immites mors inopina manus.

Поэтическое творчество Абу-л-Атаһіи 1).

(ок. 750—825 г.).

«Поэтическія формы по своей простотѣ должны быть доступны всѣмъ» (Абу-л-ʿАтаһія въ كتاب الاغانى — III, 161, 9-10).

Въ настоящей замѣткѣ я хотѣлъ бы остановить вниманіе читателей на одной страничкѣ изъ исторіи арабской поэзіи — страничкѣ нѣсколько стертой и теперь еще не совсѣмъ точно разобранной. Это, впрочемъ, понятно. Вѣдь за арабской поэзіей до сихъ поръ не признается правъ на самостоятельное изученіе, до сихъ поръ она считается помощницей исторіи или филологіи, но и только. Когда Wellhausen издавалъ диванъ Һузейлитовъ — онъ, точно боясь обвиненія въ великой ереси, съ первой же строки введенія заявлялъ: «Интересъ, питаемый нами къ древней бедуинской поэзіи, вызывается не ея поэтическими, а филологическими и историческими достоинствами» 2). Иногда раздаются даже болѣе строгіе голоса, особенно со стороны не-арабистовъ. Говорится, что арабскую поэзію и до ислама, и послѣ него не слѣдуетъ изучать ради нея самой: она только помощница

---

1) Предлагаемый вниманію читателей этюдъ первоначально представлялъ одинъ изъ экскурсовъ въ студенческой работѣ автора: «Правленіе халифа ал-Мехдія», удостоенной въ февралѣ 1906 года по постановленію Факультета Восточныхъ языковъ золотой медали. Въ значительно дополненномъ и расширенномъ видѣ онъ былъ прочитанъ на засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества 28-го сентября 1906 года и теперь печатается съ небольшими, сравнительно, измѣненіями. По первоначальному плану автора этотъ этюдъ долженъ былъ служить только введеніемъ къ спеціальной работѣ о зуһдійятъ Абу-л-ʿАтаһіи, общіе принципы которой изложены частью въ концѣ очерка. Скоро, однако, обнаружившаяся сложность намѣченной задачи, которая требовала не только долголѣтняго труда, но и основательной начитанности во *всѣхъ* родахъ *всѣхъ* періодовъ арабской поэзіи, заставили отказаться отъ этой мысли и отложить работу на значительный срокъ, быть можетъ, на многіе годы.

Профессору бар. В. Р. Розену, принимавшему одинаково живое участіе во всѣхъ стадіяхъ развитія этого скромнаго труда, — я приношу свою искреннюю и глубокую благодарность.

2) Skizzen und Vorarbeiten — I, 105.

исторіи и только поэтому заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Оригинальнѣе всего, что послѣднее мнѣніе, высказанное извѣстнымъ ассиріологомъ Schrader'омъ[1]), раздѣляетъ и бейрутскій проф. Lammens[2]), авторъ двухъ полу-беллетристическихъ работъ объ Ахталѣ[3]). Такое превращеніе поэзіи въ ancilla historiae et philologiae, принося можетъ быть извѣстную долю пользы послѣднимъ, первой сослужило очень плохую службу. До послѣдняго десятилѣтія всѣ работы въ области исторіи арабской поэзіи сводились почти исключительно къ критическому изданію дивановъ и болѣе или менѣе связному изложенію біографій поэтовъ по доступнымъ антологіямъ. Въ послѣднее время можно, къ счастью, замѣтить и здѣсь стремленіе воспользоваться методами, выработанными наукой для изученія другихъ литературъ; работы принимаютъ болѣе самостоятельный, не чисто филологическій уже, а литературный характеръ. Главная заслуга въ этомъ направленіи принадлежитъ почти всецѣло австрійской, точнѣе вѣнской, школѣ арабистовъ. Говоря *всецѣло*, я вовсе не имѣю въ виду умалить значенія научной дѣятельности Ahlwardt'a, работы котораго начинаютъ датироваться еще 50-ми годами прошлаго столѣтія. Онъ первый поставилъ на строго-научную почву критику текста, придавъ ей такую же устойчивость, которой она отличалась примѣнительно къ древне-классическимъ образцамъ; онъ первый еще въ 70-хъ годахъ указалъ на необходимость и важность самодовлѣющаго изученія арабской поэзіи, но работы его за исключеніемъ самой ранней[4]) носятъ преимущественно филологическій, а не литературный характеръ; выводы же по большей части отрицательны[5]) и нерѣдко проникнуты крайнимъ пессимизмомъ[6]). Упомянутое направленіе мало-по-малу начинаетъ оттѣснять на задній планъ старую школу, до сихъ поръ имѣющую, однако, усердныхъ защитниковъ, главнымъ образомъ въ лицѣ французскихъ арабистовъ (упомянутый уже Lammens, Seligsohn — издатель дивана Táрафы[7]) и много дру-

---

1) Die Keilinschriften und das alte Testament 3 изд. Berlin 1903, стр. 138.

2) Revue de l'Orient Chrétien, т. IX, стр. 56.

3) Le chantre des Omiades въ Journal Asiatique, серія IX, томъ 4-ый (за 1894 годъ), стр. 94—176, 193—241 и 381—459 и Un poète royal à la cour des Omiades de Damas въ Revue de l'Orient chrétien — т. VIII (1903), стр. 325—355 и IX (1904), 32—64.

4) Über Poesie und Poetik der Araber. Gotha 1856.

5) Ср. Bemerkungen über die Aechtheit der alten arabischen Gedichte. Greifswald. 1872.

6) На это указывалось иногда и въ литературѣ; см. напр., Kremer, über die Gedichte des Labid въ SBWA, т. XCVIII, стр. 555—603.

7) Diwan de Tarafa, accompagné du commentaire de Yousouf al-A'lam. Paris 1901. Особенно рельефно выступаетъ различіе между двумя школами, если сравнить указанное изданіе съ новѣйшей работой о му'аллакѣ Тарафы молодого вѣнскаго ученаго Geiger'a Die Mu'allaqa des Tarafa übersetzt und erklärt въ WZKM. т. XIX (1905 г.), 323—370 и XX (1906 г.), 37—80.

гихъ [1]). Новое теченіе идетъ въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны оно выражается въ стремленіи прослѣдить возникновеніе и эволюцію отдѣльныхъ видовъ поэтическаго творчества, съ другой — въ опредѣленіи индивидуальной поэтической физіономіи отдѣльныхъ поэтовъ, которые до сихъ поръ во всѣхъ исторіяхъ арабской литературы сливались въ какую-то безцвѣтную и довольно однообразную массу. Впервые это теченіе сказалось у Goldziher'а въ обширномъ введеніи къ изданному имъ дивану Хутай'и [2]), гдѣ онъ остановился на вопросѣ о происхожденіи сатиръ — هجاء; немного позже онъ посвятилъ этому отдѣльную большую работу [3]) и вопросъ впервые былъ освѣщенъ на основаніи фактическихъ научныхъ данныхъ, а не арабскихъ легендарныхъ преданій. Этотъ же ученый первымъ обратился къ элегіямъ رثاء, какъ самостоятельному виду поэзіи [4]), но шире былъ затронутъ послѣдній вопросъ другимъ представителемъ австрійской школы Rhodokanakis'омъ, работа котораго о поэтессѣ Хансā и ея элегіяхъ, появившаяся два года тому назадъ [5]), представляетъ выдающійся образецъ второго направленія. Здѣсь авторъ «старался установить поэтическую личность, т. е. съ одной стороны анализировать технику произведеній, а съ другой самую психологію поэтессы». Такой же характеръ носитъ работа Geyer'а объ одномъ стихотвореніи до-исламскаго поэта Аʿши [6]), духовный обликъ котораго станетъ вполнѣ яснымъ, когда будетъ готово обѣщанное этимъ ученымъ изданіе его дивана.

При новой, болѣе научной точкѣ зрѣнія на предметъ въ извѣстныхъ случаяхъ неизбѣжна переоцѣнка нѣкоторыхъ поэтовъ, особенно если характеристика ихъ основалась исключительно на показаніяхъ арабскихъ

1) Напр. Cl. Huart (рядъ работъ въ Journal Asiatique, начиная съ 80-хъ годовъ), испанецъ Gonzalvo y Paris, диссертація котораго Avance para un estudio de las poetisas musulmanas en España. Madrid. 1905, представляетъ собой типичную компилятивно-беллетристическую работу, написанную въ стилѣ многочисленныхъ трудовъ Lammens'а, но съ меньшей долей талантливости, и др.

2) Der Diwan des Ġarwal b. Aus al-Ḥutej'a въ ZDMG. т. XLVI (1892), 1—53, 173—225, 471—527 и XLVII (1893), 43—85, 163—201. Работа вышла и отдѣльнымъ изданіемъ.

3) Über die Vorgeschichte der Hiġā'-Poesie въ его Abhandlungen zur arabischen Philologie. Leyden. 1896, т. I, стр. 1—121. Еще до появленія этой работы основныя положенія ея Goldziher неоднократно высказывалъ въ печати: разъ въ одной рѣчи на венгерскомъ языкѣ: A pogány arabok költeszetenek hagyománya. Budapest 1893, стр. 9—20 и другой разъ на десятомъ съѣздѣ Оріенталистовъ: Bemerkungen zur ältesten Geschichte der arabischen Poesie въ Actes du X-me Congrès des Orientalistes, troisième partie, section III, p. 1—5.

4) Bemerkungen zur arabischen Trauerpoesie въ WZKM. — т. XVI (1902), стр. 307—339.

5) Al-Ḫansā' und ihre Trauerlieder. Ein literar-historischer Essay mit textcritischen Excursen. Wien 1904 (изъ 147 тома SBWA.). Поучительную параллель къ этой работѣ представляетъ раннее изслѣдованіе G. Gabrieli, I tempi, la vita è il canzionere della poetessa araba al-Ḫansā' (№ 31 изъ Publ. del R. Ist. di Studi Sup. Firenze. 1899). Ср. прим. 7 на пред. стр.

6) Zwei Gedichte von al-'Aʿša I. Mā bukā'u. Wien 1905 (изъ 149 тома SBWA.).

филологовъ-пуристовъ или на случайномъ выводѣ одного изъ первыхъ европейскихъ изслѣдователей. На одномъ изъ такихъ случаевъ я и хотѣлъ бы остановить вниманіе читателей. Изучаемый поэтъ вполнѣ этого заслуживаетъ, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ интересъ съ точки зрѣнія обоихъ упомянутыхъ научныхъ теченій. Характеристика его поэтическаго творчества до сихъ поръ не полна и одностороння, почему и нуждается въ поправкахъ; помимо этого его произведенія во второмъ періодѣ доставляютъ значительный матеріалъ для исторіи развитія особаго рода поэзіи— زُهْدِيَّات — стихотвореній аскетическаго характера. Дальнѣйшее изложеніе будетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ первую цѣль, т. е. общую оцѣнку его творчества преимущественно въ первый періодъ, оставляя пока спеціальную характеристику зуhдійятъ въ сторонѣ.

Имя нашего поэта Исмаʿӣлъ-ибн-Ḳāсимъ Абу-л-ʿАтаhія. По послѣднему прозвищу онъ преимущественно и извѣстенъ въ литературѣ, какъ арабской, такъ и европейской[1]). Біографическія данныя сохранены Ибн-Кутейбой въ недавно изданной «Книгѣ поэзіи и поэтовъ»[2]), а главнымъ образомъ Абу-л-Фараджемъ ʿАліемъ Исфаганскимъ въ «Книгѣ пѣсенъ»[3]); особый отдѣлъ посвящаетъ ему и Ибн-Халликāнъ[4]). Существенную важность пріобрѣтаетъ глава «Китāб-ал-Агāнӣ» потому, что въ ней ʿАлій основывается на болѣе древнихъ, частью извѣстныхъ и заслуживающихъ довѣрія авторахъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминаетъ еще и авторъ Фиhриста,

---

1) ابو العتاهية есть لقب поэта, а не его كنية, какъ можно было бы заключить по наружной формѣ. Его настоящая كنية была ابو اسحاق (см. Аг. III, 126, 14). Значеніе этого прозвища установить довольно трудно, такъ какъ عتاهية (= عتاهة) принадлежитъ къ числу اضداد — словъ, имѣющихъ противоположное значеніе. По арабскимъ лексикографамъ оно = معتّه, которое одновременно прилагается къ человѣку умному, съ уравновѣшеннымъ характеромъ (العاقل المعتدل الخلق — Тʿ А — IX, 397 въ концѣ), равно какъ и къ безумно увлекающемуся чѣмъ-нибудь до забвенія всего прочаго (Тʿ А, ibid.; Лʿ А — XVII, 407 s. v.). Происхожденіе прозвища почти единогласно приписывается халифу ал-Маhдію (см. Сӯлій въ Аг. III, 126, 29-30 и почти тоже въ Тʿ А — IX, 398) и ставится въ связи съ романомъ Абу-л-ʿАтāhіи. Поэтому въ приложеніи къ нашему поэту слово имѣло, повидимому, второе изъ своихъ противоположныхъ значеній (= человѣкъ, утратившій разсудокъ, увлекшійся. Сӯлій въ Аг. III, 127, 3; Тʿ А — IX, 398,15). Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что у самихъ арабовъ не было прочно установившагося мнѣнія объ этомъ и нѣкоторые считали عتاهية прозвищемъ одного изъ сыновей поэта, отъ котораго оно уже перешло и къ отцу (Тʿ А — IX, 398 въ нач.; Лʿ А — XVII, 408,5); ал-ʿАиній же (شرح الشواهد на поляхъ булак. изд. خزانة الادب) признаетъ Абу-л-ʿАтāhію за такую же кунью поэта, какъ и Абу-Исхāкъ (см. II, 225 ult.).

2) Ibn-Qotaibae liber poesis et poetarum edid. M. J. de Goeje. Lugduni Bat. 1904, стр. 497—501.

3) Первое булакское изд. т. III, стр. 126—183 и passim въ другихъ томахъ (см. указат. Guidi). Въ дальнѣйшемъ изложеніи это сочиненіе сокращенно цитуется Аг.

4) Изд. Wüstenfeld'a № 93, стр. 126—135.

какъ спеціально занимавшихся диваномъ Абу-л-ʿАтāhіи. Таковъ, напр., Һарӯнъ-ибн-ʿАлій[1]), на котораго Абу-л-Фараджъ въ указываемомъ отдѣлѣ ссылается до 17 разъ[2]), непосредственно цитуя его «книгу» и только разъ упоминая самого автора[3]). Имѣлъ подъ руками Абу-л-Фараджъ работы и другихъ спеціалистовъ по Абу-л-ʿАтāhіи: Ибн-ʿАммāра[4]), котораго упоминаетъ больше 10 разъ[5]) и Ахмеда-ибн-абу-Тāhира[6]). Кромѣ этой группы авторовъ главнѣйшимъ источникомъ его въ разсматриваемомъ отдѣлѣ былъ Сӯлій, извѣстный и авторитетный историкъ литературы ʿаббāсидской эпохи[7]). Въ Китāб-ал-Агāнӣ ссылки на него дѣлаются почти 40 разъ[8]). Имѣлъ ли подъ руками Абу-л-Фараджъ именно اوراق اخبار آل عباس و اشعارهم этого автора, а не другія его сочиненія и могъ ли онъ пользоваться антологической частью указаннаго произведенія въ полномъ видѣ — вопросъ довольно сложный. Нѣкоторыя данныя склоняютъ, повидимому, къ отрицательному отвѣту: въ каирской рукописи Сӯлія[9]), спискомъ съ нѣкоторыхъ мѣстъ которой я имѣлъ возможность пользоваться, благодаря любезности проф. В. В. Бартольда, попадаются разсказы, аналогичные по содержанію съ сообщаемыми въ Китāб-ал-Агāнӣ. Иснāды у нихъ въ большинствѣ такихъ случаевъ различны[10]). Къ этому же результату приводитъ разсмотрѣніе «Исторіи Ибрагима ʿаббāсида», представляющей выдержку изъ того

---

1) См. Фиһристъ, изд. Flügel'я — 144.

2) Аг. III, 138 ult.; 140 paenult; 152, 6; 159, 5, 19; 161, 4; 163, 19; 164, 25; 170, 12; 171, 22; 173, 2, 11, 24; 176, 1, 13; 181, 22; 183, 3.

3) Ibid. 183,3.

4) Фиһристъ — 160, 1-5.

5) Аг. III, 128, 130, 131, 141, 164 два раза, 168, 169, 172, 181, 182.

6) Фиһристъ — 147, 1; Аг. III, 132.

7) Общія свѣдѣнія о немъ у Brockelmann'а, Geschichte der arabischen Literatur. Weimar 1898 — т. I, 143 № 5.

8) Аг. III, 126, 127 два раза, 128, 129 четыре раза, 131 четыре раза, 132, 136, 137 три раза, 138 три раза, 139, 142, 143, 144 два раза, 145, 152, 153 два раза, 155, 160, 163, 174, 177 два раза, 178, 180, 182 два раза.

9) См. о ней فهرست الكتب العربية المحفوظة بالكتبخانة الخديوية المصرية, изд. 1308 г., т. V, стр. 16 и J. Horovitz въ Mittheil des Sem. f. or. Spr. X, Westas. Studien. Berlin 1907. Separ. dr. p. 35—38.

10) Напримѣръ разсказъ Аг. III, 165, 12-18, который передается съ такимъ иснāдомъ اخبرنى على بن صالح بن الهيثم الانبارى قال حدثنى ابو هفان قال حدثنى موسى بن عبد الملك قال الخ у Сӯлія (л. 149a) начинается такъ قال ابو بكر حدثنا محمد بن موسى بن حماد قال حدثنى ابن مهرويه محمد بن القاسم قال حدثنى عبد الله بن احمد بن حرب قال حدثنى موسى بن عبد الملك الخ. Разсказъ Аг. III, 169, 5-13, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является يحيى بن خاقان у Сӯлія (л. 149-b) относится къ Ахмеду-ибн-Юсуфу и иснāдъ дается такой: حدثنا محمد بن موسى قال حدثنى ميمون بن هرون قال الخ. У ʿАлія же онъ имѣетъ слѣдующій видъ: اخبرنى عمى الحسن بن محمد و جحظة قال حدثنا ميمون بن هرون. Такимъ образомъ въ обоихъ примѣрахъ совпадаютъ только послѣднія звенья.

же сочиненія Сӯлія, если вѣрить рукописи, которая принадлежитъ бар. Розену[1]). Трудно предположить, чтобы Абу-л-Фараджъ, имѣя эти сочиненія, не предпочелъ включить въ свою работу редакцію, именно, Сӯлія, матеріалами котораго онъ здѣсь же пользуется въ такихъ значительныхъ размѣрахъ.

Какъ бы то ни было, всѣ данныя приводимыя Абу-л-Фараджемъ Исфаганскимъ, не смотря на свою древность, на половину анекдотичны и нуждаются не только во внѣшней, но и во внутренней критикѣ. Самыя же рамки жизни поэта довольно просты. Родился онъ около 750 года, юность провелъ въ Куфѣ, а потомъ переселился въ Багдадъ, гдѣ существовалъ гончарнымъ ремесломъ. Это не мѣшало ему быть въ близкихъ отношеніяхъ ко двору, отчасти благодаря своей несчастной любви къ ʿОтбѣ[2]), фрейлинѣ Хейзурāнъ, жены халифа Маhдія. Его романъ и трогательное постоянство, не смотря на отсутствіе взаимности, не остались безъ вліянія на послѣдующее развитіе литературы. Нѣкоторыя антологіи упоминаютъ Абу-л-ʿАтāhію съ ʿОтбой въ ряду тѣхъ паръ, безсмертнымъ прообразомъ которыхъ являлись Меджнӯнъ и Лейла[3]); авторъ Фиhриста говоритъ, что существовала цѣлая поэма, посвященная спеціально этому сюжету[4]). Неудачей въ любви арабскіе литераторы и объясняютъ переворотъ въ его жизнерадостномъ раньше творчествѣ, — переворотъ, сдѣлавшій его первымъ серьезнымъ представителемъ философско-рефлексивнаго направленія въ арабской поэзіи и прямымъ предшественникомъ Абу-л-ʿАлā' изъ Маʿарры[5]). Годъ его смерти

1) Нужно отмѣтить, что подлинность этого списка на основаніи той же каирской рукописи можетъ быть подвержена нѣкоторому сомнѣнію.

2) Во всѣхъ исторіяхъ литературы и новыхъ (Brockelmann, Huart), и болѣе старыхъ (Hammer, Гиргасъ) ʿОтбу называютъ обыкновенно рабыней или невольницей Маhдія. Что это не вполнѣ точно, доказываетъ между прочимъ разсказъ въ «Китāб-ал-агāнӣ» (XIII, 19), гдѣ она прямо называется «кліенткой» (= مولاة) Маhдія, и изъ котораго видно, что у нея была собственная большая свита; кромѣ того по контексту всѣхъ разсказовъ она является по меньшей мѣрѣ приближенной камеръ-юнгферой Хейзурāнъ, а не простой рабыней.

3) Ал-Вашшā, изд. Brünnow'а, стр. 54, 15-16.

4) Фиhристъ, изд. Flügel'я — стр. 307, 4.

5) Слѣпой философъ былъ несомнѣнно знакомъ съ произведеніями Абу-л-ʿАтāhіи и мысль о вліяніи на него нашего поэта высказалъ еще Kremer (SBWA т. CXVII, отд. 6, стр. 75 въ кон.), а вслѣдъ за нимъ повторилъ Margoliouth (The Letters of Abul-ʿAlā'. Oxford 1898, стр. XXXV, въ концѣ). Не имѣя непосредственныхъ доказательствъ, Kremer высказался довольно гипотетично: «Auch der besonders der didaktischen und religiösen Poesie ergebene Abu'l-atāhijah *scheint nicht* ohne grossen Einfluss auf ihn geblieben zu sein» (ibid). Къ счастью въ каирскомъ изданіи لزوم ما لا يلزم (مصر — 1891) имѣется отрывокъ (стр. 118, 2-4), который не только подтверждаетъ Kremer'овскую гипотезу, но, что особенно важно для цѣли настоящей замѣтки, позволяетъ установить знакомство Абу-л-ʿАлā' съ *обоими* періодами въ поэтической дѣятельности Абу-л-ʿАтāhіи и съ причинами происшедшаго въ немъ переворота. Говоря въ упомянутомъ произведеніи, что Аллахъ по своей волѣ мѣняетъ положеніе (رتبة) людей, Абу-л-ʿАлā' въ подтвержденіе своей мысли продолжаетъ: ابدى العتاهى نسكا * و تاب من ذكر عتبة — «вѣдь и Абу-л-ʿАтāhія открыто проявилъ свое благочестіе, раскаявшись въ (постоянномъ) упоминаніи ʿОтбы!»

въ источникахъ колеблется въ предѣлахъ между 821 (205) и 828 (213)[1]).

Полностью диванъ Абу-л-ʿАтāhiи до насъ не дошелъ, хотя авторъ Фиhриста упоминаетъ, что въ его время существовало цѣлыхъ четыре редакціи[2]). Кромѣ того былъ извѣстенъ особый сборникъ, спеціально посвященный его эпизоду съ ʿОтбой[3]). Въ настоящее время имѣется только болѣе или менѣе полный изводъ зуhдійятъ, сдѣланный извѣстнымъ традиціоналистомъ Ибн-ʿАбд-ал-Барромъ ан-Намаріемъ[4]), который и изданъ бейрутскимъ профессоромъ Cheikho, назвавшимъ этотъ изводъ не вполнѣ точно «диваномъ» Абу-л-ʿАтāhiи[5]). Самое изданіе по выраженію Nöldeke[6]) далеко не представляетъ идеала, и къ сожалѣнію не указаны точно даже использованныя рукописи. На сколько осторожно приходится имъ пользоваться въ научныхъ работахъ будетъ отмѣчено ниже, когда рѣчь пойдетъ спеціально о зуhдійятъ этого поэта. Въ Европѣ единственный манускриптъ этого извода имѣется здѣсь, въ Азіатскомъ Музеѣ[7]) и по своему содержанію представляя редакцію того же Ибн-ʿАбд-ал-Барра мало чѣмъ отличается отъ бейрутскаго изданія[8]). Такимъ образомъ произведенія Абу-л-ʿАтāhiи изъ перваго періода во всѣхъ прочихъ родахъ поэзіи дошли исключительно въ видѣ фрагментовъ и сохранились преимущественно въ различныхъ антологіяхъ. Сравнительно мало его произведеній передано ранними писателями, къ числу которыхъ можно отнести Джāхыза, Бейhакыя, Вашшā и Мубаррада. Довольно много сохранилъ Масʿӯдій, бывшій повидимому восторжен-

---

1) Ибн-Кутейба (изд. de Goeje — 501, 1) даетъ 205 г.; Хасан-ибн-Алій (Аг. III, 182, 9-10) 209, Сӯлій (ibid. 182, 13-15) 210-й, Ибн-Саʿдъ (ibid. 182, 12-13), Масʿӯдій (изд. Barbier de Meynard—VII, 81), Табарій (лейденское изд. III, 1098, 16) и Ибн-Халликāнъ (№ 93, стр. 128) 211-й; Ибн-ʿАммāръ (Аг. III, 182, 6-8) и авторъ Фиhриста (68, 18) — 213-й. Nöldeke безъ ближайшей ссылки на источникъ беретъ 825 годъ (Literarisches Centralblatt за 1888 годъ, стр. 20), а Brockelmann безъ особыхъ основаній принимаетъ послѣднюю дату, хотя она подозрительнѣе прочихъ синхронизмомъ съ годомъ смерти законовѣда ʿАмра аш-Шейбāнія и Ибрагима Мосульскаго, извѣстнаго композитора и пѣвца, большого пріятеля нашего поэта (см. Аг. III, 182, 6-8).

2) hарӯна-ибн-ʿАлія — 144, 7-8; Ахмеда-ибн-абу-Тāhира — 147, 1; Ахмеда-ибн-ʿАммāда сакафита — 148, 26 и Ибн-ʿАммāра «переписчика стиховъ новыхъ поэтовъ» — 160, 1-5.

3) Ibid., 307, 4.

4) Ум. ок. 1071 г. по Р. Х. (о немъ см. Brockelmann op. cit.—I, 367 № 4).

5) الانوار الزاهية فى ديوان ابى العتاهية جمعه احد الاباء اليسوعيين فى بيروت سنة ١٨٨٧. Существуетъ и второе изданіе, вышедшее въ слѣдующемъ году, равно какъ и сокращенное для учебныхъ цѣлей.

6) Literarisches Centralblatt — 1888 г., стр. 23.

7) См. Bar. V. Rosen, Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique SPB. 1881, стр. 213—215.

8) Число вошедшихъ въ него стихотвореній, впрочемъ, нѣсколько меньше, что уже a priori возбуждаетъ сомнѣніе въ подлинности нѣкоторыхъ пьесъ, включенныхъ Cheikho въ его изданіе.

нымъ поклонникомъ поэта, еще больше Абу-л-Фараджъ Исфаганскій; отдѣльныя строчки приводятъ Ибн-ʿАбд-раббиһ и Ибн-Халликāнъ [1]).

Не смотря, однако, на такое относительное богатство матеріала, этого поэта у европейскихъ изслѣдователей постигла довольно печальная судьба: спеціально имъ никто не занимался, а ученые, которымъ приходилось его затрагивать, почти исключительно обращали вниманіе на одну сторону его поэтическаго творчества и разсматривали только позднѣйшій періодъ его жизни. Выводы, къ которымъ они приходили, были довольно неутѣшительны; признавался за Абу-л-ʿАтāһіей извѣстный, въ лучшемъ случаѣ, большой талантъ, отдавалось ему должное въ области зуһдійятъ, но все же, если не всегда высказывалось, то просвѣчивало между строкъ, что произведенія его скучноваты, а что другіе поэты, хотя бы той же эпохи, гораздо интереснѣе. Такъ шло почти съ самаго начала серьезной разработки исторіи арабской поэзіи. Отецъ научнаго арабизма, Silvestre de Sacy, ограничился тѣмъ, что далъ о немъ въ своей хрестоматіи общія свѣдѣнія на основаніи Ибн-Халликāна и Абу-л-Фиды [2]). Hammer-Purgstall посвятилъ ему въ своей Litteraturgeschichte der Araber около 25 страницъ [3]), но онѣ конечно не могли оказать вліянія на науку. Большая часть главы занята у него переводомъ различныхъ стиховъ этого поэта; правда, стихи выбраны изъ разныхъ періодовъ дѣятельности Абу-л-ʿАтāһіи, но, во-первыхъ, эти переводы представляютъ скорѣе фантазіи на извѣстныя темы [4]), а во-вторыхъ, выбраны они безъ всякой системы, никакой общей характеристики Hammer и не пытается дѣлать, а поэтому у него Абу-л-ʿАтāһія и теряется среди тѣхъ многихъ сотенъ quasi-поэтовъ, которыхъ онъ втиснулъ въ свою исторію. Могъ бы, понятно, внести новое освѣщеніе этой личности Ahlwardt: у него по крайней мѣрѣ есть уже попытка указать два періода въ творчествѣ Абу-л-ʿАтāһіи [5]), но занявшись спеціально другими поэтами, онъ больше не возвращался къ Абу-л-ʿАтāһіи и фигура его попрежнему осталась однобокой. Немногимъ лучше обстояло дѣло во французской школѣ арабистовъ того времени: Barbier de Meynard въ работѣ объ Ибрагимѣ, сынѣ Mahdія [6]) коснулся поэта мелькомъ

1) Списокъ фрагментовъ помѣщенъ въ приложеніи I.
2) Chrestomathie arabe. Paris 1826, т. II, стр. 34, прим. 6.
3) T. III, стр. 675—699.
4) О переводахъ Hammer'a вообще см. у Ahlwardt'a, Chalef el-Ahmar's Qasside nebst Würdigung J. v. Hammer's als Arabisten. Greifswald 1859.
5) Diwan des Abu-Nowas I. Die Weinlieder. Greifswald. 1861, предисловіе.
6) Ibrahim, fils de Mehdi, fragments historiques, scènes de la vie d'artiste au III-e siècle de l'hégire (778—839 J. Ch.) въ Journal Asiatique, серія 6, т. XIII (1869 г.), стр. 201—342.

только по поводу его отношеній къ Ибрагиму[1]). Спеціальное и довольно содержательное примѣчаніе посвящено ему въ посмертной работѣ Caussin de Perceval'я объ арабскихъ музыкантахъ[2]). Здѣсь немного затронутъ и первый періодъ его жизни и творчества[3]). Первымъ изъ ученыхъ призналъ за Абу-л-ʿАтāhіей выдающійся талантъ и рѣдкую оригинальность Kremer, ограничившись, однако, разсмотрѣніемъ только аскетическихъ его произведеній[4]). Это было вполнѣ понятно: отыскивая всюду въ арабской исторіи проявленіе философскаго мышленія, Kremer былъ настолько пораженъ талантомъ Абу-л-ʿАтāhіи, что болѣе интересная, по его мнѣнію, сторона поэтическаго творчества совершенно оттѣснила на задній планъ другую. Самый отзывъ о немъ Kremer'а отличается даже извѣстной долей восторженности, которую въ его произведеніяхъ можно встрѣтить нерѣдко. Сравнивая Абу-Новāса съ Heine, а Абу-л-ʿАтāhію съ Rückert'омъ онъ считаетъ, однако, перваго (т. е. Абу-Новāса) менѣе талантливымъ[5]). О послѣднемъ онъ пишетъ: «Выше, благороднѣе, освѣщенный блескомъ истиннаго поэтическаго творчества выступаетъ образъ другого человѣка, который будучи современникомъ Абу-Новāса, не только значительно превзошелъ его своимъ талантомъ, но сыгралъ видную роль въ исторіи развитія новаго періода арабской поэзіи... Онъ былъ первымъ поэтомъ-философомъ своей націи, первымъ и, какъ думается, послѣднимъ, который возставалъ противъ филологическихъ фокусовъ и всякаго рода подражанія»[6]). Послѣ такого внушительнаго, хотя и односторонняго отзыва Kremer'а послѣдующіе ученые ограничивались обыкновенно санкціонированіемъ его мнѣнія, сбавляя извѣстную долю восторженности, да прибавляя иногда,

---

1) Стр. 307—308. Имя поэта онъ не вполнѣ точно передаетъ черезъ Abou'l-Atayah, какъ и въ исполненномъ имъ переводѣ Масʿудія. Благодаря послѣднему обстоятельству въ указателѣ къ «Золотымъ лугамъ» (т. IX, 101) Абу-л-ʿАтāhія оказался смѣшаннымъ съ ал-Хутай'ей = الحطيئة (IV, 258, 259), сатирикомъ омейадской эпохи.

2) Notices anecdotiques sur les principaux musiciens arabes des trois premiers siècles de l'islamisme въ Journal Asiatique — серія 7, томъ II (1873 г.), стр. 397—592.

3) Стр. 566—568. Вообще можно отмѣтить довольно оригинальный фактъ: въ началѣ первой половины прошлаго столѣтія Абу-л-ʿАтāhію, какъ поэта понимали, повидимому, лучше, чѣмъ во все послѣдующее время. Mehren, по крайней мѣрѣ, въ Die Rhetorik der Araber (Kopenhagen und Wien 1853) называетъ его «ein berühmter *erotischer*, ascetischer und *panegyrischer* Dichter».

4) Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen — II, 372—377.

5) Этотъ отзывъ пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если вспомнить, что самъ Kremer одно время до этого спеціально изучалъ диванъ Абу-Новāса, результатомъ чего была его работа Diwan des Abu-Nowas, des grössten lyrischen Dichters der Araber. Wien 1855.

6) Въ общихъ чертахъ эту же характеристику Абу-л-ʿАтāhіи Kremer повторилъ въ позднѣйшей работѣ Ueber die philosophischen Gedichte des Abul ʿAlā Maʿarry (стр. 75 и 76 отд. отт. изъ CXVII т. SBWA за 1887 годъ).

какъ я уже замѣтилъ, черточку объ однообразіи. Такою сухостью отличается между прочимъ отзывъ проф. Гиргаса въ его «Очеркѣ арабской литературы»[1]); даже самъ Goldziher не прибавилъ ничего новаго къ характеристикѣ его, какъ поэта и Абу-л-ʿАтāhiя представляется ему однимъ изъ многихъ «ascetische Dichter[2])». Заслуга этого ученаго состоитъ, впрочемъ, въ освѣщеніи другой стороны духовнаго облика поэта. Онъ указалъ, что обвиненія его въ зиндикызмѣ, основывавшіяся якобы на невѣріи въ загробную жизнь[3]), были несправедливы: изслѣдуя его зуhдійятъ, Goldziher нашелъ много мѣстъ, которыя указываютъ, что Абу-л-ʿАтаhiя въ этомъ вопросѣ существенно не расходился съ ученіемъ мусульманской общины. Насколько искренно и такъ ли онъ понималъ всѣ эти символы, какъ оффиціальный исламъ, вопросъ, конечно, иной. Нужно впрочемъ замѣтить, что здѣсь Goldziher оказался въ совершенномъ согласіи съ упомянутымъ уже Ибн-ʿАбд-ал-Барромъ, который въ предисловіи къ редактированнымъ имъ зуhдійятъ, опровергая мнѣніе Ибн-Кутейбы, проводилъ ту же самую мысль, точно такъ же основываясь на диванѣ поэта[4]). Кромѣ того Goldziher обратилъ вниманіе и на то, что въ поэзіи его можно найти слѣды буддійскаго вліянія[5]). Появившаяся нѣсколько раньше статьи Goldziher'а очень содержательная и цѣнная рецензія Nöldeke на изданіе дивана[6]) не обратила къ сожалѣнію вниманія оріенталистовъ и окончательно

---

1) СПБ. Литогр. безъ года. Стр. 69.

2) Sālih b. ʿAbd-al-Kuddūs und das Zindīkthum während der Regierung des Chalifen al-Mahdi въ Transactions of the IX Oriental Congress—II, 112—113.

3) См. напр. Аг. III, 126, 25-27.

4) См. рук. Азіат. Музея № 264 (по Notices sommaires бар. В. Розена) fol. 3—5.

5) Какъ положеніе, эта гипотеза не можетъ, однако, считаться доказанной, такъ какъ основывается исключительно на слѣдующемъ, довольно двусмысленномъ двухстишіи (див. изд. Cheikho — 274, 10-11):

اذا اردت شريف الناس كلهم * فانظر الى ملك فى زى مسكين
ذاك الذى عظمت فى الناس حرمته * وذاك يصلح للدنيا و للدين

«Если хочешь (увидать) благороднѣйшаго изъ всѣхъ людей, то посмотри на царя въ одеждѣ бѣдняка. Это — тотъ, достоинство котораго велико среди людей; это тотъ, который одинаково подходитъ и для здѣшняго міра и для вѣры». Goldziher здѣсь хочетъ видѣть намекъ на легенду о Буддѣ. Если бы это даже и было такъ, то все же по совершенно одиноко стоящему стиху слишкомъ рано заключить о *значительномъ* вліяніи буддизма. У Абу-л-ʿАтāhiи можно скорѣе видѣть слѣды зороастризма, вліяніе котораго вообще на эту эпоху отрицать нельзя (Бешшāр-ибн-Бурдъ, Ибн-Мукаффаʿ), особенно если обратить вниманіе на приведенные ниже отзывы Сӯлія о міровоззрѣніи нашего поэта. Шаткость этой гипотезы не помѣшала, однако, Goldziher'у высказать ту же мысль еще болѣе категорично въ рѣчи о вліяніи буддизма на исламъ, произнесенной три года тому назадъ и напечатанной тогда же отдѣльной брошюрой, на венгерскомъ языкѣ (A buddhismus hatása az Iszlamra. Budapest 1903. Не располагая этой брошюрой, я пользовался большимъ рефератомъ о ней Т. Дука въ JRAS, т. XXXVI, стр. 125—141).

6) Literarisches Centralblatt за 1888 г. № 1, стр. 20—23. (Въ заглавіи дивана маленькая неточность: вмѣсто النجوم въ бейрутскомъ изданіи стоитъ الانوار).

такой односторонній Kremer'овскій взглядъ на великаго поэта былъ закрѣпленъ и формулированъ Brockelmann'омъ[1]), а вслѣдъ за нимъ повторенъ его компиляторами Huart'омъ[2]) и Pizzi[3]). У послѣдняго есть, правда, намекъ на два періода и приведено изъ перваго одно стихотвореніе, взятое у Масʿӯдія, но за то первый высказываетъ общій взглядъ еще болѣе рѣзко: «*Вся* поэзія Абу-л-ʿАтāһіи это — разговоры въ стихахъ, трактующіе о непостоянствѣ здѣшняго міра». Въ новѣйшемъ популярномъ обзорѣ арабской литературы профессора M. J. de Goeje[4]) авторъ отмѣчаетъ, правда, что проповѣдь аскетизма относится только къ позднѣйшему періоду жизни поэта, и что самъ поэтъ только эти стихи свои считалъ достойными сохраненія въ памяти потомства, но читатель неспеціалистъ изъ слишкомъ ужъ сжатой характеристики поэта у de Goeje невольно вынесетъ впечатлѣніе, что и по мнѣнію знаменитаго голландскаго арабиста вниманія достойны только произведенія второго періода творчества поэта.

Справедливъ ли однако такой суровый и, повидимому, окончательный приговоръ, по которому произведенія Абу-л-ʿАтāһіи довольно однообразны, не очень интересны и слѣдовательно, критическое изданіе ихъ полностью не является въ настоящее время существенной необходимостью, какъ это высказываютъ нѣкоторые авторитеты въ области исторіи арабской литературы? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Такое недоразумѣніе произошло единственно отъ того, что изслѣдователи не разграничиваютъ достаточно строго *два* періода въ поэтической дѣятельности Абу-л-ʿАтāһіи и, обращаясь исключительно къ пьесамъ *второго*, которыхъ до насъ дошло дѣйствительно большее количество, совершенно забываютъ про первый, строя на этомъ не прочно заложенномъ фундаментѣ *общую* характеристику. Что стихотворенія второй половины его жизни талантливы и даже единственны въ своемъ родѣ, что какъ философъ поэтъ Абу-л-ʿАтāһія былъ достойнымъ и единственнымъ предшественникомъ (хотя все же не соперникомъ) Абу-л-ʿАлā' изъ Маʿарры, съ этимъ согласны и сами арабы, и всѣ безъ исключенія

1) Op. cit. I, 78. Нужно, однако, прибавить, что въ популярномъ изданіи своей исторіи арабской литературы (серія Amelang'a, Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen, т. VI. Lpz. 1901, стр. 82) Brockelmann, быть можетъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ рецензій (м. пр. Goldziher'a) отмѣтилъ и первый періодъ.

2) A history of arabic literature. London 1903, стр. 74. (Во французскомъ изд. та же стр.).

3) Letteratura araba. Milano 1903, стр. 131—132.

4) Die arabische Literatur. Berlin und Leipzig. 1906. 8⁰, стр. 26 (Отдѣльный оттискъ изъ изданія: Die Kultur der Gegenwart — Theil I, Abtheilung 7, Die oriental. Literaturen, p. 138).

европейскіе ученые[1]). Все это такъ, но быть можетъ только въ этомъ родѣ поэзіи и отличался Абу-л-ʿАтāhія, будучи совершенно неспособенъ къ другимъ? Вѣдь такіе примѣры въ исторіи арабской поэзіи извѣстны: стоитъ только вспомнить хотя бы Вāлибу-ибн-Хубāба[2]). Думается, однако, что и на этотъ вопросъ придется отвѣтить отрицательно. Сами арабы держались противоположнаго мнѣнія: число хвалебныхъ отзывовъ не такъ ужъ незначительно, чтобы ихъ можно было не замѣтить или пройти молчаніемъ.

Интересно между прочимъ то, что и современные ему поэты, которыхъ ужъ никакъ нельзя было похвалить за отсутствіе jalousie de métier, признавали пальму первенства за Абу-л-ʿАтāhіей, удостоеннымъ гордаго прозвища «перваго поэта людей и джинновъ»[3]). Самъ Абу-Новāсъ признавалъ за нимъ преимущество передъ собой[4]) и принужденъ былъ съ горечью восклицать: «каждый разъ, видя этого злодѣя, я чувствую, что мнѣ до него какъ землѣ до неба»[5]). Первымъ поэтомъ своего времени считали его и Бешшāр-ибн-Бурдъ и Сальмъ ал-Хāсиръ, забывъ про свою гордость[6]). При сопоставленіи съ Абу-Новāсомъ современники почти всегда ставили выше него нашего поэта[7]). Филологи не отставали отъ поэтовъ и то же разсыпались въ похвалахъ: очень одобрялъ его произведенія извѣстный Асмаʿый[8]); ал-Феррā' считалъ его «первымъ поэтомъ своего времени»[9]). Абу-Теммāмъ, составитель знаменитой Хамāсы, говорилъ, что у Абу-л-ʿАтāhіи есть стихи, въ которыхъ съ нимъ никто не можетъ сравниться, и подобныхъ которымъ не будетъ написано и позже, какъ не написано раньше[10]).

---

1) Относительно философскаго значенія Абу-л-ʿАтāhіи, кромѣ приведенныхъ уже мнѣній Kremer'а и Goldziher'а, можно еще указать на сужденіе новаго историка исламской философіи T. Boer'а въ его Geschichte der Philosophie im Islam. Stuttgart 1901, стр. 63—64.

2) Онъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ первый учитель Абу-Новāса и по словамъ ʿАлія Исфаганскаго (Аг. XVI, 148) въ своихъ стихахъ воспѣвалъ исключительно вино и безбородыхъ мальчиковъ. Разъ онъ попытался было написать сатиру на своего бывшаго ученика и Абу-л-ʿАтāhію, но это несмотря на все стараніе ему не удалось. Жестоко осмѣянный обоими поэтами, онъ принужденъ былъ, «какъ бѣглецъ», спасаться изъ Багдада и слава его съ тѣхъ поръ померкла. Фактъ этотъ характеренъ между прочимъ и какъ показатель того, что поэзія этой эпохи въ извѣстныхъ случаяхъ играла роль общественнаго мнѣнія и съ ней приходилось серьезно считаться (ср. еще Аг. III, 137, 138 и див. изд. Cheikho — 324).

3) Аг. III, 130, 131; XXI, 116.

4) Аг. III, 132.

5) Аг. III, 162.

6) Аг. III, 130, 139, 162; XXI, 116.

7) Аг. III, 131, 145, 152 и др.

8) Аг. III, 130.

9) Аг. III, 131.

10) Аг. III, 175.

Легко можетъ возникнуть второй вопросъ, не относятся ли всѣ эти отзывы исключительно къ зуhдійятъ Абу-л-ʿАтāhіи и не онѣ ли однѣ создали славу его какъ поэта? И здѣсь однако придется отвѣтить отрицательно: уцѣлѣли къ счастью отзывы съ непосредственными указаніями на опредѣленныя произведенія. Извѣстный филологъ Ибн-ал-Аʿрāбій считалъ его самымъ талантливымъ поэтомъ и въ области хвалебныхъ касыдъ[1]); Ибн-ал-Муʿтаззъ, царственный поэтъ и литераторъ, выражался еще сильнѣе: онъ говорилъ, что одна хвалебная ода Абу-л-ʿАтāhіи стоитъ всѣхъ 360 собранныхъ имъ произведеній[2]). Не меньшее число похвалъ вызывали и газели нашего поэта: Ибн-Мунāзиръ считалъ его первымъ изъ поэтовъ новаго періода въ области любовныхъ стихотвореній[3]). Ḣарӯн-ар-Рашӣдъ, обладавшій не малой долей поэтическаго чутья, ими восторгался[4]), а Ма'мӯнъ за одно изъ нихъ «готовъ былъ отдать халифатъ»[5]). Масʿӯдій въ своихъ «Золотыхъ Лугахъ» изъ 36 страницъ, посвященныхъ халифату Маhдія[6]) удѣляетъ десять исключительно стихотвореніямъ, относящимся къ эпизоду съ ʿОтбой[7]) и почти послѣ каждаго изъ нихъ прибавляетъ, что его одного было бы достаточно для безсмертной славы поэта. Короче говоря, вездѣ и во всѣхъ областяхъ поэтическаго творчества за нимъ признавался одинаковый, несомнѣнный талантъ. Среди всѣхъ этихъ согласныхъ и, можетъ быть, нѣсколько преувеличенныхъ отзывовъ наиболѣе вѣрнымъ представляется мнѣ лично приговоръ Асмаʿыя, произнесенный имъ разъ, правда, подъ сердитую руку[8]): онъ выразился, что произведенія Абу-л-Атāhіи напоминаютъ ему дворъ халифскаго дворца, гдѣ много золота, мрамора и брилліантовъ, но въ то же время попадается глина и песокъ съ финиковыми косточками. Авторъ «Книги пѣсенъ», благодаря которому, главнымъ образомъ, мы и располагаемъ приведеннымъ матеріаломъ, выражался болѣе восторженно и говорилъ, что по творчеству Абу-л-ʿАтāhія очень приближается къ الفحول — знаменитымъ поэтамъ классическаго періода[9]). Слава о немъ по словамъ арабовъ распространилась даже за предѣлы халифата, что было рѣдкостью для арабскаго поэта чуть ли не со временъ Имруулкайса: въ одномъ источникѣ имѣется упоминаніе[10]) о томъ,

1) Аг. III, 131—132, 147.
2) Аг. IX, 104.
3) Аг. III, 152.
4) Аг. III, 175 и VIII, 24.
5) Аг. X, 127.
6) Изд. Barbier de Meynard — VI, 224—260.
7) Op. cit., стр. 240—250.
8) Аг. III, 145.
9) Аг. IX, 104.
10) Аг. III, 179.

что румскій императоръ отправилъ къ халифу посольство съ просьбой прислать ему Абу-л-ʿАтāhію. Послѣдній отъ поѣздки, однако, отказался и ограничился сочиненіемъ стиховъ[1]), которые по словамъ источника были вырѣзаны на воротахъ Константинополя[2]).

Число приведенныхъ отзывовъ и фактовъ можно было бы еще значительно увеличить, но и указанные служатъ достаточной характеристикой взгляда самихъ арабовъ на этотъ предметъ[3]). Не слѣдуетъ, однако, забывать, что всѣ эти приговоры произносились главнымъ образомъ съ филологической точки зрѣнія[4]), эстетическая же оцѣнка отсутствуетъ почти совершенно, и при всей тонкости анализа нигдѣ не дается общей характеристики. Такимъ образомъ для оцѣнки этой поэзіи, если не вполнѣ съ европейской точки зрѣнія, которая далеко не всегда примѣнима къ произведеніямъ арабскаго генія, то хоть сравнительно съ однородными образцами той же литературы, нужно обратиться къ дошедшимъ до насъ фрагментамъ[5]).

Въ первомъ періодѣ своего творчества Абу-л-ʿАтāhія пробовалъ силы въ самыхъ разнообразныхъ видахъ поэзіи: сочинялъ онъ хвалебныя оды и сатиры, писалъ элегіи и особенно усердно газели. Обращаясь къ одамъ, приходится прежде всего съ сожалѣніемъ отмѣтить, что полностью до насъ не дошла ни одна изъ нихъ[6]); двѣ или три можно возстановить изъ различныхъ отрывковъ, большинство же представляетъ независимые другъ отъ друга осколки. Все же и на основаніи ихъ можно судить, что въ этой области Абу-л-ʿАтāhія мало отступалъ отъ классическихъ образцовъ. Какъ

---

1) См. диванъ — 190, 17-18.

2) Историческое значеніе этого свидѣтельства, конечно, болѣе чѣмъ сомнительно, но оно характерно, какъ показатель высокаго мнѣнія арабскихъ литераторовъ о музѣ Абу-л-Атāhіи.

3) Характерно, между прочимъ, то, что и очень поздніе авторы знали Абу-л-ʿАтāhію преимущественно по произведеніямъ перваго періода: составитель одной антологіи XVII вѣка (рукоп. Учебн. Отд. № 100 по кат. Rosen'а) цитуетъ его единственный разъ, приводя двухстишіе, посвященное фіалкѣ (стр. 456—457. По другому источнику оно издано Mehren'омъ въ его Die Rhetorik der Araber — 24). Авторъ حلية الصفات في الاسماء والصناعات (рукопись № 158 Азіат. Муз.) зная про два періода въ дѣятельности Абу-л-ʿАтāhіи (см. fol. 132-а въ концѣ) для характеристики цитуетъ только отрывки изъ его хвалебной оды (fol. 132-б въ нач. = диванъ, изд. Cheikho, стр. 317, 4-5 и fol. 53-б въ концѣ = див. изд. Cheikho, стр. 309, 13-14).

4) Ср. J. Goldziher, Abhandlungen zur arabischen Philologie. Halle 1896 — I, 137.

5) Списокъ тѣхъ изъ нихъ, которые послужили основой для настоящаго очерка, см. въ приложеніи I.

6) Приводимая въ Китāб-ал-Агāнй III, 156, 13 — 157, 4 поражаетъ своимъ несоотвѣтствіемъ между несӣбомъ (13—29; 17 стиховъ) съ одной стороны, описаніемъ верблюдицы (156, 30—157, 2; 4 стиха) и прославленіемъ (3-4; два стиха) съ другой, и по всей вѣроятности тоже фрагментарна.

и въ доисламскихъ касыдахъ у него имѣется однородный съ ними по содержанію несибъ, неизбѣжно попадается описаніе верблюдицы или ужасовъ пустыни, по которой приходится проѣзжать, и все это по установленному типу заканчивается прославленіемъ восхваляемаго лица. Все таки, несмотря на такую окаменѣлость формы и въ одахъ уже можно замѣтить нѣкоторыя особенности, выгодно отличающія ихъ отъ современныхъ произведеній: описанія никогда не бываютъ растянуты, верблюду посвящается многомного три-четыре строчки, самая похвала никогда не переходитъ въ безвкусную лесть. Лучше всѣхъ частей — несибъ, который обрабатывается съ особымъ интересомъ и нерѣдко можетъ быть выдѣленъ въ отдѣльное стихотвореніе[1]). Языкъ произведеній и здѣсь уже обладаетъ тѣми самыми свойствами, которыя отличаютъ музу Абу-л-ʿАтāhіи въ позднѣйшемъ періодѣ: онъ сравнительно простъ и легокъ, почти совершенно лишенъ всякихъ филологическихъ фокусовъ, которые были въ такомъ ходу у весьма многихъ поэтовъ всѣхъ періодовъ арабской литературы. Еще интереснѣе съ точки зрѣнія новизны его сатиры. Этотъ родъ поэзіи, возникшій на арабской почвѣ какъ извѣстно, изъ заклинаній[2]), имѣлъ очень мало общаго съ европейскими представленіями о сатирѣ. Направлялись они, почти исключительно, противъ отдѣльныхъ *лицъ*, а не *типовъ* и авторъ, конечно, не имѣлъ въ виду подѣйствовать на общество, а просто хотѣлъ отвести душу и досадить врагу. Поэтому и съ нашей точки зрѣнія онѣ похожи скорѣе не на сатиры, а на эпиграммы, или, еще вѣрнѣе, пасквили, сплошь да рядомъ переходящія въ простыя ругательства. У Абу-л-ʿАтāhіи ничего этого нѣтъ и сила его сатиръ или эпиграммъ лежитъ не въ мѣткости или злобности ругательства, а въ остроуміи, не лишенномъ иногда интереса и съ нашей точки зрѣнія. Владѣя въ совершенствѣ языкомъ, онъ очень любилъ прибѣгать ко всякимъ каламбурамъ и игрѣ словъ, отъ которыхъ его противникамъ частенько приходилось плохо. Не даромъ одимъ изъ нихъ говорилъ: «Стоитъ только кому-нибудь на улицѣ посмотрѣть на меня, когда я иду съ мечемъ, мнѣ уже чудится, что онъ вспоминаетъ эпиграмму Абу-л-ʿАтāhіи»[3]). На остроумной игрѣ словъ построена между прочимъ одна его эпиграмма противъ Язӣда-ибн-Маʿна, государственнаго дѣятеля того времени[4]): «Строилъ Маʿнъ, а Язӣдъ это разрушаетъ; такъ Аллахъ творитъ свою волю. Маʿнъ былъ горемъ для завистниковъ, а этотъ доставляетъ имъ радость. Язӣдъ увеличиваетъ отказы и скупость, но уменьшаетъ подарки, не увели-

1) Ср. напр. Аг. III, 156.
2) См. упомянутыя въ началѣ работы Goldziher'a.
3) См. див. 324.
4) Аг. III, 138, 3-5.

чивая ихъ»[1]). Характернѣе еще тотъ фактъ, что у Абу-л-ʿАтāhіи есть эпиграммы, направленныя уже противъ типовъ или цѣлаго класса людей: противъ ученыхъ-схоластиковъ[2]), противъ неправеднаго судіи и т. д. Послѣдняя построена опять на каламбурѣ[3]): «Задумался судья о веселомъ стихѣ и сказалъ, услыхавъ упрекъ по своему адресу: «На этомъ свѣтѣ вѣдь всѣ грѣшны!» (Судья думаетъ, что) это — его извиненіе, но переставь точки!»[4]) Написана эпиграмма несуществовавшимъ размѣромъ, что Абу-л-ʿАтāhія къ ужасу правовѣрныхъ грамматиковъ дѣлалъ довольно часто[5]), гордо считая себя اكبر من العروض — превыше всякихъ метрикъ[6]). Въ данномъ размѣрѣ 4 стопы по два долгихъ слога, тяжелое движеніе которыхъ представляетъ остроумный контрастъ съ легкимъ, живымъ содержаніемъ.

Все же не въ этихъ областяхъ была сила Абу-л-ʿАтāhіи въ первый періодъ. Настоящіе шедевры онъ создалъ въ видѣ газелей (любовныхъ стихотвореній). Ближе всего по характеру они подходятъ къ произведеніямъ ʿОмара-ибн-абу-Рабīʿы, что съ тонкимъ чутьемъ подмѣтилъ еще и Ибн-Кутейба[7]). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ быть можетъ кроется даже прямое подражаніе[8]). Въ большинствѣ случаевъ это коротенькія стихотвореньица иногда въ 5—6 строчекъ, общій тонъ которыхъ еще деликатнѣе, если можно такъ выразиться, и нѣжнѣе чѣмъ у ʿОмара-ибн-абу-Рабīʿы[9]). Послѣднее обстоятельство способствовало тому, что они стали любимыми номерами въ репертуарѣ знаменитостей того времени: пѣвицъ Ферӣды, ʿАрӣбъ и Сіӣтъ[10]). Большинство ихъ было положено на музыку пріятелемъ поэта, извѣстнымъ композиторомъ Ибрагимомъ Мосульскимъ. Такимъ же

---

1) Непереводимый каламбуръ основывается на словѣ يزيد, которое служитъ и собственнымъ именемъ и представляетъ видъ несовершенный глагола زاد — увеличилъ. Такая же игра словъ въ корнѣ معن — собственное имя и منع — отказъ.

2) Диванъ — 11, 3-5.

3) Масʿӯдій (Barbier de Meynard) — VII, 87, 3-4.

4) Соль въ томъ, что тогда изъ слова عذر — извиненіе получается غدر — коварство.

5) См. Аг. III, 126, 27.

6) Аг. — III, 131.

7) كتاب الشعر والشعرآء изд. de Goeje — 497.

8) См. напр. начало одного стихотворенія Абу-л-ʿАтāhіи у Масʿӯдія op. cit. — VII, 83, 8 — 84, 3 и у ʿОмара-ибн-абу-Рабīʿы въ Арабской христоматіи Гиргаса и бар. Розена — стр. 501, № 47 = Der Diwan des Omar b. Abi Rabīa herausgeg. v. P. Schwarz, II, 180 № 262.

9) Изъ позднѣйшихъ поэтовъ очень напоминаютъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ Абу-л-ʿАтāhію перваго періода Беhā-ед-дӣнъ Зуhейръ (см. E. Palmer The poetical works of Beha-ed-din Zoheir of Egypt. I—II. Cambridge 1876—1877) и Абу-л-Фараджъ ал-Ваʼваʼ Дамасскій (пять стихотвореній его по рукописи Азіатскаго Музея изданы бар. В. Розеномъ въ его Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique SPB 1881, стр. 234 и 252—253).

10) См. Аг. III, 146, 186.

характеромъ отличались вѣроятно, и خمريات — винныя касыды нашего поэта, но отъ нихъ къ сожалѣнію дошли только жалкіе остатки[1]. Для полноты характеристики я позволю себѣ привести нѣсколько пьесъ двухъ послѣднихъ родовъ въ посильномъ переводѣ[2].

Одно большое стихотвореніе онъ начинаетъ картиной такого рода[3]: «Горько мнѣ (вспоминать) про быстро пролетѣвшее время, когда были мы между Хаварнакомъ и Садӣромъ; сидѣли мы тамъ въ садовыхъ бесѣдкахъ, купаясь въ морѣ веселья, среди компаніи молодцовъ, которые поводьями судьбы правятъ словно лихіе наѣздники. Всѣ они были смѣльчаки, не скупящіеся своими чувствами. Передавали мы другъ другу долголѣтнее, цвѣта топаза молоко, (но не выдоенное), а выжатое изъ лозы, впервые принесшей плоды, которую взростили лучи солнца въ полуденный зной. Не приближалось оно къ огню, (а поэтому) не осталось въ немъ и слѣдовъ копоти отъ котла. Юноша въ курткѣ выступалъ передъ сидѣвшими съ видомъ наивнаго газеленка. Обносилъ онъ насъ хрустальными кубками, которые обнаруживаютъ тайны, схороненныя въ душѣ. Блестятъ они въ рукахъ виночерпія словно жемчужныя звѣзды; на мѣсто ставитъ ихъ человѣкъ благородный, переставая уже отличать правую руку отъ лѣвой. Посѣтили насъ и красавицы въ поясахъ, появившіяся изъ за занавѣсокъ. (Шли онѣ) распространяя вокругъ благоуханіе, (двигаясь) медленно съ перевязями вокругъ стана. Лица ихъ сіяли, хотя были закрыты покрывалами, черныя очи были скромно потуплены. Выросли онѣ въ изнѣженности, душились амбрэ и теперь кокетливо выступали, въ роскошныхъ шелковыхъ одеждахъ, давая разсмотрѣть солнцу только серьги, выглядывавшія черезъ отверстія покрываль»[4].

Такихъ сценъ у Абу-л-ʿАтāһіи однако, немного; обыкновенно онъ въ краткихъ выразительныхъ строкахъ рисуетъ свои собственныя страданія. «Сказалъ мнѣ Ахмедъ, не зная, что происходитъ со мною: «Развѣ ты любишь ʿОтбу серьезно?» Я вздохнулъ и отвѣтилъ: «Да, эта любовь разлилася у меня по всѣмъ жиламъ! О если бы я могъ умереть и избавиться отъ своихъ мученій; пока я живу, мнѣ придется все время страдать. Впрочемъ, долго я не протяну: всякій, кто испытываетъ такія мученія страсти, какъ я—недолговѣченъ! Знай, что скоро быть мнѣ на томъ свѣтѣ и помяни меня словами: «Пусть Аллахъ помилуетъ нашего товарища, погибшаго отъ

---

1) Аг. III, 156 и Ибн-Халликāнъ (изд. Wüstenfeld) — № 98, стр. 134, 10-11.

2) Опытъ метрической обработки нѣкоторыхъ изъ этихъ пьесъ см. въ приложеніи II.

3) Аг. III, 156, 13-29. Размѣръ كامل.

4) Дальше этотъ разсказъ неожиданно обрывается и переходитъ въ прославленіе халифа ал-Һāди (см. выше стр. 86, прим. 6).

любви. Онъ былъ у ʿОтбы рабомъ и не надѣялся даже стать отпущенникомъ. Хвала же Аллаху за все!»[1]). Слѣдующее стихотвореніе заслужило особую популярность: на музыку оно было положено тремя композиторами[2]), и, какъ многія другія, производило фуроръ въ исполненіи знаменитости того времени — пѣвицы Фериды[3]). «Друзья мои! У меня страданіе, котораго вы не испытываете. Вѣдь каждый человѣкъ не знаетъ о мученіяхъ другого. Я понялъ, что любовь, это — уголь *гада*, но пламя ея, несмотря на весь жаръ, все же доставляетъ сладость груди одержимаго ею. Страсть истомила мое тѣло, кости и силу; остался только духъ, а вся плоть изнурена. Нѣтъ красавицы, которая бы не просіяла, внушивъ влюбленному въ нее такую искреннюю страсть, какъ моя. Я далекъ отъ той, которую люблю, но безъ нея ни о чемъ не могу говорить, ничему не радуюсь. Ей вмѣсто моихъ братьевъ и тѣхъ, кого я долженъ былъ бы любить, посвящены остатки моей любви, которой могло бы хватить ей съ излишкомъ»[4]). Тотъ же авторъ, у котораго приводится предшествующая пьеса, цитуетъ еще и слѣдующее стихотвореніе, не лишенное нѣкотораго остроумія: «Горе моей душѣ, которую жестоко презираютъ! Въ какомъ грѣхѣ можно ее упрекнуть? Благословенъ Аллахъ! Скверно ʿОтба со мной поступила только за любовь къ ней, и дурное преступленіе она совершила! Я пришелъ ее навѣстить, но она не исполнила своего обѣщанія и не привела никакого оправданія. Сколько она выдала мнѣ векселей, это одинъ Аллахъ знаетъ; они не оплочены до сихъ поръ, хотя по закону это слѣдовало бы. Она обѣщаетъ милость только для того, чтобы потребовать возврата всего раньше даннаго. Но какое добро, какая милость можетъ исходить отъ кокетки, которая сама опрокидываетъ надоенный ею доильникъ? Аллахъ разсудитъ меня съ обидчицей! Я хочу съ ней повидаться, но она не даетъ согласія. Къ чему ее обязываютъ всѣ посланцы ко мнѣ, всѣ ея письма? Я хочу съ ней самой повидаться, но она скупится и не согласна на это»[5]).

Очень просто и изящно по формѣ слѣдующее произведеніе: «Аллахомъ (заклинаю тебя), Услада очей! Навѣсти меня прежде смерти или позволь притти къ тебѣ. Вотъ два рѣшенія: выбирай же любое! Если нѣтъ — глашатай смерти меня ужъ зоветъ. Если хочешь — умру; ты вѣдь отъ вѣчности царица моей души. Хочешь, чтобы я жилъ — оживи! ʿОтба, ты новое твореніе, созданное не изъ праха, хотя прочіе люди и сотворены изъ него.

1) Масʿудій, op. cit. — VII, 83, 8 — 84, 3. Размѣръ خفيف.
2) Аг. III, 146, 14-16.
3) Аг. III, 186.
4) Масʿудій op. cit. — VII, 84, 10—85, 5. Размѣръ طويل.
5) Ibid. VII, 85, 7—86, 5. Размѣръ منسرح.

Я дивлюся своей любви, приближающей меня къ тому, кто отвергаетъ и удаляетъ отъ себя. На многое отъ тебя я не надѣюсь, но если бы ты дала хоть надежду на малое и это меня бы удовлетворило»[1]). Нѣсколько очень красивыхъ образовъ заключаетъ въ себѣ аналогичное по содержанію стихотвореніе[2]): «Друзья мои! Что со мною? Страданіе мое не проходитъ: оно изъ сужденныхъ рокомъ неизбѣжныхъ несчастій. Въ сердце мое попадали всякій разъ, какъ стрѣла была пущена, мой же ударъ возвращался въ собственную грудь, а цѣль оставалась невредимой. Я терпѣлъ, но клянусь Аллахомъ, нѣтъ у меня больше твердости терпѣть и я терплю противъ собственной воли. Пусть же въ дѣлѣ Аллаха пропадетъ мое тѣло и моя сила! О если бы кто-нибудь помогъ мнѣ оплакать самаго себя!... Довольно съ тебя, клянусь Аллахомъ, тѣхъ обидъ, которыя ты мнѣ нанесла; я теперь ищу защиты отъ нихъ!»

Число подобныхъ образцовъ можно было бы еще значительно увеличить, но мнѣ кажется, что для всякаго непредубѣжденнаго читателя и этихъ будетъ достаточно, чтобы признать ихъ равными лучшимъ произведеніямъ арабской поэзіи въ этомъ жанрѣ и во всякомъ случаѣ не худшими, чѣмъ аналогичныя стихотворенія ʿОмара-ибн-абу-Рабīʿы, Бешшāра и Абу-Новāса. Мало того, въ нихъ помимо простоты и легкости языка есть еще одно достоинство, выгодно отличающее ихъ отъ прочихъ произведеній такого рода: въ нихъ совершенно нѣтъ того вульгарнаго подъ часъ, цинизма, который иногда проскальзываетъ у ʿОмара, довольно часто у Абу-Новāса и которымъ наполнены стихотворенія Бешшāра. Кромѣ того, значительно симпатичнѣе является и самая фигура Абу-л-ʿАтāhіи, этого несчастнаго «однолюба», чѣмъ хотя бы того же ʿОмара, у котораго въ одномъ и томъ же стихотвореніи нерѣдко путаются имена разныхъ женщинъ[3]).

Помимо произведеній Абу-л-ʿАтāhіи въ этомъ періодѣ не лишено интереса и его міросозерцаніе, отличавшееся значительной для того времени долей оригинальности и свободомыслія[4]). Признавая единаго Бога, онъ считалъ его создавшимъ два противоположныхъ принципа, къ которымъ и должно все возвратиться въ концѣ временъ. Достигнуть истиннаго знанія по его мнѣнію возможно путемъ опыта и размышленія безъ сверхъ-естественнаго откровенія. Коранъ онъ считалъ сотвореннымъ[5]), а поэтому

---

1) Ibid. VI, 246. Размѣръ بسيط.

2) Аг. III, 146, 18-23. Размѣръ طويل.

3) См. напр. Арабскую хрестоматію Гиргаса и бар. Розена — № 47 (стр. 501), стихи 1 и 3 = Изд. Schwarz'a, II, 180 № 262.

4) Данныя объ этомъ сообщаетъ, главнымъ образомъ, Сӯлій (см. Аг. III, 128, 129, 142 и др.).

5) Со свойственнымъ ему остроуміемъ онъ выражалъ эту мысль иногда довольно

далеко не совершеннымъ произведеніемъ литературы: нѣкоторые свои собственные стихи онъ считалъ лучше иныхъ суръ Корана[1]). Большое вольнодумство нѣкоторые авторы видятъ въ томъ, что одну свою дочь онъ назвалъ Лиллахъ, а другую Биллахъ[2]). Въ своихъ газеляхъ онъ никогда не смущался смѣлостью поэтическихъ оборотовъ и два двухстишія навлекли на него даже обвиненіе въ зиндикызмѣ. Въ одномъ изъ нихъ онъ писалъ: «О Аллахъ! Если бы ты заставлялъ меня забыть ʿОтбу, когда она будетъ въ садахъ рая, я и тогда ее не позабуду». Другое звучитъ еще сильнѣе: «Самъ Аллахъ рѣшилъ, что ты лучшее его твореніе; онъ увидѣлъ твою красоту и (только) въ подражаніе ей создалъ ангеловъ небесныхъ»[3]).

Вообще всѣ данныя въ источникахъ представляютъ Абу-л-ʿАтāhію этого періода жизнерадостнымъ поэтомъ-скептикомъ, всецѣло ушедшимъ въ воспѣваніе любви и ея страданій. Если онъ и задумывался иногда о «высокихъ матеріяхъ», то все же его скептицизмъ не переходилъ въ безотрадный пессимизмъ и не заставлялъ его отказываться отъ жизни или чуждаться остроумной бесѣды и пирушки съ товарищами. Его стихотворенія легко могли бы сравняться съ произведеніями ʿОмара-ибн-абу-Рабīʿы и количествомъ и популярностью, если бы онъ оставался исключительно на этой почвѣ.

Въ творчествѣ его, однако, произошелъ рѣзкій переворотъ, превратившій пѣвца здѣшней жизни въ иногда однообразнаго проповѣдника ея непостоянства. Все болѣе мрачныя струны начинаютъ звучать въ его произведеніяхъ; ихъ проникаютъ мысли о непрочности всего земного, о необходимости смерти, о неизвѣстности того, что ожидаетъ насъ за гробомъ. Для человѣка, который къ Корану относился не безъ скептицизма, едва ли

оригинально. Разъ нѣкій Абу-Шуʿайбъ спросилъ у него: «Коранъ по твоему мнѣнію сотворенъ или нѣтъ?» «Ты меня спрашиваешь о Богѣ или не о Богѣ?» въ свою очередь спросилъ у него Абу-л-ʿАтāhія. «Не о Богѣ», отвѣтилъ тотъ. Поэтъ замолчалъ и Абу-Шуʿайбъ повторилъ свой вопросъ, на который Абу-л-ʿАтāhіи отвѣтилъ по-прежнему. Это повторилось нѣсколько разъ и въ концѣ концовъ выведенный изъ терпѣнія Абу-Шуʿайбъ спросилъ: «Почему ты не отвѣчаешь?» «Я тебѣ отвѣчалъ нѣсколько разъ и не моя вина, если ты — оселъ», сказалъ ему тогда Абу-л-ʿАтāhія (см. Сӯлій въ Аг. — III, 129).

1) Со словъ нѣкоего رجاء بن سلمة ʿАлій Исфаганскій передаетъ (Аг. III, 142): «Я слыхалъ, какъ Абу-л-Атāhія говорилъ: «Прочелъ я сегодня ночью суру عما يتساءلون, а затѣмъ сочинилъ касыду гораздо лучше ея». Для мусульманской терпимости нашихъ дней и эпохи Хамдāнидовъ характеренъ тотъ фактъ, что ʿАлій помѣстилъ этотъ разсказъ въ своей كتاب الاغانى безъ всякихъ комментаріевъ, тогда какъ нынѣшніе издатели противъ этого мѣста на поляхъ сдѣлали выноску: قاتل الله ابا العتاهية حيث قال مثل هذا القول السخيف — «пусть уничтожитъ Аллахъ Абу-л-ʿАтāhію, когда онъ говоритъ подобныя этому легкомысленныя рѣчи».

2) لله и بالله. Ибн-Кутейба (изд. de Goeje — 497) и Аг. III, 170 въ нач.

3) Оба у ибн-Кутейбы, op. cit. 501.

онъ могъ доставить успокоеніе; если въ своихъ стихахъ онъ и прибѣгаетъ къ кораническимъ формуламъ, то едва ли за ними видитъ какое-либо реальное содержаніе. Такой переходъ къ пессимизму, ближайшимъ образомъ навѣянный на этотъ разъ смертью какого-то друга, можно уже чувствовать въ одной элегіи[1]): «Былъ другъ у меня. Долго я ликовалъ при его упоминаніи — теперь же я тяжко горюю, какъ только его называютъ. Бывало я утромъ спѣшилъ къ нему во дворецъ — теперь же иду къ могилѣ. Онъ замѣнялъ мнѣ всѣхъ людей; о если бы онъ дольше прожилъ! Когда я приходилъ къ нему по дѣлу, оно исполнялось по его приказанію. Герой, своей щедрости не давалъ онъ ни минуты покоя, было ли это легко или трудно. Онъ день проводилъ весь въ добрѣ, и ночь его была свободна отъ зла. Ушелъ онъ къ Богу наверхъ, хотя и здѣсь былъ выше всѣхъ. Врасплохъ напала судьба на него и тихо, измѣною, имъ овладѣла. Не помогли и войска его окружавшія, не помогли поспѣшившіе на помощь къ нему. На утро ужъ шелъ онъ къ стоянкѣ далекой, къ своей могилѣ... Прахомъ засыпаны двери къ нему до того дня, когда возвѣстятъ о судѣ. Оставилъ онъ опустѣвшими дворцы, имъ воздвигнутые, а самъ поселился въ могильномъ рву. Промѣнялъ онъ ковры на земляную подстилку, а благовонія на запахъ сырости. Онъ теперь путникъ, которому нѣтъ возврата; онъ чужестранецъ, хоть и въ своемъ городѣ. Не придется мнѣ сопровождать его въ походъ, когда онъ эміромъ двигается къ границѣ; не придется и встрѣтить его, когда онъ возвращается въ себѣ послѣ боя съ врагами. Пусть же достойную хвалу за его благородство воздадутъ славныя его дѣянія, если мы не можемъ этого сдѣлать. Пусть же не будетъ мой другъ одиноко погибшимъ въ дали: вѣдь всѣ мы пойдемъ вслѣдъ за нимъ».

Перейти къ обобщеніямъ отъ такой картины было не трудно: стоило только на мѣсто даннаго частнаго субъекта поставить весь родъ человѣческій и получался уже совсѣмъ мрачный, но тѣмъ не менѣе справедливый выводъ. Образчикомъ этого можетъ служить слѣдующее произведеніе[2]): «Ни родитель не будетъ жить вѣчно, ни его сынъ: каждому мощному измѣнитъ его мощь. (А между тѣмъ людямъ кажется) будто обитатели могилъ никогда и не жили во дворцахъ и никто изъ нихъ не былъ живымъ. Точно всегда были они въ такомъ состояніи: не рождались раньше и не рождали. О забывшій про смерть, которая тебя помнитъ! Когда она явится къ тебѣ, найдется ли отъ нея защита? О обитатель дворца, вокругъ котораго ходитъ стража и отборное войско! Твое жилище это вѣдь домъ, обитатель

---

1) Диванъ, изд. Cheikho — 124. Размѣръ متقارب.
2) Диванъ изд. Cheikho — 85—86; размѣръ منسرح.

котораго умреть; его свѣжесть погубитъ теченіе времени. Ты горделиво хвастаешься одѣяніемъ юности: у тебя гордость видна и въ локтѣ, и въ плечѣ. Ты плачешь объ ушедшихъ, но вѣдь завтра и тебя самого смерть отправитъ къ ушедшимъ! О если бы ты зналъ, что хочетъ сдѣлать она съ тобою, тогда бы безсонница истомила твои вѣки!» Еще мрачнѣе слѣдующее стихотвореніе[1]): «Долго жизнь моя была сладка и пріятна, долго я горделиво волочилъ свой подолъ, долго слушался своей глупости и безразсудства, долго я предавался питью! Долго я любилъ игру въ любовь, но вотъ — судьба пустила стрѣлу и попала ею въ цѣль! О строитель высокихъ дворцовъ! Куда ты стремишься? Неужели ты хочешь (дойти) до облаковъ? Ты вѣдь только въ долинѣ судьбы: если смерть пуститъ въ тебя стрѣлу, то навѣрно попадетъ. О строящій (зданія), которыя будутъ разрушены временемъ! Строй, что угодно: все ты найдешь въ развалинахъ... О если бы ты видѣлъ здѣшній міръ зоркимъ окомъ! Вѣдь это только миражъ и полуденная тѣнь, все время движущаяся... Здѣшній міръ—это страданія и печаль, это горесть, которую погоняетъ горе... Въ послѣдній день міръ позволитъ живущимъ только уйти: судьба сметаетъ жизнь, какъ сѣдина сметаетъ юность... Вотъ человѣкъ живъ и могучъ, но позоветъ его день, назначенный судьбой и онъ долженъ дать отвѣтъ... Какое царство какого народа существовало до насъ, котораго не уничтожила бы смерть? (Всѣхъ когда-нибудь) позоветъ глашатай судьбы: «Несите припасы, сѣдлайте животныхъ!»...

Читая эти стихи трудно даже повѣрить, что они принадлежатъ тому самому поэту, который не одинъ десятокъ посвятилъ ʿОтбѣ. Когда съ нимъ произошелъ такой переворотъ опредѣлить затруднительно, а съ полной точностью едва ли и возможно. Nöldeke[2]), вслѣдъ за нѣкоторыми арабскими литераторами, относитъ это ко времени Һарӯна-ар-Рашӣда. Едва ли однако въ этомъ есть существенная необходимость: имѣются указанія, что онъ еще въ юности сочинялъ произведенія аскетическаго характера[3]). Одинъ источникъ говоритъ даже, что онъ началъ свою дѣятельность съ такого рода произведеній и потомъ только перешелъ къ анакреоническому жанру[4]). Съ другой стороны и послѣ Һарӯна-ар-Рашӣда Абу-л-ʿАтāһія повидимому не совсѣмъ отказался отъ міра: приводятся по крайней мѣрѣ его хвалебныя касыды въ честь Ма'мӯна; ко времени того же халифа относятся его эпиграммы на Ахмеда-ибн-Юсуфа, сохранившіяся въ упоми-

1) Диванъ, изд. Cheikho—28—29; размѣръ مديد.
2) Literarisches Centralblatt за 1888 годъ, стр. 20.
3) Аг. III, 149 = диванъ (Cheikho), 246.
4) Аг. III, 126.

навшейся уже каирской рукописи Сӯлія[1]). Такимъ образомъ вѣроятнѣе всего, что оба направленія существовали параллельно: въ раннемъ періодѣ преобладало первое, но постепенно стало вытѣсняться вторымъ, которое подъ конецъ жизни являлось уже господствующимъ нераздѣльно.

Также затруднительно опредѣлить причины указаннаго переворота въ музѣ нашего поэта. Большинство арабскихъ литераторовъ видитъ ихъ въ несчастной любви къ ʿОтбѣ, но на самомъ дѣлѣ это было, вѣроятно, только поводомъ, причины же коренились гораздо глубже. Скорѣе всего здѣсь сказывалось стремленіе разрѣшить ту же «загадку жизни», надъ которой по выраженію другого поэта (Heine) съ одинаковымъ усердіемъ и одинаковой безуспѣшностью бились головы въ шапкахъ, расписанныхъ іероглифами, равно какъ въ тюрбанахъ и парикахъ. Съ достаточной ясностью на вопросъ о причинахъ переворота должны были бы отвѣтить самыя произведенія, но здѣсь приходится встрѣчаться съ такимъ затрудненіемъ, осилить которое едва ли возможно безъ спеціальнаго и долголѣтняго изслѣдованія زهديات Абу-л ʿАтāһіи. Затрудненіе это — вопросъ о подлинности, тяготѣющій надъ всѣми, кто занимается арабской поэзіей. Хотя этотъ вопросъ одинаково мучителенъ вездѣ, но особенно онъ обостряется въ такихъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло съ эпонимными, такъ сказать, поэтами, которые олицетворяютъ въ литературѣ извѣстное направленіе. Такіе случаи, какъ въ персидской литературѣ съ ʿОмаромъ Хайāмомъ, происходятъ неоднократно и въ арабской. Меджнӯну здѣсь приписываютъ чуть не большинство любовныхъ стихотвореній[2]); къ Абу-Ноwāсу возводятъ всѣ мало-мальски вольнодумные стишки. Дѣло дошло до того, что теперь въ Сиріи и даже въ Алжирѣ Абу-Новāсъ превратился въ народнаго героя и тамъ распространены разнообразные сборнички, въ которыхъ онъ играетъ такую же роль, какъ ходжа Насреддинъ въ Турціи[3]). Не лучше обстоитъ дѣло и съ Абу-л-ʿАтāһіей. Благодаря тому, что онъ считался благочестивымъ поэтомъ (конечно, исключительно за произведенія второго періода), его зуһдійятъ собирались обыкновенно всякими правовѣрными мусульманами, вродѣ Ибн-ʿАбд-ал-Барра, которые заботились не столько о литературной достовѣрности произведеній, сколько о нравоучительности сборника, не отказываясь иногда, быть можетъ, и отъ pia fraus. Критеріи для отдѣленія подлиннаго отъ вставнаго въ настоящее время очень слабы, тѣмъ

---

1) Fol. 149-b — 150-a.

2) См. Brockelmann — Geschichte der arabischen Literatur — I, 48 № 2 и 3.

3) См. напр. قصة نزهة الجلاس فى نوادر ابى نواس — третье бейрутск. изд. безъ года in 8⁰, стр. 32.

болѣе, что упомянутое выше изданіе Cheikho не многимъ дальше ушло отъ мусульманскихъ сборниковъ. Главная часть его изданія озаглавлена في الزهريات (= ascetica). Полагаясь на это, здѣсь можно было бы расчитывать встрѣтить только однородныя произведенія, но къ сожалѣнію это не такъ. Не говоря ужъ о томъ, что сюда включено не мало элегій и сатиръ[1]) здѣсь попадаются иногда странные курьезы. Подъ заголовкомъ: «Абу-л-ʿАтāһіи принадлежитъ такой стихъ о судѣ божіемъ» — Cheikho приводитъ слѣдующую строку: «страхъ и надежда смѣняютъ другъ друга, когда Мӯсā двинетъ тростью или задумается»[2]). При чемъ тутъ судъ Божій опредѣлить довольно затруднительно, но если вспомнить, что имя халифа Һāди было Мӯсā, то легко можетъ возникнуть подозрѣніе, не взятъ ли этотъ стихъ изъ какой-нибудь касыды въ его честь. Оказывается, что ʿОмар-ибн-Шебба[3]) дѣйствительно приводитъ такую оду, гдѣ первымъ стихомъ является приведенный выше[4]). Аналогичный случай встрѣчается на стр. 216, 3-4 дивана, гдѣ подъ однороднымъ заголовкомъ приводится такое двухстишіе: «Верблюды жалуются тебѣ, такъ какъ имъ пришлось проѣхать и черезъ пустыни и черезъ пески. Когда они привозятъ насъ, то бываютъ на-легкѣ, а когда отъѣзжаютъ, то только нагруженными». Ясно опять, что это двухстишіе ничего общаго не имѣетъ съ зуһдомъ, а взято изъ какой-то оды, которую и цитуютъ на самомъ дѣлѣ ʿАлій Исфаганскій[5]) и Ибн-Халликāнъ[6]). Эти примѣры могутъ показать насколько осторожно приходится обращаться съ изданіемъ дивана. Немногимъ лучше обстоитъ дѣло и съ рукописью, хотя здѣсь вина, вѣроятно не Намарія, а использованныхъ имъ источниковъ. Одно стихотвореніе[7]) Намарій, на основаніи вѣроятно Сӯлія[8]), приписываетъ Абу-л-ʿАтāһіи. Между тѣмъ Джāхызъ[9]) относитъ его къ Абу-Новāсу. Это бы еще не бѣда: поэты одного періода и стихотвореніе можно было бы признать характернымъ для данной эпохи, если не для даннаго лица. Однако и этой возможности лишаетъ Рāгибъ Исфаганскій: въ своей антологіи محاضرات آلادباء[10]) онъ приписываетъ его

1) См. напр. стр. 11, 3-5; 80, 7-8; 124—125, 1; 175, 8-11; 184, 13-15; 291, 5-8 и др.

2) Диванъ — 119, 5.

3) Въ Аг. III, 156, 5-11 и IX, 104.

4) Оригинальнѣе всего, что указанное мѣсто изъ كتاب الاغانى Cheikho цитуетъ дальше (див. — 311, 11-12) съ иной, правда, огласовкой стиха.

5) Аг. III, 46, 13-14 и 144 въ концѣ.

6) Изд. Wüstenfeld'а № 93, стр. 127. Приводитъ ее дальше и Cheikho (317).

7) Въ изд. Cheikho—69, 18—70, 2.

8) См. Аг. III, 143.

9) كتاب المحاسن изд. van Vloten'а — 183, 9-11.

10) Каирское изд. 1287 г. гиджры — I, 47.

автору муʿаллаки — Лебӣду [1]). Аналогичныхъ примѣровъ можно привести массу [2]) и всѣ они показываютъ насколько иногда сомнительна принадлежность Абу-л-ʿАтāhіи нѣкоторыхъ приписываемыхъ ему стихотвореній. Отсюда приходится дѣлать второй послѣдовательный выводъ, насколько серьезнаго изученія требуетъ его зуhдійятъ. Между тѣмъ такого изученія онѣ вполнѣ заслуживаютъ не только для выясненія міровоззрѣнія Абу-л-ʿАтāhіи въ этомъ періодѣ, но и вообще для исторіи развитія арабской поэзіи. Онѣ могутъ доставить матеріалъ для рѣшенія того же вопроса относительно происхожденія и эволюціи зуhдійятъ, который выясненъ теперь Goldziher'омъ и Rhodokanakis'омъ относительно hиджā' и рисā'. Благодаря имъ можно установить одну изъ стадій, которыя переживала арабская поэзія, превращаясь изъ чисто-описательной до-исламской въ рефлексивную слѣпого поэта изъ Маʿарры. Историческое изученіе обѣщаетъ здѣсь хорошіе результаты: Абу-л-ʿАтāhія былъ первымъ серьезнымъ представителемъ указаннаго направленія, посвятившимъ ему половину своей жизни, но онъ далеко не былъ такимъ неожиданнымъ метеоромъ, какъ это полагали нѣкоторые (напр. Kremer) раньше. Однородныя мысли попадаются кое-гдѣ еще у ʿАдія-ибн-Зейда; ихъ очень много у Лебӣда, муза котораго вообще была родственна Абу-л-ʿАтāhіи, что доказываетъ частью и приведенный выше примѣръ [3]).

Кромѣ внутренняго содержанія заслуживала бы изслѣдованія и самая техника зуhдійятъ [4]). Кое какія соображенія возникаютъ здѣсь даже и при бѣгломъ просмотрѣ дивана Абу-л-ʿАтāhіи: становится ясно, что онѣ возникали частью изъ до-исламскихъ еще حكمة — мудрыхъ изреченій въ родѣ тѣхъ, которыми наполнена послѣдняя часть муʿаллаки Зуhейра, а частью изъ элегій, сохраняя характерныя черты тѣхъ и другихъ. Вліяніе ложноклассической теоріи сказывалось иногда въ своеобразномъ несӣбѣ, содержаніемъ котораго служила здѣсь или своего рода элегія по ушедшей молодости или воспоминаніе о возлюбленной — здѣшней жизни съ ея утѣхами. Еще болѣе, чѣмъ въ другихъ родахъ поэзіи здѣсь замѣчается стремленіе

1) Оттуда уже оно попало и въ изданіе дивана этого поэта, см. Huber-Brockelmann — app. № XVIII.

2) Напр. стихотв., стоящее въ див. 236, 12-13 Джāхызъ (op. cit. 175, 8-9) приписываетъ ʿАлію-ибн-абу-Тāлибу; то, которое Бейhакый (изд. Schwally), 383, 7-8 относитъ къ Абу-л-ʿАтāhіи, Ибн-ʿАбд-раббиh (I, 392, 30-33) приписываетъ Мухаммеду ал-Варрāку; стихи Абу-л-ʿАтāhіи у Вашшā (ed. Brünnow — 7, 18—19) ʿОмар-ибн-Шебба относитъ къ его сыну (см. Ag. III, 170, 7-8) и т. д. и т. д.

3) Нѣкоторыя данныя о развитіи рефлексивно-философскаго направленія въ поэзіи до Абу-л-ʿАтāhіи см. въ приложеніи III.

4) Какъ это сдѣлано Rhodokanakis'омъ относительно رثاء, въ упомянутой выше работѣ его о поэтессѣ Хансā'.

къ фигурамъ аллитераціи, параллелизма и противоположенія[1]). На много другихъ интересныхъ выводовъ могутъ натолкнуть зуhдійятъ, но всѣ они, какъ и сказано выше, требуютъ спеціальнаго и серьезнаго изслѣдованія, которое выходитъ уже за рамки настоящей замѣтки.

Ея задача была скромнѣе и сводилась лишь къ общей характеристикѣ поэтическаго творчества Абу-л-Атāhіи, главнымъ образомъ въ первый періодъ его жизни. Пишущему эти строки хотѣлось бы думать, что послѣ всего сказаннаго можно признать Абу-л-ʿАтāhію и въ этомъ періодѣ все тѣмъ же поэтомъ «божьей милостью», какимъ по общему приговору онъ былъ во второмъ. Если теперь фигура «перваго поэта людей и джинновъ» станетъ хоть нѣсколько яснѣе — авторъ этой замѣтки будетъ вполнѣ удовлетворенъ.

---

1) Иногда даже въ мелочахъ можно замѣтить точки соприкосновенія съ древней поэзіей. Столь любимый Абу-л-Атāhіей эпитетъ рока نطوح — бодливый (см. напр. диванъ — 67, 1 и др.) встрѣчается еще у Адія-ибн-Зейда (изд. Cheikho الشعرآء النصرانية — стр. 468), фигура حتى متى у Джебели-ибн-Хурейса (ал-Ыкдъ — I, 377, Delectus veterum carminum arabicorum ed. Th. Nöldeke стр. 3, 8), противоположеніе у него же (Delectus — 3, 12. Вообще это стихотвореніе цѣликомъ очень напоминаетъ Абу-л-ʿАтāhію), повтореніе одного и того же слова у ʿАмра-ибн-Аhтама (Хамāса — 722) и т. д.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Фрагменты Абу-л-ʿАтāhіи.

Въ этотъ списокъ включены только тѣ отрывки изъ стихотвореній поэта, которые послужили непосредственнымъ основаніемъ для выводовъ этой работы. На окончательную полноту списокъ претендовать никоимъ образомъ не можетъ и цѣль его — служить лишь матеріаломъ для будущаго критическаго изданія фрагментовъ Абу-л-ʿАтāhіи. A priori можно предположить, что изученіе еще нѣкоторыхъ источниковъ, какъ напримѣръ, позднихъ антологій и комментаріевъ къ диванамъ отдѣльныхъ поэтовъ доставило бы еще извѣстный, хотя едва ли значительный матеріалъ. Не внесены въ списокъ отрывки характера зуhдійятъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и не имѣются въ диванѣ. (Напр. Вашшā (Brünnow) — 7, 18—19 = Аг. III, 170, 7—8; Бейhакый (Schwally) — 383, 7—8 = Ибн-ʿАбд-раббиh изд. булакское 1293 г. — I, 392, 30—33; Мубаррадъ (Wright) — 328, 10—13; Масʿӯдій (Barbier de Meynard) — VI, 337, 8—9; 338, 1 и т. д.).

المديح — Бейhакый (Schwally) — 570, 10—14; Мубаррадъ (Wright) — 419, 15 — 420, 1; 518, 9—11; Ибн-Кутейба (de Goeje), 497, 16—17; 498, 13—14; 498, 19 — 499, 3; 499, 5—6; Масʿӯдій (Barbier de Meynard) — II, 337—338, 350—351; VI, 337, 3—4; Табарій (лейденское изд.) — III, 697, 12 — 698, 4; Ибн-ʿАбд-раббиh (булакское изд. 1293 г.) — III, 218; Аг. III, 46, 73, 131, 132, 141, 142, 145, 147, 153, 156—160, 165, 176, 178, 179; V, 105, 8—9; VI, 176; IX, 104; XVII, 45, 46, 74, 76; XXI, 17, 18, 111; Ибн-Халликāнъ (Wüstenfeld) № 93, стр. 127, 128; Вāхыдій (комм. къ Мутанаббію изд. Dieterici), стр. 26, 6; 100, 4; 165, 1; 214, 23; 445, 17; خزانة الادب (изд. булакское 1299 г.) II, 395, 23—24 и 413, 13; كتاب الموازنة Амидія (изд. стамбульское 1287 г.) стр. 40, 1—2.

الهجاء — Ибн-Кутейба, 499, 8; Мубаррадъ — 429, 9—12; Масʿӯдій — VII, 87; Табарій — III, 1411, 10—15; Ибн-ʿАбд-раббиh — II, 240, 18—21; III, 133; I, 28, 241, 257 и 342; Аг. III, 134, 135, 136, 2—8; 137, 138, 3—5; 148, 149, 150, 155, 168, 169, 171, 174; V, 113; XIV, 57, 58; Ибн-Халликāнъ № 252, стр. 61.

الرثاء — Табарій — III, 687, 14 — 688, 9; Аг. III, 138, 141, 155, 160; V, 6, 3—7; 9—10; VI, 204; XIV, 59; XXI, 105, 7—8; Ибн-Халликāнъ № 9, стр. 16; № 472, стр. 54.

الغزل — Джāхызъ (كتاب المحاسن изд. van Vloten'a) — 34, 4—7; Бейhакый — 407, 6—9; Вашшā — 68, 23 — 69, 1; Ибн-Кутейба — 497, 17—19; 498,

4—7; 499, 15; 501, 9; 501, 11—12; Масʿӯдій — VI, 241, 246, 247, 248, 336; VII, 84—85, 86—87. Аг. III, 126, 137, 139, 140, 146, 9—18; 148, 151, 154, 158, 164, 169, 177, 180, 186; V, 40; IX, 55, 87; X, 127; XIV, 56; XVII, 124; XVIII, 186; XXI, 111; Ибн-ʿАбд-раббиһ — II, 235, III, 180, 269; Ибн-Халликāнъ — № 93, стр. 127, 129, 8—9, 11—12, 13—17; Вāхыдій (Dieterici) — 8, 16—17; Амидій — 63, 9—10.

II.

Опытъ стихотворнаго перевода нѣкоторыхъ произведеній Абу-л-ʿАтāһіи.

Предлагаемая метрическая обработка исполнена по приведеннымъ выше прозаическимъ переводамъ моей сестрой Ю. С., которой и приношу глубокую благодарность за разрѣшеніе воспользоваться этими матеріалами для печати. Предназначаются эти образцы, главнымъ образомъ, для широкаго круга читателей и уже въ зависимости отъ самой формы не могутъ претендовать на особую точность. Присоединенныя мною ссылки на подлинникъ позволяютъ, однако, и знатокамъ арабской литературы сопоставить ихъ съ оригиналомъ. Размѣръ арабскаго подлинника сохраненъ только въ № 5 (متقارب).

№ 1 = Масʿӯдій («Золотые луга» изд. Barbier de Meynard), т. VII, 83, 8 — 84, 3 (см. выше стр. 89—90). Вставлены два стиха изъ другого стихотворенія Абу-л-Атāһіи, ibid. 84, 7—8.

№ 2 = Масʿӯдій op. cit. т. VII, 84, 10 — 85, 5 (см. выше стр. 90). Выпущенъ стихъ 85, 3.

№ 3 = Масʿӯдій op. cit. — VI, 246 (см. выше стр. 90—91). Выпущенъ одинъ стихъ.

№ 4 = Аг. III, 146, 18—23 (см. выше стр. 91). Нѣсколько измѣненъ порядокъ стиховъ.

№ 5 = диванъ изд. Cheikho, 124 съ незначительными сокращеніями (см. выше стр. 93).

№ 6 = диванъ, изд. Cheikho, 28 — 29 въ сокращенномъ видѣ (см. выше стр. 94).

1.

«О, скажи мнѣ», спросилъ меня Ахмедъ — мой другъ:
«Неужели ты любишь такъ ʿОтбу глубоко?»
Онъ не зналъ про мученья любви одинокой,
Про таившійся въ сердцѣ недугъ.

Я, вздохнувъ, отвѣчалъ: «Да, по жиламъ моимъ
Разлилася любовь, и не сплю я ночей,
За звѣздами слѣжу, не смыкая очей,
Безнадежной тоскою томимъ.

Я лежу на пылающихъ угляхъ *гадà*,
Завернувшись покровомъ изъ *хасска* шиповъ...
Чтобъ хоть мигъ отдохнуть — умереть я готовъ:
Вѣдь мученья утихнутъ тогда!

Кто страдаетъ какъ я — тотъ недолго живетъ,
А умру — ты словами меня помяни:
«Погубила любовь его юные дни,
Пусть Аллахъ ему милость пошлетъ!

Былъ онъ ʿОтбы рабомъ, и въ душѣ не жила
О свободѣ мечта, какъ цвѣтокъ дорогой...
Жизнь—томленье и боль; смерть приноситъ покой
И за все здѣсь Аллаху хвала!»

2.

Друзья мои! Страдаю я,
Вамъ эта боль чужда;
Чужимъ страданьемъ не страдалъ
Никто и никогда.
Теперь я понялъ, что любовь —
Горючій угль—*гадà*:
Огонь его сжигаетъ грудь,
Но сладостенъ всегда.
И силы, плоть и кровь мою
— Все эта страсть взяла;
Живымъ остался только духъ,
Его лишь не сожгла.
Отъ той, которую люблю,
— Несчастный — я далекъ;
А безъ нея — всегда молчу,
Вездѣ — я одинокъ.
Ей, вмѣсто братьевъ и семьи,
Любовь посвящена;
Съ избыткомъ жизнь ея была бъ
Любовью той полна!...

3.

Богомъ молю тебя, Сладость очей!
Навѣсти ты меня передъ смертью моей
  Иль къ тебѣ заглянуть разрѣши.
Выбирай: всѣ рѣшенья во власти твоей.
А не хочешь... Глашатая смерти моей
  Безпощадный мнѣ слышится зовъ.
Если хочешь—умру; безъ тебя мнѣ не жить
Если хочешь—ты можешь меня оживить:
  Ты отъ вѣка царица души!
Предъ любовью безумной и нѣжной моей,
Приближавшей къ тебѣ противъ воли твоей,
  Съ удивленіемъ склониться готовъ.
Не надѣюсь на многое я отъ тебя,
Хоть о малой надеждѣ молю я, любя,
  И она бы мнѣ счастье дала!...

4.

О, что со мной, мои друзья?
Ужаснѣй все страдаю я;
И на погибель мнѣ оно —
Страданье это — суждено.
  Впивалась въ сердце мнѣ стрѣла,
  Едва лишь пущена была;
  А я — въ кого ни посылалъ —
  Ее обратно получалъ.
Она достигнуть не могла
Того, въ чемъ цѣль моя была!
Я терпѣливо все сносилъ —
Свидѣтель Богъ! но нѣту силъ:
И противъ воли я терплю,
И противъ воли я люблю.
  Обидъ довольно мнѣ твоихъ;
  Ищу защиты я отъ нихъ.
  Теперь Аллаху отдаю
  И силу я, и кровь свою...
  О если бъ кто-нибудь, любя,
  Помогъ оплакать мнѣ себя!...

5.

Моимъ онъ былъ другомъ; и я ликовалъ
Лишь имя родное, бывало, слыхалъ;
Теперь же тоскую, услышавъ о немъ
И тяжкое горе на сердцѣ моемъ.
Къ нему во дворецъ по утрамъ я спѣшилъ,
Теперь же къ могилѣ плетуся безъ силъ;
Людей остальныхъ онъ собой замѣнилъ,
О, если бы, Боже, онъ дольше прожилъ!
Просилъ ли о помощи я у него —
Свершалося дѣло по слову его.
И щедрость его позабыла покой,
Хоть многое сдѣлать и трудно порой.
Весь день его жизни былъ полонъ добромъ,
А ночи его незнакомы со зломъ.
И къ Богу ушелъ онъ, превысившій всѣхъ,
Средь этого міра, гдѣ царствуетъ грѣхъ.
Измѣною, тихо судьба подошла,
И войска защита его не спасла;
Напрасно спѣшили на помощь къ нему
Покорные слову его одному:
И шелъ онъ на утро къ стоянкѣ чужой,
Къ могилѣ своей торопяся пустой.
До дня воскресенья завѣтная дверь
Засыпана прахомъ могильнымъ теперь;
Не нужною стала вся роскошь дворцовъ —
Ее промѣнялъ на могильный онъ ровъ;
Подстилка земли и гнилья ароматъ
Ковры и куренья ему замѣнятъ.
Онъ, — путникъ, идущій безсмѣнно впередъ;
Чужой — хотя въ городѣ прежнемъ живетъ...
Но долго вдали онъ не будетъ однимъ:
Вѣдь всѣ мы пойдемъ по дорогѣ за нимъ.

6.

О, долго жизнь моя пріятной мнѣ казалась!
Я долго съ гордостью подолъ мой волочилъ,
Былъ глупости рабомъ, и кубками напитка
Я сердце веселилъ!

И долго жизнь моя мнѣ сладкою казалась
Забавою въ любовь!... Но пущена стрѣла,
Попала въ цѣль она, и цѣлью той — о горе!
Душа моя была.
Куда стремишься ты, творецъ дворцовъ высокихъ,
Ужели — въ облака?... Но вѣдь въ долинѣ ты:
Смерть цѣлится въ тебя, и попадетъ навѣрно
Стрѣлою съ высоты.
Въ развалинахъ найдешь трудовъ своихъ созданья,
И — чтобъ ни создалъ ты — всему конецъ одинъ:
Здѣсь все обречено на жертву разрушенью,
Здѣсь смерть лишь властелинъ.
О, погляди на міръ холоднымъ, зоркимъ взглядомъ!
Смерть сторожитъ тебя, ея-ль избѣгнешь ты?
Вся наша жизнь — лишь тѣнь, бѣгущая все дальше,
Миражи и мечты.
Въ послѣдній день тотъ міръ живущимъ всѣмъ позволитъ
Уйти навѣки прочь, въ невѣдомую даль...
Жизнь — испытанья, скорбь, которыя смѣняютъ
Иль горе, иль печаль.
О человѣкъ! Не хочешь ты спасаться
И прочь бѣжать забавъ и молодыхъ страстей!
Вѣдь въ домѣ ты, гдѣ смерть царитъ и превращаетъ
Въ ничтожество людей:
Ея огонь для всѣхъ равно вѣдь предназначенъ...
Судьба сметаетъ жизнь, какъ юность — сѣдина;
Не знаю царства я, котораго удѣломъ
Не стала бъ смерть одна!
Вотъ человѣкъ живетъ, могучъ и беззаботенъ,
Но лишь настанетъ день, назначенный судьбой —
Онъ слышитъ зовъ ея, и долженъ, покоряясь,
Оставить путь земной.
Придетъ послѣдній день, и каждый изъ живущихъ
Услышитъ вѣщій крикъ глашатая — судьбы:
«Собравъ припасы всѣ, сѣдлайте вы животныхъ,
Несчастные рабы!»

III.

Нѣкоторыя данныя по вопросу о развитіи рефлексивно-философскаго направленія въ арабской поэзіи до Абу-л-ʿАтāhіи.

Въ западно-европейской литературѣ указанный вопросъ почти совершенно не затрогивался, особенно когда дѣло касалось до-исламской поэзіи. Происходило это отъ нѣсколько апріорнаго мнѣнія объ индифферентизмѣ древнихъ арабовъ ко всѣмъ вопросамъ духовнаго бытія. Такое мнѣніе содѣйствовало иногда образованію довольно оригинальнаго circulus vitiosus: *всѣ* произведенія, въ которыхъ попадались такія мысли, считались несомнѣнно подложными, а ихъ огульное выбрасываніе не давало возможности установить *истиннаго* характера этой эпохи, который быть можетъ и допустилъ бы сохраненіе *нѣкоторыхъ* образцовъ. На сколько значительную роль играли здѣсь субъективные взгляды можно видѣть по тому, что одно стихотвореніе Зуhейра[1]), которое Ahlwardt считаетъ только «wegen seines Sentenzenreichthums demselben beigelegt»[2]), Wellhausen безъ всякихъ оговорокъ принимаетъ за подлинное и строитъ на основаніи его извѣстный выводъ[3]). Такое мнѣніе о полномъ отсутствіи въ древне-арабской поэзіи духа рефлексіи, а слѣдовательно подложности всѣхъ произведеній, гдѣ встрѣчаются на него намеки, болѣе или менѣе прочно установилось уже съ Ahlwardt'a, который систематически проводилъ эту мысль въ только что упомянутыхъ «Bemerkungen...» Приблизительно тотъ же взглядъ (съ нѣкоторой уступкой въ пользу منايا) высказалъ и Goldziher въ первомъ томѣ «Muhammedanische Studien»[4]). Его же придерживается и большинство современныхъ ученыхъ, которыхъ иногда даже такое, въ сущности, безобидное слово, какъ دنيا «заставляетъ задумываться» о подлинности произведенія, гдѣ оно встрѣчается[5]). Не слѣдуетъ, однако, забывать, что на ряду съ этимъ высказывались и менѣе категоричныя мнѣнія: Kremer въ противовѣсъ Ahlwardt'y написалъ статью о Лебӣдѣ[6]), гдѣ онъ пришелъ къ нѣсколько инымъ выводамъ, признавая за подлинныя пьесы Лебӣда иногда и проникнутыя даже мыслями о «проклятыхъ вопро-

1) № 20 по изд. Ahlwardt'a, The diwans of the six ancient arabic poets. London. 1870.

2) Bemerkungen über die Aechtheit der alten arabischen Gedichte, Greifswald. 1872—стр. 33.

3) Reste arabischen Heidentumes. Berlin. 1887 — стр. 202.

4) Halle 1889, стр. 2—3.

5) См. K. Vollers, Die Gedichte des Mutalammis въ Beiträge zur Assyriologie und semitischen Sprachwissenschaft — т. V, стр. 164, 16.

6) Въ SBWA, т. 98, стр. 555—603.

сахъ». Возможность существованія такихъ идей въ *древней* Аравіи неоднократно подчеркивалъ и Nöldeke[1]). Послѣднее болѣе оптимистическое мнѣніе обѣщаетъ, повидимому, утвердиться въ наукѣ. Насколько самостоятельно возникали такія мысли и не появлялись ли онѣ главнымъ образомъ подъ сторонними вліяніями — это вопросъ, конечно, иной; то или другое рѣшеніе его не вліяетъ на самый фактъ, который приходится констатировать. При все болѣе выясняющемся за послѣднее время христіанскомъ вліяніи на до-исламскую Аравію здѣсь чаще можно видѣть именно такое внѣшнее воздѣйствіе. Говорить о силѣ христіанскаго вліянія — это не значитъ, конечно, соглашаться съ L. Cheikho, который въ свою антологію «христіанскихъ» поэтовъ[2]) включилъ 60 представителей древней Аравіи во главѣ съ Имруулкайсомъ, Антарой, Тарафой, Зуһейромъ и др. Съ другой стороны, однако, нужно признать, что почти у каждаго изъ нихъ можно найти слѣды этого вліянія, которые и побудили Cheikho превратить ихъ въ христіанъ. Болѣе серьезно обратилъ вниманіе на этотъ фактъ впервые Wellhausen въ Reste arabischen Heidentumes[3]). Быть можетъ подъ вліяніемъ этой работы и Goldziher въ Abhandlungen zur arabischen Philologie[4]) выразился уже болѣе сдержанно, чѣмъ въ Muhammedanische Studien[5]), отмѣтивъ въ свою очередь возможность вліянія Іемена на развитіе въ поэзіи такихъ мотивовъ; съ нѣкоторыми дополненіями положенія Wellhausen'а были повторены Rothstein'омъ въ Die Dynastie der Laḫmiden in al-Ḥira[6]). Помимо этихъ общихъ обзоровъ теперь уже имѣется нѣсколько небольшихъ сводовъ по исторіи отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ изъ разсматриваемой сферы: Goldziher въ предисловіи къ изданной имъ كتاب المعمّرين[7]) прослѣдилъ развитіе въ поэзіи мотивовъ сѣдины и старости, Geyer[8]) собралъ данныя о выраженіи كاس الموت —

1) См. passim его Beiträge zur Kenntniss der Poesie der alten Araber. Hannover. 1864. Въ «Literarisches Centralblatt» за 1888 годъ, стр. 21, онъ писалъ, что и «поэты эпохи язычества неоднократно говорили, какъ смерть все уничтожаетъ и какъ судьба рано или поздно разрушитъ всякое могущество и силу».

2) كتاب الشعرآء النصرانية الجزء الاول فى شعرآء الجاهلية Бейрутъ 1890 gr. 8⁰. стр. 932. Самаго изслѣдованія, въ которомъ Cheikho обѣщалъ обосновать свои положенія, не появилось и до сихъ поръ. Только въ одной полемической статьѣ онъ старался доказать христіанство Имруулкайса. (См. Бейрутскій журналъ المشرق за 1905 г., стр. 998—1006).

3) Berlin 1887, стр. 197—203 (главнымъ образомъ 202—203).

4) Theil II. Halle 1899, стр. XVI.

5) Въ послѣдней книгѣ онъ еще не имѣлъ возможности пользоваться работой Wellhausen'а, хотя она и вышла раньше 1889 г. См. пред. къ Muhamm. Studien.

6) Berlin 1899, стр. 25 и др.

7) Во 2-мъ томѣ его Abhandlungen zur arabischen Philologie, 1899.

8) Zwei Gedichte von al-'Aʿša. Wien. 1905, стр. 181.

кубокъ смерти[1]) и т. д. Всѣ эти маленькія монографіи облегчатъ со времененемъ обзоръ общаго хода развитія рефлексивно-философскаго направленія въ арабской поэзіи.

Изученіе зуһдійятъ Абу-л-ʿАтāһіи (хотя и очень непродолжительное) убѣдило меня въ томъ, что большинство идей, поэтическихъ образовъ и даже риторическихъ фигуръ не является исключительной собственностью его, а было результатомъ продолжительной эволюціи, начало которой можно иногда уловить еще въ до-исламской поэзіи. Нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ мною параллелей я позволю себѣ привести.

У царя-поэта Имруулкайса есть одно произведеніе[2]) которое пріобрѣтаетъ тѣмъ большую цѣнность, что самъ строгій Ahlwardt считаетъ его подлиннымъ[3]). Оно даже цѣликомъ очень характерно для выясненія намѣченной задачи:

«Я вижу, какъ мы стремимся къ неизбѣжности скрытой гибели; мы околдованы (погоней) за пищей и питьемъ. Мы — воробьи, мухи, черви, но болѣе дерзки, чѣмъ прожорливый волкъ. Оставь же (хоть) часть порицанія, порицательница моя! Для меня довольно опыта и (древняго) происхожденія. Мои корни переплелись съ корнемъ рода земного; смерть похититъ мою юность; похититъ она и тѣло, и душу и быстро повергнетъ меня во прахъ. Развѣ я не утомлялъ своего коня, разъѣзжая по разнымъ пустынямъ — обширнымъ, съ блестящими миражами? Развѣ я не разъѣзжалъ среди большого отряда, чтобы пріобрѣсти почетъ за отважное, но и желанное предпріятіе? Ко всѣмъ благороднымъ поступкамъ характера устремлялась моя мысль и пріобрѣтеніе мое увеличивалось. Я обошелъ по странамъ свѣта и отъ добычи предпочелъ вернуться (домой). Неужели послѣ Хāриса-ибн-ʿАмра и благороднаго Худжра съ шатрами я буду расчитывать на благосклонность превратной судьбы, если она не пощадила массивныя скалы? Знаю я, что скоро запутаюсь въ остріяхъ когтей и зубовъ смерти. (Встрѣчусь я съ ней), какъ встрѣтились мой отецъ Худжръ и дѣдъ; не забытъ мною кромѣ того и убитый у Куляба».

Особенную рельефность аналогіи съ Абу-л-ʿАтāһіей представляетъ ст. 4 (*похищеніе* смертью юности), ст. 5 (полное уничтоженіе человѣка) и

---

1) Ихъ можно дополнить указаніемъ на 75 стихъ муʿаллаки Тарафы, гдѣ нѣкоторые варіанты даютъ вм. شرب كاس الموت — شرب حياض الموت и كاس المنية у Муʿāза-ибн-Джувейна. (Delectus Nöldeke-Müller'a, 89, 5). Въ поэзіи позднѣйшаго періода параллелей къ этому можно найти еще больше. См., напр., Мутанаббій (изд. Dieterici), стр. 260, ст. 4; 286, ст. 12, Абу-Фирāсъ (изд. Бейрутское 1873 г.), стр. 8, ст. 4 и т. д.

2) Изд. Ahlwardt'a, The diwans of the six ancient arabic poets — № 5.

3) См. Bemerkungen.... стр. 77.

ст. 12-b, гдѣ упоминаются столь частые у Абу-л-ʿАтāhіи انياب واظفار судьбы. Довольно характеренъ переходъ отъ мрачныхъ мыслей къ воспоминаніямъ о славныхъ подвигахъ въ прошломъ (ст. 6—9). Такой оборотъ встрѣчается нерѣдко и у другихъ поэтовъ[1]); у Абу-л-ʿАтаhіи же обыкновенно бываетъ наоборотъ: воспоминаніе о весело проведенной жизни влечетъ за собой мысль о ея ничтожествѣ и превратностяхъ. У Имруулкайса же въ одномъ произведеніи[2]) заслуживаетъ вниманія сравненіе судьбы — الدهر съ гулью (ст. 1-а), — образъ очень любимый и нашимъ поэтомъ, но это стихотвореніе Ahlwardt считаетъ «entschieden unecht»[3]). У Зуhейра кромѣ второй половины его несомнѣнно подлинной муʿаллаки[4]), которая наполнена сентенціями частью нравоучительнаго, частью пессимистическаго характера, можно указать на стихотвореніе 20 (изд. Ahlwardt'а). Очень напоминаетъ Абу-л-ʿАтāhію самое начало съ الا ليت شعرى, стихъ 4—5 (ночь проходитъ въ увлеченіяхъ, а утромъ быть можетъ человѣка понесутъ къ выкопанному рву), стихъ 10 (ничто не уцѣлѣваетъ отъ ударовъ судьбы, кромѣ горъ высокихъ...). Погибшіе владыки (ст. 12—25) вспоминаются почти въ такомъ же порядкѣ, какъ это часто дѣлается и у Абу-л-ʿАтāhіи (Тоббаʿ, ʿАдъ, Зу-л-карнейн, Фараонъ, Неджāшій и т. д.). Неизбѣжность полнаго уничтоженія въ отдѣльныхъ стихахъ у поэтовъ фигурируетъ очень часто: ʿАмр-ибн-Кульсӯмъ въ началѣ муʿаллаки (ст. 8) говоритъ: «Вѣдь всѣхъ насъ постигнетъ судьба, назначенная намъ свыше», по Лебӣду (муʿаллака — 39-b) «стрѣлы судьбы не промахиваются». Ал-Аʿшā съ горечью замѣчаетъ (ما بكاء ст. 98): «Въ (веселіи) этой жизни я участвовалъ, но потомъ она удалилась; вѣдь у всякой жизни цѣль одна — уничтоженіе»; ʿАмр-ибн-Маʿдикярибъ говоритъ[5]): «Мы состоимъ только изъ мяса и костей, цѣль которыхъ (превращеніе въ) прахъ». Тарафа[6]) поэтически изображаетъ могущество смерти: «Я строю зданіе, но не знаю, буду ли въ немъ жить или нѣтъ; я только надѣюсь и поэтому строю. Кто путешествуетъ — смерть того сопровождаетъ; кто живетъ на одномъ мѣстѣ, къ тому смерть сама придетъ. Если идутъ пятеро — смерть шестая; идетъ одинъ — смерть его спутникъ». Въ 14-мъ стихѣ здѣсь быть можетъ кроется прототипъ частаго у Абу-л-ʿАтāhіи обращенія къ «строителю дворцовъ высокихъ» съ напоминаніемъ о смерти. Такія же идеи неоднократно просвѣчиваютъ и въ

---

1) См. напр. № 17 Муталаммиса въ изд. Vollers'а.
2) Изд. Ahlwardt'а app. 25.
3) См. его Bemerkungen....—83.
4) См. Ahlwardt ibid. 65. Nöldeke, Fünf Moʿallaqat—SBWA т. 144, стр. 1, sq.
5) Цитую по Geyer'у, Zwei Gedichte von al-Aʿša. Wien 1905, стр. 78, 1.
6) Изд. Seligsohn'а—стр. 166, стихъ 14—16.

произведеніяхъ Маʿна-ибн-Ауса[1]) хотя сами арабы считали его преимущественно поэтомъ пирушекъ[2]). Не слѣдуетъ, однако, предполагать, что эти мысли проскальзывали у древнихъ поэтовъ только случайно въ отдѣльныхъ стихахъ; кромѣ указанныхъ выше большихъ произведеній Имруулкайса и Зуһейра, проникнутыхъ такимъ духомъ, можно отмѣтить большой отрывокъ изъ одного до-исламскаго произведенія Мутаммима-ибн-Нувейры[3]), которое Nöldeke считаетъ несомнѣнно подлиннымъ[4]): «Я знаю, что преданъ безъ возврата въ жертву превратностямъ, но развѣ ты меня видишь опечаленнымъ? Онѣ погубили ʿАдъ, а затѣмъ родъ Мухаррика; ихъ самихъ и все собранное превратили въ пустую степь. Имъ (въ жертву) достались оба Хāриса, имъ — и строившій замки Тоббаʿ. Я пересчиталъ моихъ предковъ до корня земли; я ихъ зову, но знаю, что они не слышатъ. Они ушли и мнѣ ихъ не догнать; ихъ призвала коварная судьба, за которой они пошли, и широкая дорога (къ смерти). Не избѣжать гибели, которая постигнетъ; ожидай же, гдѣ ты будешь повергнутъ, — въ землѣ-ли своего народа или въ чужой. И къ тебѣ придетъ когда-нибудь день, когда надъ тобой будутъ плакать — а ты, закрытый, ничего и слышать не будешь». — Здѣсь опять много точекъ соприкосновенія съ поэзіей Абу-л-ʿАтāһіи: перечисленіе погибшихъ (ст. 40—42), названіе судьбы гулью (ст. 43), неизвѣстность, гдѣ постигнетъ смерть (ст. 44). Почти такъ же передаетъ эту мысль Абу-л-ʿАтāһія въ диванѣ изд. Cheikho — 99, 3—4 (указанный образъ не является исключительной принадлежностью семитской поэзіи: онъ встрѣчается и въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина). Картина плача надъ умершимъ то же часто фигурируетъ у Абу-л-ʿАтāһіи.

Наибольшее количество такихъ мыслей сохранилъ изъ древнихъ поэтовъ, повидимому, Лебӣдъ[5]). Его идеи производятъ на Goldziher'а впечатлѣніе «механическаго набора фразъ»[6]); съ этимъ спорить, конечно, трудно, такъ какъ никакихъ критеріевъ для опредѣленія искренности или неискренности поэта здѣсь нѣтъ, но это къ счастью и не играетъ существенной роли. Гораздо важнѣе здѣсь вопросъ о подлинности, съ которымъ относи-

---

1) См. напр. по изд. Schwarz'a № III, ст. 11; VII, 1; XI, 31—33; XIII, ст. 2; XX, ст. 1 и 13; XXI, ст. 7.

2) Ср. диванъ Абу-Фирāса, изд. бейрутское 1873 г. стр. 111, ст. 11.

3) У Nöldeke въ его Beiträge zur Kenntniss der Poesie der alten Araber. Hannover 1864, стр. 141, стихъ 39—45.

4) Ibid. 147.

5) Именно Лебӣда Cheikho не включилъ въ упомянутую выше аналогію «христіанскихъ» поэтовъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ извѣстной легенды о принятіи имъ ислама.

6) См. Muhammedan. Studien — I, 3.

тельно Лебида, какъ и Зуһейра дѣло обстоитъ лучше, чѣмъ съ прочими поэтами, по согласному на этотъ разъ выводу Ahlwardt'a[1]) и Kremer'a[2]). Число параллелей у него значительно больше и часть ихъ я позволю себѣ привести[3]).

III, ст. 9: жизнь, какъ нѣчто данное во временное пользованіе. Ст. 10—11: время переживаютъ только горы и звѣзды.

V, ст. 1. «Смертная участь никого не щадитъ: ни нѣжно любящаго отца, ни ребенка».

VI, ст. 1. Не старятся только звѣзды и горы. Ст. 5—6: человѣкъ — это временный поселокъ въ пустынѣ; это пламя, которое вспыхнувъ, погасаетъ. Ст. 8: и семья, и имущество это только данное въ долгъ добро, но вѣдь всякій долгъ необходимо вернуть...

VII, ст. 5 — мотивъ старости («Надоѣла мнѣ жизнь, ея продолжительность и вопросы людей: «Какъ поживаетъ Лебидъ?»).

XIV, ст. 2: нѣтъ прочнаго благосостоянія. Ст. 6: противоположеніе между могуществомъ и необходимостью исчезнуть. Ст. 7—24: перечисленіе погибшихъ; ст. 25—35: вслѣдъ за ними необходимо погибнуть и намъ. Ст. 38: душа — дана только во временное пользованіе.

XV, ст. 5—6. Время погубило всѣхъ властелиновъ.

XXI, ст. 1—3. Всѣ погибаютъ и мнѣ предстоитъ та же участь (ст. 2 — картина плакальщицъ).

XXXII, ст. 4. Интересенъ образъ глашатая судьбы, крику котораго долженъ подчиниться всякій. У Абу-л-ʿАтāһіи одна изъ любимыхъ картинъ.

XL, ст. 60—61. Картина погребенія и плача.

XLI, ст. 1—5. Человѣкъ находится въ заблужденіи относительно здѣшней жизни, но не спастись ему отъ гибели. Ст. 6—7 перечисленіе погибшихъ. Ст. 10—11: неизбѣжность смерти. Ст. 51—52: всѣ великіе міра сего погибли.

XLII, ст. 6—23. Исчезновеніе всѣхъ живущихъ.

Fragm. XVIII = Абу-л-ʿАтāһіи (див. изд. Cheikho), 69—70.

Fragm. XXX. Невозможность узнать рѣшенія судьбы.

Fragm. XLIV, ст. 2 — очень частый у Абу-л-ʿАтāһіи поэтическій образъ стрѣлы судьбы: «Меня подстрѣлили дочери судьбы изъ невидимаго мѣста. Какъ помочь тому, въ котораго стрѣляютъ, въ то время, какъ онъ

---

1) См. Bemerkungen....—65.

2) SBWA т. 98, стр. 565, 578, 583.

3) Первыя 20 пьесъ цитуются по изд. J. Chālidi, Der Diwan des Lebid zum ersten Male herausgegeben. Wien 1880, а остальныя по Brockelmann'y, Diwan des Lebid..... aus dem Nachlasse des Dr. A. Huber. Leiden 1891.

самъ этого не можетъ сдѣлать? Хорошо было бы, если бы меня поразили стрѣлой, которую я могъ бы видѣть, а то вѣдь я пораженъ безъ стрѣлы!»

Не меньшее количество подобныхъ параллелей можно было бы привести изъ произведеній поэтовъ болѣе поздняго времени, болѣе близкихъ къ Абу-л-ʿАтāhіи. На этотъ разъ я ограничусь указаніемъ лишь нѣсколькихъ аналогичныхъ по характеру мѣстъ изъ стихотвореній «пѣвца омейядовъ»—Ахталя [1]), котораго арабскіе критики ставили нѣсколько ниже поэтовъ джаhилійи только потому, что онъ родился вѣкомъ позже.

Начало одной его сатиры (стр. 27, 2—3) очень напоминаетъ مطلع во многихъ зуhдійятъ Абу-л-ʿАтāhіи: «Прошла моя молодость; провелъ я ее въ компаніи съ красавицами за золотистымъ виномъ; частенько я выпивалъ и въ погребкахъ виноторговца, забавляясь съ пѣвицами»... У Абу-л-ʿАтāhіи за такимъ вступленіемъ обыкновенно слѣдуетъ рѣзкій переходъ, нерѣдко съ إذ (вродѣ «но вотъ поразила меня судьба»... ср. напр. див. 28), Ахталь же переходитъ къ другимъ своимъ подвигамъ (стр. 27, 4—28, 3) и заканчиваетъ прославленіемъ своего племени съ насмѣшкой по адресу враговъ (стр. 28, 4—29, 5). Еще болѣе рельефный примѣръ представляетъ хвалебная касыда на стр. 52, 3—56, 3; вся она до стр. 55, 7 напоминаетъ по характеру Абу-л-ʿАтāhію: въ مطلع то же воспоминаніе объ утѣхахъ прежней жизни, тотъ же мотивъ старости, но особенно ясно однородныя мысли вступаютъ на стр. 55, 4—6. Ахталь говоритъ: «... Но вѣдь душу человѣка подстерегаетъ въ засадѣ судьба; она его выслѣживаетъ со всѣхъ сторонъ, пока тотъ не будетъ пораженъ. Рѣшивъ погубить его, она пуститъ въ ходъ свое острѣйшее оружіе: когти и клыки. Я хорошо знаю, что скоро вы одѣнете меня въ могильныя плиты и (засыплете) прахомъ». Не только нѣкоторые образы отсюда, но и форма ихъ выраженія довольно часто встрѣчается у Абу-л-ʿАтāhіи (наприм. ترصد, ناب وظفر, ستكسونى جنادل المنايا и т. д.). Въ этакомъ родѣ мысль встрѣчается въ концѣ большой оды (стр. 64, 9—10): «Если вся прелесть этого міра исчезаетъ, а прочны только его горести и превратности, то я и не стану изъ любви къ жизни убѣгать отъ смерти, даже когда пучины ея на меня устремятся». Мысль, служащая часто вступленіемъ у зуhдійятъ Абу-л-ʿАтāhіи проскальзываетъ у Ахталя иногда въ срединѣ пьесы (142, 6): «Удалилась моя молодость послѣ наслажденія ею; она была только гостемъ, остановившимся на короткое время и потомъ опять двинувшимся въ путь». Еще интереснѣе одно мѣсто нѣсколько дальше въ той же касыдѣ (стр. 143, 1—3): «Много я видѣлъ близкихъ мнѣ пораженными; въ ужасъ приводила меня (ихъ гибель), но на утро послѣ

---

1) По изд. Salhani — Beyrouth 1891—92.

этого опять у меня появлялись какія то надежды. Я вижу, что смерть, какъ только приходитъ къ тому, кому назначена, занимаетъ его и избавляетъ отъ прочихъ заботъ. Вотъ человѣкъ доволенъ своей безопасностью — но измѣной похититъ его судьба и онъ переселяется»... Тотъ же мотивъ чрезмѣрной привязанности къ міру не смотря на всѣ поучительныя знаменія часто фигурируетъ у Абу-л-ʿАтāһіи, и для его музы столь же характерна фигура противоположенія въ послѣднемъ стихѣ اذ — بينما. Мотивъ старости фигурируетъ у Ахталя еще на стр. 158, 7—9. Еще болѣе обычно у Абу-л-ʿАтāһіи стоящее здѣсь же (ст. 10—11) упоминаніе про запасы для путешествія въ тотъ міръ: «Мысли людей заняты здѣшнимъ міромъ, но я вижу, что долгота жизни только усиливаетъ страданія. Если ты нуждаешься въ припасахъ, то не найти лучшихъ, чѣмъ добрыя дѣла». Цѣлый рядъ «Абу-л-ʿАтāһіевскихъ» мыслей находится въ прекрасномъ по формѣ и содержанію стихотвореніи Ахталя на стр. 176, 4 сл. «Оставьте же меня! Пусть мои руки щедро расточаютъ богатство: вѣдь въ какое-нибудь утро я не буду въ состояніи выказать свою щедрость или свою скупость (ст. 5). Когда положатъ на мою гробницу могильныя плиты, когда я покину своихъ животныхъ и жилище... — не придется мнѣ вернуться, войдя разъ въ гробницу, не придется мнѣ встрѣтить тамъ родичей (ст. 6 и 10). Порицательница моя! Вѣдь всякая душа въ рукѣ владыки; позоветъ онъ ее когда-нибудь и придется дать отвѣтъ (стр. 177, 3). Оставь же меня! Вѣдь мое богатство не отвратитъ судьбы: живой человѣкъ не можетъ задержать подъ замкомъ свою душу! (Ст. 4). Вѣдь скупящійся своимъ добромъ не сдѣлается вѣчнымъ, а изъ щедрыхъ, ты вѣдь это знаешь, нѣтъ умершаго отъ худобы! (Ст. 5). Сколько было такихъ, которые боялись обидъ своего народа, но превратность судьбы предупредила эти дѣянія! (Ст. 6). Сколько было шедшихъ въ походъ съ надеждой вернуться, которымъ нашлось дѣло и безъ возвращенія». (Ст. 7). Особенно часто встрѣчается у Абу-л-ʿАтāһіи попадающійся здѣсь (ст. 3) образъ призыва со стороны судьбы и отвѣта на него человѣка.

И. Крачковскій.

СПБ. Сентябрь 1906.

МАТЕРІАЛЫ ИЗЪ АРАБСКИХЪ ИСТОЧНИКОВЪ

для

КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРІИ САСАНИДСКОЙ ПЕРСІИ.

ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ.

باب العرافة و الزجر و الفراسة على مذهب الفرس

I.

ТЕКСТЪ.

Арабскій текстъ, съ котораго мы начинаемъ нашу работу, издается по одной рукописи Лейденской Библіотеки[1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, о чемъ подробно говорится въ слѣдующемъ далѣе изслѣдованіи, текстъ этой рукописи совпадаетъ съ текстомъ издаваемаго Броккельманомъ сочиненія Ибн-Кутейбы ʿУю̄н-ал-ахба̄ръ. Въ значительнѣйшей части его намъ пришлось однако ограничиться лейденской рукописью, вводя временами коньектуры и отказываясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ безспорнаго перевода. Заключительная глава, псевдэпиграфическій трактатъ Иппократа, издана нами по свѣркѣ съ содержащей этотъ трактатъ берлинской рукописью[2]) и индійскимъ его изданіемъ[3]). Лейденская рукопись датирована

1) Catalogus codicum orientalium Bibliotecae Academiae Lugduno Batavae auctoribus P. de Jong et M. J. de Goeje, III, 1865, 167—168. Проф. de Goeje, выпускающій второе изданіе этого каталога, сообщилъ въ письмѣ къ бар. В. Р. Розену, что и ему этотъ трактатъ извѣстенъ лишь въ лейденской рукописи.

2) Ahlwardt, Verzeichniss der arabischen Handschriften der königlichen Bibliothek zu Berlin, IV, 1892, 555, № 5371.

3) A catalogue of the Bibliotheca Orientalis Sprengeriana, Giessen, 1857, 104, № 1884.

757 г. Хиджры (1356 г. по Р. Х.); берлинская рукопись, «физіономическій» трактатъ Мухаммеда-ибн-Абӯ-Т̣āлиба ад-Димашкӣ, помѣчена 930 г. Хиджры (1524 г. по Р. Х.); индійское изданіе — новое, снабженное арабскими и персидскими глоссами. При изданіи мы отмѣчаемъ берлинскую рукопись буквой А, индійское изданіе буквой В.

Съ внѣшней стороны рукопись ясна и не возбуждаетъ большихъ затрудненій; въ нѣкоторыхъ, немногихъ случаяхъ пришлось проставлять отсутствующія діакритическія точки, прибавлять пропущенныя буквы, дѣлать вставки. Съ внутренней стороны текстъ представляетъ нѣкоторыя трудности[1]), которыя увеличиваются тѣмъ, что мы лишены критерія для провѣрки. Какъ ни малъ однородный текстъ у Ибн-Кутейбы, онъ все же значительно помогаетъ намъ въ пониманіи параллельныхъ мѣстъ, равно какъ и тексты А и В. Однако подобнаго рода памятники легко подвергаются измѣненіямъ и поэтому тексты иногда различаются.

При изданіи я въ большинствѣ случаевъ не указывалъ отсутствія въ рукописи діакритическихъ точки или точекъ при одной буквѣ, особенно когда слово при отсутствіи ихъ не имѣло смысла, а также отсутствія *тешдида*, равно какъ и *хамзы* послѣ долгихъ гласныхъ. Прочія поправки отмѣчены въ своемъ мѣстѣ, а сдѣланныя мною вставки въ текстъ помѣщены въ прямыя скобки. Главы или отдѣльныя части трактата, отмѣченныя у меня чертою надъ строкой, написаны въ рукописи красными чернилами. Изъ особенностей рукописи укажу на систематическое проставленіе *даммы*, въ большинствѣ случаевъ тамъ, гдѣ ея совершенно не требуется (напр. الشُطرنج, الضُحك, الهُند и др.)[2]).

Считаю долгомъ выразить мою признательность управленіямъ Лейденской Академической и Берлинской Королевской Библіотекъ, любезно выславшимъ въ Петербургъ черезъ посредство Императорской Академіи Наукъ, первое — рукопись издаваемаго мною текста (не ограничивая срокомъ), второе — рукопись А и индійское изданіе В (послѣднее изъ библіотеки восточныхъ книгъ Шпренгера).

---

1) R. Foerster, Scriptores physiognomonici graeci et latini, vol. I, Lipsiae, 1893 (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana), LXXXI, пишетъ по поводу находящейся въ той же рукописи физіономики Полемона: «Scriptura quidem clara, textus vero ipse valde corruptus atque e parte mancus est». Ср. тамъ же замѣчанія Hoffmann'a, 95.

2) По пагинаціи рукописи нашъ текстъ начинается на стр. 49б, потому что первая страница не пагинирована. Листъ 69 въ пагинаціи рукописи пропущенъ вовсе, такъ что съ л. 70 пагинація рукописи сходится съ пагинаціей Hoffmann'a и моей и въ рукописи оказывается 76 листовъ (вопреки Hoffmann'y, 294). Относительно чтенія даты ср. сомнѣнія Foerster'a, LXXXI, п. 1; въ текстѣ (294) принята однако цифра Лейденскаго каталога.

Въ 1875 г. бар. В. Р. Розенъ, въ бытность свою въ Лейденѣ, списалъ текстъ этого трактата. По этому списку, любезно мнѣ предоставленному, я могъ ознакомиться съ содержаніемъ текста до полученія рукописи, чѣмъ значительно облегчилось ея списыванье. Ему же обязанъ я рядомъ цѣнныхъ замѣчаній при обработкѣ и текста, и перевода.

50б بسم الله الرحمن الرحيم

باب العرافة والزجر والفراسة على مذهب الفرس قال ابو عثمان عمرو بن[1] بحر الجاحظ اعلم أن القضايا على الأمور الغائبة كثيرة الظنون فيها اختلافًا والحقيقة منها قليلة يسيرة والإصابة فيها غير مضمونة ولكلّ أمّة من الأمم ولكلّ جيل من الأجيال[2] رأى تذهب اليه ومذهب قد توهّموه فى أنفسهم وعوّلوا عليه وأكثر ذلك ظنون و أوهام و حسبان فربّما وقع فى النادر والفارد أمر موافق[3] فى فنونهم المستشعرة والتخيّل[4] أنّ ذلك كائن فى كلّ أوان و حادث فى كلّ زمان و من[5] مثله يجب[6] الحذار و من وقوعه يلزم الفرار فيوعزه الأوّل الى الثانى ويأثره الغابر عن الماضى و ربّما صدقت المخيلة والفراسة فى شىء ثمّ اختلفت من مثله فى أشياء و ربّما تطيّرت النفس من شىء و لها
51a الخير لو علمت فيه والسعادة بتلاقيه و للأمم والأجيال تصاريف فى التخيّل || والفراسة والاستشعار والطيرة والزجر والعرافة فأكثر الناس استشعارًا [العرب] ولهم تخيّلات فاسدة وظنون غير صادقة وقد ذكروا ذلك فى أشعارهم و زجرهم وأمثالهم [و] من زعمهم أنّ الجنّ والغيلان تتصوّر لهم وأنّ الجنّ تخبرهم بما يكون فى أشعار يروونها[7] ويسمعونها ويفهمونها عنهم فيعملون بذلك فيصحّ لهم فى الزجر و صياح الطير و ملاقاة الوحش و السانح والبارح والجابه والتالى و لقآء الحيّة والأفعوان والدود والحشرات[8] و صياح الغراب و هدير الحمام و عزيف الجانّ و صوت الحصى و خرير المياه و طموم السيول والنظر الى السحاب والغيوم و الهداية بالنجوم و معرفة الأنوآء والأمطار والرعد والبرق و ما أشبه ذلك ممّا ليس لغيرهم من الأمم وللهند ما ليس لغيرهم من الوهم والتوهّم والظنّ

---

1 Рук. عمر ابن.

2 Рук. الجيل.

3 Рук. امرًا موافقًا.

4 Рук. و التخيل.

5 Рук. ان.

6 Рук. يجب.

7 Рук. يرونها.

8 Рук. الحشر.

والتخيّل والحدس والتركين و الترجمة والتنجيم والطبّ والفراسة والجفر[1] و هو معرفة
أيّام السنة وهبوب الرياح و طلوع المنازل للقمر و غروبها وعليها يعوّلون فى حكمهم
51б ويقولون || جفر الرياح وجفر الأمطار وجفر الأنوآء والجفر كتاب لهم يجمع أحكام السنة ثمّ
يقسمونها[2] أرباعًا على فصول السنة ومنازل القمر فكلّ سبع منازل لربع من أرباع السنة
يسمّونه جَفْر ويقضون منه على الأمطار والرياح والأسفار[3] والحرب وما أشبه ذلك
ومنهم تعلّمت الأكاسرة والفرس سائر العلوم و عنهم أخذوا وبهم يقتدون لا سيّما فى
الطبّ والتنجيم والحساب والوهم والعرافة والزجر والفراسة ومنازل القمر وما أشبه
ذلك فامّا الروم فإنّهم أخذوا عن اليونانيّين[4] جميع الأشيآء و لهم الصنائع الدقيقة
الجليلة والحكم والطبّ والفلسفة وإقامة الأدلّة والبراهين وعلم النقش والهندسة وعلم
الهيئة فى الأفلاك و النجوم و لهم العزائم والرقى والسحر والتوهّم و التخيّل و ما أشبه
ذلك فامّا الفرس فإنّهم أخذوا عن الهند جميع الأشيآء و لهم الفراسة والسياسة
والطيرة والاستشعار و سوء الظنّ والوهم والهمّة والقضايا والأحكام والأمثال و تدبير
52a النفس و إصلاح كلّ فاسد و حفر الأبآر || والأنهار والقنى و العيون و سوق الأنهار
وعقد الجسور والقناطر ومساقط الأحجار والمياه و نصب الأشجار و أصناف الأشيآء
واختلافها ممّا يصلح للملوك و أصحاب الدول و ما يجرى مجراهم وكانت الهند تحمل
اليهم أصناف الأشيآء واختلافها و كان كسرى قباد و سابور وكسرى أنوشروان وبهرام
جور وشاهان شاه ملك الملوك[5] يجتلبون[6] من الهند سائر الأصناف و يجرون الأرزاق
الوافية ويفوّضون النعم الدثرة الى علمآء الهند وحكمآئهم فيفدونهم[7] فى كلّ سنة
بالنوبة خلق كثير من صنوف الحكمآء و العلمآء والحسّاب والمنجّمين والمعزّمين والموهّمين
والمترجمين[8] وأصحاب القضايا والأحكام والعرافة والفراسة فيقضون اليهم ويعرفونهم بما
يكون فى تلك السنة من الحوادث وما يجرى عليهم من القضايا ويحكمون بما يجرى
فى كلّ يوم وكلّ شهر وكلّ حول ويزعمون أن معرفة ذلك من الكواكب السبعة
والبروج الاثنى عشر من طلوع الطالع وأفول الآفل ومن شرفها[9] وهبوطها وكانوا

1 Рук. скорѣе الجغر.
2 Рук. يقسموها.
3 Рук. الاسعار.
4 Рук. اليونانيون.
5 Пропускъ, не обозначенный въ рукописи.
6 Рук. لحتلبون.
7 Рук. فيفيدونهم.
8 Рук. المرجيين.
9 Рук. скорѣе شوفها.

يقولون || 52б لهم جميع ما يجرى فى الأرض من حركة و سكون و اختلاف و اتّفاق و اجتماع وافتراق إنّما هو بحركات الفلك وباختلاف النجوم واتّفاقها و طلوع السعد و هبوط النحس و أنّ الله تعالى قد جعل لعباده الّذين فى الأرض علامات تظهر فى كرور السنين والأعوام والشهور والأيّام من النجوم السائرة والأفلاك الدائرة و أنّ جميع ما فى الأرض من نامٍ و جماد ونبات و حيوان فهو[1] بتأثير من الأبراج العاليات والنجوم الزاهرات وأنّ الحوادث تحدث من اجتماعها وافتراقها واختلافها واتّفاقها وكلّ ما يحدث من القضايا والعلامات والحوادث المختلفات فإنّ له حكمًا سابقًا من تأثير علوىّ وقضآء سمآوىّ وكانوا يقضون على جميع ما يرون ويسمعون ويزجرون و يتفرّسون فى سائر الأشيآء والأصناف والحوادث من سمع كلام او صوت طير او سقوط حجر او هفيف شجر واستقبال حيوان ويقضون على علامات الأعضآء من الأنس والدوابّ ومعرفة اختلاج ما فى الجسد من عرق || 53a او غيره والنظر فى الأكتاف والقضآء بضرب الفصّ والكعاب وخطّ الخطوة فى الأرض و حساب الهسميرج و هى القرعة والفأل والمساهمة ثمّ النظر فى الطبّ و جسّ العروق والمعاينة لمياههم والقضايا بالتمييز بين الأشيآء والاستدلال بما قد كان او سيكون و ما أشبه ذلك و كان جميع من يحكم بأمر او يقضى بقضآء أنّه قد كان او سيكون يكتب خطّه به ويرفعه الى الملك فاذا نظرالملك فيه أودعه خزانة سرّه[2] وقد قيل أنّ كسرى قباد لم يكن يعبأ بما يرفع اليه من[3] ذلك ولا ينظر فيه ويعتقده كفرًا او حمقًا و كان[4] المنجّمون قد نظروا فى أيّام الأسبوع و حكموا عليها و قدّروها للملك وقالوا لكلّ يوم طالع يتولّاه و حكم يقتضيه ذلك الطالع فكان من تقديرهم أن جعلوا المحفل الأعظم والمجلس الأكبر و ولاية[5] العمل الكبير للرجل الشريف يوم السبت ثمّ يجلس للقضآء وينصف المظلوم ويبحث فى الكتب يوم الأحد و يتصيّد وينظر فى أمر الصيد و موضعه يوم الاثنين ويضرب بالصوالجة || 53б ويلعب بالخيل والصراع ويضع[6] النيران فى بيت النار يوم الثلاثآء ويحاسب على الوراد والنفقة وعلى عدّة المقاتلة وأبواب المستعملات وإنفاق العمارات و سائر ما ينبغى الفحص عنه و يوجّه العيون والجواسيس الى العدوّ وينظر فى أمر الطرز وصدر الورق والعين والبيع

---

1 Рук. وهو.

2 Рук. سُرو.

3 Рук. فى.

4 Рук. كانوا.

5 Рук. ولاه.

6 Рук. يوضع.

والشرى ويُسرّ[1] ما ينبغى إسراره يوم الأربعآء[2] وينظر فى أمر العظمآء و الأشراف
وأهل البيوتات وتأسيس المدن والحصون والقلاع والبيوت يوم الخميس ويتفرّغ ليوم
زينته وغسله وطيبه وأكله وشربه ولباس حليته وحلية نسائه ويأمر بإحضار القينة
والعزف وآلة القصف وأصحاب الملاهى ويأمر بغرس الأشجار ونصبها و إحضار الفواكه
و ما ينبغى من آلة الملاهى يوم الجمعة وكان يسمّى يوم الزينة وكانوا قد قسموا الزمان
على ذلك فكان الملك لا يألو أن يأتى كلّ يوم من أيّام الأسبوع الّا ما قدّر له ثمّ
54a كانوا ينظرون فى أمور الناس و ما يجرى فى أحوال الأيّام || وكانوا يتكرّهون أشيآء
يخبرونهم بها أصحاب الفراسة والزجر و أصحاب العرافة مثل التطيّر[3] بصياح غراب
او صياح ديك او صياح كلب او حمار او بغل و ما أشبه ذلك فكان قوم يكرهون صياح
الديك و زقاءه ويقولون زقآء[4] الديك مكروه للقاء الأكابر والملوك والأشراف ويقولون
هرير الخطّاف مفرق بين الجيران والرفقآء وأنّه يدلّ على الوحدة والغربة والفرقة وكان
منهم من يقول أنّ هذه الحوادث تدلّ على أسباب فمن كرهها كره ذلك السبب
قالوا من كره صهيل الخيل والبغال والحمير لا ينجح فى حاجته ومن كره صوت الخنافس
كان عقيمًا شره النفس و من كره شخيخ البغال ابتلى بغربة و كان بذيًّا فى منطقه ومن
كره زفير النار لم ينل من ربع الأرض كسبًا و من كره نباح الكلاب لم يزل مغتربًا
ولم تزل الشدائد له باعثة و من كره نهيق الحمار كان كارهًا للشرار موادًّا للأخيار
وقد يبتلى ببلاء و من كره صياح الثعالب كان خيرًا يخلص الناس من المكاره و من كره
54б صوت العساعس كان قليل الصديق ردىّ العقل وقالوا || من أحبّ أصوات الغنم
والإبل والبهائم كان نافخًا[5] غليظًا باغض الناس ومن أحبّ أصوات المغنّين وأصحاب
الملاهى كان مصرًّا على الملاهى والمآثم يبغض الناس ومن أحبّ صفير الحيّات لم
يزل هاربًا متواريًا ومن أحبّ حسيس النمل لم [يزل] أسيرًا فى أيدى العدى ومن
أحبّ نقيق الضفادع لم يزل فى أجله فسخة[6] وكانوا يتطيّرون بأشيآء ويحقّقونها فيقولون
من تطيّر بهفيف الهوآء[7] لم يزل متهومًا بزور يكذب به عليه وكان جميع ما يتطيّرون

---

1 Рук. ايسر.
2 Рук. يوم الثلاثآء والاربعآء.
3 Рук. الطير.
4 Рук. سرقا.
5 Рук. فحا.
6 Рук. فسحة.
7 Рук. الهوى.

به و يتفرّسون به او يزجرون او يتفأّلون به يتحقّق ذلك من السنة فى وقتين أحدهما مهرماه والآخر آذرماه وكانت اوّل الطيرة تكون من الصبيان والفال من العامّة وكان العامّة اذا لغيت [1] بشىء و أكثرت الأراجيف فيه او جرى ذلك على ألسنتها تحقّقت [2] الأمر فيه او فزعوا منه وتطيّروا به وكانوا يتطيّرون بالأزرق العين ولا سيّما اذا كان كوسجًا [3] او منمّش الوجه اوكان فى وجهه خيلان كثيرة [4] وكانوا يتكلّمون على الخيلان أين كانت من الجسد فإن كانت [5] فى الوجه كان لها || حكم وإن كان الخال واحدًا [6] كان له 55a حكم وإن كان له اثنان كان لهما حكم آخر وإن كان شامة او خال كبير او خيلان كثيرة فى موضع كان لها حكم وكان لهم فى القتال علامات من مهبّ الرياح الأربع واذا هبّت الريح من المشرق كانت الغلبة لصاحب الشرق وإن كانت من الغرب كانت الغلبة لصاحب الغرب ومن الجنوب لصاحب الجنوب ومن الشمال كانت كذلك وهذا شىء أخذوه عن الهند وحكمآئهم و سنذكره فى بابه إن شآء الله تعالى وكان لهم أشيآء وأسباب يتفأّلون بها فى أوّل السنة اذا كثر استعمال الناس لها وللّهج بذكرها فكانت السنة الّتى [7] يعنون فيها باتّخاذ قسىّ ونشّاب تكون سنة صيد وقنص وظفر بالوحش واقتدار على العدوّ و السنة الّتى يعنون فيها باتّخاذ الجلاهق و هى قسىّ البندق سنة حصار وتحصّن [8] والسنة الّتى يعنون فيها بالصوالجة سنة تنازع و تخاصم وتشاجر والسنة الّتى يعنون فيها باتّخاذ مقاليع وحجارة سنة كثيرة [9] الغنم والبقر والمواشى والسنة الّتى يعنون فيها [باتّخاذ] كرّة سنة || خصب وأمن والسنة الّتى تكثر 55b فيها العبادات و تعمر فيها بيوت العبادة وبيوت النيران سنة ايتلاف واجتماع وتواصل والسنة الّتى يكثر فيها الصراخ والصياح والضجيج وصياح الصبيان يقولون هذه سنة زلازل وكانت تستشعر الناس فيها الاختفاء والهرب وتكون سنة موتان [10] والسنة الّتى [11] فيها على الأرض ظهرًا لبطن [12] سنة يقتل فيها كثير من المحاربين والسنة الّتى يكثرون فيها الصفق بالأيدى سنة يكثر فيها الويل والعويل والفجيعة وكان لهم علامات من

---

1 Рук. الغيبت.

2 Рук. تحقيق.

3 Рук. كوشج.

4 Рук. كثير.

5 Рук. كان.

6 Рук. واحد.

7 Рук. الذى.

8 Рук. تحص.

9 Рук. كثير.

10 Рук. موتًا.

11 Пропускъ, не обозначенный въ рукописи.

12 Рук. ظهر البطن.

الوحش يزجرونها ويتفرّسون بها قالوا[1] اذا عوت ذئاب الجبال وجاوبتها الكلاب
من القرى تفاقم الأمر فى الحرب وتسافكت الدمآء واذا عوت الكلاب من القرى
و جاوبتها ذئاب الجبال كان وبآء و موتان[2] و جوارف واذا أكثرب[3] السباع
البغتات[4] والهرب والصياح دلّت بذلك على إتيان العدوّ واذا فعلت مثل ذلك
الكلاب وجاوبتها كلاب أخر دلّت على الهرب واذا فعلت مثل ذلك كلاب ولم
تجاوبها كلاب أخر دلّت بذلك على هرب أهل المدينة || وتواريهم واذا أكثرت 56a
الثعالب الصياح أكثرت السحرة الفساد واذا صاحت الثعالب صياحًا شبيهًا بعوىّ
الكلاب أصاب الناس من السباع الضارية عظيم[5] الضرر واذا صاحت صياحًا كأنّه
صياح بنات آوى كثرت المناجاة على العظمآء والأشراف واذا[6] صرخ ديك فى دار قبل
وقت صراخ الديوك كان ذلك محاولة لدفع بليّة قد شارفت بتلك الدار واذا صرخت
دجاجة فى دار كصراخ[7] الديوك كان ذلك منها تحذيرًا لمن فيها من آفة أشرفوا عليها
واذا أكثر الديك النزوان على وسادة ربّ الدار و على متّكئه نال الشرف العظيم و
نباهة[8] و رياسة واذا أكثرت الدجاجة النزوان على متّكئه نال خمولاً[9] و منقصة واذا
أذرق ديك[10] على فراشه نال مالاً رابحًا[11] طيّبًا و خيرًا كثيرًا[12] فإن ذرقت دجاجة على
فراشه دلّت بذلك على موتان كائن واذا[13] أكثرت الضفادع النقيق دلّت بذلك
على أنّ الموت قد نزل بالبلدة التى هى فيها فإن نقّت و [قد نزل] بالناس ذلك
دلّت على أنّ الموت قد انكشف عن تلك البلدة وإن[14] أنّ ديك فى دار فشا ||
فيها مرض الرجال وإن أنّت دجاجة فشا فيهم مرض النسآء واذا صرخت الديوك 56b
صراخًا كالبكآء فشا الموت فى النسآء واذا صرخت الدجاجة مثل صراخ الديوك فشا
الموت فى الرجال واذا نعق الغراب الأسود فجاوبته دجاجة دلّ ذلك على خراب
سيُعمر واذا قوّقت دجاجة و جاوبها غراب دلّ ذلك على عمران سيُخرب واذا[15] نقلت

---

1 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, ed. Brockelmann, II, ١٨٧,١٧—١٨٨,٢.

2 Рук. موتًا.

3 Рук. كثرت.

4 Рук. البعثات.

5 Рук. كظم.

6 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٨,٣—٨.

7 Рук. لصراخ.

8 Рук. ابناه.

9 Рук. خمول.

10 Рук. ديكًا.

11 Рук. ربحًا.

12 Рук. خير كثير.

13 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٦,١٩—١٨٧,١.

14 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٧,١—٦.

15 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٦,١١—١٤.

الجرذون الى متاع ربّ البيت برًّا او شعيرًا[1] رزق الزيادة فى ماله و ولده وإن قرضت ثيابه دلّت بذلك على أنّه ينقص من ماله و ولده وينبغى قطع ذلك القرض وإصلاحه فإنّ فيه مدفعًا[2] لما يشفق من تلك البليّة بإذن الله تعالى علامات فى النيران اذا شبّت نار من كانون على يمين من هو جالس دلّت على هبوب رياح و رهج وإن كانت على يسار من هو جالس دلّت على مطر و ثلج هو واقع قريب وإن دارت النار حول الكانون دلّت على صخب يكون فى الموضع و تنازع وإن هى دارت حول من هو جالس او أمامه دلّت على فرج يكون و سرور يحدث || وأكل وشرب 57a
وعرس وإن دارت النار أمام الكانون دلّت على شخوص صاحب الدار من رحله وإن دارت خلف الكانون دلّت على مرض يصيب أهل تلك الدار وإن[3] شبّت النار شبوبًا يشبه الضحك دلّت على فرح و حزن وامّا[4] النار الّتى تشتعل فى أسافل القدر فإنّها تدلّ على أمطار كثيرة واذا رأيت فتيلة السراج او الشمعة تتحبّب ويعلو بعضها على بعض دلّ ذلك على المطر واذا رأيت السراج او الشمعة او النار[5] تلتهب فى الكانون ترمى شررًا كثيرًا[6] دلّ ذلك على المطر الكثير فى ذلك الموضع او بقربه وقالوا أيضًا اذا جاوب القبج الوحشىّ للقبج الأهلىّ فإنّ أهل تلك البلدة يظفرون بعدوّهم واذا[7] غطّ الرجل الدنىء[8] ناله سبى وذلّة و من نفخ فى نومه أفسد ماله و من ضرب بأسنانه فى نومه كان ذلك دليلاً[9] منه بالنميمة وينبغى أن يضرب على فيه بخفّ منخرق واذا أكثر الرجل العظيم الشريف مسح[10] جسده بيديه من غير أن يكون به حكاك و بثيابه قمل او براغيث عظمت معرّته واذا فعل ذلك الرجل الدنىء[11] عظمت منفعته ومن سال ريقه فى نومه || ابتلى بغربة واذا[12] فشا الموت فى البقر 57b
وقع الموتان فى البشر واذا فشا الموت فى الخنازير عمّت الناس العافية و السلامة واذا فشا الموت فى السباع والوحش أصاب الناس لزبة و شدّة واذا فشا الموت فى الجرذون أصاب الناس رخص و خصب وقالوا أيضًا من استهان بالفحشاء وأحبّ أن يذيع

---

1 Рук. شعير.
2 Рук. مدفع.
3 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٩,١٤–١٥.
4 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٩,١٥–١٦.
5 Рук. نار.
6 Рук. شرر كثير.
7 Cp. Ujûn-al-aḫbâr, II, ١٨٧,٦–٨.
8 Рук. الدّنى.
9 Рук. دليل.
10 Рук. منسح.
11 Рук. الدّنى.
12 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٩,١٦–١٩.

ذلك كان غبيًّا عميًا ومن صرم العاقل و صادق الأحمق كان غبيًّا جاهلاً [وقالوا] لن يصيب
الشيء آفة بعد أن يجتهد فى إصلاحه إلاّ من قِبَل المقادير وقالوا على الانسان أن
يحذر ويجتهد وليس عليه دفع المقدار و قالوا من حفظ لسانه وفرجه وقى نفسه من
آفات القدر وقالوا إنّ الصغير اذا لم يجلّل الكبير كان اليه التلف سريعًا والكبير
متى لم يرحم الصغير ابتلى بالقسوة والنبوة والشكاة وقالوا أيضًا خير الصبيان من كان
على شيمة الصبيان و خير الكهول من كان على شيمة الكهول و هم أيمن على من
تلقّوه واستقبلوه وقالوا[1] إنّه ليكره استقبال المخلوق[2] من الانس والدوابّ والسباع
58a والطير ساعة يوضع ما لم يكن فى كنهه و حينه || و يتخوّف فى استقباله تسافك الدمآء
و مهما كان منه ناقصًا فى الخلق[3] كان أهون لبليّته لأنّه إنّما يرى شيئًا ناقصًا قد صار
آفته على نفسه و من[4] سقطت قدّامه حيّة من حجر أصابه مضرّة واذا ألقيت حيّة
ميّتة فى دار قد ربّت فيها أصاب ربّ الدار آفة فى ماله قالوا واذا[5] تحوّلت الطير
و السباع الجبليّة عن مواضعها دلّت بذلك على أنّ الشتآء يشتدّ ويتفاقم وأنّ[6]
الموت من المريض الشبيه من الصحيح قريب وينبغى تباعده علامات فى الجواهر[7] قالوا
ينبغى أن تُكثِر[8] النظر فى الدرهم الصافى الصوت وتستقصى معرفته مخافة أن يكون
من صفر وأن تعرف حال الدينار الشديد الصفرة لعلّه أن يكون مموّهًا او مبهرجًا
وتنظر[9] الزبرجد الشديد الخضرة لعلّه أن يكون زجاجًا وكذلك الياقوت الشديد
الحمرة لعلّه أن يكون بلّورًا مصبوغًا[10] وكذلك تغيّر حال الرجال والنسآء والفراسة
فيهم فتعرف حال[11] من كان منطيقًا لسنًا لعلّه كثير الكلام قليل النفع جاهل بالصنائع
58б والأمور وكذلك حال من كان سكّيتًا لعلّه أن يكون خبيث || النفس بعيد الغور شديد
الحيلة وكذلك المرأة الحصرة الشديدة الحياء لعلّها تكون عاهرة فاسقة وكذلك المرأة
المتقشّفة المظهرة للصلاح والعبادة والديانة لعلّها أن تكون محتالة وكذلك الرجل
الناسك المتعبّد لعلّه صاحب حيلة والتفرّس فى هذه الأشياء نافع و من كان به حاذقًا

1 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٨,١٢–١٣.
2 Рук. المخلوف.
3 Рук. الخلف.
4 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٧,٨–٩.
5 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٦,١٠–١١.
6 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٨,٩–١٠.
7 Рук. الجوهر.
8 Рук. يُكثر.
9 Рук. تنضر.
10 Рук. بلوغًا مصبورًا.
11 Cp. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٨,١٠–١٢.

لم يتمّ عليه حيلة ولا تمويه فيجب أن تعرف ذلك إن شاء الله تعالى قالوا وينبغى للرجل المتحرّز الحازم أن يحرز رحله و يحفظ نفسه وأسراره ولا يأنس بمن يكثر غشيان رحله ولا يخرج بسرّه الى من يفحص عن أسراره ويتدبّر أموره ولا يثق بمن يحرص على الأمانة فإنّ ذلك دليل على الخيانة والبحث عن الأسرار طلب[1] للعثار والثقة بكلّ أحد عجز و بوار قالوا اذا نفش فرس او برذون ذنبه دلّ على سفر صاحبه واذا نفشه فيما ظهر من ذنبه دلّ على سفر بعيد وإن كان فيما بطن من الذنب دلّ على طول
الإقامة والثبات وإن كان النفش حول ذنبه دلّ على بدئه[2] و رجعته بسرعة || وإن 59a
كان عن يمينه دلّ على نقصان يكون فى دوابّه وإن كان عن يساره دلّ على زيادة تكون فى دوابّ صاحبه و قالوا اذا[3] كان فى الهوآء جُنّة[4] و ظلمة من غير علّة ولا غيم يخاف[5] على الناس الوبآء والمرض واذا رأيتَ فى آفاق السمآء فى ليلة مصحية كاختلاف النيران غشى البلاد الّتى رُئِيَ[6] ذلك فيها عدوّ وإن رُئِيَ[6] ذلك و كان العدوّ على البلاد انكشف عنها واذا[7] سمع لسقف البيت صرير شخص من فيه عنه واذا كثرت الديوك الصياح كان ذلك منها إنذارًا وتحذيرًا وإخبارًا بغلبة أوليآء الله أعدآءه واذا[8] صفّق الديك بجناحيه و لم يصح[9] دلّ ذلك على أن الخير محتبس عن صاحبه قالوا واذا استوى نبت الشعير الّذى يزرع فى أوّل السنة دلّ على خصب تلك السنة فإن حسن سفل ذلك[10] الشعير دلّ على خصب آخر السنة وإن حسن نبت وسطه دلّ على خصب وسط السنة واذا لم ينبت إلّا رأس الشعير شملت الناس الشدائد فى تلك السنة واذا اختلف نباته اختلفت أحوال تلك السنة ويستدلّ ممّا
استقبل منه[11] || ربّ البيت على حاله فما كان منه على يمينه دلّ على حال زوجته 59b
وما كان منه على يساره دلّ على حال ولده و ما كان من ورآئه دلّ على حال خدّامه واذا حسن نبت حواليه كان خيرًا من أن يحسن نبت وسطه وأعلاه لأنّ نبت حواليه يدلّ على اندفاع البليّة عنه واذا حسن نبت الشعير وأضرّ به جرذان يخاف على دار

1 Рук. وطلبًا.

2 Рук. نداه.

3 Ср. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٧,٩–١٢.

4 Рук. الهوى حمه.

5 Рук. يحاف.

6 Рук. راى.

7 Ср. ʿUjûn-al-aḫbâr, II, ١٨٧,١٦.

8 Ср. Ujûn-al-aḫbâr, II, ١٨٧,١٤–١٥.

9 Рук. يصيح.

10 Рук. ذلك.

11 Рук. منها.

صاحبه من السرقة وإن أضرّ به طير يخاف عليه بآفة فى خضرائه[1] وإن أضرّ به شىء
كلّه يخاف عليه كلّ البلآء وإن أضرّ شىء ببعضه تخوّف عليه ببعض البلآء فإن تفرّق
نبته كان مذمومًا وإن اجتمع كان مباركًا جيّدًا من كلام جوبر الهندىّ فى الفراسة
و علامات فى الرجال والنسآء وما أشبه ذلك قال جوبر الهندىّ فى كتاب عمله
للأكاسرة وأنفذه اليهم من بلد الهند فكان محتفظًا فى خزائنهم يعملون بما فيه ويقتدون
به فى أفعالهم وأحوال مملكتهم و صفات رياستهم و كان يقتدى به الخاصّ والعامّ قال
ينبغى للّاعب بالشطرنج أن يكون جيّد || الفكر حسن التقدير صحيح الرؤية سريع 60a
الحساب عن صحّة رؤية جاد لعبه بها ومن طال فكره فيها لم يكن فارغًا لغيرها و لا فيه
موضع لسواها وقال أيضًا اذا رأيت الرجل ذاهل العقل غائص الفكر من غير علّة فاعلم
أنّه جيّد للّعب بالشطرنج واذا رأيته يحرّك يده ويقبضها فاعلم أنّه جيّد الضرب
بالسيف واذا رأيته يقلب يده اليمنى واليسرى[2] ويطيل فركهما فاعلم أنّه جيّد الرمى
بالنشّاب واذا رأيته يتزاور ويميل بمنكبيه فاعلم أنّه جيّد الطعن بالرمح واذا رأيت
الإنسان يدير بياض عينه من غير علّة ويرفعها حتّى يغيب السواد فاعلم أنّه جيّد
الرمى بالسهام واذا فعل ذلك فاصطكّت أسنانه وسمع له تصريف و صوت فإنّه جبان
هلع واذا رأيت يديه ترتعس و بدنه يضطرب فاعلم أنّه شجاع جيّد الرمى إلّا ان
يكون به صلف او جنون او علّة قال وينبغى أن تتوسّم الطلاقة فى الرجل فاذا رأيتة
صنّاع اليد خفيف الحركة قوىّ اليد فاعلم أنّه شجاع واذا رأيت الإنسان مدوّر ||
الأعضاء فاعلم أنّه شجاع جيّد الرمى جيّد الطعن بالرمح فاذا رأيت الإنسان طيّاشًا 60b
سريع الكلام ضيّق مخارج الحروف عَسِر التمتمة و عقدة اللسان فاعلم أنّه لا يصلح لرمى
ولا لطعن وكذلك إن كان به رعشة و ارتعاد و كذلك إن كان يحرّك برأسه تحريكًا
شديدًا وإن ضعفت يد الإنسان او شلّت لم يتّخذ للعدو ولا للحركة واذا رأيته يُهْمِك[3]
اذا حدّث وينتصب لهمّك[4] كأنّه يريد جوابك فاعلم أنّه بصير بالمسئلة و الجواب واذا
رأيت الانسان يستعيد حديثك فاعلم أنّه يطلب الدليل و هو بصير بغوامض الأجوبة
واذا رأيت الإنسان اذا حدّثك كأنّه يخاصمك فاعلم أنّه بعيد الغور شديد الرؤية[5]

---

1 Рук. خضرانه.
2 Рук. اليسار.
3 Рук. يهمك.
4 Рук. لهمك.
5 Рук. الروبه.

طويل الأسف و ربّما كان [ذلك] حمقًا وجنونًا واذا رأيت الإنسان فيه لطف وتنصّت [1]
فاعلم أنّه يطلب الجواب بالأدلّة واذا رأيت الإنسان معترفًا بالجهل فإنّه اعترافه به
جيّد له واذا رأيته متفخّمًا يدّعى أكثر ممّا يحسن فاعلم أنّه متعسّف جاهل ومن إجادة
المخاطبة معرفة المخاطب وقتَها فإنّ [2] || من [معرفة] وقتها إصابة الوقت لها واذا 61a
رأيت المتكلّم مقتصدًا [3] فى منطقه فاعلم أنّه قد أعفى المجيب له فى قوله عن التعسّف
فى الجواب وتكليفه إيّاه بغير الصواب لئلّا يمتنع من حكم من الحكومة بينه وبين من
يخاطبه و يتميّز [4] بين صنوف ما ينطق به * فى حسن دعيّه [5] قال واذا رأيته مقتصدًا [3]
أيضًا فى قوله فاعلم أنّه قد ترك السرف فى إعلان الفطنة وإسرارها [6] وتحفّظه و اجتنابه
اللجاجة والغلظ والتعطّف والتعسّف والتسرّع وأنّه لم يتكلّم إلّا بعد رؤية و فكر ثاقب
وقريحة جيّدة صادقة واذا رأيته يتكلّم ويستشهد بكلامه و ربّما حلف عليه فقد خلط الحقّ
بالباطل و ادّعى بالشهادة على الغائب وقد تكلّم على ما وافق ظنّه وتخيّله ومن تجويد
الكلام أن يحقّق نطقه و يحترز [7] من الأمر الضارّ فيه ومن الكذب وأن يأتى بالحجج
و صواب المثل ويتمثّل بالمَرْضىّ المقبول ويقيس الأمثال بالأمثال والأشباه بالأشباه و*افتتاح
كلامه من كنهه و وقته و صدقه على الصحّة [5] قال ومن إجادة تبليغ الرسالة || أن يقتضوا 61б
على مثل ما وصفت لك من حال المخاطبة إنّما هى بمنزلة تبليغ الرسالة غير أنّه ينبغى
لمبلّغ الرسالة الحفظ لما استودع منها وإن تداخله محتاج [8] اليها فى حال المخاطبة قال و
اذا رأيت الرجل من عادته كثرة التمحّل والاحتيال فى المعيشة فاعلم أنّ ذلك [ليس]
من عادة من كانت سجيّته الخير والتواضع والتوسّع ومن اعتاد البذل والإعطاء ليس
من [9] عادته المنع والردّ والاحتجاب بالعلل ومن كان من هديه [10] السماحة والسخاء و ما
أشبه ذلك [11] فصل فى التفرّس فى النطق والصمت والصوت والكلام و ما أشبه ذلك
قال وقد كانت الأكاسرة تتفرّس فى الرجل المهذار الكثير الكلام ليكون [12] ساقطًا

---

1 Рук. لطفًا و تنصتًا.

2 Рук. فان || فان.

3 Рук. مقتصد.

4 Рук. تمييز.

5 Текстъ фразы отъ * представляетъ затрудненія.

6 Рук. أسراره.

7 Рук. يحتر.

8 Рук. скорѣе يحتاج.

9 Рук. من ليس.

10 Рук. هدده.

11 Пропускъ, не обозначенный въ рукописи.

12 Рук. لا يكون; такъ же и дальше. (Поправка внесена на поляхъ рукописи синимъ карандашемъ рукой европейца).

مهينًا و فى الكثير الملق ليكون محتالًا و فى الليّن الصوت الخافض النطق الحلو اللسان ليكون مختّشًا[1] و فى الطويل الصمت القليل النطق ليكون ماكرًا[2] او يكون عائبًا[3] و فى السريع الكلام ليكون حَرِجًا و فى التمتام والأبشع والأعسر الصوت
62a ليكون لجّاجًا او ناقصًا و كانوا يقولون العىّ حرج[4] || فى *الجنان و لجلجة[5] فى اللسان و نقص فى البيان و قالوا كلّ كثير الكلام مهذار ضعيف الجنان وقالوا من كثر كلامه قلّت أفعاله وقالوا احذر كلّ من زاد قوله على فعله واحذر الملق و لا تركن الى قوله و لا تثق به فمن زاد فى قوله نقص فى فعله ومن طال صمته و قلّ كلامه كان نظره اعتبارًا و صمته افتكارًا وهذه الخصال من خلال العلمآء والحكمآء واذا كان بضدّ ذلك كان صمته عيًّا و فكره سهوًا و اعتباره غفلة و هذه الخلال من خلال النَّوْكَى والجهّال وقال بعض الحكمآء كلّ شىء عُرِف[6] له معنى و فيه فائدة الّا فكر الرعنآء والعاقل اذا تفكّر اعتبر واختبر والجاهل اذا تفكّر تبلّد وتحيّر و العرب تقول فلان هدّار وكلامه هدر وهذر[7] اذا لم يكن فيه فائدة واذا ذمّوا رجلًا قالوا كلامه زائد على أفعاله وأفعاله دون كلامه وأنشد فيه

اذا نصتوا للقول قالوا فأحسنوا * ولكنّ حسن القول خالفه الفعل
و ذمّوا لنا الدنيا وهم يرضعونها * أفاويق حتّى ما يدرّ لها ثعل[8] ||

62b باب من الفراسة فى علامات بدن الإنسان و رأسه و شعره وما أشبه ذلك قال ابو عثمان الجاحظ اعلم أن الأشيآء المدركة الّتى تقع تحت الحواسّ لا تدرك إلّا بحاسّة من الحواسّ الخمس امّا نظرًا او سماعًا او شمًّا او ذوقًا او لمسًا والأشيآء فى إدراكها على ضربين ضرورىّ واستدلالىّ فالاستدلالىّ ما احتاج الى إقامة دليل و برهان و استشهاد وإيضاح ليقوم ويثبت فى العقل فيصير كالمعاين بالحسّ و هذا يكون فى الأشيآء العقليّة وامّا الضرورىّ فهو ما يقع تحت الحواسّ الخمسة فما ذكرناه آنفًا فمنه ما يشترك فيه الخاصّ و العامّ والعاقل والجاهل

---

1 Рук. محممًا.

2 Рук. مكرًا.

3 Рук. عيبًا.

4 Рук. جرح.

5 Рук. الحما الجاىحه.

6 Рук. اعرف.

7 Рук. هدرًا و هذرًا.

8 Рук. يرتضونها и يدرى لها فعل. Ср. لسان العرب, XII, ١٩٣ и XIII, ٨٨.

ولا يحتاج الى إقامة دليل عليه ومنه ما يظهر لبعض الناس ويخفى عن بعض فيحتاج فيه الى العلمآء وأصحاب التجربة والقياس فمن ذلك أن يكون الإنسان جيّد الحسّ والفطنة سريع الذكآء طويل التجربة كثير الدراية فيرى علامةً فى الإنسان او مزاجًا غالبًا[1] || عليه او حركة فيه ويسمع منه كلامًا او يرى منه فعالًا فيدركه بوجوب جوهره 63a فيه لا يفطن بها كثير من العوامّ وهذا لا يدرك إلّا بقوى النفس او بطول التجربة فمن ذلك إن ترى إنسانًا سريع الحركة سريع الحفظ فاذا كان كذلك فاحكم عليه بالنسيان والضياع لما يحفظ والبطئ الحركة أذكر للأشيآء[2] وأقلّ نسيانًا ولذلك قيل اذا غلب السودآء على مزاج الإنسان غاص فكره و جاد قياسه و دام حفظه و بقى عليه وهذا لثقل الحركة وثباتها لأنّها اذا ثبتت حفظت أجزآءه[3] بعضها على بعض فلذلك صاحب السودآء بطئ النبض ضامر العروق قليل الحركة وانتفع بالحركة و قوى بها مزاجه واذا رأيت عروق الإنسان تضرب ضربانًا شديدًا و رأيت وجهه أحمر و شعره قائم فإنّ ذلك يدلّ على الجرأة والحركة و صاحب هذا الحال سريع الأمراض سريع النقل[4] لا يثبت على حال و لا عهد و لا عقد والغالب عليه الكذب و المخرقة و الزور ويكون كثير الجاع و ربّما كان فاسقًا [و] اذا اختلج مع ذلك رأسه دلّ على مرض او سفر وإن قام شعر || الرأس قيامًا مستويًا دلّ على فساد وإن اختلج الجانب الأيمن واستوى 63b الشعر دلّ على خير كثير[5] والرطوبة مع الحرارة وكثرة الدم دليل على الاختلاج قال واذا كان فى الوجه والخدّ و نصف الرأس والعنق دلّ على الفالج واللقوة ويكون صاحبه قليل الذهن أعمى القلب مع خبث و شره فى النفس و حسد فى الكبد و غمّ فى الصدر و دآء فى الأعضآء و حقد فى الحشا قال واذا رأيت عروق الإنسان تضرب ضربانًا سريعًا و ليس فى وجهه حمرة و رأيت الصفار يعلوه مع جفاف شفتيه فالغالب عليه المرّة الصفرآء وهذا يكون سريع الحركة قليل الحفظ قليل الذكر سريع النسيان و الغالب عليه الحدّة والشرّ ويكون جبانًا رعديدًا هلعًا ويكون شديد التحرّز فإن رأيت مع ذلك اختلاج جانب رأسه الأيمن فاحكم عليه أنّه جبان طائر الفواد واذا كان فى وجه الإنسان شامة او نقط كثيرة او على عينيه و خدّه حمرة تشبه اللطمة او الشامة و نحو ذلك فينبغى أن تحذره وتخافه واذا كان مقدم الرأس منحسرًا من الشعر فإنّ صاحبه ||

1 Рук. مزاج غالب.
2 Рук. الاشيآء.
3 Рук. اجزآء.
4 Рук. الثقل.
5 Рук. خيرًا كثيرًا.

64a خيّر الطبع كريم النفس واذا كان أغمّ[1] كان صاحبه مذمومًا ثقيلًا[2] بليد الفطنة قليل النجابة والعرب تكره الغمم و تمدح الانحسار والنزوع ويقولون أنّه من صفة الكرام والشجعان قال الشاعر

فلا تنكحى إن فرّق الدهر بيننا * أغمّ[3] القفا والوجه ليس بأنزعا[4]

واذا كان الغمم فى القفا والوجه كان أقبح و أفظع[5] قال واذا رأيت عروق الوجه تضرب وتتحرّك تحريكًا شديدًا * ومتى تركت على وجهه رأيتها تضرب[6] دلّ ذلك على الشرّ الشديد واذا كانت العروق فى الوجه بادية مع حمرة دلّت على شرّ النفس و قوّتها قال وإن كان ذلك مع صفار دلّ على ضعف النفس وبرد المزاج وبرد الحسّ و قلّة التمييز و ربّما كان شديدًا والأذن لا تتحرّك فاذا رأيت الإنسان يحرّكها متى شآء فإنّه شره كلبىّ النفس و فيه سبعيّة مع ضعف و جبن يعتريه ويكون شرهًا ردىّ النفس قال بعض أصحاب الفراسة اذا رأيت الإنسان يحرّك أذنيه متى شآء فاحكم عليه أنّ فيه
64б خلقًا من || أخلاق الكلاب مع جبن شديد و ضعف نفس قال واذا رأيت الشعر نابتًا فى الأذن فاحكم عليه بطول العمر واذا رأيت الأذن صغيرة صمعآء دلّت على طيبة النفس والخلق وخفّة الروح واذا كانت كبيرةً[7] دلّ على الخبث و ربّما كان فاسقًا او سارقًا و ما أشبه ذلك قال واذا كانت عروق الإنسان ساكنة وأجفانه منسدلة مسترخية فالغالب عليه الرطوبة فهو بليد[8] قليل الفطنة كثير الشهوة والنسيان قال وإن كان كذلك و فى عينه ظفرة او فصّ دلّ ذلك على البله مع شره النفس و دنآءة الهمّة و شدّة البخل واذا رأيت مع ذلك خدّه اليمين و عينه و شفته تختلج فإنّه يدلّ على خير وإن كانت اليسار دلّت على شرّ يصيبه وينبغى أن يحذر منه و قال أصحاب الاختلاج والوهم يقولون اذا اختلجت الرقبه دلّت على جهل و شدّة تصيب صاحبها وقال أصحاب الفراسة اذا طالت الرقبة و دقّت كان صاحبها بليدًا[8] قليل الذكر
65a والفطنة فإن كان فيها عجزة او تعويج دلّت على عمآء القلب || والبلادة والغفلة قال واذا اختلج الكتف دلّ على سلطان و جاه و منزلة عظيمة و ما أشبه ذلك قال واذا كان

---

1 Рук. غمّ.

2 Рук. تقمل.

3 Рук. اعمر.

4 Ср. لسان العرب, X, ٢٣٠.

5 Рук. اقطع.

6 Текстъ фразы отъ * представляетъ затрудненія.

7 Рук. كان عكدوتًا?

8 Рук. بليل.

بين الأكتاف شامة او خال دلّ على النبل او على الرياسة والمنزلة العظيمة وكذلك اذا كانت تحت الإبط دلّت على الشرف و الكرم و اذا كان فى الشامة شعر دلّت على قوّة النفس و حدّتها و على الجرأة والسلاطة وشجاعة النفس واذا اختلجت الشامة الّتى بين الأكتاف دلّت على أمر عظيم ينال صاحبها و رفعة عظيمة و ربّما دلّت على سلطان عظيم قال واذا اختلج الكتف اليمين دلّ على شىء يقع فى يده و خير يناله واذا كانت اليسار دلّ على خسارة تصيبه فإن كان فى اليسار خال او شامة دلّت على خير وكذلك فى اليمين أيضًا تدلّ على خير واذا اختلج الذراع اليمين دلّ على خير كثير و ربّما دلّ على شجاعة و قوّة فإن كان فيه[1] خال او شامة دلّ ذلك على قوّة النفس و علوّ همّة و خير ينال صاحبه وإن كان فى الشمال فبضدّ ذلك واذا اختلج البطن دلّ على فرح صاحبها و كثرة سرور فإن كان عليها خيلان او شامة دلّت || 65b
على خير قال وإن كانت أنثى دلّت على كثرة الولد و تكون[2] مُذكِرًا قال وإن كانت العروق يابسة فالغالب على صاحبها البرد واليبس والبلادة والنسيان وإن كان عليه خال او شامة كان أوكد واذا كان فى شعر الرأس دارات دلّت على غمّ صاحبها وكثرة تعبه واشتغال سرّه و ربّما دلّت على بلادة الخاطر و قال أصحاب الفراسة أنّ الذكر فى الشيوخ أكثر والحفظ فى الشباب أسرع و قال آخرون أنّ شرخ الشباب و سرعة حركته تمنع[3] من ثبات حفظه و لا تمنع من سرعته لأنّ السريع الحركة لا يثبت معه شىء و هو مع الشيوخ أثبت لأجل ذلك ترى الشيخ على حال واحد و على رأى واحد لأنّ تجربة الشيخ أقوى من تجربة الغلام وإسراع الغلام أقوى من [إسراع] الشيخ فعلى قدر قواه إسراعه الى الأشياء بقوّة الحركة قال واذا قويت الحركة رقّ الدم لأنّ من شأن الحركة رقّة الدم و تلطيفه واذا لطف تفرّق وتنشّفه الحرارة الغريزيّة قال
والشيخ فيه برودة و رطوبة وإبطاء يحفظ عليه أشياء[4] كثيرة || فحفظه ضعيف وذكره قوىّ 66a
وكلّما أراد إسراع الحركة لم ينطبع فيها شىء ويغلب على صاحبها البخار والالتهاب حتّى يؤدّيه الى الطيش و الخفّة باب العلامات فى الإنسان من الشامات والخيلان قال اعلم أنّ العلامات الّتى فى الطبائع لا تخفى وإن حرص الإنسان فى كتمانها وإخفائها لأنّ الطبيعة تنذر بما فيها و تظهر فلا بدّ أن يظهره الله تعالى فى فعله و حركته

1 Рук. فيها.

2 Рук. يكون.

3 Рук. يمنع; такъ же и дальше.

4 Рук. اسباب.

وإشارته فقد نطق القران بذلك فأوضح و بيّن عبارة للنبيّ صلّى الله عليه وسلّم فقال تعالى [1] وَلَوْ نَشَآءُ لَأَرَيْنَاكَهُمْ فَلَعَرَفْتَهُم بِسِيمَاهُمْ وَلَتَعْرِفَنَّهُمْ فِي لَحْنِ الْقَوْلِ فجعل القول علامة و جعل السيما علامة قال الشاعر

ومهما يكن عند آمرءٍ من خليقة * وإن خالها تخفى على الناس تعلم

فعلامة الإنسان تدلّ على ما [فى] طبائعه من خير و شرّ و خبث وأمانة و وفآء ونحو ذلك قال وبذلك استدلّ أصحاب الفراسة على ما فى طبائع الإنسان و على علامات جسمه
66b وسائر || بدنه قالوا اذا عظم الرأس دلّ على وفور الدماغ و كثرة المخّ فيه والرطوبة و على عقل صاحبه واذا صغر الرأس دلّ على الحمق والخفّة والعرب تسمّى الصغير الرأس الصعل و هو عندهم مذموم و صاحبه غير نجيب جبان بخيل شبيه رأس النعام لأنّ النعام صعل الرأس و هو سريع الإجفال شديد المخافة قال الشاعر

صعل يعود بذى العُشَيْرة بيضَه * كالعبد ذى الفرو[2] الطويل الأصلم [3]

قال اذا كان فى الرأس دوارتان [4] و كان فيهما خال او شامة كان صاحبه تعبًا مغمومًا واذا كان الرأس قليل الشعر دلّ على التعب أيضًا و الهمّ و اشتغال البال وإن كانت الشامة بين عينيه من فوق جبينه الأيمن يكون زانيًا فاسقًا ويكون قليل المعيشة ردىّ التدبير لنفسه وإن كان فوق جبينه الأيسر يكون تعبًا وينال شيئًا من الرياسة على تعب و شدّة و صعوبة قال واذا كانت الشامة فوق الجفن الأيمن يكون صاحبها أستاذًا [5] حاذقًا
67a فى كلّ عمله واذا كانت فى الأيسر || يكون تقيًّا صالحًا عابدًا واذا كانت فى أصل الأذن [6] يكون سيّئ الخلق ينافر أهل بيته وإن كانت شامة سودآء يكون صالحًا وينال رياسة و تدلّ على الشجاعة وإن كانت من اليسار يكون فى حزن طول حياته واذا كانت فى أصل أنفه من جانب عينه يكون له أعدآء كثيرة وإن كانت فى شمال جبينه و ما يلى كتفه يكون رجلًا مظلومًا وينال رياسة وإن كانت ما بين عينيه يكون وقورًا

---

1 Коранъ, 47,32.

2 Рук. الفرق.

3 Стихъ изъ Муʿаллаки ʿАнтары, см. Arnold, Septem Moallakat, ١٥٣ и Ahlwardt, Six ancient arabic poets, ٢٩ (ср. p. 23).

4 Рук. دوارتين.

5 Рук. استاذ.

6 Рук. الان.

مهيبًا محبوبًا ويكون عالمًا صالحًا وإن كانت الشامة فوق رأس الكتف اليمين او الشمال فإنّه يكون طويل العمر و يرث أهل بيته كلّهم فإن كانت على رأس كتفه او مرجع كتفه اليسار تكون حياته بضياع و تعب وإن كانت على اليمين ينال مرتبة سنيّة وإن كانت على جانب أنفه الأيمن يكون تقيًّا صالحًا وإن كانت على الجانب الأيسر يكون تعبًا شقيًّا وإن كانت فوق خدّه الأيمن يكون صانعًا متعوبًا و لا ينال خيرًا[1] إلّا بالتعب الكثير وإن كانت على طرف الأذن اليمنى[2] يكون حزينًا متعوبًا ذليلًا || وإن كانت على اليسرى[3] من فوق او أسفل دلّ ذلك على خير كثير 67б
و سرور تامّ وإن كانت على طرف الشفة العليا من الشمال دلّ على محبّة النسآء وعشقهنّ فإن كانت على فرطوسته فإنّه لا يعيش له ولد و يكون طويل العمر وان كانت تحت الفرطوس فإنّه ممّن تتمّ عليه الحيل و يكون الناس يحبّونه ويميلون اليه وإن كانت على الحلق شامة او خال دلّت على خير كثير و فرح نفس و حسن خلق وإن كانت على قصبة الحلق تدلّ على سفر و غربة وإن كانت على جنب عنقه الأيمن كان أقوى لها في علامة السفر والغربة وإن كانت على رقبته من الشمال الى مرجع الكتف يكون غنيًّا تعبًا صاحب مواش[4] وإبل و حرث و زرع واذا كانت على مرجع الكتف الأيمن دلّت على حياة طويلة و عمر طيّب وإن كانت على اليسار يدلّ على أنّه يكون صاحب مواش[4] و زرع و تناية و رفعة وإن كانت قريبة من المرفق اليمين و كان معها آثار فإنّها تدلّ على حزن و همّ من قبل الوالدين وإن كانت على كتفه || الأيمن و الأيسر دلّت على جلالة عظيمة و رفعة من القرابة والأجلّآء وإن كانت 68a
الشامة والخيلان على صدره من فوق الثديين جميعًا مثل الزفت يكون رئيس بيت[5] و مقدّمًا فيهم وإن كانت الشامة او الخيلان او الآثار على بطن الإنسان فإنّه ينال خيرًا كثيرًا و يسلم من شرّ إن شآء الله تعالى قال فإن كانت الشامة على فم المِعْدَة من الجانب اليسار فإنّه يدلّ على حقد ويبلغ أمرًا عظيمًا[6] وإن كانت الشامة على القلب و كانت شديدة السواد يكون صاحبها زانيًا رديًّا سريع الحركة خفيف الطائر شديد الحمق والنهم وإن كانت على البطن يكون زانيًا خبيث النفس بعيد الغور

1 Рук. خير.
2 Рук. اليمين.
3 Рук. اليسار.
4 Рук. مواشى.
5 Рук. بيتًا.
6 Рук. امر عظيم.

شديد الحيلة وإن كانت على السرّة[1] يكون زانيًا محبوبًا وينال رياسة وسلطانًا[2] وإن كانت على بطنه موضع الزنّار من بين يديه يكون ضعيف القلب ضعيف الحال رديّ الحياة و يكون زانيًا فإن كانت من اليسار يكون جبانًا خائفًا و يكون تقيًّا وإن كانت 68b شامة او علامة سوداء تحت آباطه فإنّه يكون صاحب خير || و جلالة و رياسة ويسوّد فى قومه وإن كانت الشامة او الخيلان على ظهر الإنسان فإنّه يكون لوطيًّا و يكون حسن الخلق طيّب النفس وإن كانت على صلبه من الجانب الأيمن فإنّه يقع فى أفواه الأعداء وإن كانت علامة سوداء فوق متنه فإنّه يكون مصابًا بعقله وإن كانت شامة فى وسط صلبه من اليمين ينال سلطانًا وجلالة وإن كانت من اليسار فإنّه يصيبه هوان و شدّة وإن كانت على ظهره من الجانب الأيسر فإنّه يعسر أمره و يحتاج الى الناس وإن كانت الشامة على إحدى أليتيه تدلّ على موت بعض أهله ويرثهم وإن كانت امرأة يموت من يعزّ عليها وإن كان له علامة سوداء او خال أسود على فخذه مقابل الفخذ[3] كان موسرًا وينال جلالة و سلطانًا[2] و خيرًا و رفعة وإن كانت على اليمين يصلح أن يكون ملكًا مطاعًا او سلطانًا مقتدرًا و قال إن كانت الشامة على اليمين او نكتة سوداء فى حُقّ فخذه اليمين يكون مخراقًا يحبّ المدح[4] والثناء 69a والخرق[5] والحمق ويكون محمقًا ارعن[6] وإن || كانت على الركبة اليمنى[7] و قريبة الى أسفل تدلّ على عيب يكون فيه وإن كانت على إحليله يكون شجاعًا جريًّا فى القتال وإن كانت على حُقّ فخذه الأيسر يكون فيلسوفًا حكيمًا وإن كانت على ركبته اليسرى ينال مرتبة عظيمة و غناء و مالاً وإن كانت على ركبتيه جميعًا يكون رئيس قومه و سيّد أهله و صاحب يسار و غناء وإن كانت على ساقيه تدلّ على سفر و شقاء و دوران و تعب وإن كانت على عقبيه يكون رئيس أهله و غيرهم و رئيس كلّ صنعة وكلّ شىء يدخل فيه و حاذقًا بكلّ ما يعمله وإن كانت نكتة سوداء على قدميه تدلّ على تعب كثير و تعذير فى الأمور و قلّة فطنة و دراية و عمى قلب وإن كانت فى يديه يكون متغرّبًا وإن كانت على كفّه الشمال يكون عفيفًا صالحًا مستورًا وإن كانت فى أسفل رجله

1 Рук. الصُره.

2 Рук. سلطان.

3 Рук. الفخذين.

4 Рук. المدحا.

5 Рук. الخراق.

6 Рук. ارعنًا. Текстъ этой фразы представляетъ затрудненія.

7 Рук. اليمين.

علامة سودآء يكون منقلب الرأى فإن كانت لامرأة كانت تمشى بالنميمة او فاسدة
علامات النسآء من كانت من النسآء فى ثديها مثل أزرار القميص شامة سودآء او
حمرآء فإنّها تكون تقبر زوجها الأوّل والثانى وتقبر بعض أولادها و من كانت || لها 69b
علامة سودآء او مثل زرّ القميص الصغير او مثل العدسة على أشفار عينيها فإنّها
تكون تنفر من الأزواج و تبغضهم و تكون غليظة القلب جافية[1] الطبع قال و من كانت
على صدرها او على وركها علامة سودآء فإنّها تكون خيرة النفس تحبّ الخير والزيادة
لكلّ أحد صالحة ديّنة و من كانت لها علامة سودآء او شامة او نكتة او خال أسود
او أحمر على طرف أنفها من النسآء او الرجال فإنّه يكون غنيًّا خيرًا صالحًا يحبّ
الخيرات والمنافع كلّها والله أعلم باب معرفة الاختلاج و ضربان العروق قالوا من اختلج
يافوخه او جمجمة رأسه فإنّه يدلّ على مرض او سفر و قال قوم من الحكمآء يدلّ على علوّ
همّة وينال منزلة عظيمة و من اقشعرّ جلد رأسه او قام شعر رأسه فإنّ ذلك يدلّ على
فساد و قال قوم يدلّ [على] ضعف القلب و رقّة الطبع و الجبن و الفزع و من اختلج جانب
رأسه الأيمن دلّ على خير يكون قريبًا فإن كان الجانب الأيسر دلّ على فساد و من
ضربت عروق رأسه او أصداغه || دلّ على مرض حادث من دم و حرارة و دلّ على 70a
خوفه و فزعه و ضعف قلبه واذا اختلجت الجبهة او ضربت فيها عروق كثيرة دلّ ذلك
على حزن و غمّ او على رمد يحدث من دم و من اختلج ناحية وجهه اليمنى[2] دلّ على خير
وإن كانت اليسرى[3] دلّ على شرّ واذا اختلج وسط الوجه دلّ على حزن و غمّ فإن اختلج
جفن العين دلّ على خير و من كانت عروق وجهه و أجفانه تتحرّك و تضرب من غير
اختلاج و غير علّة فإنّه شرير الطبع نمّام همّاز عيّاب مغتاب للناس و من اختلج طرف
أنفه دلّ على فساد فإن تحرّكت عروق الشفتين[4] والأنف من غير اختلاج و كان
ضربانها شديدًا او ظهر معها حمرة دلّت على آفات رديّة تحدث بالوجه والعين وإن
كانت بلا حمرة خيف على صاحبها من اللوقة و انقلاب الوجه و كذلك إن تحرّك الفكّ أيضًا
و من اختلجت أذنه اليمنى[5] دلّت على خير و صلاح وإن كانت اليسرى[6] دلّت
على غمّ و فساد فإن تحرّكت عروقها من غير اختلاج دلّت على آفة او عرض يحدث

---

1 Рук. جافه.
2 Рук. اليميين.
3 Рук. كان الايسر.
4 Рук. الشفيتين.
5 Рук. اليميين.
6 Рук. اليسار.

70б في صماخ الأذن وأجراح[1] تظهر في الرأس || فإن اختلجت الرقبة دلّت على تعب
و جهد فإن ضربت عروقها دلّت على الدم الثابت او على أمر حادث وإن اختلجت
الأكتاف دلّت على سلطان و عزّ فإن ارتعدت من غير اختلاج دلّت على فزع حادث او
مرض بارد وإن اختلج وسط اللحية و ارتعدت الذقن دلّ على خير فإن تحرّكت هناك
عروق من غير اختلاج دلّ على دم ينزل من الرأس وإن اختلج ما تحت اللحية من
الحنك اليمين دلّ على خير وإن كان من اليسار دلّ على شرّ و[2] كان مكروهًا
فإن تحرّكت فيه عروق من غير اختلاج دلّ على خلط بلغميّ ينزل من الرأس الى
اللحية والى الفكّين و إخراج الدم له جيّد[3] امّا حجامة و امّا فصادًا[4] واذا اختلجت
الأعضاء دلّت على الفزع والوهل والفشل فإن تحرّكت فيها عروق من غير اختلاج او[5]
في الذراعين دلّت على دم جرى[6] في العروق واذا اختلج الذراع اليمين دلّ على
خير وإن كان اليسار دلّ على شرّ و خسارة واذا اختلج البطن دلّ على فرح كثير
71a فإن دام بها ذلك وكان لها كالعادة فصاحبها شبق هائج يحبّ الجماع والباه وإن || كانت
امرأة فهي تحبّ الغلمة والمتعة و تكون ولودًا مذكرًا و كذلك اختلاج السرّة أقوى
دلالة في النساء من دلالة الرجال في حبّ الباه والمتعة و اختلاج الأليتين والفخذين
يدلّ[6] على فرح و اختلاج الساقين يدلّ[7] على تعب القلب والغمّ و من اختلجت قدماه او
كعباه فهو متعوب القلب و مكدود النفس والله أعلم باب معرفة أوهام الهند و زجرهم
و فراستهم و عرافتهم اعلم أنّ للهند كتاب الأوهام في خزائن ملوكهم يرجعون فيه الى
أصول و مذاهب قديمة و أكثر ما فيه ظنّ و تخيّل و عارض داخل على نفوسهم لأنّ الدليل
ما يثبت على أكثر ما قالوه و لهم أيضًا كتاب الجفر يقضون فيه على ما يكون في السنة
من الأمور الحادثة ويستدلّون على معرفة ذلك بمنازل القمر كلّ ليلة و هي ثمان
و عشرون[8] منزلة الى أن يعود كالعرجون القديم[9] فكلّما زاد او نقص و ارتفع و هبط
71б حكموا عليه حكمًا بمخالفة الأوّل و لهم حكم[10] على الرياح الأربع من هبوب || الشمال
والجنوب والصبا والدبور و على الغيوم في اختلاف ألوانها ويستعرفون من ذلك

1 Рук. اخراج.
2 Рук. و ان.
3 Рук. جيدًا.
4 Рук. فصاد.
5 Пропускъ, не обозначенный въ рукописи.
6 Рук. عرى.
7 Рук. يدلان.
8 Рук. عشرين.
9 Ср. Коранъ, 36,39.
10 Рук. حكمًا.

علامات الجدب والخصب والغلآء والرخص و الأمن و الخوف و اختلاف الدول و إقامة
الفتن و لهم زجر يخالفون فيه زجر العرب و ذلك أنّ العربىّ اذا زجر فسمع هدير
الحمامة او صوت طير او مفاجاة حيوان او سانح او بارح او هفيف شجر او هبوب
ريح او ما أشبه ذلك قضى عليه و لم يفتقر فيه الى دليل ثانٍ [1] من معرفة طالع او
غارب او آفل او كون القمر فى منزلة سعد او مقابلة سعد او نحس او مقارنة او تربيع
او تثليث و لم يعرّج على شىء من ذلك والهند يزجرون ويتفألّون ويستدلّون بالدلآئل
الأرضيّة و يجعلونها مقرونة بالدلآئل العلويّة وينظرون القمر فى أىّ برج هو و أىّ منزلة
و ما هو الغارب و الطالع و أين النحس والسعد وكيف المقاربة و المقارنة والمفارقة والرجوع
و ما أشبه ذلك و لا يقضون بدليل واحد و لهم أحوال كثيرة يتعرّفون منها الكائنات
و لهم الخمسة والعشرون الحال يسمّونها أحوال النجوم و هى مذكورة فى كتب النجوم
72a وجعلها || قوم خمسة عشر و هى مثل الاجتماع والافتراق و طرح الشعاع و نظر الكوكب
الى الكوكب و بعده و قربه و محبّته و بغضه و رجوعه و ما أشبه ذلك و لهم دلائل أرضيّة
جعلوا لها جدولاً و هى خمسة و عشرون حالة فاذا وقع واحد منها نظروا أين القمر
و فى أىّ برج هو و أىّ منزلة و حكموا بسعده او نحسه و خيره و شرّه مثل صياح الغراب
و نهيق الحمار و عوى الكلب فإن صاح الغراب والقمر فى موضع جيّد حكموا بما يرونه
من السعد وإن عوى الكلب والقمر فى موضع ردىّ قضوا بما يرونه من النحس و من
أراد هذه الأحوال طلبها من الجدول و قد ذكرناها طُرَفًا بغير قضيّة عليهاً و هى صياح
الغراب و نهيق الحمار و عوى الكلب و صرير السقف و سقوط الطير و زفير النار و شخيخ
البغل و صهيل الفرس و صياح الديك و صوت الطير و هفيف الشجر و هبوب الريح و صوت
الفار و صياح الهرّ و قرض الفار الثوب * إخراق الثوب نظآئر الشرّ [2] و خمود المصباح و
وقوع الدسم على الثوب و دخول الحيوان الدار و لقآء الضرس [3] و صرير السرير و ما أشبه
72б ذلك من الأحوال || وقد جعلوها كالعلامة والدلالة و منازل القمر ثمانية و عشرون منزلة
منها أربعة يابسة نحسة مشومة لا يكاد ينجب [4] فيها عمل و هى الدبران والغفر و قلب
العقرب و سعد الذابح و أربعة سعد و هى رطبة يستدلّ بها على الخصب و هى الثريا
والزبرة و الجبهة وبطن الحوت و للعرب علامات يستدلّون بها على معرفة الأمطار

---

1 Рук. ثاذى.

2 Глосса; текстъ испорченъ.

3 ?

4 Рук. ىنحب.

و النوء[1] و لا يحكمون بها على خير و لا على شرّ و من أراد معرفة ذلك استدلّ عنه
فى كتب الأنوآء والمنازل وكتب الزجر والفراسة والقضايا والأحكام والأدلّة كثيرة والقضايا
مختلفة و الله اعلم بالصواب باب[2] من الاستدلال بالفراسة والعلامة والنكتة و البثرة
و غير ذلك ممّا جمع من كلام إبقراط الحكيم و ترجمه حنين بن إسحق قال اعلم أنّ الله
تعالى جعل على كلّ جارحة من جوارح الحيوان و الإنسان علامة ثمّ جعل على تلك
العلامة و تلك الجارحة ستَرًا من الصحّة والسلامة فلا تزال تلك العلامة مخفيّة تحت
الستر المسبول مصونة || بثوب العافية المسدول فاذا ظهرت علامة من بعض تلك 73a
العلامات استدلّ بها على حدث آفة و ظهور عاهة او موت عاجل او حدث نازل قال
و كان إبقراط يسمّى تلك العلامات أسرار الطبيعة و إنّه أمر بها أن تجعل فى قبره معه
فكتبت فى لوح و جعلت معه قال فلمّا أحبّ قيصر معاينة قبر إبقراط أتاه لينظر اليه
فاذا هو قد دثر فأمر بتجديده فلمّا حفر وجد فيه درج عاج فيه الصحيفة و فيها هذه
العلامات فأمر الملك بتجديدها و ترجمتها و نقلها فنقلت و ترجمت فأوّل ذلك قال
إبقراط اذا كان فى وجه المريض ورم لا يجد له مسًّا[3] و كانت يده اليسرى موضوعة
على صدره غالبًا[4] فاعلم أنّه يموت الى ثلاثة و عشرين يومًا و لا سيّما إن كان فى أوّل
مرضه يعبث بمنخريه قال واذا كان فى ركبتى المريض جميعهما[5] أورام شديدة غليظة
فاعلم أنّه يموت الى ثمانية أيّام و لا سيّما إن كان فى بدو مرضه يعرق عرقًا كثيرًا[6] قال
وإذا كان فى العرق[7] الّذى فى الرقبة يولّد النوم[8] بثرة صغيرة و عليها كهيئة الغبرة ||
فاعلم أنّ ذلك المريض يموت الى خمسين يومًا من بدو مرضه و علامة ذلك أنّه يعطش 73б
فى أوّل مرضه عطشًا شديدًا قال واذا كان على اللسان بثرة كالغبرة و هى شبه ذبابة
الكلب او شبه حبّة الخِرْوَع فاعلم أنّ صاحبها يموت من يومه و آية ذلك أنّه يشتهى
فى أوّل مرضه الأشيآء الحارّة الطبع قال واذا كانت على الأصابع بثرة صغيرة سودآء

1 Рук. النور.

2 Отсюда до строки 7 المسدول включительно см. Foerster, o. c. 294.

3 Ср. Bollettino italiano degli studii orientali, Nuova Serie, Num. 7, 133—134.

4 Рук. و كان عابثًا, A غالبًا, B лишь موضوعة على صدره.

5 Рук. جميعها.

6 Рук. عرق كثير.

7 Рук. العروق, A и B العرق.

8 Рук. الذى تولد الدم, A الذى يولد, B الذى فى الرقبة يولّد النوم (съ поясненіемъ المراد بهذا النوم العرق شريان السبات и толкованіемъ названія сонной артеріи).

شبه الكرسنّة[1] و أوجعت فاعلم أنّ صاحبها يموت ليومين من مرضه و آية ذلك أنّه يكون فى بدو مرضه ثقيل البدن واذا كانت على إبهام اليد اليسرى او إبهام الرجل اليسرى بثرة صغيرة جاسية شبه الغولة كمدة اللون لا توجع فاعلم أنّ المريض يموت لستّة أيّام من أوّل مرضه و آية ذلك أنّه يختلف فى بدو مرضه اختلافًا شديدًا واذا كانت فى الأصبعة الوسطى من الرجل اليمنى بثرة لونها لون حلى الصاغة[2] فاعلم أنّ صاحبها يموت لاثنى [عشر] يومًا من مرضه و آية ذلك أنّه يشتهى فى بدو مرضه الأشياء الحرّيفة شهوة شديدة قال واذا كانت أظافير الأصابع كمدة اللون || 74a و فى الجبهة بثرة دميّة[3] فاعلم أنّ صاحبها يموت لأربع أيّام من بدو مرضه وآية ذلك أنّه يكون كثير العطش فى أوّل مرضه كثير التثاوّب قال واذا كان فى إبهام الرجلين حكّة شديدة و كان لون الرقبة كمدًا جدًّا فاعلم أنّ صاحب ذلك يموت فى اليوم الخامس من مرضه وآية ذلك أنّه يبول فى أوّل مرضه بولًا شديدًا كثيرًا متغيّرًا[4] قال واذا كان على جفن المريض ثلاث بثرات إحداهنّ سوداء و الأخرى كمدة و الأخرى الى الشقرة فاعلم أنّ صاحب ذلك يموت الى سبعة عشر يومًا من أوّل مرضه وآية ذلك أنّه يبزق بزاقًا كثيرًا شديدًا فى أوّل مرضه قال واذا كان على إحدى جفون[5] المريض بثرة كالجوزة ليّنة كمدة اللون فاعلم أنّه يموت الى يومين وآية ذلك أنّه يكون فى أوّل مرضه ينام نومًا ثقيلًا قال واذا سال من منخرى المريض دم يضرب الى الشقرة و ظهر بيده اليمنى بثرة بيضاء لا توجع فاعلم أنّه يموت الى يومين[6] او ثلاثة من بدو مرضه و آية ذلك أنّه لا يشتهى الطعام البتّة قال واذا ظهر فى الفخذ الأيسر من المريض || 74b حمرة[7] شديدة لا توجع طولها ثلاث أصابع فاعلم أنّه يموت الى خمسة عشر يومًا من بدو مرضه و آية ذلك أنّه يحتكّ فى بدو مرضه حكّة شديدة و يشتهى أكل البقول قال واذا كان خلف أذن المريض اليسرى بثرة سوداء فاعلم أنّ صاحبها يموت الى أربع

---

1 Рук. الكرشنه, A и B الكرسنّة, и въ B поясняется الباقلا الصغيرة.

2 A لونها كلون جلا الصاغة و هو الطرطير (?), B لونها كحلّى الصاغة съ поясненіями для послѣднихъ двухъ словъ — персидскимъ زيورهاى زرگران и арабскимъ لونها كالذهب آراد بها الحمرة الوبائيّة.

3 Рук. دمّى, A دمية, B دموية съ поясненіемъ اى احمر اللون.

4 Рук. بول شديد كثير متغيّر.

5 Рук. جفن.

6 Рук. يومان.

7 Рук. جسر, A и B حمرة.

و عشرين يومًا من بدو مرضه بها و آية ذلك أنّه يشتاق فى بدو مرضه الى الماء البارد شوقًا شديدًا قال واذا كانت خلف الأذن اليسرى بثرة جاسية شبه الحمّصة[1] فاعلم أنّ صاحبها يموت الى عشرين يومًا من أوّل مرضه فى تلك الساعة الّتى ظهرت فيها تلك البثرة و آية ذلك أنّه يبول فى أوّل مرضه بولًا كثيرًا قال واذا كانت خلف الأذن اليمنى بثرة حمرآء شبيهة[2] حرق النار و هى فى عظم الباقلآء[3] فاعلم أنّه يموت لستّة أيّام من مرضه و آية ذلك أنّه يتقيّأ فى بدو مرضه قيئًا كثيرًا قال و قد يعرض لبعض الناس وجع فى الحشفة فاذا عرض ذلك لأحد ثمّ ظهرت فى المرفق بثرة كمدة اللون فإنّه يموت فى اليوم الخامس من مرضه و آية ذلك أن يكون فى بدو مرضه يشتهى || 75a شرب الشراب كثيرًا قال واذا ظهر تحت الإبط الأيسر بثرة عظيمة فى عظم السفرجلة كمدة اللون فاعلم أنّ صاحبها يموت الى خمسة عشر يومًا من مرضه و آية ذلك أنّه يعرض له فى بدو مرضه نوم ثقيل قال واذا كانت على الكعب بثرة كمدة كبيرة فاعلم أنّ المريض يموت لثمانية و عشرين يومًا من أوّل مرضه و آية ذلك أنّه يشتاق فى بدو مرضه الى برد الهوآء او الى الأطعمة الباردة شوقًا شديدًا قال واذا كان على الصدغ الأيسر بثرة تميل الى الشقرة فاعلم أنّ صاحبها يموت الى أربع أيّام من بدو مرضه و آية ذلك أنّه يحكّ عينيه حكّة شديدة لا يشتفى من حكّها قال واذا كان فى وسط الرأس ورم مثل الجوزة أسود لا يرتفع فاعلم أنّ صاحبه يموت الى أربعين يومًا من بدو مرضه و آية ذلك أنّه يعرض له فى بدو مرضه تثاؤب كثير قال واذا كان فى الصدر ورم أسود فاعلم أنّ صاحبه يموت الى ثلاثة أشهر من بدو مرضه و آية ذلك أنّه يشتهى فى بدو مرضه الى البطّيخ و عسر البول و ربّما أصاب[4] المريض || 75b فالج قال واذا أصاب المريض فالج و برئ و انتكس فى مرضه فإنّه يموت لتمام سبعة أيّام من بدو انتكاسه و ربّما ظهرت علامة او بثرة او حمرة او شىء[5] يدلّ على ذلك و آية ذلك أنّه يستفيق فى نكسته فاذا استفاق فإنّه يموت قال و وجدت هذه العلامات من كلام إبقراط فألحقتها بهذه الفصول قال إبقراط علامة اللون الردىّ سبعة حمرة اللون و صفرته و زرقته و سواده و كدرته و كمودته و غبرته قال الحمرة تدلّ

1 Рук. الحصايه, A и B الحمصة.
2 Рук. شبيه.
3 Рук. الباقلاه.
4 Рук. صاب.
5 Рук. شيًا.

على غلبة الدم و ربّما قتلت و ربّما كانت سالمة تدلّ على مرض سريع قال و الصفرة تدلّ على خلط شديد و على مرض طويل و يزول و الزرقة علامة رديّة تدلّ على الموت السريع قال والسواد يدلّ على علامات رديّة و تزول فإن ظهر معها بثر دلّ على الموت قال والكدرة إن كان معها خضرة دلّت على مرض يزول وإن كانت بخلاف ذلك دلّت على مرض طويل و يزول قال و كمودة اللون يدلّ على نقض[1] و يزول سريعًا فإن ظهر معها بثر دلّت || 76a على علامات رديّة و موت[2] لا سيّما إن ظهر معها بثرة او ورم او انتفاخ او تلطّخ او حكّة و ما أشبه ذلك فاعرف ذلك و قس عليه ترشد إن شآء الله تعالى و الله أعلم و حسبنا الله و نِعْمَ الوكيل والحمد لله ربّ العالمين و صلّى الله على سيّدنا محمّد وآله و صحبه الأكرمين و سلّم وافق[3] الفراغ من نسخه بدمشق المحروسة حماها الله تعالى يوم الاثنين ثامن شهر رمضان المعظّم سنة سبعة و خمسين و سبعمائة والحمد لله وحده نسخه العبد الفقير الى الله تعالى عبد الله بن سليمان بن الريحانيّ الموصليّ عفا الله عنه

---

1 Рук. نقضًا.

2 Пропускъ, не обозначенный въ рукописи.

3 Отсюда и до конца см. Foerste, о. с. LXXX—LXXXI и 294.

II.

ПЕРЕВОДЪ.

50б Во имя Бога Всемилостиваго, Всемилосерднаго!

Глава о познаваніи будущаго, о гаданіи и о физіономикѣ[1]) по взглядамъ Персовъ.

Говоритъ Абӯ-ʿУсмāнъ ʿАмръ-ибн-Бахръ ал-Джāхизъ.

Знай, что сужденія относительно скрытыхъ (отъ насъ) обстоятельствъ изобилуютъ различными предположеніями, и истины въ нихъ мало, недостаточно, и вѣрность ихъ не надежна. У каждаго народа и у каждаго племени (существуютъ) соображенія, которыми они руководятся, и мнѣнія, которыя они составляютъ и на которыхъ основываются. Большая часть всего этого (лишь) предположенія, домыслы и догадки; иногда же, въ рѣдкомъ и одиночномъ (случаѣ), совпадаетъ дѣйствительность съ суевѣріемъ, и (тогда является) воображеніе, что это бываетъ всегда и случается во всякое время, и что подобнаго нужно остерегаться и избѣгать. И передаетъ одинъ другому, и современникъ разсказываетъ со словъ предка. И иногда гаданіе и физіономическое наблюденіе сбываются относительно чего-нибудь, а по отношенію къ другимъ однороднымъ предметамъ не оправдываются; иногда же люди считаютъ что-либо дурнымъ знакомъ, а для нихъ благо въ знаніи его и счастье во встрѣчѣ съ нимъ.

У народовъ и племенъ (существуютъ) всякаго рода предвидѣнья,
51а физіономическія наблюденія, предчувствія, повѣрія, гаданія и способы познаванія будущаго. Больше всѣхъ занимаются предчувствіями Арабы; у нихъ плохія предвидѣнья и неправильныя предположенія. Они сообщили объ этомъ въ ихъ поэзіи, гаданіи и поговоркахъ. И они утверждаютъ, будто «джинны» и «гӯли» предстаютъ передъ ними, и будто «джинны» сообщаютъ имъ о событіяхъ въ стихахъ, разсказываемыхъ, слушаемыхъ и понимаемыхъ ими. И поступаютъ они сообразно этому. И (все это) осуществляется у нихъ въ гаданіи по движенію птицъ, въ крикѣ птицъ, во встрѣчѣ съ хищнымъ звѣремъ, во (встрѣчныхъ) справа и слѣва, впереди и сзади, во

1) Названія различныхъ видовъ магіи (напр. عرافة, زجر, فراسة и др.) въ большомъ числѣ встрѣчаются въ настоящемъ трактатѣ. Точно разграничить значенія этихъ названій намъ въ настоящее время не представляется возможнымъ. Нѣкоторые позднѣйшіе авторы даютъ опредѣленія (напр. Хāджжī-Халīфа, изд. Flügel'я, I, 34—35, IV, 194, 281, 346 и др.), но установить точное различіе по большей части не удается. Поэтому, при переводѣ, мы въ большинствѣ случаевъ ограничиваемся передачей этихъ названій синонимами, какъ впрочемъ вѣроятно понималъ ихъ и самъ авторъ трактата.

встрѣчѣ со змѣей, ехидной, червемъ, разными мелкими насѣкомыми, въ крикѣ вороновъ, воркованіи голубей, свистѣ «джинновъ», шумѣ камней, журчаніи водъ, разлитіи потоковъ, разсматриваніи тучъ и облаковъ, руководительствѣ звѣздами, познаніи созвѣздій, дождей, грома, молніи и тому подобномъ, не имѣющемся у другихъ народовъ.

У Индійцевъ — неимѣющіеся у другихъ домыслы, соображенія, предположенія, предвидѣнья, заключенія, утвержденія, толкованія, астрологія, медицина, физіономика и «джафръ» т. е. познаніе дней года, дуновенія вѣтровъ, восхожденія и нисхожденія лунныхъ стоянокъ, на которомъ они основываются въ своихъ заключеніяхъ. И говорятъ они — «джафръ» вѣтровъ, 51б
«джафръ» дождей, «джафръ» созвѣздій. «Джафръ» (также называется одна) ихъ книга, заключающая опредѣленія (относительно) года. Они дѣлятъ его на четверти, согласно частямъ его и луннымъ стоянкамъ, и каждыя семь стоянокъ, (приходящіяся) на одну четверть года, называютъ «джафръ» и изъ него выводятъ рѣшенія относительно дождей, вѣтровъ, путешествій, войны и тому подобнаго. Отъ нихъ научились Хосрои и Персы (всѣмъ) прочимъ наукамъ, отъ нихъ взяли ихъ, имъ подражали, спеціально (же) въ медицинѣ, астрологіи, математикѣ, (всякаго рода) домыслахъ, познаваніи будущаго, гаданіи, физіономикѣ, стоянкахъ луны и тому подобномъ.

Что касается до Византійцевъ, то они все взяли отъ Грековъ. У нихъ прекрасныя, тонкія издѣлія, мудрость, медицина, философія, приведеніе доказательствъ и аргументовъ, умѣнье рисовать и строить, наука о видѣ небесъ и звѣздъ; у нихъ же заговоры, заклинанія, колдовство, предчувствіе, предвидѣнье и тому подобное.

Что касается Персовъ, то они взяли все отъ Индійцевъ. У нихъ — физіономика, политика, повѣрія, предчувствія, знаніе дурныхъ признаковъ, домыслы, мнѣнія, сужденія, соображенія, аргументы, воспитаніе духа, исправленіе всего худого, рытье колодцевъ, каналовъ, водопроводовъ, ис- 52а
точниковъ, проведеніе каналовъ, наведеніе плотинъ и мостовъ, (огражденіе) отъ паденія камней и водъ, посадка деревьевъ, разнаго рода вещи, полезныя для царей и государственныхъ людей и тому подобное. Индійцы доставили имъ разнаго рода вещи. Кисрā Кубāдъ, Шāпӯръ, Кисрā Анӯширвāнъ, Бахрāмъ Джӯръ и Шāхāншāхъ, царь царей. . . . . добыли изъ Индіи разнаго рода предметы, роздали обширныя средства и оказали обильныя милости индійскимъ ученымъ и мудрецамъ. И приходило ежегодно, по очереди, большое количество разнаго рода мудрецовъ, ученыхъ, математиковъ, астрологовъ, заговаривателей, заклинателей, переводчиковъ, (лицъ), дающихъ рѣшенія и приговоры (относительно разнаго рода вопросовъ), познающихъ будущее, физіономистовъ. Они предсказывали имъ и сообщали о томъ, что

случится въ этомъ году и что постигнетъ ихъ. И сообщали они о томъ, что случится въ каждый день, каждый мѣсяцъ, весь годъ. Они утверждали, что знаніе этого (происходитъ) отъ семи планетъ и двѣнадцати знаковъ зодіака, отъ восхода восходящей (звѣзды) и захода нисходящей, высоты
52б ея и низкаго положенія. Они говорили имъ: все происходящее на землѣ — движеніе и покой, противуположеніе и соединеніе, совпаденіе и раздѣленіе (находится въ зависимости) только отъ движеній на небѣ, противуположенія и соединенія звѣздъ, восхожденія счастливой и нисхожденія несчастной; Всевышній Богъ содѣлалъ для земныхъ рабовъ его знаменія, проявляющіяся при смѣнѣ годовъ [въ текстѣ два слова, означающія одно и то же понятіе — годъ], мѣсяцевъ и дней въ движеніи звѣздъ и вращеніи небесъ; все земное, — растущее и засохшее, растеніе и животное, — (находится) подъ вліяніемъ высоко стоящихъ знаковъ зодіака и блестящихъ звѣздъ; событія происходятъ вслѣдствіе совпаденія и раздѣленія, противуположенія и соединенія ихъ, и всѣ разнаго рода явленія, знаменія и событія опредѣлены раньше высшимъ вліяніемъ и небеснымъ рѣшеніемъ. И рѣшали они согласно со всѣмъ тѣмъ, что видѣли и слышали, гадали и разбирали въ разнаго рода вещахъ, обстоятельствахъ и событіяхъ, въ слушаніи рѣчи, или крикѣ птицъ, или паденіи камней, или шумѣ деревьевъ, и встрѣчѣ съ животными. И выводили они рѣшенія по признакамъ членовъ
53а людей и животныхъ, по изученію содраганія артерій или чего-нибудь другого въ тѣлѣ, разсматривая лопатки, судя по удару суставовъ и сочлененій, слѣду шага на землѣ, счету «х-с-м-и-р-джъ», — т. е. по жребію, волхвованію и гаданію, затѣмъ по руководству медициной, ощупыванью артерій, разсматриванію водъ ихъ (?), рѣшеніямъ при помощи классификаціи вещей, приведенію въ видѣ доказательства прошлаго или будущаго и тому подобному. Всѣ обсуждавшіе дѣло или устанавливавшіе рѣшеніе, касалось ли это прошлаго или будущаго, записывали его и преподносили царю. Царь же, посмотрѣвъ его, отдавалъ въ свою тайную сокровищницу. И говорятъ, что Кисрā Кубāдъ не обращалъ вниманія на то, что преподносили ему, не смотрѣлъ въ него и считалъ невѣріемъ и глупостью.

Астрологи разсматривали дни недѣли, высказывали относительно нихъ сужденія и распредѣляли ихъ царю. Они говорили: каждый день управляется (особой) восходящей (звѣздой) и эта восходящая (звѣзда) рѣшаетъ судьбу его. (Результатомъ) ихъ распредѣленія было то, что (цари) дѣлали большое собраніе и важное засѣданіе, и поручали отвѣтственное дѣло знатному человѣку — въ Субботу; затѣмъ, (что) они садились для судебнаго разбирательства, оказывали справедливость обиженному и справлялись съ (законодательными) книгами — въ Воскресенье; охотились и разсматривали все,

касающееся охоты и мѣста ея,—въ Понедѣльникъ; играли въ «поло» [букв. били въ «саулджāны» [1])], занимались скачками и борьбой, клали въ храмы 53б
огни—во Вторникъ; сводили счеты въ приходѣ и расходѣ, въ числѣ воиновъ, въ разнаго рода службахъ, въ расходованіи предметовъ, получаемыхъ отъ обработки, и прочаго, подлежащаго разслѣдованію, отправляли къ врагу шпіоновъ и лазутчиковъ, наблюдали за вышиваніемъ, выпускали серебряную и золотую монету, покупали и продавали, устраивали тайныя дѣла — въ Среду; разсматривали дѣла вельможъ, сановниковъ и «ахл-ал-буӯтāтъ» [семь главнѣйшихъ родовъ персидской аристократіи] и дѣла о закладкѣ городовъ, крѣпостей, замковъ и домовъ—въ Четвергъ; освобождались (отъ дѣлъ) для украшенія, омовенія, умащенія ароматами, ѣды, питья, одѣванія убранства ими и женами ихъ, приказывали приводить пѣвицу и (приносить) музыкальный инструментъ и предметы, (необходимые) для веселаго препровожденія времени, и (приводить) людей, (имѣющихъ цѣлью) развлекать (царя), и приказывали сажать и водружать деревья, и представлять плоды и (другіе), необходимые для развлеченія предметы — въ Пятницу. Этотъ день былъ названъ «днемъ украшенія». И они раздѣляли время согласно этому. И царь наблюдалъ, чтобы каждый день недѣли проходилъ согласно (вышеприведенному) распредѣленію.

Затѣмъ они [т. е. цари] разсматривали дѣла людей и обстоятельства
времени. И не одобряли они того, о чемъ сообщали имъ (съ неодобреніемъ) 54а
знатоки физіономики, гаданія и познаванія будущаго, напр. считали дурнымъ знакомъ крикъ ворона, или пѣтуха, или собаки, осла, мула и тому подобное. Нѣкоторые считали неблагопріятнымъ возгласъ и крикъ пѣтуха, и говорили, что крикъ пѣтуха неблагопріятенъ при встрѣчѣ со знатными людьми, царями и сановниками. И говорили они (еще): вой хищника разлучаетъ близкихъ и друзей, и указываетъ на одиночество, отдаленность, отчужденность. И нѣкоторые изъ нихъ говорили, что эти вещи указываютъ на извѣстную причинную связь съ послѣдующимъ, и тотъ, кто не любитъ ихъ, не любитъ (собственно) эту причинную связь.

Они говорили: Кто не любитъ голоса лошадей, муловъ и ословъ, не достигаетъ желаемаго.

Кто не любитъ шума жуковъ, бываетъ безплоднымъ, алчнымъ въ душѣ.

Кто не любитъ храпа муловъ, постигается удаленіемъ съ родины, плохъ въ рѣчи своей.

---

1) Молотки для игры въ поло.

Кто не любитъ треска огня, не получаетъ дохода съ земельнаго участка.

Кто не любитъ лая собаки, все время будетъ на чужбинѣ, будутъ притѣснять его несчастья.

Кто не любитъ рева осла, не расположенъ къ злымъ, любитъ хорошихъ, (но) страдаетъ отъ несчастья.

Кто не любитъ крика лисицъ, бываетъ хорошимъ (человѣкомъ), освобождающимъ людей отъ непріятностей.

Кто не любитъ голоса ежей, не имѣетъ близкаго друга, (человѣкъ) дурной.

54б Они говорили: Кто любитъ голоса овецъ, верблюдовъ и прочаго скота, тотъ гордый, злой, ненавидящій людей (человѣкъ).

Кто любитъ голоса пѣвцовъ и музыкантовъ, упорно предается развлеченіямъ и прегрѣшеніямъ, ненавидитъ людей.

Кто любитъ свистъ змѣй, постоянно убѣгаетъ, скрывается.

Кто любитъ шорохъ муравьевъ, постоянно бываетъ плѣнникомъ въ рукахъ враговъ.

Кто любитъ кваканье лягушекъ, всегда бываетъ въ жизни безсильнымъ.

И выводили они дурныя предзнаменованія изъ (разнаго рода) вещей и считали это истиной.

Говорили они: кто выводитъ дурное предзнаменованіе изъ шума въ воздухѣ, постоянно ложно обвиняется въ обманѣ.

И все то, что считали дурнымъ знакомъ, что выводили по физіономикѣ, или по движенію птицъ, или что считали хорошимъ знакомъ, исполнялось въ два времени года—въ Михрмāхъ и Āдармāхъ.

И первое дурное предзнаменованіе произошло отъ дѣтей и глупцовъ изъ простого народа; когда народъ болтаетъ вздоръ относительно чего-нибудь и распространяется объ этомъ много пустыхъ слуховъ, или это служитъ предметомъ постояннаго разговора, то онъ убѣждается въ дѣйствительности этого, или (же) боится его и считаетъ дурнымъ знакомъ.

Они выводили дурное предзнаменованіе изъ голубоглазаго (человѣка), а особенно, когда бывалъ онъ съ рѣдкой бородой («кӯсаджъ»), или угреватъ, или когда на лицѣ его (было) много родимыхъ пятенъ. И они высказывали сужденія относительно родимыхъ пятенъ (смотря по тому), гдѣ на
55а тѣлѣ они были. Если были они на лицѣ, относительно нихъ высказывалось (опредѣленное) сужденіе; и если было одно родимое пятно, то относительно него было одно сужденіе; а если два, то относительно нихъ было другое сужденіе; и если было родимое пятно или большая веснушка или много ихъ

въ (какомъ-нибудь) мѣстѣ, то (опять таки) было относительно этого (особое) сужденіе.

И относительно сраженія (руководились они) указаніями дуновенія четырехъ вѣтровъ: когда вѣтеръ дулъ съ востока, побѣда принадлежала восточному царю, если съ запада, то побѣда принадлежала владыкѣ запада, съ юга — владыкѣ юга, съ сѣвера — подобно этому (вышеприведенному повѣрію). Это взяли они изъ Индіи и отъ индійскихъ мудрецовъ, о чемъ упомянемъ въ своемъ мѣстѣ, если пожелаетъ Всевышній Богъ.

У нихъ были предметы и вещи, по которымъ они выводили хорошія предзнаменованія въ началѣ года, (въ томъ случаѣ), когда люди много занимались ими и охотно упоминали ихъ.

Годъ, въ (началѣ) котораго они занимались выдѣлкой луковъ и стрѣлъ, бывалъ годомъ охоты, добычи, одолѣнія хищныхъ звѣрей и побѣды надъ врагомъ.

Годъ, въ (началѣ) котораго они занимались выдѣлкой «джулāхикъ» т. е. самострѣловъ, бывалъ годомъ осады и возведенія укрѣпленій.

Годъ, въ (началѣ) котораго они занимались выдѣлкой «саулджāновъ», бывалъ годомъ спора, раздора и препирательства.

Годъ, въ (началѣ) котораго они занимались выдѣлкой пращей и (метательныхъ) камней, бывалъ годомъ, обильнымъ мелкимъ и крупнымъ рогатымъ скотомъ и (другими) животными.

Годъ, въ (началѣ) котораго выдѣлывали они шары, бывалъ годомъ 55б
урожая и спокойствія.

Годъ, въ (началѣ) котораго обнаруживалось много благочестія и строились святилища и храмы огня, бывалъ годомъ дружбы, согласія и любви.

Годъ, въ (началѣ) котораго было много вопля, крика, стенанія (вообще) и возгласовъ дѣтей, назывался ими годомъ землетрясеній. Люди предвидѣли, что во время него будутъ укрываться и убѣгать, и будетъ онъ годомъ падежа скота.

Годъ, въ (началѣ) котораго кувыркомъ . . . . . ., бывалъ годомъ, въ который гибло много воиновъ.

Годъ, въ (началѣ) котораго было много рукобитія (?), бывалъ годомъ, обильнымъ горемъ, плачемъ, несчастіемъ.

У нихъ были признаки по хищнымъ звѣрямъ, по движеніямъ и внѣшности которыхъ они гадали.

Они говорили: когда воютъ волки съ горъ, и отвѣчаютъ имъ собаки изъ деревень, будутъ тяжелая война и пролитіе крови.

Когда воютъ деревенскія собаки, и отвѣчаютъ имъ волки съ горъ, будутъ чума, и падежъ скота, и моровая язва.

Когда хищные звѣри особенно часто появляются, бѣгаютъ и кричатъ, это указываетъ на приходъ врага.

Когда дѣлаютъ подобное этому собаки, и отвѣчаютъ имъ другія собаки, это указываетъ на бѣгство.

Когда дѣлаютъ подобное этому собаки и не отвѣчаютъ имъ другія
56а собаки, это указываетъ на бѣгство населенія города и на то, что ему (придется) прятаться.

Когда много кричатъ лисицы, колдуны увеличиваютъ свои разрушительные замыслы.

Когда лисицы кричатъ крикомъ, похожимъ на вой собаки, постигнетъ людей сильный вредъ отъ хищныхъ звѣрей.

Когда кричатъ онѣ, какъ шакалы, будетъ много совѣщаній у вельможъ и сановниковъ.

Когда кричитъ въ домѣ пѣтухъ до времени пѣтушинаго крика, бываетъ это изъ желанія устранить бѣду, надвигающуюся на этотъ домъ.

Когда кричитъ въ домѣ курица, какъ пѣтухъ, она предостерегаетъ живущихъ въ немъ отъ приближающагося несчастья.

Когда много прыгаетъ пѣтухъ на подушкѣ и ложѣ хозяина дома, онъ [т. е. хозяинъ] получаетъ большую славу, извѣстность и главенство.

Когда много прыгаетъ на подушкѣ курица, постигнетъ его неизвѣстность и уменьшеніе (достатка).

Когда пѣтухъ запачкаетъ коверъ его, получаетъ онъ хорошее, выгодное имущество и много добра.

Если запачкаетъ коверъ его курица, это указываетъ на грядущій падежъ скота.

Когда много квакаютъ лягушки, это служитъ указаніемъ на то, что смерть спустилась въ ту мѣстность, въ которой онѣ находятся.

Если же онѣ квакаютъ, а у людей смертность, это указываетъ, что смерть отдалилась отъ этой мѣстности.

56б Если клохчетъ [букв. стонетъ] пѣтухъ въ домѣ, будетъ боленъ въ немъ кто-либо изъ мужчинъ.

Если клохчетъ курица, будетъ боленъ кто-либо изъ женщинъ.

Когда пѣтухи кричатъ, какъ плачутъ, распространяется смерть среди женщинъ.

Когда курица кричитъ, какъ пѣтухи, распространяется смерть среди мужчинъ.

Когда каркаетъ черный воронъ и отвѣчаетъ ему курица, это указываетъ на разрушеніе и на (позднѣйшее) возстановленіе (разрушеннаго).

Когда кудахчетъ курица и воронъ отвѣчаетъ ей, это указываетъ на обработку (чего-либо) и на (позднѣйшее) разрушеніе (этого).

Когда крысы переносятъ въ имущество хозяина дома пшеницу или ячмень, то будетъ прибыль въ имуществѣ его самого и его дѣтей.

Если онѣ грызутъ одежды его, это указываетъ на убыль имущества его самого и дѣтей его, такъ что слѣдуетъ положить этому предѣлъ и исправить. Въ этомъ (заключается) устраненіе того, чего онъ опасается отъ этого несчастья, съ соизволенія Всевышняго Бога.

Признаки въ огняхъ.

Когда съ трескомъ пылаетъ огонь очага направо отъ сидящаго, это указываетъ на дуновеніе вѣтровъ и пыль.

Если (это бываетъ) налѣво отъ сидящаго, это указываетъ на дождь и снѣгъ, которые скоро выпадутъ.

Если огонь кружится кругомъ очага, это указываетъ на смуту и споръ въ (этомъ) мѣстѣ.

Если онъ кружится кругомъ сидящаго или передъ нимъ, это указываетъ на грядущую побѣду и приближающееся веселье, на ѣду, питье, свадьбу. 57a

Если кружится огонь передъ очагомъ, это указываетъ на отдаленіе хозяина дома отъ достоянія его.

Если кружится онъ за очагомъ, это указываетъ на болѣзнь, которая постигнетъ обитателей этого дома.

Если огонь пылаетъ, издавая звукъ, похожій на смѣхъ, это указываетъ на радость и горе.

Что касается до воспламеняющагося подъ самымъ котломъ огня, то это указываетъ на большіе дожди.

Когда ты видишь, что фитиль свѣтильника или свѣчи пускаетъ пузыри и скручивается, это указываетъ на дождь.

Когда ты видишь, что свѣтильникъ, или свѣча, или огонь, горящій въ очагѣ, бросаютъ много искръ, это указываетъ на большой дождь въ этомъ мѣстѣ или вблизи него.

Они говорили также: когда дикій фазанъ отвѣчаетъ домашнему, населеніе этой мѣстности побѣдитъ враговъ.

Когда храпитъ простой человѣкъ, постигаютъ его плѣненіе и униженіе.

Кто дуетъ во снѣ, уничтожаетъ свое имущество.

Когда кто-нибудь стучитъ зубами во снѣ, это бываетъ указаніемъ на сплетню, и слѣдуетъ ему ударить себя по рту дырявымъ башмакомъ.

Когда важный, знатный человѣкъ много чешетъ тѣло свое руками безъ того, чтобы у него была чесотка или въ одеждѣ (имѣлись бы) вши или блохи, великъ грѣхъ его.

Когда дѣлаетъ это простой человѣкъ, онъ получаетъ выгоду.

57б Испускающій во снѣ слюни постигается отчужденностью.

Когда распространяется смерть среди крупнаго рогатаго скота, бываетъ эпидемія и среди людей.

Когда распространяется смертность среди свиней, всѣ люди будутъ въ безопасности и здоровьи.

Когда распространяется смертность среди хищныхъ и дикихъ звѣрей, постигнутъ людей бѣдствіе и напасть.

Когда распространяется смертность среди крысъ, будутъ у людей дешевизна и урожай.

Говорили они также: кто считаетъ ничтожнымъ безнравственное дѣяніе и желаетъ извѣстности его, — безумецъ, слѣпецъ.

Кто порываетъ сношенія съ умнымъ и дружитъ съ глупымъ, — безумецъ, глупецъ.

Они говорили (еще): послѣ того какъ приложено стараніе къ исправленію, постигаетъ гибель только (тогда), когда она предопредѣлена. Они говорили о человѣкѣ: онъ опасается, старается и не можетъ измѣнить судьбу.

Они говорили (еще): кто сдержанъ въ рѣчи и въ проявленіи страсти [буквально вульгарнѣе] оберегаетъ себя отъ несчастій судьбы.

И говорили они (еще): когда малый не уважаетъ большого, онъ быстро гибнетъ, когда же большой не имѣетъ милости къ малому, его постигаютъ жестокое отношеніе, презрѣніе и болѣзнь.

Говорили они также: лучшее дитя то, которое (поступаетъ) согласно съ характеромъ дѣтей, и лучшій мужъ тотъ, который (поступаетъ) согласно съ характеромъ мужей, и они самые счастливые для встрѣчающихся съ ними.

Говорили они: неблагопріятна встрѣча съ человѣкомъ, домашнимъ или хищнымъ звѣремъ и птицей въ часъ рожденія, когда они еще не обра-
58а зовались и не сформировались окончательно; при встрѣчѣ съ ними надо опасаться пролитія крови; все же несовершенное въ своемъ созданіи облегчаетъ несчастье, потому что оно и разсматривается какъ нѣчто несовершенное, изъянъ котораго обратился на него самого.

Тотъ, передъ кѣмъ упадетъ съ камня змѣя, будетъ постигнутъ непріятностью.

Когда доставятъ въ домъ мертвую змѣю, вскормленную въ немъ, постигнетъ хозяина дома гибель имущества.

Говорили они: когда горныя птицы и хищные звѣри снимаются со своихъ мѣстъ, то это указываетъ на то, что зима будетъ тяжелая и суровая.

Смерть больного, похожаго на здороваго, близка, и слѣдуетъ избѣгать его.

Признаки въ камняхъ.

Говорили они: Слѣдуетъ внимательно смотрѣть на дирхемъ съ чистымъ звукомъ и тщательно изучать его, изъ опасенія, чтобы онъ не оказался изъ желтой мѣди. И (слѣдуетъ) тебѣ разслѣдовать очень желтый динаръ, можетъ быть онъ поддѣльный или не полноцѣнный. И (слѣдуетъ) смотрѣть на очень зеленый хризолитъ, можетъ быть онъ изъ стекла, равно какъ и на очень красный яхонтъ, можетъ быть онъ окрашенный хрусталь.

Такъ же (слѣдуетъ тебѣ разсматривать) измѣненіе мужчинъ и женщинъ и физіономику ихъ. (Слѣдуетъ) тебѣ разгадывать краснорѣчиваго,—можетъ быть онъ многословенъ, малополезенъ, глупъ въ работахъ
и дѣлахъ; также молчаливаго, — можетъ быть онъ дурной (человѣкъ), за- 58б
вистливый, хитрый; также скромную, очень стыдливую женщину,—можетъ быть она развратна, порочна; также женщину воздержную, показывающую добродѣтель, благочестіе и праведность,—можетъ быть она строитъ козни; также человѣка богомольнаго, благочестиваго,—можетъ быть онъ хитрецъ. Разгадыванье въ этихъ вещахъ полезно. Кто свѣдущъ въ этомъ, не поддается хитрости и обману. Слѣдуетъ тебѣ знать это, если пожелаетъ Всевышній Богъ.

Они говорили: слѣдуетъ осторожному, благоразумному человѣку сохранять свое достояніе и беречь себя и тайны свои, не дружить съ (человѣкомъ), много занимающимся его достаткомъ, и не выдавать тайны разспрашивающему о нихъ и старающемуся понять дѣла его, и не довѣрять жаждущему довѣрія, такъ какъ это указываетъ на вѣроломство; развѣдыванье тайнъ (есть) желаніе повредить, довѣріе же ко всякому — слабость и разрушеніе.

Говорили они: когда всклокоченъ хвостъ породистой или простой лошади, это указываетъ на путешествіе ея владѣльца; когда всклокоченъ онъ въ наружную сторону, это указываетъ на длинное путешествіе; если же во внутреннюю,—то на продолжительныя остановку и пребываніе; если всклокочены волосы кругомъ хвоста, это указываетъ на отъѣздъ его и поспѣшное возвращеніе; если справа, — то на ущербъ въ верховыхъ живот- 59а
ныхъ его; и если слѣва,—то на увеличеніе въ верховыхъ животныхъ владѣльца ея.

Говорили они: Когда въ воздухѣ тьма и мракъ безъ причины и безъ тучъ, слѣдуетъ опасаться людямъ эпидеміи и болѣзни.

Когда на горизонтѣ темной ночью ты видишь свѣтъ, въ родѣ мерцанія огней, то на ту мѣстность, гдѣ видно это, нападетъ врагъ.

Если же видятъ это, когда врагъ находится въ мѣстности, то онъ уйдетъ отсюда.

Когда слышенъ трескъ въ крышѣ дома, живущій въ немъ уйдетъ изъ него.

Когда много кричатъ пѣтухи, это предостереженіе, предупрежденіе и сообщеніе относительно побѣды праведниковъ надъ грѣшниками.

Когда пѣтухъ хлопаетъ крыльями и не кричитъ, это значитъ, что счастье далеко отъ его хозяина.

Говорили они: когда растетъ ровно ячмень, посаженный въ началѣ года, это указываетъ на урожай этого года.

Если хорошо (растутъ) нижнія части (колосьевъ) этого ячменя, это указываетъ на урожай конца года.

Если хорошо растетъ середина его, это указываетъ на урожай середины года.

Когда растетъ лишь верхушка ячменнаго (колоса), въ этомъ году постигнутъ людей несчастья.

Когда измѣнчивъ ростъ его, измѣнчивы обстоятельства этого года.

596 Хозяинъ дома выводилъ указанія относительно самого себя изъ того, что росло прямо противъ него.

То, что было справа, указывало на положеніе жены его.

То, что слѣва, указывало на положеніе дѣтей его.

То, что сзади, указывало на положеніе слугъ его.

Когда (былъ) хорошъ ростъ (ячменя) по краямъ, то это (считалось) лучше, чѣмъ хорошій ростъ середины его [текстъ еще прибавляетъ—«и верха его» или «и до конца его»?], потому что ростъ расположеннаго по краямъ указывалъ на устраненіе несчастья.

Когда, при хорошемъ ростѣ ячменя, портили его крысы, нужно было опасаться кражи въ домѣ хозяина; и если портили его птицы, нужно было опасаться гибели цвѣта его [букв. зелени].

Если что-нибудь губило его всего, нужно было опасаться полнаго несчастья; если же что-нибудь губило часть его, нужно было опасаться частичнаго несчастья.

Если ростъ его былъ не ровенъ, то это порицалось, а если онъ былъ одинаковъ, то это благословлялось, восхвалялось.

Изъ словъ Дж-у-б-р'а Индійца относительно физіономики и (разнаго рода) признаковъ въ мужчинахъ и женщинахъ и т. п.

Говоритъ Дж-у-б-ръ Индіецъ въ книгѣ, написанной имъ для Хосроевъ и посланной имъ изъ Индіи. Она хранилась въ ихъ сокровищницахъ, они поступали согласно съ нею, сообразовывались съ нею въ поступкахъ своихъ, въ государственныхъ дѣлахъ и въ разныхъ распоряженіяхъ, и съ нею сообразовывались и знатные, и простые.

Онъ говоритъ: слѣдуетъ играющему въ шахматы быть вдумчивымъ, 60а
толковымъ, сообразительнымъ, разсчетливымъ. Вслѣдствіе вѣрнаго разсмотрѣнія онъ хорошо играетъ въ нихъ, и тотъ, кто долго думаетъ во время игры, не бываетъ занятъ ничѣмъ другимъ, а только ею.

Говоритъ онъ также: когда ты видишь человѣка забывчиваго, задумчиваго безъ причины, знай, что онъ хорошій игрокъ въ шахматы.

Когда ты видишь, что онъ движетъ рукой и сжимаетъ ее, знай, что онъ хорошо ударяетъ мечомъ.

Когда ты видишь, что онъ вертитъ правой и лѣвой руками и долго третъ ихъ, знай, что онъ хорошій стрѣлокъ (персидскими) стрѣлами.

Когда ты видишь, что онъ склоняетъ голову къ плечамъ, знай, что онъ хорошо поражаетъ копьемъ.

Когда ты видишь, что человѣкъ вращаетъ безъ причины глазнымъ бѣлкомъ и поднимаетъ его, такъ что скрывается зрачекъ, знай, что онъ хорошій стрѣлокъ (арабскими) стрѣлами.

Когда онъ дѣлаетъ это, а зубы его стучатъ, слышны хрипъ и скрежетъ, то онъ боязливый, трусъ.

Когда руки его дрожатъ и тѣло трясется, знай, что онъ храбрый, хорошій стрѣлокъ, но что у него хвастовство, сумасшествіе или болѣзнь.

Говоритъ онъ: слѣдуетъ изслѣдовать веселость человѣка, и когда ты видишь, что онъ ловокъ, подвиженъ, силенъ, то знай, что онъ (и) отваженъ.

Когда ты видишь человѣка съ закругленными членами (?), знай, что 60б
онъ отваженъ, хорошо стрѣляетъ, хорошо поражаетъ копьемъ.

Когда ты видишь человѣка разсѣяннаго, быстраго въ рѣчи, произносящаго отрывисто, заикающагося, косноязычнаго, знай, что онъ не пригоденъ для стрѣльбы и для пораженія (копьемъ); равно какъ, если у него судороги и подергиванье, а также если онъ сильно трясетъ головой; и если слаба рука человѣка или перестала дѣйствовать, не годится онъ для бѣга и движенія.

Когда ты видишь человѣка, горячо разсказывающаго и при этомъ, какъ бы вызывая на отвѣтъ, вскакивающаго къ твоимъ услугамъ, знай, что онъ опытенъ въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Когда ты видишь человѣка, переспрашивающаго твой разсказъ, знай, что онъ желаетъ точнаго указанія и опытенъ въ тайнахъ отвѣтовъ.

Когда ты видишь человѣка, который, когда разсказываетъ тебѣ, какъ бы споритъ съ тобою, знай, что онъ ловокъ, уменъ, золъ, иногда-же это бываетъ отъ глупости и неразумія.

Когда ты видишь человѣка любезнаго и внимательнаго, знай, что онъ желаетъ отвѣта съ доводами.

Когда ты видишь человѣка, сознающагося въ невѣжествѣ, то это сознаніе хорошо для него.

Когда ты видишь кичливаго, изъявляющаго претензію на большее, чѣмъ онъ умѣетъ, знай, что онъ неразуменъ, невѣжественъ.

Къ условіямъ правильности бесѣды принадлежитъ пониманіе всту-
61a пающимъ въ бесѣду своевременности ея, такъ какъ отъ пониманія этого зависитъ правильный выборъ времени.

Когда ты видишь бесѣдующаго уравновѣшеннымъ въ рѣчи, знай, что онъ избавилъ отвѣчающаго ему отъ обиды въ отвѣтѣ и несправедливаго отношенія для того, чтобы не было препятствій (третьему), разбирающему лицу, разсудить его съ собесѣдникомъ и различить разнаго рода пріемы его въ рѣчи.... [1])

Говоритъ онъ: когда ты видишь его также уравновѣшеннымъ въ словахъ, знай, что онъ оставилъ лишнее въ обнаруженіи мысли и въ скрываніи ея, въ осторожности и избѣганіи настойчивости, въ суровости, благосклонности, несправедливости, поспѣшности, и что онъ бесѣдуетъ, размысливъ, хорошо обдумавъ, съ искренними, хорошими порывами.

Когда ты видишь, что (человѣкъ) говоритъ и проситъ засвидѣтельствовать рѣчь его, а иногда приводитъ клятвы, то уже смѣшалъ онъ истину съ ложью, потребовалъ свидѣтельство относительно неизвѣстнаго, и говоритъ сообразно (лишь) со своими мыслью и воображеніемъ.

Къ хорошимъ качествамъ рѣчи (принадлежатъ): признать истиной ея произнесеніе, остерегаться вреднаго въ ней и лжи, приводить доказательства и вѣрный примѣръ, выставлять одобряемое и принимаемаемое, сравнивать подходящія и сходныя вещи, начинать ее по существу, во время, правдиво [2]).

61б Говоритъ онъ: къ хорошимъ качествамъ доставленія письма (принадлежатъ) тѣ же пріемы, которые я описалъ тебѣ относительно разговора, такъ какъ онъ собственно замѣняетъ письмо, только слѣдуетъ доставляю-

1) Слова في حسن دعيّة остаются намъ не ясными.

2) Заключеніе фразы мы переводимъ условно, такъ какъ въ текстѣ недостаетъ глагола.

щему письмо беречь порученное ему, хотя бы и старался при разговорѣ войти въ довѣріе нуждающійся въ немъ [т. е. письмѣ].

Говоритъ онъ: когда ты видишь человѣка много интригующаго и обманывающаго въ жизни, знай, что это не можетъ быть привычкой человѣка съ характеромъ хорошимъ, смиреннымъ, уступчивымъ.

Кто привыкъ къ смиренію и покорности, не въ обычаѣ у того запрещеніе, отказъ, прикрытіе предлогами.

Въ чьемъ нравѣ—щедрость, великодушіе и т. п....

Отдѣлъ о разгадываньи по произнесенію (словъ), молчанію, голосу, рѣчи и т. п.

Говоритъ онъ: Хосрои разгадывали въ пустомелѣ, многорѣчивомъ — низкаго, презрѣннаго (человѣка); въ много льстящемъ — коварнаго; въ мягко говорящемъ, тихо излагающемъ, сладкорѣчивомъ — дурного; въ долго молчащемъ, мало говорящемъ, — хитреца или порочнаго; въ быстро говорящемъ, — сердитаго; въ запкѣ, грубо и плохо говорящемъ, — упрямаго или несовершеннаго.

Они говорили: неспособность выражать свои мысли — неясность въ 62a
понятіяхъ, бормотанье въ языкѣ, изъянъ въ изложеніи.

Они говорили: всякій многорѣчивый — малопонятливый пустомеля.

Они говорили: кто много говоритъ — мало дѣлаетъ.

Они говорили: остерегайся всякаго, кто говоритъ больше, чѣмъ дѣлаетъ, и остерегайся льстеца, не основывайся на словахъ его и не вѣрь ему.

Кто много говоритъ, не хорошъ въ дѣлѣ своемъ.

Кто много молчитъ и мало говоритъ, взоръ того думаетъ и молчаніе размышляетъ.

Эти качества свойственны ученымъ и мудрецамъ.

Если же человѣкъ не бываетъ ни тѣмъ, ни другимъ, то молчаніе является неспособностью къ изложенію, размышленіе — нерадѣніемъ, соображеніе — безпечностью. Это свойства глупцовъ и невѣждъ.

Говорятъ мудрецы: для каждой вещи извѣстны смыслъ и польза, кромѣ размышленія безумцевъ: мудрый, размышляя, принимаетъ въ соображеніе и испытываетъ; невѣжда, размышляя, растеривается и смущается. Арабы говорятъ: такой-то — пустомеля и рѣчь его вздоръ и вранье, если нѣтъ отъ нея пользы. И когда порицаютъ человѣка говорятъ: онъ говоритъ больше, чѣмъ дѣлаетъ и дѣлаетъ меньше, чѣмъ говоритъ. И сказано: «Когда умолкаютъ, чтобы слушать рѣчь, они говорятъ, и хорошо говорятъ; но (часто) за хорошимъ словомъ слѣдуетъ противорѣчащее дѣяніе.

Они порицают земную жизнь, а сами сосут ее, (поглощая) безъ остатка [букв. пока не потечетъ наростъ на вымени]».

62б Глава о физіономикѣ: (гаданію) по знакамъ тѣла человѣка, головы, волосъ и т. п.

Говоритъ Абӯ ʿУсмāнъ ал-Джāхизъ: Знай, что вещи, познаваемыя чувствами, познаются однимъ изъ пяти чувствъ, именно: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ, осязаніемъ. И вещи, познаваемыя ими, двухъ видовъ: несомнѣнныя и доказываемыя. Доказываемый видъ тотъ, который нуждается въ приведеніи доказательства, свидѣтельства, указанія и разъясненія, чтобы упрочиться и утвердиться въ умѣ и стать какъ бы воспринятымъ чувствами; это случается съ отвлеченными вещами. Несомнѣнный же видъ воспринимается пятью чувствами, о которыхъ мы только что упомянули. (Итакъ), въ этихъ (вещахъ во-первыхъ отмѣчаются) тѣ, относительно которыхъ (всѣ) согласны,—знатные и простые, умные и глупые—и относительно которыхъ не нужно приведенія доказательствъ, и (во-вторыхъ) тѣ, которыя ясны для однихъ и сокрыты отъ другихъ, и нуждаются въ (разборѣ) учеными, людьми опыта и сужденія. Для этого-же человѣкъ (долженъ) быть хорошо воспринимающимъ чувствами и мыслями, проницательнымъ, опытнымъ, многознающимъ; чтобы онъ, увидѣвъ (отличительный) знакъ человѣка, особен-
63а ность его темперамента или его движеніе, и услышавъ рѣчь его или увидѣвъ поступки, позналъ бы главную составную часть его, о которой и не думаетъ масса людей. Это познаетъ лишь человѣкъ съ сильной душой или долгимъ опытомъ.

Изъ этого (приведемъ слѣдующіе примѣры): Если ты видишь человѣка, быстраго въ движеніяхъ, быстро запоминающаго, то знай, что онъ забывчивъ, и пропадаетъ (изъ его ума) то, что онъ запоминаетъ.

А медленный въ движеніи всего лучше запоминаетъ вещи и наименѣе забывчивъ.

Поэтому (же) говорятъ: Когда въ темпераментѣ человѣка побѣждаетъ черная желчь, — глубока мысль его, хорошо у него сужденіе, продолжительна и устойчива (?) память, а это отъ тяжести и постоянства движеній, которыя, когда тверды, сохраняютъ (равновѣсіе) частей тѣла. Поэтому обладающій черной желчью (въ темпераментѣ) имѣетъ медленное біеніе пульса, имѣетъ тонкія вены, мало подвиженъ, и темпераментъ его имѣетъ пользу въ движеніи и силенъ въ немъ.

Когда ты видишь, что вены человѣка сильно бьются, лицо красно, волосы стоятъ, то это указываетъ на смѣлость и подвижность, и человѣкъ въ такомъ положеніи скоро подвергается болѣзнямъ, перемѣнчивъ, не

твердъ въ жизни, въ обѣщаніи, въ обязательствѣ, преобладаютъ въ немъ ложь, обманъ, неправда; много онъ совокупляется, иногда (же и) развратенъ.

Когда при этомъ дрожитъ голова его, это указываетъ на болѣзнь или путешествіе.

Если стоятъ прямо волосы на головѣ его, указываетъ это на ра- 63б
зореніе.

Если дрожитъ правая сторона и волосы стоятъ, это указываетъ на большое благо.

Влажность съ жаромъ и полнокровіемъ указываютъ на (появленіе) судорогъ.

Говоритъ онъ: И когда бываетъ въ лицѣ, щекѣ, половинѣ головы и шеѣ (судорога), это указываетъ на параличъ и апоплексію, и обладающій этимъ не бываетъ здравомыслящимъ, а ослѣпленъ въ сердцѣ, со злобой и алчностью въ душѣ, съ завистью въ печени, съ печалью въ груди, съ болѣзнью въ членахъ, со злобой во внутренностяхъ.

Говоритъ онъ: когда ты видишь, что вены человѣка быстро бьются, нѣтъ въ лицѣ его красноты, и видишь, что у него преобладаютъ желтизна и сухость губъ, то господствуетъ у него желтая желчь, онъ быстро движется, мало помнитъ, мало вспоминаетъ, быстро забываетъ, преобладаютъ у него горячность и зло, онъ — трусъ трепещущій, отчаявающійся, сильно остерегающійся. И если ты видишь при этомъ дрожь правой стороны его головы, то знай, что онъ отчаянный трусъ.

Когда на лицѣ человѣка родимое пятно, или много пятенъ, или на глазахъ и щекѣ его краснота, похожая на (получаемую отъ) пощечины или на родимое пятно, и тому подобное, слѣдуетъ остерегаться и опасаться его.

Когда передняя часть головы обнажена отъ волосъ, то этотъ человѣкъ съ хорошей природой, благороденъ душой, а когда закрыта, то чело- 64а
вѣкъ (этотъ) недостойный, тяжелый, глупый, неблагородный.

Арабы порицаютъ длинные волосы и хвалятъ недостатокъ волосъ и отсутствіе ихъ на вискахъ, и говорятъ, что это свойство благородныхъ и отважныхъ. Сказалъ поэтъ: «Если раздѣлитъ насъ судьба, не выходи ты замужъ за человѣка, съ волосами на затылкѣ и лицѣ, не лишеннаго волосъ на вискахъ». И когда волосы на затылкѣ и лицѣ, то это еше болѣе безобразно и отталкиваетъ.

Говоритъ онъ: когда ты видишь, что вены лица бьются и сильно движутся[1]), это указываетъ на большое зло.

1) Вставная фраза текста «и когда онѣ остаются на лицѣ (и) ты видишь ихъ бьющимися» не вполнѣ мнѣ понятна въ данномъ мѣстѣ.

Когда вены обозцачаются на лицѣ краснотой, это указываетъ на дурную душу и силу ея.

Говоритъ онъ: если же это бываетъ при желтомъ цвѣтѣ (лица), то указываетъ это на ничтожество души, холодъ темперамента, холодъ ощущенія, малую способность различать (вещи). Иногда же (этотъ человѣкъ) бываетъ сильнымъ.

Ухо не движется. Когда же ты видишь человѣка, двигающаго ухомъ по желанію, знай, что онъ алченъ, съ собачьей душой, въ немъ качество дикаго звѣря (соединяется) съ ничтожностью, онъ трусъ, алченъ, низокъ.

Говорятъ нѣкоторые специалисты въ физіономикѣ: когда ты видишь,
64б что человѣкъ движетъ ушами, когда желаетъ, знай, что у него собачья натура съ большой трусостью и низостью души.

Говоритъ онъ: когда ты видишь, что волосы растутъ въ ухѣ, знай, что (человѣкъ этотъ) долго проживетъ.

Когда ты видишь маленькое, крошечное ухо, это указываетъ на хорошее качество души и натуры, любезность.

Когда бываетъ оно большимъ, это указываетъ на низость (натуры), и иногда бываетъ (этотъ человѣкъ) порочнымъ или вороватымъ и т. п.

Говоритъ онъ: когда вены человѣка спокойны и вѣки опущены, склонены, преобладаетъ въ немъ влажность, онъ глупый, мало думающій, изобилующій страстями и забывчивостью.

Говоритъ онъ: и если такъ, а въ глазу его ячмень или бѣльмо, то это указываетъ на глупость съ алчностью души, низостью помысла, сильной скупостью.

Когда ты видишь при этомъ, что правые щека, глазъ и (правая сторона) губы трясутся, это указываетъ на благо; если же лѣвые, то это указываетъ на зло, которое постигнетъ, и слѣдуетъ опасаться его.

Говорятъ специалисты въ (изученіи) судорогъ и (тому подобныхъ) знаніяхъ: когда дрожитъ шея, это указываетъ на бѣдствіе и горе, которыя постигнутъ человѣка.

Говорятъ специалисты въ физіономикѣ: когда длинна и узка шея, человѣкъ глупъ, мало вспоминаетъ и думаетъ.

Если она слаба или крива, то это указываетъ на заблужденіе сердца,
65а глупость, небрежность.

Говоритъ онъ: когда трясется плечо, то это указываетъ на власть, санъ, высокій постъ и т. п.

Говоритъ онъ: и когда между плечами родинка или веснушка, то это указываетъ на превосходство или на начальствованіе и высокое мѣсто.

И также когда бываютъ (онѣ) подъ мышкой, то это указываетъ на славу и достоинство.

Когда въ родинкѣ волосы, это указываетъ на силу души, крѣпость ея, на смѣлость, превосходство, отвагу.

Когда дрожитъ находящееся между плечами родимое пятно, то это указываетъ на великое дѣло, которое получитъ человѣкъ, и большое повышеніе, а иногда указываетъ на большую власть.

Говоритъ онъ: когда дрожитъ правое плечо, это указываетъ на то, что что-нибудь попадетъ человѣку въ руки и на благо, которое онъ получитъ.

А когда (дрожитъ) лѣвое (плечо), то это указываетъ на потерю, которая постигнетъ его.

Если будетъ на лѣвомъ (плечѣ) веснушка или родинка, это указываетъ на благо, равно какъ и на правомъ также указываетъ на благо.

Когда дрожитъ правый локоть, то это указываетъ на большое благо, иногда же указываетъ на отвагу и силу.

Если будетъ на немъ веснушка или родинка, то это указываетъ на силу души, высоту помысла, благо, которое получитъ человѣкъ.

Если же будетъ на лѣвомъ, то это указываетъ на обратное.

Когда дрожитъ животъ, это указываетъ на радость и большое веселіе человѣка; и если на немъ [т. е. животѣ] будутъ веснушки или родинка, то это указываетъ на благо. 656

Говоритъ онъ: и если это женщина, то это указываетъ на обиліе потомства, и притомъ мужского.

Говоритъ онъ: если вены сухи, то преобладаютъ въ человѣкѣ холодность, сухость, глупость, забывчивость, и если у него веснушка или родинка, то это еще больше подтверждается.

Когда волосы головы закручиваются, указываетъ это на горе человѣка, большую усталость, тайную озабоченность, а иногда указываетъ и на глупость.

Говорятъ физіономисты: воспоминанія всего больше у стариковъ, память всего быстрѣе у юношей.

И говорятъ другіе: юность въ полномъ расцвѣтѣ и быстрота движенія мѣшаютъ твердости памяти и не мѣшаютъ быстротѣ ея, потому что у быстраго въ движеніи нѣтъ твердости, а у стариковъ она тверже. Поэтому ты видишь, что старикъ держится одного мнѣнія и убѣжденія, потому что опытъ старика сильнѣе опыта молодого, а быстрота молодого сильнѣе быстроты старика и сообразно съ силами его проявляется быстрота его въ усиліяхъ къ движенію.

Говоритъ онъ: когда сильно движеніе, дѣлается разжиженіе крови, потому что отъ движенія (получается) разжиженіе крови и слабость ея, а при слабости ея разливается она и высушиваетъ ее природный жаръ.

Говоритъ онъ: въ старикѣ холодъ, влажность, медлительность; ему
66a надо много воспринимать, а память его слаба, (хотя) воспоминаніе сильно, и всякій разъ, когда хочетъ онъ ускорить движеніе, оно совсѣмъ не удается ему, и овладѣваютъ имъ газы и воспаленіе, и приводятъ его къ легкомыслію и безразсудству.

Глава о знакахъ въ человѣкѣ—о родинкахъ и веснушкахъ.

Говоритъ онъ: знай, что не стираются знаки въ природѣ человѣка, и если человѣкъ старается скрыть и спрятать ихъ, природа проявляется и обнаруживается. И неизбѣжно обнаруживаетъ природу человѣка Всевышній Богъ въ дѣяніи, движеніи и жестахъ его. И Коранъ уже разъяснилъ это, и изложилъ, и указалъ объясненіе для пророка (да благословитъ его Богъ и да спасетъ!). И сказалъ Всевышній: «Если бы мы желали, мы указали бы ихъ тебѣ; ты узнаешь ихъ по знаку ихъ, ты узнаешь ихъ по тону ихъ рѣчи» [Коранъ, 47,32]. И сдѣлалъ онъ слово признакомъ, и сдѣлалъ онъ знакъ (тоже) признакомъ. Сказалъ поэтъ: «Все, что имѣется въ природѣ человѣка, хотя бы онъ считалъ это скрытымъ отъ людей, (все) узнается». Признакъ человѣка указываетъ на хорошее, дурное, низкое, честное, вѣрное и т. п. въ природѣ его.

Говоритъ онъ: это приводятъ физіономисты какъ доказательство,
66б сравнивая природу человѣка и признаки всего тѣла его.

Говорятъ они: когда велика голова, это указываетъ на обиліе головного мозга и костяного мозга, на влажность, на умъ человѣка. И когда мала голова, указываетъ это на глупость, легкомысліе. Арабы называютъ (человѣка) съ маленькой головой «саʿль»; онъ у нихъ порицается, обладающій ею не родовитъ, трусливъ, скупъ, похожъ головой на страуса, такъ какъ страусъ малоголовъ, быстро убѣгаетъ, очень трусливъ. Сказалъ поэтъ: «Малоголовый (страусъ постоянно) возвращается въ Зу-л-ʿУшайру, къ своимъ яйцамъ, видомъ похожъ на носящаго длинную шубу, корноухаго раба».

Говоритъ онъ: Когда на головѣ два пучка волосъ и въ нихъ веснушка или родинка, человѣкъ будетъ утомленъ, опечаленъ.

Когда на головѣ мало волосъ, это также указываетъ на усталость, озабоченность, взволнованность.

Если будетъ родинка между глазами, надъ правой частью лба, то человѣкъ этотъ—прелюбодѣй, развратникъ, не долго живущій, съ дурными правилами.

Если будетъ она надъ лѣвой стороной лба, то человѣкъ утомится и достигнетъ власти съ усталостью, затрудненіемъ, тяготой.

Говоритъ онъ: когда родинка надъ правымъ вѣкомъ, то человѣкъ искусный мастеръ во всякомъ дѣлѣ.

Когда она надъ лѣвымъ, человѣкъ (этотъ) благочестивъ, праведенъ, 67а
богобоязненъ.

Когда она въ основаніи уха, то онъ имѣетъ злой характеръ, споритъ съ родственниками.

Если родинка черна, то онъ праведенъ и получитъ главенство, и указываетъ это на отвагу.

Если она слѣва, вся жизнь его будетъ въ печали.

Когда она въ основаніи носа, на краю глаза, у него много враговъ.

Если будетъ она на лѣвой сторонѣ лба его и надъ плечомъ, то это человѣкъ обиженный, (но) получающій главенство.

Если будетъ родинка между глазами его, онъ будетъ важнымъ, внушающимъ страхъ, любимымъ, и (вмѣстѣ съ тѣмъ) знающимъ, праведнымъ.

Если родинка будетъ надъ верхушкой плеча, праваго или лѣваго, будетъ человѣкъ долго жить и переживетъ всю свою семью.

Если будетъ она на соединеніи лѣваго плеча съ шеей или съ рукой, будетъ жизнь его гибельна и утомительна.

Если будетъ она на (соединеніи) праваго, онъ достигнетъ высокаго поста.

Если будетъ она на правой сторонѣ носа, онъ будетъ богобоязненнымъ, праведнымъ.

Если же на лѣвой, будетъ онъ усталымъ, мученикомъ.

Если будетъ она надъ правой щекой, онъ будетъ занятымъ, усталымъ, и достигнетъ блага лишь послѣ большого утомленія.

Если будетъ она на краю праваго уха, человѣкъ этотъ будетъ опечаленъ, утомленъ, слабъ.

Если будетъ она на краю лѣваго, сверху или снизу, это указываетъ на 67б
большое благо и большую радость.

Если будетъ она на краю верхней губы слѣва, указываетъ это на любовь женщинъ и страсть ихъ.

Если будетъ она на концѣ носа его, то не будутъ жить у него дѣти, а онъ (самъ) будетъ жить долго.

Если будетъ она подъ концомъ носа, онъ будетъ жертвой хитростей, (но) люди полюбятъ его (въ концѣ концовъ) и склонятся къ нему.

Если будетъ на горлѣ родинка или веснушка, то это указываетъ на большое благо, душевную радость, хорошее качество природы.

Если будетъ она на горловомъ хрящѣ, это указываетъ на путешествіе и удаленность.

Если будетъ она на правой сторонѣ шеи, то это самое сильное указаніе на путешествіе и удаленность.

Если будетъ она на задней сторонѣ шеи его[1]), слѣва, на соединеніи съ рукой, будетъ онъ богатъ, утомленъ, владѣть скотомъ, верблюдами, пашнями, хлѣбомъ.

Когда будетъ она на соединеніи съ рукой праваго плеча, указываетъ это на долгую жизнь, хорошее существованіе.

Если будетъ она на лѣвомъ, то это указываетъ на то, что онъ будетъ владѣть скотомъ, пашнями, земельными угодьями, возвышеннымъ положеніемъ.

Если будетъ она близъ праваго локтя, и при этомъ будутъ отмѣтки, это указываетъ на горе и заботу отъ родителей.

68a Если будетъ она на правомъ и лѣвомъ плечахъ, это указываетъ на большую славу, возвышеніе среди близкихъ и пользующихся извѣстностью.

Если будутъ родинка и веснушки на груди его, надъ сосцами, (темныя) всѣ какъ смола, быть ему главой дома и начальникомъ надъ сородичами.

Если будутъ родинка, или веснушки, или отмѣтки, на животѣ человѣка, онъ получитъ большое благо и избавится отъ зла, если пожелаетъ Всевышній Богъ.

Говоритъ онъ: если будетъ родинка съ лѣвой стороны задняго прохода, то это указываетъ на злобу, и достигнетъ онъ важнаго дѣла.

Если будетъ родинка на сердцѣ, и будетъ она очень чернаго цвѣта, то человѣкъ этотъ развратный, дурной, торопливый, легкомысленный, очень глупый и жадный.

Если будетъ она на животѣ, то этотъ человѣкъ прелюбодѣй, съ низкой душой, завистливый, очень хитрый.

---

1) Это значеніе رقبة я вывожу изъ слѣдующихъ словъ анатомическаго трактата въ изданіи P. de Koning, Trois traités d'anatomie arabe par Muḥammed ibn Zakariyyā al-Rāzī, ʿAli ibn al-ʿAbbas et ʿAli ibn Sīnā, texte inédit de deux traités, trad. de —, Leide, 1903, 122—123: و عظم الصلب ينقسم الى أربعة أجزآء أحدها العنق و هو الرقبة والثانى الظهر و هو العظم العريض والثالث الحقو و يقال له القطن و الرابع العجز т. е. позвоночный столбъ дѣлится на четыре части: 1) шея т. е. *ракаба*, 2) спина, 3) поясница, наз. *катанъ* и 4) крестцовая кость. См. также Bollettino italiano degli studii orientali, Nuova Serie, Num. 7, 134.

Если будетъ она на пупѣ, то этотъ человѣкъ прелюбодѣй, любимый, и получитъ власть и господство.

Если будетъ она на животѣ, въ мѣстѣ пояса, спереди, будетъ онъ со слабымъ сердцемъ, со сквернымъ положеніемъ, съ дурной жизнью, прелюбодѣемъ.

Если будетъ она слѣва, человѣкъ (этотъ) трусъ, боязливъ, (но) благочестивъ.

Если будетъ родинка или черный знакъ подъ мышками, то человѣкъ этотъ будетъ имѣть счастье, славу, господство и властвовать надъ 68б
своими.

Если будутъ родинка или веснушки на спинѣ человѣка, то онъ педерастъ, (но) красивый и съ хорошей душой.

Если будутъ онѣ съ правой стороны спинного хребта, попадетъ онъ на языкъ враговъ своихъ.

Если будетъ черный знакъ надъ частью спины, прилегающей къ спинному хребту, то человѣкъ этотъ будетъ пораженъ въ умѣ.

Если будетъ родинка въ серединѣ спинного хребта, справа, получитъ онъ власть и славу.

И если слѣва, постигнутъ его безславіе и позоръ.

Если будетъ она на спинѣ его, съ лѣвой стороны, положеніе его будетъ затруднительно и онъ будетъ нуждаться въ людяхъ.

Если будетъ родинка на одной изъ ягодицъ его, то это указываетъ на смерть кого-нибудь изъ семьи его и на то, что онъ переживетъ ихъ.

И если это будетъ женщина, то умретъ человѣкъ, который дорогъ ей.

Если будетъ черный значекъ или черная веснушка на ляшкѣ, на сторонѣ обращенной къ другой ляшкѣ, человѣкъ будетъ богатъ, достигнетъ славы, власти, блага, возвышеннаго положенія.

Если будутъ они на правой сторонѣ, то созданъ онъ для того, чтобы быть могущественнымъ царемъ и сильнымъ правителемъ.

Говоритъ онъ: если будетъ родинка на правой сторонѣ или черная точка въ верхней части правой ляшки, то человѣкъ этотъ будетъ великодушенъ, будетъ любить славу, восхваленіе, неразуміе, глупость и будетъ считаться глупымъ, безумнымъ[1]).

Если будетъ она на правомъ колѣнѣ, ближе къ низу, указываетъ это на 69а
порокъ въ немъ.

Если будетъ она на членѣ, то человѣкъ этотъ отважный, умѣло сражающійся.

---

1) Переводъ этой фразы условенъ; возможно, что текстъ въ этомъ мѣстѣ попорченъ.

Если будетъ она на верхней части лѣвой ляшки, то человѣкъ этотъ философъ, мудрецъ.

Если будетъ она на лѣвомъ колѣнѣ, получитъ онъ важный постъ, богатство, имущество.

Если будутъ (родинки) на обоихъ колѣнахъ, будетъ онъ во главѣ своихъ, предводителемъ ихъ, владѣть достаткомъ и богатствомъ.

Если будутъ онѣ на голеняхъ его, это указываетъ на путешествіе, злополучіе, странствіе, усталость.

Если будутъ онѣ на пяткахъ его, будетъ онъ во главѣ своихъ и другихъ людей, мастеръ во всякомъ ремеслѣ, во всякомъ вопросѣ, котораго коснется, искуснымъ во всемъ, что дѣлаетъ.

Если будетъ черная точка на ступняхъ его, это указываетъ на большое утомленіе, необходимость приводить извиненія въ (исполненіи разнаго рода) дѣлъ, на незначительное количество мысли и знанія, на слѣпоту сердца.

Если будетъ она на рукахъ его, (это указываетъ на то, что) онъ переселится.

Если будетъ она на лѣвой кисти, будетъ онъ скромнымъ, праведнымъ, стыдливымъ.

Если будетъ въ нижней части ноги его черный знакъ, будетъ онъ измѣнчивъ въ своемъ мнѣніи.

И если это будетъ женщина, то она будетъ разносить сплетни или будетъ порочна.

Знаки въ женщинахъ.

Тѣ женщины, на груди которыхъ будетъ черная или красная родинка, на подобіе пуговицы рубашки, похоронятъ перваго и второго мужа и нѣкоторыхъ дѣтей.

69б Та (женщина), у которой будетъ черный знакъ, или (отмѣтка) въ родѣ маленькой пуговицы рубашки или чечевичнаго зерна, у корней рѣсницъ ея глазъ, такая женщина убѣжитъ отъ мужей и возненавидитъ ихъ, будетъ жестокосердой, грубой.

Говоритъ онъ: та, у которой на груди или на бедрѣ будетъ черный знакъ, имѣетъ хорошую душу, любитъ хорошее и благополучное для каждаго, благочестива, религіозна.

У кого изъ женщинъ или мужчинъ черный знакъ, или родинка, или точка, или черная или красная веснушка, на одной сторонѣ носа, тѣ будутъ богаты, благополучны, праведны, будутъ любить все хорошее и полезное. И Богъ знаетъ все лучше всѣхъ!

Глава о познаніи дрожанія и біенія венъ.

Говорятъ: (когда) у кого-нибудь дрожитъ темя или черепъ головы, это указываетъ на болѣзнь или путешествіе. Говорятъ нѣкоторые изъ мудрецовъ: это указываетъ на высоту помысловъ и на то, что онъ достигнетъ высокаго положенія.

Когда у кого-нибудь дрожитъ кожа на головѣ или встаютъ волосы на ней, это указываетъ на разореніе. И нѣкоторые говорятъ: это указываетъ на безсердечность, плохую природу, трусость, боязливость.

Когда дрожитъ правая сторона головы, это указываетъ на грядущее благо.

Если же лѣвая, это указываетъ на разореніе.

Когда бьются вены головы и висковъ, это указываетъ на скорую 70а
болѣзнь отъ крови и жара, и указываетъ (также) на страхъ, боязливость и безсердечіе человѣка.

Когда дрожитъ лобъ и бьются въ немъ многія вены, это указываетъ на горе и печаль или на воспаленіе глазъ, происходящее отъ крови.

Если у кого-нибудь дрожитъ правая сторона лица, это указываетъ на благо.

Если же лѣвая, то указываетъ на зло.

Когда дрожитъ середина лица, это указываетъ на горе и печаль.

Если дрожитъ глазное вѣко, это указываетъ на благо.

Когда движутся и бьются вены лица и вѣкъ, безъ дрожи (?) и безъ причины, (этотъ человѣкъ) дурной, клеветникъ, поноситель, чернящій и злословящій людей.

Когда дрожитъ край носа, это указываетъ на разореніе.

Если движутся вены губъ и носа, безъ дрожи (?), и біеніе ихъ сильно, или появляется при этомъ краснота, то это указываетъ на болѣзненныя измѣненія въ лицѣ и глазѣ.

Если (будетъ это) безъ красноты, нужно опасаться человѣку, что лицо его перекосится и свернется на сторону.

Подобное этому (бываетъ) также, если движется челюсть.

Когда дрожитъ правое ухо, это указываетъ на благо и добро.

Когда лѣвое, то это указываетъ на печаль и разореніе.

Если движутся вены его, безъ дрожи (?), это указываетъ на боль или поврежденіе, которое случится въ ушномъ каналѣ и язвы, которыя появятся въ головѣ.

Если дрожитъ шея, это указываетъ на утомленіе и усиліе. 70б

Если бьются вены ея [т. е. шеи], это указываетъ на крѣпкую (?) кровь или на грядущее событіе.

Если дрожатъ плечи, это указываетъ на власть и славу.

Если безъ дрожи трепещутъ (?) они, это указываетъ на грядущій страхъ или холодную болѣзнь.

Если дрожитъ середина бороды и трепещетъ подбородокъ, это указываетъ на благо.

Если движутся тамъ вены безъ дрожи (?), это указываетъ на то, что кровь прилила отъ головы.

Если дрожитъ правая часть рта подъ бородой, это указываетъ на благо.

Если слѣва, это указываетъ на зло, и считается дурнымъ.

Если движутся въ немъ [т. е. во ртѣ] вены, безъ дрожи (?), это указываетъ на разстройство слизей, спустившихся отъ головы къ бородѣ и къ челюстямъ, и ему хорошо пустить кровь—кровососной банкой или (простымъ) кровопусканіемъ.

Когда дрожатъ члены, это указываетъ на страхъ, боязнь, трусость.

Если же двигаются въ нихъ [т. е. въ членахъ] вены, безъ дрожи (?), или . . . . . въ локтяхъ, это указываетъ на теченіе крови въ венахъ.

Когда дрожитъ правый локоть, это указываетъ на благо.

Если же лѣвый, то указываетъ это на зло и потерю.

Когда дрожитъ животъ, это указываетъ на большую радость. И если это упрочивается въ немъ, и дѣлается привычкой, этотъ человѣкъ—похотливъ, возбудимъ, любитъ соитіе и совокупленіе.

71a И если это женщина, то она любитъ похотливость, наслажденіе, рожаетъ дѣтей мужского пола.

И также дрожаніе пупа сильнѣе указаніемъ для женщинъ, чѣмъ для мущинъ въ отношеніи совокупленія и наслажденія.

Дрожаніе ягодицъ и ляшекъ указываетъ на радость.

Дрожаніе голеней указываетъ на усталость сердца и печаль.

У кого дрожатъ ступни и лодыжки, тотъ усталъ сердцемъ, обезсиленъ душой. И Богъ знаетъ все лучше.

Глава о сужденіяхъ Индійцевъ, ихъ гаданіи, физіономикѣ, познаваніи ими будущаго.

Знай, что у Индійцевъ, въ сокровищницахъ ихъ царей (имѣется) книга сужденій, въ которой они возводятъ (эти сужденія) къ старымъ принципамъ и ученіямъ. Большая часть ея (лишь) предположеніе, фантазія, представляющаяся имъ случайность, такъ какъ нѣтъ прочнаго доказательства для большей части того, о чемъ они говорятъ. И у нихъ также книга «Джафръ», по которой они судятъ о дѣлахъ, вершающихся въ (теченіе) года,

и ищутъ они указаній для познаванія этого въ стоянкахъ луны за каждую ночь. Ихъ двадцать восемь стоянокъ, пока не сдѣлается (луна), какъ согнувшаяся старая вѣтвь пальмы. [Ср. Коранъ, 36,39: т. е. пока не станетъ она походить на засохшую вѣтвь пальмы, изгибающуюся въ видѣ серпа]. Они судятъ по ней [т. е. по лунѣ] всякій разъ, какъ она увеличивается или уменьшается, поднимается и опускается, противопоставляя (это положеніе луны) ея предшествовавшему (положенію). У нихъ сужденіе по четыремъ вѣтрамъ, по
дуновенію съ сѣвера, юга, востока и запада, и по облакамъ, въ измѣненіи 71б
ихъ цвѣтовъ. Изъ этого узнаютъ они признаки голода, плодородія, дороговизны, дешевизны, благополучія, страха, измѣненія правительствъ и возбужденія мятежей.

У нихъ познаваніе будущаго, отличное отъ арабскаго. Это (различіе заключается) въ томъ, что Арабы, когда познаютъ будущее, слушаютъ воркованіе голубей, или голосъ птицъ, или внезапное появленіе животныхъ, благополучный или неблагополучный проходъ ихъ, или трескъ деревьевъ, или вѣяніе вѣтра или т. п., то судятъ по этому и не нуждаются при этомъ (еще) во второмъ доказательствѣ, — познаваніи (будущаго) изъ восходящей или заходящей звѣзды, или заходящаго (солнца), или положенія луны въ станціи счастливой или противуположной счастью т. е. злополучной, въ (положеніи) «соединенія», «учетвеpенія», «утроенія», и не опираются ни на что подобное, — Индійцы же познаютъ будущее, выводятъ предзнаменованія и ищутъ указаній въ земныхъ явленіяхъ, соединяя ихъ съ небесными. Они смотрятъ на луну, на ея знакъ зодіака и станцію, восходитъ ли она или заходитъ, (на то) гдѣ несчастная и счастливая (звѣзда), какъ ея «приближеніе», «соединеніе», «разъединеніе», «возвращеніе» и т. п. И не судятъ они по одному явленію, — у нихъ много положеній, изъ которыхъ познаютъ они событія. У нихъ двадцать пять положеній, называемыхъ «положеніями звѣздъ», упомянутыя
въ книгахъ о звѣздахъ, и нѣкоторые считаютъ ихъ пятнадцать, — какъ то: 72а
(положенія) «соединенія», «раздѣленія», «бросанія лучей», «обращенія одной звѣзды къ другой», «дальности ея», «близости», «любви ея», «ненависти», «возвращенія ея» и т. п. И у нихъ земныя указанія расположены въ таблицу въ двадцать пять положеній. Когда происходитъ какое-нибудь изъ нихъ, они смотрятъ гдѣ луна, въ какомъ знакѣ зодіака, въ какой станціи, и судятъ о счастьи его или несчастьи, благѣ и злѣ, напр. о крикѣ ворона, воѣ осла, лаѣ собаки. И если кричитъ воронъ, и луна въ хорошемъ положеніи, судятъ по тому, что видятъ, о счастьи. И если лаетъ собака, и луна въ скверномъ положеніи, судятъ по тому, что видятъ, о несчастьи. И кто хочетъ найти эти положенія, смотритъ ихъ въ таблицахъ. И мы уже упомя-

нули ихъ какъ диковинки, не приводя рѣшенія. Это — крикъ ворона, ревъ осла, лай собаки, трескъ крыши, паденіе птицы, пыланіе огня, хрипъ мула, ржаніе лошади, крикъ пѣтуха, голосъ птицы, шелестъ дерева, вѣянье вѣтра, голосъ мыши, мяуканье кошки, грызенье мышью платья [1]), угасаніе свѣтильника, пятно на одеждѣ, входъ въ домъ животныхъ, встрѣча съ . . . .,
72б трескъ кресла и т. п. положенія. И сдѣлали они ихъ знакомъ и доказательствомъ. И стоянокъ луны двадцать восемь, изъ нихъ четверо сухихъ, вредныхъ, гибельныхъ, во время ихъ почти никогда не удается дѣло; это—ад-Дабаранъ [4 станція], ал-Гафръ [15 ст.], ал-Кальбъ-ал-ʿакрабъ [18 ст.], ас-Саʿд-аз-забихъ [22 ст.]; и (изъ нихъ) четверо счастливыхъ, онѣ влажныя, указывающія на плодородіе; это—ас-Сурайя [Плеяды, 3 станція], аз-Зубра [11 ст.], ал-Джабха [10 ст.], Батн-ал-Хутъ [28 ст.]. И у Арабовъ (имѣются) признаки, по которымъ они узнаютъ дожди и вызывающее ихъ созвѣздіе, но не судятъ они по нимъ о добрѣ и злѣ. И когда кто-нибудь желаетъ знать это [т. е. признакъ], онъ выводитъ указанія относительно этого изъ книгъ о созвѣздіяхъ и (лунныхъ) стоянкахъ. И книгъ познаванія будущаго, физіономики, рѣшеній, сужденій и указаній много, и рѣшенія различны, и Богъ лучше другихъ знаетъ истину.

Глава о познаваніи по физіономикѣ, знакамъ, точкамъ, прыщикамъ и прочему, собранному изъ словъ мудреца Иппократа, въ переводѣ Хунейна-ибн-Исхака.

Онъ говоритъ: Знай, что Всевышній Богъ сдѣлалъ (особый) знакъ для каждаго члена (тѣла) животныхъ и людей. Затѣмъ сдѣлалъ Онъ для этого знака и для этого члена покровъ здоровья и безопасности, и постоянно этотъ знакъ находится сокрытымъ подъ опущенной завѣсой, со-
73а храняемымъ за спущеннымъ покровомъ невредимости. Когда появляется (какой-либо) изъ этихъ знаковъ, то это указываетъ на приближеніе бѣдствія и появленіе ущерба, или на скорую смерть, или на приближающееся событіе. Говоритъ онъ: Иппократъ назвалъ эти знаки тайнами природы и приказалъ, чтобы они были положены съ нимъ въ могилу. И были они написаны на доскѣ, и положены съ нимъ (въ могилу). Говоритъ онъ: И когда пожелалъ Кесарь видѣть могилу Иппократа, онъ пришелъ къ ней для этого. И когда она (оказалась) разрушенной, онъ приказалъ возобновить ее, и при рытьѣ нашли въ ней ящикъ изъ слоновой кости, въ которомъ (была) плита съ этими знаками. И царь приказалъ возобновить ее, объяснить и пере-

1) Въ текстѣ еще прибавлено: «разрыванье платья نظائر الشّر».

вести. И была она переведена и объяснена. И значилось тамъ слѣдующее.

Говоритъ Иппократъ: Когда на лицѣ больного нечувствительная опухоль, и лѣвая рука его большую часть времени положена на грудь, знай, что онъ умретъ черезъ двадцать три дня, особенно же если онъ въ началѣ болѣзни прикасается къ ноздрямъ своимъ.

Говоритъ онъ: И когда въ колѣняхъ больного сплошь крѣпкія, толстыя опухоли, знай, что онъ умретъ черезъ восемь дней, особенно если въ началѣ болѣзни появляется обильный потъ.

Говоритъ онъ: И когда на шейной венѣ, производящей сонъ, маленькій
прыщъ въ видѣ точки, знай, что этотъ больной умретъ черезъ пятьдесятъ 73б
дней отъ начала болѣзни, и признакъ этого тотъ, что онъ въ началѣ болѣзни имѣетъ сильную жажду.

Говоритъ онъ: И когда на языкѣ крошечный прыщъ, похожій на песью муху или зернышко «хирва̒» [клещевина], знай, что человѣкъ этотъ умретъ въ этотъ день, и признакъ этого тотъ, что онъ въ началѣ своей болѣзни страстно желаетъ горячихъ по существу своему вещей.

Говоритъ онъ: И когда на пальцахъ маленькій черный прыщъ, въ родѣ чечевичнаго зерна, который болитъ, знай, что человѣкъ умретъ черезъ два дня послѣ заболѣванія, и признакъ этого тотъ, что онъ въ началѣ болѣзни тяжелъ тѣломъ.

И когда на большомъ пальцѣ лѣвой руки или на большомъ пальцѣ лѣвой ноги затвердѣлый, небольшой прыщъ въ родѣ боба, темно-сѣраго цвѣта, не болящій, знай, что больной умретъ черезъ шесть дней отъ начала болѣзни, и признакъ этого тотъ, что онъ въ началѣ болѣзни очень измѣняется.

И когда на среднемъ пальцѣ правой ноги прыщъ золотистаго цвѣта, знай, что человѣкъ умретъ черезъ двѣнадцать дней послѣ болѣзни, и признакъ этого тотъ, что онъ въ началѣ болѣзни имѣетъ сильное желаніе (ѣсть) пикантныя вещи.

Говоритъ онъ: И когда ногти пальцевъ темно-сѣраго цвѣта, а на лбу 74а
кровавый прыщъ, знай, что человѣкъ умретъ черезъ четыре дня отъ начала болѣзни, и признакъ этого тотъ, что у него въ началѣ болѣзни большая жажда, большая зѣвота.

Говоритъ онъ: И когда въ большихъ пальцахъ обѣихъ ногъ сильный зудъ и цвѣтъ шеи темно-сѣръ, знай, что человѣкъ этотъ умретъ на пятый день отъ заболѣванія, и признакъ этого тотъ, что онъ мочится въ началѣ болѣзни сильно, много, и моча испорчена.

Говоритъ онъ: И когда на вѣкѣ больного три прыща, одинъ черный, дру-

гой темно-сѣрый, третій рыжеватый, знай, что этотъ человѣкъ умретъ черезъ семнадцать дней отъ начала болѣзни и признакъ этого тотъ, что онъ сильно, много харкаетъ въ началѣ болѣзни.

Говоритъ онъ: И когда на одномъ вѣкѣ больного (имѣется) прыщъ въ орѣхъ, мягкій, темно-сѣраго цвѣта, знай, что онъ умретъ черезъ два дня и признакъ этого тотъ, что онъ въ началѣ болѣзни спитъ тяжелымъ сномъ.

Говоритъ онъ: И когда течетъ изъ ноздрей больного кровь рыжеватаго цвѣта и на правой рукѣ его появляется бѣлый прыщъ, не причиняющій боли, знай, что онъ умретъ черезъ два или три дня отъ начала болѣзни, и признакъ этого тотъ, что онъ совершенно не хочетъ ѣсть.

74б Говоритъ онъ: И когда появляется на лѣвой ляжкѣ больного сильная краснота, не причиняющая боли, длиной въ три пальца, знай, что онъ умретъ черезъ пятнадцать дней отъ начала болѣзни, а признакъ этого тотъ, что въ началѣ болѣзни сильный зудъ и страстное желаніе ѣсть овощи.

Говоритъ онъ: И когда за лѣвымъ ухомъ больного черный прыщъ, знай, что человѣкъ умретъ черезъ двадцать четыре дня отъ начала болѣзни и признакъ этого тотъ, что онъ страстно желаетъ въ началѣ болѣзни холодной воды.

Говоритъ онъ: И когда за лѣвымъ ухомъ твердый прыщъ въ родѣ горошины, знай, что человѣкъ этотъ умретъ черезъ двадцать дней отъ начала болѣзни въ тотъ часъ, въ который появился этотъ прыщъ, и признакъ этого тотъ, что онъ въ началѣ болѣзни много мочится.

Говоритъ онъ: И когда за правымъ ухомъ красный прыщъ, въ родѣ обжога огнемъ, величиной съ бобъ, знай, что онъ умретъ черезъ шесть дней послѣ болѣзни и признакъ этого тотъ, что онъ въ началѣ болѣзни много блюетъ.

Говоритъ онъ: У нѣкоторыхъ бываетъ боль въ кончикѣ penis'а, и когда у кого-нибудь бываетъ это, (а) затѣмъ появляется на локтѣ прыщъ темно-сѣраго цвѣта, (человѣкъ этотъ) умретъ на пятый день болѣзни,
75а и признакъ этого тотъ, что онъ въ началѣ болѣзни хочетъ много пить вина.

Говоритъ онъ: И когда подъ лѣвой мышкой является большой прыщъ, величиной съ айву, темно-сѣраго цвѣта, знай, что человѣкъ умретъ черезъ пятнадцать дней послѣ (начала) болѣзни и признакъ этого тотъ, что въ началѣ болѣзни у него тяжелый сонъ.

Говоритъ онъ: И когда на лодыжкѣ большой, темно-сѣраго цвѣта прыщъ, знай, что больной умретъ черезъ двадцать восемь дней отъ начала болѣзни, и признакъ этого тотъ, что онъ въ началѣ болѣзни страстно хочетъ холоднаго воздуха или холодной ѣды.

Говоритъ онъ: И когда на лѣвомъ вискѣ рыжеватаго цвѣта прыщъ, знай, что человѣкъ умретъ черезъ четыре дня отъ начала болѣзни и признакъ этого тотъ, что у него неизлѣчимый, сильный зудъ въ обоихъ глазахъ.

Говоритъ онъ: И когда въ серединѣ головы черная опухоль, въ родѣ орѣха, не высокая, знай, что человѣкъ умретъ черезъ сорокъ дней отъ начала болѣзни и признакъ этого тотъ, что въ началѣ болѣзни онъ много зѣваетъ.

Говоритъ онъ: И когда на груди черная опухоль, знай, что человѣкъ умретъ черезъ три мѣсяца отъ начала болѣзни, и признакъ этого тотъ, что въ началѣ ея онъ страстно хочетъ дыни и затрудняется въ испусканіи мочи, и иногда поражаетъ больного параличъ. 75б

Говоритъ онъ: И когда поражаетъ больного параличъ, и вылѣчится онъ, и снова заболѣетъ, то умретъ онъ по истеченіи полныхъ семи дней отъ начала возвратной болѣзни его. И иногда бываетъ знакъ, или прыщъ, или краснота, или что-нибудь, указывающее на это. И признакъ этого тотъ, что онъ поправляется во второмъ заболѣваніи, и при поправленіи (и) умираетъ.

Говоритъ (авторъ): я нашелъ еще слѣдующіе знаки, (взятые) изъ Иппократа и присоединяю ихъ къ этимъ отдѣламъ (книги).

Говоритъ Иппократъ: знаковъ сквернаго цвѣта семь: красный цвѣтъ, желтый, синій, черный, тусклый, темно-сѣрый, свѣтло-сѣрый.

Говоритъ онъ: Красный цвѣтъ указываетъ на изобиліе крови, иногда убиваетъ, иногда безопасенъ, (но) указываетъ на скорую болѣзнь.

Говоритъ онъ: Желтый цвѣтъ указываетъ на сильное разстройство, длинную болѣзнь, (однако) прекращающуюся.

Синій цвѣтъ — скверный знакъ; указываетъ на скорую смерть.

Говоритъ онъ: Черный цвѣтъ указываетъ на скверные знаки, (однако) проходящіе, а если съ нимъ являются прыщи, указываетъ на смерть.

Говоритъ онъ: Тусклый цвѣтъ съ зеленымъ оттѣнкомъ указываетъ на проходящую болѣзнь, а если безъ этого—указываетъ на длинную и (однако) проходящую болѣзнь.

Говоритъ онъ: Темно-сѣрый цвѣтъ указываетъ на разстройство, быстро проходящее, а если являются съ нимъ прыщи, указываетъ это на 76а плохіе знаки и смерть. . . . , особенно если являются съ ними прыщъ, или опухоль, или нарывъ, или почесыванье, или зудъ и т. п.

Знай это и сравнивай; тогда ты поступишь правильно, если пожелаетъ Всевышній Богъ. И Богъ знаетъ лучше всѣхъ, мы разсчитываемъ на Него и Онъ лучшая опора.

Слава Богу, Господу міровъ, и да благословитъ Богъ господина нашего Мухаммеда, потомство его и благороднѣйшихъ сподвижниковъ его, и да спасетъ!

Оконченъ списокъ въ оберегаемомъ Дамаскѣ, — да защититъ его Всевышній Богъ!—въ Понедѣльникъ 8 числа славнаго мѣсяца Рамадана 757 г.

Слава Богу, Единому!

Списалъ его бѣдный предъ Всевышнимъ Богомъ рабъ Абдуллāхъ-ибн-Сулеймāнъ-ибн-ар-Райхāнӣ ал-Маусылӣ (да проститъ его Богъ!).

III.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

1. Значеніе изданнаго текста. Вопросъ объ его источникахъ. Отрывки изъ А̄йн-на̄мэ въ арабской литературѣ. А̄йн-на̄мэ и отрывокъ изъ IX-ой главы Мерзба̄н-на̄мэ. Рамки псевдэпиграфическаго трактата Иппократа и Джа̄вида̄н-Хиреда. Переводы съ индійскаго въ сасанидскую эпоху и ихъ значеніе въ нашемъ вопросѣ. Древне-арабскіе переводы индійскихъ и персидскихъ книгъ суевѣрнаго характера. Изученіе примѣтъ.
2. Сношенія древней Персіи съ Индіей. Характеристика индійцевъ у Джа̄хиза. Гаданіе, книга и астрономическій терминъ «джафръ». Различіе индійскаго и арабскаго гаданій. — Переводъ цитаты изъ А̄йн-на̄мэ у Ибн-Кутейбы. — Значеніе и роль автора въ изданномъ трактатѣ.
3. Группировка примѣтъ. Календарныя примѣты: 1) церемоніальный календарь недѣли — парсійскіе трактаты (Хакӣкат-й-ро̄джха̄, Ма̄тӣга̄н-й-сӣ-ро̄джъ) и арабскіе литературные источники (Маха̄син-уа-л-адда̄дъ, 'Уӯн-ал-ахба̄ръ); примѣты церемоніальнаго раздѣленія мѣсяца въ сасанидскую эпоху; 2) примѣты по занятію въ началѣ года; 3) примѣты по росту ячменя тогда-же; 4) примѣты о побѣдѣ по дуновенію вѣтра; 5) Михрма̄хъ и А̄дарма̄хъ; связанныя съ ними примѣты; «выѣздъ безбородаго».
4. Примѣты о животныхъ; разница между ними и календарными примѣтами. Полезныя животныя. Примѣты о пѣтухѣ и курицѣ; пѣтухъ и курица въ парсизмѣ. Примѣты о собакѣ и роль ея въ парсизмѣ. Примѣты о ежѣ, лисицѣ, воронѣ, рогатомъ скотѣ, мелкомъ скотѣ, мулѣ, ослѣ. Примѣты о лошади и ея роль въ древней Персіи. Вредныя животныя. Волки, муравьи, лягушки, крысы, змѣи. Примѣты о змѣяхъ по сообщеніямъ Бӣрӯнӣ и парсійскимъ источникамъ. Персидскія примѣты о змѣяхъ и индійскій культъ змѣй. Близость сообщеній Бӣрӯнӣ къ «рива̄йетамъ». — Примѣты объ огнѣ и культъ его въ парсизмѣ. — Остальныя примѣты; о хищныхъ звѣряхъ, о снѣ, о явленіяхъ природы, о встрѣчѣ и др.
5. Физіономическая часть трактата. Индіецъ Дж-в-б-ръ и сообщенія Джа̄хиза. Отношеніе физіономической части трактата къ старо-персид-

скимъ памятникамъ. — Предсказанія по родимымъ пятнамъ; сходный трактатъ Меламподa; арабскій трактатъ на ту же тему, приписываемый Иппократу. — Предсказанія по дрожанію членовъ тѣла; сходный турецкій трактатъ. — Прочія физіономическія данныя трактата. — «Могильное посланіе» псевдо-Иппократа. — Заключеніе.

1.

Настоящая работа основана на изданіи и переводѣ текста сочиненія, возводимаго къ арабскому писателю IX-го вѣка Абӯ ʿУсмāну ʿАмру-ибн-Бахру ал-Джāхизу[1]). Сочиненіе это, при всей краткости, представляетъ, по нашему мнѣнію, интересъ для науки. Оно интересно во-первыхъ тѣмъ, что авторомъ его считается Джāхизъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей древняго періода арабской литературы, всѣ сочиненія котораго заслуживаютъ внимательнаго изученія и изданія. Во вторыхъ оно интересно потому, что по содержанію является одним изъ древнѣйшихъ въ арабской литературѣ и столь мало еще изученныхъ сборниковъ примѣтъ и повѣрій, коренящихся съ одной стороны въ древней наукѣ, съ другой въ народномъ міросозерцаніи. Въ третьихъ, наконецъ, интересъ къ нему увеличивается тѣмъ, что эти примѣты и повѣрья возводятся въ до-мусульманскую Персію и такимъ образомъ даютъ намъ матеріалъ для ея культурной исторіи. При ограниченности источниковъ для этой культурной исторіи, цѣненъ всякій касающійся ея литературный памятникъ. Особенно же цѣненъ такой, который, хотя-бы лишь въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, можетъ быть отнесенъ къ сасанидской эпохѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи видимъ мы особенный интересъ вышеизданнаго трактата.

За изданіе сочиненій Джāхиза взялся сравнительно недавно голландскій арабистъ Г. Фан-Флотенъ, съ успѣхомъ начавшій эту работу. Къ сожалѣнію, преждевременная кончина не дала ему возможности продолжать и довести изданіе до конца. Нынѣ эта работа, трудная и сложная, ждетъ спеціалиста-филолога. Пишущій эти строки подошелъ къ изученію этого трактата не съ точки зрѣнія спеціальнаго интереса къ Джāхизу, не какъ арабистъ-филологъ; побудительной причиной являлось для него культурно-

---

1) О немъ см. C. Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur, I, Weimar, 1898, 152—153. Литературная дѣятельность его послужила предметомъ подробнаго изслѣдованія въ статьѣ G. Van Vloten, Een arabisch natuurphilosof in de 9-de eeuw, Tweemaandelijksch Tijdschrift, Mei, 1897.

историческое содержаніе текста, особенно вышеуказанное значеніе его для культурной исторіи до-мусульманской Персіи.

Сочиненіе это, какъ мы уже сказали, не велико. Это небольшой трактатъ, носящій названіе «главы» о гаданіи «по взглядамъ Персовъ». Рукопись, сохранившая намъ его, содержитъ не только эту «главу» о персидскомъ гаданіи, но и арабскій переводъ книги о физіономикѣ Полемона[1]). Рукопись написана однимъ и тѣмъ же лицомъ и соединеніе въ ней двухъ однороднаго содержанія трактатовъ тѣмъ понятнѣе, что самъ Джāхизъ повидимому былъ знакомъ съ писаніями Полемона[2]). Однако, нужно отмѣтить, что содержаніе обоихъ трактатовъ лишь однородно, но далеко не тожественно. Въ то время какъ первый трактатъ имѣетъ несомнѣнную близость съ античной литературой и, являясь переводомъ греческаго сочиненія, не представляетъ особыхъ затрудненій въ вопросѣ объ источникахъ, второй трактатъ касается главнымъ образомъ до-мусульманской Персіи и источники его темнѣе и сложнѣе.

Сообщая о персидскихъ примѣтахъ и повѣрьяхъ, трактатъ не указываетъ источниковъ. Кромѣ того, мы знаемъ изъ сообщеннаго уже ранѣе извѣстія Мас'ӯди[3]), что Джāхизъ нѣкоторыя свои сочиненія приписывалъ болѣе древнимъ авторамъ (напр. Ибн-Мукаффѣ), такъ что, если-бы его указанія на источники и находились въ настоящемъ трактатѣ, они нуждались бы въ предварительной критикѣ. Къ счастью, однако, мы имѣемъ другой матеріалъ для критики источниковъ. Въ извѣстной антологіи Ибн-Кутейбы 'Уӯн-ал-ахбāръ[4]), въ одиннадцатой главѣ второй книги, до насъ дошли сообщенія сходнаго содержанія (что было уже указано Броккельманомъ[5]); вся эта глава посвящена «персидскимъ взглядамъ» на разнаго рода примѣты и повѣрья. Большая часть этой главы буквально совпадаетъ съ сообщеніями трактата Джāхиза. При этомъ отмѣтимъ, что у Ибн-Кутейбы, — что особенно важно, — сохранилось точное указаніе на источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ свои сообщенія; онъ начинаетъ эту

---

1) Книга Полемона о физіономикѣ занимаетъ листы 2б—50а, трактатъ Джāхиза 50б—76а. Объ этомъ сочиненіи Полемона см. подъ № 1206 Catalogus codicum orientalium Bibliotecae Academiae Lugduno Batavae, III, 165 — 166. Арабскій текстъ книги Полемона вмѣстѣ съ латинскимъ изданъ G. Hoffmann'омъ у R. Foerster, Scriptores physiognomonici, I, 93—295, ср. LXXX—C.

2) Van Vloten, o. c. 25.

3) Brockelmann, o. c. 152—153.

4) Ibn Qutaiba's 'Ujûn al-aḫbâr, herausgegeben von C. Brockelmann, Teil I, Zeitschrift für Assyriologie, 18. Ergänzungsheft, Semitistische Studien 18, Berlin, 1900; Teil II, Zeitschrift für Assyriologie, Beiheft zum XVII Band, Strassburg, 1903; Teil III, ib., Beiheft zum XIX Band, Strassburg, 1906. Изъ десяти книгъ пока изданы три.

5) Geschichte der arabischen Litteratur, I, 153.

главу заявленіемъ: «читалъ я въ книгѣ Āйнъ». Такимъ образомъ его сообщенія являются цитатой изъ книги Āйнъ, т. е. изъ сдѣланнаго Ибн-Мукаффой перевода сасанидской Āйн-нāмэ, книги, о которой мы считаемъ необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Въ ʽУюн-ал-ахбāръ сохранились цитаты изъ разнаго рода древнихъ, не арабскихъ письменныхъ источниковъ, взятыя Ибн-Кутейбой изъ арабскихъ переводовъ. Среди нихъ упоминаются не опредѣляемыя точнѣе «книги Персовъ, Индійцевъ и Византійцевъ», а также и книги съ опредѣленнымъ заглавіемъ — «Китāб-ат-Тāджъ», «Сіяр-āл-ʽАджамъ», «Китāб-ал-Āйнъ», имѣющія прямое отношеніе къ персидской, до-мусульманской старинѣ. Бар. В. Р. Розенъ въ спеціальной статьѣ, посвященной этому сочиненію Ибн-Кутейбы, въ частности первымъ двумъ книгамъ, указалъ эти цитаты по петербургской рукописи[1]). Количество этихъ цитатъ различно. Изъ «византійскихъ книгъ» дается лишь одна небольшая цитата изъ «геопоники». Цитаты изъ «индійскихъ книгъ» восходятъ всѣ къ Калӣлѣ и Димнѣ, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями въ отдѣльныхъ случаяхъ[2]). Источники цитатъ изъ «персидскихъ книгъ» опредѣлить труднѣе[3]); укажемъ, однако, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ[4]) мы, весьма возможно, имѣемъ дѣло съ отрывками изъ такъ называемой «книги завѣта Ардешӣра», стихотворный, не дошедшій до насъ переводъ которой, былъ сдѣланъ современникомъ Ибн-Кутейбы Балāзурӣ[5]). Что касается далѣе до книгъ опредѣленныхъ авторовъ, то не разъ

---

1) Baron V. Rosen, Zur arabischen Literaturgeschichte der älteren Zeit. I. Ibn-Quteiba: Kitâb ʽUjûn al-akhbâr, Mélanges Asiatiques, VIII, 1880, 745—779 или Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, t. 27, 1881, 55—78. Въ изданіи Brockelmann'a указаны на поляхъ страницы петербургской рукописи, такъ что справки по цитатамъ вполнѣ доступны.

2) См. въ III т. цитаты и указанія Brockelmann'a на стр. ٢٧٠,١٦; ٢٧٨,١٢; ٢٨٩,١٨; ٢٩٥,١٠; ٣١١,١٤; ٣٢٩,٨; ٣٤١,١١; ٣٧٩,١١; самъ Ибн-Кутейба приводитъ цитату изъ Калӣлы и Димны т. е. изъ перевода Ибн-Мукаффы, на стр. ٣٣٠,٢ слѣд. и ٩ слѣд.

3) Цитаты изъ персидскихъ книгъ въ III т. ʽУюн-ал-ахбāръ см. на стр. ٣١٩,١٤ и ٣٨٩,١٧.

4) См. I, ٢٤,٥; ٣٠,٥; ١٢١,٥.

5) Фихристъ, I, ١١٣,١٤—١٥ и ٣١٩,١. Какое отношеніе имѣетъ это приписывавшееся Ардешӣру сочиненіе къ упоминаемому у Масʽӯдӣ Кāрнāмаджу, написанному яко бы тѣмъ же царемъ (см. Les prairies d'or, texte et traduction par Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, II, Paris, 1863, 162 и 449; ср. и Мирхонда у Sacy, Mémoire sur diverses antiquités de la Perse, Paris, 1793, 280), сказать трудно. Быть можетъ, это одно и то же сочиненіе. Во всякомъ случаѣ, извѣстный пехлевійскій Кāрнāмакъ нѣчто другое, такъ какъ не принадлежитъ къ области дидактической литературы, а является историческимъ преданіемъ. Эта «книга завѣта», по своему основному содержанію, могла быть вовсе не персидской; Zotenberg, L'histoire de Gal'âd et Schimâs, Journal Asiatique (цитуется далѣе подъ иниціалами JA), IX Série, 1886, № 7, 104, признаетъ завѣты царя сыну въ извѣстной, вошедшей въ составъ Тысячи и одной ночи и близкой къ персидской дидактической литературѣ повѣсти, буддійскими по духу.

называется Ибн-Мукаффа; при цитатахъ изъ его сочиненій упоминаются иногда заглавія ихъ, иногда же просто дѣлается ссылка на его имя[1]). Изъ этихъ сочиненій его особенно отмѣчаемъ «Сіяр-ал-ʻАджамъ», т. е. переводъ персидской оффиціальной хроники, такъ наз. Худāй-нāмэ. Быть можетъ, тому же Ибн-Мукаффѣ принадлежитъ и авторство нѣсколько разъ цитованной «Китāб-ат-Тāджъ» (цитаты приводятся лишь въ первой книгѣ ʻУю̄н-ал-ахбāръ). Эта книга и по заглавію, и по содержанію приводимыхъ отрывковъ (ближе см. въ вышеупомянутой статьѣ бар. Розена), также была переводомъ какой нибудь старо-персидской книги. Нѣсколько цитатъ дается и изъ книги Āйнъ, тоже переведенной Ибн-Мукаффой. Въ первой книгѣ даются двѣ краткія цитаты — изреченіе персидскаго царя и нѣкоторыя правила судебныхъ постановленій. Во второй книгѣ имѣется длинный отрывокъ о теоріи военнаго дѣла, съ добавленіемъ въ одну фразу на ту же тему; затѣмъ правила о стрѣльбѣ изъ лука и игры въ поло; наконецъ вся одиннадцатая глава этой книги посвящена старо-персидскимъ примѣтамъ и повѣрьямъ, о чемъ мы уже сказали выше. Въ третьей книгѣ сообщается одинъ краткій отрывокъ[2]) о томъ, въ какую сторону направляли предпочтительно царскіе покои, при чемъ указывается, что особенно выбиралась восточная сторона, какъ благопріятная. Только отрывокъ военнаго трактата съ правилами о стрѣльбѣ изъ лука и игры въ поло, и глава о примѣтахъ и повѣрьяхъ, даютъ нѣкоторую возможность судить о характерѣ того сочиненія, изъ котораго они взяты. Прочіе отрывки слишкомъ незначительны и по объему, и по содержанію.

Извѣстій объ Āйн-нāмэ и цитатъ изъ нея сохранилось вообще не много. Пишущій эти строки въ спеціальной статьѣ, посвященной разбору отрывка военнаго трактата въ ʻУю̄н-ал-ахбāръ, изложилъ то, что намъ извѣстно о составѣ этой книги и тѣ соображенія, на которыя наводили сообщенія о ней[3]). Тѣ краткіе отрывки, которыми мы располагаемъ въ пока извѣстныхъ книгахъ ʻУю̄н-ал-ахбāръ, разумѣется не могутъ дать даже приблизительнаго представленія о характерѣ Āйн-нāмэ, книги, состоявшей, по сообщенію Китāб-ат-тенбӣхъ Масʻӯдӣ, изъ нѣсколькихъ тысячъ листовъ, но все же нѣкоторыя данныя извлечь можно. Такъ, повидимому, можно установить близость ея съ Худāй-нāмэ, а потому и ея оффиціальный характеръ. Ея общій характеръ намѣчается также изъ аналогіи съ позднѣйшими, сходнаго со-

1) Цитаты изъ его сочиненій въ III т. ʻУю̄н-ал-ахбāръ, ٣٢٤,١٨ и ٣٣٩,٥.

2) См. III, ٣٥١,١٢ сл.

3) Отрывокъ военнаго трактата изъ сасанидской «Книги установленій» آئين نامه, Записки Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества (цитуются далѣе ЗВО), XVII, 249—282; объ Āйн-нāмэ: 250—252.

держанія сочиненіями (напр. А̄ӣни-Акбарӣ Абӯ-л-Фазля). Весьма возможно, что и сообщенія о разнаго рода «установленіяхъ» сасанидскаго государства, дошедшія до насъ въ арабскихъ сочиненіяхъ, также являются позаимствованными изъ этой книги, но сказать что либо опредѣленное въ этомъ отношеніи довольно трудно. Кромѣ ʿУю̄н-ал-ахба̄ръ, до насъ дошла небольшая цитата изъ А̄ӣн-на̄мэ въ касающейся исторіи сасанидскихъ царей части сочиненія, приписываемаго Саʿа̄либӣ[1]). Эта цитата, впрочемъ, не велика и незначительна по содержанію; она касается преданія о томъ, какого рода людей особенно цѣнили разные персидскіе цари, отъ Джема до Ануширва̄на. Зотанбэръ высказалъ предположеніе[2]), что нѣкоторыя сообщенія Масʿӯдӣ въ Мурӯдж-аз-захабъ о дворовомъ этикетѣ и общественной іерархіи, установленной Ардешӣромъ, равно какъ отрывокъ девятой главы извѣстнаго персидскаго сборника басенъ и притчъ Мерзба̄н-на̄мэ, позаимствованы изъ А̄ӣн-на̄мэ. Во всякомъ случаѣ у Масʿӯдӣ источникъ либо не указанъ, либо, поскольку намъ доступно, дошелъ въ неразборчивой формѣ[3]), и вопросъ о позаимствованіи имъ сообщеній о мѣстничествѣ при дворѣ Сасанидовъ, о генеалогіяхъ «усва̄ровъ», «мерзба̄новъ» и пр. изъ А̄ӣн-на̄мэ, остается пока предположеніемъ. Для приведенія же въ извѣстность остатковъ этой книги имѣетъ значеніе выяснить по возможности отношеніе къ ней отрывка въ Мерзба̄н-на̄мэ[4]). Зотанбэръ выразился нѣсколько неопредѣленно, отмѣтивъ

---

1) H. Zotenberg, Histoire des rois des Perses par al-Tha'âlibî, texte arabe publié et traduit, Paris, 1900, 14—15.

2) O. c. XXIII. Th. Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leyden, 1879, 8, anm. 3, считаетъ данныя у Масʿӯдӣ не ясными и ссылается также на извѣстіе Ибн-Мукаффы въ ʿУю̄н-ал-ахба̄ръ (хотя страница петербургской рукописи не указана, но приводимое имъ сообщеніе несомнѣнно то, которое въ печатномъ изданіи находится въ I-мъ т., на стр. ١٢١,٥ слѣд.) о раздѣленіи Ардешӣромъ народа на четыре класса. Сообщеніе о древнихъ четырехъ классахъ, на которое указывалъ Nöldeke въ посланіи Ардешӣра (несомнѣнно находящееся въ I-мъ т. на стр. ٢٣,٥ слѣд. печатнаго изданія ʿУю̄н-ал-ахба̄ръ), имѣется также и въ сочиненіи Бӣрӯнӣ объ Индіи,—см. Alberuni's India, edited in the arabic original by Dr. E. Sachau, London, 1887, ٣٨,١٤ слѣд.; Alberuni's India, an english edition with notes and indices by Dr. E. Sachau, I, London, 1888, 100. Письмо Ардешӣра называетъ четыре сословія—ученыхъ, «носителей вѣры»; «усва̄ровъ», рыцарей т. е. военное сословіе; гражданскихъ чиновниковъ, «украшеніе государства»; земледѣльцевъ, «опору страны». У Бӣрӯнӣ названы: «усва̄ры» и царскіе сыновья; священнослужители; врачи, звѣздочеты и прочіе ученые; земледѣльцы и ремесленники. У Масʿӯдӣ (II, 162) — гражданскіе чиновники, ученые, «усва̄ры» и земледѣльцы.

3) Zotenberg, o. c. XLII, n. 3. На той же страницѣ онъ высказываетъ мысль, что отъ времени составленія до Фирдоусӣ, Худа̄й-на̄мэ значительно измѣнилась и пополнилась миѳическими и эпическими преданіями и историческими документами въ родѣ А̄ӣн-на̄мэ. Прибавимъ, что полнаго слиянія Худа̄й-на̄мэ съ А̄ӣн-на̄мэ предполагать изъ этого, разумѣется, еще нельзя, — во первыхъ потому, что А̄ӣн-на̄мэ самостоятельно состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ листовъ, а во вторыхъ потому, что она существовала еще въ IV-мъ вѣкѣ Хиджры (основываемся на сообщеніи Масʿӯдӣ въ Кита̄б-ат-тенбӣхъ).

4) О Мерзба̄н-на̄мэ наиболѣе полно говорится въ статьѣ Ch. Schefer, Chrestomathie

только, что быть можетъ оттуда же заимствованъ одинъ отрывокъ изъ девятой главы Мерзбāн-нāмэ, но эта неопредѣленность легко разъясняется благодаря статьѣ Шефера, гдѣ указано, что въ этой девятой главѣ, попутно, во время разговора двухъ дѣйствующихъ лицъ (двухъ куропатокъ, являющихся главными дѣйствующими лицами этой главы), упоминается «изложеніе установленія персидскихъ хосроевъ»[1]). Несомнѣнно, что заимствованіе именно этого мѣста изъ Āйн-нāмэ и предполагалъ Зотанбэръ. Имѣя въ данномъ случаѣ также дѣло съ предположеніемъ, мы обратились къ имѣющимся въ Петербургѣ двумъ рукописямъ Мерзбāн-нāмэ[2]) и арабской передѣлкѣ этого сборника, принадлежащей Ибн-ʿАрабшāху и озаглавленной Фāкихат-ал-хулафā[3]). Отрывокъ этотъ[4]) помѣщенъ въ рѣчи одной изъ куропатокъ передъ ихъ отправленіемъ ко двору орла. Куропатка сообщаетъ о томъ, какъ одинъ изъ персидскихъ хосроевъ приказалъ собрать со всѣхъ сторонъ государства всякаго рода людей и размѣстить ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ для пира. При этомъ отдѣляется особая часть чиновниковъ для соблюденія согласнаго обычаю порядка въ этомъ размѣщеніи. Самъ хосрой садится на тронѣ. Затѣмъ выходитъ особый глашатай, призывающій всѣхъ присутствующихъ къ соблюденію установленнаго порядка; рѣчь его къ нимъ приводится[5]). Далѣе сообщается, что этотъ обычай соблюдался впослѣдствіи персидскими царями, при чемъ однако имя установившаго его хосроя не

---

persane à l'usage des élèves de l'Ecole Spéciale des langues orientales vivantes, T. II, Paris, 1885, 194—211. Литературу о ней см. V. Chauvin, Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux arabes publiés dans l'Europe chrétienne de 1810 à 1885, t. II, Liége-Leipzig, 1897, 210—216 и H. Ethé, Neupersische Litteratur, Grundriss der iranischen Philologie, II, 3, Strassburg, 1902, 328—329. Новую персидскую редакцію этого сочиненія указалъ M. Th. Houtsma, Eine unbekannte Bearbeitung des Merzbān-nāmeh, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (цитуется далѣе подъ инніціалами ZDMG), LII, 1898, 359—393. Татарскій переводъ Мерзбāн-нāмэ, подъ заглавіемъ كتاب دستور شاهى فى حكاية پادشاهى, напечатанъ въ Казани, въ 1864 г.

1) شرح آئين خسروان پارس.

2) Рукопись Азіатскаго Музея Имп. Академіи Наукъ, № 275а, fol. 158a,14—159a,8 (датировано 25 Джумāдā-ал-авваль 1063 г. Х.; краткое упоминаніе о ней см. Mélanges Asiatiques, IV, 1863, 54); рукопись Имп. Публичной Библіотеки, № 479, fol. 180a,6—181a,8 (о ней см. B. Dorn, Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Pétersbourg, 1852, 406—407).

3) Liber arabicus فاكهة الخلفآء ومفاكهة الظرفآء seu Fructus imperatorum et iocatio ingeniosorum auctore Ahmede filio Mohammedis cognominato Ebn-Arabschah quem primum e codicibus edidit et adnotationibus criticis instruxit G. G. Freytag, pp. I—II, Bonnae, 1832—1852. См. и Chauvin, o. c. 188—210.

4) Въ рук. Азіатскаго Музея онъ озаглавленъ شرح آئين خسرو پارس и разсказъ ведется отъ лица куропатки Ӣрā; въ рук. Публичной Библіотеки онъ озаглавленъ داستان и разсказъ ведется отъ лица куропатки Āзāд-Чехрэ.

5) Ср. у Масʿӯдӣ, Мурӯдж-аз-захабъ, II, 158—9 о церемоніалѣ въ присутствіи хосроя и должности «хуррем-бāша» (خرّم باش) и его подручныхъ.

упоминается. Разсказъ приводится для того, чтобы убѣдить собесѣдника, другую куропатку, всегда быть довольной своимъ положеніемъ[1]). Общій характеръ его весьма неопредѣленный и онъ не только не имѣетъ точной исторической датировки, но и бытовыя подробности его не ясны, — онѣ устанавливаютъ лишь фактъ существованія мѣстничества въ сасанидскомъ государствѣ. Что подобнаго рода сообщенія могли быть въ Ӑйн-нӑмэ весьма вѣроятно; но они могли быть также и въ другихъ близкаго содержанія книгахъ. Укажу, напр. на цитату изъ Сіяр-ал-ʿАджамъ, т. е. изъ Худӑй-нӑмэ, въ первой книгѣ ʿУю̄н-ал-ахбӑръ[2]), по характеру весьма близкую къ отрывку Мерзбӑн-нӑмэ. Въ ней разсказывается о томъ, какъ Ардешӣръ, по достиженіи власти, собралъ народъ, и какъ представитель народа говорилъ ему рѣчь съ благими пожеланіями, которая вся и приводится. Конечно, одного упоминанія слова Ӑйнъ, т. е. «установленіе», въ заглавіи цитаты, еще недостаточно для отнесенія ея къ Ӑйн-нӑмэ. Она могла происходить и изъ Худӑй-нӑмэ, и изъ устныхъ преданій, присутствіе которыхъ возможно, не сомнѣваясь, допустить въ книгахъ, подобныхъ Мерзбӑн-нӑмэ. Итакъ, мы должны пока ограничиться въ цѣляхъ выясненія состава Ӑйн-нӑмэ, вышеуказанными цитатами изъ ʿУю̄н-ал-ахбӑръ.

Въ вопросахъ культурной исторіи сасанидской Персіи Худӑй-нӑмэ и Ӑйн-нӑмэ являются источниками первостепенной важности. Поэтому особенно важно, что мы имѣемъ въ одиннадцатой главѣ второй книги ʿУю̄н-ал-ахбӑръ сообщенія, въ значительной части тожественныя содержащимся въ изданномъ нами трактатѣ. Это указываетъ на несомнѣнную зависимость послѣдняго отъ древне-персидскихъ, сасанидскихъ матеріаловъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ опредѣлить присутствіе древнихъ персидскихъ источниковъ въ изданномъ нами трактатѣ, а потому и возводить нѣкоторыя дошедшія до насъ въ рукописи XVI-го вѣка сообщенія арабскаго писателя IX-го вѣка къ сасанидской Персіи. Однако, какъ ни мало указывается въ этомъ трактатѣ источниковъ, мы имѣемъ возможность, кромѣ Ӑйн-нӑмэ, отмѣтить въ немъ цитаты даже съ указаніями, откуда онѣ взяты. Въ концѣ трактата сообщается небольшой отрывокъ изъ сдѣланнаго Хунейномъ-ибн-Исхӑкомъ[3]) перевода изъ Иппократа, «изъ словъ мудреца Иппократа» говорится въ текстѣ. Отрывокъ этотъ касается ряда признаковъ, по

1) Чины, приводимые въ Фӑкихат-ал-хулафӑ (I, ٢٠١,٩ слѣд.), не имѣются въ персидскомъ текстѣ и весьма вѣроятно предположеніе Freytag'a (II, 118 слѣд.), что они относятся скорѣе всего къ Египту, гдѣ жилъ Ибн-ʿАрабшӑхъ съ 840 г. Х. и гдѣ закончилъ это сочиненіе въ 852 г.

2) I, ١٢١,٥ слѣд.

3) О немъ см. Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur, I, 205—206.

которымъ можно опредѣлить скорую смерть больного, такъ называемыхъ «знаковъ смерти». Согласно ранѣе произведеннымъ изслѣдованіямъ М. Штейншнейдера[1]), отрывокъ этотъ принадлежитъ къ такъ называемой «псевдэпиграфической» литературѣ и приписанъ Иппократу ложно. Даже переводъ его далеко не всегда приписывается Хунейну-ибн-Исхāку. Штейншнейдеръ указалъ уже, что Хунейну-ибн-Исхāку приписанъ переводъ въ индійскомъ изданіи трактата, озаглавленнаго «Рисāлатъ кабрійя», «Могильное посланіе». Заглавіе это онъ получилъ отъ особыхъ условій, при которыхъ этотъ трактатъ былъ яко-бы найденъ, о чемъ мы будемъ говорить еще дальше. Кромѣ того, этотъ же трактатъ имѣется въ арабской рукописи еврейскими буквами Монакской библіотеки. Затѣмъ имѣются версіи переводовъ латинскаго, греческаго, итальянскаго. Тѣмъ же Штейншнейдеромъ указаны и нѣкоторыя другія, вѣроятныя арабскія версіи этого трактата[2]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нашъ отрывокъ есть тотъ же трактатъ. Въ небольшомъ введеніи этого отрывка разсказывается вкратцѣ исторія того, какъ это сочиненіе Иппократа дошло до потомства. Та же исторія сообщается и въ указанныхъ Штейншнейдеромъ трактатахъ. и у Ибн-Абӣ-Усайбіʿи. Въ виду того, что она имѣетъ нѣкоторый интересъ спеціально для нашего вопроса объ источникахъ, мы сообщаемъ ее.

По этой исторіи, Иппократъ, открывшій особые признаки, указывающіе на близкую смерть человѣка, пожелалъ унести ихъ съ собою въ могилу. Они были переписаны на доску и положены въ ящикъ изъ слоновой кости, который въ свою очередь былъ поставленъ въ могилу Иппократа. Впослѣдствіи «кесарь» пожелалъ видѣть могилу великаго врача и, найдя ее разрушенной, приказалъ исправить. При раскопкахъ былъ найденъ ящикъ изъ слоновой кости съ содержащимися въ нихъ «знаками смерти». Такимъ образомъ они были найдены и стали извѣстны. Хотя въ этомъ преданіи и фигурируютъ имена Иппократа и «кесаря», въ немъ нѣтъ ничего спеціально-античнаго, такъ какъ сходныя преданія о нахожденіи знаменитыхъ книгъ мы можемъ указать и въ другой области, при чемъ отмѣчаемъ, что эта область особенно интересна въ нашемъ вопросѣ, — это область иранскихъ

---

1) M. Steinschneider, Manoscritti arabici in caratteri ebraici, Bollettino italiano degli studii orientali, Nuova Serie, Firenze, 1877—1882, 128—135, ср. ib., 333 слѣд. и его же, Die griechischen Aerzte in arabischen Uebersetzungen, Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Medicin, herausgegeben von R. Virchow, B. 124, Berlin, 1891, 131—132.

2) Кромѣ версій и варіантовъ, указанныхъ Steinschneider'омъ, приведу еще берлинскую рукопись, которой мы пользовались при изданіи, обозначивъ ее буквой A и арабскую рукопись № 857 Лейпцигской Университетской Библіотеки, содержащей то же сочиненіе, что и рук. A, см. Katalog der Handschriften der Universitäts-Bibliothek zu Leipzig, II, Die islamischen, christlich-orientalischen, jüdischen und samaritanischen Handschriften, von K. Vollers, Leipzig, 1906, 284.

преданій. Сходное сообщается о книгѣ Джāвидāн-Хиредъ[1]), упомянуть которую здѣсь мы пользуемся случаемъ.

Сильвестръ де-Саси посвятилъ въ свое время этой книгѣ спеціальную статью, въ которой указывалъ, что это до-мусульманскій литературный памятникъ, древне-персидское философское сочиненіе, заслуживающее изданія и перевода[2]). Несмотря на то, что статья Саси была написана уже давно, это сочиненіе съ тѣхъ поръ не привлекало къ себѣ должнаго вниманія. «Джāвидāн-Хиредъ», въ переводѣ съ персидскаго «Вѣчный Разумъ»,— памятникъ дидактической литературы, весьма сложный и разнообразный по своему составу. Въ основѣ его лежали, повидимому, завѣты миѳическаго персидскаго царя Хӯшенга (араб. Ӯшханджъ). Преданіе, сообщаемое по сочиненію Джāхиза Иститāлат-ал-фахмъ, возводитъ арабскій переводъ этой книги къ эпохѣ халифа Мамӯна и Хасана-ибн-Сахла (брата везира Мамӯна Фадла-ибн-Сахла). Въ XI в. по Р. Х. Абӯ-ʿАлӣ-ибн-Мискавейхи включилъ этотъ переводъ въ свою книгу «Āдāб-ал-ʿАрабъ уа-л-Фурсъ». Впослѣдствіи съ арабскаго текста дѣлались ново-персидскіе переводы[3]). Хотя рукописей этого сочиненія (въ различныхъ версіяхъ) встрѣчается достаточное количество, мы пользуемся случаемъ указать интересный кодексъ Азіатскаго Музея Академіи Наукъ за № 680[4]). Кодексъ этотъ содержитъ: «мудрыя изреченія Ӯшханджа (т. е. Хӯшенга), называемыя Джāвидāн-Хиредъ», исторію этой книги въ извлеченіи изъ Джāхиза и Ибн-Мискавейхи, совѣты мудреца Āдурбā (т. е. Āтурпāта) сыну, мудрыя изреченія Бузурджмихра, совѣты Кисры Кубāда, завѣщаніе Бузурджмихра Кисрѣ, муд-

---

1) Общія замѣчанія о ней см. Brockelmann, GAL, I, 342 и Ethé, o. c. 346 (у котораго не указанъ древній, до-мусульманскій, персидскій источникъ книги).

2) S. de Sacy, Mémoire sur le Djavidan Khired, Mémoires de l'Institut Royal de France, Académie des inscriptions et belles-lettres, T. IX, 1831, 1—31.

3) О рукописяхъ см. Bibliothecae Bodleianae codicum manuscriptorum orientalium catalogus a Ioanno Uri confectus, I, Oxonii, 1787, 86, № 292 и II, confecit A. Nicoll, editionem absolvit E. B. Pusey, Oxonii, 1835, 576; Catalogus codicum orientalium Bibliotecae Academiae Lugduno Batavae auctoribus P. de Jong et M. J. de Goeje, IV, 1866, 191—192, № 1833; Catalogue of the persian manuscripts in the British Museum by Ch. Rieu II, 1881, 440—441, № Or. 457; Catalogue des manuscrits arabes de la Bibliothèque Nationale par le Bar. de Slane, Paris, 1883—1895, 643, № 3957; Catalogue of the persian etc. manuscripts in the Bodleian Library by E. Sachau — H. Ethé, I, the persian manuscripts, Oxford, 1889, 857, см. № 1417; Catalogue of persian manuscripts of the library of the India Office by H. Ethé, I, Oxford, 1903, 1202—1204, № 2210. О جاودان خرد ср. еще C. Salemann, Mittelpersische Studien, Mélanges Asiatiques, IX, 1888, 215—216 и Ahlwardt, Verzeichniss der arabischen Handschriften der königlichen Bibliothek zu Berlin, B. VII, 1895, 626, № 8727.

4) Озаглавленный كتاب ترجمة جاودان خرد من مصنّفات الإمام بن الإمام شرف الملّة والدين محمّد القزويني. Кодексъ помѣченъ 759 г. Х. = 1358 г. по Р. Х.; дата написана нѣсколько инымъ почеркомъ, быть можетъ скорописью, быть можетъ другой рукой. Краткое упоминаніе объ этой книгѣ см. B. Dorn, Das Asiatische Museum, St Petersburg, 1846, 289.

рыя изреченія Анӯширвāна, мудрыя изреченія Джемшида, завѣщаніе царя Хурмуза, разныя изреченія мудрецовъ — индійскихъ, персидскихъ и арабскихъ, мудрыя изреченія Мухаммеда, ʿАлӣ, завѣты Лукмана сыну, изреченія Хасана Басрійскаго[1]). Какъ видимъ, большая часть содержащихся въ этомъ сочиненіи отрывковъ возводится къ до-мусульманской Персіи, а это, — равно какъ заглавіе «Джāвидāн-Хиредъ» (на что уже указывалъ Саси), — фактъ, съ которымъ необходимо считаться. Это нужно принять во вниманіе даже теперь, когда еще не сдѣлано подробнаго сравненія этихъ отрывковъ съ соотвѣтственными текстами въ пехлевійскихъ подлинникахъ и позднѣйшихъ мусульманскихъ переводахъ. Отрывки, возводимые къ мусульманской эпохѣ (напр. къ ʿАлӣ и Хасану Басрійскому), конечно позднѣйшія добавленія. По мнѣнію Саси даже тѣ изреченія, которыя по содержанію кажутся принадлежащими мусульманскому времени, могутъ относиться къ сасанидской Персіи, такъ какъ религіозный синкретизмъ послѣдней допускалъ большія различія во мнѣніяхъ. Саси сравнивалъ изреченія Джāвидāн-Хиреда съ этическими и политическими сентенціями какъ Хитопадеши, такъ и Калӣлы и Димны. Это сравненіе Саси мы особенно отмѣчаемъ, такъ какъ оно лишній разъ указываетъ на сильное вліяніе индійскихъ переводовъ въ сасанидской литературѣ, къ чему мы еще вернемся[2]). Не входя въ дальнѣйшее, подробное разсмотрѣніе этой книги, отмѣтимъ, что для насъ интересно преданіе о находкѣ ея и переводѣ на арабскій языкъ, сообщаемое Ибн-Мискавейхи, руководившимся въ свою очередь разсказомъ Джāхиза[3]).

Согласно этому преданію, халифъ Мамӯнъ желалъ одарить посла Ка-

---

1) Ср. содержаніе Джāвидāн-Хиреда Британскаго Музея — Rieu, o. c. нѣсколько отличающееся. Тамъ имѣются изреченія Бахмана, сына Исфендійра, и Гермеса, а не имѣется завѣтовъ Āдурбā. Послѣдніе (въ перс. пер. въ Библ. India Office 22a сл. и 42a сл.; въ рукописи Азіатскаго Музея 28a слѣд. и 88a слѣд., въ пагинаціи кодекса л. 66 пропущенъ вовсе), заслуживаютъ вниманія и интересны для сравненія съ извѣстными пехлевійскими завѣтами Āтурпāта, доступными и непехлевистамъ благодаря работамъ парсійскихъ ученыхъ и новымъ европейскимъ переводамъ — Ch. Harlez, Le livre des conseils d'Aterpât i Mansarspendân, Le Muséon, VI, 1887, 66—79 и Fr. Müller, Beiträge zur Textkritik und Erklärung des Andarz i Āturpāt i Maḥraspandān mit einer deutscher Uebersetzung, Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften (цитуются далѣе подъ иниціалами SBWA), phil. — hist. Classe, B. 136, 1897, VIII Abh., SS. 1—25. О сходной дидактической литературѣ см. еще Th. Nöldeke, Persische Studien, II, ib., B. 126, 1892, XII Abh., S. 29, anm. 2 и Ethé, o. c. 346 folg.

2) Sacy, o. c. 8, указалъ сообщеніе Ибн-Мискавейхи, который говорилъ, что долго искалъ упоминаемую въ استطالة الفهم Джāхиза старо-персидскую книгу Джāвидāн-Хиредъ и наконецъ нашелъ ее въ Фарсѣ у мōбедāн-мōбеда. Ср. съ этимъ аналогичное сообщеніе Масʿӯдӣ объ Āӣн-нāмэ, полный экземпляръ который можно было найти въ его время лишь у мōбедовъ и другихъ, пользующихся властью лицъ.

3) Рук. Аз. Муз., л. 20б слѣд.; ср. Sacy, o. c. 10 suiv.

булистанскаго царя Дӯбāна, отказавшагося отъ денегъ и просившаго у халифа старо-персидскую книгу, хранившуюся въ ʽИрāкѣ, въ Мадāинѣ, въ сокровищницѣ хосроевъ, находившейся подъ заломъ дворца («йвāномъ»). Посланный Мамӯна нашелъ тамъ небольшой сундукъ изъ чернаго стекла. Дӯбāнъ, открывъ его, досталъ оттуда кусокъ атласной матеріи, въ которую было завернуто сто листовъ. Это и была книга Джāвидāн-Хиредъ[1]). При содѣйствіи Хасана-ибн-Сахла она была переведена на арабскій языкъ. Таково преданіе о находкѣ этой книги, сопоставляемое нами съ вышеприведеннымъ преданіемъ о находкѣ сочиненія Иппократа о «знакахъ смерти». Хотя эти преданія въ обоихъ случаяхъ не тожественны, однако мы указываемъ и сближаемъ ихъ. Мы лишній разъ отмѣчаемъ отсутствіе исторической достовѣрности извѣстія о псевдэпиграфическомъ сочиненіи «знаки смерти». Мы видимъ, что преданія о находкахъ старыхъ книгъ въ развалинахъ древнихъ построекъ, распространялись въ эпоху усиленной переводческой дѣятельности въ халифатѣ и на несомнѣнно древне-персидскія темы, а потому и не считаемъ возможнымъ рѣзко отграничивать приложенный къ нашему трактату отрывокъ псевдо-Иппократа отъ древне-персидскихъ повѣрій и примѣтъ[2]).

Кромѣ источниковъ несомнѣнно сасанидскаго происхожденія (Āйн-нāмэ), а также нѣкоторыхъ полу-научныхъ, полу-народныхъ традицій (трактатъ о «знакахъ смерти» псевдо-Иппократа), нашъ текстъ имѣлъ также среди своихъ источниковъ индійскіе матеріалы. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо называетъ цитату — «изъ словъ» нѣкоего индійца о физіономикѣ[3]).

Мы дальше будемъ говорить относительно отношеній древне-индійскихъ науки и повѣрій къ сасанидской Персіи, — о нихъ сообщаетъ трактатъ Джāхиза. Здѣсь мы отмѣчаемъ еще одинъ рядъ источниковъ — персидскіе переводы индійскихъ книгъ. Этими переводами пользовались и другіе арабскіе писатели. Мы уже указывали на цитаты изъ индійскихъ книгъ у Ибн-Кутейбы. Эти цитаты, впрочемъ, — несмотря на то, что Ибн-Кутейба всегда почти говоритъ: «читалъ я въ одной индійской книгѣ», — всѣ сводятся къ Калӣлѣ и Димнѣ, и этимъ лишній разъ доказываютъ то громадное вліяніе, которое оказалъ этотъ сборникъ странствующихъ повѣстей на раз-

---

1) Рук. Аз. Муз. л. 21б,11—12: آخرجه كَنجور وزير ملك إيران شهر من الحكمة القديمة.

2) Sacy, o. c. 15, считалъ возможнымъ признать, что книга даже могла быть найдена въ развалинахъ Мадāина. Къ этой части преданія мы относимся скептически, но считаемъ вполнѣ возможнымъ возводить время перевода Джāвидāн-Хиреда на арабскій языкъ къ эпохѣ Мамӯна, въ виду извѣстныхъ иранофильскихъ стремленій этого халифа.

3) Въ текстѣ онъ названъ جوبر الهندىّ. Въ этой же области извѣстны также сочиненія и другого индійца طمطم, о которомъ мы тоже почти ничего не знаемъ.

витіе арабской литературы. Цитаты нашего трактата слишкомъ спеціальны, чтобы восходить къ Калӣлѣ и Димнѣ; онѣ касаются не мудрыхъ изреченій и нравственныхъ сентенцій или странствующихъ повѣстей, а физіономики и разнаго рода примѣтъ и повѣрій. Впрочемъ, темъ подобнаго рода могла касаться и Калӣла и Димна, заключающая въ себѣ, какъ извѣстно, богатый фольклорный матеріалъ, а потому и нѣкоторыя цитаты нашего трактата могутъ исходить изъ нея или имѣть съ нею общій въ данномъ случаѣ источникъ. Мы встрѣчаемъ напримѣръ въ Калӣлѣ и Димнѣ[1]) физіономическую примѣту, по которой преобладаютъ дурныя качества у того, у кого лѣвый глазъ меньше праваго и постоянно моргаетъ, а носъ согнутъ въ правую сторону. Примѣръ изъ Калӣлы и Димны, по нашему мнѣнію, особенно характеренъ, такъ какъ намъ извѣстенъ путь, которымъ перешло это сочиненіе въ арабскую литературу, — именно черезъ посредство пехлевійскаго перевода, съ котораго уже переводилъ Ибн-Мукаффа. Тотъ же путь должны были конечно пройти и другія индійскія сочиненія. Поэтому имѣющіяся въ нашемъ трактатѣ цитаты изъ индійскихъ сочиненій могутъ быть даже включены въ «персидскіе взгляды» на разнаго рода повѣрья и примѣты, хотя мы въ данномъ случаѣ и не имѣемъ критерія въ видѣ сасанидскихъ памятниковъ.

Подъ сасанидскими памятниками мы разумѣемъ не только спеціально Āйн-нāмэ. Проникновеніе древне-персидскихъ матеріаловъ въ нашъ трактатъ возможно было и изъ другихъ, сходныхъ памятниковъ. Еще въ древнюю эпоху арабской литературы дѣлались переводы и писались книги о разнаго рода примѣтахъ и повѣрьяхъ[2]). Рядомъ съ извѣстной намъ физіономикой Полемона и физіономикой, ложно приписываемой Аристотелю, мы имѣемъ упоминанія о разнаго рода книгахъ о повѣрьяхъ и примѣтахъ, — среди нихъ называются и персидскія, и индійскія книги: индійская хиро-

---

1) S. de Sacy, Calila et Dimna ou Fables de Bidpaï, Paris, 1816, ١٢٨,٩ слѣд. Ср. J. Guidi, Studii sul testo arabo del libro di Calila e Dimna, Roma, 1873, 45, n. a. Хотя Бенфей (Th. Benfey, Pantschatantra, Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen, I, Leipzig, 1859, 298) считалъ шестую главу арабской версіи (судъ надъ Димной) не-индійской, а возникшей скорѣе подъ мусульманскимъ вліяніемъ, у Ибн-Кутейбы, ʿУю̄н-ал-ахбāръ, III, ٢٧٠,١٦ слѣд., болѣе подробная характеристика дается какъ цитата изъ «индійской» книги. Древней Индіи были хорошо извѣстны физіономическія правила. Законы Ману, гл. VIII, 26 (G. Bühler, The laws of Manu, Sacred books of the East, XXV, Oxford, 1886, 257) говорятъ, что природа человѣка познается изъ внѣшняго вида, движеній, походки, жестовъ, рѣчи, измѣненій глазъ и лица. Ср. Панчатантру, I кн., 50 (Benfey, II, Leipzig, 1859, 12 и 372, n. 63).

2) См. Фихристъ, I, ٣١٢; ср. II, 155. Тутъ называются: كتاب زجر الفرس, كتاب خطوط, كتاب الفأل لأهل فارس, كتاب زجر العرب, زجر الهند, زجر الروم, كتاب الاختلاج على ثلثة أوجه للفرس, الكفّ و النظر فى اليد للهند. По Фихристу (I, ١٣; ср. II, 8) у древнихъ персовъ существовало особое письмо для этого рода тайныхъ наукъ.

мантія, персидскій трепетникъ и пр. Весьма вѣроятно, что не только изъ арабскаго перевода Айн-нāмэ, сдѣланнаго Ибн-Мукаффой, но и изъ переводовъ этихъ книгъ черпалъ авторъ нашего трактата.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору и комментарію текста, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ отношеніи къ этой сторонѣ дѣла. «Приступая къ объясненію примѣтъ», писалъ К. Кавелинъ [1]): «прежде всего должно опредѣлить предметъ, къ которому онѣ относятся и значеніе, которое онъ имѣлъ или могъ имѣть въ языческомъ быту. Это первое и главное, иногда довольно трудное: остальное понять легко. Философскія схемы, общія начала и воззрѣнія, глубокомысленныя аналогіи тутъ не у мѣста». Дѣйствительно, не облекаясь, подобно обряду, въ опредѣленную внѣшнюю форму, примѣта, кромѣ того, гораздо короче его. Затѣмъ, она имѣетъ по большей части очень общій характеръ по своему содержанію, опредѣляющему отношеніе между двумя или нѣсколькими предметами. Вслѣдствіе этого общаго характера содержанія, очень трудно опредѣлить въ примѣтахъ элементъ культурнаго общенія, элементъ заимствованія. Также трудно опредѣлить и генезисъ ихъ. Поэтому наиболѣе правильнымъ взглядомъ на изученіе примѣтъ, является, по нашему мнѣнію, тотъ, который стремится лишь по мѣрѣ возможности опредѣлить значеніе предмета, къ которому примѣта относится. По отношенію этого вида народнаго творчества въ полной силѣ оказывается теорія однородности законовъ развитія народной психики. Мало помогаютъ объясненію примѣтъ и аналогіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ, впрочемъ, могутъ служить иллюстраціей, какъ напримѣръ бытующая по сіе время примѣта можетъ иллюстрировать извѣстіе древняго автора. Весьма важнымъ вопросомъ при изученіи народныхъ примѣтъ и повѣрій является также вопросъ о взаимодѣйствіи народнаго міросозерцанія и древней науки, народной словесности и книжнаго преданія. Необходимо признать, что это общеніе было очень велико и трудно сказать, гдѣ кончается народное міросозерцаніе и начи-

---

1) К. Кавелинъ, Нѣсколько словъ о примѣтахъ, Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, Кн. I, СПБ. 1876, отд. VI, стр. 3—13. Этотъ ученый задавался цѣлью опредѣлить значеніе примѣтъ и методъ ихъ изученія. Опредѣливъ примѣту какъ примѣченное человѣкомъ постоянное, но непонятное для него отношеніе между явленіями или событіями, онъ установилъ два рода ея: одинъ—основанный на опытѣ и наблюденіи, другой—на вѣрованьяхъ, при чемъ однако оба рода тѣсно связаны между собою. Кромѣ того, однѣ примѣты указываютъ на связь между различными явленіями природы, другія на связь между этими явленіями и событіями жизни человѣка или на связь между различными видами послѣднихъ. Примѣты, по его мнѣнію, не только памятники бытовые, но и памятники эволюціи народной психики. Онъ считалъ, что примѣты сохраняютъ и раскрываютъ многія изъ тѣхъ бытовыхъ подробностей, которыя исчезли изъ сказанія, обряда и пр.

нается древняя наука. Изданный нами текстъ является этому нагляднымъ примѣромъ: народныя повѣрья и примѣты тѣсно переплетаются въ немъ съ астрологіей, магіей и пр.

2.

Итакъ, нашъ текстъ признаетъ сильное вліяніе Индіи на суевѣрія и гаданія сасанидской Персіи, а также на развитіе ея научныхъ традицій; въ особомъ приложеніи говорится вкратцѣ объ индійскихъ «сужденіяхъ» относительно тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящено содержаніе нашего текста. Рядомъ съ разнаго рода «суевѣрными знаніями», имъ называются также и нѣкоторыя заимствованныя отъ индійцевъ науки — медицина, астрологія, математика. Болѣе того, подобно тому какъ византійцы заимствовали всю культуру отъ древнихъ грековъ, такъ и персы считаются имъ позаимствовавшими всю культуру отъ индійцевъ. Ежегодно яко бы являлось ко двору хосроевъ значительное количество этихъ мудрецовъ изъ Индіи, которые и сообщали имъ о грядущихъ событіяхъ. Предсказанія ихъ носили въ себѣ рѣзко астрологическій характеръ — знаніе грядущаго, по ихъ мнѣнію, зависило отъ положенія планетъ и знаковъ зодіака, отъ восхода и захода звѣздъ. Ихъ записанныя постановленія передавались царю, а затѣмъ хранились въ особой тайной сокровищницѣ [1]).

Хотя сношенія сасанидской Персіи съ Индіей несомнѣнно должны были быть весьма оживленны, историческія извѣстія, которыми располагаемъ мы въ этомъ отношеніи, скудны. Какъ Шāх-нāмэ, такъ и арабскія историческія сочиненія не разъ упоминаютъ объ отношеніяхъ до-сасанидской Персіи къ Индіи, но всѣ эти разсказы носятъ разумѣется совершенно фантастическій характеръ [2]). По этимъ разсказамъ еще Хӯшенгъ бывалъ въ Индіи, Кейкубāдъ поручилъ Рустему управленіе Индіей, Бйштāсфъ основалъ въ Индіи храмы огня и пр. [3]) Немногимъ впрочемъ надежнѣе и со-

---

1) То же преданіе объ этой сокровищницѣ сохранилось вѣроятно и въ преданіи о находкѣ Джāвидāн-Хиреда подъ дворцомъ Кисры.

2) J. Reinaud, Mémoire géographique, historique et scientifique sur l'Inde, Paris, 1849 (Extrait du tome XVIII, 2 partie des Mémoires de l'Académie Nationale des inscriptions et belles-lettres), 54 suiv.

3) Zotenberg, Tha'âlibî, 6, 146, 255 и др. О греческихъ врачахъ въ древней Персіи ср. цитаты въ статьѣ L. C. Casartelli, Un traité pehlevi zur la médecine, Le Muséon, T. V, 1886, 313—314. Кромѣ приведеннаго у Casartelli (черезъ Spiegel'я) извѣстія Прокопія Кесарійскаго объ изслѣдовавшемъ Кавāда врачѣ Стефанѣ (II, 26) см. еще у того же Прокопія (II, 28) о греческомъ врачѣ Тривунѣ у Анӯширвāна. (Ср. также Прокопія Кесарійскаго исторія войнъ Римлянъ съ Персами, книга II, пер. С. Дестуниса, комм. Г. Дестуниса. СПБ. 1880, 193—194, 205).

общенія о сношеніяхъ съ Индіей Сасанидовъ. По одному изъ этихъ преданій, Шāпӯръ во время болѣзни просилъ письменно индійскаго царя прислать ему хорошаго врача. Такъ совѣтовали ему поступить мōбеды и мерзбāны, не довѣрявшіе греческимъ медикамъ. Индійскій врачъ вылечилъ Шāпӯра и рекомендовалъ ему для житья Сузы, жители которыхъ ознакомились отъ него съ медициной[1]). Тотъ же царь построилъ яко бы города въ Индіи и заставилъ царей Синда и Хинда платить ему дань[2]). Цикломъ легендъ увито сказаніе о путешествіи въ Индію Бахрāма-Гӯра[3]). Какъ по поэтическимъ (Шāх-нāмэ), такъ и по историческимъ сообщеніямъ (арабскія сочиненія) власть Хосроя Анӯширвāна простиралась яко бы до Индіи[4]). Къ его царствованію возводится по преданію перенесеніе изъ Индіи въ Персію шахматной игры и извѣстнаго сборника басенъ и притчъ Калӣлы и Димны. При его дворѣ находилось яко бы болѣе сотни медиковъ — греческихъ, индійскихъ и персидскихъ[5]). Какъ къ нему, такъ и къ другимъ сасанидскимъ царямъ[6]), приходили посольства отъ индійскихъ владѣтелей съ письмами и подарками[7]). Слѣды этихъ сношеній яснѣе можетъ быть сохранились въ тѣхъ переводныхъ съ индійскаго сборникахъ басенъ и сказокъ, а также въ ихъ отрывкахъ, которые прежде чѣмъ попасть въ сирійскую или арабскую литературы, должны были быть переведены при Сасанидахъ на пехлевійскій языкъ[8]).

Въ одномъ изъ сочиненій того же Джāхиза сохранилась краткая характеристика Индійцевъ и ихъ культуры, характеристика, сходная съ

---

1) Весьма возможно, что въ сасанидской Персіи переводили уже на персидскій языкъ индійскія медицинскія сочиненія,—см. J. Jolly, Indische Medicin, Grundriss der indo-arischen Philologie, B. III, Heft 10, 1901, Strassburg, 18.

2) Zotenberg, o. c. 529, 530, 531. Cp. Nöldeke, Tabari, 67.

3) Nöldeke, Tabari, 106 folg. Zotenberg, 560 suiv.

4) Reinaud, 125, Zotenberg, 615.

5) Zotenberg, 629. Cp. Nöldeke, o. c., 304 (гдѣ у Хосроя Парвӣза 360 ученыхъ— предсказателей, волшебниковъ и астрологовъ).

6) Cp. Nöldeke, 371 folg.

7) О сношеніяхъ Сасанидовъ съ династіей Гупта см. замѣчанія у Lassen, Indische Alterthumskunde, II, 1874, 1007—8; объ Индіи и сасанидской Персіи см. также Spiegel, Eranische Alterthumskunde, III, Leipzig, 1878, 353 и 421. Иранскія вліянія на Индію, отсутствующія въ греко-бактрійскую и индо-пареянскую эпоху, можно точно опредѣлить съ появленіемъ индо-скиоскаго царства: мы видимъ на монетахъ иранскія божества и иранскіе титулы, пирей и персидскій костюмъ; персидскіе маги основали въ Индіи въ VI в. храмъ солнца — см. J. Darmesteter, Points de contact entre le Mahâbhârata et le Shâh-Nâmah (JA, 8 série, X, 1887, 38 suiv.).

8) Напр. тотъ же сборникъ Калӣла и Димна. Частичный примѣръ представляетъ разсказъ изъ антологіи, приписываемой тому-же Джāхизу, въ статьѣ бар. В. Р. Розена, Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худāй-Нāмэ, Восточныя Замѣтки, СПБ. 1895, 153 сл. (въ изданіи Van Vloten'а см. ٣٤٣ сл.).

его сообщеніями въ нашемъ трактатѣ[1]). Индійцы, по его словамъ, занимали первое мѣсто въ астрологіи, математикѣ, медицинѣ, отличались въ изобразительныхъ искусствахъ; имъ принадлежало изобрѣтеніе шахматовъ, самой благородной, наиболѣе требующей сообразительности и размышленія игры; они выдѣлывали превосходные мечи, которыми лучше другихъ и сражались; отличались въ музыкѣ и танцахъ. Славились также индійскія поэзія, краснорѣчіе, философія, словесныя науки. Отъ нихъ была взята книга «Калӣла и Димна» и отъ нихъ шло несравненное индійское алое. Такую характеристику быть можетъ индійцы получили еще со времени Сасанидовъ.

Кромѣ сообщеній о заимствованіи персами отъ индійцевъ, нашъ текстъ даетъ также нѣкоторыя извѣстія объ индійскихъ гаданіяхъ. Среди разнаго рода особыхъ, свойственныхъ индійцамъ знаній, называется, между прочимъ, особое знаніе — «джафръ», т. е. знаніе календаря и связанныхъ съ нимъ астрономическихъ и метеорологическихъ явленій. Тѣмъ же именемъ называлась и книга, заключавшая въ себѣ эти опредѣленія, альманахъ. Кромѣ того, каждыя семь лунныхъ станцій они называли этимъ именемъ. Такимъ образомъ, текстъ даетъ намъ новые матеріалы въ вопросѣ объ индійскомъ календарѣ, въ частности въ вопросѣ о такъ называемомъ лунномъ зодіакѣ, «накшатра-зодіакѣ», состоящемъ изъ 27 или 28 созвѣздій (въ нашемъ текстѣ 28). Зодіакъ этотъ существовалъ позже и у арабовъ, которымъ даже приписывается важное значеніе въ выработкѣ его[2]). Это индійское названіе, значеніе котораго нѣсколько уясняется нашимъ текстомъ, представляетъ также интересъ и въ вопросѣ о позднѣйшихъ арабскихъ книгахъ. Оно, впрочемъ, встрѣчалось уже ранѣе въ арабской литературѣ, напримѣръ въ «Ал-а̄са̄ръ ал-ба̄кійя» Бӣрӯнӣ[3]), сочиненіи, посвященномъ хронологіи древнихъ народовъ,—и при томъ нѣсколько разъ. Проф. Сахау,

---

1) كتاب فخر السودان على البيضان, см. Tria opuscula auctore Abu Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz Basrensi, quae edidit G. Van Vloten, Lugduni Batavorum, 1903, ٨٤—٨٥.

2) Инд. накшатра = араб. мана̄зиль. Объ этомъ вопросѣ (равно какъ вообще объ индійскихъ астрономіи и астрологіи) см. G. Thibaut, Astronomie, Astrologie und Mathematik (Grundriss der indo-arischen Philologie, B. III, H. 9), Strassburg, 1899, 12 folg. Бӣрӯнӣ (India) даетъ общія свѣдѣнія объ индійскихъ астрономіи и астрологіи: индійская литература объ астрономіи и астрологіи — ٧٣,٢ сл. и I, 152 сл.; принципы ихъ — ٣٠١,١٥ сл., II, 211 сл.; имена планетъ, знаковъ зодіака, лунныхъ станцій и т. п. — ١٠٣,٢٠ сл., I, 213 сл.; лунныя станціи — ٢٤٢,١ сл., II, 81. Объ арабской астрологіи мы имѣемъ цѣнную статью O. Loth, Al-Kindi als Astrolog, Morgenländische Forschungen, Festschrift Dr. H. L. Fleischer gewidmet, Leipzig, 1875, 261—309, гдѣ пояснены и многіе термины, встрѣчаемые въ нашемъ трактатѣ — شرف, هبوط, مقارنة, مقابلة, تثليث, تربيع и т. д.

3) Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî, herausgegeben von Dr. E. Sachau, Leipzig, 1878. The chronology of ancient nations, an english version of the arabic text of the Athâr-ul-bâkiya of Albîrûnî, translated by Dr. E. Sachau, London, 1879.

издатель и переводчикъ этого сочиненія, отмѣтивъ тѣ мѣста, гдѣ это названіе встрѣчается[1]), указалъ на то, что словарь арабскаго языка не даетъ объясненія этого слова, что оно есть спеціальный терминъ индійской астрологической системы, стоящій въ тѣсной связи съ лунными станціями, и что оно вѣроятно означаетъ нѣкоторыя подраздѣленія этихъ станцій. Опредѣленіемъ нашего текста гипотеза проф. Сахау подтверждается, — «при индійскомъ происхожденіи понятія, весьма возможно и индійское происхожденіе слова». Это же слово извѣстно въ позднѣйшей мусульманской литературѣ еще какъ названіе книги, — преимущественно магическаго содержанія. По Ибн-Халдӯну, «джафръ» — мистическая книга, комментарій на нѣкоторыя части Корана и объясненіе ихъ скрытаго смысла[2]). Названіе книги «джафръ» дало поводъ къ народнымъ этимологіямъ, что особенно понятно при иностранномъ происхожденіи этого названія[3]).

Кромѣ упоминанія «джафра», извѣстія нашего текста объ индійскихъ гаданіяхъ интересны еще тѣмъ, что противопоставляютъ и сравниваютъ ихъ съ арабскими. Различіе между ними заключается въ томъ, что арабскія гаданія основаны непосредственно на наблюденіи разнаго рода явленій; изъ этого наблюденія выводились арабами разнаго рода заключенія, — при этомъ не представлялось необходимости во вторичномъ доказательствѣ, основанномъ на астрологическихъ данныхъ[4]). Передъ нами — типичное натуральное гаданіе. Другой характеръ имѣло, по сообщенію нашего текста, индійское гаданіе. Индійцы познавали будущее изъ земныхъ явленій, «соединенныхъ съ небесными». Они выводили заключенія изъ событій и явленій, лишь справившись съ астрологическими данными. Крикъ ворона, лай собаки и пр. имѣлъ для нихъ опредѣленное значеніе лишь тогда, когда они сопоставляли ихъ съ положеніемъ небесныхъ свѣтилъ, напримѣръ съ тѣмъ, въ какомъ знакѣ зодіака или въ какой станціи находилась луна и пр. Передъ нами, такимъ образомъ, типичная «юдиціарная» астрологія, зани-

---

1) Chronology, 371—372.

2) Prolégomènes historiques d'Ibn Khaldoun, Notices et Extraits des manuscrits, XVI, 1, 184—185, 191; XX, 1, 214—216, 224—225.

3) Уже Van Vloten, Recherches sur la domination arabe, le chiitisme et les croyances messianiques sous le khalifate des Omayades, Verhandelingen der koninglijke Akademie van Wetenschapen, Afdeeling Letterkunde, Nieuwe reeks, Deel I, Amsterdam, 1896, 56, n. 6, предполагалъ иностранное происхожденіе этого слова, коптское или греческое (γραφή). О книгѣ «джафръ» см. еще J. Goldziher, Materialien zur Kenntniss der Almohadenbewegung in Nordafrica, ZDMG, 1887, B. 41, 123 и его же, Muhammedanische Studien, I, Halle, 1889, 271; ср. Ahlwardt, o. c. III, 1891, 551. О наукѣ подъ этимъ же именемъ ср. Хāджжӣ-Халӣфа, II (1837), 603 и Dozy, Supplément aux dictionnaires arabes, II (1881), 164 (при словѣ علم).

4) Нѣкоторыя древне-арабскія примѣты, основанныя на наблюденіи луны и звѣздъ см. у A. v. Kremer, Beiträge zur Kenntniss der Geschichte und Sitten der Araber vor dem Islam (nach Teskiret Ibn Hamdûn), SBWA, phil.-hist. Classe, 1851, VI, 410—450, спец. 444 folg.

мающаяся опредѣленіемъ вліянія свѣтилъ на судьбы человѣка[1]). Существеннымъ различіемъ является, такимъ образомъ, то, что у арабовъ обычныя гаданія первобытнаго народа, тогда какъ у индійцевъ гаданію даны яко-бы научныя основы, въ видѣ астрологическихъ данныхъ[2]). Мы остановились нѣсколько на этихъ сообщеніяхъ объ индійскихъ «сужденіяхъ» потому, что нашъ текстъ приписываетъ имъ вліяніе на персидское гаданіе черезъ являвшихся ко двору хосроевъ мудрецовъ. Это вліяніе могло разумѣется проходить и инымъ путемъ, благодаря исконнымъ историческимъ связямъ этихъ странъ.

Выше мы уже указывали на то, что въ ʻУю̄н-ал-ахба̄ръ, во второй книгѣ, сохранился, съ указаніемъ источника, рядъ древне-персидскихъ примѣтъ и повѣрій, въ большинствѣ сходныхъ съ сообщаемыми въ нашемъ текстѣ. Эти сообщенія выдѣлены Ибн-Кутейбой въ особую главу (одиннадцатую), которая, помимо содержанія, особенно важна какъ одна изъ весьма немногочисленныхъ изъ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ цитатъ изъ А̄йн-на̄мэ. Сравнивая содержаніе этой цитаты съ нашимъ текстомъ, мы должны указать, что въ ней можно найти лишь очень мало примѣтъ и повѣрій, отличныхъ отъ нашего текста; остальныя почти буквально совпадаютъ. Кромѣ небольшихъ отступленій, лишь заключеніе цитаты (дурная и хорошая примѣта при встрѣчѣ и царскіе обычаи) существенно отдаляется отъ нашего текста.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы убѣдились при изданіи, цитата изъ А̄йн-на̄мэ помогаетъ установить текстъ нашего трактата[3]), такъ что приходится сожалѣть, что она слишкомъ кратка. Для сравненія съ нашимъ текстомъ представляемъ полный переводъ этой цитаты (ʻУю̄н-ал-ахба̄ръ, II, 186,9—189,4).

1) По персидскимъ преданіямъ, юдиціарная астрологія положена въ основу распространенной на Востокѣ игры «нардъ» (триктракъ). Объ юдиціарной астрологіи въ Персіи вообще см. Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient, nouvelle édition par L. Langlès, t. II, Paris, 1811, 274 и t. IV, ib. 314 suiv. Основателями ея считаются древніе маги — ib. t. VIII, 375—376. Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи при ссылкахъ на Шардена мы будемъ имѣть въ виду именно это его изданіе.

2) Относительно указаній погоды лунными станціями и ихъ значеній ср. сообщенія нашего текста съ таблицей названій, значеній и погоды у Бӣрӯнӣ, Chronologie, ٣٢٧—٣٢٨; Chronology, 351. Тотъ-же авторъ, ٢٣٣—219, даетъ рядъ древне-персидскихъ астрологическихъ повѣрій. Арабскія наблюденія надъ звѣздами Бӣрӯнӣ тоже считаетъ основанными не на наукѣ, а на народномъ преданіи — тамъ-же ٢٣٨—٢٣٩, 226—227 (объ *анва̄* тамъ-же 428).

3) Первая и вторая книги ʻУю̄н-ал-ахба̄ръ изданы Brockelmann'омъ по двумъ рукописямъ—Азіатскаго Музея Академіи Наукъ и медресе Кёпрюлю въ Константинополѣ.

«Взгляды Персовъ на гаданіе и руководство имъ.

Читалъ я въ книгѣ Āйнъ, что Персы говорили:

Когда горные хищные звѣри и птицы начинаютъ сниматься со своихъ мѣстъ, то это указываетъ на то, что зимовка будетъ тяжелая и суровая.

Когда крысы приносятъ хозяину дома пшеницу и ячмень, или (вообще какую-нибудь) пищу, будетъ прибыль въ имуществѣ его самого и его дѣтей.

Если же онѣ грызутъ одежды его, это указываетъ на убыль въ имуществѣ его самого и его дѣтей, такъ что слѣдуетъ ему положить этому предѣлъ и исправить.

Когда громко пылаетъ огонь, то это указываетъ на большую радость.

Когда (огонь) пылаетъ завывая [букв. пламенемъ подобнымъ плачу], то это указываетъ на горе.

Что касается до огня, воспламеняющагося подъ котломъ, то это указываетъ на большіе дожди или на прибытіе гостей.

Когда начинается падежъ быковъ и коровъ, то будетъ смертность и среди людей.

Когда начинаютъ околѣвать свиньи, то всѣ люди будутъ въ безопасности и здоровы.

Когда начинаютъ околѣвать хищные звѣри, то постигнетъ людей нужда.

Когда начинаютъ околѣвать крысы, будетъ у людей изобиліе всего.

Когда много квакаютъ лягушки, это указываетъ на грядущую смертность.

Когда клохчетъ въ домѣ пѣтухъ, будутъ больны мужчины.

Когда клохчетъ курица, будутъ больны женщины.

Когда кричатъ пѣтухи крикомъ, похожимъ на плачъ, распространяется смертность среди женщинъ.

Когда кричатъ такъ же курицы, распространяется смертность среди мужчинъ.

Когда каркаетъ черный воронъ и отвѣчаетъ ему курица, то это указываетъ на разрушеніе и на (позднѣйшее) возстановленіе (разрушеннаго).

Когда кудахчетъ курица и отвѣчаетъ ей воронъ, то это указываетъ на обработку (чего-либо) и на (позднѣйшее) разрушеніе (этого).

Когда почтенный человѣкъ храпитъ во снѣ [1]), онъ достигаетъ славы и высокаго положенія.

---

1) Читая вм. فى قومه — فى نومه.

Кто дуетъ во снѣ, уничтожаетъ свое имущество.

Когда кто-нибудь стучитъ во снѣ зубами, то это указаніе на сплетню, и слѣдуетъ ему ударить себя по рту дырявымъ башмакомъ.

(Когда) передъ кѣмъ-нибудь упадетъ съ камня змѣя, постигнутъ его вредъ и непріятность.

Когда въ воздухѣ тьма и мракъ безъ причины, нужно народу опасаться эпидеміи и болѣзни.

Когда на небосклонѣ ясною[1]) ночью виденъ свѣтъ, въ родѣ мерцанія огней, то на ту мѣстность, гдѣ видятъ это, нападетъ врагъ.

Если же видятъ это, а въ этой мѣстности находится врагъ, то онъ уйдетъ изъ нея.

Когда неожиданно залаетъ ночью собака, это указываетъ на то, что воры задумали ограбить имущество, находящееся въ домѣ или у сосѣдей.

Когда пѣтухъ хлопаетъ крыльями и не кричитъ, это указываетъ на то, что счастье далеко отъ его хозяина.

Когда въ домѣ много кричитъ сова, выздоровѣетъ больной, если таковой находится въ немъ.

Когда слышенъ въ жилищѣ трескъ, уйдетъ изъ него живущій въ немъ.

Когда воютъ волки съ горъ и отвѣчаютъ имъ собаки изъ деревень, будутъ тяжелая война и пролитіе крови.

Когда воютъ собаки и отвѣчаютъ имъ волки, будутъ эпидемія и повальная смертность.

Когда неожиданно начинаютъ сильно выть собаки, это указываетъ на прибытіе врага въ ту мѣстность, гдѣ онѣ находятся.

Когда кричитъ въ домѣ пѣтухъ до времени пѣтушинаго крика, то это бываетъ изъ желанія устранить бѣду, надвигающуюся на этотъ домъ.

Когда кричитъ въ домѣ курица, какъ пѣтухъ, она предостерегаетъ живущихъ въ немъ отъ приближающагося несчастья.

Когда много прыгаетъ пѣтухъ на подушкѣ хозяина дома, онъ [т. е. хозяинъ] получаетъ славу и извѣстность.

Если дѣлаетъ это курица, постигаютъ его неизвѣстность и презрѣніе.

Когда пѣтухъ запачкаетъ коверъ его, онъ получитъ обильное имущество и большое богатство; и это (даже) въ томъ случаѣ, когда слуги уберутъ съ ковра (оставшееся на немъ).

---

1) Читай ясною вм. «темной» также въ трактатѣ Джāхиза.

Если запачкаетъ коверъ его курица, получитъ отъ него большое благо жена его.

Говорили они (еще): Близка смерть больного, похожаго на здороваго.

Здоровый, похожій на больного, подверженъ болѣзни, и необходимо избѣгать его.

Слѣдуетъ познать говорливаго (человѣка),—быть можетъ онъ не хорошо дѣлаетъ дѣло.

(Необходимо познать) молчаливаго, сдержаннаго,—быть можетъ онъ коваренъ.

И считали они дурнымъ встрѣтить новорожденнаго въ часъ его рожденія, если только онъ не былъ съ какимъ-нибудь недостаткомъ: такъ какъ въ такомъ случаѣ его несчастіе и горе обратились противъ него самого.

Считали они (также) дурнымъ встрѣтить хронически больного, неблагопріятнаго именемъ, дѣвушку—дѣвственницу, мальчика—идущаго въ школу.

Считали они (также) дурнымъ (встрѣтить) связанныхъ быковъ, (вообще) связанное животное, ведомое въ поводу верховое животное и несущее питье, дрова и....[1])

Считали они хорошимъ знакомъ (встрѣтить) здороваго тѣломъ, благопріятнаго именемъ, красивую и бывшую замужемъ женщину, мальчика — идущаго изъ школы, животныхъ, нагруженныхъ пищей, соломой или навозомъ.

Не отстраняли они отъ царскаго слуха пѣсенъ пѣвицъ, скрипа мачтъ, ржанія лошадей [букв. породистыхъ и простыхъ лошадей].

Въ мѣстѣ ночлега его [т. е. царя] держали пѣтуха и курицу.

Когда дарили ему лошадей, вели ихъ къ нему слѣва направо, равно какъ мелкій и крупный скотъ; невольниковъ же, хищныхъ звѣрей и пр. вели къ нему справа налѣво».

Персидскія примѣты и повѣрья составляютъ весьма древній слой нашего трактата[2]). Древни, вѣроятно, также и сообщенія объ индійскихъ вліяніяхъ на древне-персидскую науку и древне-персидскій фольклоръ.

---

1) Въ текстѣ стоитъ الكلب «собаку». У Dozy, Supplément, II, 482, приведено слово كلبا, «сортъ ячменя», но изъ Ибн-ʿАввāма, языкъ котораго сильно отличается отъ языка Ибн-Кутейбы.

2) Цѣнный матеріалъ о персидскомъ гаданіи имѣется у Шардена, IV, 430 suiv.

Какъ увидимъ ниже, «физіономическая» часть нашего трактата, значительнѣйшая часть его, труднѣе возводится къ опредѣленному источнику. Нужно, при этомъ, помнить, что трактатъ дошелъ до насъ на арабскомъ языкѣ, какъ памятникъ арабской литературы. Въ этомъ отношеніи онъ не лишенъ интереса и для арабскаго фольклора; недаромъ, во введеніи, авторъ указываетъ на арабовъ, какъ на народъ, болѣе всѣхъ прочихъ преданный разнаго рода суевѣріямъ: общенію съ «джиннами» и «гӯлями» и всякимъ гаданіямъ [1]). Эти гаданія даже перечисляются въ трактатѣ и мы можемъ сравнить ихъ съ другими дошедшими до насъ матеріалами [2]). Отмѣтимъ тѣ источники арабскаго фольклора, которые упоминаетъ авторъ: поэзію, гаданія и поговорки, т. е. именно тѣ матеріалы, которые и по сіе время являются первостепенными нашими источниками для изученія древне-арабскаго фольклора. Этимъ сообщеніемъ, до извѣстной степени, характеризуется отношеніе автора трактата къ его матеріаламъ [3]). Передавая суевѣрія, онъ оговаривается, что «истины въ нихъ мало», «вѣрность ихъ не надежна», что они происходятъ отъ дѣтей и невѣжественной массы. Передъ нами, такимъ образомъ, ученый книжникъ, стоящій или старающійся стоять выше того, что онъ передаетъ.

---

1) Нѣкоторые античные писатели приписывали птицегаданію арабское происхожденіе — A. Bouché-Leclercq, Histoire de la divination dans l'antiquité, T. I, Paris, 1879, 132, ср. впрочемъ 139.

2) О древне-арабскомъ фольклорѣ см. статьи A. v. Kremer, Studien zur vergleichenden Culturgeschichte nach arabischen Quellen, SBWA, phil.-hist.Classe, B. CXX, 1890, Abhandl. III и VIII, G. van Vloten, Dämonen, Geister und Zauber bei den alten Arabern, Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, VII, 1893, 169—188, 233—248, VIII, 1894, 59—74, 290—293 (объ арамейскихъ, набатейскихъ и индійскихъ вліяніяхъ на арабскій фольклоръ см. стр. 235) и книги J. Wellhausen, Reste arabischen Heidentums, Berlin, 1897 и J. Goldziher, Abhandlungen zur arabischen Philologie, I—II, Leiden, 1896—1899. Сообщенія объ арабскомъ гаданіи см. у Масʿӯдӣ, Prairies d'or III, 1864, pp. 333 suiv. Примѣры разнаго рода гаданія у древнихъ арабовъ (فراسة, قيافة, كهانة, عرافة) приводятся въ извѣстной космографіи Казвӣнӣ, Cazwini's Kosmographie, II Theil, herausgegeben von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1849, ٣١٧ сл. Различныя толкованія древне-арабскихъ способовъ гаданія въ европейскихъ сочиненіяхъ см. напр. H. L. Fleischer, Kleinere Schriften, III, Leipzig, 1888 (= Berichte über die Verhandlungen der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschatten, phil. hist. Classe, 1849), 201—202; G. Flügel, Die Loosbücher der Muhammadaner, Berichte über die Verhandlungen der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig, phil.-hist. Classe, XIII, 1861, 29, 37, 40; E. W. Lane, Arabian Society in the middle ages, London, 1883, 86 сл.; E. Rehatsek, Magic, Journal of the Bombay branch of the Royal Asiatic Society, XIV, 1886, 216—219; J. Wellhausen, o. c. 205—206.

3) Въ كتاب التربيع و التدوير того же Джāхиза имѣется также перечисленіе ряда арабскихъ магическихъ знаній; среди нихъ называются الزجر, الفراسة, الفأل, الطيرة, النجوم (علم), الخيلان (علم), أسرار الكفّ, النظر فى الأكتاف и др.; среди примѣтъ и физіономическихъ наблюденій указываются имѣющіяся и въ нашемъ трактатѣ (دوائر, قرض الفارة, الرأس и др.)—см. Tria opuscula etc., ١١١. Въ виду склонности Джāхиза повторять въ различныхъ своихъ произведеніяхъ одну и ту же тему (ср. напр. ЗВО, XVII, 281, пр. 1), облегчается вопросъ о принадлежности ему того или иного сочиненія.

Этотъ характеръ автора сказывается и во введенiи къ физiономическому отдѣлу, гдѣ имъ классифицируются «познаваемыя чувствами вещи». Въ этой классификацiи, въ этихъ мимоходомъ брошенныхъ замѣчанiяхъ, мы только и можемъ видѣть личность автора, арабскаго натуръ-философа, по выраженiю Фан-Флотена. Нужно, однако, прибавить, что этого очень мало, и трактатъ, подобно тому какъ выписанная Ибн-Кутейбой цитата изъ арабскаго перевода персидской книги, представляетъ главнымъ образомъ запись народныхъ примѣтъ и повѣрiй, а также преданiй древней науки. Даже изрѣдка встрѣчающiяся объясненiя примѣтъ (напр. встрѣча съ новорожденнымъ, имѣющимъ какой-нибудь физическiй недостатокъ, находящаяся и въ отрывкѣ изъ Āйн-нāмэ), никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены на долю автора и въ этомъ ихъ особенный интересъ.

3.

Среди многихъ и разнообразныхъ примѣтъ и повѣрiй, находящихся въ нашемъ трактатѣ, можно отмѣтить нѣкоторыя, имѣющiя между собою сходство, а потому и поддающiяся группировкѣ.

При этой группировкѣ мы прежде всего должны выдѣлить повѣрья и примѣты, относящiяся къ опредѣленному времени и потому имѣющiя въ нѣкоторыхъ случаяхъ календарный характеръ. Съ нихъ мы и начнемъ наши объяснительныя замѣчанiя, во-первыхъ потому, что опредѣленiя времени даютъ иногда указанiя на мѣсто, а во-вторыхъ потому, что съ календарныхъ повѣрiй и примѣтъ начинаетъ и нашъ трактатъ.

Послѣ разсказа о посѣщенiяхъ сасанидскихъ царей индiйскими мудрецами, нашъ текстъ сообщаетъ о томъ, что астрологи «распредѣляли царямъ дни недѣли», руководясь мнѣнiемъ, что каждый день находится подъ влiянiемъ особой звѣзды. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленiе дней въ порядкѣ мусульманскаго календаря, отъ Субботы до Пятницы. Суббота была предназначена для собранiй и совѣщанiй царей; Воскресенье — для суда; Понедѣльникъ — для охоты; Вторникъ — для военныхъ упражненiй (игры въ поло, скачекъ, борьбы) и возжиганiя священныхъ огней; Среда — для вершенiя разнаго рода государственныхъ дѣлъ: финансовыхъ операцiй, чеканки монетъ, наблюденiя за промышленными и торговыми дѣлами и пр.; Четвергъ — для спецiальныхъ занятiй дѣлами высшихъ классовъ населенiя и для построекъ всякаго рода; Пятница, «день украшенiя», — для отдыха и

праздниковъ. За соблюденіемъ подобнаго рода распредѣленія цари наблюдали съ особымъ вниманіемъ.

Передъ нами такимъ образомъ не обычный календарь, а календарь царей, своего рода церемоніальный календарь, регулировавшій придворную жизнь. Хотя это необходимо имѣть въ виду при комментаріи, все же названія дней связаны съ общимъ календарнымъ распредѣленіемъ, а потому намъ необходимо вспомнить характеръ иранскаго календаря[1]). Иранскій годъ распадался на 12 мѣсяцевъ, по 30 дней въ каждомъ; соотвѣтственные дни каждаго мѣсяца назывались одинаково; каждый день имѣлъ своего духа-покровителя; именемъ этого духа день и назывался. Мѣсяцъ не дѣлился на недѣли, хотя первый, восьмой, пятнадцатый и двадцать третій дни были особенно посвящены Аурамаздѣ[2]). Въ Авестѣ имѣются два небольшихъ трактата — большой и малый Сӣро̄за, два молитвенныхъ календаря изъ тридцати частей (по числу дней), въ которыхъ призываются духи каждаго дня[3]). Въ пехлевійской литературѣ также существуетъ небольшой трактатъ объ особенностяхъ тридцати священныхъ существъ, именемъ каждаго изъ которыхъ названъ каждый день мѣсяца[4]). Кромѣ того, имѣются два трактата, описывающіе дѣйствія, особенно предпочитаемыя для совершенія въ каждый день мѣсяца: Хакӣкат-ӣ-ро̄джха̄ и Ма̄тӣга̄н-ӣ-сӣ-ро̄джъ[5]). Первый трактатъ даетъ лишь самыя краткія наставленія[6]); подробнѣе касается этихъ вопросовъ второй трактатъ. Дастуръ Пешотанджи Санджана сдѣлалъ въ свое время переводъ на англійскій языкъ этого второго трактата или версіи его для исторіи Парсовъ, написанной Досабхай Фрамджи Карака[7]). Нѣкоторыя изъ дѣйствій имѣютъ прямое отношеніе къ «дѣя-

---

1) Общія свѣдѣнія объ иранскомъ календарѣ у L. H. Gray, Der iranische Kalender, Grundriss der iranischen Philologie, B. II, Strassburg, 1904, 675 — 678. Прибавимъ, что относительно отсутствія недѣль у древнихъ Персовъ весьма рѣшительно высказываются Бӣрӯнӣ, Chronologie, ٢٨,١٩ слѣд., Chronology, 58 и Казвӣнӣ—Cazwini's Kosmographie, I Theil, herausgegeben von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1849, ٧٩,٢٥ слѣд.

2) Бӣрӯнӣ, Chronologie, ٢٨—٢٩; Chronology, 58 сообщаетъ, что въ древности персы не имѣли недѣли и что ихъ примѣру (равно какъ согдійцевъ и хорезмійцевъ) слѣдуютъ копты.

3) J. Darmesteter, Le Zend-Avesta, traduction nouvelle, vol. II, Paris, 1892 (Annales du Musée Guimet, vol. XXII), 294 suiv. (цитуется далѣе подъ иниціалами ZA).

4) West, Pahlavi literature, 116 (ср. и 108). Переводъ его-же въ Sacred Books of the East, V, 1880, 404—406.

5) West, Pahlavi literature, 110—111.

6) Переводъ West'a помѣщенъ въ Muséon, VI, 1887, 268—272 (статья Notes sur quelques petits textes pehlevis, 263—273).

7) Dosabhai Framji Karaka, History of the Parsis, vol. I, London, 1884, 132—144. Переводъ этотъ не указанъ въ пехлевійской литературѣ West'a. У Karaka трактатъ названъ Madegane-lak-Yom. Въ виду того, что въ современной жизни Парсовъ подобнаго рода предписанія ежедневныхъ поступковъ не извѣстны, естественно относить ихъ въ древнее время — Karaka, 144.

ніямъ царей»; нѣкоторыя имѣютъ къ нимъ косвенное отношеніе. Изъ дней перваго рода отмѣчаемъ слѣдующіе: во второй день мѣсяца Бахманъ царямъ рекомендуется собирать совѣщанія; четвертый день Шахрӣваръ вообще благопріятенъ для царей, хорошъ для назначенія высшихъ должностныхъ лицъ, для выдачи имъ жалованья, для суда преступниковъ, для всякаго рода благодѣяній; въ девятый день А̄даръ хорошо молиться въ храмахъ огня и одарять ихъ (это рекомендуется впрочемъ не исключительно царямъ); въ десятый день А̄бāнъ хорошо проводить каналы, сажать деревья, вообще производить посѣвы (это рекомендуется впрочемъ не исключительно царямъ); въ семнадцатый день Срōшъ царямъ рекомендуется омывать лицо и чесать волосы (?); двадцатый день Бахрāмъ особенно хорошъ для охоты (не исключительно для царей). Большинство же рекомендуемыхъ дѣйствій не имѣетъ отношенія къ царямъ. Въ этихъ трактатахъ всѣ дѣйствія распредѣлены на 30 дней и мы не находимъ даже намека на какія-нибудь иныя подраздѣленія мѣсяца. Съ другой стороны, какъ мы уже отмѣтили, нашъ трактатъ называетъ лишь семь дней и притомъ именуетъ ихъ арабскими названіями, тогда какъ ему вообще не чужды древне-персидскія названія, какъ увидимъ дальше. Нужно однако отмѣтить, что, какъ мы упомянули, сообщенія нашего текста отличаются отъ пехлевійскихъ трактатовъ тѣмъ, что даютъ не обычный календарь, а распредѣленіе дней царя. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ другихъ древнихъ памятникахъ арабской литературы до насъ дошли стоящія въ связи съ иранскими сюжетами распредѣленія дней. Кромѣ сообщенія Бӣрӯнӣ [1]) о томъ, что персы дѣлятъ всѣ дни года на счастливые и несчастные, въ приписываемой тому-же Джāхизу антологіи «Китāб-ал-махāсин-уа-л-аддāдъ», вслѣдъ за сообщеніями несомнѣнно заимствованными изъ источниковъ, стоявшихъ въ связи съ сочиненіями сасанидской эпохи, мы встрѣчаемъ слѣдующее «описаніе дней», какъ выражается текстъ [2]): «Сказалъ Кисрā: вѣтряный день (предназначенъ) для сна, облачный — для охоты, дождливый — для веселья и питья. И говорятъ другіе: Суббота — день хитрости и обмана, Воскресенье — день посадки и постройки, Понедѣльникъ — день путешествія и исканія выгоды, Вторникъ — день кровопусканія, Среда — день затрудненія и несчастія, Четвергъ — день хожденія на поклоненіе, Пятница —

---

1) Chronologie, ٢٣٠,١٩-٢٠; Chronology, 217.

2) Le livre des beautés et des antithèses, attribué à Abu-Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz de Basra, texte arabe publié par G. van Vloten, Leide, 1898, ٣٦٥,٨ слѣд. Переводъ связанныхъ съ днями повѣрій изъ этого сочиненія былъ данъ по вѣнской рукописи въ статьѣ J. Goldziher, Ueber Tagewählerei bei den Mohammedanern, Globus, LX, 1891, 257—259, въ которой собраны нѣкоторыя любопытныя повѣрья относительно счастливыхъ и несчастныхъ дней у мусульманскихъ народовъ.

день мечети, женщинъ и (одѣванія праздничныхъ) одеждъ [или богопочитанія]». Въ 'Ую̄н-ал-ахба̄ръ, во второй книгѣ, въ короткой второй главѣ, трактующей о наилучшемъ времени для путешествія и войны, сообщается версія того-же текста[1]): «Говорятъ: Суббота — день хитрости и обмана, Воскресенье — день посадки и постройки, Понедѣльникъ — день путешествія и исканія выгоды, Вторникъ — день войны и крови, Среда — день, въ который ничего не берутъ и ничего не даруютъ[2]) [т. е. день несчастія], Четвергъ — день посѣщенія важныхъ лицъ и удовлетворенія желаній, Пятница — день проповѣдей и брака». Прибавимъ, что въ этой главѣ, при всей ея краткости, имѣется сообщеніе изъ персидскаго сочиненія[3]). Этотъ недѣльный календарь въ обѣихъ своихъ версіяхъ нѣкоторыми изъ распредѣленій имѣетъ сходство съ нашимъ текстомъ. Кромѣ того, мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что, въ цѣляхъ церемоніала, мѣсяцъ дѣлился на части (таковы Фарвардӣнъ и Михрма̄хъ, дѣлившіеся на шесть частей); при праздновrouteніи Наурӯза первые шесть дней мѣсяца имѣли особое значеніе — получалась какъ бы шестидневная церемоніальная недѣля[4]). Такимъ образомъ, хотя въ обычномъ персидскомъ календарѣ и не было недѣли, мы встрѣчаемъ примѣры существованія опредѣленной группы дней въ церемоніалѣ, отголоски извѣстій о чемъ мы имѣемъ и въ позднѣйшихъ арабскихъ извѣстіяхъ.

Къ такимъ же календарнымъ повѣрьямъ и примѣтамъ относятся далѣе и наблюденія надъ предметами и поступками, которыми было ознаменовано начало года. Такъ, годъ, въ началѣ котораго много занимались выдѣлкой луковъ и стрѣлъ, бывалъ годомъ удачной охоты и побѣды надъ врагомъ; годъ, въ началѣ котораго вершили много благочестивыхъ дѣлъ, бывалъ

1) См. II, ١٥٣,١٢ слѣд.

2) Варіантъ «день взятія и врученія». Мы переводимъ по варіанту рук. P по аналогіи съ вышеприведеннымъ сообщеніемъ въ Кита̄б-ал-маха̄синъ уа-л-адда̄дъ, гдѣ «день затрудненія и несчастія».

3) Въ этихъ характеристикахъ дней нѣтъ, по нашему мнѣнію, также близости къ господствующему нынѣ у мусульманъ представленію о дняхъ недѣли — Понедѣльникъ, Среда (ср. однако Goldziher, ц. с. 258), Четвергъ и Пятница счастливые дни, остальные несчастные — ср. Th. P. Hughes, A dictionary of Islam, London, 1895, 79 (сообщеніе Hughes'а касается впрочемъ главнымъ образомъ индійскихъ мусульманъ). По сообщенію Шардена, среда у Персовъ вообще счастливый день (IV, 444); ср. о дняхъ у него же еще IX, 90. О нѣкоторыхъ примѣтахъ, связанныхъ съ днями, въ мусульманской Персіи см. замѣчанія въ Kitabi Kulsum Naneh ou le livre des dames de la Perse contenant les règles de leur moeurs, usages et superstitions d'intérieur, traduit et annoté par J. Thonnelier, nouv. éd., Paris, 1891, 106, 108, 122, 124. Нѣкоторыя свѣдѣнія о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ въ персидскомъ фольклорѣ см. и у Ella C. Sykes, Persian folklore, Folk-lore, vol. XII, 1901, 264, 265.

4) См. нашу статью «Древнѣйшія арабскія извѣстія о праздновaніи Наурӯза въ сасанидской Персіи», ЗВО, XVI, 020—046, спеціально 029—030.

годомъ «дружбы, согласія и любви» и т. д. Таковыхъ наблюденій приводится девять. Бӣрӯнӣ даетъ намъ извѣстія о повѣрьяхъ и примѣтахъ, близкихъ по существу къ сейчасъ приведеннымъ. Такъ, онъ приводитъ слова «заклинателей»[1]) относительно перваго дня новаго года[2]): «кто утромъ, прежде чѣмъ сказать что-либо, прихлебнетъ трижды меда и надушитъ комнату тремя кусками воска, избавитъ себя отъ болѣзней», и относительно шестого дня[3]): «кто утромъ, прежде чѣмъ сказать что-либо, трижды вкуситъ сахара и умаститъ себя масломъ, отстранитъ отъ себя на этотъ годъ несчастья». Хорошимъ предзнаменованіемъ считалось, по его словамъ, смотрѣть на утреннюю зарю въ первый день[4]); въ шестой день счастье было яко-бы распредѣлено среди людей, а потому этотъ день и назывался «днемъ надежды»[5]). Казвӣнӣ сообщаетъ сходное[6]).

Къ этому же разряду примѣтъ и повѣрій принадлежатъ и сообщаемыя въ нашемъ трактатѣ извѣстія о гаданіи по росту ячменя. Древнѣйшіе арабскіе источники объ иранскомъ фольклорѣ, каковы Кисравӣ и Бӣрӯнӣ, сообщили намъ о постройкѣ столбовъ изъ кирпича, засѣвавшихся разнаго рода зернами, по росту которыхъ гадали о томъ, что случится въ предстоящемъ году. Извѣстія эти мы разобрали и комментировали въ другомъ мѣстѣ[7]). Оба сообщившихъ объ этомъ обычаѣ автора отмѣтили, что наибольшее вниманіе удѣлялось посѣву ячменя. Ритуальное значеніе ячменя находитъ себѣ полное объясненіе въ томъ, что онъ является однимъ изъ древнѣйшихъ культурныхъ растеній народовъ индо-европейскаго племени вообще, иранцевъ особенно[8]). Шестнадцать примѣтъ относительно ячменя, сообщенныхъ въ нашемъ трактатѣ, подробно разбираютъ различныя состоянія его роста.

Къ этимъ же календарнымъ повѣрьямъ и примѣтамъ можно отнести и возводимыя къ индійскимъ мудрецамъ заключенія относительно побѣды въ сраженіи въ зависимости отъ дуновенія вѣтра. Быть можетъ, примѣта относительно побѣды того, съ чьей стороны дулъ вѣтеръ, была основана на практикѣ: сасанидская военная теорія настойчиво рекомендовала, чтобы при

---

1) أصحاب النيرنجات.

2) Chronologie, ٢١٦,١–٣; Chronology, 200.

3) Chronologie, ٢١٧,٩–١٠; Chronology, 201—202.

4) Chronologie, ٢١٥,١٣; Chronology, 199.

5) Chronologie, ٢١٧,٨–٩; Chronology, 201.

6) Kosmographie, I, ٨٠,١٧ слѣд.

7) См. вышеупомянутую статью нашу о древнѣйшихъ арабскихъ извѣстіяхъ о празднованіи Наурӯза, 041—043.

8) O. Schrader, Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg, 1901, 289—290.

сраженіи вѣтеръ, равно какъ и солнце, приходились въ тылъ войска[1]). Въ зависимость отъ направленія вѣтра ставитъ постройку царскихъ покоевъ и отрывокъ изъ Āйн-нāмэ у Ибн-Кутейбы[2]).

Наконецъ, къ этимъ же календарнымъ примѣтамъ, относится наблюденіе относительно того, что все загадываемое исполнялось въ два мѣсяца персидскаго года — въ седьмой мѣсяцъ Михрмāхъ и въ девятый Āдармāхъ. Бӣрӯнӣ [3]) оставилъ намъ сообщенія относительно этихъ мѣсяцевъ персидскаго года, при чемъ эти его сообщенія касаются и фольклора. Въ Михрмāхъ приходился большой праздникъ осенняго равноденствія Михраджāнъ, по значенію своему равнявшійся празднику весенняго равноденствія Наурӯзу. Распредѣленіе этого праздника было то же, что и Наурӯза, только начало его приходилось не на первое, а на шестнадцатое число; «великимъ Михраджāномъ» именовалось двадцать первое число, Рāмрӯзъ. Какъ относительно Наурӯза, такъ и относительно Михраджāна, «заклинатели» высказываютъ опредѣленныя соображенія: «Кто отвѣдаетъ гранаты и понюхаетъ розовой воды въ день Михраджāна, отстранитъ отъ себя много горя»[4]). Такъ-же какъ въ Наурӯзъ, и въ этомъ случаѣ Хурмузъ, сына Шāпӯра, Смѣлый соединилъ, по преданію, оба дня — Михраджāнъ и Рāмрӯзъ, сдѣлавъ праздникомъ все время между этими двумя днями; такъ-же какъ въ Наурӯзъ, весь мѣсяцъ былъ раздѣленъ на шесть частей, по пяти дней въ каждой, при чемъ каждая часть была праздникомъ особаго класса. Что касается до описанія Āдармāха, то начало его, къ сожалѣнію, утрачено въ текстѣ Бӣрӯнӣ; тѣмъ не менѣе въ сохранившейся части дошли нѣкоторыя, любопытныя свѣдѣнія. Такъ, «заклинатели» считали время на утренней зарѣ перваго числа этого мѣсяца особенно благопріятнымъ и говорили, что тотъ, «кто утромъ, прежде чѣмъ сказать что-либо, отвѣдаетъ айвы и понюхаетъ цедръ, будетъ счастливъ весь годъ». Персы въ древности пили медъ, если луна была въ «огненной станціи» и воду, если она была въ «водяной», — вообще, по словамъ Бӣрӯнӣ, они сообразовывались съ лунными станціями. Персы, далѣе, считали хорошимъ знакомъ разсматривать облака и по тому, были ли они темныя или свѣтлыя, густыя или тонкія, заключали будетъ ли годъ счастливый или несчастный, плодородный или неурожайный. Девятый день этого мѣсяца — день огня, названный именемъ духа, властвующаго надо всѣми огнями; это время — разгаръ зимы; по закону Зардушта, на-

---

1) См. вышеупомянутую статью нашу объ отрывкѣ военнаго трактата изъ сасанидской «Книги установленій», 255 и 266—267.

2) III, ٢٩١,١٢;

3) Chronologie, ٢٢٢,٦ слѣд., ٢٢٥,٢ слѣд.; Chronology, 207—210, 211.

4) Ср. Казвӣнӣ I, ٨٢,٧–٨.

родъ посѣщалъ въ этотъ день храмы огня и даровалъ туда приношенія. Сходныя, но болѣе краткія описанія даетъ и Казвӣнӣ [1]).

Въ описаніи Āдармāха у этого послѣдняго автора сохранилось въ праздновапіи перваго дня мѣсяца описаніе такъ называемаго «выѣзда безбородаго». Сообщеніе объ этомъ сохранилось не только у Казвӣнӣ, но и у другихъ арабскихъ авторовъ, напр. у Мас'ӯдӣ (въ Мурӯдж-аз-захабъ и Китāб-ат-тенбӣхъ) и Димашкӣ [2]). Въ Китāб-ат-тенбӣхъ мы имѣемъ лишь краткое упоминаніе объ этомъ праздникѣ, но въ Мурӯдж-аз-захабъ имѣется небольшое описаніе его, озаглавленное «праздникъ выѣзда безбородаго». Въ это время, по разсказу Мас'ӯдӣ, персы ѣли согрѣвающую пищу и пили согрѣвающіе напитки, такъ какъ время это было самое холодное; «безбородый» представлялъ собою врага холода, на котораго лили холодную воду; въ отвѣтъ на это онъ долженъ былъ кричать: «жарко, жарко!». Сахау, при переводѣ Бӣрӯнӣ, вставилъ небольшой отрывокъ изъ сочиненія того же автора «Ал-кāнӯн-ал-мас'ӯдӣ» о той же церемоніи, ничего существеннаго къ опубликованнымъ уже извѣстіямъ не прибавляющій [3]). По Казвӣнӣ, «безбородый», поѣвъ горячей пищи, намазавъ себя мазями и одѣвъ па себя рубища, выѣзжалъ на ослѣ, дѣлалъ видъ, что ему очень жарко и опахалъ себя вѣеромъ, съ криками: «гермъ, гермъ!» т. е. «жарко, жарко!». Народъ при этомъ лилъ на него воду и бросалъ снѣгъ и ледъ. У «безбородаго» была съ собою настойка изъ красной глины, которой онъ мазалъ одежды тѣхъ, которые не давали подачекъ. По разсказу Димашкӣ, за нѣсколько времени до праздника, «безбородаго» плотно кормили и поили хмельными напитками. Въ началѣ мѣсяца его одѣвали въ платье изъ хорошей матеріи и сажали на корову; въ рукѣ у него былъ воронъ, народъ сопровождалъ его, лилъ на него воду, бросалъ снѣгъ, размахивалъ вѣерами, а онъ кричалъ: «жарко, жарко!». Такъ продолжалось семь дней, при чемъ народная толпа, сопровождавшая «безбородаго», грабила и буйствовала. По окончаніи семи дней, все успокаивалось. Съ этимъ обрядомъ «симпатической магіи», кромѣ упоминанія объ Āдармāхѣ, нашъ текстъ связывается еще тѣмъ, что непосредственно за

---

1) I, ٨١,٣٠—٨٢,١١; ٨٢,١٩—٨٣,١.

2) Prairies d'or, III, 413—414; Kitâb at-tanbih, Bibliotheca Geographorum Arabicorum, VIII, Leyde, 1894, ٢١٥,٨٩; B. Carra de Vaux, Le livre de l'avertissement et de la revision de Maçoudi, Paris, 1896, 288; A. F. Mehren, Cosmographie de Chems ed-din Abou Abdallah Mahommed ed-Dimichqi, texte arabe publié d'après l'edition commencée par M. Frähn et d'après les manuscrits par—, St.-Pétersbourg, 1866, ٢٧٩,١١ слѣд.; A. F. Mehren, Manuel de la cosmographie du moyen âge, traduit de l'arabe et accompagnée d'eclaircissements par, — Copenhague, 1874, 406.

3) Chronology, 211 и 423.

этимъ упоминаніемъ приводитъ слѣдующую примѣту: считалась неблагопріятной встрѣча съ безбородымъ человѣкомъ (равно какъ съ голубоглазымъ и угреватымъ) [1]).

Таковы тѣ, находящіяся въ нашемъ трактатѣ примѣты и повѣрья, которыя имѣютъ связь съ календаремъ. Возможно, что повѣрья и примѣты о дняхъ, приведенныя въ порядкѣ мусульманской недѣли, основаны на старо-персидскомъ церемоніальномъ распредѣленіи дней. Заслуживаютъ далѣе вниманія гаданья, связанныя съ началомъ года, указывающія лишній разъ на значеніе Наурӯза въ старо-персидской обрядности. Это подтверждается и другими источниками, отчасти уясняющими нашъ трактатъ,—напр. такъ называемые «сады Адониса» [2]) заставляютъ предполагать, что гаданье по ячменю производилось не только по полю или отдѣльнымъ колосьямъ, но и по особымъ посѣвамъ на глиняныхъ столбахъ, сооружавшихся спеціально для цѣлей гаданья. Наконецъ, заслуживаютъ вниманія указанія на роковое значеніе мѣсяцевъ свѣта и огня, Михрмāха и Āдармāха, во время которыхъ исполнялись гаданья.

4.

Въ предъидущей главѣ мы разсмотрѣли нѣкоторыя повѣрья и примѣты, имѣющія связь съ календаремъ. Дошедшія до насъ арабскія извѣстія, переводныя или заимствованныя изъ персидскихъ источниковъ, заставляютъ предполагать близость этихъ повѣрій и примѣтъ къ сасанидской эпохѣ. Возводить ихъ ко времени, предшествовавшему этой эпохѣ, у насъ нѣтъ основаній, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и могутъ быть весьма древни (напр. гаданье по ячменю). При разсказѣ объ индійскихъ мудрецахъ, посѣщавшихъ Персію, называются имена нѣкоторыхъ царей; имена эти царей Сасанидскихъ — Кобāда, Шāпӯра, Анӯширвāна, Бахрāма-Гӯра. Распредѣленіе дней имѣетъ непосредственное отношеніе къ церемоніалу двора; нѣкоторые предметы, выдѣлкой которыхъ знаменуется начало года, также относятся къ сравнительно высокой культурѣ и при томъ особенно типичны именно для сасанидской Персіи (напр. «саулджāны», палки или молотки для игры въ поло); обрядъ гаданія по росту растеній, согласно арабскимъ извѣстіямъ, былъ общепринятымъ въ сасанидской Персіи.

---

1) По Прокопію Кесарійскому (I, 11), персидскимъ царемъ не могъ быть одноглазый или вообще человѣкъ съ тѣлеснымъ недостаткомъ. Ср. Nöldeke, Tabari, 45, anm.

2) Ср. ЗВО, XVI, 027 и 042.

Держась по возможности порядка изложенія въ нашемъ трактатѣ, мы должны перейти къ инымъ старо-персидскимъ повѣрьямъ и примѣтамъ, древность которыхъ можетъ быть возведена въ болѣе отдаленную эпоху. Эти повѣрья и примѣты касаются разнаго рода животныхъ и древность ихъ подтверждается въ значительной части персидскими литературными памятниками. Нашъ трактатъ называетъ цѣлый рядъ животныхъ, по которымъ гадали персы; мы встрѣчаемъ — пѣтуха и курицу, собаку и волка, крысъ, змѣй, лисицъ, лягушекъ и т. д. Форма этихъ примѣтъ и повѣрій чрезвычайно архаична. Большая часть цитаты изъ Āйн-нāмэ у Ибн-Кутейбы содержитъ именно эту часть нашего трактата. Разборъ мы начнемъ съ одного изъ важнѣйшихъ животныхъ до-мусульманской Персіи — пѣтуха.

Примѣты относительно пѣтуха, сообщаемыя въ нашемъ текстѣ, слѣдующія: 1) пѣтушиный крикъ до времени есть предостереженіе, 2) прыганье пѣтуха на подушкѣ и ложѣ хозяина дома — предсказаніе славы, 3) экскрементъ пѣтуха на коврѣ — предсказаніе счастія, 4) клохчетъ пѣтухъ — болѣзнь мущины (или мущинъ), 5) заунывный восkликъ пѣтуха — смерть женщинъ, 6) хлопанье крыльями безъ крика — несчастье хозяина, 7) частый крикъ — предостереженіе и предсказаніе побѣды, 8) крикъ пѣтуха неблагопріятенъ при встрѣчѣ со знатными людьми и царями. Въ цитатѣ изъ Āйн-нāмэ также сообщаются повѣрья относительно пѣтуха, совпадающія съ приведенными въ нашемъ трактатѣ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ изъ вышеуказанныхъ; кромѣ того, въ ней приводится еще извѣстіе объ обычаѣ держать въ мѣстѣ ночлега царя пѣтуха и курицу. Въ связи съ примѣтами относительно пѣтуха, стоятъ таковыя же и относительно курицы. Въ нашемъ трактатѣ сообщается: 1) крикъ курицы, похожій на пѣтушиный, есть предостереженіе, 2) прыганье курицы на подушкѣ хозяина дома — предсказаніе безславія и ущерба, 3) экскрементъ курицы на коврѣ — предсказаніе падежа скота, 4) клохчетъ курица — болѣзнь женщины (или женщинъ), 5) заунывный восkликъ курицы — смерть мущинъ, 6) когда курица отвѣчаетъ карканью ворона — что-нибудь будетъ разрушено, а затѣмъ возстановлено, 7) когда воронъ вторитъ кудахтанью курицы — что-нибудь будетъ воздѣлано, а затѣмъ разрушено. Въ цитатѣ изъ Āйн-нāмэ сообщаются тѣ же повѣрья и относительно курицы, съ той лишь разницей, что экскрементъ ея на коврѣ означаетъ не предсказаніе падежа скота, а полученіе богатства женой хозяина дома.

Пѣтухъ имѣлъ и имѣетъ особенное значеніе въ маздеизмѣ [1]). Гейгеръ въ своей книгѣ о древней восточно-иранской культурѣ далъ очеркъ той

---

1) О пѣтухѣ и курицѣ въ индо-европейской древности см. Schrader, Reallexicon, 322—325.

роли, которую пѣтухъ игралъ въ вѣрованіяхъ иранцевъ[1]). Особенно почитался пѣтухъ потому, что онъ поддерживалъ людей въ ихъ стремленіи къ бодрости; пробуждая, онъ побуждалъ ихъ снова возжечь огонь очага. Въ восемнадцатомъ «фаргардѣ» (главѣ) Вендӣдāда подробно излагается значеніе пѣтуха[2]). Пѣтухъ, ближайшій пособникъ Сраоши[3]), добраго духа, защищающаго міръ отъ демоновъ ночи. Въ часъ зари онъ взываетъ къ людямъ, онъ побуждаетъ ихъ пробудиться, чтобы не набросился на нихъ злой духъ сна, склоняющій людей къ дурнымъ мыслямъ, дурнымъ словамъ и дурнымъдѣяніямъ[4]). Въ первую треть ночи Āтаръ, сынъ Аурамазды, (т. е. огонь) призываетъ хозяина дома встать, опоясаться, омыть руки, взять дерево, принести его, затѣмъ зажечь это чистое дерево, взятое чистыми руками. Во вторую треть ночи Āтаръ взываетъ къ земледѣльцу — встать, опоясаться, омыть руки, взять дерево, принести его, затѣмъ зажечь это чистое дерево, взятое чистыми руками. Въ третью треть ночи Āтаръ зоветъ на помощь Сраошу и тогда пѣтухъ будитъ людей своимъ крикомъ. Тотъ, кто даетъ вѣрующему пару этихъ птицъ, пѣтуха и курицу, какъ бы даетъ ему рай, такъ какъ пѣтухъ не позволитъ ему забыть время молитвы. По Бӯндахишу[5]) пѣтухъ созданъ для борьбы съ демонами и колдунами, дѣйствуя вмѣстѣ съ собакой; пѣтухъ и собака, согласно откровенію, болѣе всѣхъ остальныхъ созданій помогаютъ Срōшу (т. е. Сраошѣ) въ уничтоженіи враговъ. Шāястъ-лā-шāястъ (X, 30)[6]) указываетъ, что не слѣдуетъ убивать курицу, кричащую по пѣтушиному; этому дому угрожаетъ несчастіе со стороны колдуновъ, — пѣтухъ не въ состояніи отстранить его, и курица своимъ крикомъ помогаетъ ему, особенно въ томъ случаѣ, когда нужно принести въ этотъ домъ для устраненія несчастія еще одного пѣтуха. Саддаръ (XXXII)[7]) развиваетъ положеніе, указанное въ Шāястъ-ла-

---

1) W. Geiger, Ostīrānische Kultur im Altertum, Erlangen, 1882, 365—368.

2) Darmesteter, ZA, II, 244—247. Ср. также послѣдній переводъ этого фаргарда у K. F. Geldner, Vendidad, Fargard XVIII въ Avesta, Pahlavi and Ancient Persian Studies in honour of the late Shams-ul-ulama Dastur Peshotanji Behramji Sanjana, I Series, Strassburg-Leipzig, 1904, 201 folg.

3) О Сраошѣ, Срōшѣ см. ZA, I, Paris, 1892, 357—358 и извѣстія Бӣрӯнӣ, Chronologie, ٢١٨ и Chronology, 204.

4) Переводъ возгласа пѣтуха данъ и у Geiger'а, 366.

5) XIX, 33, Pahlavi texts translated by E. W. West, I, Oxford, 1880, 73 (Sacred books of the East, V). Это мѣсто приведено и у Darmesteter'а, ZA, II, 244, n. 24.

6) West, Pahlavi texts, I, 330—331.

7) Въ мусульманской Персіи несвоевременное пѣніе пѣтуха имѣетъ дурное значеніе; по крайней мѣрѣ въ Кульсӯм-нэнэ, Thonnelier, o. c. 19—20, несвоевременно поющему пѣтуху рекомендуется свернуть шею. Сходное сообщеніе приводится у L. Dubeux, La Perse, Paris, 1841, 400 (по Морьеру), а также у E. Sykes, o. c. 265. Это примѣръ реакціи ислама противъ старо-персидскихъ вѣрованій.

шāястъ: когда кричитъ курица или не во время кричитъ пѣтухъ, ихъ не слѣдуетъ убивать и считать это дурнымъ знакомъ [1]). Этотъ крикъ является слѣдствіемъ того, что «врагъ нашелъ дорогу въ этотъ домъ»; курица или пѣтухъ въ одиночку не могутъ удалить его и курица идетъ на помощь пѣтуху; нужно принести другого пѣтуха, который помогъ бы первому. Когда пѣтухъ кричитъ не во время, его не слѣдуетъ убивать, такъ какъ причина та-же, что и крикъ курицы. Въ каждомъ домѣ, гдѣ имѣется младенецъ, надо держать пѣтуха для устраненія врага отъ этого дома. Въ другомъ мѣстѣ той-же книги (XXXIV) [2]), сообщается о грѣхѣ убивать животныхъ— ягненка, козленка, упряжного въ соху быка, военную лошадь, ласточку, уничтожающую скорпіоновъ, и пѣтуха, — но самый большой грѣхъ убійство пѣтуха.

Другимъ очень важнымъ животнымъ сасанидской Персіи является собака, о которой нашъ текстъ также сообщаетъ повѣрья и примѣты. Прежде всего, отмѣчается, что тотъ, кто не любитъ лая собакъ, будетъ жить на чужбинѣ, будетъ несчастенъ. Изъ примѣтъ указываются: 1) вой волковъ въ горахъ и отвѣтный вой собакъ въ деревняхъ—предсказаніе тяжелой войны; 2) вой собакъ въ деревняхъ и отвѣтный вой волковъ въ горахъ—предсказаніе эпидеміи на людей и домашнихъ животныхъ; 3) когда однѣ собаки обнаруживаютъ безпокойство (бѣгаютъ, лаютъ и пр.), а другія не вторятъ имъ — предсказаніе бѣгства; 4) впрочемъ на то-же указываетъ, по нашему тексту, и то, что другія собаки вторятъ имъ. Въ цитатѣ изъ Āйн-нāмэ, кромѣ приведеннаго въ нашемъ текстѣ, сообщается еще слѣдующее: 1) неожиданный лай собаки ночью указываетъ на замыслы воровъ противъ даннаго дома или сосѣдей; 2) неожиданный вой собакъ указываетъ на прибытіе врага.

Очеркъ значенія собаки въ древней восточно-иранской культурѣ былъ также данъ Гейгеромъ въ вышеназванномъ его сочиненіи [3]). Собака являлась тогда вѣрнымъ спутникомъ и другомъ человѣка; она охраняла безопасность его и его имущества, особенно стада. 13, 14 и часть 15-го Фаргарда Вендӣдāда посвящены собакѣ и родственнымъ ей животнымъ [4]). Перечисляются наказанія, слѣдуемыя за убійство или просто ударъ собакѣ, при чемъ называются разныя собаки: охраняющая стада [5]), охраняющая

1) E. W. West, Pahlavi texts, III, Oxford, 1885 (Sacred books of the East, v. XXIV), 293—294. Это мѣсто вкратцѣ указано и у Darmesteter'a, ZA, II, 244, n. 24.

2) Ib. 295.

3) Geiger, o. c. 368—373.

4) Darmesteter, o. c. 192 suiv.

5) Ср. Дӣнкардъ, VIII, 23—West, Pahlavi texts, IV, Oxford, 1892 (Sacred books of the East, vol. XXXVII), 81 сл.

домъ, бродячая собака, собака дрессированная т. е. охотничья [1]). Собака, охраняющая стада, бѣгаетъ вокругъ усадьбы, высматривая вора или волка. Домашняя собака бѣгаетъ съ той-же цѣлью вокругъ дома. Бродячая собака уничтожаетъ вредныхъ животныхъ и изгоняетъ злого духа. Указываются наказанія, слѣдуемыя за дарованіе собакамъ плохой пищи и та пища, которая слѣдуетъ собакѣ. Говорится о леченіи больной собаки. Аурамазда излагаетъ назначеніе собаки — она создана беречь имущество человѣка отъ вора, отъ волка. Относительно помѣсей собаки съ волками указывается, что помѣсь собаки съ волчицей опаснѣе, вреднѣе, чѣмъ помѣсь волка съ собакой. Подробно описываются качества этого животнаго. Приказывается давать свободный доступъ къ дому какъ пастушеской, такъ и домашней собакѣ. Далѣе, согласно персидскимъ вѣрованіямъ, послѣ смерти, душа собаки переходила въ выдръ,—изъ одной собаки образовывались двѣ выдры,—отсюда святость выдръ. Даются разнаго рода предписанія относительно обращенія съ собакой, когда ей нужно ощениться. И въ позднѣйшей литературѣ маздеизма восхваляется собака. Въ Бӯндахишѣ [2]) собака является сотрудницей пѣтуха въ борьбѣ со злыми духами и колдунами. Саддаръ (XXXI) [3]) предписываетъ ласково обращаться съ собакой, не бить и не гнать ее; совпадая съ сообщеніями нашего текста, Саддаръ указываетъ, что лай собаки прогоняетъ враговъ. Съ собакой связана и особая часть въ погребальномъ обрядѣ, не указанная впрочемъ прямо въ Авестѣ. Часть эта носитъ названіе «Сагдӣдъ» и состоитъ въ томъ, что къ трупу подводятъ собаку [4]), которая своимъ взглядомъ отгоняетъ злого духа. Въ Артā-Вӣрāфъ-Нāмакѣ сообщается о жестокихъ мукахъ, постигающихъ человѣка, не давшаго пищи, ударившаго или убившаго собаку [5]).

По древне-персидскимъ вѣрованіямъ ежъ принадлежалъ также къ собачьей породѣ и поэтому также пользовался почетомъ. Начало тринадцатаго Фаргарда Вендӣдāда считаетъ ежа однимъ изъ созданій Аурамазды, каждую ночь, отъ полночи до восхода солнца, уничтожающимъ злыя существа. Большой вредъ наноситъ себѣ человѣкъ, убивающій ежа [6]). По Бӯндахишу, ежъ созданъ на погибель муравьевъ, уничтожающихъ посѣвы. Дармсте-

---

1) Различныя породы собакъ упоминаются въ 5-мъ Фаргардѣ — Darmesteter, 76. Ср. Бӯндахишъ (XIV, 19)—West, o. c. 48—49.

2) XIX, 33 — West, o. c. 73.

3) West, o. c. 292—293.

4) Darmesteter, o. c. 149.

5) M. A. Barthélemy, Artâ Vîrâf-Nâmak ou livre d'Ardâ Vîrâf, Paris, 1887, chap. XLVIII.

6) Darmesteter, o. c. 192 suiv.

теръ [1]) указалъ параллельныя къ Вендӣдāду мѣста изъ Бӯндахиша, Шāястъ-лā-шāяста и Саддара, а также интересное мѣсто у Якӯта, по которому въ Седжестāнѣ каждый домъ имѣлъ своего ежа, истреблявшаго пресмыкающихся. Древне-персидское вѣрованіе отразилось и въ нашемъ текстѣ—тотъ, кто не любитъ ежей, не будетъ имѣть друга и есть вообще человѣкъ порочный.

Къ собачьей-же породѣ относилась и лисица. Бӯндахишъ [2]) называетъ десять видовъ собачьей породы: пастушья собака, домашняя собака, бродячая собака, охотничья собака, выдра, лисица, ихневмонъ, ежъ, дикобразъ и цибетная кошка. Понятно такимъ образомъ, что вмѣстѣ съ собакой, выдрой и ежомъ, и лисица называется среди твореній Добраго Духа (ср. фаргардъ 13).

Въ нашемъ текстѣ сообщаются слѣдующія повѣрья и примѣты относительно лисицы: 1) хорошій человѣкъ тотъ, который не любитъ крика лисицъ; 2) когда много кричатъ лисицы, надо опасаться бѣдствій отъ колдуновъ; 3) когда крикъ лисицъ походитъ на вой собакъ, постигнетъ людей вредъ отъ хищныхъ звѣрей; 4) когда крикъ ихъ походитъ на вой шакаловъ, то много будетъ дѣла вельможамъ.

Воронъ, священная птица Авесты [3]), воплощеніе духа побѣды, царской славы, также упоминается въ древне-персидскихъ повѣрьяхъ. Карканье ворона и отвѣтное кудахтанье курицы указываютъ на разрушеніе чего-нибудь и на позднѣйшее возстановленіе разрушеннаго, тогда какъ кудахтанье курицы и отвѣтное карканье ворона указываютъ па обработку чего-либо и на позднѣйшее разрушеніе этого. Это же повѣрье приводится и въ цитатѣ изъ Āйӣн-нāмэ.

Упоминаются также въ нашихъ текстахъ и нѣкоторыя домашнія животныя, имѣвшія большое значеніе въ восточно-иранской культурѣ. Мы находимъ примѣту относительно крупнаго рогатаго скота: когда распространяется среди него смертность, то будетъ эпидемія и среди людей. Корова играетъ очень важную роль во всѣхъ частяхъ Авесты; Гейгеръ въ вышеупомянутомъ сочиненіи своемъ подробно говорилъ о роли рогатаго скота въ восточно-иранской культурѣ [4]). Упоминается также и мелкій скотъ, впрочемъ въ одномъ случаѣ: кто любитъ слушать голоса овецъ, верблюдовъ и пр. скота—грубый и злой человѣкъ. Овцы и козы, какъ уже ука-

1) O. c. 194, n. 5.
2) XIV, 19 — o. c. 48—49. Cp. Darmesteter, o. c. 76, n. 63, а также ib. 197—198.
3) ZA, II, 149, n. 16, 560, 566, 571, 624—625. Cp. Schrader, Reallexicon, 769.
4) O. c. 343—350. О подраздѣленіи животныхъ вообще см. Бӯндахишъ, XIV — West, o. c. 48 сл.

залъ Гейгеръ[1]), имѣютъ гораздо меньше значенія въ Авестѣ, чѣмъ крупный скотъ, что объясняется тѣмъ же ученымъ особенной пользой послѣдняго рода домашнихъ животныхъ, а также тѣмъ, что Авеста была составлена главнымъ образомъ для осѣдлаго населенія, въ жизни котораго крупный скотъ былъ важнѣе, чѣмъ болѣе близкія кочевому быту овцы и козы. Быть можетъ, этимъ объясняется краткое и пренебрежительное отношеніе нашего текста къ любящимъ голоса овецъ[2]). Относительно муловъ иословъ говорится, что не любящій ихъ голосовъ не достигаетъ желаемаго; не любящій храпа муловъ, удаляется съ родины, лишенъ возможности свободно объясняться; не любящій ослинаго рева, хотя и имѣетъ хорошія качества, несчастливъ[3]). Въ Артā-Вӣрāфъ-Нāмакѣ описываются жестокія пытки умершихъ, при жизни «закрывавшихъ рты» вьючнымъ домашнимъ животнымъ[4]) и вообще мучившихъ ихъ[5]); хорошее обращеніе съ домашними животными наоборотъ ведетъ къ блаженству въ загробной жизни[6]). Въ повѣрьяхъ и примѣтахъ упоминаются также и нѣкоторыя другія, менѣе часто встрѣчающіяся въ древне-персидской культурѣ животныя и птицы: жуки (не любящій ихъ шума безплоденъ и алченъ), фазаны дикій и домашній (перекликанье ихъ предсказываетъ побѣду надъ врагами), совы (только въ цитатѣ изъ Āйн-нāмэ, — когда много кричатъ совы, это указываетъ на выздоровленіе больного)[7]), свиньи (ихъ падежъ предсказываетъ безопасность людей).

Прежде чѣмъ перейти къ животнымъ, признававшимся съ точки зрѣнія маздеизма вредными и дурными, мы остановимся еще на одномъ животномъ, считавшемся важнымъ и полезнымъ. Это животное — лошадь, игравшая громадную роль въ древней Персіи[8]).

---

1) O. c. 362—365, ср. 344—345.

2) Тутъ же, впрочемъ, говорится и о верблюдахъ, о которыхъ см. Geiger, o. c. 356-361.

3) Объ ослѣ см. Geiger, o. c. 361—362.

4) Barthélemy, ch. LXXV.

5) Ib., ch. XXX, LXXIV, LXXVII.

6) Ib., ch. XV.

7) Въ значительномъ числѣ народныхъ примѣтъ сова пользуется дурной славой. Относительно мусульманской Персіи укажу напр. на мѣста въ Гулистāнѣ Са'дӣ (Константинопольское изданіе, ١٢٩١, ٢١ и ٢٠٣), въ которыхъ сова называется птицей, не оказывающей покровительства и приносящей дурную вѣсть. См. также Sykes, o. c. 265.

8) О лошади въ древней Персіи, кромѣ Geiger, o. c. 350—356, см. еще C. A. Piétrement, Les chevaux de l'Avesta, Revue de Linguistique, 1880, 315—325 и его же Les chevaux dans les temps préhistoriques et historiques, Paris, 1883; Modi, The bas-relief of Beharâm Gour at Naksh-i-Rustam, and the horse in ancient Irân, two papers read by—, Bombay, 1895; Schrader, o. c. 622—627; J. von Negelein, Das Pferd im arischen Altertum, Königsberg, 1903. По русски — А. К. Марковъ, О неизданныхъ Арсакидскихъ монетахъ, Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, изд. СПБ. Археологическимъ Институтомъ, вып. XI, 1899, 161—176, о лошадяхъ: 162—169.

Въ нашемъ текстѣ, кромѣ предсказанія, что тотъ кто не любитъ ржанія лошадей, не получаетъ желаемаго, имѣется цѣлый рядъ повѣрій относительно гаданія по всклокоченнымъ волосамъ лошади. Таковыхъ повѣрій шесть: 1) всклокоченный хвостъ лошади предсказываетъ путешествіе ея владѣльца, 2) если онъ всклокоченъ наружу—предстоитъ длинное путешествіе, 3) если онъ всклокоченъ внутрь — долгая остановка, 4) всклокоченные волосы кругомъ хвоста предсказываютъ отъѣздъ и быстрое возвращеніе, 5) если съ правой стороны — убыль въ верховыхъ животныхъ, 6) если съ лѣвой—увеличеніе ихъ. Не смотря на спеціальный характеръ этого гаданія, можно указать въ позднѣйшей персидской литературѣ сходнаго содержанія сочиненія. Казартелли [1]) привелъ въ свое время персидскую рукопись съ двумя трактатами о лошади и гаданіи по ней. Рукопись эта индійскаго происхожденія, и по мѣсту написанія, и по содержанію. По словамъ Казартелли [2]), также въ санскритской литературѣ упоминается «āвартā», локонъ, который считается счастливымъ или несчастнымъ предзнаменованіемъ смотря по тому мѣсту, гдѣ онъ находится. Можно отмѣтить нѣкоторыя примѣты, близкія къ нашему тексту: такъ, хозяинъ лошади будетъ богатъ и счастливъ, если сзади, на боку ея, будутъ такіе волосы; равно какъ будетъ у него много такихъ лошадей, если такіе волосы будутъ подъ копытомъ лошади [3]). Такимъ образомъ лишній разъ подтверждается близость нашего трактата къ индійскимъ мотивамъ.

Переходя къ вреднымъ животнымъ, начнемъ съ волковъ. О нихъ сообщаются примѣты, связанныя съ собаками: будетъ война, когда воютъ волки съ горъ и вторятъ имъ собаки изъ деревень; будетъ эпидемія, падежъ скота, когда воютъ деревенскія собаки и вторятъ имъ съ горъ волки; частые набѣги хищныхъ звѣрей предсказываютъ приходъ врага, но когда распространяется среди нихъ смертность, постигнутъ людей бѣдствія; когда горные хищные звѣри и птицы начинаютъ приходить въ движеніе, это указываетъ на суровую зиму. Сходное мы находимъ и въ Āйн-нāмэ. Волкъ, врагъ стадъ, считался Авестой вреднымъ животнымъ; его желательно было увидѣть первымъ [4]); противъ него говорили заклинанія [5]). Кромѣ волковъ, нашъ текстъ упоминаетъ еще слѣдующихъ вредныхъ живот-

---

1) L. Casartelli, Sâlûtar; la pierre de-touche du cheval, traduit du persan, Le Muséon, IX, 1890, 96—105, 185—192, 402—411.

2) O. c. 98. Въ первомъ трактатѣ глава III говоритъ о счастливыхъ случаяхъ, отд. 4 главы IV — о несчастныхъ (103 suiv., 187 suiv.); во второмъ о подобнаго рода гаданіи говорится въ гл. II (p. 408).

3) O. c. 103, 104.

4) Darmesteter, ZA, I, 92.

5) O. c. II, 353, 355.

ныхъ: муравьевъ, лягушекъ, крысъ, змѣй. Любящій шорохъ муравьевъ, всегда будетъ попадаться въ руки враговъ. Кто любитъ кваканье лягушекъ, постоянно терпитъ въ жизни; когда онѣ много квакаютъ, то это является предсказаніемъ смерти; когда же онѣ квакаютъ, а смертность уже распространилась, то это указаніе на то, что смертность эта скоро прекратится. Смертность крысъ предсказываетъ дешевизну и урожай; когда онѣ приносятъ съ собою зерна пшеницы или ячменя, будетъ прибыль въ имуществѣ; когда онѣ грызутъ одежды, это указываетъ на убыль имущества. Кто любитъ свистъ змѣй, осужденъ на бѣгство; постигнетъ непріятность того, передъ кѣмъ упадетъ змѣя; постигнетъ гибель имущества того, кому принесутъ мертвой вскормленную въ его домѣ змѣю. Эти животныя считаются вредными и въ Вендӣдāдѣ, гдѣ въ видѣ искупленія требуется избіеніе ихъ, равно какъ и черепахъ и мухъ [1]). Въ Саддарѣ цѣлая глава (XLIII) посвящена дурнымъ животнымъ и ихъ истребленію; изъ нихъ называются — лягушка, змѣя, муравей, мышь [2]). Въ Артā-Вӣрāфъ-Нāмакѣ указывается, что часть грѣховъ простится тому, кто при жизни уничтожалъ муравьевъ, змѣй и т. под. животныхъ [3]). Съ однимъ изъ этихъ животныхъ, именно со змѣей, связанъ вопросъ, о культурныхъ вліяніяхъ въ повѣрьяхъ древней Персіи, вопросъ задѣтый и нашимъ текстомъ. Кромѣ того, примѣты о змѣяхъ дошли до насъ и въ другихъ источникахъ. Поэтому мы позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ.

Бӣрӯнӣ въ концѣ своего изложенія праздниковъ персидскихъ мѣсяцевъ даетъ таблицу, указывающую какой день каждаго мѣсяца считался Персами счастливымъ или несчастнымъ, а также что означало увидѣть змѣю въ каждый день мѣсяца [4]). Мы, разумѣется, не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ достовѣрности этого сообщенія, хотя бы змѣя и считалась вреднымъ и дурнымъ животнымъ по Авестѣ. Болѣе того, въ позднѣйшей парсійской литературѣ имѣются сообщенія сходнаго содержанія. Сохранился на персидскомъ языкѣ небольшой стихотворный трактатъ о томъ, что означаетъ каждый день встрѣча со змѣей [5]). Трактатъ этотъ, озаглавленный Мāр-нāмэ, былъ изданъ съ переводомъ въ 1893 г. въ Бомбеѣ ученымъ парсомъ Д. Д.

---

1) Darmesteter, ZA, II, 212—213, 254—255. О черепахахъ см. тамъ же, 195, о мухѣ (спеціально трупной мухѣ) 98 (ср. XI, 146).

2) West, Pahlavi texts, III, 306—307.

3) Barthélemy, ch. LX. Еще Геродотъ (I, 140) писалъ, что маги вмѣняютъ себѣ въ заслугу умерщвленіе муравьевъ, змѣй и прочихъ пресмыкающихся и летающихъ животныхъ.

4) Chronologie, ٢٣١—٢٣٢; Chronology, 218.

5) Краткое упоминаніе о немъ West, Pahlavi literature, 128.

Моди[1]). Текстъ былъ изданъ по имѣющимся въ Индіи «рива̄йетамъ» т. е. сборникамъ религіозныхъ преданій. Въ небольшомъ введеніи Моди коснулся вопроса о значеніи змѣи въ древне-персидскихъ вѣрованіяхъ [2]). Онъ указалъ священные тексты, касавшіеся змѣи въ персидскихъ вѣрованіяхъ: какъ жрецъ, такъ и простой вѣрующій долженъ былъ имѣть палку для избіенія змѣй и змѣя являлась синонимомъ злого духа. Однако, Моди признавалъ способъ гаданія по виду змѣй чуждымъ древнимъ Персамъ, хотя мы и имѣемъ трактаты о значеніи встрѣчъ со змѣей въ каждый день мѣсяца. Такимъ образомъ, хотя Ма̄р-на̄мэ парсійская книга на персидскомъ языкѣ,— что она парсійская доказывается парсійскими названіями дней и тѣмъ, что она входитъ въ составъ рива̄йетовъ,—Моди считалъ ее не древней (около четырехъ вѣковъ существованія) [3]) и возникшей вѣроятно подъ чуждымъ вліяніемъ. Благодаря тому, что мы находимъ у Бӣрӯнӣ извѣстія вполнѣ сходныя съ Ма̄р-на̄мэ, мы можемъ древность этихъ повѣрій отодвинуть въ болѣе отдаленное время. Различія между текстами весьма не велики: у Бӣрӯнӣ счастливыхъ дней 13 [4]), переходный день 1 (Ма̄хъ—до полудня хорошо встрѣтить, послѣ полудня худо), несчастныхъ дней 11 [5]), неопредѣленнаго характера 5 (Джӯшъ—питаніе только четырехногими животными; Дай-ба-михръ—болѣзнь, сопровождаемая поправленіемъ; Сурӯшъ — путешествіе и возвращеніе; Ашта̄дъ—постройка новаго дома; Ма̄расфандъ — короткое путешествіе); въ Ма̄р-на̄мэ счастливыхъ дней 14 [6]), несчастныхъ дней 12 [7]), неопредѣленнаго характера 4 (Гӯшъ и Михръ—предстоящее путешествіе; Сурӯшъ — отправленіе домой и одѣванье новаго платья; Бахра̄мъ — отворачиваться отъ этого дня). Эти несущественныя различія сво-

---

1) J. J. Modi, The persian Mâr-nâmeh or the book for taking omens from snakes, Bombay, 1893.

2) По вѣрованіямъ языческихъ арабовъ змѣи являются духами; Мухаммедъ различалъ два рода змѣй—хорошихъ и дурныхъ; о культѣ же змѣй у арабовъ нѣтъ слѣдовъ— см. Th. Nöldeke, Die Schlange nach arabischem Volksglauben, Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, I, 1860, 412—416.

3) Текстъ изданъ Моди безъ соблюденія размѣра стиховъ; размѣръ этотъ متقارب, основываясь на которомъ вносимъ нѣкоторыя поправки — ст. 4a بشهریور вм. بشهرور; ст. 5a بینی вм. ببینی; ст. 9a بدیپادر вм. بدپدار; ст. 10a ببینی вм. بینی; ст. 14a ببینی تو در вм. ببینی در; ст. 16a دیبمهر вм. دبمهر; ст. 25a دیبدین вм. دبدین; ст. 32a ببینی вм. بینی. Кромѣ того не выдержанъ размѣръ въ ст. 1a, 21a и 31a.

4) Хурмуздъ, Шахрӣваръ, Исфанда̄рмадъ, Хурда̄дъ, Дай-ба-а̄даръ, А̄даръ, А̄ба̄нъ, Хӯръ, Тӣръ, Михръ, Фарвардӣнъ, Ра̄мъ, Дӣнъ.

5) Бахманъ, Ардӣбахиштъ, Мурда̄дъ, Рашнъ, Бахра̄мъ, Ба̄дъ, Дай-ба-дӣнъ, Ардъ, А̄сма̄нъ, За̄мья̄дъ, Анӣра̄нъ.

6) Хӯрмуздъ, Шахрӣваръ, Сифанда̄рмадъ, Хӯрдадъ, Дай-ба-а̄даръ, А̄даръ, А̄ба̄нъ, Хӯръ, Тӣръ, Дай-ба-михръ, Фарвардӣнъ, Дӣнъ, А̄ста̄дъ, Замья̄дъ.

7) Бахманъ, Ардӣбахиштъ, Мурда̄дъ, Ма̄хъ, Рашнъ, Ра̄мъ, Ба̄дъ, Дай-ба-дӣнъ, Ардъ, А̄сма̄нъ, Ма̄распандъ, Анӣра̄нъ.

дятся къ слѣдующимъ. Мāхъ (12-й день), по Бӣрӯнӣ, хорошъ до полудня, плохъ послѣ полудня, по Мāр-нāмэ вообще несчастливъ; Джӯшъ (14-й день) по Бӣрӯнӣ, — питаніе исключительно четырехногими животными (неопредѣленнаго характера), по Мāр-нāмэ—путешествіе (тоже неопредѣленнаго характера); Дай-ба-михръ (15-й день) знаменуется у Бӣрӯнӣ болѣзнью, отъ которой потомъ поправляются (неопредѣленнаго характера); въ Мāр-нāмэ удовлетвореніемъ желаній человѣка; Михръ (16-й день) — у Бӣрӯнӣ новое пріобрѣтеніе, въ Мāр-нāмэ—предстоящее путешествіе; Рāмъ (21-й день)— по Бӣрӯнӣ знаменуетъ путешествіе и побѣду надъ врагами, въ Мāр-нāмэ— постоянную вражду и борьбу; Аштāдъ (28-й день) — у Бӣрӯнӣ постройка новаго дома (неопредѣленный характеръ), въ Мāр-нāмэ—веселье; Замьядъ (28-й день)—у Бӣрӯнӣ горе, по Мāр-нāмэ—полученіе справедливаго; Мāраспандъ (29-й день)—по Бӣрӯнӣ краткое путешествіе (неопредѣленнаго характера), по Мāр-нāмэ—стѣснительное положеніе; Анӣрāнъ (30-й день)— по Бӣрӯнӣ наказаніе за прелюбодѣяніе, по Мāр-нāмэ — горе и раздумье. Другія различія, которыя можно замѣтить между обоими текстатами, настолько незначительны, что отмѣчать ихъ врядъ-ли имѣетъ какое-либо значеніе. Итакъ, изъ сравненія обоихъ текстовъ мы можемъ сказать, что гаданія по встрѣчѣ со змѣей, съ положительнымъ и отрицательнымъ характеромъ, можно встрѣтить въ иранскомъ фольклорѣ не только въ болѣе новыхъ ривāйетахъ, но и въ памятникахъ XI-го вѣка, а въ виду того, что большая часть сообщеній Бӣрӯнӣ касается сасанидской Персіи и основана на сасанидскихъ матеріалахъ, у насъ нѣтъ основаній отрицать присутствіе ихъ и въ сасанидской Персіи. Съ другой стороны, какъ мы уже говорили, Моди считалъ эти вѣрованья настолько чуждыми маздеизму, что предполагалъ чуждое вліяніе и такимъ образомъ выдвигалъ вопросъ о заимствованіи и культурныхъ вліяніяхъ.

Изданный нами трактатъ, говоря о вліяніяхъ на персидскія примѣты и повѣрья, приписывалъ ихъ главнымъ образомъ Индіи. Есть указаніе на то, что въ позднѣйшее время, въ мусульманскую эпоху, арабы переводили съ индійскаго различныя книги, а между ними и книги о змѣяхъ [1]). Съ другой стороны, мало странъ, которыя были бы такъ богаты змѣями и змѣинымъ культомъ, какъ Индія [2]). Подобно народамъ античнаго міра, Индійцы по сіе время вѣрятъ въ то, что каждый домъ имѣетъ свою домашнюю змѣю [3]) (ср. въ нашемъ трактатѣ повѣрье о

1) Sachau, Alberuni's India, translation, I, XXXIV.

2) M. Winternitz, Der Sarpabali, ein altindischer Schlangencult (Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, XVIII Band, 1888, 25—53, 250—265), 25 и 34.

3) Winternitz, 257.

змѣѣ, «вскормленной въ домѣ»). Такимъ образомъ, если, принимая предположеніе Моди о чуждомъ вліяніи, говорить о заимствованіи, приходится обращаться къ Индіи [1]). Относительно змѣй и змѣинаго культа въ Индіи мы имѣемъ рядъ работъ, которыя заключаются изслѣдованіемъ Винтерница о Сарпабали, древне-индійскомъ культѣ змѣй. Прежніе изслѣдователи, какъ Фергюссонъ и др., полагали, что культъ змѣй былъ заимствованъ арійскимъ населеніемъ Индіи отъ аборигеновъ и появился поздно. Новыя данныя, собранныя Винтерницемъ, опровергаютъ эти утвержденія и отодвигаютъ этотъ культъ въ болѣе отдаленное время [2]). Для насъ интересно сообщеніе, по которому брахманы избѣгали змѣи и встрѣчу съ ней считали дурнымъ знакомъ; однако они принимали и принимаютъ участіе въ культѣ змѣй, культѣ, весьма развитомъ. Такимъ образомъ, получается явленіе, сходное съ разбираемымъ нами: съ одной стороны, культъ животнаго не препятствуетъ считать дурнымъ знакомъ встрѣчу съ нимъ, съ другой—въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣча можетъ считаться приносящей счастье, хотя бы животное и считалось дурнымъ. Не отрицая возможности вліянія Индіи на сасанидскую Персію, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ слишкомъ сложный матеріалъ, чтобы высказываться съ несомнѣнной опредѣленностью.

Въ заключеніе укажемъ еще одинъ, близкій къ только что разобранному примѣръ зависимости сообщеній Бӣрӯнӣ отъ тѣхъ же источниковъ, что и позднѣйшіе персидскіе ривāйеты. Эта близость источниковъ лишній разъ подтвердитъ достовѣрность извѣстій Бӣрӯнӣ. Въ Ал-āсāр-ал-бāкійя [3]) сохранился любопытный заговоръ противъ скорпіоновъ. Въ пятый день Исфандāрмадрӯзъ, между зарей и восходомъ солнца, писали на четыреугольныхъ листахъ бумаги слѣдующій заговоръ: «Во имя Бога Всемилостиваго, Всемилосерднаго! Исфандāрмадмāхъ и Исфандāрмадрӯзъ! Я завязалъ идущее и приходящее, — внизу и наверху, — за исключеніемъ коровъ, — во имя Язāтъ и во имя Джема и Афрӣдуна, — во имя Бога, — клянусь Адамомъ и Евой, — на одного Бога полагаюсь я!» На три стѣны дома клали по три такихъ листка, а четвертую оставляли пустой для выхода скорпіоновъ. Тотъ же Д. Д. Моди опубликовалъ пехлевійскій текстъ и англійскій переводъ заговора [4]), искореняющаго изъ дома насѣкомыхъ и

1) Повѣрья о змѣяхъ, какъ хранительницахъ кладовъ, у мусульманскихъ народовъ— Defrémery, Gulistan ou le parterre de roses par Sadi, traduit du persan, Paris, 1858, 238—239, note, считалъ индійскими по происхожденію (богъ сокровищъ Кувера и охраняющія его гротъ змѣи).

2) Winternitz, 262 folg.

3) Chronologie ٢٢٩; Chronology, 216.

4) Болѣе краткая версія этого же заговора была издана, транскрибирована и переведена M. Haug, An old pahlavi-pazand glossary, edited by Dastur Hoshangji Jamaspji Asa,

также входящаго въ составъ ривāйетовъ [1]). Текстъ заговора слѣдующій: «Во имя творца Ормузда! Въ день Спендāрмадъ мѣсяца Спендāрмада я замкнулъ уста всѣмъ вреднымъ созданіямъ, злымъ духамъ мужского и женскаго пола, волшебникамъ, волшебницамъ, злоумышляющимъ, «кавіямъ» и «карапамъ» (тоже злыя существа, вѣроятно еретическое духовенство), злодѣямъ, разбойникамъ, волкамъ, притѣснителямъ,—славой Бога, славой героя Ферӣдӯна, славой звѣзды Тиштара (Сиріуса), славой звѣзды Сатвēса, славой звѣзды Вананда, славой звѣзды Хафтōранга» [2]). Заговоръ этотъ долженъ писаться шафрановой водой на оленьей кожѣ или на бумагѣ и приклеиваться на главную дверь дома. Отмѣчаемъ близость этихъ заговоровъ.

Къ этимъ же повѣрьямъ, восходящимъ еще къ отдаленной древности, къ эпохѣ восточно-иранской культуры, мы относимъ и находящійся въ нашемъ трактатѣ рядъ повѣрій, связанныхъ съ огнемъ. Повѣрій этихъ гораздо меньше, чѣмъ повѣрій, связанныхъ съ разнаго рода животными, но они выдѣлены за то въ особую небольшую главу подъ названіемъ «признаки въ огняхъ». Отдѣльно отмѣчена только одна небольшая примѣта, — кто не любитъ треска огня, не получаетъ дохода съ земли. «Признаковъ въ огняхъ» всего десять: изъ нихъ восемь касаются очага съ горящимъ въ немъ огнемъ, одинъ касается какъ очага, такъ и свѣтильника или свѣчи, и наконецъ одинъ касается лишь свѣтильника или свѣчи. Трескъ огня [3]) на очагѣ направо отъ

---

revised and enlarged, with an introductory essay on the pahlavi language by—, Bombay-London, 1870, 23—24, Appendix IV Nirange kharfastar zadan (an incantation for the destruction of vermin). Относительно этого текста ср. Pand-nāmak i Zaratušt, der Pehlevitext mit Uebersetzung, kritischen und Erläuterungsnoten von A. Freimann, Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, XX, 1906, 154—155.

1) Jivanji Jamshedji Modi, Two amulets of ancient Persia. Nirang-i-Jashan-i-Burzigarân (a religious formula used as a charm on the day of the festival of the cultivators, the 5-th day of the 12-th Parsee month) and an Avesta amulet. Two papers read before the Anthropological Society of Bombay, Bombay, 1901, 3—6. Тѣмъ же авторомъ изданъ и переведенъ заговоръ противъ болѣзни глазъ изъ ривāйетовъ, см. J. J. Modi, Charms or amulets for some diseases of the eye, and a few ancient beliefs about the eclipse being two papers read before the Anthropological Society of Bombay, Bombay, 1894, 1—9.

2) К. Г. Залеманъ, просмотрѣвшій текстъ и переводъ Моди, обратилъ мое вниманіе на два короткія, новоперсидскія гаданія по змѣямъ, изданныя имъ въ статьѣ Ueber eine Parsenhandschrift der Kaiserlichen Oeffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg, Travaux de la troisième session du Congrès International des Orientalistes à St.-Pétersbourg, Tome II, St.-Pétersbourg—Leyde, 1879, 497—498. Первое гаданіе сообщаетъ чего нужно ожидать, если встрѣтить змѣю въ тотъ или другой день,—при этомъ приводятся дни семидневной недѣли. Второе гаданіе касается юдиціарной астрологіи, соединенной со встрѣчей со змѣей. Оно предсказываетъ событія изъ встрѣчи со змѣей при нахожденіи луны въ одномъ изъ двѣнадцати знаковъ зодіака.

3) Заговоръ противъ треска огня въ мусульманской Персіи см. Кульсӯм-нэнэ, Thonnelier, o. c. 103.

сидящаго—предсказываетъ вѣтеръ и пыль, налѣво—дождь и снѣгъ; когда огонь очага кружится кругомъ него—предсказаніе смуты и спора, когда же передъ сидящимъ—побѣда и радость; когда кружится онъ передъ очагомъ—отъѣздъ хозяина, когда за очагомъ—болѣзнь въ домѣ; когда звукъ пылающаго на очагѣ огня напоминаетъ смѣхъ, быть и радости, и горю; когда огонь подходитъ подъ самый котелъ очага—будутъ большіе дожди; также будетъ дождь, когда скручивается и пузырится фитиль свѣтильника или свѣчи; также будетъ дождь, когда огонь въ очагѣ бросаетъ много искръ. Въ цитатѣ изъ Аӣн-нāмэ у Ибн-Кутейбы мы также находимъ сходныя повѣрья: громко пылаетъ огонь—большая радость; пылаетъ завывая—горе; когда огонь очага подходитъ подъ самый котелъ— большіе дожди или прибытіе гостей.

Шрадеръ указалъ уже ту громадную роль, которую игралъ огонь въ индо-европейской древности [1]). Почитаніе огня на очагѣ, этого «господина дома», являлось отличительной чертой древней религіи Грековъ и Римлянъ, Индійцевъ и Иранцевъ. Особенно въ маздеизмѣ, этой религіи огня по преимуществу, мы находимъ развитой культъ его. По Гейгеру [2]), огонь былъ для народа Авесты священнѣйшимъ и чистѣйшимъ элементомъ, отраженіемъ Аурамазды; огонь создавалъ свѣтъ и изгонялъ злыхъ духовъ; изъ дыма и пламени огня узнавали велѣнія божества. Дармстетеръ указалъ, что огонь, сынъ Аурамазды, является въ различныхъ формахъ, небесныхъ и земныхъ, и что тексты, давая различныя классификаціи, различаютъ особенно естественные огни (по ихъ различнымъ проявленіямъ и происхожденію, числомъ 5) и соціальные огни (числомъ 3, по числу трехъ главныхъ классовъ авестійскаго общества) [3]). Подробную классификацію огней даетъ Бӯндахишъ [4]). Шāястъ-лā-шāястъ (XII, 3) [5]) совѣтуетъ держать въ домѣ огонь и удалять остывшіе уголья; тамъ же (XII, 11) [6]) указывается, что въ домѣ, въ которомъ имѣется беременная женщина, необходимо поддерживать огонь для отогнанія злыхъ духовъ. Послѣднее рекомен-

---

1) O. c. 367 и 674. Нѣкоторыя интересныя переживанія культа огня въ современной Персіи были отмѣчены у N. de Khanikoff, Mémoire sur l'éthnographie de la Perse, Paris, 1866, 91—92 (ср и К. Риттеръ, Иранъ, ч. I, перевелъ и дополнилъ Н. Ханыковъ, СПБ. 1874, 519—520).

2) O. c. 353—355.

3) Darmesteter, ZA, I, 149—158. Здѣсь приведены мѣста, касающіяся огня, изъ Ясны и Сӣрōза. Вендӣдāдъ (ZA, II, 69 и 136 suiv.) говоритъ о невинности огня и объ очищеніи его.

4) West, o. c. 61—65.

5) O. c. 339—340.

6) O. c. 343.

дуется и въ Саддарѣ (XVI) [1]; тамъ-же (XXXIX и XCII) [2]) совѣтуется поддерживать священный огонь въ домѣ—ночью воспламенять его одинъ разъ, днемъ дважды; тамъ-же (XLIX) [3]) указываются правила относительно сохраненія огня и золы.

Понятно, что объ огнѣ, элементѣ, который далъ даже свое имя почитателямъ маздеизма, огнепоклонникамъ [4]), долженъ былъ существовать въ сасанидскую эпоху рядъ повѣрій и примѣтъ, изъ которыхъ до насъ дошло нѣкоторое количество. Эти повѣрья и примѣты, дошедшія до насъ и въ изданномъ нами трактатѣ, и въ цитатѣ изъ Āйн-нāмэ, относятся не только къ священному огню въ храмахъ, но и къ древнѣйшей стадіи почитанія огня, къ огню домашняго очага.

Кромѣ примѣтъ и повѣрій, относящихся къ опредѣленнымъ животнымъ и къ огнямъ, въ нашемъ трактатѣ и въ цитатѣ изъ Āйн-нāмэ имѣются нѣкоторыя примѣты и повѣрья общаго характера, по содержанію своему однако близкія къ только-что приведеннымъ. И самые тексты признаютъ ихъ повидимому сходными, такъ какъ приводятъ рядомъ. Изъ такихъ примѣтъ отмѣтимъ: 1) вой хищныхъ звѣрей разлучаетъ близкихъ и предсказываетъ одиночество (только въ нашемъ трактатѣ), 2) когда хищные звѣри начинаютъ безпокойно бѣгать и кричать, это предсказаніе прихода врага (только въ нашемъ трактатѣ), 3) когда горные хищные звѣри и птицы обнаруживаютъ безпокойство, это предсказаніе суровой зимы (и въ нашемъ трактатѣ, и въ Āйн-нāмэ), 4) когда начинается падежъ хищныхъ звѣрей, постигаетъ людей нужда (и въ нашемъ трактатѣ, и въ Āйн-нāмэ),—эти примѣты касаются хищныхъ звѣрей вообще; далѣе слѣдуютъ примѣты относительно сна: 5) когда храпитъ простой человѣкъ, его постигаютъ плѣнъ и униженіе (только въ нашемъ трактатѣ), 6) когда-же знатный, то онъ получаетъ возвышеніе и почести (лишь въ Āйн-нāмэ), 7) указаніемъ на сплетню служитъ скрежетъ во снѣ зубами; для исправленія этого рекомендуется ударить себя по рту дырявымъ башмакомъ (и въ нашемъ трактатѣ, и въ Āйн-нāмэ); 8) пускающій во снѣ слюни, будетъ постигнутъ отчужденностью (только въ нашемъ трактатѣ); 9) дующій во снѣ, уничтожаетъ имущество (и въ нашемъ трактатѣ, и въ Āйн-нāмэ); затѣмъ 10) когда много чешетъ себя знатный человѣкъ—великъ грѣхъ его (только въ нашемъ трактатѣ); 11) когда дѣлаетъ это простой, онъ

1) О. с. 277.
2) О. с. 301, 355—356.
3) О. с. 311—312.
4) Darmesteter, ZA, I, LIX слѣд.

получаетъ большую выгоду (только въ нашемъ трактатѣ); сюда же относятся нѣкоторыя наблюденія надъ природными явленіями: 12) тьма безъ причины и безъ тучъ—предсказаніе эпидеміи (и въ нашемъ трактатѣ, и въ А̄йн-нāмэ)[1]; 13) мерцающій ясною ночью свѣтъ на небосклонѣ — предсказаніе нападенія врага (и въ нашемъ трактатѣ, и въ А̄йн-нāмэ); 14) а если видятъ это, когда врагъ находится въ данной мѣстности, то онъ уйдетъ оттуда (и въ нашемъ трактатѣ, и въ А̄йн-нāмэ)[2]; затѣмъ 15) повѣрье о трескѣ въ крышѣ дома,—предсказаніе отъѣзда живущаго въ немъ (и въ нашемъ трактатѣ, и въ А̄йн-нāмэ); 16) повѣрья относительно неблагопріятной встрѣчи: а) считалось несчастливымъ увидѣть только-что рожденное существо, за исключеніемъ того случая, когда оно бывало съ какимъ-нибудь недостаткомъ, такъ какъ тогда, по любопытному объясненію текстовъ, несчастіе его природы обращалось противъ него самаго[3] (и въ нашемъ трактатѣ, и въ А̄йн-нāмэ), б) хронически больного, в) неблагопріятнаго именемъ, г) дѣвушку дѣвственницу[4], д) мальчика, идущаго въ школу[5], е) связанныхъ животныхъ, ж) вообще животныхъ съ опредѣленной ношей (все это только въ А̄йн-нāмэ); 17) повѣрья относительно благопріятной встрѣчи: а) считалось счастливымъ увидѣть здороваго, б) человѣка съ благопріятнымъ именемъ, в) замужнюю женщину, г) мальчика, идущаго изъ школы, д) животныхъ съ опредѣленной ношей (только въ А̄йн-нāмэ); наконецъ только въ А̄йн-нāмэ сохранилось 18) повѣрье о веденіи къ царю лошадей и пр. домашнихъ животныхъ слѣва направо, а невольниковъ и хищныхъ звѣрей

---

1) Повѣрья древнихъ персовъ о несчастьи затменія въ полнолуніе и новолуніе для посѣвовъ см. у Бӣрӯнӣ, Chronologie, ٢٣٣, Chronology, 219. Ср. данныя въ статьѣ J. J. Modi, A few ancient beliefs about the eclipse въ Charms or amulets for some diseases of the eye and a few ancient beliefs about the eclipse, Bombay, 1894, 9—24.

2) По Бӣрӯнӣ (Chronologie, ٢١٥; Chronology, 199—200), на горѣ Дамā въ Фарсѣ каждую ночь въ Наурӯзъ виденъ далеко распространяющійся и сильно сіяющій свѣтъ.

3) Очевидно считалось, что новорожденное существо (изъ текста нашего трактата выясняется, что безразлично—человѣкъ или животное), появившись на свѣтъ, передаетъ все свое несчастье тому, кто первый увидитъ его. Повѣрье персовъ о зачатіи ребенка несовершеннаго вида въ день новолунія см. у Бӣрӯнӣ, Chronologie, ٢٣٣ и Chronology, 219. По позднѣйшимъ мусульманскимъ примѣтамъ красивый скорѣе подверженъ сглазу, чѣмъ уродъ — см. E. Quatremère, Proverbes arabes de Meïdani, JA, III série, V, 1838, 235—236. Ср. примѣту, сообщенную Dorn'омъ въ ZDMG, X, 810.

4) Въ параллель къ этому повѣрью приведемъ примѣту изъ персидской книги у Ибн-Кутейбы (ʿUjûn al aḫbâr, II, ١٨٤,٤—٥), по которой считалось дурнымъ признакомъ вынуть изъ колчана стрѣлу, съ написаннымъ на ней женскимъ именемъ.

5) Это повѣрье, равно какъ нижеслѣдующее о благопріятной встрѣчѣ съ мальчикомъ, идущимъ изъ школы, основаны, вѣроятно, на взглядахъ маздеизма на пользу просвѣщенія см. Саддаръ, LI—о. с. 313—314; объ обязанностяхъ школьника см. небольшой текстъ, изданный и переведенный у J. Darmesteter, Les devoirs de l'écolier, JA, 1889, XIII, 355—363.

справа налѣво [1]). Въ цитатѣ изъ Āйн-нāмэ сообщается также обычай не устранять отъ слуха царей пѣсенъ, скрипа мачтъ, ржанья лошадей. Въ нашемъ трактатѣ говорится лишь о симпатіи къ музыкѣ, которая однако повидимому осуждается: кто любитъ музыку, предается прегрѣшеніямъ, ненавидитъ людей. Наконецъ, въ томъ-же отдѣлѣ нашего трактата, который содержитъ вышеразобранныя повѣрья и примѣты, содержится нѣкоторое количество нравственныхъ сентенцій и совѣты относительно опредѣленія драгоцѣнныхъ камней. Что нравственныя сентенціи могли входить въ составъ сасанидскихъ книгъ, вполнѣ допустимо; болѣе того, даже сходство ихъ съ однородными мусульманскими сентенціями не исключаетъ возможности возводить ихъ къ сасанидскому источнику [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ сентенцій имѣются и въ цитатѣ изъ Āйн-нāмэ (напр. о молчаливомъ и говорливомъ), что лишній разъ подтверждаетъ возможность перехода сасанидскихъ дидактическихъ сочиненій въ письменность мусульманскихъ народовъ.

5.

Кромѣ вышеприведенныхъ, носящихъ на себѣ слѣды несомнѣнной древности и несомнѣнно-же, въ виду совпаденія съ цитатой изъ Āйн-нāмэ, заимствованныхъ изъ сасанидскаго источника примѣтъ и повѣрій, нашъ текстъ занятъ въ значительной части физіономикой. Послѣ гаданій по росту ячменя, идетъ цитата изъ нѣкоего индійца Дж-у-б-р'а относительно физіономики и разнаго рода «признаковъ». Книга Дж-у-б-р'а была яко-бы написана для хосроевъ, прислана изъ Индіи и хранилась въ сокровищни-

---

1) Объ индо-европейскомъ представленіи о правой и лѣвой сторонахъ см. Schrader, o. c. 663—664 (краткую замѣтку объ этомъ см. еще у H. Arbois de Jubainville въ Revue Celtique, XXVII, № 2, 1906, Avril, 170—171). Объ арабскихъ аналогичныхъ представленіяхъ о سانح и بارح, о которыхъ упоминаетъ и нашъ текстъ, см. напр. J. Wellhausen, o. c. 202. Близкую примѣту къ арабскимъ سانح и بارح, независимо или подъ вліяніемъ ихъ, мы находимъ въ древнѣйшемъ памятникѣ испанскаго народнаго эпоса, въ поэмѣ о Сидѣ, въ самомъ началѣ ея. «При выѣздѣ изъ Бивара — вороны были имъ направо, при въѣздѣ-же въ Бургосъ—налѣво. Увидя это, мой Сидъ пріободрился и поднялъ голову: Слава Богу! Альваръ Фаньезъ, это доброе предзнаменованіе...».

2) Ср. Sacy, Mémoire sur le Djavidan Khired, 25. Въ этомъ отношеніи было бы интересно внимательное изученіе сочиненія Ибн-Мукаффы الدرّة اليتيمة, изданнаго въ Каирѣ и переведеннаго Van Vloten'омъ въ голландскомъ журналѣ Tweemaandelijksch Tijdschrift, 1902. Съ этого голландскаго перевода былъ сдѣланъ французскій—La perle incomparable ou l'art du parfait courtisan de Abdallah ibn al-Mokaffa, traduction française d'après la version néerlandaise de M. van Vloten, Bruxelles, 1906.

цахъ персидскихъ царей. Тутъ мы имѣемъ то же, что ранѣе сообщалось вообще объ индійскихъ мудрецахъ и сочиненіяхъ, служившихъ руководствомъ для Сасанидовъ. Только послѣ этого введенія начинаются собственныя слова Джāхиза. Джāхизъ также говоритъ о физіономикѣ; двѣ особыя главы посвящены гаданіямъ по родимымъ пятнамъ и по дрожанію членовъ тѣла. Въ заключеніе помѣщены два дополненія; одно, уже ранѣе нами упомянутое, о разнаго рода индійскихъ гаданіяхъ и другое, псевдэпиграфическій трактатъ о «знакахъ смерти», т. е. рядъ сообщеній о томъ, по какимъ признакамъ оопредѣляется смерть больного, рядъ своеобразныхъ діагнозовъ смерти. Все это, за исключеніемъ краткаго сообщенія объ индійскихъ гаданіяхъ, относится къ физіономикѣ [1]).

Въ физіономическихъ наблюденіяхъ, кромѣ сравненій разнаго рода проявленій душевной жизни съ характеромъ человѣка, нужно отмѣтить двѣ значительныя группы наблюденій: одна — гаданіе по родимымъ пятнамъ, другая—гаданіе по дрожанію членовъ [2]). Каждой группѣ посвященъ даже особый отдѣлъ. Мы остановимся на нихъ подробнѣе въ виду того, что имъ отдано особое вниманіе, а также потому, что только онѣ представляютъ собою нѣчто цѣлое, тогда какъ другія физіономическія наблюденія отрывочны. Эти послѣднія, поскольку они заслуживаютъ вниманія, будутъ отмѣчены нами далѣе.

Прибавимъ, что въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ вспомогательнаго текста, какимъ являлась для насъ ранѣе цитата изъ Āйн-нāмэ, не только помогавшая при пониманіи текста и замѣнявшая другія рукописи, но и удостовѣрявшая съ несомнѣнностью сасанидское происхожденіе примѣтъ и повѣрій. Однако, въ той-же цитатѣ имѣются двѣ примѣты этого порядка. Мы ра-

---

1) Кромѣ упомянутаго нами выше сборника R. Förster'a, имѣется еще изданіе XVIII-го вѣка—J. S. F. Franzius, Scriptores physiognomoniae veteres, Altenburgi, 1780. Кромѣ двухъ небольшихъ трактатовъ Мелампода,—о гаданіи по дрожанію членовъ и по родимымъ пятнамъ, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе,—изданіе Franz'a заключаетъ физіономическіе трактаты псевдо-Аристотеля, Полемона и Адамантія, имѣющіеся и въ изданіи Förster'a.

2) Bouché-Leclercq, o. c., 160 suiv. говоритъ объ этого рода гаданіи у античныхъ народовъ съ приведеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ древней и новой литературы о немъ. Этому «пальмическому» гаданію въ его санкціонированной формѣ онъ приписываетъ позднее происхожденіе, считая введшимъ его стоика Посидонія (II—I в. до Р. X.), 68 и 165. Это «пальмическое» гаданіе онъ дѣлитъ на три группы: гаданія по судорогамъ, по чиханію и по шуму въ ушахъ. Изъ этихъ трехъ группъ, по отношенію къ мусульманскимъ народамъ, больше всего привлекала вниманіе вторая—см. напр. рядъ интересныхъ сообщеній въ замѣткѣ Defrémery, Sur quelques opinions singulières des musulmans (Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, 2-e série, VII, 1871). О гаданіи по родимымъ пятнамъ въ античномъ мірѣ см. краткія замѣчанія у Bouché—Leclercq, 174—175.

зумѣемъ слѣдующія двѣ примѣты: близка смерть больного, похожаго на здороваго и здоровый, похожій на больного, подверженъ болѣзни. Первая изъ нихъ имѣется и въ нашемъ текстѣ, при чемъ она находится не въ отдѣлѣ физіономики, а вмѣстѣ съ тѣми повѣрьями и примѣтами, которыя находятся и въ Āйн-нāмэ, именно послѣ примѣты о передвиженіяхъ горныхъ хищныхъ звѣрей и птицъ [1]). Далѣе, нашъ текстъ, говоря объ индійскихъ мудрецахъ при сасанидскомъ дворѣ, называетъ ихъ знатоками физіономики. Тутъ же находитъ себѣ мѣсто спеціальная группа гаданій по родимымъ пятнамъ. Наконецъ отмѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ пехлевійскихъ рукописяхъ имѣются рядомъ съ чисто фольклорнымъ матеріаломъ, какъ заговоры противъ лихорадокъ, сообщенія относительно значенія разнаго рода природныхъ знаковъ на тѣлѣ т. е. именно сообщенія физіономическаго характера, которыя еще ждутъ спеціалиста-изслѣдователя [2]). Нашъ текстъ, упоминая персидскія гаданія, говоритъ, что при этомъ имѣло значеніе расположеніе и число родимыхъ пятенъ, — если было оно на лицѣ, это имѣло опредѣленное значеніе; если было одно или было ихъ нѣсколько, это также имѣло опредѣленное значеніе и т. д. Такъ какъ эта группа упоминается какъ существовавшая въ древне-персидскомъ гаданіи, мы начнемъ съ ея разбора [3]).

Заключенія по родимымъ пятнамъ о будущемъ человѣка находятся въ той части трактата, которая дается какъ сообщеніе самого Джāхиза. Кромѣ особой части, спеціальной главы о родимыхъ пятнахъ, эти заключенія упоминаются и ранѣе въ сообщеніяхъ Джāхиза [4]). Такъ упоминается: 1) когда на лицѣ человѣка одно пятно или много ихъ, или же на глазахъ или на щекѣ краснота, то онъ опасенъ, 2) родинка между плечами знакъ превосходства, (по мусульманскому преданію это даже «печать пророчества»), 3) то-же значеніе имѣетъ и родинка на подмышкѣ, 4) волосы въ родинкѣ указываютъ на силу души, 5) родинка на плечахъ предсказываетъ благо, 6) родинка на

---

1) Фраза изъ Āйн-нāмэ помогаетъ намъ отдѣлить эту примѣту нашего текста отъ предъидущей, такъ какъ безъ этой фразы ее можно было бы въ нашемъ текстѣ связывать и ставить въ зависимость отъ первой части предъидущей.

2) West, Pahlavi texts, I, XLVI.

3) Отмѣтимъ, что у современныхъ гебровъ существуютъ наблюденія надъ движеніями кожи и членовъ тѣла см. A. Houtum-Schindler, Die Parsen in Persien, ihre Sprache und einige ihrer Gebräuche, ZDMG, XXXVI, 1882, 84. На угадыванье характера по строенію рта въ Месневӣ Джелāл-ед-дӣна Рӯмӣ указывалъ Hammer, Traces de la buccomancie chez les Persans, JA, 4-me série, t. 19, 1852, 289—290.

4) Мы не будемъ здѣсь останавливаться на возможной связи примѣтъ надъ родимыми пятнами съ излюбленной въ позднѣйшемъ мусульманскомъ бытѣ «мушкой», خال (о ней въ новоперсидской поэзіи см. Anis-el-ʿochchâq, traité des termes figurés relatifs à la description de la beauté, traduit du persan et annoté par Cl. Huart, Paris, 1875, 49 suiv.).

правомъ локтѣ предсказываетъ высокія внутреннія качества человѣка и благо, 7) родинка на лѣвомъ локтѣ предсказываетъ обратное. Примѣты, относящіяся къ родимымъ пятнамъ, очень кратки; онѣ только опредѣляютъ мѣсто пятна и выводятъ заключеніе. Въ концѣ слѣдуютъ еще четыре примѣты подъ рубрикой «знаки въ женщинахъ», также касающіяся родимыхъ пятенъ, при чемъ однако четвертая примѣта говоритъ одинаково какъ о мущинахъ, такъ и о женщинахъ. Съ другой стороны, изъ шестидесяти двухъ примѣтъ главы о родимыхъ пятнахъ, двѣ относятся спеціально къ женщинамъ. Такимъ образомъ, у насъ нѣтъ основанія отдѣлять эти части трактата одну отъ другой, хотя дѣйствительно никакихъ иныхъ различій въ лицахъ нашъ трактатъ въ данномъ случаѣ не даетъ,—мы имѣемъ различія въ толкованіяхъ лишь при упоминаніи мущинъ и женщинъ. Значительное число примѣтъ опредѣляетъ часть тѣла, на которомъ находится родимое пятно и выводитъ свои заключенія. Въ перечисленіи членовъ тѣла замѣчается несомнѣнная послѣдовательность. Текстъ начинаетъ со лба, переходитъ къ вѣкамъ, ушамъ, носу, глазамъ, плечамъ, щекамъ, губамъ, горлу, шеѣ, плечамъ, локтямъ, груди, животу, сердцу, спинѣ, ляшкамъ, колѣнамъ, голенямъ, пяткамъ, ступнямъ, затѣмъ возвращается къ рукамъ и кистямъ ихъ. Изъ этого перечисленія мы видимъ, что нашъ текстъ, хотя и съ отступленіями, выдерживаетъ извѣстный порядокъ—описаніе примѣтъ спускается отъ головы къ ногамъ. Отступленія не существенны: такъ, онъ возвращается къ примѣтѣ о родимомъ пятнѣ на лбу, вставляетъ примѣту о родимыхъ пятнахъ на плечѣ между примѣтой о глазахъ и примѣтой о носѣ, примѣту о локтѣ между примѣтами о плечахъ и отдѣльно отъ рукъ, примѣту о рукахъ относитъ на самый конецъ. Эти отступленія могутъ также объясняться перестановками переписчиковъ. Кромѣ того, мы должны помнить неустойчивость примѣты, которая имѣетъ въ разное время и въ разномъ мѣстѣ разное значеніе. Изъ такого рода примѣтъ укажемъ напр. на примѣту о родинкѣ на животѣ—въ одномъ случаѣ человѣкъ получитъ большое благо и избавится отъ зла, въ другомъ — онъ оказывается прелюбодѣемъ и вообще человѣкомъ низкихъ качествъ; или на родинку на одной сторонѣ носа,—въ одномъ случаѣ указывается, что родинка на правой сторонѣ его предсказываетъ праведность человѣка, на лѣвой мученичество, въ другомъ же случаѣ говорится, что родинка на одной сторонѣ носа (различіе между сторонами не указывается) предсказываетъ богатство, благополучіе, праведность. Отмѣчаемъ также различіе между правой и лѣвой сторонами, дѣлаемое нашимъ текстомъ, при чемъ въ одномъ случаѣ дается преимущество одной сторонѣ, а въ другомъ—другой, такъ что нельзя установить съ опредѣленностью предпочтеніе одной стороны другой.

Заключенія по родимымъ пятнамъ о будущихъ событіяхъ и о характерѣ человѣка не представляются чѣмъ-то исключительнымъ въ физіономической литературѣ. Мы имѣемъ напр. небольшой греческій трактатъ, приписываемый нѣкоему Меламподу, жившему яко-бы при Птолемеѣ Филадельфѣ [1]). Содержаніе этого трактата тожественно только что разобранной главѣ нашего трактата,—онъ касается заключеній о будущемъ по родимымъ пятнамъ. Построеніе его очень сходно съ главой нашего трактата, только наблюденій меньше. Безъ всякаго введенія, трактатъ прямо начинаетъ съ перечисленія наблюденій. Порядокъ частей тѣла тотъ же, что и въ нашемъ трактатѣ: начиная съ головы, онъ переходитъ на тѣло и кончаетъ ногами. Въ большинствѣ случаевъ упоминается—что означаетъ такая-то примѣта у мущинъ и что у женщинъ. Въ отношеніи сторонъ, на которыхъ находятся родимыя пятна, текстъ Мелампода отличается отъ нашего: въ заключеніи онъ прямо говоритъ, что родинка на правой сторонѣ означаетъ счастье, а на лѣвой — несчастье; повѣрье, вполнѣ отвѣчающее древне-греческимъ представленіямъ о правой и лѣвой сторонахъ. Обращаясь къ сравненію нашего текста съ текстомъ Мелампода отмѣчаемъ, что большинство тѣхъ частей тѣла, которыя приведены у Мелампода, упомянуты и въ нашемъ трактатѣ. Сходство, однако, можно отмѣтить лишь въ меньшинствѣ изъ нихъ; большинство же не сходится. Отмѣтимъ примѣту о родинкѣ на сердцѣ: и тутъ, и тамъ указывается, что человѣкъ этотъ дурной; далѣе нѣкоторое сходство имѣютъ напримѣръ примѣты — о шеѣ (у Мелампода— богатство, въ нашемъ трактатѣ тоже богатство, но только въ томъ случаѣ, когда на задней сторонѣ шеи), о животѣ (у Мелампода—ненасытность, въ нашемъ трактатѣ—прелюбодѣяніе), о подмышкѣ (у Мелампода богатое супружество, въ нашемъ трактатѣ — счастье и слава) и нѣкоторыя другія. Прочія примѣты не имѣютъ даже относительнаго сходства. Отмѣтимъ, наконецъ, что въ нашемъ трактатѣ опредѣленія гораздо развитѣе, гораздо подроб-

---

1) Μελάμποδος ἱερογραμματέως περὶ ἐλαίων τοῦ σώματος μαντικὴ πρὸς Πτολεμαῖον Βασιλέα изданъ у Franz'a, 501—509. О времени ср. однако 501, n. 1. Какъ на образецъ подобнаго рода литературныхъ памятниковъ укажу еще на переведенный по французски у J. Nicolaïdes, Les livres de divination, traduits sur un manuscrit turc inédit, Collection internationale de la Tradition, Paris, 1889, 87—88 мусульманскій литературный памятникъ, — небольшой трактатъ о значеніи родимыхъ пятенъ по Льву Мудрому. Примѣты идутъ въ опредѣленномъ порядкѣ, начиная со лба, но доходятъ, если судить по изданному переводу, лишь до рукъ и груди; примѣты въ значительной части относятся къ мущинѣ; въ одномъ случаѣ сдѣлано различіе между значеніями родимаго пятна у мущинъ и у женщинъ. Отмѣчаемъ еще особый видъ существующихъ въ мусульманскихъ литературахъ примѣтъ—по ранамъ и контузіямъ или ушибамъ, см. A. Certeux, Sobriquets et superstitions militaires, IV, Livres populaires dans les armées musulmanes, Revue des traditions populaires, II, 1887, 182—183.

нѣе, гораздо разнообразнѣе, чѣмъ у Меламнода, у котораго кругъ наблюденій и заключеній гораздо уже. При вышеуказанныхъ различіяхъ имѣется однако сходство общаго построенія трактатовъ: и здѣсь, и тамъ никакого различія между лицами, по которымъ выводятся примѣты нѣтъ, — указываются лишь мущины и женщины; и здѣсь, и тамъ отмѣчаются правая и лѣвая сторона; и здѣсь, и тамъ перечисленіе располагается въ опредѣленномъ порядкѣ—отъ головы къ ногамъ.

Въ заключеніе этихъ примѣтъ о родимыхъ пятнахъ укажемъ, что и относительно нихъ арабскіе литературные памятники ссылаются на античную традицію. Въ физіономическомъ трактатѣ, берлинской рукописью котораго мы пользовались для сличенія того мѣста нашего текста, въ которомъ говорится о «знакахъ смерти» Иппократа, тому-же греческому ученому приписано небольшое разсужденіе о родимыхъ пятнахъ (43а—45а)[1]. Всѣ признаки расположены почти въ томъ же порядкѣ, что и примѣты въ нашемъ трактатѣ и у Меламнода: отъ головы къ ногамъ. По содержанію, примѣты также просты—указывается часть тѣла, на которой имѣется родимое пятно и отмѣчается затѣмъ, что послѣдуетъ. Можно даже сказать, что этотъ трактатъ еще проще по формѣ, такъ какъ не различаетъ примѣтъ у мущинъ и у женщинъ.

Кромѣ главы о гаданіи по родимымъ пятнамъ, въ физіономической части нашего трактата имѣется также особая глава о гаданіи по дрожанію членовъ. Сборники съ подобнаго рода примѣтами не являются рѣдкостью въ позднѣйшей мусульманской литературѣ. Флейшеръ издалъ въ свое время переводъ одного подобнаго, турецкаго трактата, снабдивъ его цѣнными вступительными замѣчаніями[2]. Отмѣтивъ трактатъ Меламнода[3], сравненный имъ съ переведеннымъ имъ текстомъ на ту-же тему, Флейшеръ указалъ на большую распространенность сочиненій на эту тему въ мусульманскихъ литературахъ. Какъ выяснилось позже, по тому же вопросу въ греческой литературѣ имѣется еще одинъ трактатъ,

1) من كلام إبقراط فى دلائل الخيلان و الشامات. Ср. еще берлинскій каталогъ Ahlwardt'a, IV, 557, № 5373.

2) H. L. Fleischer, Ueber das vorbedeutende Gliederzucken bei den Morgenländern (Berichte über die Verhandlungen der königl. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften, phil.—hist. Classe, 1849, 244—256 = Kleinere Schriften, B. III, Leipzig, 1888, 199—212). См. еще Nicolaïdes, o. c. VIII—IX.

3) Μελάμποδος ἱερογραμματέως περὶ παλμῶν μαντικὴ πρὸς Πτολεμαῖον Βασιλέα—Franz, 451—501. Если редакція этого трактата старше редакціи трактата о родимыхъ пятнахъ, то содержаніе этого послѣдняго своей простотой какъ будто указываетъ на большую сравнительно съ первымъ древность.

меньшихъ размѣровъ, чѣмъ трактатъ Мелампода, и повидимому болѣе древній, приписываемый Гермесу Трисмегисту[1]). Уже Флейшеръ совершенно справедливо отмѣтилъ, что напрасно искать происхожденіе или путь заимствованія этого рода наблюденій; мысль, которая вполнѣ примѣнима вообще къ изученію примѣтъ. Съ другой стороны, тотъ же Флейшеръ указалъ, что въ александрійскую эпоху несомнѣнно значительное количество восточныхъ суевѣрій перешло въ греко-римскій міръ и обратно. Тогда же возникъ въ восточныхъ литературахъ рядъ псевдэпиграфическихъ трактатовъ съ именами Платона, Аристотеля и др., трактатовъ, никогда не существовавшихъ на греческомъ языкѣ. Восточныя вліянія въ позднѣйшей византійской гадальной литературѣ несомнѣнны: мы имѣемъ напр. извѣстія о переводѣ съ персидскаго на греческій геомантіи персидскаго философа Занаты и о несомнѣнно восточнаго происхожденія сонникѣ Ахмета[2]). Въ частности гаданіе по трепету членовъ тѣла нельзя, однако, относить на долю восточныхъ заимствованій при присутствіи ихъ въ произведеніяхъ, близкихъ къ народной жизни (напр. у Ѳеокрита и Плавта, какъ указалъ Флейшеръ[3]), хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и возможно общеніе. Это же гаданіе существовало далѣе и въ древней Индіи, примѣры чего мы находимъ въ Сакунталѣ (указано Флейшеромъ); оно же имѣется и въ Калилѣ и Димнѣ[4]). Такимъ образомъ, литературные памятники, весьма близкіе къ сасанидской эпохѣ и къ древнему періоду арабской литературы, упоминаютъ объ этихъ примѣтахъ.

Обращаясь къ главѣ о примѣтахъ этого рода въ нашемъ текстѣ, отмѣчаемъ прежде всего, что эти примѣты, какъ и примѣты о родинкахъ, имѣются не только въ спеціальной главѣ, но упоминаются и раньше. Почти съ самаго начала главы о физіономикѣ, приводимой со словъ самого Джāхиза, мы

---

1) Трактатъ этотъ изданъ полностью вмѣстѣ со славянскими «трепетниками» и съ указаніями предшествующей литературы М. Сперанскимъ, Изъ исторіи отреченной литературы, II, Трепетники, СПБ., 1899 (Памятники древней письменности и искусства, изд. Общества Любителей Древней Письменности, CXXXI), см. 18 сл. и тексты 35—36. Сходный съ изданными Сперанскимъ трепетниками еврейскій текстъ, «книга членотрясеній» (въ рукописи и изданіи XVI-го вѣка въ Азіатскомъ Музеѣ Имп. Академіи Наукъ), былъ указанъ В. Н. Перетцемъ, Матеріалы къ исторіи апокриѳа и легенды, I, Къ исторіи Громника, СПБ., 1899 (Зап. Ист.-Фил. Фак. СПБ. Унив., ч. LIV, вып. 1), 82.

2) K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, München, 1897, 630 и 631. Литература о физіономикѣ въ византійской литературѣ приведена тамъ же, 620.

3) Отрывки физіономическаго содержанія изъ писателей античнаго міра собраны въ вышеупомянутомъ изданіи Förster'a, II, 233 слѣд.

4) См. вышеприведенныя наши замѣчанія по этому поводу. Указанія мѣстъ, касающихся примѣтъ по трепету членовъ тѣла, въ различныхъ памятникахъ индійской литературы см. у Hultzsch, Prolegomena за Vasantarâja's Çâkuna, Leipzig, 1879, 56.

встрѣчаемся съ примѣтами о трепетѣ. Онѣ приводятся въ безпорядкѣ, между примѣтами надъ родимыми пятнами и другими, но даютъ матеріалы, которые необходимо сопоставить съ сообщаемыми въ специальной главѣ. Изъ этихъ наблюденій отмѣчаемъ слѣдующія: 1) сильно бьющіяся вены, красное лицо и стоящіе прямо волосы указываютъ человѣка подвижного, быстро подвергающагося болѣзнямъ, не надежнаго, живого; 2) дрожаніе при этомъ головы, предсказываетъ болѣзнь либо путешествіе; 3) дрожь правой стороны головы, при стоящихъ прямо волосахъ, предсказываетъ большое благо; 4) дрожь въ лицѣ, щекѣ, половинѣ головы и шеѣ предсказываетъ параличъ, обнаруживаетъ мало здравомыслящаго, озлобленнаго человѣка; 5) быстрое біеніе венъ, желтый цвѣтъ лица, сухость губъ предсказываютъ забывчивость, горячность, трусость, увеличивающуюся еще, если дрожитъ правая сторона головы; 6) сильное біеніе венъ указываетъ на зло; 7) дрожаніе правой щеки, праваго глаза и правой стороны губы предсказываетъ благо; 8) дрожаніе лѣвой щеки, лѣваго глаза и лѣвой стороны губы предсказываетъ зло; 9) дрожаніе шеи—предсказаніе горя; 10) дрожаніе плеча—предсказаніе власти; 11) дрожаніе находящагося между плечами родимаго пятна (т. е. знака пророчества)—предсказаніе важнаго дѣла и большой власти; 12) дрожаніе праваго плеча—предсказаніе блага; 13) дрожаніе лѣваго — горя; 14) дрожаніе праваго локтя—большое благо; 15) дрожаніе живота—радость и благо; 16) дрожаніе живота женщины предсказываетъ обиліе мужского потомства. Сюда же относятся и наблюденія надъ движеніемъ ушей. Специальная глава «о познаніи дрожанія и біенія венъ» состоитъ, какъ глава о родимыхъ пятнахъ, изъ ряда примѣтъ, въ данномъ случаѣ тридцати семи. Расположеніе ихъ — отъ головы къ ногамъ, какъ и въ той главѣ, при чемъ порядокъ ихъ нарушенъ лишь одинъ разъ,—между примѣтами, касающимися лица, вставлены шея и плечи. Наибольшее количество примѣтъ относится къ головѣ и лицу. Такъ же какъ въ примѣтахъ о родимыхъ пятнахъ различаются правая и лѣвая стороны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывается также различіе въ примѣненіи примѣты по отношенію къ мущинѣ и женщинѣ. Противорѣчія въ примѣтахъ отмѣчаются самимъ текстомъ: въ началѣ его сообщается, что по мнѣнію однихъ дрожаніе темени или черепа предсказываетъ болѣзнь или путешествіе, а по мнѣнію другихъ высоту помысловъ; когда дрожитъ кожа на головѣ или встаютъ волосы, это по мнѣнію однихъ предсказаніе разоренія, а по мнѣнію другихъ безсердечность, дурныя качества натуры, трусость. Въ отношеніи сторонъ, текстъ отдаетъ преимущество правой, такъ какъ, въ случаѣ различія, дрожаніе правой стороны предсказываетъ благо, а лѣвой — зло. Членовъ тѣла, упоминаемыхъ въ этой главѣ, значительное число. Большинство изъ нихъ упо-

мянуто одинъ разъ, немногіе два раза. Общій характеръ примѣтъ тотъ же, что и примѣтъ о родинкахъ—незамысловатость и простота.

Въ настоящемъ случаѣ мы также имѣемъ матеріалъ для сравненія. Мы имѣемъ не только два греческихъ, румынскій и нѣсколько славянскихъ текстовъ, но и восточный-же, хотя и позднѣйшій, въ вышеупомянутомъ изслѣдованіи и переводѣ Флейшера. Число примѣтъ въ турецкомъ сборникѣ значительно больше—123. Въ такомъ количествѣ примѣтъ несомнѣнно должны встрѣчаться части тѣла, названныя и въ нашемъ трактатѣ. Такъ, мы находимъ здѣсь правую и лѣвую стороны головы, правое и лѣвое уши, правое и лѣвое вѣки, носъ, верхнюю и нижнюю губы, подбородокъ, шею, правое и лѣвое плечи, правый и лѣвый локти, ляшку, животъ и стороны его, пупокъ, ягодицы, правую и лѣвую голени, правую и лѣвую лодыжки. Однако, большинство примѣтъ, связанныхъ съ этими частями тѣла, не совпадаетъ съ примѣтами нашего трактата. Нѣкоторое сходство можно отмѣтить лишь въ примѣтахъ, связанныхъ съ правой и лѣвой сторонами: такъ, по нашему трактату, дрожаніе правой стороны головы предсказываетъ благо, лѣвой—разореніе, по трактату же Флейшера—дрожаніе правой стороны предсказываетъ превосходство надъ людьми, лѣвой—благополучное окончаніе путешествія; дрожь праваго уха, по нашему трактату, предсказываетъ благо, лѣваго—печаль, по трактату же Флейшера—хорошій и дурной разговоръ о человѣкѣ; дрожаніе праваго локтя предсказываетъ у насъ благо, а лѣваго зло и потерю, тогда какъ у Флейшера—полученіе пользы и озабоченность отъ врага; дрожаніе ягодицъ и тутъ, и тамъ указываетъ на радость. Этими примѣтами почти и исчерпывается сходство этихъ трактатовъ, не позволяющее заключать о ихъ близости и происхожденіи изъ одного источника. Оба эти трактата, однако, принадлежатъ несомнѣнно къ одному типу литературныхъ произведеній и представляютъ собою два варіанта этого типа въ мусульманской литературѣ. Мы не будемъ останавливаться дольше на другихъ, извѣстныхъ намъ подобнаго рода сочиненіяхъ,—на двухъ греческихъ трактатахъ, сравненныхъ г. Сперанскимъ[1]), на румынскомъ, выводившемся г. Гастеромъ изъ вышеупомянутаго турецкаго[2]), и др. Отмѣтимъ лишь, что по характеру къ нашему трепетнику ближе короткій трепетникъ, приписываемый Гермесу Трисмегисту, чѣмъ болѣе развитой трепетникъ Меламподa.

---

1) О. с. 18 слѣд.

2) M. Gaster, Das türkische Zuckungsbuch in Rumänien, Zeitschrift für Romanische Philologie, B. IV, 1880, 65—72. Предположеніе Gaster'а отвергалось А. Н. Веселовскимъ (Archiv für Slavische Philologie, V, 469—470) и Сперанскимъ, о. с. 76, пр. 3.

Нѣкоторыя части послѣдняго (напр. примѣты о дрожаніи темени, о стоящихъ прямо волосахъ, о дрожаніи правой и лѣвой сторонъ головы, лба и нѣкоторыя другія) имѣютъ впрочемъ нѣкоторое сходство съ нашими примѣтами. Интересно, что въ этомъ трактатѣ Мелампода среди источниковъ его называются «египтяне», что указываетъ на признаваемое самимъ трактатомъ восточное вліяніе (см. напр. стр. 461)[1]).

Прочія физіономическія правила сообщаются либо какъ цитата изъ индійца Дж-у-б-р'а, либо со словъ Джāхиза. Цитаты изъ Дж-у-б-р'а, кромѣ нѣсколькихъ постановленій (объ игрѣ въ шахматы, о своевременности разговора, о хорошихъ качествахъ рѣчи) касаются исключительно наблюденій надъ дѣйствіями человѣка для познанія его характера. Такимъ образомъ, собственно гаданія устраняются изъ этой части. Что касается далѣе состава наблюденій, то здѣсь мы замѣчаемъ весьма детальное разграниченіе: указываются особенности характера хорошаго игрока въ шахматы, внѣшнія отличія умѣющихъ хорошо владѣть мечомъ, копьемъ, разнаго рода стрѣлами[2]), а у этого рода лицъ еще наблюдаются разнаго рода физіономическія проявленія (скрежетъ или хрипъ, дрожаніе и пр.). Главнымъ же содержаніемъ этихъ наблюденій является рѣчь человѣка, по которой познается характеръ его. Цитата изъ этой индійской книги даже завершается особымъ отдѣломъ, касающимся опредѣленія характера по молчанію, голосу, рѣчи и пр. Намекъ на сасанидскую Персію встрѣчается именно въ началѣ этого отдѣла, когда упоминается, что хосрои обращали яко-бы спеціальное вниманіе на разговоръ и манеру его у человѣка. Цитата эта заключается арабскими стихами, принадлежащими конечно не индійскому сочиненію. Вполнѣ впрочемъ возможно, что и самое это индійское сочиненіе является псевдэпиграфическимъ, какъ напр. сходнаго содержанія сочиненіе, приписываемое Томтому, тоже индійцу[3]) и тоже почти неизвѣстному лицу.

Собственныя сообщенія Джāхиза, кромѣ двухъ спеціальныхъ отдѣловъ, — о гаданіи по родимымъ пятнамъ и по дрожанію членовъ, — также заключаютъ въ себѣ наблюденія надъ проявленіями человѣка для познанія

---

1) О личности Мелампода см. еще Сперанскій, о. с. 16, прим. 6.

2) Однимъ изъ этихъ наблюденій мы воспользовались уже въ нашей статьѣ объ отрывкѣ военнаго трактата изъ Аӣн-нāмэ, о. с. 276—277.

3) См. Fleischer, о. с. 203. Упоминанія этого лица طمطم у Хāджжӣ-Халӣфы см. въ указателѣ, при VII-мъ томѣ, 1242 (ср. D. Chwolsohn, Die Ssabier und der Ssabismus, I, St. Petersburg, 1856, 712—713).

его характера. Эти наблюденія открываются небольшимъ введеніемъ, классифицирующимъ познаваемыя чувствами вещи въ двѣ группы — вещей, непосредственно воспринимаемыхъ чувствами и вещей, воспринимаемыхъ лишь послѣ доказательства. Для познанія второй группы вещей необходимо быть особо выдающимся человѣкомъ, для истолкованія ихъ другимъ нужны ученые, «люди опыта и сужденія». Среди примѣровъ этой второй группы вещей называется значительное количество примѣтъ, касающихся родимыхъ пятенъ и дрожаній членовъ тѣла, приведенныхъ нами уже выше. Изъ другихъ внѣшнихъ признаковъ, опредѣляющихъ характеръ, кромѣ дѣйствій человѣка, отмѣчаются чисто медицинскія наблюденія, напр. присутствіе черной желчи въ темпераментѣ, или физическія особенности — волосы въ ухѣ, длина шеи и пр. Изъ бытовыхъ данныхъ сообщается о томъ, что арабы порицали длинные волосы и одобряли недостатокъ ихъ, въ подтвержденіе чего приводится стихъ изъ ʿАнтары. Персовъ Джāхизъ въ данномъ мѣстѣ не упоминаетъ ни разу и у насъ нѣтъ прямыхъ указаній, чтобы возводить эти сообщенія его къ сасанидской эпохѣ. Въ общемъ вступленіи къ этому трактату, упоминающемъ персидскую традицію въ этомъ отношеніи, приводимыя здѣсь наблюденія также не упоминаются. Въ арабской же литературѣ и эта часть является однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ этого рода памятниковъ[1]).

Минуя приложеніе объ «индійскихъ сужденіяхъ», о которомъ мы уже говорили ранѣе, переходимъ ко второму и послѣднему приложенію, касающемуся такъ называемыхъ «знаковъ смерти». Этотъ псевдэпиграфическій трактатъ Иппократа дошелъ до насъ, какъ мы уже говорили, не только въ нашей рукописи, но и въ иныхъ. Въ цѣляхъ изданія текста мы имѣли подъ

---

1) И въ позднѣйшее время продолжаетъ существовать традиція древней физіономической литературы. Какъ примѣръ укажу небольшой персидскій трактатъ, написанный для османскаго султана Бāязūда II-го и имѣющійся въ не-древней рукописи въ Библіотекѣ Учебнаго Отдѣленія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (описанъ вкратцѣ у Bar. V. Rosen, Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales, III, Manuscrits persans, St.-Pétersbourg, 1886, 320, № 129). Физіономическія наблюденія даны въ опредѣленномъ порядкѣ, начиная со лба (4а), переходя къ бровямъ, глазамъ, носу, рту, губамъ, зубамъ, подбородку, усамъ и бородѣ, лицу, ушамъ, общему виду человѣка, тальѣ, голосу, дыханію, шеѣ, плечамъ, рукамъ, пальцамъ, ладонямъ, ногтямъ, животу и кончая боками и спиною; въ заключеніе наблюденій сообщается еще о мясѣ тѣла и смѣхѣ (10б—11а). Довольно обширное заключеніе трактуетъ о «возможности измѣненія несовершенства»; въ немъ приводится между прочимъ (13а сл.) разсказъ о Платонѣ и *индійскомъ* мудрецѣ, являющемся большимъ знатокомъ физіономики.

руками во первыхъ физіономическій трактатъ нѣкоего Мухаммеда-ибн-Абӯ-Тāлиба ад-Димашкӣ (жилъ въ XIII-мъ вѣкѣ), въ Берлинской рукописи XVI-го вѣка, въ заключеніи котораго помѣщены приписываемые Иппократу знаки, по которымъ предсказывалась смерть больного. Во вторыхъ, мы имѣли индійское изданіе арабскаго текста, также содержащаго перечисленіе тѣхъ-же знаковъ смерти и приписываемаго Иппократу. Эти трактаты, при нѣкоторыхъ различіяхъ, настолько сходны, что могутъ быть названы варіантами и несомнѣнно восходятъ къ общему источнику. Изъ различій отмѣтимъ неравное число примѣтъ въ этихъ трехъ варіантахъ. Въ нашей рукописи 23 примѣты; въ берлинской—24 (по счету самой рукописи, но собственно 25, такъ какъ подъ 23-й примѣтой указаны 2 примѣты); въ индійскомъ изданіи — 25. Далѣе, въ нашей рукописи довольно подробно разсказывается преданіе о нахожденіи этихъ примѣтъ въ могилѣ Иппократа[1]); берлинская рукопись не говоритъ объ этомъ, — она лишь указываетъ, что эти признаки возводятся къ Иппократу; индійское изданіе лишь очень кратко сообщаетъ, что эти примѣты были найдены въ могилѣ Иппократа и переведены съ греческаго на арабскій при Мамӯнѣ Хунейномъ-ибн-Исхāкомъ. Что касается до содержанія примѣтъ, то онѣ отличаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ опредѣленіяхъ сроковъ, черезъ которые примѣта должна сбыться. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ различно построеніе фразъ — въ одномъ трактатѣ болѣе краткое, въ другомъ болѣе подробное. Порядокъ примѣтъ выдерживается почти одинаковый. Такъ, примѣты берлинской рукописи и индійскаго изданія одинаковы; въ нашей рукописи не имѣется семнадцатой, девятнадцатой и двадцать пятой примѣтъ берлинской рукописи и индійскаго изданія, а въ послѣднихъ нѣтъ двадцать третьей примѣты нашей рукописи. Переходя далѣе къ частностямъ отмѣчаемъ слѣдующее. Въ первой примѣтѣ какъ наша рукопись, такъ и А (Берлинская; примѣты и время выражены цифрами) даютъ срокъ времени въ 23 дня, тогда какъ В (индійское изданіе; примѣты и время выражены словами) называетъ 13 дней; А при этомъ поясняетъ еще, что значитъ прикосновеніе къ ноздрямъ[2]). Во второй примѣтѣ наша рукопись и А даютъ 8 дней, а В — 3. Въ третьей примѣтѣ нашъ текстъ называетъ 50 дней, А и В — 52. Въ пятой примѣтѣ нашъ текстъ считаетъ признакомъ болѣзни «тяжесть тѣла», А «тяжесть рукъ», В «блужданіе» (?)[3]). Въ седьмой примѣтѣ нашъ текстъ и В называютъ 12

1) Ср. Steinschneider, Manoscritti arabici etc., 129.

2) كالحاكّ لهما و المدخل أصبعه فى أحدهما.

3) A — ثقيل اليدين قليل الحسّ بهما, B — يضلّ (?).

дней, A — 22. Въ девятой примѣтѣ нашъ текстъ и B называютъ обѣ ноги и шею, A — одну ногу и лицо; A опредѣляетъ смерть «во время захода солнца», B—«до захода солнца»[1]). Въ одиннадцатой примѣтѣ A и B приводятъ какъ признакъ не тяжелый сонъ, а «сонливость»[2]). Въ двѣнадцатой примѣтѣ нашъ текстъ даетъ 2 или 3 дня, A и B — 3. Въ тринадцатой примѣтѣ въ нашемъ текстѣ упомянуты 15 дней, въ A и B—25. Въ B четырнадцатая и пятнадцатая примѣты поставлены въ обратномъ порядкѣ съ нашимъ текстомъ и съ A. Въ A, въ четырнадцатой примѣтѣ, упоминается какъ признакъ «сильная жажда»[3]). Въ пятнадцатой примѣтѣ нашъ текстъ и B (четырнадцатая примѣта) даютъ 20 дней, A—2. Въ шестнадцатой примѣтѣ нашъ текстъ даетъ 6 дней, A и B—7. Семнадцатая примѣта A и B не имѣется въ нашемъ текстѣ; она гласитъ[4]), что красный прыщъ величиной съ бобъ подъ бородой предсказываетъ смерть черезъ 52 дня и признакъ этого обильное выдѣленіе мокроты. Слѣдующая въ нашемъ текстѣ примѣта (17) совпадаетъ со слѣдующей въ A и B (18). Девятнадцатая примѣта въ A и B отсутствуетъ въ нашемъ текстѣ и гласитъ[5]), что темный, не причиняющій боли прыщъ на правой рѣсницѣ предсказываетъ смерть— по A черезъ 7 дней, по B черезъ 9, до восхода солнца, при чемъ признакомъ этого является зѣвота. Въ слѣдующей примѣтѣ (18 нашего текста и 20 A и B) число дней у насъ и въ A 15, въ B—25; признакъ—въ нашемъ текстѣ тяжелый сонъ, въ A — больной много спитъ, въ B — больной спитъ много и тяжело[6]). Примѣта относительно опухоли на серединѣ головы (у насъ 21, A и B—23), даетъ въ нашемъ текстѣ 40 дней и какъ признакъ зѣвоту,

---

1) A — فى إبهام الرجل, B — على إبهامى الرجلين; A — و كان لون الوجه كمدًا, B — وكان لون الرقبة كمدًا; A — وقت مغيب الشمس; B — قبل مغيب الشمس.

2) A — كثير النوم, B — نومًا كثيرًا.

3) لا يكاد يروى.

4) A — وإذا كانت تحت اللحية بثرة حمرآء فى عظم الباقلّآء المصريّة فإنّه صاحبها (рук. صابها) يموت فى ٥٢ يومًا من مرضه بها وآية ذلك أن ينفث بلغمًا كثيرًا فى أوّل مرضه, B — إذا كانت تحت اللحية بثرة حمرآء فى عظم الباقلّآء فاعلم أن صاحبها يموت الى اثنين و خمسين يومًا وآية ذلك أنّه ينفث فى بدء مرضه.

5) A — وإذا كان على الحاجب الأيمن بثرة كمدة اللون ولا توجع صاحبها فإنّه يموت ٧ يومًا من مرضه بها قبل طلوع الشمس آية ذلك أن يكون كثير التثاؤب (рук. الثناوب) فى أوّل مرضه; B — إذا كانت على الحاجب (текстъ الجانب) الأيمن بثرة كمدة اللون فاعلم أن صاحبها يموت بعد تسعة أيّام من مرضه قبل طلوع الشمس وآية ذلك أنّه يُكثر فى بدء مرضه التثاؤب الشديد.

6) A — نوم كثير; B — نوم كثير ثقيل.

въ A — 4 дня и какъ признакъ забытье, въ B — 90 дней и какъ признакъ забытье, желаніе ѣсть дыню, обильное мочеиспусканіе[1]). Примѣта (у насъ 22, A вторая часть 23-й, B — 24) относительно опухоли на груди (въ B високъ, возможно впрочемъ, что тутъ описка)[2]) даетъ въ нашемъ текстѣ и въ B 3 мѣсяца, а въ A 8; признаки во всѣхъ трехъ случаяхъ различны[3]). Послѣдняя примѣта нашего текста относительно паралича не имѣется ни въ A, ни въ B; заключительная примѣта A и B слѣдующая[4]): прыщи подъ шеей и на нижнемъ вѣкѣ лѣваго глаза предсказываютъ смерть черезъ 11 ночей или 1 ночь по A и черезъ 21 ночь по B, и признакъ этого позывъ на сладкое. Мы не указываемъ нѣкоторыхъ иныхъ мелкихъ различій, не имѣющихъ большого значенія для характеристики варіантовъ.

Для выясненія изводовъ и вообще литературной исторіи этого псевдэпиграфическаго трактата требуется сопоставленіе всѣхъ имѣющихся версій его, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ; при незначительной роли его въ основной темѣ изданнаго нами сочиненія, мы заботились лишь объ исправленіи и правильной передачѣ текста этого трактата въ нашемъ изданіи, предоставляя сличеніе версій тому, кто спеціально этимъ вопросомъ заинтересуется. Приведенныя различія достаточно указываютъ, думаемъ мы, на несомнѣнную и въ данномъ случаѣ, какъ и въ примѣтахъ о родимыхъ пятнахъ и трепетахъ, неустойчивость примѣтъ и ихъ записей. Прибавимъ, что нашъ текстъ заканчиваетъ свою цитату изъ псевдо-Иппократа еще примѣтами относительно цвѣта лица, также приписываемыми имъ тому-же ученому древности.

---

1) A — يعرض له فى مرضه سبات شديد و — B ;يعرض له فى مبدء مرضه سبات يشتهى البطّيخ شهوةً شديدةً و يشتاق اليه و يبول بولًا كثيرًا.

2) صدغ вм. صدر.

3) A — وآية ذلك أنّه — B ;وآية ذلك أن يأخذ فى مبدء مرضه الحصر و عسر البول فى أوّل مرضه يقع عليه شهوة البطّيخ و المآء الكثير و يكون غريز البول كالّذى ذكره باقل (глосса — أى موضوع فى البقول الباردة).

4) A وإذا كان تحت الرقبة بثرة و فى الجفن الأسفل من العين اليسرى بثرة بيضآء فإنّه يموت بهذه (?) لإحدى عشر ليلة من ظهور ذلك او قال لأوّل ليلة من ظهورها وآية ذلك شدّة شهوة المريض الى الحلوآء. B — إذا كانت تحت الرقبة بثرة و فى الجفن الأسفل من العين اليسرى بثرة أيضًا بيضآء فاعلم أن صاحبها يموت الى إحدى و عشرين ليلة من بدء مرضه وآية ذلك أنّه يعرض له فى أوّل مرضه شهوة الحلو و الأغذية الردئة.
См. также Steinschneider, Manoscritti arabici, 134.

Разборъ изданныхъ нами текста и перевода законченъ. Какъ изъ вступительныхъ замѣчаній, такъ и изъ порядка этого разбора видно, надѣемся, ясно, что мы разсматривали этотъ трактатъ какъ нѣчто составное, а потому разложили и нашъ комментарій на нѣсколько главъ.

Въ физіономической части трактатъ все же является однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ этого рода въ арабской литературѣ. Мы позволимъ себѣ повторить сказанное выше — не имѣя прямыхъ указаній на заимствованіе этого отдѣла изъ сасанидскихъ источниковъ, мы не можемъ считать эти сообщенія, относящимися несомнѣнно къ до-мусульманской Персіи. Однако, возможность вліянія сасанидскихъ традицій на подобнаго рода полу-научныя примѣты вполнѣ имѣетъ мѣсто. И въ западной литературѣ мы имѣемъ подобнаго рода трактаты (Меламнода, Гермеса Трисмегиста), выводимые изъ эпохи сильнѣйшихъ восточныхъ, а слѣдовательно и персидскихъ, вліяній. Въ этомъ же отдѣлѣ мы имѣемъ и псевдэпиграфическое сочиненіе «знаки смерти» Иппократа, имѣющееся и въ западныхъ литературахъ, но весьма возможно восточнаго происхожденія. По крайней мѣрѣ, рамка его имѣетъ нѣчто общее съ рамкой персидскаго Джāвидāн-Хиреда. Если по внѣшней формѣ примѣтъ судить объ ихъ древности, то физіономическія примѣты нашего трактата обнаруживаютъ несомнѣнную древность, такъ какъ онѣ очень не сложны; съ другой стороны, онѣ не даютъ именно благодаря своей простотѣ никакого мѣстнаго колорита и тѣмъ лишаютъ возможности подмѣтить въ нихъ источники.

Сообщенія нашего трактата объ индійскомъ фольклорѣ приближаютъ его къ старой Персіи, особенно потому, что вообще многіе индійскіе мотивы должны были пройти въ арабскую литературу черезъ сасанидскіе памятники. Напомнимъ, что въ началѣ трактата объясняется почему въ немъ вообще приводятся индійскія суевѣрія, — они важны для выясненія персидскихъ суевѣрій.

Но особенно важны для культурной исторіи до-мусульманской Персіи тѣ матеріалы, которые по своему содержанію, либо по соотвѣтствію съ данными Āйн-нāмэ, уже несомнѣнно обнаруживаютъ сасанидскій источникъ. Однако, и здѣсь передъ нами не однородный матеріалъ. Нѣкоторыя (напр. календарныя) примѣты ведутъ насъ иногда къ придворному церемоніалу, иногда къ сравнительно культурнымъ условіямъ жизни,—все это возводитъ ихъ къ сасанидской эпохѣ и у насъ въ данномъ случаѣ нѣтъ необходимости отодвигать ихъ далѣе. Но нѣкоторыя изъ нихъ производятъ впечатлѣніе еще болѣе отдаленной старины. Эти примѣты, дошедшія до насъ въ сасанидскомъ памятникѣ, существовали въ сасанидское время, по условія,

рисуемыя ими, могутъ быть возведены къ болѣе отдаленной эпохѣ. Мы разумѣемъ эпоху древней, такъ называемой восточно-иранской культуры [1]), элементы которой не только продолжали существовать въ сасанидскую эпоху, но существуютъ и до сихъ поръ у принявшихъ исламъ иранскихъ племенъ.

К. Иностранцевъ.

1) Характеристику ея см. напр. у H. Oldenberg, Aus Indien und Iran, Berlin, 1899, 143—144.

Воспоминанія илійскаго сибинца о дунганско-таранчинскомъ возстаніи въ 1864—1871 годахъ въ Илійскомъ краѣ.

Посланныя императоромъ Гао-цзуномъ (года правленія Цянь-лунъ) китайско-маньчжурскія войска, при содѣйствіи ловкаго интригана Амурсаны, вошли въ Илійскій край (Джунгарію) въ 1755 году и, разбивъ въ томъ же году джунгарскаго князя Даваци, присоединили къ владѣніямъ Богдохана новый богатый край. Для колонизаціи края въ 25 году правленія Цянь-лунъ (въ 1760 году) изъ Туркестана было выселено 6,000 таранчей съ семействами; таранчи, прибывъ на новыя мѣста, разселились къ сѣверу и югу отъ р. Или, образовавъ 80 деревень, и занялись хлѣбопашествомъ. Таранчей, кромѣ того, заставили строить крѣпости. Такъ, въ 53 верстахъ отъ нынѣшней русско-китайской границы была выстроена крѣпость Хуй-юань-чэнъ, въ которой основалъ свою резиденцію цзянъ-цзюнь; здѣсь былъ помѣщенъ гарнизонъ изъ 4.000 маньчжуровъ изъ городовъ Собственнаго Китая. Въ другой сильной крѣпости Баянтаѣ, въ 10 верстахъ отъ г. Кульджи, былъ помѣщенъ гарнизонъ изъ 2,000 маньчжуровъ, переведенныхъ изъ Жэ-хэ. Въ 29 году Цянь-луна (1764 году) съ береговъ Амура и изъ Мукденя были переведены въ Илійскій округъ 1,000 человѣкъ онкоровъ и дахуровъ, которые стали называться здѣсь солонами, и 1,000 человѣкъ сибо (маньчжурское поколѣніе) [1]). Затѣмъ правительство стало ссылать въ Илійскую область китайцевъ, совершившихъ внутри имперіи преступленія. Что касается дунганъ, то они не были переселены силой, а сами добровольно въ разное время стали прибывать въ Илійскій край.

---

1) По словамъ Ф. В. Муромскаго, сибо считаютъ первоначальною своею родиною раіонъ городовъ Цицикара и Бодунэ въ Маньчжуріи. (Изв. Р. Комит. для изуч. Средн. и Вост. Азіи, № 7, стр. 56). *Вл. К.*

15*

Во время возстанія (въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія) ихъ насчитывалось здѣсь около 3,000 человѣкъ.

Итакъ, благодаря мѣрамъ Дай-цинскаго правительства, край былъ быстро заселенъ маньчжурами, сибинцами, солонами, китайцами и таранчами[1]). Китайцы представляли крайне негодный элементъ, такъ какъ комплектовались изъ преступниковъ. Господствующее положеніе въ краѣ заняли маньчжурскія знаменныя войска. Сибо и солоны составили особый кадръ войскъ. Получивъ въ свое владѣніе громадныя земельныя угодья, они жили самостоятельно и не были въ тягость таранчамъ, съ которыми сибо даже состояли въ дружбѣ. Зато маньчжуры сѣли на шею таранчамъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ содержать одного маньчжурскаго солдата. Таранчи были непосредственно подчинены маньчжурскому начальству, а не сянь-гуаню (китайскому уѣздному начальнику), какъ теперь.

Такимъ образомъ, съ самого начала таранчи несли на себѣ все тягло и кормили маньчжуровъ, жившихъ въ крѣпостяхъ. Китайцы — ссыльнопоселенцы — также всячески обижали таранчей; они и съ дунганами постоянно ссорились. Чиновники, съ своей стороны, притѣсняли магометанъ и безъ зазрѣнія совѣсти брали взятки. Самъ цзянъ-цзюнь Чанъ, при которомъ началось возстаніе, отличался взяточничествомъ, за что таранчи и не называли его иначе, какъ Чанъ — «длинный мѣшокъ».

Всѣ эти обстоятельства имѣли слѣдствіемъ то, что къ половинѣ минувшаго столѣтія таранчи и дунгане представляли крайне озлобленный противъ маньчжуровъ и китайцевъ элементъ. Распространившееся въ началѣ 60-хъ годовъ по всему Синь-цзяну дунганское возстаніе нашло въ Или хорошо подготовленную почву. Не доставало только искры, чтобы и здѣсь вспыхнулъ пожаръ. Такою искрой и послужило нападеніе въ 1864 году ссыльныхъ китайцевъ на дунганъ въ г. Хуй-юань-чэнѣ. Дунгане бѣжали въ г. Кульджу къ таранчамъ, а послѣ того началось общее возстаніе таранчей и дунганъ въ Илійской области.

Звѣзда таранчей ярко заблистала: они уничтожили маньчжуровъ и китайцевъ въ Илійскомъ краѣ, образовали свое ханство и уничтожили затѣмъ въ нѣсколькихъ стычкахъ своихъ прежнихъ союзниковъ — дунганъ.

Интересно, что сами таранчи удивляются теперь, какъ это тогдашніе

---

1) Кромѣ того, здѣсь (въ Боро-тала) были поселены еще чахары, прибывшіе въ составѣ китайскихъ войскъ. *Вл. К.*

таранчи могли все это сдѣлать. Одинъ старикъ-таранчинецъ, участвовавшій во всѣхъ битвахъ таранчей съ маньчжурами и китайцами, а именно, таранчинскій аксакалъ при консульствѣ, на мой вопросъ, какъ могли таранчи съ самымъ плохимъ вооруженіемъ брать крѣпости, захватывать артиллерію,— простодушно заявилъ, что «это Богъ далъ». И, обольщенный величіемъ своихъ подвиговъ, этотъ убѣленный сѣдинами таранчинецъ добавилъ, что тогда 100 китайцевъ не могли ничего подѣлать съ однимъ таранчинцемъ, а всего китайцевъ и маньчжуровъ съ сибо и солонами было около 200,000 человѣкъ при 150 орудіяхъ, таранчей же и дунганъ вмѣстѣ было не болѣе 10,000 человѣкъ. Фантазія, конечно, у него разыгралась. А что у таранчей и дунганъ въ ихъ борьбѣ съ маньчжурами не было особенныхъ подвиговъ, и пораженіе китайцевъ и маньчжуровъ было вызвано особыми обстоятельствами, — такъ это видно изъ предлагаемаго мною перевода маньчжурской повѣсти о событіяхъ въ Илійскомъ краѣ въ 1864—71 годахъ.

Какъ мѣстный житель, я заинтересовался вышеуказанными событіями и попросилъ своего учителя, знаменнаго сибинца, прекрасно помнящаго о мятежѣ дунганъ и таранчей въ 1864—71 годахъ[1]) и имѣющаго нѣсколько знакомыхъ сибинскихъ стариковъ-свидѣтелей того времени, — написать мнѣ безпристрастно свои воспоминанія о мятежѣ дунганъ и таранчей. Сибинецъ согласился исполнить мою просьбу подъ условіемъ не упоминать его имени и фамиліи. Авторъ поступилъ добросовѣстно, — ничего не пріукрасилъ. Напротивъ, онъ сильно упрекаетъ цзянъ-цзюня Мина за его бездѣятельность и порицаетъ офицеровъ за ихъ гордость, трусость и совершенную неспособность къ командованію. Воспоминанія свои сибинецъ писалъ спѣшно, а отъ этого въ маньчжурскомъ текстѣ встрѣчаются мѣстами повторенія и уклоненія въ сторону. Въ своемъ переводѣ я раздѣлилъ всю повѣсть на 13 главъ, помѣстилъ кое-гдѣ мелкія подстрочныя примѣчанія къ тексту. При этомъ все, что̀ было не ясно для меня, авторъ объяснилъ мнѣ при чтеніи съ нимъ текста. Въ общемъ авторъ повѣствовалъ довольно кратко. Въ устной бесѣдѣ онъ разсказываетъ о нѣкоторыхъ событіяхъ гораздо подробнѣе. Но и за написанное спасибо ему! Немногіе маньчжуры и китайцы уцѣлѣли въ ту несчастную годину, а изъ оставшихся невредимыми уже многіе покончили земные счеты. Сибинцевъ-очевидцевъ осталось также немного, — пройдетъ 10—15 лѣтъ, и ихъ не станетъ. Вотъ почему разсказъ сибинца, какъ единственный трудъ на маньчжурскомъ языкѣ о

---

1) Въ 1864 г. этому сибинцу было 17 лѣтъ.

событіяхъ 1864—1871 г., я думаю, имѣетъ нѣкоторый интересъ, и я рѣшаюсь предложить читателямъ свой переводъ, льстя при этомъ себя надеждой, что критики снисходительно отнесутся къ этой работѣ[1]).

А. Дьяковъ.

30-го Декабря 1905 года.
Г. Кульджа.

---

1) Обстоятельства дунганско-таранчинскаго возстанія 1864—1871 гг. въ Илійскомъ краѣ, вызвавшаго русскую оккупацію этой области, остаются донынѣ недостаточно освѣщенными въ европейской литературѣ. Единственнымъ, повидимому, источникомъ нашихъ свѣдѣній по этому предмету могутъ быть разсказы туземцевъ-очевидцевъ, и донынѣ мы располагали двумя такими разсказами, принадлежащими представителямъ главныхъ враждовавшихъ между собою въ Или народностей — китайцевъ и таранчинцевъ. Первый разсказъ, написанный китайскимъ чиновникомъ Лю-цунь-ханемъ, былъ обнародованъ въ русскомъ переводѣ покойнымъ профессоромъ В. П. Васильевымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» («Двѣ китайскія записки о паденіи Кульджи и занятіи ея русскими», 1872, V, стр. 173—161). Извлеченіе изъ этого перевода помѣщено у Г. Е. Грумъ-Гржимайло въ 1 части его «Описанія путешествія въ Западный Китай» (СПБ., 1896, стр. 6—16). Другое повѣствованіе, составленное таранчинскимъ муллою Билялемъ подъ заглавіемъ: «Китаби-Газатъ деръ мульки Чинъ», было издано Н. Н. Пантусовымъ («Война мусульманъ противъ китайцевъ», вып. I. Казань, 1880) въ одномъ лишь таранчинскомъ текстѣ, безъ перевода, что, конечно служило сильнымъ препятствіемъ для пользованія этимъ трудомъ. Существуетъ однако рукописный переводъ его на русскій языкъ, и этимъ переводомъ пользовался Д. Федоровъ при составленіи своего «Опыта военно-статистическаго описанія Илійскаго края» (Ташкентъ, 1903), гдѣ и помѣстилъ, повидимому, извлеченіе изъ труда Биляля (ч. I, стр. VI и 36—51).

Помѣщаемый здѣсь въ переводѣ разсказъ о тѣхъ же событіяхъ принадлежитъ сибинцу, представителю одной изъ тѣхъ многочисленныхъ группъ населенія Илійскаго края, которыя были вовлечены въ китайско-мусульманскую распрю болѣе или менѣе противъ своей воли, при чемъ часть ихъ пострадала весьма сильно. Этотъ трудъ, внося весьма существенныя дополненія въ разсказъ Лю-цунь-ханя о дѣятельности сторонниковъ Дай-цинскаго правительства, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма интересный матеріалъ для выясненія отношенія къ главнымъ враждовавшимъ сторонамъ прочаго пестраго по своему составу населенія Илійскаго края. Но, конечно, при оцѣнкѣ исторической достовѣрности отдѣльныхъ эпизодовъ необходимо имѣть въ виду, что автору, при возникновеніи описываемыхъ событій, было только 17 лѣтъ, и что съ тѣхъ поръ до времени составленія «Воспоминаній» прошло около 40 лѣтъ.

Представленный А. А. Дьяковымъ переводъ былъ, согласно желанію, выраженному Вост. Отдѣленіемъ (Записки, т. XVII, вып. IV, стр. XXII, XXIV и XXXIII), сличенъ мною съ маньчжурскимъ текстомъ, при чемъ, въ виду допущенныхъ переводчикомъ нѣкоторыхъ отступленій отъ этого текста, были сдѣланы, съ согласія переводчика, измѣненія, такъ что печатаемый переводъ нынѣ соотвѣтствуетъ своему оригиналу. Кромѣ того, мною для ясности сдѣланы небольшія примѣчанія, обозначенныя моими иниціалами; прочія примѣчанія принадлежатъ переводчику. Имъ же вставлены, для поясненія, слова, помѣщенныя въ текстѣ перевода въ скобкахъ. *Вл. Котвичъ.*

СОДЕРЖАНІЕ «ВОСПОМИНАНІЙ».

Глава I.

События, предшествовавшія возстанію дунганъ и таранчей въ Илійскомъ краѣ.

Глава II.

Начало возстанія дунганъ и таранчей въ Илійскомъ краѣ.

Глава III.

Первая битва войскъ Илійскаго цзянъ-цзюня съ бунтовщиками и осада послѣдними маньчжурской крѣпости Баянтай.

Глава IV.

Паденіе Баянтая и мелкія стычки маньчжуровъ, солоновъ, сибинцевъ и китайцевъ съ дунганами и таранчами. Гибель Суйдинскаго китайскаго артиллерійскаго отряда.

Глава V.

Осада бунтовщиками города Суйдина и единственное за все время войны славное дѣло сибинскаго отряда подъ начальствомъ ротнаго командира Ургуна.

Глава VI.

Калмыки идутъ на помощь къ цзянъ-цзюню, но изъ-за коварства чиновниковъ послѣдняго уходятъ обратно. Битва маньчжурско-китайскихъ войскъ съ дунганами и таранчами.

Глава VII.

Экспедиція таранчинскаго войска подъ командою Эмиръ-ханъ-ходжи къ югу отъ р. Или и договоръ таранчей съ 8 сибинскими ротами.

Глава VIII.

Договоръ Эмиръ-ханъ-ходжи съ солонскими ротами.

Глава IX.

Осада и взятіе магометанами г. Хуй-юань-чэна.

Глава X.

Взятіе дунганами и таранчами прочихъ китайскихъ городовъ въ Илійскомъ краѣ и разгромъ ими 4-хъ солонскихъ ротъ.

Глава XI.

Междоусобная война таранчей и дунганъ въ Илійскомъ краѣ.

Глава XII.

Отношеніе таранчей къ 8 сибинскимъ ротамъ.

Глава XIII.

Оккупація русскими войсками Илійскаго края.

* * *

(Переводъ съ маньчжурскаго).

I.

Въ 3-мъ году правленія Тунъ-чжи (въ 1864 году) пламя дунганскаго возстанія широко распространилось въ Притяньшаньскомъ краѣ. Возстаніе началось въ городахъ Кучѣ и Аксу, которые въ виду отсутствія въ нихъ гарнизона были безъ всякаго труда (въ одинъ день) заняты мятежниками. Затѣмъ послѣдніе завладѣли Гучэномъ, Урумчи и Манасомъ и уничтожили всѣ китайскіе посты по дорогѣ изъ Гучэна въ Урумчи и отъ Урумчи до Манаса. Овладѣвъ послѣднимъ, дунгане продвинулись далѣе по дорогѣ въ Илійскій край и заняли китайскій постъ въ Аньцзихаѣ. Въ то время въ Гучэнѣ и Урумчи было по два гарнизона: китайскій и маньчжурскій, въ Манасѣ — только китайскій. Илійскіе дунгане и таранчи внимательно слѣдили за успѣхами возставшихъ.

Первыми выказали враждебное настроеніе илійскіе дунгане, жившіе въ Хара-усу[1]). Китайцы, пахавшіе тамъ землю, должны были укрыться въ крѣпости, которую занималъ китайскій гарнизонъ подъ начальствомъ мэѣнь-амбаня[2]).

Илійскій цзянъ-цзюнь Чанъ, узнавъ о критическомъ положеніи харасунскаго гарнизона, снарядилъ на помощь ему войско. Въ составъ колонны вошли 3.000 человѣкъ кавалеріи, набранной изъ сибо, ōлōтовъ и чахаръ, 2.000 китайской пѣхоты и 3.000 особыхъ пѣхотинцевъ, набранныхъ изъ китайцевъ, сосланныхъ изъ внутреннихъ провинцій Китая въ Илійскій край за преступленія. А такъ какъ борьба съ бунтовщиками ставилась въ заслугу ссыльнымъ китайцамъ, то къ этой 8,000 толпѣ добровольно присоединились еще 3,000 ссыльныхъ китайцевъ, движимыхъ желаніемъ, при удачномъ исходѣ операцій войска, ограбить дунганское населеніе. Командованіе этой колонной цзянъ-цзюнь поручилъ ōлōтскому мэѣнь-

---

1) Хара-усу (по-китайски Лао-чэнъ)—названіе мѣстности и города въ 4 дняхъ конной ѣзды отъ г. Хуй-юань-чэна, если ѣхать черезъ хребетъ Борбосунъ, и въ 370 ли отъ Манаса. Возлѣ горъ къ югу отъ Хара-усу въ описываемое время кочевали и теперь кочуютъ торгуты, подчиненные китайскому правительству. Когда таранчи образовали въ Илійскомъ краѣ свое владѣніе, эти торгуты подчинились таранчинскому султану.

2) Мэѣнь-амбань—начальникъ отдѣльнаго отряда войскъ. Всѣ мэѣнь-амбани (ōлōтскій, чахарскій, сибинскій и солонскій) назначаются правительствомъ исключительно изъ маньчжуровъ.

амбаню, который выступилъ изъ г. Хуй-юань-чэна [1]) въ началѣ седьмой луны 3-го года Тунъ-чжи (въ 1864 году). Вмѣстѣ съ войскомъ отправились и 4 мусульманскихъ муллы, которые, по распоряженію цзянъ-цзюня, должны были увѣщевать бунтовщиковъ; примѣненіе же оружія должно было явиться крайнимъ средствомъ.

Илійское войско, подойдя къ хара-усунской крѣпости, расположилось лагеремъ внѣ ея, съ сѣверной стороны. На другой день были высланы для переговоровъ съ дунганами четыре илійскихъ муллы, но магометане сдаваться не хотѣли. Такъ прошло нѣсколько дней. Дунгане въ это время заперлись со своими семьями въ мечети, находившейся на базарѣ внѣ сѣверныхъ воротъ города [2]). Мечеть была окружена толстой глинобитной стѣной, и войско въ теченіе 2 дней не могло ворваться внутрь ограды. На третій день илійское войско продвинуло къ воротамъ ограды пушку, удачный выстрѣлъ изъ которой привелъ въ страхъ мусульманъ. Дунгане, видя свое отчаянное положеніе, подожгли мечеть, въ которой были ихъ жены и дѣти, а сами намѣревались бѣжать. Но вдругъ съ запада надвинулась черная туча, полилъ сильнѣйшій дождь, который погасилъ распространявшійся уже огонь. Осаждавшіе въ дождь на приступъ не пошли, и мэѣнь-амбань отвелъ войско въ лагерь. Когда, на другой день, солдаты были уже готовы выступить на рѣшительную аттаку, отъ дунганъ вдругъ пришли 4—5 муллъ и принесли грамоту съ изъявленіемъ покорности. Командующій войсками обратился къ нимъ съ рѣчью, обѣщавъ отъ имени цзянъ-цзюня простить ихъ, если они чистосердечно раскаются и покорятся, и приказалъ имъ сдать въ теченіе 3 дней оружіе. Выслушавъ приказаніе, муллы удалились, а мэѣнь-амбань, считая мятежъ оконченнымъ, приказалъ своимъ солдатамъ, выходившимъ изъ лагеря за фуражемъ или по другимъ дѣламъ, не брать съ собой оружія.

Это было время уборки хлѣба (конецъ 7-й луны). Хлѣбъ былъ снятъ, но не успѣли китайцы убрать его съ полей, какъ дунгане заволновались, и китайцы-пахари укрылись въ крѣпости, гдѣ мѣстный мэѣнь-амбань раздавалъ имъ запасный хлѣбъ. Для (вновь прибывшаго) илійскаго войска не хватило этого хлѣба, и оно вынуждено было само собирать хлѣбъ съ полей и такимъ образомъ питаться.

---

1) Подъ этимъ Хуй-юань-чэномъ разумѣется старый Хуй-юань-чэнъ (теперь есть новый городъ того же названія), разрушенный дунганами и таранчами,—отстоящій въ 40 верстахъ къ западу отъ г. Кульджи и расположенный на берегу р. Или.

2) Дунгане жили въ особомъ кварталѣ, внѣ крѣпости. Во время сраженія съ дунганами гарнизонъ крѣпости помогалъ илійскому войску. Но послѣ неудачныхъ операцій этого войска, заставившихъ его возвратиться въ Илійскій край, крѣпость была взята дунганами, и гарнизонъ ея былъ вырѣзанъ ими.

Въ это время разнеслась вѣсть, что изъ Манаса и Урумчи идутъ на помощь къ хара-усунскимъ дунганамъ ихъ собратья. Поджидая ихъ, хара-усунскіе дунгане подъ разными предлогами не сдавали своего оружія, но китайскіе начальники не понимали (въ чемъ дѣло).

Впрочемъ, илійскій мэѣнь-амбань для защиты своего войска выставилъ заслонъ, пославъ въ Аньцзихай[1]) 300 человѣкъ кавалеріи и 1,000 пѣхоты изъ китайцевъ—ссыльно-поселенцевъ. Этотъ авангардъ, не доходя Аньцзихая, остановился на открытомъ мѣстѣ, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности. На разсвѣтѣ дунгане изъ Манаса и Аньцзихая тихо вошли въ китайскій лагерь подъ Аньцзихаемъ и стали убивать спящихъ китайцевъ. Хотя кавалеристы успѣли вскочить на коней, но только сильные кони донесли нѣкоторыхъ до главнаго илійскаго отряда, имѣвшіе же худыхъ лошадей были настигнуты дунганами и убиты; были убиты также поголовно и всѣ пѣшіе китайцы.

Расположившееся подъ Хара-усу лагеремъ илійское войско съ тревогою поджидало манасскихъ дунганъ, которые на третій день послѣ прибытія въ Хара-усу китайцевъ, бѣжавшихъ изъ Аньцзихая, явились и напали на илійское войско, при чемъ успѣли взять въ плѣнъ многихъ солдатъ. Однако хотя сражались цѣлый день, но ни та ни другая сторона не одержала побѣды. А потому отряды илійскаго войска вечеромъ возвратились въ лагерь подъ Хара-усу, не будучи преслѣдуемы дунганами. Но такъ какъ хлѣбъ илійскому войску не былъ доставленъ, то оно, очутившись въ критическомъ положеніи, тою же ночью бѣжало обратно въ Или. Первыми бѣжали изъ лагеря китайцы. Офицеры, не будучи въ состояніи остановить бѣгущихъ солдатъ, сами послѣдовали ихъ примѣру. Китайцы, сибо, ӧлӧты и чахары[2]) отдѣльными группами прибывали въ Илійскій край. Почти всѣ сначала скрывались, кто гдѣ могъ, боясь гнѣва цзянъ-цзюня. Позднѣе всѣхъ явились къ нему командиры отдѣльныхъ отрядовъ.

Что касается сибо, жившихъ къ югу отъ р. Или, то они, надѣясь на нейтралитетъ таранчей, пошли кратчайшей дорогой черезъ ущелье Борбосунъ[3]), но почти всѣ были убиты таранчами, жившими въ многочисленныхъ селеніяхъ къ востоку отъ г. Кульджи.

---

1) Станція Аньцзихай находится въ 210 ли къ востоку отъ Хара-усу — по дорогѣ въ Манасъ, отъ котораго отстоитъ въ 160 ли. (Цифры эти не вполнѣ соотвѣтствуютъ картамъ. Вл. К.).

2) Торгуты, помогавшіе илійскому войску отрядомъ въ 300 человѣкъ, также бѣжали отъ дунганъ въ свои кочевья.

3) Ущелье Борбосунъ (у Грумъ-Гржимайло, op. cit., стр. 33,—перевалъ Боробогосунъ или Цитерты. Вл. К.) находится въ разстояніи одного дня ѣзды отъ г. Кульджи. Узкая дорога, пролегающая черезъ это ущелье, ведетъ изъ г. Кульджи черезъ хребетъ Борбосунъ въ Цинъ-хэ — станцію, лежащую на большой дорогѣ Манасъ-Урумчи, по которой и бѣжало илійское войско изъ-подъ Хара-усу.

Послѣ этого и среди магометанъ, жившихъ въ илійскихъ городахъ: Хуй-юань-чэнѣ, Суйдинѣ, Кульджѣ и многочисленныхъ селахъ, началось броженіе. Въ это время пекинское правительство отрѣшило цзянъ-цзюня Чана отъ должности, назначивъ на его мѣсто тарбагатайскаго хэбэй-амбаня [1]) Мина [2]).

10-го числа 10-й луны 3-го года Тунъ-чжи (въ 1864 г.) хуй-юань-чэнскіе дунгане пригласили цзянъ-цзюня, хэбэй-амбаня и мэѣнь-амбаней на обѣдъ. Большинство боялось и не хотѣло ѣхать на обѣдъ. Но цзянъ-цзюнь, сказавъ, что своимъ отказомъ сановники выкажутъ трусость и только подольютъ масла въ огонь, велѣлъ всѣмъ званымъ отправиться на дунганскій обѣдъ, устроенный въ мечети. Послѣ окончанія обѣда старшій ахунъ обратился къ цзянъ-цзюню съ рѣчью, сказавъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мы, мусульмане, въ теченіе 100 лѣтъ были вѣрноподданными маньчжурскаго государя. Просимъ васъ, цзянъ-цзюнь, взять нынѣ насъ подъ свою защиту, такъ какъ ссыльные китайцы, всегда презиравшіе насъ, теперь оттачиваютъ въ своемъ храмѣ копья и говорятъ, что «высосутъ нашу кровь». Цзянъ-цзюнь успокаивалъ дунганъ, говоря, что китайцы, по его порученію, оттачиваютъ на камнѣ желѣзныя монеты, отлитыя вслѣдствіе отсутствія мѣдныхъ денегъ въ Илійскомъ краѣ, и что они никакихъ злыхъ замысловъ по отношенію къ дунганамъ не питаютъ. Но какъ бы то ни было, дунгане обнаружили признаки враждебнаго настроенія, а потому цзянъ-цзюнь и амбани, выйдя изъ дунганской мечети, скорѣе сѣли въ свои тележки и помчались въ крѣпость.

II.

За сѣверными воротами г. Хуй-юань-чэна былъ расположенъ базаръ, гдѣ жили дунгане и ссыльные китайцы. Спустя два дня послѣ вышеописаннаго обѣда возникла ссора между дунганами и китайцами. Дунгане вскочили на коней, вооружившись копьями; поднялась страшная суматоха. Цзянъ-цзюнь и амбани, услышавъ шумъ, вышли на крѣпостныя стѣны, къ которымъ приблизились дунгане—старики, юноши, женщины и дѣти, стали на колѣна и съ плачемъ просили защиты. Цзянъ-цзюнь спросилъ о причинѣ волненія. Вооруженные копьями дунганскіе всадники сказали, что у нихъ вовсе нѣтъ злого намѣренія, а прибѣгли они къ оружію единственно для защиты самихъ себя отъ китайцевъ, грозившихъ будто бы ихъ убить.

---

1) Хэбэй-амбань — «совѣтникъ» цзянъ-цзюня.

2) По словамъ Лю-цунь-ханя, цзянъ-цзюнь Чанъ получилъ приказаніе сдать должность Мину только 26 числа 11 луны. (Вл. К.).

Тогда цзянъ-цзюнь позволилъ дунганамъ укрыться въ крѣпости. Дунгане слѣзли съ лошадей и, ведя ихъ за поводъ, пошли въ крѣпость.

Но въ это время ссыльные китайцы, жившіе вмѣстѣ съ дунганами на базарѣ, погнались за ними съ сѣверной стороны и убили многихъ дунганъ въ воротахъ крѣпости; оставшіеся въ живыхъ дунгане, вскочивъ на коней, успѣли скрыться. Напавшіе китайцы не щадили и стоявшихъ у стѣнъ крѣпости на колѣняхъ дунганскихъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Послѣ этого событія и началось возстаніе дунганъ и таранчей въ Илійскомъ краѣ.

Всѣ дунгане еще ранѣе условились между собою, чтобы 24 числа 10-й луны хуй-юань-чэнскіе дунгане первые подняли возстаніе, а прочіе мусульмане послѣдовали за ними.

Ссыльные китайцы, узнавъ о готовящемся бунтѣ, не повѣрили чистотѣ намѣреній дунганъ, стоявшихъ вооруженными подъ крѣпостью и просившихъ у цзянъ-цзюня позволенія укрыться за стѣнами крѣпости, а потому рѣшили тотчасъ же покончить съ коварными дунганами и тѣмъ подавить возстаніе въ самомъ началѣ. Но китайцы не успѣли въ то время (12 числа 10-й луны) убить всѣхъ хуй-юань-чэнскихъ дунганъ, а только ускорили (надвигавшіяся кровавыя событія).

Ночью того же числа дунгане-пахари, жившіе около ламайской кумирни, убили всѣхъ ламъ, но хамбо-лама[1]) успѣлъ бѣжать за р. Или къ сибинцамъ.

Тою же ночью (т. е. съ 12-го на 13-е) вспыхнуло возстаніе и въ Кульджѣ; проживавшіе тамъ китайскіе торговцы были перебиты.

Бѣдные таранчи всѣ перешли на сторону повстанцевъ, только знатные таранчи держались еще нейтралитета.

Между прочимъ, таранчинскій акимъ-бекъ[2]), по имени Майсемсатъ, родомъ изъ Турфана, и другіе сначала не примкнули къ бунтовщикамъ. Акимъ-беку выгодно было оставаться вѣрнымъ китайскому правительству, такъ какъ оно его возвысило, поставивъ начальникомъ надъ всѣми таранчами и назначивъ ему 2,000 ланъ въ годъ жалованья. Въ ночь общаго возстанія Майсемсатъ[3]) находился по дѣламъ въ городѣ цзянъ-цзюня (т.-е. въ Хуй-юань-чэнѣ).

13-го числа 10-й луны цзянъ-цзюнь стянулъ изъ разныхъ мѣстъ къ Хуй-юань-чэну войска, которыя вмѣстѣ съ ссыльными китайцами осадили

---

1) Настоятель буддійскаго монастыря.

2) Акимъ-бэкъ или хакимъ-бэкъ — въ родѣ уѣзднаго начальника.

3) Федоровъ (op. cit., p. 36), повидимому, со словъ муллы Биляля, говоритъ, что тогдашній хакимъ-бэкъ назывался Муэземъ-ханъ, и что онъ въ то время былъ смѣщенъ цзянъ-цзюнемъ и насильно задержанъ въ маньчжурской Кульджѣ, т. е. въ Хуй-юань-чэнѣ. (Вл. К.).

дунганскій кварталъ и послѣ 3-дневной осады выгнали дунганъ съ базара. Нѣкоторые дунгане успѣли захватить своихъ женъ и дѣтей, а не могшіе этого сдѣлать перебили сами свои семьи. Всѣ дунгане бѣжали въ г. Кульджу. Цзянъ-цзюнь остановилъ преслѣдовавшее дунганъ войско, запретивъ убивать дунганъ и грабить опустѣвшій дунганскій кварталъ.

Въ то время сибинскимъ ухэридою былъ Дэхэду, жившій въ 4-й «ниру»[1]). Въ день возстанія, т. е. 12-го числа 10-й луны, цзянъ-цзюнь приказалъ ему взять сибинцевъ, перейти р. Или и занять ламайскую кумирню (духовенство которой, какъ сказано выше, было перебито дунганами). 16-го числа 10-й луны ухэрида съ нѣсколькими сотнями сибо перешелъ черезъ р. Или и приблизился къ ламайской обители. Въ это время туда же подошли и дунгане, бѣжавшіе изъ Хуй-юань-чэна по направленію къ Кульджѣ. Ухэрида, опасаясь напраснаго избіенія безоружныхъ сибинцевъ, пришедшихъ въ большомъ числѣ съ сибинскимъ отрядомъ для грабежа монашескаго имущества, послалъ къ дунганамъ одного сибинца и просилъ ахуна придти для переговоровъ. Ахунъ пришелъ и ухэрида чествовалъ его поднесеніемъ кубышки съ нюхательнымъ табакомъ. Ахунъ заявилъ ему, что дунгане взбунтовались, не будучи болѣе въ состояніи выносить притѣсненій, которымъ подвергали ихъ маньчжуры и китайцы. При этомъ ахунъ добавилъ, что дунгане не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не перебьютъ въ Илійскомъ краѣ всѣхъ китайцевъ и маньчжуровъ, а ихъ, сибинцевъ, дунгане не тронутъ. Ухэрида тогда просилъ дунганъ не переходить черезъ рѣку Или во время ея мелководья или зимой по льду и не нападать на 7 и 5 роты, которыя были совершенно беззащитны, такъ какъ были расположены на низкомъ мѣстѣ около рѣки и не были окружены стѣной. Дунгане поклялись, что они не нападутъ на сибинскія роты, и обѣ стороны мирно разошлись.

Ухэрида сильно безпокоился за свой договоръ съ дунганами. И дѣйствительно, какой-то негодяй донесъ цзянъ-цзюню, что ухэрида Дэ[2]) велъ какіе-то переговоры съ бунтовщиками. Цзянъ-цзюнь немедленно вызвалъ въ г. Хуй-юань-чэнъ ухэриду и арестовалъ его. Также арестовали одного конвойнаго ухэриды и потребовали отъ него показанія, о чемъ ухэрида договаривался съ ворами[3]). Но этотъ человѣкъ рѣшительно отказался оклеве-

---

1) Сибинцы дѣлятся на 8 ниру («рота», «сотня»), во главѣ которыхъ стоятъ ротные командиры. Всѣ роты подчинены одному ухэридѣ (буквально, «общему начальнику», Вл. К.), проживающему среди сибинцевъ и зависящему отъ сибинскаго мэѣнь-амбаня, который состоитъ при цзянъ-цзюнѣ.

2) По маньчжурскому обычаю произносится только начальный слогъ имени, а не все имя.

3) Такъ авторъ, слѣдуя примѣру китайцевъ, называетъ взбунтовавшихся дунганъ и таранчей.

тать своего начальника. Тогда, по распоряженію цзянъ-цзюня, вызвали изъ 4-й «ниру» (роты), изъ которой происходилъ ухэрида, 3 стариковъ и старшаго брата ухэриды. Подвергнувъ этихъ лицъ жестокой пыткѣ, добились отъ нихъ показанія, что ухэрида дѣйствительно измѣнилъ.

Въ концѣ концовъ конвойный ухэриды также подтвердилъ слова этихъ 4-хъ человѣкъ, и тогда ухэриду Дэ заключили въ тюрьму, назначивъ на его мѣсто другого человѣка.

III.

25-го числа 10-й луны третьяго года правленія Тунъ-чжи (въ 1864 году) хуй-юань-чэнскіе маньчжуры совмѣстно съ сибинцами, солонами и китайскимъ артиллерійскимъ отрядомъ, стоявшимъ въ суйдинской крѣпости [1]), выступили изъ города Хуй-юань-чэна и пошли по направленію къ крѣпости Баянтай [2]). На половинѣ дороги отъ г. Хуй-юань-чэна до крѣпости Баянтай соединенное войско встрѣтило бунтовщиковъ-дунганъ и таранчей. Во главѣ войска стояли бездушные и гордые начальники, которымъ не было никакого дѣла до своихъ солдатъ. Самъ цзянъ-цзюнь не счелъ нужнымъ командовать войскомъ и остался въ городѣ.

Мусульмане, одушевляемые чувствомъ мести, отчаянно напали на стоявшихъ въ центрѣ маньчжуровъ, уже совершенно потерявшихъ всякую воинственность въ теченіе столѣтняго безпечнаго сидѣнія въ городѣ. Соединенному войску не помогла и артиллерія китайцевъ. Маньчжуры и китайцы были разбиты; ихъ офицеры первые бросили поле сраженія, послѣ чего всѣ отдѣльными группами бѣжали обратно въ г. Хуй-юань-чэнъ, бросивъ въ добычу бунтовщикамъ пушки [3]), ружья, порохъ и холодное оружіе, чѣмъ и усилили бунтовщиковъ.

Что касается сибинцевъ и солоновъ, то они (сначала) непоколебимо стояли на флангахъ. Хотя бунтовщики къ нимъ и не подходили близко, но они (сибо и солоны), боясь, какъ бы мусульмане, бросившіеся преслѣдовать

---

1) Г. Суйдинъ, въ коемъ теперь имѣется китайская крѣпость и «лу-инъ» подъ командою чжэнь-тая и живетъ начальникъ области (чжи-фу), отстоитъ отъ г. Кульджи въ 50 верстахъ. До войны въ немъ также стоялъ полкъ зеленаго знамени (лу-инъ).

2) Баянтай — это громадная крѣпость, верстъ пять въ окружности, разрушенная дунганами и таранчами. Баянтай находится въ девяти верстахъ отъ г. Кульджи, возлѣ дороги въ г. Суйдинъ.

3) Пушки принадлежали китайскому отряду изъ г. Суйдина. Китайцы 25-го числа X-й луны оставили мусульманамъ 3—4 большихъ пушки съ лафетами и 20 малыхъ пушекъ. Тогдашняя китайская артиллерія состояла изъ пушекъ двухъ родовъ: большія чугунныя пушки ставились на лафеты, маленькія пушки клались во время сраженія на плечи двухъ солдатъ, при чемъ сзади становился третій, который и зажигалъ фитиль; въ рядъ устанавливалось пять такихъ пушекъ.

маньчжуровъ и китайцевъ, не зашли имъ въ тылъ, — тоже бросили свои позиціи и бѣжали въ г. Хуй-юань-чэну.

Въ этой битвѣ таранчи были вооружены только палками съ желѣзными наконечниками, а у дунганъ были длинныя палки съ привязанными къ концамъ ножницами для стрижки барановъ.

Послѣ такого успѣха и державшіеся нейтралитета богатые и знатные таранчи примкнули къ повстанцамъ, которые того же 25 числа также завладѣли крѣпостцей въ 8 ли отъ г. Кульджи — Чэнъ-пань-цзы, гдѣ жило 250 китайскихъ солдатъ, въ томъ числѣ и артиллеристы, при нѣсколькихъ орудіяхъ[1]).

Вечеромъ того же дня таранчи и дунгане большою толпой, около 10,000 человѣкъ, подошли къ маньчжурской крѣпости Баянтай и окружили ее. Главнокомандующимъ надъ всѣми таранчами былъ кульджинскій таранчинецъ Абдурасуль Чоруковъ, ему помогалъ «халпе»[2]) Шамс-эддинъ Худай-Кулиновъ, командовавшій таранчинскимъ отрядомъ изъ восьми деревень. Потомъ прибылъ изъ Ташкента сартъ Эмиръ-ханъ-ходжа, который также много помогалъ таранчамъ. Всѣми дунганами командовалъ дунганинъ Ма-и, называвшійся по-таранчински Ягуръ. Дунганамъ особенно помогалъ дунганинъ Ханджа-ахунъ, отличавшійся изобрѣтательностью и геройствомъ. Таранчи и дунгане, вооруженные деревянными палками и ружьями, подойдя къ Баянтаю, плотно окружили его. Мусульмане, воздвигнувъ къ югу отъ крѣпости три земляныхъ насыпи, поставили на нихъ пушки на лафетахъ, отнятыя ими у суйдинскихъ китайцевъ въ большомъ сраженіи 25-го числа 10-й луны. Таранчи подъ угрозой смерти заставили чэнъпаньцзы'скихъ китайскихъ артиллеристовъ стрѣлять по крѣпости, сшибая зубцы ея; изъ крѣпости маньчжуры отвѣчали огнемъ изъ большихъ пушекъ. Канонада раздавалась особенно сильно по утрамъ и вечерамъ. Звукъ выстрѣловъ доносился до сибинскихъ ротъ и я (авторъ этихъ воспоминаній) самъ лично слышалъ его.

На выручку Баянтая цзянъ-цзюнь рѣшилъ послать 27-го числа XI-й луны войско, составленное изъ маньчжуровъ, сибо, солоновъ, чахаръ, киргизовъ и калмыковъ.

Что касается послѣднихъ, то они кочевали къ югу отъ горъ, расположенныхъ по лѣвому берегу р. Или. А такъ какъ на пути къ калмыкамъ, къ югу отъ сибинскихъ ротъ, находились таранчинскія селенія, то передача калмыкамъ приказа отъ цзянъ-цзюня и посылка ими вспомогатель-

1) Авторъ сообщилъ мнѣ, что въ Чэнъ-пань-цзы тогда было около 5—10 маленькихъ пушекъ.

2) Собственно «хальфа» — глава религіознаго (дервишскаго) ордена у мусульманъ.

наго отряда къ Хуй-юань-чэну представляли рискованное предпріятіе. На совѣтѣ у цзянъ-цзюня было рѣшено послать къ калмыкамъ 40 сибинскихъ конныхъ солдатъ, подъ начальствомъ маньчжурскаго ротнаго командира и его помощника, 2 сибинскихъ чиновниковъ («фуньдэ бошоку» и «араха хафань» [1]), 7 калмыковъ изъ числа жившихъ въ сибинскихъ земляхъ и двухъ переводчиковъ съ сибинскаго языка на калмыцкій, сибинцевъ—Мэршана и Ланго. Всего набралось 53 человѣка. Этому отряду было приказано пройти со всѣми предосторожностями мимо таранчинскихъ селъ и привести съ собой калмыковъ. Отрядъ прошелъ черезъ Хопохойское ущелье, но не могъ разыскать калмыковъ, а потому черезъ 7 дней отправился въ обратный путь. Но оказалось, что таранчинцы изъ селенія Кальджатъ [2]), изъ 5 селъ, расположенныхъ въ Хонохоѣ, и 2-хъ — въ Боро, занявъ ущелье, преградили дорогу отряду. Но начальникъ надъ 12 таранчинскими селеніями къ югу отъ сибинскихъ ротъ, шанбекъ Тогулакъ [3]), жившій въ Кальджатѣ, приказалъ таранчамъ пропустить этотъ отрядъ, тѣмъ болѣе, что сибинцы были хорошо вооружены,—у всѣхъ были луки, а у нѣкоторыхъ и ружья [4]), таранчи же были вооружены только дубинами и большинство ихъ были пѣшіе, такъ какъ другая, большая, часть таранчей на лучшихъ лошадяхъ отправилась къ сѣверу отъ р. Или сражаться съ войсками цзянъ-цзюня. Стычка съ сибо могла окончиться для таранчей плохо, и потому они обратились къ сибо съ коварными словами: «Мы съ вами добрые сосѣди и никогда не сдѣлаемъ вамъ зла. Теперь переночуйте у насъ; къ тому же отвезите отъ насъ къ вашему цзянъ-цзюню бумагу. Вы не бойтесь,—мы худого вамъ не сдѣлаемъ». Отрядъ не хотѣлъ вѣрить таранчамъ. Но переводчикъ Мэршанъ сумѣлъ побѣдить всѣ сомнѣнія своихъ товарищей, говоря, что онъ и Тогулакъ—большія друзья, и что всѣ сибинцы могутъ спокойно переночевать у таранчей, а на слѣдующій день отправляться далѣе; если же встрѣтятъ препятствіе, то проложатъ себѣ путь съ оружіемъ въ рукахъ.

Тогда сибо, 2 маньчжура и калмыки слѣзли съ лошадей; таранчи подошли и стали здороваться съ сибинцами, съ которыми многіе были знакомы.

---

1) Этотъ «араха хафань», какъ передавалъ мнѣ авторъ Воспоминаній, былъ самый младшій братъ дѣдушки автора. Послѣдній хорошо помнитъ тотъ вечеръ, когда эти 2 сибинскихъ чиновника и маньчжурскій ротный командиръ съ помощникомъ, передъ отъѣздомъ къ калмыкамъ, собрались въ домѣ отца автора записокъ, въ 3-й сибинской ротѣ.

2) Нынѣ Кальджатъ находится въ русскихъ предѣлахъ, возлѣ границы.

3) Сынъ этого шанбека, тоже Тогулакъ, — русскоподданный и живетъ въ Кальджатѣ, — извѣстный богачъ.

4) Тогда у сибинцевъ, какъ сообщаетъ авторъ записокъ, были ружья, выстрѣлъ изъ которыхъ происходилъ отъ медленно тлѣющаго фитиля; запасъ послѣдняго всегда находился у стрѣлка въ коробочкѣ, привѣшенной къ поясу.

Благодаря тому, что сибинцы и таранчи были сосѣдями, совмѣстно пахали землю и вообще издавна находились между собою въ хорошихъ отношеніяхъ, много таранчей нанимались работниками къ сибинцамъ. Этимъ и объясняется довѣрчивость послѣднихъ. Но какъ только солдаты сложили свое оружіе, таранчи захватили его и дубинами перебили всѣхъ; успѣлъ бѣжать только одинъ молодой калмыкъ.

Не убитаго переводчика Мэршана таранчи хотѣли обратить въ магометанство и обрить ему голову. Но Мэршанъ отказался, заявивъ, что онъ не можетъ одинъ жить, когда убиты, по его винѣ, всѣ его товарищи. Тогулакъ отвѣтилъ Мэршану: «Что касается меня, то я не желалъ убивать сибинцевъ. На это была воля Божія. Ты же долженъ все-таки сбрить волосы на головѣ». Мэршанъ отвѣтилъ: «Развѣ можетъ баранъ сдѣлаться свиньей?» Тогда таранчи, стоявшіе за спиной Тогулака, который сидѣлъ рядомъ съ Мэршаномъ, ударили Мэршана дубиной по головѣ и раскроили ему черепъ. Трупы всѣхъ убитыхъ были брошены въ степь. Подробности объ этомъ событіи разсказали впослѣдствіи сами таранчи.

Къ 27-му XI-й луны въ Хуй-юань-чэнъ были собраны чахары и нѣсколько сотенъ киргизовъ. Чахары жили въ Боро-тала[1]), на пути къ нимъ не было таранчинскихъ селъ, а потому чахаръ и удалось призвать на помощь.

Затѣмъ цзянъ-цзюнь взялъ 500 сибинскихъ телѣгъ (арбъ) и отдалъ ихъ подъ охрану 500 вольнымъ (не военнымъ) сибинцамъ, бѣжавшимъ съ поля сраженія при Хара-усу, — съ тѣмъ, чтобы днемъ на этихъ телѣгахъ везти пищу, ночью же дѣлать изъ нихъ баррикады. Но эта затѣя цзянъ-цзюня не удалась, такъ какъ въ томъ году снѣгъ былъ очень глубокъ и телѣги едва только тащились по дорогѣ, ставить же ихъ въ сторонѣ отъ дороги и, вообще, тамъ, гдѣ было нужно, чтобы дѣлать баррикады, не было возможности.

Собранные цзянъ-цзюнемъ 10,000 всадниковъ и нѣсколько тысячъ пѣхоты 27 числа XI-й луны выступили изъ Хуй-юань-чэна, направляясь къ Баянтаю. Самъ цзянъ-цзюнь отдалъ приказъ непремѣнно помочь Баянтаю, но самъ опять не вышелъ съ войскомъ. Командовали же войскомъ трусы. Слѣдуя позади войска, они лишь дрожали, и весь походъ носилъ характеръ дѣтской забавы. Какъ же при такихъ условіяхъ побѣдить!

Войска еще не были приведены въ боевой порядокъ, какъ многочисленная толпа дунганъ и, въ особенности, таранчей ринулась на нихъ.

---

1) Боро-тала, что значитъ «Боройская долина», находится къ югу отъ хребта Ала-тау и къ сѣверу и сѣверо-западу отъ хребта Боро-Хоро; по этой долинѣ протекаетъ рѣка «Боро-тала», впадающая въ озеро Эби-норъ.

Въ самомъ же началѣ сраженія обратились въ бѣгство чахары и киргизы [1]). Бѣжали также съ поля битвы и всѣ командиры изъ маньчжуровъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки маньчжуры и китайцы были крайне стѣснены. Таранчи ворвались въ ихъ ряды и кололи ихъ нещадно: маньчжуры и китайцы падали подобно подкошенной травѣ. А такъ какъ въ томъ году снѣгъ былъ очень глубокъ, то немногіе китайцы и бывшіе при обозѣ сибинцы могли убѣжать и спастись. Китайцы оставили пушки, оружіе и порохъ, отчего сила бунтовщиковъ чрезвычайно увеличилась.

Что же касается сибо и солоновъ, шедшихъ отдѣльно отъ остального войска, то такъ какъ они были извѣстны по своей храбрости, таранчи не посмѣли войти въ ихъ ряды. Въ правильномъ сраженіи сибинцевъ погибло мало; больше погибло на развѣдкахъ въ мелкихъ стычкахъ. Вообще сибинцы держались стойко; сильные изъ нихъ защищали слабыхъ. Къ тому же среди сибо не было голодныхъ, какъ у маньчжуровъ, и лошади ихъ были сыты. Дѣло въ томъ, что сибо и солоны получали муку изъ своихъ ротъ отъ ротныхъ командировъ; фуражъ же для лошадей (овесъ и клеверъ) они получали отъ своихъ старшихъ или младшихъ братьевъ,—вообще отъ родственниковъ [2]), не состоявшихъ солдатами и жившихъ у себя дома. Однимъ словомъ, набранные изъ ротъ сибинцы и солоны, не извѣдавшіе городской жизни, отличались мужествомъ и силой; въ своихъ ротахъ они постоянно занимались охотою и упражнялись въ стрѣльбѣ изъ лука, а потому были отмѣнные стрѣлки.

Маньчжуры же, проживши спокойно въ теченіе 100 лѣтъ въ городахъ, потеряли всякую воинственность и физически настолько ослабѣли, что не могли натягивать упругаго лука; выпущенныя ими стрѣлы летѣли недалеко и не могли пробить толстую ватную одежду таранчей. Изнѣженные маньчжурскіе офицеры забросили обученіе своихъ солдатъ стрѣльбѣ изъ лука, а только щеголяли своей одеждой и вели распутную жизнь. Во время столкновенія съ таранчами и дунганами маньчжуры были одѣты въ толстыя одежды, что стѣсняло ихъ движенія. Въ довершеніе всего они были голодны, такъ какъ въ Хуй-юань-чэнѣ не было хлѣба. Хлѣбъ, собранный ранѣе китайскими чиновниками въ г. Кульджѣ и предназначенный для отправки въ г. Хуй-юань-чэнъ, былъ захваченъ возставшими таранчами. Лошади маньчжуровъ также отощали отъ голодовки, такъ какъ фуража

---

1) Это киргизы изъ рода «Кызай».

2) Жившіе въ «ниру» (ротѣ) родственники сибо и солоновъ, стоявшихъ лагеремъ подъ Хуй-юань-чэномъ, привозили имъ фуражъ для лошадей. Авторъ этихъ записокъ передаетъ, что и онъ, когда р. Или покрылась льдомъ, привозилъ на саняхъ въ г. Хуй-юань-чэнъ 3-мъ своимъ дядямъ фуражъ для ихъ лошадей.

для нихъ не хватило,—и онѣ не могли скакать въ глубокомъ снѣгу. Таранчи и дунгане догоняли застрявшихъ въ снѣгу маньчжуровъ и убивали ихъ.

Помимо вышеописаннаго сраженія, бывали неоднократныя мелкія стычки на дорогѣ изъ Хуй-юань-чэна къ Баянтаю. Случалось, что маньчжуры разбивали мятежниковъ,—но не преслѣдовали ихъ. Когда побѣждали бунтовщики, то они, преслѣдуя и убивая маньчжурскія войска, доходили до ихъ лагеря.

Въ это несчастное время цзянъ-цзюня окружали недостойные чиновники изъ маньчжуровъ, клеветавшіе ему на сибинцевъ. Лучшіе же чиновники совѣтовали освободить сибинскаго ухэриду изъ тюрьмы и поручить ему съ сибинцами разгромить бунтовщиковъ. Цзянъ-цзюнь вызвалъ изъ тюрьмы къ себѣ ухэриду Дэхэду и спросилъ его, можетъ ли онъ разбить возставшихъ? Ухэрида, отвѣчая цзянъ-цзюню, поставилъ слѣдующее условіе: «Если я, ухэрида, не уничтожу бунтовщиковъ, то тогда вы, цзянъ-цзюнь, казните меня и всю мою родню, а также и всю четвертую роту. Но если я разобью бунтовщиковъ, то вы обѣщайте мнѣ выдать тѣхъ немногихъ злыхъ людей, которые посовѣтовали вамъ отправить 500 вольныхъ сибинцевъ пѣшими съ телѣгами въ битву и тѣмъ погубили ихъ». Цзянъ-цзюнь не захотѣлъ далѣе выслушивать ухэриду и отправилъ его снова въ тюрьму. Тамъ его, по приказанію цзянъ-цзюня, отравили и сказали, что онъ умеръ естественною смертію. Тѣло было выдано женѣ и дѣтямъ.

Послѣ этого событія еще болѣе усилилась вражда между сибинцами и маньчжурами, жившими въ городахъ: маньчжуры при встрѣчѣ называли сибинцевъ друзьями бунтовщиковъ.

Въ довершеніе всѣхъ несчастій самъ цзянъ-цзюнь только задавалъ обѣды и вовсе не думалъ о мятежникахъ, какъ бы ихъ и не существовало. Когда понадобилось цзянъ-цзюню отштукатурить комнаты въ ямынѣ, то глину и известь разводили водою, наполовину разбавленной ханшиномъ (водкою) [1]). Такимъ образомъ значительная часть хлѣба, изъ котораго гнали ханшинъ, ушла на прихоти цзянъ-цзюня.

Во всѣхъ бѣдахъ, которыя постигли несчастный Илійскій край, виновны цзянъ-цзюнь и чиновники; дунгане и таранчи тутъ не при чемъ. Чиновники не заботились о солдатахъ, солдаты же презирали чиновниковъ. Послѣдніе, когда вспыхнуло возстаніе, не думали о томъ, чтобы стать во

---

1) Вода, по случаю холоднаго времени, замерзала, но, разбавленная водкой, она сохраняла свое жидкое состояніе, и въ ней можно было разводить глину.

главѣ войскъ и мужественно подавить волненія; наоборотъ, увидѣвъ бунтовщиковъ, они обращались въ бѣгство. Хотя при этомъ они и заботились о сохраненіи своей жизни, но не знали того, что въ концѣ концовъ они будутъ истреблены, а ихъ жены и дѣти сдѣлаются добычей мятежниковъ. Какъ все это жаль!

IV.

Между тѣмъ осажденные въ Баянтаѣ маньчжуры отчаянно защищались въ теченіе 3 мѣсяцевъ, при чемъ убили не мало бунтовщиковъ, но положеніе гарнизона къ концу 3-го года Тунъ-чжи (1864 года) все-таки стало критическимъ. Дунгане и таранчи, раздѣлившись на 4 отряда, вели осаду и днемъ и ночью.

12 числа 1-й луны 4-го года Тунъ-чжи (1865 года) Ханджа-ахунъ объявилъ, что въ этотъ день мусульмане обязательно должны взять Баянтай. По его совѣту, дунганъ и таранчей накормили до излишества, а вечеромъ пріостановили канонаду. Къ этому времени гарнизонъ крѣпости, не вѣдая ни днемъ ни ночью покоя, чрезвычайно усталъ. Маньчжуры напрасно поджидали въ этотъ день дунганъ и таранчей, — въ лагерѣ послѣднихъ все затихло. Вплоть до 10 часовъ вечера маньчжуры ожидали, что бунтовщики опять полѣзутъ на стѣны крѣпости и будутъ врываться черезъ пробитыя уже въ стѣнахъ отверстія. Но бунтовщики словно вымерли,—ни криковъ, ни выстрѣловъ не было слышно съ ихъ стороны. Измученные ожиданіемъ и истомленные продолжительною борьбой, маньчжуры послѣ 10 часовъ вечера заснули.

Въ часъ или 2 ночи дунгане и таранчи тихонько стали взбираться на стѣны крѣпости. Маньчжуры спали настолько крѣпко, что проснулись только тогда, когда половина таранчей уже была на стѣнахъ. Маньчжуры живо схватили ружья и луки, стали стрѣлять и привели въ смятеніе таранчей [1]), которые стали прыгать обратно, сваливаться и спускаться по лѣстницамъ со стѣнъ.

Но тогда Эмиръ-ханъ-ходжа схватилъ въ руки саблю и сталъ направо и налѣво рубить таранчей, побуждая ихъ войти въ крѣпость чрезъ пробитыя отверстія. И вотъ ночью 12 числа 1-й луны дунгане и таранчи наконецъ вошли въ крѣпость. Но въ теченіе семи дней маньчжурскій гарнизонъ [2]) еще отчаянно боролся съ ворвавшимися въ крѣпость бунтовщиками;

---

1) Нужно замѣтить, что во всѣхъ сраженіяхъ съ маньчжурами и китайцами отчаянно боролись только дунгане. Они всячески побуждали таранчей; безъ дунганъ таранчамъ не завладѣть бы Баянтаемъ и Хуй-юань-чэномъ.

2) До начала осады гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 2,000 человѣкъ.

даже женщины взялись за оружіе для защиты себя. Но все было напрасно,— всѣ были убиты мусульманами. Уцѣлѣло только небольшое число дѣтей и женщинъ, которыхъ мусульмане взяли себѣ.

Незадолго до паденія крѣпости, четыре командира знаменъ и мэѣнь-амбань совѣщались относительно участи хлѣбнаго склада, находившагося въ крѣпости, при чемъ нѣкоторые предлагали сжечь его. Однако мэѣнь-амбань, человѣкъ очень даровитый и умный, сказалъ слѣдующее: «Находящійся въ этомъ складѣ хлѣбъ собранъ таранчами. Вотъ уже въ теченіе 100 дней мятежники осаждаютъ Баянтай. Между тѣмъ въ Хуй-юань-чэнѣ имѣется, не считая пѣхоты, 10.000-й конный отрядъ, находящійся отъ насъ всего въ 80 ли. Разъ онъ не выручилъ насъ, то я увѣренъ, что бунтовщики обязательно завладѣютъ всѣмъ Илійскимъ краемъ. Такъ пусть мятежники ѣдятъ нашъ хлѣбъ и берутъ Или. Не сжигайте этого хлѣба». Когда командиры знаменъ ушли отъ мэѣнь-амбаня, онъ поджегъ хранившуюся въ его домѣ корзину съ порохомъ и погибъ вмѣстѣ со своей семьей въ пламени.

Такъ какъ у дунганъ и таранчей вооруженіе было плохого качества, то цзянъ-цзюнь, сидя въ Хуй-юань-чэнѣ, полагался на силу огнестрѣльнаго оружія, бывшаго въ большомъ количествѣ у его войскъ. Для усиленія своей артиллеріи онъ приказалъ сдѣлать большую деревянную пушку. Кромѣ того, обучили до 300 мальчиковъ 12—13 лѣтъ стрѣлять изъ ружей. Этотъ отрядъ цзянъ-цзюнь назвалъ «отрядомъ летящаго тигра». Означенные мальчики были размѣщены на телѣгахъ и отправлены въ составѣ войска, вышедшаго въ 3-й лунѣ 4-го года Тунъ-чжи на борьбу съ бунтовщиками. Въ авангардѣ этого войска поставили артиллерійскій отрядъ изъ китайцевъ съ большими чугунными пушками; была взята также и новая деревянная пушка.

Кто посовѣтовалъ цзянъ-цзюню взять мальчиковъ на телѣгахъ, неизвѣстно. Указывали на то, что мальчики не знаютъ страха и потому пригодны для нападенія...

Въ то несчастное время цзянъ-цзюня окружали хитрые и злые чиновники, которые угождали ему и всякую глупость выдавали за важное; хорошіе же и честные люди находились вдали отъ цзянъ-цзюня.

Конница и пушечный отрядъ направились по дорогѣ къ Баянтаю и, остановившись у лагеря бунтовщиковъ, выстроились впереди, отрядъ же «летящаго тигра» сталъ въ арьергардѣ, за пушечнымъ отрядомъ. Когда артиллеристы выстрѣлили изъ деревянной пушки, она разорвалась съ страшнымъ шумомъ, при чемъ было убито осколками свыше 10 человѣкъ прислуги. Таранчи, увидя такую неудачу китайцевъ, удвоили усилія и, съ крикомъ «хуңъ» бросившись на стоявшихъ впереди маньчжуровъ, потѣснили ихъ.

Маньчжуры обратились въ бѣгство, то же сдѣлали и пушкари, оставивъ побѣдителямъ свои пушки.

Отряду «летящаго тигра» не пришлось подойти близко къ таранчамъ; мальчики, соскочивъ съ телѣгъ, стали стрѣлять, но подавляемые большимъ числомъ бунтовщиковъ и не поддерживаемые своими должны были отступить. Отступая шагъ за шагомъ, они храбро отстрѣливались отъ дунганъ и таранчей, но въ концѣ концовъ были перебиты ими [1]). Только три мальчика, 15—16 лѣтъ, успѣли спастись, вскочивъ на лошадей. Вѣсть о судьбѣ этого отряда скоро дошла до Хуй-юань-чэна, и во всѣхъ концахъ города громко рыдали родители юныхъ воиновъ, павшихъ въ бою.

Почувствовавъ подъ собою почву, таранчи силою заставили и акимъ-бека Майсемсата участвовать въ сраженіяхъ съ войсками цзянъ-цзюня. Но Майсемсатъ не хотѣлъ причинять зла маньчжурамъ и китайцамъ, а поэтому приказалъ своему отряду изъ 700 человѣкъ стрѣлять въ маньчжуровъ только холостыми зарядами. Таранчи узнали объ этомъ и убили его. Послѣ смерти Майсемсата начальникомъ былъ избранъ одинъ таранчинецъ, котораго стали называть султаномъ [2]).

Какъ уже сказано выше, маньчжуры обвиняли сибинцевъ въ измѣнѣ. На этой почвѣ возникла въ 4 луну ссора между солонскими солдатами и

---

1) Въ маньчжурскомъ текстѣ сказано короче: «Мальчики, соскочивъ съ телѣгъ, стали отступать отстрѣливаясь; но не прошли они и нѣсколькихъ ли, какъ всѣ были перебиты мусульманами». (Вл. К.).

2) Майсемсатъ былъ обезглавленъ по приказу Кайра-ходжи, который послѣ смерти Майсемсата и былъ султаномъ въ теченіе 35 дней. Нужно при этомъ замѣтить, что Кайра-ходжа посадилъ въ тюрьму друга Майсемсата, — таранчинца Обулъ-аля. Братъ этого Обулъ-аля Шамс-эддинъ Худай-кулиновъ, — главнокомандующій надъ всѣми таранчинскими отрядами и называвшійся потому Кази-аскеромъ (собственно, «Кази-аскеръ» значитъ — военный судья. Вл. К.), — поставилъ себѣ цѣлію отомстить за брата. Что касается Кайра-ходжи, то онъ не пользовался любовью у таранчей, такъ какъ онъ былъ пришельцомъ и захватилъ много земель. Въ довершеніе всего Кайра-ходжа возбудилъ неудовольствіе среди таранчей изъ-за пушки: по указаніямъ Кайра-ходжи, была сдѣлана изъ дерева пушка и обернута 12 бычьими кожами; въ пушку вложили 1 пудъ пороху и 1 пудъ пуль; при выстрѣлѣ пушку разорвало и убило многихъ изъ прислуги. Этимъ неудовольствіемъ на Кайра-ходжу и воспользовался Кази-аскеръ. Онъ отпросился у Кайра-ходжи изъ таранчинскаго лагеря въ г. Кульджу — по своимъ дѣламъ; затѣмъ Шамс-эддинъ подослалъ семерыхъ убійцъ, которые ночью подползли къ юртѣ, гдѣ спалъ Кайра-ходжа, и, отрѣзавъ ему голову, доставили ее въ г. Кульджу Шамс-эддину. Послѣдній, воткнувъ голову Кайра-ходжи на шестъ, возилъ ее по улицамъ г. Кульджи, возвѣстивъ тѣмъ народу, что нелюбимаго султана болѣе уже нѣтъ въ живыхъ. Кази-аскеръ освободилъ изъ тюрьмы въ г. Кульджѣ своего брата Обулъ-аля и послалъ его въ лагерь принять таранчинскія войска подъ свое начальство. Обулъ-аля былъ популяренъ среди таранчей, которые провозгласили его таранчинскимъ султаномъ и впервые надѣли на его голову особую султанскую шапку. Обулъ-аля былъ султаномъ до самаго прихода генерала Колпаковскаго въ г. Кульджу. Генералъ Колпаковскій отправилъ Обулъ-алю въ г. Вѣрный, гдѣ онъ до самой смерти получалъ отъ русскаго пра-

маньчжурами въ казенной мѣняльной лавкѣ, находящейся за восточными воротами гор. Хуй-юань-чэна. Въ это время цзянъ-цзюнь какъ разъ возвращался изъ лагерей[1]), куда ѣздилъ для ревизіи. Онъ послалъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что находившіеся въ мѣняльной лавкѣ молодые маньчжуры, одинъ—сынъ ротнаго командира, а другой—внукъ командира знамени, увидя двухъ солоновъ въ сосѣдней винной лавкѣ, сказали имъ, что солоны—хорошіе солдаты, а сибинцы во главѣ съ своимъ ухэридой—измѣнники. Солоны оскорбились такой аттестаціей ихъ товарищей и сказали двумъ маньчжурамъ: «Какъ мы, такъ и сибо бросили свои семьи и живемъ здѣсь, одинаково защищая васъ. Почему же вы однихъ хвалите, а другихъ хулите?» Затѣмъ солоны стали бить маньчжуровъ.

Узнавъ о происшедшемъ, цзянъ-цзюнь сильно разгнѣвался на молодыхъ маньчжуровъ и сказалъ имъ: «Зачѣмъ вы напрасно вносите смуту въ среду моихъ солдатъ?» Послѣ этого онъ приказалъ принести изъ ямыня «стрѣлу смертной казни» *(фафуни нiру)*, держа которую онъ могъ въ военное время, не докладывая предварительно Богдохану, казнить любого преступника — солдата или офицера. Стрѣла была принесена, и молодыхъ маньчжуровъ казнили, а головы ихъ повѣсили по краямъ дороги; солоновъ же не наказывали.

Такой энергичный поступокъ цзянъ-цзюня положилъ предѣлъ распространенію слуховъ о томъ, что сибо вошли въ соглашеніе съ бунтовщиками.

12-го числа 5-й луны того же года цзянъ-цзюнь приказалъ суйдинскому артиллерійскому отряду изъ китайцевъ ночью выступить и подождать въ томъ мѣстѣ, гдѣ расходятся дороги—одна въ Суйдинъ, а другая въ Хуй-юань-чэнъ, хуй-юань-чэнскихъ кавалеристовъ, которымъ было приказано выступить въ тотъ же день и соединиться съ артиллеріей. Китайцы высту-

---

вительства пенсію въ 5.000 рублей въ годъ. Сынъ ех-султана Обулъ-аля, Кебиръ бекъ Обулъ-аляевъ, и теперь живетъ съ семьею въ г. Вѣрномъ и получаетъ отъ казны 2.500 рублей въ годъ.

Эти свѣдѣнія сообщилъ мнѣ таранчинскій аксакалъ (старшина) г. Кульджи, Закиръ ахунъ Курбановъ, стоявшій близко къ Кази-аскеру Шамс-эддину Худай-кулинову. (Они однако расходятся съ данными, приводимыми Д. Федоровымъ, op. cit., не сходятся также и имена таранчинскихъ дѣятелей. Въ частности, послѣдній таранчинскій султанъ у Федорова носитъ имя Айла-хана или Абиль-оглы; въ таранчинскомъ текстѣ исторіи муллы Биляля въ изданіи Пантусова, стр. 44, онъ называется, согласно справкѣ, любезно наведенной В. В. Бартольдомъ,—Aʿla-ханъ; въ своихъ примѣчаніяхъ къ тексту (вып. 2, стр. 52) Пантусовъ даетъ еще варіанты: Аъля-ханъ, Агля-ханъ, Абиль-Огля, въ которыхъ видно постепенное искаженіе слова Aʿla. Вл. К.).

1) Лагери были расположены къ востоку отъ г. Хуй-юань-чэна, въ 3 ли, и заключали въ себѣ отряды: сибинскій (цзянъ-цзюнемъ было вызвано 1.000 человѣкъ кавалеріи и 500 свободныхъ сибо—«сула»), китайскій, солонскій и маньчжурскій. Всѣ эти отряды были расположены въ одной оградѣ (импань).

пили, но цзянъ-цзюнь, найдя этотъ день несчастливымъ для похода, задержалъ конницу, китайцевъ же обратно не вернулъ. Въ результатѣ получилось то, что пушкари-китайцы въ числѣ 500 человѣкъ были окружены бунтовщиками и перебиты, а пушки перешли во владѣніе побѣдителей. Выступившіе на слѣдующій день кавалеристы увидѣли только трупы китайцевъ. Но въ этотъ разъ маньчжуры лихо сражались и разбили бунтовщиковъ, хотя преслѣдовать ихъ не рѣшились.

Итакъ бунтовщики овладѣли Баянтаемъ и продвинулись близко къ Суйдину и Хуй-юань-чэну, остановившись лагеремъ на дорогѣ.

Въ это время цзянъ-цзюнь отдалъ приказъ чахарскому мэѣнь-амбаню привести чахаръ изъ Боро-тала, но послѣдніе наотрѣзъ отказались идти на помощь и отправили своего мэѣнь-амбаня обратно, къ цзянъ-цзюню, верхомъ на коровѣ.

V.

Въ 6-й[1]) лунѣ того же года (т. е. въ 1865 году) дунгане и таранчи— пѣшіе и конные прошли горами къ сѣверу отъ г. Кульджи и, приблизившись къ г. Суйдину, окружили его. Чжэнь-тай[2]) извѣстилъ цзянъ-цзюня объ осадѣ города. Цзянъ-цзюнь приказалъ сибинскому ротному командиру Ургуну, извѣстному по своей храбрости, идти на помощь къ окруженнымъ въ г. Суйдинѣ китайцамъ. Ургунъ отправился съ 500 сибинцами и, приблизившись къ рѣчкѣ Са-хэ-цзы, къ востоку отъ г. Суйдина, остановился на западномъ ея берегу, а дунгане и таранчи, около 4.000 человѣкъ, расположились на противоположномъ, восточномъ берегу рѣчки. Открылась стрѣльба изъ луковъ и старинныхъ ружей; сибинцы не выдержали и подались; таранчи, перейдя мелкую рѣчку, загнали сибинскій отрядъ къ самымъ стѣнамъ суйдинской крѣпости. Видя критическое положеніе своего отряда, ротный командиръ Ургунъ обратился къ своимъ солдатамъ съ рѣчью, въ которой указалъ, что если они не будутъ отчаянно бороться, то всѣ погибнутъ. Тогда солдаты удвоили свою отвагу; выпущенные ими стрѣлы летѣли подобно саранчѣ. Но таранчи, превосходя сибинцевъ въ 8 разъ, продолжали наступать. Тогда командиръ Ургунъ, замѣтивъ, что пѣшихъ таранчей подгоняютъ дунгане, ѣхавшіе верхомъ на лошадяхъ сзади таранчей, приказалъ прекратить стрѣльбу по таранчамъ и стрѣлять надъ ихъ головами въ дунганъ. Когда туча стрѣлъ полетѣла надъ таранчами въ лица дунганъ, послѣдніе побѣжали, за ними пустились и таранчи, которыхъ сибинцы убивали вплоть до рѣчки Са-хэ-цзы. Потомъ было насчитано

1) Лю-цунь-хань относитъ это событіе къ 4 лунѣ (Вл. К.).
2) Начальникъ суйдинскаго китайскаго гарнизона.

болѣе 300 труповъ убитыхъ таранчей. 500 слишкомъ таранчей и дунганъ было ранено; изъ нихъ почти всѣ умерли, такъ какъ стрѣлы у сибинцевъ были отравлены.

Въ это время была нестерпимая жара; сибинцы и ихъ лошади чрезмѣрно устали. Лошади, увидѣвъ воду, остановились и стали пить, то же сдѣлали и всадники. Бунтовщики успѣли за это время убѣжать. Утомленные сибинцы не захотѣли ихъ преслѣдовать и возвратились въ суйдинскую крѣпость. Здѣсь чжэнь-тай угостилъ всѣхъ солдатъ сытнымъ обѣдомъ изъ мяса свиней и барановъ. Цзянъ-цзюню чжэнь-тай сообщилъ о побѣдѣ.

Нужно сказать, что 2 маньчжурскихъ солдата, посланные цзянъ-цзюнемъ съ порученіемъ наблюдать за исходомъ битвы, увидѣвъ первоначальное бѣгство сибинцевъ, прискакали на лошадяхъ въ Хуй-юань-чэнъ и сообщили тамъ о пораженіи сибинцевъ. Каково же было изумленіе цзянъ-цзюня, когда чжэнь-тай донесъ ему о побѣдѣ сибинцевъ! Цзянъ-цзюнь тогда сильно разгнѣвался на 2 маньчжуровъ-развѣдчиковъ и приказалъ казнить ихъ; головы казненныхъ были выставлены у дороги изъ Хуй-юань-чэна въ г. Суйдинъ.

Побѣдителей-сибинцевъ торжественно встрѣтили въ г. Хуй-юань-чэнѣ; самъ цзянъ-цзюнь вышелъ навстрѣчу имъ изъ города. Когда онъ увидѣлъ ротнаго командира Ургуна, то снялъ со своей головы шапку съ шарикомъ 1-й степени и надѣлъ ее на голову Ургуна. Затѣмъ Ургунъ былъ назначенъ и. д. сибинскаго мэ̀нь-амбаня.

Таранчинцы, бѣжавъ отъ Суйдина, не остановились въ общемъ лагерѣ бунтовщиковъ, а возвратились въ свои селенія. Они получили хорошій урокъ и, видя, что теперь сибинцы измѣнили прежнее доброжелательное къ нимъ отношеніе, не хотѣли больше примыкать къ возставшимъ дунганамъ. Но главнымъ вожакамъ бунтовщиковъ все-таки удалось снова привлечь таранчей на свою сторону и стянуть въ свой лагерь.

VI.

Въ 7-й лунѣ того-же года (т. е. въ 1865 году) калмыки[1]) 4-й, 6-й и 10-й ротъ («сумуновъ») рѣшили помочь маньчжурамъ. Во главѣ калмыковъ сталъ гегенъ (хутукта) и они въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ двинулись къ Хуй-юань-чэну. По дорогѣ они разграбили въ мѣстности Тегусъ-шара восемь таранчинскихъ поселковъ и навели такой страхъ на таранчей, что они опять стали колебаться и на своемъ

1) Въ маньчжурскомъ текстѣ они названы ӧлӧтами. (Вл. К.).

совѣщаніи рѣшили было захватить врасплохъ всѣхъ дунганъ и представить ихъ цзянъ-цзюню, а самимъ вымолить прощеніе.

Между тѣмъ калмыки, подойдя къ Хуй-юань-чэну, остановились противъ этого города на южномъ берегу рѣки. Гегенъ письмомъ просилъ цзянъ-цзюня послать къ калмыкамъ въ подмогу 500 сибинцевъ, и тогда хутукта обѣщалъ цзянъ-цзюню уничтожить всѣ 12 поселковъ лѣвобережныхъ таранчей, чтобы затѣмъ усмирить безъ труда и таранчей, жившихъ къ сѣверу отъ р. Или. Но цзянъ-цзюнь не обратилъ вниманія на мудрый планъ хутукты, а послалъ калмыкамъ приказъ, въ которомъ говорилъ, что въ бунтѣ виновны только дунгане, которые увлекли таранчей; что касается лѣвобережныхъ таранчей, то они почти вовсе не участвовали въ бунтѣ, а потому если убить ихъ, то можно прогнѣвить небо. Вмѣстѣ съ тѣмъ цзянъ-цзюнь приказалъ калмыкамъ переправиться на сѣверную сторону р. Или, чтобы сообща съ маньчжурами разбить главный лагерь бунтовщиковъ; послѣ этого цзянъ-цзюнь надѣялся безъ всякаго труда усмирить всѣхъ илійскихъ магометанъ.

Въ то же время, по совѣту командировъ восьми хуй-юань-чэнскихъ маньчжурскихъ знаменъ, былъ принятъ коварный планъ — завладѣть калмыцкими лошадьми, когда калмыки прибудутъ въ г. Хуй-юань-чэнъ, и посадить на этихъ лошадей маньчжуровъ, у которыхъ лошади совершенно отощали; самихъ же калмыковъ предполагалось назначить на работы — частью по укрѣпленію крѣпости, частью по сбору съ полей пшеницы въ Цинъ-шуй-хэ.

Во исполненіе приказанія цзянъ-цзюня отрядъ калмыковъ въ 50 человѣкъ съ гегеномъ-хутуктой во главѣ переплылъ на лодкахъ р. Или. Здѣсь ихъ окружили маньчжуры, пришедшіе съ уздами, и отняли у нихъ лошадей. Тогда калмыки прокричали оставшимся за рѣкой своимъ товарищамъ, чтобы они возвращались скорѣе въ свои кочевья, такъ какъ маньчжуры у нихъ, калмыковъ, отняли лошадей и такимъ образомъ сдѣлали ихъ пѣхотинцами.

Калмыки, находившіеся на южномъ берегу р. Или, немедленно отправились въ обратный путь. Цзянъ-цзюнь далъ предписаніе сибинскому ухэридѣ Кармангѣ догнать калмыковъ и привести ихъ въ Хуй-юань-чэнъ. Но ухэридѣ не удалось этого сдѣлать[1]).

Бунтовщики, услышавъ о неудачномъ исходѣ мобилизаціи калмыковъ, почувствовали въ себѣ еще большую силу.

Итакъ, цзянъ-цзюнь не съумѣлъ воспользоваться помощію калмыковъ.

---

1) Лю-цунь-ханю остались неизвѣстными причины, побудившія калмыковъ уйти обратно въ свои кочевья, и онъ склоненъ предполагать существованіе у этихъ калмыковъ злого умысла. (Вл. К.).

А вѣдь они, разгромивъ 8 таранчинскихъ поселковъ въ Тегусъ-шара, навели страхъ на таранчей. И если бы цзянъ-цзюнь послушался совѣта калмыцкаго хутукты и далъ калмыкамъ на подмогу своихъ солдатъ-сибинцевъ, то калмыки вмѣстѣ съ послѣдними уничтожили бы 12 таранчинскихъ селъ, расположенныхъ къ югу отъ р. Или, а тогда бы возстаніе быстро прекратилось. Но разъ небу угодно было, чтобы бунтовщики уничтожили маньчжуровъ и китайцевъ въ илійскихъ предѣлахъ, то, очевидно, никакая человѣческая сила не была въ состояніи предотвратить этого. Подобная катастрофа неминуемо должна была случиться, такъ какъ цзянъ-цзюнь дѣйствовалъ нерѣшительно и, подобно женщинѣ, выказалъ жалость къ измѣнникамъ.

Въ это время положеніе маньчжуровъ и китайскихъ солдатъ было плачевное: не получая вовсе отъ правительства содержанія за много мѣсяцевъ, они должны были на собственныя средства одѣваться и питаться. Цзянъ-цзюнь, докладывая Императору о бунтѣ въ илійскихъ предѣлахъ, сообщилъ, что войскъ у него вполнѣ достаточно, но что нѣтъ средствъ для уплаты имъ жалованія. Богдоханъ выслалъ жалованье солдатамъ чрезъ русскіе предѣлы[1]), но оно дошло до Илійскаго округа какъ разъ незадолго до взятія возставшими маньчжурско-китайскихъ городовъ въ Или. А потому присланныя деньги были задержаны въ русскихъ предѣлахъ и впослѣдствіи переданы солонамъ, которые, послѣ занятія ихъ лагерей бунтовщиками, ушли въ Тарбагатайскій округъ.

Въ 20-хъ числахъ 7-й луны 4 года Тунъ-чжи (въ 1865 г.) илійскія войска (сибо, солоны и маньчжуры), вооруженныя луками, взявъ калмыцкій отрядъ изъ 50 человѣкъ съ гегеномъ-хутуктою во главѣ, выступили противъ бунтовщиковъ къ мѣсту ихъ стоянки[2]). Съ этими войсками шелъ также артиллерійскій отрядъ изъ г. Суйдина.

Когда войска подошли къ лагерю мятежниковъ, то гегенъ сказалъ войскамъ: «Выстройтесь въ ряды, но пока не сражайтесь. Я взойду на гору и буду читать священную книгу[3]). И вотъ, когда я, кончивъ чтеніе, брошу горсть земли въ сторону бунтовщиковъ, то всѣ войска пусть нападутъ на нихъ». Сказавъ такъ, гегенъ взобрался на вершину горы и сталъ читать священную книгу. Бунтовщики въ это время стали стрѣлять удачно

---

1) Въ то время весь Китайскій Туркестанъ былъ охваченъ пламенемъ возстанія и деньги этимъ путемъ въ Илійскій край посылать было нельзя.

2) Лагерь мятежниковъ находился въ 20 ли отъ крѣпости Баянтай, по направленію къ г. Суйдину.

3) По-маньчжурски «номунь» — священная книга у буддистовъ (по-монгольски — «ном»).

изъ захваченныхъ прежде у китайцевъ пушекъ. Маньчжурскія войска не устояли и, бросивъ свои пушки, побѣжали. А такъ какъ сибо и солоны стояли въ сторонѣ и не помогали маньчжурамъ, то бунтовщики, увидя, что пушкари побѣжали, отчаянно ринулись на маньчжуровъ; строй послѣднихъ былъ прорванъ и всѣ, кто куда могъ, побѣжали[1]). Калмыки также поспѣшно бѣжали и укрылись въ русскихъ предѣлахъ, ихъ гегенъ скрылся неизвѣстно куда.

Такимъ образомъ маньчжурскіе командиры, устранившіе сильный отрядъ калмыковъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, уже пришедшій было на помощь, и взявшіе взамѣнъ него маленькій ихъ отрядъ въ 50 человѣкъ, а затѣмъ положившіеся на чтеніе гегеномъ священной книги, — поистинѣ были подобны играющимъ маленькимъ дѣтямъ.

Съ другой стороны, въ Илійскомъ краѣ въ то время было много богатыхъ купцовъ. Цзянъ-цзюнь могъ бы занять у нихъ подъ проценты денегъ для уплаты содержанія войскамъ, съ тѣмъ чтобы вернуть долгъ послѣ подавленія возстанія. Впослѣдствіи цзянъ-цзюнь самъ отнялъ у купцовъ деньги и заполнилъ ими свой ямунь. Но ни передъ возстаніемъ, ни теперь у начальниковъ не было любви къ войскамъ; не было ни разумнаго плана, ни храбрости. Могли ли при такихъ условіяхъ мятежники не имѣть успѣха?

VII.

Дунгане и таранчи, уничтоживъ баянтайскій гарнизонъ и разбивъ нѣсколько разъ маньчжуровъ и китайцевъ, готовились къ осадѣ г. Хуй-юань-чэна. Но предпріятіе это было очень рискованно, такъ какъ силы маньчжуровъ и китайцевъ не были окончательно надломлены. Поэтому таранчинскій султанъ чрезвычайно обрадовался, когда одинъ преступникъ-сибинецъ, Билэси, бѣжавъ изъ тюрьмы къ таранчамъ, посовѣтовалъ имъ подчинить сначала оба фланга, т. е. сибо и солоновъ, такъ какъ тогда-де уже не будетъ трудно справиться съ хуй-юань-чэнскими маньчжурами, суйдинскими китайцами и прочими китайскими гарнизонами. Таранчи разсудили, что сибинецъ—правъ, а потому султанъ, приказавъ вышеупомянутому ташкентскому сарту Эмиръ-ханъ-ходжѣ подчинить сначала сибинскія роты, расположенныя къ югу отъ р. Или, далъ ему половину своего таранчинскаго войска[2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Эмиръ-ханъ-ходжа, перейдя рѣку,

1) Въ маньчжурскомъ текстѣ это сраженіе описано короче; о томъ, что у маньчжуровъ была артиллерія, ничего не говорится; подробности, повидимому, сообщены переводчику авторомъ. (Вл. К.).

2) Въ экспедиціи таранчей за р. Или противъ сибинцевъ дунгане не участвовали, оставшись въ лагерѣ къ сѣверу отъ р. Или.

призвалъ къ себѣ на помощь и остальныхъ таранчей изъ селъ, расположенныхъ къ югу отъ рѣки, а также и киргизовъ, которые охотно пошли съ таранчами съ цѣлью грабежа.

Къ тому времени Эмиръ-ханъ-ходжа чрезвычайно прославился своею храбростью и распорядительностью; за все время возстанія онъ всегда увлекалъ за собою таранчей.

Всѣ восемь ротъ[1]) во время возстанія илійскихъ магометанъ находились къ югу отъ р. Или, гдѣ и теперь находятся. Каждая рота представляетъ изъ себя большой поселокъ, обнесенный глинобитной стѣной.

На востокѣ, недалеко отъ р. Или, по сѣверную сторону арыка, въ 5 ли отъ него, находится 2-я рота («ниру») или желтое безъ каймы знамя. Всѣ другія роты находятся къ западу отъ нея. Въ 10 ли къ западу отъ 2-й роты по южную сторону арыка расположена 8-я рота, составляющая синее съ красною каймою знамя. Въ 30 ли къ западу отъ 8-й роты и къ югу отъ арыка расположена 6-я рота, имѣющая красное съ бѣлой каймой знамя. Въ 45 ли къ западу отъ 6-й роты находится четвертая рота, т. е. красное безъ каймы знамя. А отъ 4-й роты въ 15 ли къ юго-западу расположены въ одномъ укрѣпленномъ поселкѣ первая и третья роты вмѣстѣ. За стѣной, окружающей эти роты, расположены пашни, орошаемыя изъ большого арыка и 3 ключей, бѣгущихъ съ горъ къ югу отъ стѣны. Внутри поселенія каждый сибинскій домикъ окруженъ невысокой глиняной стѣной, а за домикомъ находятся фруктовый и овощный сады.

Разстояніе между 1 и 2 ротами — 100 ли.

Что касается 5 и 7-й ротъ, то онѣ теперь расположены на новомъ мѣстѣ, а именно, 7-я рота находится теперь въ 15 ли отъ рѣки возлѣ самаго арыка, къ сѣверу отъ него, на западъ же отъ нея въ 5 ли находится 6-я рота. 5-я же рота расположена также возлѣ самаго арыка, на сѣверной его сторонѣ, въ 10 ли къ западу отъ 6-й роты и въ 15 ли отъ берега р. Или. До возстанія 7-я рота находилась возлѣ рѣки, между 6-й и 2-й ротами, а 5-я тоже возлѣ рѣки, между 6-й и 4-й ротами. Однако въ

---

1) Сибинцы, переселенные въ Илійскій край изъ Маньчжуріи, были раздѣлены на 8 «ниру» (ротъ), примѣнительно къ восьми-знаменной организаціи маньчжурскихъ войскъ, въ составъ которыхъ они входили. Въ каждой ротѣ сначала было по 100 солдатъ, не считая ихъ семействъ. Во время возстанія же въ каждой ротѣ было 163 солдата (теперь въ каждой сибинской «ниру» 125 всадниковъ — морингà чоохà), много вольныхъ («сула») сибо, стариковъ и пахарей; купцовъ не было; всего же въ ротѣ («ниру») жило около 3.000 человѣкъ. Всѣ восемь ротъ занимались и теперь занимаются хлѣбопашествомъ, орошая свои поля изъ арыка, который прорытъ параллельно р. Или. Этотъ арыкъ, начинаясь выше 2-й роты, проходитъ мимо всѣхъ ротъ и оканчивается ниже 1-й и 3-й ротъ.

(Мѣстоположеніе поселковъ сибинскихъ ротъ указано на литографированной «Картѣ Илійскаго края», составленной В. М. Успенскимъ и Г. А. Елгинымъ въ 1895 г. Вл. К.).

началѣ возстанія, еще до паденія Баянтая, бунтовщики ночью перешли черезъ рѣку Или по замерзшему льду, вторглись въ не защищенныя 5-ю и 7-ю роты, убили весьма много застигнутыхъ врасплохъ сибинцевъ и увели много скота. Въ 5-й ротѣ тогда жили сибинскій ухэрида, его помощникъ и ламы буддійскаго храма. Послѣ этого набѣга, оставшіеся въ живыхъ сибинцы 5-й и 7-й ротъ вмѣстѣ съ ухэридой укрылись въ 6-ротѣ, такъ что, когда прибылъ Эмиръ-ханъ-ходжа съ войскомъ, то на мѣстѣ 5-й и 7-й ротъ онъ увидѣлъ только брошенные импани.

Перейдя рѣку, Эмиръ-ханъ-ходжа выстроилъ главный лагерь къ югу отъ арыка, недалеко отъ 2-й и 8-й ротъ. Затѣмъ онъ повелъ пѣшихъ и конныхъ таранчей осаждать 2-ю роту. Осаждавшіе отряды всегда могли отступить къ своему главному лагерю по мосту черезъ арыкъ. Сибинскій ухэрида донесъ объ осадѣ мятежниками 2 роты цзянъ-цзюню, который послалъ изъ Хуй-юань-чэна на помощь маньчжуровъ и солоновъ въ количествѣ 500 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ цзянъ-цзюнь приказалъ сибинскому ухэридѣ собрать всѣхъ сибинцевъ, старше 18 лѣтъ, въ томъ числѣ и вольныхъ, и дать тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ не было лошадей, казенныхъ и даже частныхъ лошадей. Собранное такимъ образомъ войско изъ сибинцевъ, солоновъ и маньчжуровъ сосредоточилось въ 6-й ротѣ и отсюда выступило на выручку осажденной второй роты («ниру»). Миновавъ 8-ю роту, войско перешло арыкъ и приблизилось ко 2-й ротѣ. Таранчи, увидя непріятельскій отрядъ и опасаясь быть отрѣзанными отъ лагеря, поспѣшно стали отступать. Всадники успѣли бѣжать въ свой лагерь по мосту чрезъ арыкъ; нѣсколько же сотъ пѣшихъ таранчей было окружено и перебито. Вспомогательный отрядъ вступилъ въ крѣпость среди ликованія сибинцевъ 2-й роты.

На другой день сибо рѣшили разгромить лагерь бунтовщиковъ, находившійся къ югу отъ арыка. Но съ этого времени начались неудачи сибинцевъ.

Всѣ сибо 2-й роты, способные носить оружіе, вмѣстѣ съ пришедшимъ на выручку отрядомъ на слѣдующій же день перешли арыкъ и подступили къ лагерю бунтовщиковъ. Но тѣ стали стрѣлять изъ пушекъ, и сибинцы, еще не обстрѣлянные, испугались и побѣжали. Первыми бѣжали сибинскіе юноши всѣхъ 8 знаменъ, не учившіеся военному дѣлу; изъ числа ихъ погибло въ этотъ день около 200 человѣкъ[1]). Сибо и маньчжуры бѣжали обратно по мосту черезъ арыкъ ко 2-й ротѣ, а нѣкоторые ускакали въ 8-ю роту.

Командиры устроили во 2-й ротѣ совѣщаніе, какимъ способомъ отбро-

1) Въ маньчжурскомъ текстѣ сказано: «очень много» (Вл. К.).

сить бунтовщиковъ. Отсутствіе у сибинцевъ пушекъ слишкомъ сказывалось, а потому командиръ маньчжуровъ, пришедшихъ на помощь, обратился къ сибинскимъ офицерамъ со слѣдующею рѣчью: «Нынѣ воры стрѣляли въ насъ изъ пушекъ; такъ какъ у насъ не было пушекъ, то мы не могли устоять и были разбиты. Вы, сибинцы, пока защищайте 2-ю роту, а я съ маньчжурами и солонами возвращусь сегодня въ Хуй-юань-чэнъ, выпрошу у цзянъ-цзюня артиллерійскій отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ и приведу ихъ сюда, а тогда мы легко отбросимъ воровъ». Всѣ командиры согласились на это предложеніе, и маньчжуры свободно ушли отъ сибинцевъ, предоставивъ ихъ самимъ себѣ.

На слѣдующій день послѣ ухода маньчжуровъ сибинцы снова подступили къ лагерю бунтовщиковъ, но тоже были оттѣснены. А послѣ этого солдаты изъ другихъ ротъ начали самовольно убѣгать къ себѣ домой, хотя небольшая ихъ часть все-таки осталась во второй ротѣ. Одного сибинца, бѣжавшаго съ поля сраженія, ухэрида приказалъ казнить.

Послѣ неудачнаго столкновенія съ бунтовщиками, сибинцы временно не выходили изъ 2-й роты, ожидая подкрѣпленій. Тогда Эмиръ-ханъ-ходжа подошелъ къ крѣпости и въ теченіе полумѣсяца и днемъ и ночью обстрѣливалъ изъ маленькихъ пушекъ крѣпостные стѣны. Однажды, когда таранчи подступили близко къ стѣнамъ, всѣ сибинцы, даже старики, женщины и дѣти, вышли на стѣны и облили таранчей горячей водой; хотя таранчи и прикрывались снопами хлѣба, но горячая вода проникла черезъ солому и многихъ ошпарила, отчего многіе заболѣли.

Между тѣмъ порохъ во 2-й сотнѣ былъ израсходованъ; тогда ночью 2 человѣка прокрались въ 8-ю роту и принесли оттуда двѣ корзины съ порохомъ. И въ теченіе еще нѣкотораго времени 2-я рота стойко держалась противъ бунтовщиковъ.

Эмиръ-ханъ-ходжа, осаждая 2-ю роту, однажды ночью увидѣлъ, что со стороны сибинскихъ ротъ поднимается красный свѣтъ и разстилается по небу. Тогда Эмиръ-ханъ-ходжа подумалъ, что сибинцевъ силою человѣческой взять нельзя, и поэтому рѣшилъ войти въ соглашеніе съ ними. Съ этою цѣлью онъ отправилъ во 2-ю роту своего приближеннаго таранчинца, умѣвшаго говорить по-сибински, съ предложеніемъ сдачи. Старѣйшины 2-й роты не обратили вниманія на командировъ и отворили ворота крѣпости. А затѣмъ нѣсколько стариковъ съ юношами отправились къ Эмиръ-хану для переговоровъ. Здѣсь старики выразили желаніе покориться таранчамъ, но съ условіемъ, чтобы они не ставили въ крѣпости своего гарнизона. Эмиръ-ханъ-ходжа, весьма обрадовавшійся приходу сибинскихъ старцевъ, поклялся, взявъ въ ротъ конецъ ружейнаго дула и смотря на

небо, что онъ не введетъ своихъ таранчей во 2-ю роту. Затѣмъ онъ сказалъ сибинцамъ: «Возвращайтесь домой и принесите мнѣ печать командира роты и военное оружіе—луки, стрѣлы; тогда я уйду отъ васъ къ 1-й и 3-й сибинскимъ ротамъ, съ которыми также войду въ соглашеніе. А для этого дайте мнѣ двухъ находящихся въ вашей ротѣ сибинцевъ, говорящихъ хорошо по-таранчински. Эти переводчики будутъ сопровождать меня и разскажутъ, что 2-я рота добровольно сдалась. Прежде всего постараюсь договориться съ 8 ротою, а затѣмъ отправлюсь къ 1-й и 3-й ротамъ; когда же подчиню себѣ всѣ прочія роты, то сибинскій ухэрида, живущій въ 6-й ротѣ, также подчинится мнѣ».

Старики 2-й роты, выслушавъ слова Эмиръ-ханъ-ходжи, возвратились къ себѣ домой, взяли печать командира роты, оружіе и другіе предметы и сдали все это Эмиръ-хану. Изъ 2-й роты пришли также два сибо Вахабу и Боро, которые говорили по-таранчински.

Эмиръ-ханъ-ходжа, взявъ съ собою этихъ толмачей, пошелъ съ войскомъ къ 8-й ротѣ; сибинцы этой роты, узнавъ отъ Боро и Вахабу о сдачѣ 2-й роты, охотно подчинились Эмиръ-хану. Послѣ этого таранчи отправились къ 1-й и 3-й ротамъ, гдѣ соединились со стоявшими тамъ лагеремъ таранчами. Эти таранчи, совмѣстно съ киргизами, примкнувшими къ нимъ ради предстоявшаго грабежа, подступили къ 1-й и 3-й ротамъ въ то время, когда Эмиръ-ханъ-ходжа съ главнымъ войскомъ подошелъ ко 2-й ротѣ; этимъ таранчи хотѣли, пользуясь своею многочисленностью, раздѣлить силы сибинцевъ. Пришедшіе въ то время таранчи расположились лагеремъ въ 10 ли къ югу отъ 1-й и 3-й ротъ. Узнавъ объ ихъ приходѣ, старики и молодые сибинцы изъ обѣихъ ротъ направились верхомъ къ таранчинскому становищу; въ крѣпости остались пѣхотные отряды. Всадники, выступившіе противъ мятежниковъ, не знали ихъ численности, и таранчей оказалось около 3.000 человѣкъ, между тѣмъ какъ сибинцевъ было всего около 300 человѣкъ. Опытные сибинцы бросились въ бой, но молодые, не видавшіе битвы, испугались и вскорѣ побѣжали. Мятежники, будучи превосходными въ силахъ, отчаянно ринулись на сибо, которые всѣ бросились бѣжать. Но стоявшая около воротъ крѣпости сибинская пѣхота вышла и остановила натискъ нападавшихъ. Въ этотъ разъ пало въ бою три старика-сибинца и 24 юноши. Болѣе сибинцы не выходили изъ-за своихъ стѣнъ и, поставивъ на нихъ пушки, держали мятежниковъ, не имѣвшихъ артиллеріи, въ почтительномъ отдаленіи.

Эмиръ-ханъ-ходжа, подойдя къ 1-й и 3-й ротамъ и соединившись съ таранчами, осаждавшими эти роты, 6-го числа 8-й луны послалъ къ сибинцамъ переводчиковъ Боро и Вахабу, которые, приблизившись къ стѣнамъ

крѣпости, сообщили сибинцамъ, что 2-я и 8-я роты сдались Эмиръ-хану, и что онъ предлагаетъ первой и третьей ротамъ поступить точно такъ же. Старики, услышавъ эти слова, ввели посланцевъ въ свою крѣпость. Всѣ командиры и уважаемые старики устроили совѣщаніе по этому поводу и рѣшили сдаться. Тогда сибинцы взяли печати ротныхъ командировъ и оружіе солдатъ и сдали все это Эмиръ-хану.

Послѣ этого Эмиръ-ханъ-ходжа отправился къ четвертой ротѣ, съ которой также успѣшно договорился. А затѣмъ онъ пошелъ къ шестой ротѣ, гдѣ жилъ ухэрида. Эмиръ-ханъ-ходжа послалъ переводчиковъ Боро и Вахабу, чрезъ которыхъ предложилъ ухэридѣ сдаться. Послѣдній на это отвѣтилъ, что онъ пошлетъ спросить цзянъ-цзюня, и если тотъ разрѣшитъ сдаться, то сибинцы 6-й, 5-й и 7-й ротъ подчинятся таранчамъ; если же не дозволитъ этого, то сибинцы будутъ драться до послѣдней капли крови.

Эмиръ-ханъ-ходжа согласился на это, а также, по просьбѣ ухэриды, выдалъ пропускъ двумъ сибинцамъ, посланнымъ ухэридою къ цзянъ-цзюню, и назначилъ имъ въ провожатые 2-хъ таранчей изъ своего войска.

Когда посланные ухэридою сибо прибыли въ г. Хуй-юань-чэнъ и передали цзянъ-цзюню донесеніе ухэриды, а также доложили ему о положеніи 6-й роты и объ обстоятельствахъ сдачи прочихъ сибинскихъ ротъ, то цзянъ-цзюнь, обсудивъ дѣло, разрѣшилъ сибинскому ухэридѣ вступить въ соглашеніе съ бунтовщиками. Ухэрида, получивъ такое разрѣшеніе, сдался таранчамъ, выдавъ имъ печати, а также оружіе солдатъ [1]).

VIII.

Подчинивъ таранчинскому султану всѣ сибинскія роты, Эмиръ-ханъ-ходжа съ войскомъ возвратился въ г. Кульджу, гдѣ далъ ему отдохнуть нѣсколько дней, а затѣмъ повелъ свое войско [2]) возлѣ горъ къ сѣверу отъ г. Кульджи для покоренія солоновъ, которые въ это время уже знали о подчиненіи сибинцевъ таранчинскому султану и совѣщались между собою относительно изъявленія покорности Эмиръ-ханъ-ходжѣ. Прибывъ къ солонамъ, онъ послалъ къ нимъ таранчинца, говорившаго по-маньчжурски, который отъ лица Эмиръ-хана обратился къ нимъ со слѣдующею рѣчью:

---

1) По словамъ Лю-цунь-ханя, который какъ разъ находился въ это время въ 6-ой ротѣ, мусульмане согласились на слѣдующія условія капитуляціи сибо: 1) сибо сохранятъ свое одѣяніе и ученіе, 2) мусульмане 2 родовъ (таранчи и дунгане) не будутъ вступать въ браки съ сибо и 3) сибинцы не будутъ посылаться въ битву съ дай-цинскими войсками. Эти условія были формулированы на словахъ, при чемъ мусульмане поклялись на коранѣ въ томъ, что не нарушатъ условій (Вл. К.).

2) Въ этомъ предпріятіи дунгане также не участвовали.

«Теперь сибинцы уже подчинились намъ. Мы воюемъ единственно съ китайцами и маньчжурами гор. Хуй-юань-чэна. Съ вами же у насъ вражды нѣтъ. Нападать и убивать васъ мы не желаемъ. Если теперь мы вступимъ въ соглашеніе и откажемся отъ борьбы, то это будетъ весьма угодно небу».

Солонскіе старики и чиновники обрадовались такому предложенію. Выйдя изъ своей крѣпости, они заключили съ Эмиръ-ханомъ договоръ [1]). Договорившись съ солонами, Эмиръ-ханъ-ходжа возвратился со своимъ войскомъ старою дорогой въ г. Кульджу. А въ это время солонскій ухэрида Чишань убѣжалъ въ мѣстность Тургунъ. Солоны же, (собственно) четыре роты дахуръ остались жить возлѣ города Хоргоса.

IX.

Покончивъ съ сибинцами и солонами, таранчи и дунгане приступили къ осадѣ г. Хуй-юань-чэна, построивъ крѣпостцы на сѣверномъ краю города. Такъ какъ возстаніе началось въ то время, когда таранчи не доставили еще положеннаго количества хлѣба, то теперь въ г. Хуй-юань-чэнѣ оказался недостатокъ въ продовольствіи. Насталъ сильный голодъ, во время котораго люди съѣли всю живность, не оставивъ даже кошекъ и собакъ; съѣли даже все сдѣланное изъ кожи, а также тетиву отъ луковъ, которые были взяты изъ казеннаго склада. Въ концѣ концовъ осажденные дошли до такого состоянія, что стали ѣсть дѣтей, вымѣнивая ихъ другъ у друга. Многіе умерли съ голода.

Но вотъ 23-го числа 1-й луны 5-го года Тунъ-чжи, послѣ 4-мѣсячной осады, дунгане и таранчи разрушили сѣверныя ворота и, войдя ночью въ городъ, подожгли деревянныя постройки и начали всѣхъ убивать. Гарнизонъ не могъ оказать никакого сопротивленія магометанамъ, такъ какъ люди настолько изголодались, что не могли держаться на ногахъ и падали на ходу. Только запершіеся въ ямынѣ цзянъ-цзюня ссыльные китайцы, въ количествѣ 300 человѣкъ, оказали сопротивленіе: они три дня и три ночи подрядъ отчаянно отбивались отъ таранчей и дунганъ. И, наконецъ, храбро сражаясь съ ними, жертвуя своею жизнію, китайцы успѣли прорваться чрезъ западныя ворота крѣпости и бѣжали къ Хоргосу. Самъ цзянъ-цзюнь Минъ поджогъ порохъ въ своемъ домѣ и взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ со своей семьей.

Отставленнаго отъ должности цзянъ-цзюня Чана, не успѣвшаго вер-

---

1) Подобно сибинцамъ, солоны выговорили себѣ право не платить податей таранчамъ, а Эмиръ-ханъ-ходжа, съ своей стороны, обязался не вводить въ солонскія роты таранчей. Солоны сдали означенному командиру оружіе своихъ солдатъ и казенныя печати.

нуться къ себѣ на родину, таранчи захватили вмѣстѣ съ его семьей, а также взяли въ плѣнъ и. д. сибинскаго мэѣнь-амбаня Ургуна, отличившагося во время сраженія подъ г. Суйдиномъ. Чана таранчи увезли въ г. Кульджу; здѣсь обрили ему голову, затѣмъ одѣли въ овчинный тулупъ шерстью вверхъ, на ноги обули войлочные сапоги и въ такомъ видѣ посадили на осла, лицомъ къ хвосту, и возили по улицамъ Кульджи на посмѣяніе народу. А затѣмъ приказали несчастному Чану пасти быковъ. Но когда Чанъ рѣшительно заявилъ таранчинскому султану, что онъ охотнѣе умретъ, чѣмъ будетъ пасти скотъ, султанъ, сжалившись надъ нимъ, освободилъ его отъ такого позорнаго занятія, далъ ему квартиру, гдѣ Чанъ поселился съ женою и 2 дочерьми, и отпускалъ имъ продовольствіе. Вскорѣ Чанъ и его жена умерли, а дочери вышли замужъ за таранчей.

Во время взятія города одинъ китайскій судейскій чиновникъ (ли-ши-тунъ-чжи), по имени Чунъ-шань (ямынь его находился въ восточной части города), съ мечомъ въ рукахъ боролся съ таранчами и дунганами, входившими уже въ сѣверныя ворота; со словами на устахъ: «разъ я получалъ отъ Государя жалованье, то и умру за него!» онъ палъ, сраженный ударомъ копья въ грудь.

Въ г. Хуй-юань-чэнѣ въ то время было 4.000 маньчжуровъ-всадниковъ, а съ пѣхотой, вольными людьми, женщинами и дѣтьми—всего 12.000 слишкомъ человѣкъ. Дунгане и таранчи, ворвавшись въ городъ, избивали ослабѣвшихъ отъ голода маньчжуровъ. Изъ всего населенія города дунгане и таранчи пощадили только молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и мальчиковъ не старше 20 лѣтъ, — всего около 2.000 человѣкъ; ихъ таранчи и дунгане взяли себѣ въ добычу.

Очевидно, Хуй-юань-чэнъ палъ потому, что такова была воля неба. Вѣдь маньчжуры въ теченіе 100 лѣтъ жили безпечно и развратно въ городѣ, ѣдя хлѣбъ, доставлявшійся имъ таранчами, и получая отъ Государя приличное жалованье. Они возгордились чрезмѣрно, а поэтому внуки пострадали за ошибки своихъ предковъ.

Когда таранчи и дунгане 23 числа 1-й луны 5-го года Тунъ-чжи вошли въ крѣпость и подожгли ее, то поднимавшееся пламя было видно въ 1-й и 3-й сибинскихъ «ниру». Старики и молодые 3-й роты, въ которой я жилъ, взобравшись на высокую земляную насыпь, находящуюся внутри города[1]), смотрѣли на зарево пожара; старики и другіе громко плакали. Многіе го-

1) Объ этой насыпи авторъ разсказа говоритъ въ маньчжурскомъ текстѣ слѣдующее: «Когда и по какой причинѣ была сооружена эта насыпь, теперь никто не знаетъ. Когда я былъ молодъ, на этой насыпи, посрединѣ ея, находилось знамя съ духовными письменами. По разсказамъ стариковъ, однажды ночью въ восточной части насыпи

ворили слѣдующее: «Теперь палъ г. Хуй-юань-чэнъ... Неизвѣстно, какъ поступятъ съ нами таранчи и дунгане». Я былъ въ то время очень молодъ и не вникалъ серьезно въ положеніе дѣлъ. Но впечатлѣніе, вынесенное въ ту ночь изъ созерцанія громаднаго зарева, поднимавшагося со стороны пылавшаго г. Хуй-юань-чэна, — хранится и до сихъ поръ въ моей памяти.

Уничтоживъ маньчжурскій гарнизонъ въ г. Хуй-юань-чэнѣ и завладѣвъ имуществомъ побѣжденныхъ, таранчи и дунгане почувствовали себя полными господами въ Илійскомъ краѣ и сильно возгордились.

X.

Вслѣдъ за взятіемъ города Хуй-юань-чэна таранчи взяли города: Суйдинъ, Цинъ-шуй-хэ, Лао-цао-гоу, Тарджи и Хоргосъ. Во всѣхъ этихъ городахъ были незначительные китайскіе гарнизоны, которые почти всѣ добровольно сдались таранчамъ и дунганамъ; не сдавшихся добровольно побѣдители или убивали или обращали въ магометанство, брея имъ голову. Итакъ, дунгане и таранчи взяли въ Илійскомъ краѣ слѣдующіе китайскіе и маньчжурскіе крѣпости и города: Си-чунь-чэнъ (Чэнъ-пань-цзы, что въ 4-хъ верстахъ отъ города Кульджи), Баянтай (Хуй-нинъ-чэнъ), Хуй-юань-чэнъ, Суйдинъ, Лао-цао-гоу (Гуанъ-жэнь-чэнъ), Цинъ-шуй-хэ-цзы (Чжанъ-дэ-чэнъ), Тарджи и Хоргосъ (Гунъ-чэнь-чэнъ или Чэнъ-пань-цзы). Съ городомъ Кульджей, въ которомъ мусульмане истребили почти всѣхъ китайцевъ [1]), таранчи и дунгане имѣли въ своемъ полномъ владѣніи девять городовъ.

Въ Хоргосѣ жили 4 роты дахуровъ, составлявшихъ лѣвое крыло солонскаго лагеря [2]). Когда таранчи и дунгане послѣ взятія г. Хуй-юань-чэна пришли къ Хоргосу, то нашли тамъ только китайцевъ, которыхъ и убили. Солоны же (собственно дахуры), узнавъ, что г. Хуй-юань-чэнъ неминуемо долженъ пасть, всѣ, въ составѣ 4 ротъ, бѣжали и, пройдя Тургунъ [3]), поселились въ Боро-худзирѣ [4]), недалеко отъ находившихся тамъ

неожиданно появилась разсѣлина, при чемъ на одномъ боку разсѣлины оказались духовныя монгольскія письмена. Пока искали человѣка, который бы зналъ эти письмена, они отъ вѣтра разрушились. Такъ и осталось неизвѣстнымъ содержаніе надписи» (Вл. К.).

1) Населеніе г. Кульджи состояло главнымъ образомъ изъ таранчей; здѣсь же проживала таранчинская администрація.

2) Правое крыло составляли 4 роты сибинцевъ, вызванныхъ изъ 8 зарѣчныхъ ротъ на мѣсто вымершихъ онкоровъ. Но какъ дахуры, жившіе въ г. Хоргосѣ, такъ и сибинцы, жившіе въ Чэджи, Самарѣ (Джаркентъ), Чичиканѣ и Тургунѣ, назывались и называются вообще солонами. Лагерь въ Тургунѣ представлялъ собою небольшое укрѣпленіе; въ другихъ же сибинскихъ лагеряхъ (Чэджи, Самаръ, Чичиканъ) стѣнъ не было.

3) Тургунъ находится въ 11 верстахъ отъ г. Джаркента по дорогѣ въ г. Вѣрный.

4) Ст. Боро-худзиръ — въ 18 верстахъ отъ г. Джаркента.

русскихъ. Солонскій же ухэрида Чишань, послѣ ухода Эмиръ-ханъ-ходжи изъ солонскихъ ротъ, но еще до осады г. Хуй-юань-чэна, бѣжалъ въ Тургунъ.

Послѣ взятія таранчами и дунганами г. Хуй-юань-чэна, таранчинскій султанъ приглашалъ солонскаго ухэриду и другихъ чиновниковъ возвратиться на старыя мѣста. Но солоны (дахуры) не послушали султана. Тогда онъ въ 12-й лунѣ 5-го года Тунъ-чжи послалъ громадную толпу таранчей и дунганъ, съ присоединеніемъ еще киргизовъ — любителей пограбить, съ тѣмъ, чтобы они вернули солоновъ. Магометане, распуская ложные слухи о томъ, что они схватятъ только ухэриду и вернутся въ Кульджу, (спокойно) прошли мимо сибинскихъ ротъ, находившихся въ Чэджи, Самарѣ и Чичиканѣ. Возлѣ каждой роты они оставляли военные отряды. Наконецъ, главный отрядъ, идя на западъ, приблизился къ Тургуну въ надеждѣ захватить тамъ ухэриду [1]), но онъ еще ранѣе, услыхавъ, что изъ г. Кульджи идутъ магометане, бѣжалъ къ русскимъ въ Боро-худзиръ. Таранчи и дунгане, боясь русскихъ, не могли схватить солонскаго ухэриду.

Разсерженные дунгане и таранчи рѣшили уничтожить солоновъ праваго крыла (т. е. сибо). Для этого дунгане и таранчи окружили солонскія роты въ Чэджи и Самарѣ, какъ самыя близкія къ Хоргосу. Магометане устроили совѣщаніе для обсужденія плана нападенія, при чемъ рѣшили въ полночь 23 числа 12-й луны напасть на солонскія роты. Солоны — старики и юноши — въ Чэджи и Самарѣ, окруженные магометанами, видя безысходность своего положенія, съ плачемъ взирали на небо. Старики въ Чэджи растворили опіумъ въ котлѣ и научили всѣхъ такъ: «Что будетъ въ эту ночь, трудно знать. Если однако будетъ плохо, то всѣ выпьемъ этого опіума и умремъ, избавившись такимъ образомъ отъ мусульманскаго плѣна».

Въ полночь дунгане и таранчи вошли въ вышеуказанныя двѣ роты. Всѣ солоны собрались на одномъ большомъ дворѣ. Часть мужчинъ вступила въ бой и погибла, но большинство бѣжало еще до начала сраженія. Въ Чэджи солонскія женщины, дѣвушки и дѣти выпили опіума. Но кто много выпилъ, тотъ изверnum извергнулъ все обратно и остался въ живыхъ; тѣ же, кто, боясь умереть, выпили немного, всѣ умерли. Оставшихся въ живыхъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей обоего пола таранчи захватили себѣ въ качествѣ добычи.

Такимъ образомъ селенія Чэджи и Самаръ въ одну ночь были разру-

---

1) Ухэрида потому укрывался у сибо, что и самъ происходилъ изъ племени сибо, а не изъ дахуръ.

шены и опустѣли. Солоны же изъ Чичикана и Тургуна успѣли бѣжать къ русскому гарнизону въ Боро-худзиръ. Впослѣдствіи половина солоновъ ушла въ Тарбагатай, а прочіе остались въ Боро-худзирѣ и Тургунѣ, куда солоны, по уходѣ таранчинцевъ, снова возвратились и занялись хлѣбопашествомъ [1]).

Итакъ, таранчи и дунгане, благодаря безпечности цзянъ-цзюня Мина и всѣхъ чиновниковъ, очень легко завладѣли такими большими крѣпостями, какъ Баянтай и Хуй-юань-чэнъ. Но если бы до возстанія маньчжурскіе и китайскіе чиновники любили дунганъ и таранчей, то дѣло никоимъ образомъ не дошло бы до такого бунта. Когда же возстаніе уже началось, китайско-маньчжурскія войска, несомнѣнно, побѣдили бы бунтовщиковъ, если бы офицеры любили солдатъ, если бы они здраво все обдумывали, если бы они геройски шли впередъ, а не прятались позади солдатъ, и если бы сами солдаты храбро сражались со смѣлыми бунтовщиками. На дѣлѣ же офицеры нисколько не заботились о своихъ солдатахъ, а за малѣйшую провинность жестоко ихъ наказывали. Среди офицеровъ не было ни одного, который бы на полѣ сраженія храбро шелъ впереди, увлекая за собою солдатъ. Напротивъ того, когда дѣло доходило до сраженія, командиры, заботясь о своей жизни, скрывались, бросая солдатъ на произволъ судьбы.

XI.

Спустя три года послѣ взятія г. Хуй-юань-чэна между таранчами и дунганами возникла междоусобная война. Тѣ и другіе стали оспаривать другъ у друга господствующее положеніе (въ Илійскомъ краѣ). Дунгане говорили: «Если бы мы не произвели возстанія, то вы, таранчи, сотню, тысячу лѣтъ оставались бы все такими же таранчами. Какъ вамъ владычествовать надъ Или?»

Таранчи же (въ свою очередь) говорили: «Хотя бы маньчжуры, выгнавъ васъ, дунганъ, изъ г. Хуй-юань-чэна, и не убили, но если бы не было насъ, таранчей, то вы все-таки померли бы съ голода. Теперь вы, благодаря нашей силѣ, сохранили свою жизнь. А потому гдѣ вамъ владѣть нами?»

Изъ-за этого и возникли между дунганами и таранчами несогласія.

Такъ какъ въ то время дунгане владѣли городами: Урумчи, Гучэномъ, Манасомъ и другими, то илійскіе дунгане просили помощи у урумчискихъ

---

1) Теперь эти солоны живутъ въ китайскихъ предѣлахъ около Чэнъ-пань-цзы, въ особой крѣпости.

дунганъ, которые и прибыли въ Или. Таранчинскій султанъ Обулъ-алябагатуръ-газы, услышавъ о приходѣ дунганъ изъ Урумчи въ г. Хуй-юань-чэнъ, собралъ 10.000 своихъ таранчинскихъ солдатъ и, вызвавъ еще 500 пѣшихъ и конныхъ сибинцевъ, пошелъ къ крѣпости Баянтай, въ которой и расположился. Въ то время Баянтай, послѣ взятія его у маньчжуровъ, пустовалъ. Узнавъ отъ шпіоновъ, что соединенное дунганское войско выступило изъ Суйдина и Хуй-юань-чэна по направленію къ Кульджѣ и остановилось лагеремъ на полдорогѣ, султанъ Обулъ-аля на разсвѣтѣ выступилъ съ таранчами на встрѣчу дунганамъ. Собственно о ходѣ сраженія я хорошенько не знаю, но вотъ что я слышалъ впослѣдствіи отъ участниковъ сраженія.

Султанъ лично выступилъ съ войскомъ и, встрѣтившись съ дунганами близъ Баянтая, стремительно напалъ на нихъ, при чемъ самъ находился впереди. Въ то время какъ таранчи сражались, воодушевляемые (его примѣромъ), имъ на помощь пришелъ халпе, братъ султана, съ большою толпою таранчей, и тогда дунгане были на голову разбиты и въ паникѣ бѣжали по направленію къ г. Хуй-юань-чэну. Первыми бѣжали съ поля сраженія дунгане, пришедшіе на помощь изъ Урумчи. Они, захвативъ у илійскихъ дунганъ красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, бѣжали въ Урумчи. За этими дунганами бѣжали изъ-подъ Баянтая и илійскіе дунгане. Были среди нихъ такіе, которые посадили своихъ женъ и дѣтей на телѣги и столкнули ихъ въ р. Или[1]). Такъ злы дунгане! И если имъ совсѣмъ не жаль убивать собственныхъ женъ и дѣтей, то развѣ будутъ они жалѣть чужихъ женъ и дѣтей? Изъ этого видно, что сердце у нихъ сильно пропитано злобой.

Таранчи, разбивъ дунганъ, гнались за ними вплоть до г. Хуй-юань-чэна и Суйдина, при чемъ много дунганъ перебили и захватили въ плѣнъ. Когда на другой день прибылъ въ Хуй-юань-чэнъ таранчинскій султанъ Обулъ-аля, онъ, собравъ своихъ таранчей, пріостановилъ избіеніе дунганъ.

Хуй-юань-чэнъ послѣ этого совершенно опустѣлъ. А такъ какъ дунганъ осталось очень мало, то они и не жили въ г. Кульджѣ. Всего въ Или осталась тысяча слишкомъ дунганъ, а именно въ Суйдинѣ, Лао-цао-гоу и и Цинъ-шуй-хэ. Послѣ этого свирѣпость и злоба дунганъ сильно ослабѣли.

На основаніи изложеннаго (я) убѣдился, что всякій человѣкъ, когда его жестокость и злоба достигнутъ крайнихъ предѣловъ, неизбѣжно понесетъ наказаніе по волѣ неба.

---

1) Для того, чтобы жены и дѣти не достались побѣдителямъ-таранчамъ.

XII.

Сибинцы 8 ротъ сильно страдали отъ обременительныхъ таранчинскихъ повинностей. Хотя таранчи и не брали съ сибинцевъ податей въ видѣ хлѣба или денегъ, но когда нужно было строить казенныя зданія, нести службу при ямыняхъ таранчинскихъ бэковъ или посылать солдатъ на развѣдки, то таранчи командировали также и сибинцевъ. А когда въ Или среди скота свирѣпствовала эпидемія, такъ что изъ 100 быковъ оставались одинъ или два, то и этотъ оставшійся скотъ таранчи отбирали на казенныя надобности, вслѣдствіе чего скота для работъ не хватало. Какъ же при такихъ условіяхъ сибинцы могли обрабатывать землю? Къ югу отъ р. Или сибинцамъ было не подъ силу обрабатывать даже $^2/_{10}$ или $^3/_{10}$ пахотной земли. И таранчи на нѣсколько лѣтъ завладѣли сибинской землей, обрабатывая которую они разбогатѣли, а сибинцы влачили жизнь, служа у нихъ въ работникахъ. Сибинцы по своей одеждѣ напоминали пернатыхъ и животныхъ. Молодыя замужнія женщины и дѣвушки даже не имѣли чѣмъ прикрывать свои срамныя мѣста.

Въ то время ни откуда не привозили въ Илійскій край матерій, а потому (даже самые обезпеченные изъ сибинцевъ) не могли носить одежды изъ матеріи [1]).

Въ то время сибинскій ухэрида Карманга [2]) женилъ своего старшаго сына. На эту свадьбу ухэрида, для поддержанія дружбы съ таранчами, пригласилъ всѣхъ таранчинскихъ ахуновъ и бэковъ, которые и прибыли въ домъ ухэриды. Среди женщинъ, подававшихъ гостямъ обѣдъ и чай, находилась одна чрезвычайно красивая сибинянка, родомъ изъ 5-й роты, бывшая замужемъ за сибинцемъ 6-й роты Валишанемъ. Прекрасныя брови ея были подобны длинному холму и доходили до висковъ. Хотя всѣ таранчинскіе бэки съ восхищеніемъ смотрѣли на нее, но въ сердцѣ никакихъ намѣреній не возымѣли. Только одинъ бэкъ Алимша страстно влюбился въ нее и захотѣлъ взять ее себѣ въ жены. Но онъ не могъ устроить этого, такъ какъ занималъ небольшую должность [3]). Что онъ доложилъ таранчинскому султану по возвращеніи въ г. Кульджу, неизвѣстно, (но произошло слѣдующее). Такъ какъ султанъ по случаю женитьбы сына ухэриды

---

1) Насколько дорога была даже простая грубая матерія, привозимая съ юга, можно судить по тому, что кусокъ такой матеріи кашгарскаго происхожденія, длиною въ 5 ручныхъ саженъ и шириною немного менѣе поларшина, стоилъ тогда, какъ говоритъ авторъ, 40 ланъ, т. е. около 80 р.

2) Ухэрида Карманга жилъ въ 6-й ротѣ.

3) Стало быть, не имѣлъ власти и силы отнять у мужа его законную жену.

Карманги сдѣлалъ ему подарки, то ухэрида послѣ окончанія свадьбы тотчасъ лично явился съ султану, чтобы выразить ему благодарность. На прощальной аудіенціи султанъ сказалъ ему слѣдующее: «Ту (красивую) женщину я возьму за себя замужъ, а за ея мужа отдайте не просватанную еще дѣвицу, всѣ расходы по этой свадьбѣ я несу самъ».

Ухэрида на это отвѣтилъ: «Хотя таранчи и другой вѣры съ нами, но разъ султанъ таранчей, ставъ владѣтелемъ Или, не гнушается нами, а хочетъ даже взять замужъ сибинянку, то мы чрезвычайно рады этому. Но что будетъ, если затѣмъ всѣ бэки, подражая султану, станутъ брать такимъ образомъ нашихъ женъ?».

Тогда таранчинскій султанъ отдалъ приказъ, чтобы таранчинскіе бэки не брали себѣ женъ у сибинцевъ.

Возвратившись въ свою роту, сибинскій ухэрида собралъ всѣхъ начальниковъ 8 ротъ на совѣщаніе по настоящему дѣлу. Сотники говорили неодинаково: одни говорили, что можно отдать (вышеупомянутую женщину), а другіе говорили—нельзя. Тогда ухэрида обратился къ начальникамъ ротъ со слѣдующею рѣчью: «У насъ теперь въ хлѣбныхъ магазинахъ осталось по скрупулу зерна. Но это бы еще не бѣда! Если мы не исполнимъ требованія таранчей, то они въ одинъ мигъ уничтожатъ всѣ наши восемь ротъ. Изъ-за одной женщины развѣ можно погубить 20,000 душъ? Теперь въ восьми ротахъ пусть сибинцы возьмутъ замужъ всѣхъ дѣвицъ старше 15 лѣтъ, не взирая на то, просватаны ли онѣ или нѣтъ».

Послѣ этого было рѣшено отдать сибинянку Шуха, жену Валишаня, замужъ за султана. Ухэрида привезъ ее (въ Кульджу), давъ ей такое наставленіе: «Съ древнихъ поръ случалось, что государи, ради пользы своего народа, въ годину его бѣдствій, отдавали своихъ дочерей во вражескую страну. И тебя мы отдаемъ съ тою цѣлію, чтобы ты непремѣнно всѣмъ сердцемъ заботилась о (сохраненіи) жизни 20,000 сибинцевъ, живущихъ къ югу отъ рѣки, и пріобрѣла расположеніе султана. Когда насъ будутъ очень притѣснять, я пошлю тебѣ вѣсточку, и ты помоги намъ, повліявъ на султана».

Хотя сибинцы жили въ бѣдности и бѣдѣ, но ради спасенія своей жизни они исполняли усердно всякую службу, на какую ихъ назначали таранчи. Несмотря на это, вскорѣ таранчи задумали совершенно уничтожить сибинцевъ.

Среди таранчей пользовался особымъ уваженіемъ таранчинецъ, носившій званіе «халпе»[1]). Завладѣвъ самовольно лучшими угодьями въ

1) Это былъ упомянутый выше Шамс-эддинъ, сынъ Худай-кула.

разныхъ таранчинскихъ деревняхъ, онъ распахивалъ землю, не платя никакой подати; напротивъ, другіе таранчи платили ему подать и почтительно исполняли всякія его приказанія, считая ихъ какъ бы нисшедшими съ неба. Прочіе таранчи даже не смѣли крикнуть на дворовыхъ собакъ этого халпе, — настолько его уважали.

Собравъ однажды самовольно таранчинскихъ солдатъ, халпе оповѣстилъ всѣхъ таранчей, что если не убить сейчасъ зарѣчныхъ сибинцевъ, то впослѣдствіи они обязательно причинятъ таранчамъ много бѣдъ. Послѣ этого онъ самъ повелъ собранное войско за р. Или. Въ то время рѣка замерзла, и лошадь халпе, вступивъ на ледъ задними копытами, далѣе не пошла. Тогда халпе, слѣзши съ лошади, сталъ позади ея и началъ ударять кнутомъ. Лошадь, собравшись съ силами, прыгнула со льда на берегъ, но при этомъ лягнула халпе въ сердце. Такъ халпе и не могъ переправиться на южный берегъ рѣки и вернулся домой[1]), гдѣ вскорѣ и умеръ.

Ухэрида, взявши сибинскихъ начальниковъ, отправился навѣстить трупъ халпе. Кланяясь трупу, ухэрида такъ думалъ: «Ты теперь умеръ и тѣмъ избавилъ сибинцевъ отъ великой бѣды». Радуясь такимъ образомъ, ухэрида однако передъ трупомъ халпе непрерывно проливалъ слезы, которыя падали подобно дождю.

Таранчинскіе бэки, видя, что ухэрида такъ сильно горюетъ и плачетъ, сами растрогались, зарыдали и, выйдя впередъ, увѣщаніемъ убѣдили ухэриду прекратить рыданія. Потомъ бэки говорили: «Разъ ухэрида такъ горько плачетъ о смерти нашего халпе, то, стало быть, сибинцы искренне покорились намъ, таранчамъ. Нашъ халпе не зналъ этого и, подозрѣвая, что вы, сибинцы, имѣете особые замыслы, рѣшилъ переправиться черезъ рѣку и перебить васъ. Но небо не допустило до этого и самому ему причинило смерть. Нынѣшняя скорбь ухэриды искренняя. Въ этомъ дѣлѣ халпе дѣйствительно былъ неправъ».

Когда ухэрида вернулся къ себѣ домой, то сибинскіе офицеры стали спрашивать его, почему вчера онъ такъ горько плакалъ передъ трупомъ халпе.

На это ухэрида отвѣтилъ: «Если бы этотъ таранчинецъ не умеръ, то онъ причинилъ бы намъ много бѣдъ. Поэтому я и плакалъ такъ отъ радости, думая про себя: благодаря твоей смерти, халпе, 20,000 слишкомъ сибинцевъ сохранили жизнь». Всѣ сибинскіе офицеры много смѣялись этимъ словамъ ухэриды.

---

1) Въ селеніе Арустанъ, въ 20 верстахъ къ юго-востоку отъ г. Кульджи.

Послѣ смерти вышеупомянутаго халпе ему наслѣдовалъ въ званіи халпе его старшій сынъ[1]), захотѣвшій также уничтожить сибинцевъ. И вотъ, когда таранчинскій султанъ отправился на богомолье на мусульманское кладбище (мазаръ), находящееся у рѣки Кашъ, что къ востоку (отъ г. Кульджи)[2]), то младшій «халпе», воспользовавшись этимъ случаемъ, рѣшилъ истребить сибинцевъ.

Но мать «халпе» сказала ему: «Хотя всѣ девять городовъ Илійскаго края и запустѣли, но къ югу отъ рѣки все-таки осталось цѣлое племя. Ясно, что (само) небо сохранило этихъ людей. Твой отецъ захотѣлъ истребить ихъ, но, наоборотъ, самъ умеръ раньше. Теперь, если ты не измѣнишь своего намѣренія, то какъ бы и съ тобой не случилось какого-нибудь несчастія, какъ и съ твоимъ отцомъ». Но молодой халпе, не послушавшись матери, собралъ войско и, переправившись черезъ рѣку Или, пошелъ къ мазару, находящемуся въ мѣстности Доланту, чтобы условиться относительно избіенія всѣхъ сибинцевъ съ жившимъ къ югу отъ р. Или въ таранчинскомъ селѣ Кальджатъ[3]) таранчинскимъ шанбэкомъ, по имени Тогулакъ. Онъ завѣдывалъ 12 южными таранчинскими селеніями. Изъ среды тамошнихъ таранчей это былъ первый богачъ: лицо у него было багроваго цвѣта; будучи высокимъ и полнымъ, онъ выдѣлялся изъ ряда прочихъ таранчей величественной осанкой. Такъ какъ долантускій мазаръ былъ недалеко отъ Кальджата, то халпе, пославъ къ этому Тогулаку человѣка, пригласилъ его къ себѣ и сказалъ ему слѣдующее:

«Ты, условившись со мною, помоги мнѣ. Если мы теперь не убьемъ всѣхъ сибинцевъ, то впослѣдствіи они обязательно причинятъ намъ, таранчамъ, много горя». На это Тогулакъ отвѣтилъ:

«За этими сибинцами не имѣется никакой вины, да и вражды у насъ съ ними съ самаго начала не было. (Напротивъ того) въ минувшіе года всякій разъ, когда случалось, что за отсутствіемъ горной воды нельзя было орошать землю, южные таранчи всегда находили у нихъ поддержку. Если подумать объ этомъ, то это похоже на то, какъ бы мы вмѣстѣ съ ними ѣли пищу изъ одного котла. И теперь мы съ ними, сибинцами, не враждуемъ. Если мы убьемъ безъ причины людей, созданныхъ небомъ, то какъ бы это не оказалось несогласнымъ съ волею неба».

---

1) Его имя: Камер-эддинъ Шамс-эддиновъ.

2) Это такъ называемый «восточный мазаръ», гдѣ находится могила султана Вэйса; онъ расположенъ въ 55 верстахъ отъ Кульджи по правую сторону р. Каша, за рѣчкой Борбогосунъ (если ѣхать отъ Кульджи) и называется поэтому также «Борбогосунъ мазаръ». (См. Федоровъ, op. cit., I, стр. 17. Вл. К.).

3) Въ текстѣ — «Галджату». (Вл. К.).

Такъ какъ однако халпе упорствовалъ (не согласился), то Тогулакъ сказалъ:

«Если халпе дѣйствительно задумалъ такъ, то я вмѣстѣ со своими таранчами изъ 12 южныхъ деревень соединюсь съ сибинцами 8 ротъ, и мы вмѣстѣ съ ними перейдемъ рѣку и будемъ воевать съ таранчами, живущими къ сѣверу отъ рѣки».

Халпе оказался въ затруднительномъ положеніи и не зналъ, что дѣлать. Между тѣмъ сибинскій ухэрида Кармапга, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, спѣшно и тайно послалъ дядю взятой султаномъ сибинянки къ ней со словами: «Теперь сибинцамъ скоро будетъ конецъ. Помоги и защити»! Жена султана Шуха тотчасъ отправила къ кашскому (восточному) мазару къ султану человѣка передать ему вышеозначенное извѣстіе. Услышавъ это, султанъ поспѣшно возвратился въ г. Кульджу и немедленно отправился (далѣе), мѣняя лошадей. Ночью онъ перешелъ р. Или, направился въ долантускій мазаръ и приказалъ халпе и всему собравшемуся таранчинскому войску вернуться домой.

Въ 12-й лунѣ 9 года Тунъ-чжи[1]) таранчи распустили ложный слухъ, что въ 1-ю и 3-ю сибинскія роты пришли русскіе. Султанъ, услыхавъ объ этомъ, сталъ однако сомнѣваться, вѣрить ли ему или не вѣрить (тому слуху). Въ виду этого онъ командировалъ (въ означенныя роты) нѣсколько бэковъ съ солдатами. Посланному же вмѣстѣ съ ними своему младшему брату шанбэку Муктуру онъ далъ слѣдующую инструкцію: «Ты понапрасну не причиняй сибинцамъ зла, а то нарушишь волю неба и войдешь въ противорѣчіе съ моими намѣреніями. Ты тщательно узнай, правда или нѣтъ (то, что говорятъ о сибинцахъ), и затѣмъ немедленно возвращайся».

Таранчи, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, придя въ 12 мѣсяцѣ, въ морозъ, въ 1-ю сибинскую роту, выгнали изъ домовъ одного квартала всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, при чемъ бэки размѣстили въ этихъ домахъ своихъ солдатъ. (Сибинцы), доставляя таранчамъ въ пищу барановъ, а ихъ лошадямъ — фуражъ, пришли въ крайнюю нужду. Таранчи днемъ и ночью, набравъ сибинцевъ, умѣвшихъ разыгрывать піесы, заставляли ихъ (сибинцевъ) забавлять себя. Хотя прошло полмѣсяца, но таранчи не возвращались домой. Тѣмъ временемъ къ сибинскимъ постройкамъ подошли таранчи изъ южныхъ селъ вмѣстѣ съ киргизами и стали готовиться къ грабежу.

Такъ какъ сибинцы очутились въ безвыходномъ положеніи, то командиръ 1-й роты Мурунга два раза ѣздилъ въ Кальджатъ къ Тогулаку. Но

1) Въ самомъ концѣ 1870-го или въ началѣ 1871-го года.

Тогулакъ, давъ понять, что султанъ, послушавшись нѣкоторыхъ таранчей, понапрасну послалъ своихъ солдатъ, самъ къ сибинцамъ не пошелъ. Тогда Мурунга еще разъ поѣхалъ къ Тогулаку и обратился къ нему съ такою слезною просьбою: «Когда вы, шанбэкъ, подумавъ о томъ, что бѣдные и неимущіе люди (сибинцы) въ холодъ не имѣютъ пристанища, сжалитесь и сами своей высокой особой пойдете (къ намъ) и отошлете домой пришедшихъ къ намъ таранчинскихъ солдатъ, то всѣ, старые и малые, изъ обѣихъ ротъ, приблизившіеся къ смерти, будутъ вѣчно помнить о таковой помощи вашей, шанбэкъ».

Когда Мурунга такъ неотступно умолялъ Тогулака, онъ, наконецъ, отправился вмѣстѣ съ командиромъ 1-й роты въ 1-ю и 3-ю сибинскія роты.

Тогулакъ, увидѣвъ младшаго брата султана Муктура и бэковъ, приведшихъ съ собою солдатъ изъ г. Кульджи, спросилъ ихъ: «Вы зачѣмъ въ такой холодъ пришли сюда съ войскомъ, выгнали бѣдняковъ изъ ихъ жилищъ и позволили вашимъ людямъ завладѣть этими жилищами? Что именно за причина этому»?

Бэки на это отвѣтили: «Султанъ, давъ намъ солдатъ, послалъ насъ сюда по той причинѣ, что онъ, услышавъ о приходѣ въ эти двѣ роты русскихъ, захотѣлъ провѣрить это». Тогулакъ на это отвѣтилъ слѣдующее: «Я и самъ отлично знаю, что здѣсь дѣйствительно есть русскіе, но ихъ немного, всего только три человѣка. Если вы спросите, кто они, то это, во-первыхъ, таранчинецъ Токо изъ Кетмена, командированный султаномъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы злонамѣренные таранчи, придя въ 1-ю и 3-ю роты, не безчинствовали здѣсь. Второй — это вновь назначенный султаномъ помощникъ ротнаго командира (чжэрги чжангин) сибинецъ Боро. И третій—это сибинецъ 3-й роты, переводчикъ Опоръ. Вотъ они трое и суть русскіе. Они-то распускаютъ разнообразные ложные слухи. Если ихъ казнить, то никакихъ вопросовъ возникать не будетъ. И если бы подобное дѣло было, то какъ же это я, живущій недалеко отсюда, не зналъ бы объ немъ? Говорить же, что вы, живя въ г. Кульджѣ, прежде меня услыхали о подобныхъ вѣстяхъ, развѣ это не ложь? (Что касается сибинцевъ), то они теперь впали въ крайнюю бѣдность. Хотя бы вы истребили ихъ, вы не найдете у нихъ никакого имущества, которое можно было бы взять. Можете захватить только ихъ женъ и дѣтей,—ничего другого у нихъ нѣтъ. Наши таранчи, овладѣвъ всѣми 9 илійскими городами, награбили не мало добра. Вѣдь сибинцы съ самаго начала, обработывая землю, сами прокармливали себя[1]) и

---

1) Таранчи не платили сибинцамъ податей.

не враждовали съ нами. Почему же напрасно желать убивать ихъ, нарушая законы неба? Если поступить такъ, то кто знаетъ, можетъ быть, впослѣдствіи и насъ истребятъ».

Бэки на это не возразили ни слова. А на утро Муктуръ, объявивъ солдатамъ о немедленномъ отступленіи, выступилъ въ обратный путь въ гор. Кульджу.

Послѣ этого сибинцы, не имѣя одежды, стали сѣять хлопокъ и ткать матеріи. Съ этой поры они начали носить одежду изъ бумажной матеріи.

XIII.

На слѣдующій (1871) годъ, въ третьей лунѣ, таранчи услыхали, что русскіе солдаты находятся около Хоргоса, что къ сѣверу отъ р. Или. Услышавъ объ этомъ, таранчи испугались и, собравъ большое войско, включая сюда 500 сибинцевъ, пошли къ г. Хоргосу. Они окружили русскихъ, остановившихся въ одномъ пустомъ дворѣ, (обнесенномъ стѣной), между Хоргосомъ (=Чэнъ-пань-цзы) и Мазаромъ[1]). Этотъ дворъ былъ первоначально устроенъ таранчами. Такъ какъ русскихъ было очень мало, — 90 человѣкъ пѣхоты да 45 сибинцевъ и солоновъ, всего свыше 100 человѣкъ, а таранчей было очень много, то русскіе не могли проникнуть въ Или, а стали отступать. Таранчи, слѣдуя за русскими съ двухъ сторонъ на почтительномъ разстояніи, вынудили ихъ перейти р. Хоргосъ. Затѣмъ таранчи возвратились обратно въ г. Кульджу, возвѣстивъ всюду, что русскіе бѣжали, и потрясли Илійскій край радостными кликами.

Послѣ этого русскіе вошли въ таранчинское селеніе Добонъ, что къ югу отъ р. Или, и прежде чѣмъ таранчинскіе солдаты пришли туда, русскіе поднялись выше (то-есть къ горамъ) и прошли черезъ таранчинскія селенія Дардамту, Шонкоръ, а затѣмъ черезъ Большой Ачанохо̀ и Малый Ачанохо̀ и приблизились къ Кетменю[2]). Тогда жившіе въ названныхъ селахъ таранчи съ семьями бѣжали къ востоку. Поднялся настолько сильный плачъ и шумъ, что эхо разносилось въ южныхъ горахъ.

---

1) Это «западный мазаръ» — самое большое старинное мусульманское кладбище. На немъ имѣются «несторіанскіе» камни, съ высѣченнымъ крестомъ и сирійскими письменами. (Описаніе этого мазара, не вполнѣ удачное, имѣется въ трудѣ В. В. Бартольда: «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію. 1893—1894 гг.», СПБ., 1897.=Зап. Имп. Акад. Наукъ VIII сер., т. I, № 4, стр. 65 и слѣд. Ср. Зап. Вост. Отд. XV, стр. 0132 и XVI, стр. XIV. О несторіанскихъ камняхъ см. статьи П. К. Коковцова въ «Зап. Вост. Отд.», т. XVI, стр. 0190—0200 и въ «Изв. Акад. Наукъ», 1907, стр. 427—458. Вл. К.).

2) Всѣ эти пункты находятся теперь въ русскихъ предѣлахъ.

Таранчи собрали всѣхъ своихъ солдатъ и напали на русскихъ, но были оттѣснены. Таранчи въ ту же ночь устроили совѣщаніе, при чемъ было рѣшено выбрать изъ своей среды 500 удалыхъ таранчей, которые бы сражались до смерти, не отступая. Эти таранчи должны были надѣть для отличія на головы бѣлыя чалмы, въ ту же ночь обойти кругомъ русскій лагерь и напасть на него съ противоположной стороны, тогда какъ главныя силы таранчей напали бы на русскихъ съ этой стороны.

Какъ только настала глубокая ночь, 500 пѣшихъ таранчей, рѣшившихся умереть въ сраженіи, пошли впередъ; за ними пошла прямо на русскій лагерь главная масса таранчей [1]).

Когда ушедшіе впередъ пѣшіе таранчи подошли близко къ русскому лагерю, то тамъ не было слышно ни звука. Но таранчи, замѣтивъ, что русскіе, съ ружьями въ рукахъ, приготовились (ихъ встрѣтить), не рѣшились войдти въ русскій лагерь и стали отступать въ свой лагерь. Возвращаясь, они столкнулись съ главнымъ отрядомъ таранчей, при чемъ обѣ толпы таранчей, принявъ другъ друга за русскихъ, сразились между собою. Но потомъ глупые таранчи узнали по голосу другъ друга и, глядя на небо, начали вздыхать.

Я, авторъ этой книги, хорошо знаю все это потому, что въ рядахъ таранчинскаго войска былъ мой старшій братъ, отъ котораго я и слышалъ вышеизложенное.

Русскіе солдаты послѣ этого двинулись и находились уже недалеко отъ Кальджата, какъ вдругъ въ одну ночь они ушли обратно. А почему они такъ сдѣлали, я не знаю. Таранчи, думая, что русскіе, быть можетъ, возвратятся, стали лагеремъ.

Но вслѣдъ за этимъ Колпаковскій, прибавивъ къ пѣхотѣ тысячу кавалеристовъ, самъ вмѣстѣ съ пѣхотою, кавалеріею и артиллерійскимъ отрядомъ, съ пушками на лафетахъ, прибылъ къ Хоргосу [2]), что къ сѣверу отъ р. Или, гдѣ и остановился лагеремъ (на ночевку). На другой день, накормивши солдатъ, Колпаковскій пошелъ по направленію къ г. Кульджѣ. Таранчи выступили русскимъ навстрѣчу съ цѣлію сразиться. Но какъ только они подошли, русскіе открыли огонь изъ большихъ орудій, и таранчи, не будучи въ состояніи держаться, бѣжали вплоть до Цинъ-шуй-хэ.

1) Конный отрядъ.

2) Тутъ была разрушенная мусульманами китайская крѣпость Гунъ-чэнь-чэнъ, называемая мусульманами, калмыками и маньчжурами Хоргосъ. Теперь эта крѣпость возстановлена. У ея стѣнъ находится базаръ и живутъ таранчи, а по базару идетъ дорога изъ г. Джаркента въ гг. Суйдинъ и Кульджу. Крѣпость нынѣ называется китайцами по старому — Гунъ-чэнь-чэнъ, а по народному — Чэнъ-пань-цза.

Русскіе солдаты, придя туда же, остановились лагеремъ (на ночевку). На слѣдующій день русское войско пошло къ г. Суйдину по большой дорогѣ. Таранчи, собравъ своихъ бѣжавшихъ солдатъ, еще разъ попытались остановить русскихъ, но такъ какъ послѣдніе (снова) стали стрѣлять изъ большихъ пушекъ, то таранчи безъ остановокъ бѣжали въ г. Кульджу. И болѣе сраженій не происходило.

Когда русскіе въ тотъ же день пришли въ г. Суйдинъ, то дунгане заперли ворота крѣпости и, взойдя на ея стѣны, начали смотрѣть. Но русскій отрядъ, приблизившись къ стѣнамъ крѣпости, сталъ стрѣлять въ нее изъ крупныхъ орудій, а солдаты храбро взобрались на стѣны и сражаясь заставили дунганъ, находившихся на стѣнахъ, отступить, послѣ чего отворили ворота крѣпости. Тогда Колпаковскій со всѣми солдатами вступилъ въ городъ и усмирилъ его жителей; попусту никого не убивали. И хотя Колпаковскій послѣ этого далъ своимъ солдатамъ два дня отдыха и (праздно) сидѣлъ въ г. Суйдинѣ, но таранчи не приходили сражаться съ русскими. Затѣмъ русскіе пошли по направленію къ г. Кульджѣ. Въ тотъ же день султанъ собралъ всѣхъ большихъ и малыхъ бэковъ и ахуновъ для рѣшенія вопроса о томъ, какъ быть. Всѣ бэки и ахуны сказали: «Сражаться (съ русскими) нельзя, а лучше покориться. Русскихъ солдатъ хотя и немного, но они чрезвычайно сильны и несомнѣнно истребятъ насъ, если мы будемъ сражаться».

Султанъ подчинился единогласному рѣшенію всѣхъ. Собравъ большихъ и малыхъ бэковъ и ахуновъ, вмѣстѣ съ сибинскимъ ухэридой Карман-гой, султанъ выѣхалъ изъ Кульджи и, перейдя рѣчку Сахэцзы, сталъ въ сторонѣ отъ дороги на колѣни и (такъ) встрѣтилъ Колпаковскаго. Послѣдній, увидѣвъ сибинскаго ухэриду, обнялъ его, и ухэрида произнесъ слѣдующую рѣчь: «Такъ какъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ облака и туманъ скрывали (отъ меня солнце), то я, цзангинъ[1]), думалъ, что болѣе уже не увижу неба и солнца. Но вотъ сегодня я увидѣлъ великаго губернатора, и по истинѣ туманъ и облака разсѣялись, и я снова увидѣлъ небесный свѣтъ».

(Говоря такъ), ухэрида расплакался. Тогда Колпаковскій сказалъ: «Не плачьте... Теперь русскіе состоятъ въ дружбѣ съ китайцами, и я пришелъ сюда со своими солдатами, чтобы помочь вашимъ сородичамъ. Отнынѣ большого горя не будетъ».

Колпаковскій, увидя на шапкѣ ухэриды Карманги шарикъ изъ драгоцѣннаго камня, спросилъ: «Вѣдь по закону маньчжурскіе чиновники не

---

1) Здѣсь ухэрида называетъ себя цзангиномъ (младшимъ офицеромъ) изъ униженія.

носятъ на шапкѣ шариковъ изъ драгоцѣннаго камня (еримбу). Почему же ухэрида имѣетъ такой шарикъ»?

Ухэрида на это отвѣтилъ: «Этотъ шарикъ мнѣ пожаловалъ таранчинскій султанъ». Тогда губернаторъ приказалъ назначить на службу прежнихъ чиновниковъ, бывшихъ при цзянъ-цзюнѣ, отрѣшить отъ должностей всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ султаномъ, и снять пожалованные имъ шарики. Въ то время (дѣйствительно) имѣлись старые чиновники, которые были отрѣшены отъ должностей вслѣдствіе того, что злые люди оклеветали ихъ передъ таранчинскими бэками.

Когда Колпаковскій сдѣлалъ изложенное распоряженіе, то сибинскій ухэрида, возвратившись къ себѣ домой къ югу отъ рѣки, немедленно отрѣшилъ отъ должностей чиновниковъ, поставленныхъ султаномъ, и возстановилъ въ должностяхъ прежнихъ чиновниковъ. Всѣ сибинцы, старые и малые, сильно радовались этому. О послѣдующихъ событіяхъ пока говорить не буду.

Въ тотъ же день[1]) Колпаковскій, посадивъ въ свой экипажъ сибинскаго ухэриду Кармангу, отправился въ г. Кульджу. Экипажъ Колпаковскаго охраняли русскіе, при чемъ не подпускали близко къ каретѣ ни таранчинскаго султана, ни бэковъ, отчего таранчи вознегодовали на сибинцевъ, говоря, что «русскіе пришли въ Или ради нихъ».

Съ этого времени Илійскій край перешелъ во владѣніе русскихъ.

О вышеизложенномъ я, авторъ сей книги, слышалъ отъ своего родного дяди, сопровождавшаго въ то время ухэриду въ г. Кульджу.

Старики считали большимъ успѣхомъ то, что китайцы и маньчжуры были побѣждены въ теченіе 2 лѣтъ. Таранчи и дунгане, завладѣвъ Или, собрали въ г. Кульджѣ ружья, пушки и военное снаряженіе, находившееся въ разныхъ городахъ. А когда черезъ шесть лѣтъ пришли русскіе, то они, сражаясь къ югу и къ сѣверу отъ рѣки Или, въ какой-нибудь мѣсяцъ завладѣли Илійскимъ краемъ. Когда подумаешь объ этомъ, то дѣйствительно справедливо говорятъ, что если таранчи и легко завладѣли Илійскимъ краемъ, то потеряли его еще легче.

Въ 7-й лунѣ Колпаковскій далъ денегъ сибинцамъ и приказалъ построить большой ламайскій храмъ къ сѣверу отъ рѣки, что они и сдѣлали.

Потомъ въ 10-й лунѣ уѣздный («уяс») начальникъ произвелъ перепись всѣмъ сибинцамъ. А такъ какъ сибинцы изстари не несли денежныхъ повинностей, то они безъ утайки написали число своихъ людей и сообщили

---

1) То-есть въ тотъ день, въ который султанъ, бэки, ахуны и сибинскій ухэрида Карманга встрѣчали генерала Колпаковскаго около г. Кульджи.

(русскому начальству). Вслѣдъ за тѣмъ русскіе обложили каждаго сибинца, большого и малаго, податью въ 2 монеты серебромъ (40 копѣекъ)[1]). Всѣ сибинцы весьма испугались, потому что они, будучи, подобно не имѣющимъ хозяевъ собакамъ, притѣсняемы таранчами, дошли до крайней степени бѣдности. Далѣе, когда русскіе вошли въ Или, то таранчи и сибинцы не довѣряли другъ другу и (сибинцы) не могли ходить на заработки и находились въ тяжеломъ положеніи. Послѣ прихода русскихъ въ Или, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, русскія деньги еще не распространились повсюду; откуда же поэтому сибинцы могли достать русское серебро? Если привести примѣръ, то вѣдь по истинѣ трудно извлечь сокъ изъ засохшаго во время засухи дерева — хотя бы оно (затѣмъ) и получило (влагу въ видѣ) дождя или росы, — до тѣхъ поръ пока не выростутъ вѣтви и листья.

Когда сибинскіе чиновники, собирая съ бѣдныхъ сибинцевъ подать серебромъ, стали ихъ сильно прижимать, то было много случаевъ, когда сибинцы, бросивъ своихъ женъ и дѣтей, бѣжали изъ своихъ домовъ. Да и всѣ вообще сибинцы въ то время находились въ затруднительномъ положеніи изъ-за платежа подати.

На слѣдующій годъ послѣ прихода русскихъ въ Илійскій край въ немъ былъ сильный голодъ, такъ что сибинцы и таранчи, изъ-за недостатка съѣстныхъ припасовъ, питались кореньями, выкапывая (ихъ изъ земли). Но потомъ сибинцы мало-по-малу оправились и (болѣе) не тяготились внесеніемъ подати.

Солоны въ теченіе 3-хъ лѣтъ со времени прихода русскихъ въ Или не были обложены податью.

* * *

О всѣхъ событіяхъ, изложенныхъ выше, начиная съ 3 года Тунъ-чжи, т. е. со времени возстанія въ Или, и доходя до 10-го года Тунъ-чжи, т. е. до времени прихода русскихъ въ этотъ край, я слышалъ отъ стариковъ-очевидцевъ и по памяти написалъ эту книгу, въ которой нѣтъ лжи. А почему? Коль скоро я не могъ тщательно написать всю правду, то откуда у меня могъ взяться досугъ для сообщенія лживыхъ свѣдѣній? А такъ какъ изложенныя событія протекли передъ моими глазами, то если

---

1) По словамъ Н. Н. Пантусова («Свѣдѣнія о Кульджинскомъ раіонѣ за 1871—1877 г.», Казань, 1881), сибо были обложены податью въ 3 рубля съ семьи. Всего сибинцевъ насчитывалось въ 1877 г. 18,321 душа (9305 мужчинъ и 9016 женщинъ). Вл. К.

не думать о нихъ, то лучше. А какъ только подумаешь, сердце немедленно наполняется скорбью.

Въ этой книжкѣ содержится очень много печали и несчастія; горестнымъ воспоминаніямъ нѣтъ и конца [1]).

---

1) Уже послѣ того какъ настоящая статья была набрана, мнѣ изъ бесѣды съ нашимъ консуломъ въ Урумчи Н. Н. Кротковымъ удалось выяснить нѣкоторыя дополнительныя подробности о происхожденіи «Воспоминаній» сибинца. Оказывается, что еще до прибытія г. Дьякова въ Кульджу этотъ сибинецъ написалъ свои воспоминанія для Н. Н. Кроткова по его просьбѣ, такъ что настоящая статья представляетъ собою переводъ позднѣйшей редакціи этихъ воспоминаній. Любезно произведенное Н. Н. Кротковымъ сличеніе этого перевода съ имѣющимся у него маньчжурскимъ текстомъ показало, что сибинецъ допустилъ значительныя отступленія отъ своего первоначальнаго разсказа. Съ одной стороны, имъ опущены многія характерныя подробности объ описываемыхъ имъ событіяхъ, а, съ другой, сдѣланы нѣкоторыя дополненія, при чемъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что дополненія эти касаются, между прочимъ, и такихъ цифровыхъ данныхъ, датъ и т. п., о которыхъ сибинецъ ранѣе откровенно заявлялъ, что ихъ не помнитъ. Н. Н. Кротковъ предполагаетъ использовать въ ближайшемъ будущемъ первоначальный текстъ разсказа сибинца, а равно другіе собранные имъ за время пребыванія въ Кульджѣ матеріалы для освѣщенія новѣйшей исторіи Илійскаго края. Вл. К.